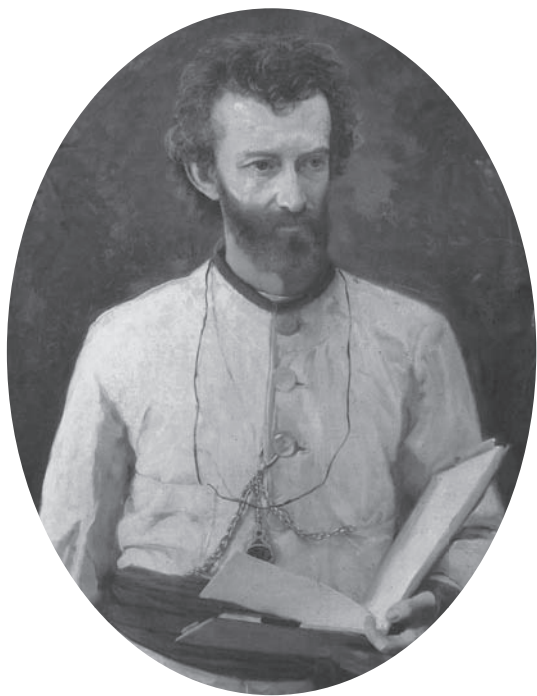

*«Единственная цель моей жизни —
польза и успех науки и благо человечества».*

Н. Миклухо-Маклай

РОССИЙСКИЙ
ФОНД КУЛЬТУРЫ

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ
И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ФОНД СОХРАНЕНИЯ
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ИМ. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Н. Н. Миклухо-Маклай

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ШЕСТИ ТОМАХ ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

исправленное и дополненное

Ответственные редакторы:

Д. Д. Тумаркин, Н. Н. Миклухо-Маклай-младший

Научный консультант И. В. Чининов

Рецензенты: А. В. Антошин, О. Ю. Артемова,

С. Е. Пале, Е. В. Рудникова

Редакционная коллегия 1-го издания:

Д. Д. Тумаркин (председатель), академик В. П. Алексеев,

А. Ф. Алимов, Н. А. Бутинов, А. Г. Воронов,

Робертсон Маклай, Б. Н. Путилов (зам. председателя),

Я. И. Старобогатов, В. А. Тишков, академик А. Ф. Трешников

Санкт-Петербург
2020

Н. Н. Миклухо-Маклай

СТАТЬИ
И МАТЕРИАЛЫ

по антропологии
и этнографии народов
Океании

ТОМ
—
3
—

УДК 391/395
ББК 63.5
М 59

Том 3 1-го издания подготовлен проблемной группой по изучению и публикации научного наследия Н. Н. Миклухо-Маклая, созданной в Институте этнологии и антропологии РАН (руководитель — Д. Д. Тумаркин). Переводы с иностранных языков сверены, исправлены и отчасти выполнены заново А. Н. Анфертьевым и Д. Д. Тумаркиным. Тексты по Новой Гвинее подготовлены А. Н. Анфертьевым, Б. Н. Путиловым и Д. Д. Тумаркиным, по Меланезии и Микронезии — А. Н. Анфертьевым, В. И. Беликовым, М. В. Станюкович и Д. Д. Тумаркиным, разделов «Разнос» — Б. Н. Путиловым и А. Н. Анфертьевым («Гончарство...») и «Приложения» — А. Н. Анфертьевым. Этим же сотрудникам принадлежит большинство комментариев. В составлении комментариев участвовали также Е. А. Барышева, М. М. Громыко, Н. З. Климова, А. Г. Козинцев, А. К. Оглоблин. Иллюстрации подобраны Т. К. Шафрановской.

Составители:

А. Н. Анфертьев, Б. Н. Путилов, М. В. Станюкович, Д. Д. Тумаркин

Ответственный редактор *Д. Д. Тумаркин*

*Издано в рамках программной деятельности
ООГО «Российский фонд культуры» совместно
с Фондом сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая*

*Утверждено к печати
Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук*

Миклухо-Маклай Н. Н. Собрание сочинений: В 6 т. 2-е изд., испр. и доп. — Том 3. — СПб., 2020. — 464 с.

ISBN 978-5-4211-0262-5

В третьем томе Собрания сочинений выдающегося русского путешественника и исследователя Н. Н. Миклухо-Маклая публикуются статьи и материалы по антропологии, этнографии и смежным наукам, касающиеся Новой Гвинеи и других островов Океании. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкие круги читателей, интересующихся историей отечественной науки, яркой и самобытной культурой народов Океании.

ISBN 978-5-4211-0262-5 (т. 3)

ISBN 978-5-4211-0259-5

DOI 10.33876-978-5-4211-0262-5-1-464 (т. 3)

DOI 10.33876-978-5-4211-0259-1-6

© Составление, подготовка текста, комм.
А. Н. Анфертьева, Б. Н. Путилова,
М. В. Станюкович, Д. Д. Тумаркина,
1993

© Фонд сохранения этнокультурного на-
следия им. Миклухо-Маклая, 2020

НОВАЯ ГВИНЕЯ

Почему я выбрал Новую Гвинею полем моих исследований

не кажется, что мне следует прежде всего сказать, *поэтому* я избрал о. Новую Гвинею целью моего путешествия и моих исследований. Читая описания путешествий, почти что во всех я находил очень недостаточными описания туземцев в их первобытном состоянии, т. е. в состоянии, в котором люди

низших рас жили и живут *до* более близкого столкновения с белыми или расами с уже определенной цивилизацией (как индусская, китайская, арабская и т. п.). Путешественники или оставались среди этих туземцев слишком короткое время, чтобы познакомиться с их образом жизни, обычаями, уровнем их умственного развития и т. д., или же главным образом занимались собиранием коллекций, наблюдением других животных, а на людей обращали совершенно второстепенное внимание. С другой стороны еще такое пренебрежение ознакомления с первобытными расами мне казалось достойным положительного сожаления вследствие обстоятельства, что расы эти, как известно, при столкновении с европейскою цивилизацией с каждым годом исчезают.

Времени, по моему мнению, не следовало упускать, и цель — *исследование первобытных народов* — мне казалась достойною посвятить ей несколько лет жизни. Совершенно согласно с моими желаниями повидать другие части света и знания мои подходящи для такого предприятия. Занятия анатомиею человека и медициною могли значительно облегчить антропологические работы, которыми я думал заняться.

Но где найти эти первобытные племена людей вне влияния других, поднявшихся на сравнительно высшую степень цивилизации?

Между многочисленными островами Тихого океана острова Меланезии менее известны, чем остальные, хотя и представляют большой

научный интерес, и между последними Новая Гвинея по своей величине* и по своей неизвестности играет первую роль**.

Несмотря на то, что она открыта уже более 300 лет тому назад***, только некоторые ⟨из⟩ берегов местности известны европейцам ⟨благодаря⟩ посещению мореплавателями разных национальностей****.

Внутренность острова и ее естественные произведения остаются еще не исследованными.

* Величина Новой Гвинеи еще в точности не определена. Господствуют два мнения: одно предполагает ее равною 10 800 кв. миль, другое — 13 000¹. Мы получим лучшее представление о ее величине, сравнивая ее с расстояниями в Европе: длина Новой Гвинеи равняется приблизительно расстоянию от Гибралтара до Амстердама и большая ширина — ширине Пиренейского полуострова от Валенсии до Лиссабона (или от Парижа до Триеста)² (см.: *Finsch O. Neu-Guinea und seine Bewohner*. Bremen, 1865. S. 12). В «*Petermann's Geographische Mitteilungen*» (1869. Taf. 20) находится карта Новой Гвинеи (и) карта западной части Европы в том же масштабе для сравнения: по ней Новая Гвинея соответствует приблизительно Австрии.

** Д. Б. Юкс³ (*Jukes J. B. Narrative of the Surveying Voyage of H.M.S. «Fly». 1842—1846. London, 1847. Vol. 1. P. 29*) говорит о Новой Гвинее, что не знает части света, исследование которой так льстит воображению, вероятно, так богата интересными результатами для натуралиста, этнолога, географа и для всех вместе, которое, по всей вероятности, так вознаградит просвещенное любопытство смелого исследователя, как внутри Новой Гвинеи. Далее он восклицает, что теперешние сообщения делают внутренность Новой Гвинеи подобной волшебным странам арабских сказок, так покрыты темнотой она и чудеса, которые в ней сокрыты.

А. Р. Валлас говорит про Новую Гвинею, что ни одна страна земного шара не представляет таких своеобразных, новых и красивых произведений природы, как Новая Гвинея (*Wallace A. R. Der Malayische Archipel. Deutsche Ausgabe von Meyer. Braunschweig, 1869. Bd. 2, S. 293*), и далее ⟨он называет⟩ Новую Гвинею самую большую terra incognita, которую остается исследовать естествоиспытателям.

*** Новая Гвинея открыта, вероятно (сведения не вполне достоверны), португальцем де Менезесом между 1526 г. ⟨в рукописи затеркнуто: — 28⟩. Имя же «Новая Гвинея» было дано Торресом-и-Ортез де Редом в 1545 г., во 2-е их плавание, вследствие «темного и курчавоволосого населения», которое они нашли схожим с африканскими неграми. У Бэра (*Baer K. von. Ueber Papua und Alfuren // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg. Sixième série. Sciences Naturelles. 1859. T. 8. S. 275; также отд. перепечат.*) сказано, что Менезес, должно быть, был на острове западнее Новой Гвинеи, а что испанский мореплаватель Alvar de Saavedra открыл северный берег Новой Гвинеи и он же, судя по некоторым испанским источникам (Hevera), назвал вследствие курчавоволосости жителей Новой Гвинеею⁴.

**** Перечень мореплавателей и ученых, посетивших берега Новой Гвинеи, дает на первых страницах Finsch в вышеприведенном сочинении. Здесь да будет достаточно заметить, что самую большую заслугу по исследованию северо-восточного, северного и западного берегов Новой Гвинеи имеют голландские мореплаватели, между тем как южный берег описан англичанами. Восточный берег определил Дампьер (открывший мыс Короля Вильяма) и просмотрел Дюмонд-Дюрвиль⁵, открывший два значительных залива — Astrolab и Гумбольта.

Научное путешествие Валласа⁶, уяснившее нам распространение фаун в Малайском архипелаге и дозволившее «сделать» интересные выводы, относящиеся к геологической истории нашей планеты, хотя имело границею Новую Гвинею, пролило и на фауну этой последней некоторый свет.

По мнению Валласа, фауна Новой Гвинеи принадлежит к австралийской, но будучи малоизвестной, не позволяет еще окончательного приговора.

Представляя совершенно относительно другие условия жизни, будучи страной преимущественно гористою, покрытою лесом, имея климат более жаркий и сырой, Новая Гвинея, несмотря на сродство фаун, вероятно, представляет также значительные отличия, дающие предполагать, что она единственная страна земного шара, в которой могут скрываться органические формы, вполне для нас новые⁷.

Новая Гвинея по своему положению составляет центральное звено при исследовании органической природы Полинезии и могущее дополнить наши сведения касательно проблематического материка, так наз. Lemuria⁸.

Но не в одном зоологическом отношении Новая Гвинея представляет такое большое поле исследования. Она представляет также важное антропологическое и этнографическое значение, будучи населена малоисследованной расой папуасов, которой положение в ряду других почти не уяснено*.

Более изолированные и менее подверженные примеси с другими племенами, жители Новой Гвинеи могут предст[авить] исходную группу для сравнения с разбросанными темными жителями Малайского и Меланезийского архипелагов. Она сама представляет не одно, а по всей вероятности, много различных племен.

Это были соображения, побудившие меня при обдумывании плана предпринимаемого путешествия на острова Тихого океана избрать исходной станцией моего путешествия Новую Гвинею. Между многими выше изложенными вопросами я избрал в этнологическом отношении следующие две задачи, которые, как мне кажется, следует решить перед другими, потому что они представляют больший общенаучный интерес, именно: во-первых, уяснить антропологическое отношение папуасов к другим расам вообще, которое еще почти что не определено; и во-вторых, по возможности и по собственным наблюдениям определить распространение этой расы по отношению с другими племенами Тихого океана, будучи того мнения, что этим этнология племен,

* Waitz *Th. Anthropologie; der Naturvölker*. T. V. Leipzig, 1865. S. 1.

населяющих острова Тихого океана, значительно уяснится, так как она представляет еще много спорного.

Не занимаясь по зоологии систематикой и не имея наклонности к собиранию коллекций, интересных зоологу и географу, задачи Валласа не могли руководить моим путешествием.

Сравнительные же анатомические исследования оставляли мне вполне свободу последующей перемены места исследований, и поэтому я план странствования своего подчинил антропо-этнографическим целям, при которых всегда останется у меня время для специальных анатомических исследований.

Решив это, я без долгих размышлений избрал Новую Гвинею первою станцией путешествия как более трудную во всех отношениях, пока мои силы постепенно не ослабли от друг[их] напряж[ений].

Теперь мне следовало бы сообщить в кратких чертах известное о Новой Гвинее. Но наши познания в этом отношении так кратки и это уже сделано другими, которые тщательно собрали те немногие сведения, которые разбросаны в разных сочинениях о путешествиях. Так, например, Finsch собрал все касающееся Новой Гвинее даже в отдельной книге. Замечу, однако же, для полноты, что в зоологическом отношении Новая Гвинея представляет особенности. В уже несколько раз цитированном сочинении Бэра мы имеем отличную разработку материала касательно той части человеческой породы, которая населяет Новую Гвинею. Материал критически рассмотрен и разобран, и выдвинутый ряд вопросов ожидает новых ответов.

Таким образом, почти вся научная литература о Новой Гвинее подготовлена, и мне остается только отправляться за добытием новых фактов, но пред этим я желал бы показать читателям, как не установилось еще антропологическое положение той расы, которая представ[ляется] мне для исследования.

Не останавливаясь на первых известиях о папуасах и на разнообразных описаниях их, рассмотренных у Бэра, я прямо перехожу к позднейшим суждениям о них, падающим почти в настоящее время, и между другими останавлиюсь на двух, рассматривающих предмет с различных сторон, именно зоолога и лингвиста.

Валлас, пробывший почти 8 лет в частых сношениях с папуасами и малайцами и, как сам выражается, постоянно наблюдал их, очень энергически напирал на различие обоих племен, основываясь не только на их внешности, но и их характере. Причисляя малайцев к народам Азии, он присоединяет папуасов к полинезийцам, которых вместе с жителями Австралии считает за остатки одной общей океанийской расы, населявшей некогда теперь покрытый океаном материк.

Валлас также говорит и об альфуру⁹, отделяя их от папуасов, ставя их ближе к малайцам, но не причисляя их к последним. Он предполагает их, так же, как и малайцев, азиатского происхождения.

Если на все это были бы доказательства, то вопрос об отношении племен имел бы прекрасное решение. Но является еще большая трудность соединить папуасов с полинезийцами, отличными и по языку и по наружности. Меньшее затруднение представляет присоединение австралийцев к папуасам¹⁰.

Тем более Валласу трудно окончательно решать эти вопросы, что он с полинезийцами и австралийцами не знаком по личным наблюдениям, по крайней мере я нигде не нахожу в его книге указани[й] о пребывании в Полинезии или Австралии.

Что же касается до большого различия, на которое указывает (Валлас), малайцев от папуасов, то после Блуменбаха почти все классификаторы человеческих племен постоянно отделяли первых от последних.

БЕРЕГ МАКЛАЯ

Антропологические заметки о папуасах Берега Маклая* на Новой Гвинее**

...Таким образом, является желательным и, можно сказать, необходимым для науки изучить полнее обитателей Новой Гвинии.

(*K. E. von Baer: Ueber Papuas und Alfuren. S. 71*)¹

то мнение совпадало с моим желанием посетить Новую Гвинею и по возможности ознакомиться с ее обитателями. Желание исполнилось, и я провел 15 месяцев на одном из интереснейших берегов Новой Гвинии, в постоянном общении с туземцами, которые вначале приняли меня

очень недоверчиво и враждебно, но в конце концов обращались со мною дружелюбно.

* См.: *Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsche Indië. Deel 33* (см. с. 276 и 452 т. I наст. изд.).

** Эта статья была написана на Новой Гвинее в течение 1872 г. На случай, если бы лихорадка или туземцы сократили мое пребывание там, было условлено с капитаном императорского русского корвета «Витязь», что статья будет упакована в жестяном ящике и зарыта в известном, указанном мною месте.

Время, остающееся до моего второго путешествия на Новую Гвинею, которое я намереваюсь предпринять до конца нынешнего года, не позволяет мне привести более подробностей. Полагаю, однако, этим не вполне утрачивается ценность наблюдений, конечно, неполных, но произведенных на месте. При последующей редакции я только немного дополнил и исправил частности.

Ни один европеец не посетил этого берега до прибытия сюда в сентябре 1871 г. императорского русского корвета «Витязь»*. На мою долю выпало редкое счастье наблюдать население, жившее еще полностью вне сношений с другими народами** и притом на такой стадии развития цивилизации, когда все орудия труда и оружие изготавливаются из камня, кости и дерева. Еще в Европе я избрал для своего будущего пребывания восточное побережье Новой Гвинеи как наименее известное и где папуасская раса сохранилась в наиболее чистом виде. Последнее предположение действительно оправдалось: я не нашел у туземцев никакой примеси чуждой крови; поэтому наблюдения, которые мне удалось сделать над моими соседями, могут иметь ценность при изучении всей папуасской расы. О результатах некоторых из этих наблюдений я хочу здесь вкратце сообщить***.

В цитированной выше статье г. Бэра, находившейся, к счастью, при мне, уже высказаны или намечены важнейшие вопросы, касающиеся антропологии папуасов. Я не преминул ими воспользоваться. Прежде, однако, чем перейти к этим вопросам, мне кажется уместным, для устранения возможных недоразумений, точнее объяснить, с какими людьми я имел дело.

Как сказано, я высадился в заливе Астролябия. Моя хижина была построена на его южном берегу, почти посередине между двумя крайними мысами (м. Дюперре и м. Риньи). Я ознакомился как с жителями побережья залива, так и с обитателями соседних островов у мыса Дюперре****. Люди с о. Кар-Кар (о. Дампир) также являлись к моей

* Дампир прошел на парусах к северу от о-вов Ваг-Ваг (о. Рич) и Кар-Кар (у Дампира Île Brûlante, названный впоследствии также о. Дампир), в значительном отдалении от берега Новой Гвинеи (см.: *Suite du voyage de Guillaume Dampier aux Terres Australes*. Amsterdam, MDCCV. P. 105 и карты на стр. 1). Дюмон-Дюрвиль, который также проходил мимо этого берега и открыл залив Астролябия и бухту Гумбольдта, тоже здесь не высаживался².

У папуасов этого берега я не нашел никаких следов европейских вещей. Если же принять во внимание, как заботливо хранили туземцы все мелочи, подаренные им мною, и как эти вещи путем обмена и подарков способны скоро распространяться, я могу из отсутствия европейских вещей, которых я не застал при моем прибытии, с уверенностью вывести заключение о том, что сношений с европейцами совершенно не было. Ответы туземцев на мои вопросы также подтверждали это заключение.

** Я не нашел у здешних папуасов ни одной вещи, которую бы они не изготовили сами.

*** Подробное описание моего пребывания и моих экскурсий на Новой Гвинее может появиться лишь гораздо позже, так как мое путешествие, вероятно, потребует еще несколько лет.

**** Я назвал эти острова (числом около 30), посещенные мною недавно, Архипелагом Довольных людей. См.: *Naturkundig Tijdschrift*. D. 33. S. 121 (см.: с. 273 и 454 т. 1 наст. изд.).

хижине^{1*}. Я неоднократно посещал папуасов, живущих в горах вокруг залива, до высоты примерно 1500 футов^{2*}, в разбросанных там деревнях, и мог лично убедиться в том, что высокий горный хребет, идущий параллельно берегу и имеющий приблизительную высоту в 6—8 тысяч футов, необитаем. Полнейшее отсутствие тропинок, густота девственного леса и крутизна горного хребта образуют трудно преодолимую преграду для проникновения в глубь страны, о которой туземцы, несмотря на мои частые расспросы, не могли мне дать никаких сведений, так как они сами никогда не переходят через горы. Некоторые долины на юго-западном берегу залива проникают далеко в горы. Жители и этих склонов не упускали случая навестить белого пришельца. Являлись также люди с восточной части горного хребта, с которыми мои соседи незадолго перед этим заключили мир, и возвращались домой довольные, получив от меня подарки.

В общем плотность населения вокруг залива довольно велика*. У меня было широкое поле для наблюдений, которые, однако, значительно затруднялись обилием языков и их различием в ближайших деревнях³.

Об этих многочисленных языках, так же как и о физиономии и климатологии страны, образе жизни и питании папуасов, я подробно сообщу в другом месте; здесь же достаточно сказать, что Берег Маклая гористый и порос густым лесом. Деревни папуасов расположены в тени лесов, и только при работе на плантациях да на рыбной ловле туземцы подвергаются действию солнца. Пища их главным образом растительная; мясо свиней, собак, сумчатых, птиц и пресмыкающихся составляет большую редкость; рыбной ловлей здешние папуасы занимаются тоже мало.

Теперь я перехожу к настоящей задаче этого сообщения, т. е. к рассмотрению свойств кожи, волос, черепа и других телесных особенностей здешних папуасов.

Телосложение. Самый высокий папуас, измеренный мною, был ростом 1,74 м, самый низкий — 1,32 м^{4*}; рост остальных варьировал в этих пределах, причем, однако, лишь немногие приближались к указанному максимуму. Женщины в большинстве случаев были значительно ниже мужчин. В общем папуасы хоть и невысоки ростом, но хорошо и

* Я оцениваю население на побережье залива Астролябия и в окружающих горах по крайней мере в 3500—4000 человек; там около 80 деревень и я принимаю за среднее число жителей в селении как минимум 45—50 человек. Это число, вероятно, еще ниже действительного, так как только в самых маленьких деревнях можно было насчитать менее 40 человек, в больших же было и 100, и 150^{3*}.

крепко сложены, что было замечено и ранее другими наблюдателями относительно папуасов, живущих в других местах*.

Кожа. Я никоим образом не могу согласиться с авторами, которые приписывают папуасам некую особенно шершавую кожу**. Не только у детей и женщин, но и у мужчин кожа гладкая и ничем не отличается в этом отношении от кожи европейцев. То обстоятельство, что здесь многие страдают psoriasis'ом и вследствие этого имеют кожу, покрытую сухими чешуйками, не представляет еще расовой особенности; понятно также, что если многие другие смазывают кожу в течение многих лет особым сортом глины, то неудивительно, что она становится у них несколько грубее. Наконец, также ясно, что кожа у людей, постоянно всюду ходящих нагими и подвергающих себя действию солнца и всем переменам погоды, не может быть так же нежна, как кожа людей, защищающих себя платьем. Одним словом, *какую-то особенную шершавость кожи никоим образом нельзя приводить в качестве одного из признаков, отличающих папуасов от остальных людей.*

Цвет кожи. У большинства путешественников приходится встречать упоминание о черном, даже о синева-черном цвете кожи папуасов***. Очень темная окраска кожи действительно свойственна жителям многих меланезийских островов****, *но отличительным признаком всей папуасской расы темный цвет (кожи) считать нельзя.*

Здесь папуасы почти все светло-шоколадного, коричневого цвета; попадаются (особенно между горными жителями) желто-коричневые, не темнее светлых самоанцев, но встречаются и темноокрашенные, как обитатели Новой Ирландии или Дорэ. В общем я нашел, что цвет кожи папуасов варьирует в широких пределах, не меньше, чем у многих других рас⁵.

Возраст оказывает на цвет кожи значительное влияние, что особенно заметно у мужчин. До двадцати лет юноши довольно светлы, пожилые люди гораздо темнее⁶. Однако и здесь можно найти индиви-

* Wallace A. R. Der Malayische Archipel. Bd. 2. Braunschweig, 1869. S. 234.

** Reise der österreichischen Fregatte Novarra um die Erde in den Jahren 1857, 1858, 1859. Anthropologischer Theil. Abth. 3. Ethnographie... bearbeitet von F. Müller. Wien, 1868. S. 14; Finsch O. Neu-Guinea und seine Bewohner. Bremen, 1865. S. 34.

*** «Цвет кожи черновато-коричневый, часто даже иссиня-черноватый» (Reise der österreichischer Fregatte... S. 14; Finsch O. Neu-Guinea... S. 39).

**** Когда я прибыл с Ротумы на Новую Ирландию, меня поразил темный цвет тамошних папуасов в сравнении с полинезийцами; наоборот, на Берегу Маклая мне бросился в глаза светлый цвет кожи у жителей гор. Туземцы из Дорэ, которых я видел в Тидоре⁴ (человек 60), были в среднем темнее туземцев залива Астролябия. Негритосы Люсона, посещенные мною в апреле 1873 г., были также темнее обитателей гор на Берегу Маклая. Некоторое количество очень светлых папуасов было среди новогребридцев, которых я застал на Таити среди рабочих на плантациях.

дов, как и в Полинезии*, более темных, чем большинство населения. Как мне кажется, их появление следует объяснять не иначе, чем аналогичные случаи появления брюнетов и блондинов у кавказской расы. Я видел также светлее и темнее окрашенных детей у одних и тех же родителей. Отклонение от обычного цвета кожи поддерживается также наследственностью. Браки между темными индивидами случаются здесь часто.

Пигмент распределен по телу неравномерно; некоторые места кажутся немного светлее, чем остальные. Лицо**, ладони, ступни, кожа подмышками, как и места, покрытые браслетами и передником стыдливости, окрашены светлее. У женщин с отвислыми грудями нижние поверхности грудей и места, прикрытые последними, также светлее остальной кожи.

У некоторых папуасов я наблюдал на коже более темные пятна. Цвет этих пятен не отличался значительно от цвета остальной кожи, но контуры их обрисовывались все-таки вполне ясно. Эпидермис на этих местах был так же гладок, как и на остальном теле, и ничто не давало повода предположить, что эти пятна, занимающие часто большие участки кожи (иногда половину спины или значительную часть одной из конечностей), связаны с каким-нибудь болезненным процессом.

Цвет рубцов. Маленькие раны оставляют рубцы, которые несколько темнее кожи; например, можно различить по более темной окраске мелкие круглые рубцы (у женщин по обеим сторонам груди, у мужчин — на спине и конечностях), сделанные раскаленным углем. Глубокие раны, встречающиеся у здешних папуасов, нередко имеют следствием ряд почти белых рубцов; я также видел неоднократно на теле папуасов более крупные белые пятна с очень зубчатыми очертаниями.

Волосы. В распределении и свойствах волос думали найти самый характерный признак папуасов***, поэтому я обратил на волосы папуасов особенное внимание. Прежде всего о *распределении волос*. Чтобы составить себе правильное мнение о распределении волос на голове папуасов, я исследовал его как у совсем маленьких (3—6 месяцев) детей, так и на бритых головах более старших (7—13 лет). Мне удалось также несколько раз наблюдать распределение волос на головах взрос-

* Weitz Th. Anthropologie der Naturvölker. Bd. 5. Abth. 2. Leipzig, 1870. S. 26 und f.

** Цвет кожи лица у многих других темноокрашенных племен (например, у полинезийцев, малайцев, мулатов) я находил более светлым, чем на остальном теле, обратное, следовательно, тому, что наблюдается у европейцев. Можно, пожалуй, объяснить эту особенность более частым шелушением эпидермиса более нежной кожи лица.

*** Earl G. W. The Native Races of the Indian Archipelago. Papuans. London, 1853; Baer K. E. von. Ueber Papuas und Alfuren // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg. Sixième série. Sciences Naturelles. 1859. T. 8. S. 65.

лых, когда мне приходилось самому коротко стричь волосы на значительных участках головы (при ранениях головы, которые я должен был лечить). Таким путем я мог получить ясную картину распределения волос на голове папуасов. Групповидного или пучкообразного распределения волос я решительно не заметил. Волосы на голове папуаса *растут совершенно так же, как у европейца и вообще как на человеческом теле*, т. е. отдельные волосы находятся не на равных расстояниях друг от друга (1—3 мм в среднем) и часто по 2, по 3, реже по 4 вместе.

Вначале новые волосы папуасов (на голове у детей или на теле у взрослых), длиной приблизительно в 1,5 мм, прямые, не изогнуты; лишь потом, когда волосы отрастут и окрепнут, они начинают закручиваться. При этом волосы собираются в локоны, закругления которых достигают в поперечнике приблизительно 3—5 мм у детей, а у взрослых 6—10 мм^{5*}.

Каким образом Эрл⁷ пришел к убеждению, что волосы папуасов достигают длины в 1 фут, для меня неясно*. Мне кажется, трудно сказать что-нибудь положительное, достаточно проверенное рядом наблюдений относительно длины, которой может достигнуть волос папуаса, подобно тому, как это трудно сказать относительно длины, какой мог бы достигнуть волос европейца, предоставленный свободному росту**. Папуасы часто бреют свои волосы, смазывают их разными жидкостями, стригут их и т. д. К тому же рост волос у всех человеческих племен представляет значительные индивидуальные колебания. И у папуасов: один имеет массу волос, вдвое превышающих по размерам его голову; другому же приходится покрывать свою жидковолосую или даже лысую голову шкуркой кускуса; один часто обрезает бамбуковым ножом свои «гатесси» (туземное название длинных локонов на затылке), покрывающие у него не только шею, но и плечи и часть спины, а другой, несмотря на все старания, не может отрастить длинных локонов и печально*** говорит о своих волосах: «Гатэ борле, борле» (плохие, плохие волосы).

Папуасы тратят много труда и времени на расчесывание, разделение на отдельные пряди и окраску своих волос. Если не расчесывают волос несколько дней, то последние образуют вьющуюся, взъерошенную массу, из которой торчат отдельные, более длинные пряди, *но никогда волосы не образуют естественным путем обособленных длинных прядей*, как это утверждает Эрл, а за ним и другие авторы. Я много раз наблю-

* Earl G. W. The Native Races. P. 2.

** Нет, кажется, ни одного человеческого племени, у которого бы с детства оставляли волосы свободно расти, не применяли бы бритвы, стрижки, расчесывания, смазывания различными веществами и т. д.

*** Длинные пышные волосы считаются здесь большим украшением мужчины.

дал, как здешние жители старательно отделяют свои «гатессы» одну от другой. Не следует также думать, что эти «гатессы» состоят каждая из одного пучка; они скорее представляют закрученную, продолговатую массу, состоящую отчасти из отмерших и отпавших волос и из втертой глины. Нередко части такого локона висят один за другим на четырех—пяти волосках.

Цвет волос. На детских головах можно видеть, что волосы папуасов от природы матово-черного цвета. В более позднем возрасте у всех туземцев без исключения вследствие втирания различных веществ волосы изменяются в цвете и становятся еще более матовыми. Эту искусственно приобретенную окраску не всегда легко наблюдать, так как волосы почти всегда бывают окрашены у них в красный или черный цвет^{6*}.

Отдельный волос, выделенный из локона, представляет спираль, отличающуюся от всякого другого вьющегося волоса (также и европейца) лишь своими более узкими завитками. Если волосы папуаса предварительно хорошо расчесаны, то кольца их (завитки) оказываются более широкими, и тогда, мне кажется, очень трудно отличить макро- или микроскопически отдельный папуасский волос от вьющегося волоса всякой другой расы⁸. При рассматривании в микроскоп волосы папуасов (мужчин) имеют приблизительно среднюю толщину волос европейца. Многие волосы взрослых папуасов, вымытые в воде*, теряют свой черный цвет, становятся светло-желтыми и представляются под микроскопом вполне прозрачными, как всякий другой волос после обработки щелочами. Причина этого — различные реактивы, которыми папуасы обрабатывают свои волосы (в молодости — золой и известью, в позднейшем возрасте — красной и черной глиной).

Говоря о волосах папуасов, необходимо добавить несколько слов *об уходе за ними и о причёске папуасов*. Первые волосы у детей мягки и прямые; уже в самом раннем младенческом возрасте, когда волосы только что показались, голову натирают черной краской. В возрасте от трех до четырнадцати лет волосы часто бреют или обрезают. Прежде употребляли для обрезания волос бамбуковые ножи, а для бритья — острые осколки кремня или пользовались острыми краями некоторых трав. Вскоре после моего появления (на Берегу Маклая) туземцы ознакомились с режущими свойствами стекла, и теперь они бреют себе волосы осколками стекла, если только могут их добыть. Чтобы сколько-нибудь защитить детей от вшей, волосы на их голове натирают золой и известью, отчего образуется толстая корка. Если снять эту корку, то волосы оказываются бурными или даже светло-желтыми. У детей, особен-

* При промывке папуасского волоса, который перед тем был расчесан и поэтому имел широкие завитки, я всегда замечал, что в воде завитки снова становились узкими.

но у девочек, операцию эту часто повторяют; у мальчиков до обряда обрезания, т. е. до тринадцати—четырнадцати лет, волосам не дают отрасти длиннее 5—6 мм, после же обрезания на волосы и прическу обращается особое внимание. Волосы отращивают более 10 см (редко свыше 14 см), расчесывают по нескольку раз в течение дня большим бамбуковым гребнем с длинными зубцами и натирают их <мякотью> молодых кокосовых орехов, а также различными сортами глины.

Перед большими празднествами и посещением соседних деревень молодые папуасы обыкновенно заняты украшением друг друга. При этом раскрашивается лицо, иногда и спина, расчесываются и красятся волосы. Чтобы краска лучше держалась, сначала натирают волосы наскобленной <мякотью> кокосового ореха (при помощи раковины), потом тщательно причесывают их длинным бамбуковым гребнем, отрезая лишние, торчащие локоны так, чтобы получилась более ровная и пышная прическа. После этой операции больше не видно отдельных локонов, а видна лишь волнистая масса волос, в которой заметны только отдельные волосы, а не отдельные завитки. Далее натирают красной краской (*суру*) или всю голову, или лишь только часть ее вокруг лица, наподобие ленты; в последнем случае красят волосы на затылке в черный цвет. Часть молодежи и все папуасы более зрелого возраста пользуются для окрашивания волос только черной краской (*жуму*).

Потом обвивают вокруг головы одну или две ленточки, изящно сплетенные из тонких полосок листа пандануса, и закрепляют их на затылке посредством приделанных к концам деревянных булавок. Ленточки эти мешают волосам спадать на лоб. Большой бамбуковый гребень, украшенный у молодых людей лишь одним пером, втыкается в волосы спереди. Перо на гребне обрезано так, что при самом легком движении головы или ветерке оно приходит в колебание, что, по-видимому, весьма нравится папуасам. Кроме того, в волосы втыкаются красные цветы *Hibiscus*, а на затылке обыкновенно развевается длинный и узкий, пестро окрашенный лист *Colodrasop*, прикрепленный маленьким бамбуковым гребешком. Это обычная праздничная прическа папуасской молодежи (*маласси*). Прическа более пожилых туземцев (*тамо*) гораздо проще. Они обыкновенно красят волосы в черный цвет, не употребляют ни ленточек, ни цветов, ни листьев и лишь в особо торжественных случаях втыкают в волосы большой веер или султан из перьев. Но зато они отпускают волосы на затылке, которые, будучи разделены на длинные тонкие пряди, образуют вышеописанные «гатесси», спадающие сзади на шею от одного уха до другого. Длинные гатесси считаются у мужчин большой красой. На темени волосы отпускают и расчесывают по-прежнему, гатесси же густо смазывают черной краской, чтобы лучше изолировать их друг от друга.

В обычные дни пожилые мужчины не носят в волосах ничего, кроме гребня; молодые — лишь несколько цветов и листьев. Вообще волосы приходится красить не особенно часто, так как краска — вещь дорогая, и волосы поэтому имеют часто красно-бурый оттенок.

Женщины и девушки почти вовсе не тратят труда и времени на украшение волос и лишь в редких случаях получают от своих мужей или братьев немного черной или красной краски. По большей части они коротко обрезают свои волосы и бреют их.

Горные жители ухаживают за своими волосами не так старательно, как мои соседи, живущие на побережье. Однако в торжественных случаях их прическа похожа на прически последних^{7*}. Жители Самбуль- и Сегуана-Мана (горные деревни) привязывают к отдельным локонам различные мелкие предметы, как, например, красиво окрашенные перышки, раковинки, блестящих жуков и т. д. Такой же обычай я наблюдал у жителей Новой Ирландии (Порт-Праслин).

Седина скрадывается краской; к тому же папуасы, кажется, не достигают преклонного возраста⁹, так что седые волосы редко можно встретить. Если в бороде появляются кое-где седые волосы, их старательно выдергивают. *Лысых* я встретил среди многих сотен папуасов только четырех. Зато редкие или жидкие волосы встречаются у стариков довольно часто.

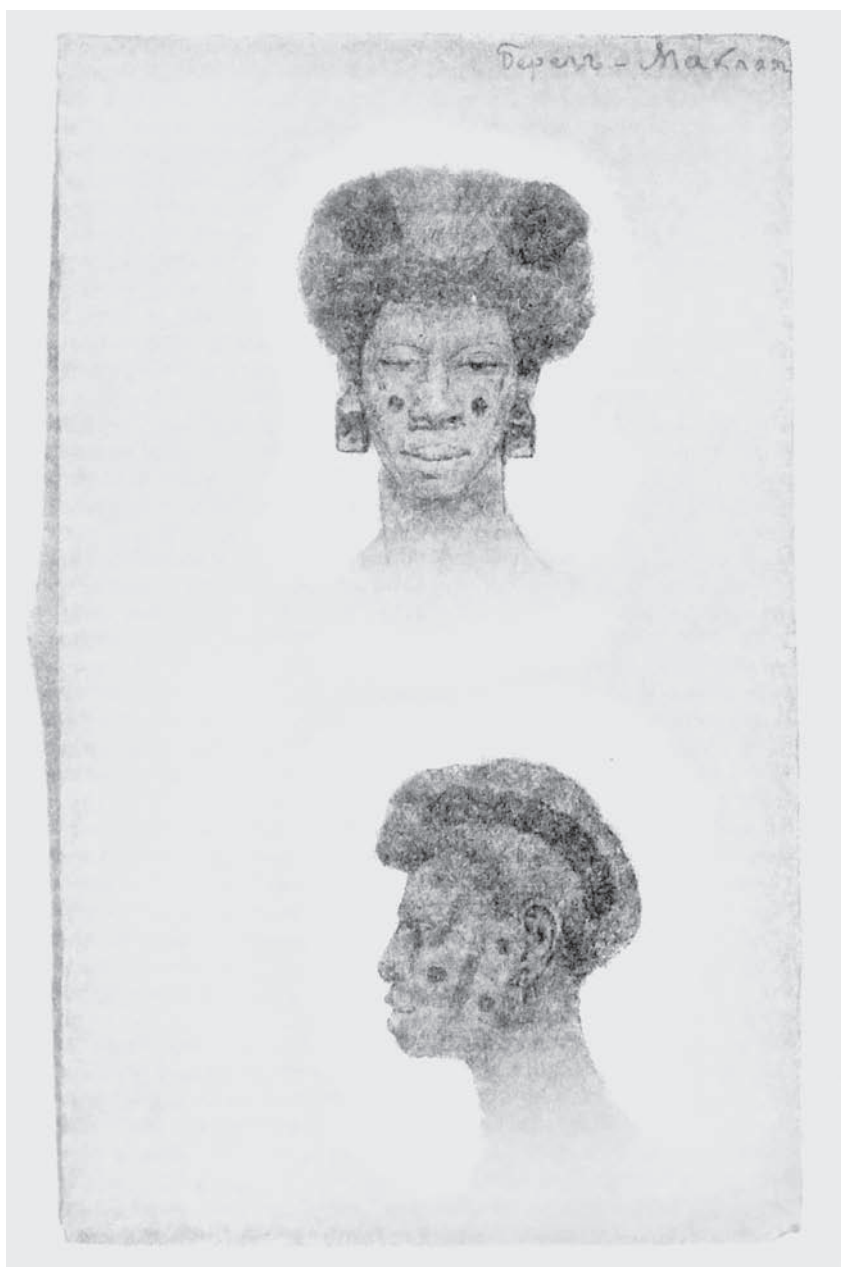
Брови у папуасов в большинстве случаев сбиваются; если же они не сбриты, то обычно бывают очень густые; они поразительно широки и часто соединяются на переносье.

Ресницы, особенно у молодых людей, достигают значительной длины и обыкновенно красиво изогнуты вверх.

Бороду молодые люди бреют или выщипывают^{8*}. Старшие отпускают бороду, которая становится густой и обильной, но не достигает особенной длины, так как ее часто обрезают и даже бреют. Как и в Полинезии, бороду здесь носят не особенно охотно, считая ее признаком старости. Волосы бороды у папуасов (как и у кавказской расы) гораздо толще, чем на голове, поэтому и завитки их значительно шире.

Волосы на теле. Как и на голове, волосы на теле папуасов растут вовсе не группами или пучками, как это утверждают некоторые наблюдатели*. Быть может, поводом к такому ложному представлению послужило то обстоятельство, что у пожилых индивидов волосы на тех местах, где они бывают длиннее (на груди, на внутренней поверхности бедер и т. д.), собираются в небольшие пучочки или завитки. Достаточно, однако, более внимательного осмотра тела любого папуаса,

* *Jukes J. B. Narrative of the Surveying Voyage of H.M.S. «Fly». 1842—1846. V. 2. London, 1847.*

Образец прически и раскраски лица папуаса Берега Маклая

чтобы убедиться, что волосы растут не пучкообразно и что их корни распределены не группами.

Скудный или более обильный рост волос на теле подвержен у папуасов подобным же индивидуальным колебаниям, как и у других племен. Вообще же обволошенность тела у здешних туземцев, по видимому, меньше, чем у европейцев; некоторые же части тела представляются, наоборот, более волосатыми, чем у кавказской расы. Так, например, у папуасов часто можно встретить довольно густые и длинные волосы на спине, начиная от затылка. Эти волосы следуют вдоль позвоночника, причем <их полоса> постепенно суживается книзу; я видел также у некоторых папуасов, что все ягодичы их покрыты обильными волосами. Наоборот, на тыльной стороне рук, где у европейцев нередко можно видеть довольно длинные волосы, я не встречал их у папуасов вовсе.

У индивидов, страдающих psoriasis'ом (по-туземному «массо»), я видел только скудную растительность на теле, а у некоторых не было и вовсе волос на теле. Вообще относительно волос на теле, а равно и растущих подмышками и на половых частях, можно заметить, что все они много толще волос на голове; при этом волосы подмышками и на половых частях образуют гораздо более широкие завитки, чем волосы на голове.

Череп. Малое число несомненно подлинных папуасских черепов, находящихся в европейских музеях, побудило меня старательно их собирать здесь; но, несмотря на все усилия, мне удалось добыть всего 10 штук. Погребальные обычаи папуасов были благоприятны для моей цели, но позже они оказались причиной того, что мне могли достать лишь немногие черепа. После пребывания трупа около года в земле его выкапывают родственники, по крайней мере голову; нижнюю челюсть тщательно отделяют от черепа, очищают и сохраняют, череп же, наоборот, бросают в каком-нибудь углу деревни в кусты*. Эти черепа, подвергаясь действию погоды и разным случайностям, могут сохраняться лишь немногие годы; поэтому в каждой деревне можно найти только черепа людей, недавно умерших.

Однако весьма трудно добыть череп с нижней челюстью: последняя, как уже сказано, заботливо сохраняется родственниками умершего. Щедрые подарки редко побеждают нежелание папуасов отдать челюсть умершего родственника, хотя они охотно отдают череп за

* Я получил однажды в одной деревне (Гумбу) менее чем в 10 минут 5 черепов, которые мне собрали ребяташки за несколько кусков табаку и лоскутков ситца в разных закоулках деревни позади хижин. Я сам часто находил вблизи папуасских деревень человеческие кости, валявшиеся на земле, в кустах, вместе с костями свиней и собак; они, очевидно, были выброшены самими папуасами вместе с другими костями.

пустую бутылку. С большим трудом я мог достать 2 черепа с нижней челюстью.

До сих пор я не имел возможности обработать свой краниологический материал, который я сохраняю до более подробного изучения. Пока я ограничусь только сообщением некоторых беглых наблюдений.

Череп папуасов Берега Маклая долихоцефальный (указатель ширины в среднем 77), высокий (указатель высоты в среднем 72); при рассматривании сбоку (в профиль) верхний контур его представляется весьма выпуклым. При рассматривании черепа спереди или сзади он кажется крышеобразным; вдоль его, через макушку, идет явственное гребневидное утолщение, что, впрочем, было отмечено и относительно других папуасских черепов*. Лоб с боков сильно сдавлен, и скуловые кости сильно выдаются в стороны. Надбровные дуги часто бывают сильно развиты. Затылок широкий и плоский**. Верхняя челюсть значительно развита и довольно prognath, так что верхний ряд зубов выдается над нижним. Нижняя челюсть спереди узка, с выступающими вперед углами. Положение нижнего ряда зубов по большей части менее prognath, чем верхнего.

Физиономия. Немного покатый, невысокий и узкий лоб, приплюснутый широкий нос***, часто с большими ноздрями, широкий, выдающийся вперед рот с выпяченной верхней губой^{9*}, уходящий назад подбородок и, наконец, выдающиеся в стороны скулы, резко контрастирующие в височной области с узким подбородком, — вот прилитоительно господствующий тип здешних папуасов.

Но не все лица можно подвести под эту схему. Попадаются и прямые и не особенно плоские носы, даже большие, выпуклые; губы также не у всех толстые и выпяченные, встречаются и узкие, причем иногда и подбородок не отступает заметно назад.

Описание человеческого типа выходит весьма различным, смотря по тому, имеются ли в виду лица более молодых или старых людей. Менее развитая мускулатура, большая толщина жирового слоя, более гладкая кожа значительно изменяют очертания лица^{10*}. В предыдущем описании я имел в виду главным образом лица мужчин в возрасте приблизительно

* Baer K. E. von. Ueber Papuas und Alfuren. S. 64.

** Череп младенцев и детей раннего возраста значительно отличается от черепа взрослых; затылок у них сильно выдается, что у взрослых не так бросается в глаза. Искусственной деформации черепа, как мне положительно известно, у папуасов Берега Маклая не практикуется.

*** Уоллес (Wallace A. R. Der Malayische Archipel. Bd. 2. S. 412, 415 и др.) говорит часто о «большом папуасском носе». Таковой, может быть, характерен для некоторых папуасских племен, но здесь я встречал его только в виде исключения, у двух-трех индивидов¹⁰.

от 30 до 35 лет. У молодых папуасов лоб обыкновенно более выпуклый и глаза лежат не так глубоко. Глаза вообще большие, с черной или карей радужной оболочкой и матово-белой роговицей, которая у более пожилых имеет желтоватый оттенок^{11*}. Среди мальчиков нередко встречаются миловидные и приятные лица*. Среди взрослых мне лишь крайне редко попадались физиономии, о которых можно было бы сказать то же самое. Дети и женщины гораздо ближе по типу к африканским неграм, чем мужчины¹². Вообще я нигде не встречал такого несходства между лицами детей и взрослых, как здесь, на Новой Гвинее. Физиономии некоторых жителей горной деревни Теньгум-Мана поразили меня своей некрасивостью: с узким и покатым лбом и широким толстым носом соединялся у них рот, имеющий при самом спокойном выражении лица не менее 75—80 мм в ширину; но в той же деревне оказались и люди с почти красивыми (на взгляд европейца) лицами.

Папуасы Берега Маклая прокалывают себе носовую перегородку. Эта операция производится над детьми в возрасте трех—четырёх лет. Она несколько изменяет форму носа, так как носовая перегородка немного отвисает. Отверстие имеет в ширину около 5 мм. В носу редко носят тяжелые и толстые предметы; мужчины обыкновенно в качестве носового украшения употребляют продолговатый камешек или кусочек раковины. Жители же гор втыкают в нос бамбуковые украшенные узорами палочки длиной в 15—20 см; особенно любят это украшение женщины. У одного племени, живущего к юго-востоку от бухты Астролябия и называемого здешними туземцами «дева», пробуравливают себе крылья носа в их верхней части и носят в отверстиях перья, деревянные палочки и другие украшения**.

Зубы. Верхний ряд зубов выступает над нижним. Зубы у папуасов крепкие, большие и часто ряд их несимметричен. Вследствие преобладания растительной пищи зубы уже очень рано стираются***. Беспременное жевание бетеля является причиной порчи и даже отсутствия зубов у пожилых туземцев^{12*}.

Уши у папуасов мясистые и не слишком оттопыренные; ушная раковина плоска, но довольно широка. Мочка — вытянутая от ношения тяжелых

* Попадались также нередко лица, напоминающие известный портрет у Раффлза (*Raffles T. S. The History of Java. London, 1830. Plate 31*), воспроизведенный К. Э. фон Бэром (*Ueber Papuas und Alfuren. S. 58*), причем физиономии не принадлежали больным субъектам, как это предполагал фон Бэр. Папуасский мальчик Ахмат (из Амбербаки), сопровождающий меня с февраля 1873 г., мог бы служить парой к этому портрету¹¹.

** Этот обычай я наблюдал также в Порт-Праслин у обитателей Новой Ирландии.

*** Уже на 8-м месяце моего пребывания на Новой Гвинее я заметил значительное стирание своих зубов вследствие почти исключительно растительной пищи.

серег и часто разорванная. Девушки продырявливают, кроме мочки, еще верхний край уха^{13*}. Прокалывание производится в ранней молодости посредством шиша *Dioscorea*^{14*}.

Туловище. У папуасов сравнительно тонкая шея. У некоторых грудь мощно развита и плечи широки. Почти у всех мужчин грудная клетка хорошо развита, и лишь немногие могут быть названы узкогрудыми.

Животы у папуасов бывают выпяченными только после обильной пищи; особенно это заметно у детей; у взрослых это наблюдается лишь после пиров, и то в меньшей степени. То обстоятельство, что это состояние преходящее, ясно показывает, насколько эластичны брюшные покровы и, вместе с тем, какое количество пищи может поглощать за раз человек.

Если смотреть на *спину* папуасов в профиль, то можно заметить в области поясницы более значительную вогнутость, чем у европейцев. Я многократно убеждался в том, что кривизна позвоночника у папуасов заметно уклоняется от его изгиба у кавказской расы¹⁴.

Ягодицы у мужчин и женщин хорошо развиты, но не чрезмерно, как это утверждалось относительно некоторых других папуасских племен¹⁶. У детей обоего пола ягодицы даже очень плоски и мало мясисты¹⁶.

Конечности. Мускулатура верхних конечностей большей частью хорошо развита, и кисти имеют красивую форму^{17*}. Хотя папуасы при работе различают правую и левую руки и имеют даже особые названия для них, однако они гораздо больше пользуются левой рукой, чем европейцы. Я замечал это очень часто. Они пользуются для многих целей также нижними конечностями и могут поднимать ногой с земли

Носы папуасов с проколотой
носовой перегородкой

* И этот вопрос, как многие другие, должен быть предоставлен более точному анатомическому исследованию на секционном столе^{15*}.

** Например, это было замечено голландской экспедицией у папуасских женщин пролива Принцессы Марианны (см. *Finsch O. Neu-Guinea*. S. 51).

очень мелкие предметы. При этом они схватывают предмет, не сгибая пальцев ног, а зажимая между большим пальцем и остальными, что им обыкновенно хорошо удается*. Я заметил, что у многих папуасов большой палец ноги отступает от остальных на 2—2,5 см; это во многих случаях оказывается им очень полезным, так как дает возможность держать ногой даже крупные предметы. Очевидно, эта особенность приобретенная, так как в большинстве случаев тот же палец на левой ноге не бывает настолько отодвинут от прочих пальцев. Величина обеих ступней нередко тоже неодинакова, что, вероятно, следует приписать большому употреблению одной ноги сравнительно с другой.

Ногти на ногах и руках очень тверды и толсты, а так как средняя часть их еще толще и крепче, то встречаются когтеобразные ногти на руках и ногах, обязанные своей формой тому, что боковые, более мягкие части их легко отламываются.

Хотя и встречаются папуасы с малым развитием икр, но у большинства икры развиты удовлетворительно, только расположены несколько высоко**.

Половые органы. Что касается наружных половых органов у мужчин, то я не заметил ничего особенного, кроме сравнительно малой длины penis'a. Очень плотно (даже у мальчиков) прилегающие мали (пояса стыдливости), вероятно, служат причиной частых заболеваний этих органов (особенно воспалений яичек).

Мальчики в возрасте 13—15 лет подвергаются обрезанию***. Производится оно острым осколком кремня, которым надрезают крайнюю плоть; эта операция оставляет в позднейшем возрасте один или несколько кривых рубцов. Обрезание практикуется у папуасов Берега Маклая большинством береговых жителей и некоторыми жителями гор, но в некоторых деревнях этот обычай отсутствует****, почему жители их презираются остальными.

Туземцы Новой Ирландии (Порт-Праслин) также не знают этого обычая. В 1871 г., когда я их посетил, они ходили еще совершенно нагими, и у всех без исключения glans penis была закрыта praeruptium'ом (я видел приблизительно человек 50 или 60 туземцев).

* Я видел, как они таким образом держали самые различные предметы, поднимали их с земли, ловили в воде маленьких рыб, снимали более крупных с остроги и даже очищали от кожуры бананы^{18*}.

** Окружность икр редко превышает 30 см.

*** Насколько мне известно, ни у одного папуасского племени не наблюдали еще обрезания (см. Baer K. E. von. Ueber Papuas... S. 91)^{19*}.

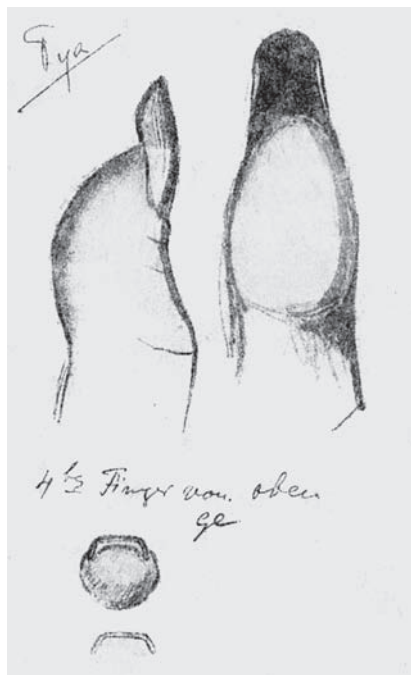
**** В горных деревнях Энглам-Мана, Теньгум-Мана, Марагум-Мана (*мана* значит гора), а также на о. Тиара (одном из островов архипелага Довольных людей) я не обнаружил этого обычая.

Груды у молодых девушек конической формы и остаются маленькими и заостренными до первого кормления; впоследствии они принимают иногда значительные размеры и у женщин двадцати—двадцати пяти лет становятся похожими на длинные полунаполненные мешки, в верхней части несколько более узкие, чем в нижней. Ареола большая (10—12 мм в поперечнике) и очень темно пигментированная; сосок плоский и мало выдающийся. У женщин старше тридцати лет высохшие груди висают наподобие пустых, складчатых треугольных мешков^{20*}.

Кормление грудью продолжается по несколько лет. Я встречал детей на вид лет трех, четырех и даже старше, которые уже помогали родителям при работе и разделяли с ними всякую пищу, но в то же время продолжали еще кормиться молоком матери.

В половом отношении папуасы очень строги. Внебрачных связей вовсе не бывает или по крайней мере они случаются крайне редко^{21*}, что, вероятно, стоит в связи с ранними браками. Папуасы женятся обыкновенно вскоре после обрезания и имеют одновременно только одну жену. Женщины (наверно, от тяжелой работы) не особенно плодовиты: обыкновенно женщина рождает двух-трех детей, редко пять. В июле и августе я замечал в папуасских деревнях много женщин на сносях, и большинство рождений приходится на сентябрь. Отсюда можно предположить, что *загатие* происходит по преимуществу в известное время года, именно в декабре и январе, когда здешние папуасы наименее заняты полевыми работами и когда ими справляется большинство их ночных праздников, продолжающихся обыкновенно по несколько дней подряд*.

В заключение сообщу еще о некоторых замеченных мною особенностях и привычках папуасов Берега Маклая.

Утолщенные ногти папуасов

* У австралийцев было замечено нечто подобное. См. Reise der österreichischer Fregatte... S. 6—7.

Несмотря на темный цвет кожи, я мог констатировать у папуасов побледнение и покраснение лица. Под влиянием гнева или страха цвет их лица становится заметно светлее; когда они заболели, я их видел также более бледными. Радость, пляска, быстрая ходьба, натуга, усилие при поднятии чего-либо тяжелого вызывали на некоторое время потемнение цвета лица.

Я не видел здесь ни одного толстого папуаса. В молодости у обоих полов есть достаточный жировой слой, но с возрастом почти все становятся довольно тощими. Это обстоятельство, кажется, стоит отчасти в связи со стиранием и гниением зубов и вследствие этого неудовлетворительным питанием^{22*}.

Походка мужчин имеет также нечто своеобразное, что мне скоро бросилось в глаза. Но для определения того, в чем именно состоит ее особенность, мне потребовалось более продолжительное наблюдение. Папуасы делают одной ногой (то правой, то левой) большой шаг, а затем подводят другую ногу. Чем больше им приходится ходить, тем заметнее этот способ передвижения^{23*}. Походка женщин несколько изменяется воспитанием. Мужчины находят красивым, если их жены при ходьбе двигают своими задними частями так, чтобы при каждом шаге одна из ягодиц непременно поворачивалась в сторону. Я часто видел в деревнях маленьких девочек, семи-восьми лет, которых их родственники или родственницы учили этому вилянию задом; целыми часами девочки заучивали эти движения. Девушки, желающие понравиться папуасским юношам, должны это делать особенно демонстративно, и некоторые достигают в этом большого искусства. Что этот способ ходьбы неудобен, видно из того, что девушки, если нет мужчин или они не обращают на них внимания, начинают ходить проще, но стоит мужчине взглянуть на них, как женщины снова начинают двигать своими задними частями. Походка старых женщин естественнее, но все-таки они не могут вполне забыть привычек молодости^{24*}.

Мужчины *плавают* так, что над водой не видно ни ног, ни рук, а только одна голова; они могут плавать быстро и долго. Женщин я никогда не видел купающимися или плавающими в море, мужчин же, напротив, часто.

Излюбленная поза папуасов — это сиденье *на корточках*. Это положение обуславливается не только привычкой, но также соотношением размеров конечностей и туловища. Часами сидят они в такой позе, не вставая даже тогда, когда они могли бы лечь или принять более удобное, по нашим понятиям, положение. Когда я пробовал воспроизводить позу сидящих таким образом папуасов, то мог сохранить равновесие только тогда, когда опирался на пальцы ног; став же на всю ступ-

ню (как это делают папуасы), я обыкновенно падал назад или же бывал вынужден расставлять шире ноги.

Меня часто поражала способность папуасов *быстро засыпать*. Это случалось в любой час дня, даже тогда, когда папуасы вовсе не были утомлены. Излюбленным положением во время сна является лежание на животе, с подложенными под голову руками^{25*}. Сколько часов папуасы, особенно мужчины, проводят во сне, я не могу определить точно, но во всяком случае они спят приблизительно две трети дня, если только празднество, война или какие-нибудь другие чрезвычайные обстоятельства не нарушают их однообразной жизни^{26*}.

К самым частым болезням папуасов нужно отнести *накожные*, из которых наиболее распространены elephantiasis и psoriasis. Первая болезнь встречается и у молодых и у старых (дети моложе пятнадцати лет, по-видимому, избавлены от нее), но чаще у мужчин, чем у женщин, и поражает преимущественно нижние конечности. Несмотря на громадное увеличение объема и значительную деформацию ноги (начиная выше колена до пальцев), движение вследствие этого бывает, по-видимому, не особенно затруднено. Я часто видел, как больные элифантiazисом папуасы бегают долгое время ради собственного удовольствия. Psoriasis встречается очень часто. Так как эта болезнь передается по наследству, то ее можно встретить иногда даже у новорожденных, причем участки кожи, пораженные болезнью, расположены симметрично на спине; с годами она довольно скоро распространяется по всему телу; от нее не бывает избавлено и лицо (на ушах и щеках я часто наблюдал чешуйки psoriasis'a). У детей десяти-двенадцати лет часто уже все тело покрыто беловатыми, сухими, тонкими чешуйками, образующими обыкновенно очень запутанный узор. Psoriasis здесь почти не считается болезнью, и, что мне показалось необычным, мужчины, больные psoriasis'ом, выбирают себе нередко жен, пораженных той же болезнью; естественно, что в таких случаях у большинства новорожденных видны следы того же заболевания.

Больных *волганкой* (lupus) я видел в трех деревнях. Они почти всегда закрывали пораженные части лица листьями вследствие того, что иначе их глубокие раны вызывали суеверный страх в их земляках и те предпочитали избегать сношений с ними.

Зато у папуасов я никогда не видел *бородавок* и *родимых пятен*. Было много туземцев, изрытых *острой* (особенно на лице); они рассказывали, что оспа появилась с северо-запада и прошла вдоль всего берега и что многие от нее умерли, теперь же этой болезни больше нет. Эпидемия свирепствовала, по-видимому, лет 8 или 10 тому назад.

*Перебегающие лихорадки*¹⁶ в районе залива Астралабия бывают часто даже у туземцев, причем не только на берегу, но и в горах. Почти

во всех деревнях и в продолжение всего года я видел больных лихорадкой.

Так как ночи здесь очень прохладны, а папуасы еще не изобрели одежды, несмотря на их большую чувствительность к ночному холоду, то у них существует повсеместный обычай зажигать огонь под бамбуковыми нарами, на которых они спят в своих хижинах. Голое тело спящего очень сильно нагревается снизу, а сверху и с боков охлаждается; поэтому бывают частые случаи простуды, ведущей к заболеваниям органов дыхания.

Наверное, встречаются и другие внутренние болезни, которые мне остались неизвестными, главным образом вследствие моего недостаточного знания языка, что не позволяло подробно расспросить о том туземцев. Я должен еще упомянуть, что и здесь я наблюдал 2 или 3 случая *инфлуэнцы*, известной на островах Тихого океана. *Сифилис* на этом берегу не встречается, и заболевания половых органов, кроме опухолей (из-за слишком тесных поясов стыдливости) и случаев *elephantiasis*'а, очень редки.

Относительно *продолжительности жизни* папуасов можно высказать только предположения. Очень старых индивидов я не встречал; самым старым, по-моему, было лет 50—60. Я не могу также сказать что-нибудь положительное относительно *смертности*. В трех деревнях, ближайших к моей хижине (население их всех достигало приблизительно 300 человек), умерли в течение года только 4 мужчины и 1 мальчик. О смерти женщин я ничего не мог узнать, так как их хоронят очень просто, без большой торжественности. Кажется, однако, смертность среди женщин больше, чем среди мужчин, может быть, вследствие их тяжелой работы. Еще молодые мужчины женились в третий и четвертый раз, так как их жены одна за другой умирали, и такие случаи нередки. У папуасов Берега Маклая женщин сравнительно меньше, чем мужчин, по крайней мере во всех маленьких деревнях, где число жителей мне было известно. С этим согласуются и жалобы мужчин (я часто их слышал) на то, что в их деревне нет женщин для женитьбы.

Мои заметки основаны, как сказано выше, лишь на сопоставлении отдельных произведенных на месте наблюдений. Моим стремлением было, следуя совету К. Э. фон Бэра, наблюдать людей по возможности «без предвзятого мнения относительно количества и распространения человеческих племен и рас»*. В течение следующих лет я надеюсь посетить еще несколько островов Меланезии и собрать там дополнительный материал по антропологии папуасов. Поэтому в ныне

* Baer K. E. von. Ueber Papuas... S. 71.

публикуемых заметках я избегал всяких предположений, сравнений и выводов.

Но один вывод напрашивается и теперь, после того, как я повидал папуасов Новой Гвинеи (Берега Маклая и Доре), Новой Ирландии, негритосов Люсона (которые несомненно папуасы), жителей Новых Гебрид и Соломоновых островов, именно тот вывод, что раса папуасов распадается на несколько разновидностей, которые, однако, не обособлены резко одна от другой.

Чипанас, сентябрь 1873 г.

- ^{1*} *РАД. Добавлено:* Многие туземцы Архипелага Довольных людей и даже (о.) Били-Били знают язык (жителей о.) Кар-Кар, так как были уже там в гостях. Каин (туземец Били-Били) насчитал мне 6 или 7 деревень Кар-Кар. Куруа — о. Лонг, Куу — о. Кроун, Бунанга — о. Рук.
- ^{2*} *РАД. Добавлено:* Приблизительная высота горных деревень (в футах): 1. Теньгум-Мана — ?; 2. Энглам-Мана — 1520. 3. Сегуана-Мана — 1020. 4. Самбуль-Мана — 1350. 5. Ярью-Мана — 810. 6. Бан-Мана — 1240. 7. Сангдимби-Мана — 1480. 8. Бурам-Мана — 1080. 9. Манигба-Мана 1100. 10. Колику-Мана — 510.
- ^{3*} *РАД. Добавлено:* В Били-Били я насчитал позже (в 1876 г.) 41 *тамо билен*, т. е. взрослых женатых мужчин, в Бонгу — 32 *тамо билен* и 44 женщины, в Гуренду — только 13 *тамо билен*.
- ^{4*} *РАД. Исправлено:* 1,42 м.
- ^{5*} *РАД. Добавлено:* У папуасов юго-западного берега (Папуа-Онин и Папуа-Ковиай) я встречал волосы с самой различной степенью завитков.
- ^{6*} *РАД. Добавлено:* Черный цвет дает пиролюзит с примесью окиси железа.
- ^{7*} *В оригинале неточность:* первых.
- ^{8*} *РАД. Далее:* главным образом ради раскраски лица, что считается здесь очень красивым.
- ^{9*} *РАД. Добавлено:* Здешние папуасы имеют привычку выпячивать губы, когда они чем-нибудь заняты или когда они спокойно сидят, особенно если они о чем-то размышляют или работают.
- ^{10*} *РАД. Добавлено:* Лоб почти всегда в морщинах, что, вероятно, зависит от старания защищаться от солнечного света, старания, переходящего потом в привычку.
- ^{11*} *РАД. Добавлено:* У более старых папуасов глаза не такие открытые и окружены морщинами, что, вероятно, обусловливается постоянным сокращением мускулатуры век вследствие стремления защитить глаза от солнечного света.
- ^{12*} *РАД. Далее:* У детей первыми прорезываются 2 средних резца, в нижней челюсти ранее, чем в верхней. (30 октября 1877 г.).
- ^{13*} *РАД. Далее:* Чтобы носить са-гигир¹².
- ^{14*} *РАД. Далее:* (аян диглан).
- ^{15*} *РАД. Добавлено:* По-видимому, большая кривизна позвоночника стоит в связи с большим, тяжелым животом, причем для поддержания равновесия приходится отгибать верхнюю часть туловища назад, от чего спина в поясничной области загибается вперед, и это уже в раннем возрасте, как у женщин в позднем периоде беременности.
- ^{16*} *РАД. Добавлено:* Поразительно, как у папуасских девушек (вероятно, и девушек других рас) задние части увеличиваются в объеме в течение двух-трех лет (между 12—13 годами). У 10—11-летних седалище тощее и плоское. По-видимому, большая

- ширина задних частей у женщин нравится мужчинам. Когда я указал на Маую и назвал ее красивой девушкой, Туран возразил мне, что она «слишком толща задом».
- 17* РАД. *Добавлено:* Длина рук по отношению к росту становится, очевидно, с возрастом больше.
- 18* РАД. *Добавлено:* У младенцев (несколько месяцев) пальцы ног очень вытянуты и находятся в постоянном движении.
- 19* РАД. *Добавления:* Мулум (обрезание) проводится через значительные промежутки времени (каждые 7—8 лет, может быть, и чаще), причем обрезаются также многие женатые. По этому поводу происходят большие пиршества, на которые сходятся жители всех соседних деревень. Обряд происходит в особой, вне деревни построенной хижине, называемой *мулум-таль* (20 мая 1877 г.). Необрезанные называются *ямбау тамо*.
- 20* РАД. *Добавлено:* По-видимому, соски у темных рас больше, чем у белой (также и у мужчин). У папуасок встречается особая форма грудей. Часть ареолы, более пигментированная, отшнурована, так что грудь является как бы трехэтажной¹⁴. Такое образование иногда выражено на одной стороне сильнее, чем на другой. Это — дальнейшая дифференциация конической груди, которую я наблюдал в Полинезии. Сосок способен к значительной эрекции.
- 21* РАД. *Пометка:* ‘вовсе’ — неверно, а вместо ‘крайне редко’ нужно сказать ‘иногда’.
- 22* РАД. *Добавлено:* Но папуасы могут иногда и толстеть, как, например, папуасские женщины, привозимые на Серам-Лаут.
- 23* РАД. *Добавлено:* Когда я сравнивал следы моей голой ступни на мокром песке морского берега с подобными следами папуасов (Берега Маклая), я замечал, что у меня пятка производила большее давление, чем передняя часть ступни, а у папуаса — наоборот. Разница была очень заметна: я ступал больше на пятку, а папуасы — на пальцы.
- 24* РАД. *Добавления в двух местах:* Пляска женщин состоит главным образом из таких движений ‘<...>’ Малайские женщины имеют также подобную походку, которой они кокетничают. Это повертывание туловища называется *баланган*.
- 25* РАД. *Далее:* и повернутыми вовнутрь ступнями.
- 26* РАД. *Добавлено:* Я не заметил, чтобы от папуасов исходил какой-то особенный запах; это, очевидно, связано с их преимущественно вегетарианской пищей (полагаю, что как запах экскрементов, так и запах пота зависят от потребляемой пищи).

Череп и носы туземцев Новой Гвинеи

(Письмо к г. Вирхову, Батавия, 24 октября <1873 г.>)

Прежде всего я хочу ответить на два предложенных вопроса:

1. *При каких обстоятельствах офицерами императорского русского корвета «Витязь» были найдены два черепа^{1*} в заливе Астролябия на Новой Гвинее?*

Вначале я должен сообщить об обычае обращения с мертвыми у папуасов Берега Маклая на Новой Гвинее.

Тело в сидячем положении, с прижатыми к нему ногами, согнутыми в коленях (так что колени касаются подбородка или даже лица), с руками, охватывающими ноги, покрывается широкими влагалищами

листьев саговой пальмы, плотно связывается лианами и затем некоторое время сохраняется в хижине умершего, а позднее хоронится в этой же хижине. Приблизительно по прошествии одного года ближайшие родственники выкапывают тело или во всяком случае голову, нижнюю челюсть отделяют от черепа, очищают и бережно хранят, а череп, напротив, бросают в кустарник в каком-нибудь закоулке деревни. Бережно хранится только нижняя челюсть, и даже значительные подарки редко склоняют родственников выдать это воспоминание об умершем. Череп же с радостью обменивается на пустые бутылки, на ситец и т. п.

Таким образом, по прибытии «Витязя» в сентябре 1871 г. в деревнях или вблизи них нашлось много черепов, которые и были выменены у папуасов за всякие мелочи.

Но так как выброшенные черепа подвергаются всяким случайностям и действию погоды, то в неповрежденном состоянии они остаются очень недолго. Во время моего 15-месячного пребывания я получил только дюжину черепов и только два с нижней челюстью; эти были выданы мне под секретом (чтобы не подвергаться нападкам других родственников), после долгих разговоров и подарков, с просьбой не показывать нижнюю челюсть другим папуасам.

2. Определенные сообщения об обычае вдавливать носы у туземцев.

Такого обычая *не* существует у папуасов Берега Маклая. Что новорожденных при мытье сильно трут и жмут, я это видел, искусственных же средств, чтобы уродовать череп или изменять лицо, я никогда не наблюдал.

На 4-м или 5-м году рождения, когда просверливается носовая перегородка (шипом от *Dioscorea*), она часто оттягивается вниз; при этом одним пальцем нажимают на нос, но это — легкое давление, и у детей такого возраста оно не может деформировать нос.

Очень благодарен за присланную статью²; она меня очень заинтересовала, так как я нашел в ней раньше, чем думал, подтверждение моего предположения, что существует промежуточная форма между сильно брахицефальными негритосами и долихоцефальными папуасами. Череп II (стр. 20 Вашей статьи) с широтным указателем 80,8 очень близок к черепам моего берега на Новой Гвинее, где указатель ширины колеблется между 73 и 79.

Состояние моего здоровья, которое и сейчас не особенно хорошо, потребовало более продолжительного пребывания на Яве (т. е. в Бейтензурге), чем я предполагал прежде, но во всяком случае 15 ноября я отправлюсь на Молуцкские острова и на Новую Гвинею.

Здесь (в Батавии) мне представился удобный случай исследовать в госпитале мозг умерших заключенных, и поскольку мы так мало знаем

о расовых различиях мозга, то я предпринял эту работу, несмотря на мою лихорадку и на жару в Батавии. Мне ясно, что последующие исследования в этом направлении приведут к важным результатам³.

¹* Речь идет о черепах, обсуждавшихся на заседании 15 марта (примечание ред. журн. «Zeitschrift für Ethnologie»)». ¹.

Брахицефалия папуасов Новой Гвинеи

(Письмо проф. Вирхову, Гесир близ Серам-Лаута,
23 февраля 1874 г.)

Упаковывая в Бейтензорге перед моим вторым путешествием на Новую Гвинею свои коллекции, я вскрыл один ящик, о существовании которого совершенно забыл. В нем оказались три черепа, полученные мною в последние дни моего пребывания на Берегу Маклая в декабре 1872 г. Два из них принадлежали жителям горной деревни Энглам-Мана, а третий — мужчине из береговой деревни Гумбу.

Череп а эти замечательны своей *брахицефалией* и значительно превышают средние размеры, указанные мною в «Антропологических заметках о папуасах Берега Маклая».

Приведенный там указатель ширины черепа составлял в среднем 77 (при длине, равной 100); это отношение дало мне основание признать папуасов Берега Маклая также долихоцефалами.

Напротив того, новые черепа показывали:

1) череп из Энглам-Мана, указатель ширины	82,58
2) череп из Энглам-Мана, указатель ширины	86,45
3) череп из Гумбу, указатель ширины	81,21

Эти три цифры позволяют сделать заключение, что между папуасами Берега Маклая встречаются *как долихоцефальные, так и брахицефальные* индивиды и что долихоцефалия отнюдь не составляет характерного признака папуасов Новой Гвинеи.

Спасибо за присланные протоколы заседаний Берлинского общества антропологии, этнологии и первобытной истории, которые я получил еще в октябре прошлого года. Меня очень заинтересовал Ваш доклад «О черепах с Новой Гвинеи», хотя я не совсем согласен, например, с тем, что Вы говорите о негритосах¹. На основании собственных наблюдений я не могу считать негритосов «совершенно отличными» от меланезийцев. И с точки зрения краниологии различия преувеличены, ибо, как сказано выше, *не все* папуасы Новой Гвинеи являются долихоцефалами.

Позволю себе исправить еще одну мелочь.

Ваше предположение, что поводом для моего путешествия послужила книга г. К. Э. фон Бэра, верно только в том смысле, в каком любое прекрасное произведение побуждает нас к новым исследованиям². Я читал эту книгу внимательно несколько раз, но я был бы несправедлив ко многим другим авторам, если бы я приписал мое решение отправиться на Новую Гвинею *только* превосходному сочинению К. Э. фон Бэра. Я должен также признать, что к этому меня побудили не только чисто антропологические вопросы; меня привлекала и этнология этих еще столь индифферентных племен, и как раз эта сторона исследования дала мне позднее на Новой Гвинее большое удовлетворение во время совместной жизни с племенем людей, находящихся еще в каменном веке.

Как этот высокочтимый господин лично относится к плану моего путешествия, видно из письма, которое он написал мне в сентябре 1870 г. в Петербург³. В этом письме он совершенно *не* одобряет мое решение отправиться на Новую Гвинею по причине опасностей, которым я себя подвергал; он дает мне совет ограничиться Филиппинами, где наверняка есть богатая научная добыча и где с исследованиями не связана особенная опасность. Я, однако, не жалею, что последовал своему решению.

Я надеюсь после возвращения из моей второй поездки на Новую Гвинею (на Берег Папуа-Ковиай), которую я теперь предпринимаю, получить от вас несколько строк, а также последующие протоколы заседаний Общества.

Посылаю письмо с макаassarским прау, который отправляется на острова Ару и затем в Макассар⁴.

О брахицефалии у папуасов Новой Гвинеи

Весьма малое время, которое оставляют мне мои путешествия, дает право вместо подробного рассмотрения этого антропологически интересного предмета сообщить только несколько выдержек из отдельных писем, писанных мною в разное время.

Уже полтора года тому назад в письме к г. академику К. Э. фон Бэру я высказал предположение, что не все папуасы Новой Гвинеи долихоцефалы*. Позднейшие наблюдения превратили мое предположение в

* Соответствующее место письма гласит: «Итак, я думаю, что между многими разновидностями папуасского племени находятся и такие, которые, подобно неграм Люсона, брахицефальны или у которых размеры черепа приближаются к брахицефальной форме» (Petermann's Geographische Mittheilungen. 1874. Bd. 20. N 1: S. 23) (см. «О папуасах (негритосах) на о. Люсоне» в т. 4 наст. изд.).

факт. С Гессира (небольшого острова близ Серама) я написал 19 февраля 1874 г. проф. Р. Вирхову в Берлин¹ между прочим следующее:

«Упаковывая в Бейтензорге перед моим вторым путешествием на Новую Гвинею свои коллекции, я вскрыл один ящик, о существовании которого совершенно забыл. В нем оказались три черепа, полученные мною в последние дни моего пребывания на Берегу Маклая в декабре 1872 г. Два из них принадлежали жителям горной деревни *Энглам-Мана*, а третий — мужчине из береговой деревни *Гумбу*.

Черепа эти замечательны своей *брахицефалией* и значительно превышают средние размеры, указанные мною в „Антропологических заметках о папуасах Берега Маклая“.

Приведенный там указатель ширины черепа составлял в среднем 77 (при длине, принятой за 100); это отношение дало мне основание признать папуасов Берега Маклая также долихоцефалами.

Напротив того, новые черепа показывали:

1) череп из Энглам-Мана, указатель ширины	82,58
2) череп из Энглам-Мана, указатель ширины	86,45
3) череп из Гумбу, указатель ширины	81,21

Эти три цифры позволяют сделать заключение, что между папуасами Берега Маклая встречаются *как долихоцефальные, так и брахицефальные* индивиды и что долихоцефалия отнюдь не составляет характерного признака папуасов Новой Гвинеи».

Мое второе пребывание на Новой Гвинее, на Берегу Папуа-Ковиай, в феврале-мае 1874 г. дало тому дальнейшее подтверждение. Между измеренными черепами (30 с лишком) нашлось несколько с весьма значительным указателем ширины: 78,2; 78,9*; 79,1*^{1*}; 79,7; 80,2^{2*}; 84,0^{3*} (звездочками обозначены мужские черепа). При этих измерениях я заметил, что женские черепа выказывают большую склонность к брахицефалии. На том же берегу находились и очень долихоцефальные папуасы (один житель о. Наматоте имел указатель, равный даже 62,0)².

Указатель ширины черепа папуасов Новой Гвинеи варьирует, следовательно, между 62,0—86,4, и эти числа, вероятно, еще не определяют пределов вариаций папуасского черепа³.

Отсюда вывод, что исследование папуасского черепа подтверждает вообще признанное теперь правильным положение, что размеры черепа дают важный, но не решающий признак для (различения) человеческих рас⁴.

14 октября 1874 г.

Богор.

^{1*} РАД. Далее: ((деревня) Ангена).

^{2*} РАД. Далее: ((деревня) Ваймата).

^{3*} РАД. Далее: ((деревня) Ангена).

Этнологические заметки о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее*

I

На мою долю выпало редкое счастье наблюдать население, жившее еще полностью вне сношений с другими народами и притом на такой стадии цивилизации, когда все орудия труда и оружие изготовляются из камня, кости и дерева.

Н. Маклай. Natuurkundig Tijdschrift. 1873. С. 2.

Пища папуасов

Пища папуасов этого берега преимущественно растительная. Она состоит из плодов и овощей, круглый год поспевающих на плантациях, или, как кокосовые орехи, на деревьях, сажаемых около хижин. Я перечисляю далее эти предметы питания, следуя степени их важности в хозяйстве папуасов.

1. Мунки (кокосы). Играют у папуасов большую роль, так как поспевают круглый год. Число кокосовых деревьев, однако, в некоторых селениях залива Астролябия весьма невелико, так что их жители стараются получить кокосовые орехи из других деревень. Только в немногих горных селениях встречаются кокосовые деревья, тогда как по

* Эти заметки, как и антропологические (см. *Natuurkundig Tijdschrift*, 1873 (с. 12—32 *наст. тома*)), были написаны в течение 1872 г. на Новой Гвинее. Предполагалось зарыть их, подобно другим, на Берегу Маклая в месте, относительно которого я условился с капитаном императорского российского корвета «Витязь». Во время моего пребывания в прошлом году в Бейтензорге я нашел время и возможность частично переписать их под диктовку. Так как мои заметки по большей части были написаны по-русски, а ни в Батавии, ни в Бейтензорге не нашлось человека, который бы мог писать по-русски, то я решился, переведя сам свои наброски, продиктовать их по-немецки. Только одну часть (антропологическую) моих заметок удалось опубликовать в прошлом году; моя вторая поездка на Новую Гвинею помешала их продолжению. Теперь, перед моей экскурсией на п-ов Малакку, я нашел еще время просмотреть часть заметок за 1871 и 1872 гг. И хотя к ним следовало бы очень много добавить, я этого не делаю в надежде, что когда-нибудь буду в состоянии заняться этим в Европе при большем количестве досуга. Только там можно будет изготовить к ним рисунки, которые здесь нельзя сделать, но которые я считаю важной, даже необходимой частью своей работы. Выпуская в свет настоящую статью, я прошу читателя не забывать, что это только «заметки» и что они написаны были на Новой Гвинее.

берегам соседних островов деревья эти растут в изобилии, но лишь около хижин, посаженные туземцами. Излюбленное кушанье папуасов — наскобленной раковой мякоть кокосового ореха, которая, будучи полита кокосовым молоком, образует род каши; это кушанье, называемое *мунки-ля*, составляет обязательную принадлежность каждого пира папуасов. Тертый старый кокосовый орех, молоко которого уже не годно для питья, употребляется при изготовлении всяческих папуасских кушаний вместо жира или масла.

Папуасы не умели готовить кокосовое масло. Я часто объяснял в разных деревнях способ его приготовления, но не знаю, пользовались ли им туземцы после моего отъезда.

2. Аян (*Dioscorea*). Разводится в большом количестве на плантациях и поспевает с августа по январь; его варят в воде, и в эти месяцы он составляет главную пищу. В горах, где воду приходится таскать на большую высоту, аян пекут в золе. Папуасы разводят много разновидностей аяна, различающихся по величине и вкусу.

3. Бау (*Colocasia*). Главная пища с марта по август^{1*}. Бау едят, как и аян, в вареном и печеном виде. Вареный бау толкут небольшой деревянной колотушкой, смешивают с наскобленным поджаренным кокосовым орехом и полученное таким образом тесто разделяют в виде пирогов. Это кушанье считается на праздничных пирах лакомством. Листья этого растения также употребляют в пищу^{2*}.

4. Дегарголь (*Convolvulus*). Его также пекут или варят. Папуасы знают две его разновидности: одну, у которой плод красноватый, и другую — белую. Дегарголь поспевает главным образом в сентябре и в октябре; в качестве пищевого продукта он уступает первым двум по значению^{3*}.

5. Аусь^{4*}. Его разводят также на плантациях (и собирают) в^{5*} январе и феврале. Его варят или, завернув в листья, пекут на углях.

6. Мога (бананы). Хотя я встречал у здешних папуасов 8 или 9 разновидностей бананов, все же их разводят мало, и этот плод является редкостью^{6*}. Папуасы едят бананы в вареном виде; нижняя часть ствола и корни молодых бананов тоже варятся и идут в пищу.

7. Буам (саго). Вследствие редкости саговой пальмы саго здесь более лакомство, чем пищевой продукт. На долю каждой деревни саго приходится очень мало, и поэтому его едят только по праздникам^{7*}.

8. Ден (сахарный тростник). С октября по февраль его усерднейше жуют мужчины, женщины и дети. Сахарный тростник растет на Новой Гвинее великолепно и нередко превышает 14 футов в высоту (съедобная часть).

9. Боли (плод хлебного дерева)^{8*}. Не особенно в почете у папуасов как продукт питания, но все-таки его собирают и едят в вареном или печеном виде.

10. Могар. Небольшие бобы, разводимые на плантациях.

11. Орлан^{9*}. Плод дерева, которое растет далеко не везде на этом берегу, так что я даже никогда не видел его. Эти плоды подвешивают на деревьях в лесу в больших корзинах. Мякоть плода, а также зерна расколотого ореха образуют быстро, вследствие гниения и брожения, род кислой и очень дурно пахнущей жидкости, которую папуасы считают главным деликатесом.

12. Кенгар (*Canarium commune*). Собирается в мае, июне и июле. В выставленных на солнце плодах орехи легко отделяются от мясистой оболочки и сохраняются в таком виде.

Другие плоды, встречающиеся на Берегу Маклая, например *Pandanus*, *Mangifera* и др., попадаются слишком редко, чтобы их упоминать в числе пищевых продуктов. Не только плоды, но даже листья и цветы многих растений употребляются папуасом в пищу. Во всякое время года горшки, в которых варят аян или бау, наполняются различными листьями, почками и цветами; их едят преимущественно женщины и дети, мужчины же реже, забирая себе лучшую пищу^{10*}.

Мясная пища у папуасов редкость, главные ее источники:

1. Свиньи. Свиньи, разводимые в деревнях, представляют собой потомков дикой новогвинейской свиньи. В молодости они бывают полосатыми, с возрастом становятся черными; имеют стоячие уши, вытянутое рыло и длинные ноги. Папуасы закалывают свиней только в торжественных случаях, причем одной свиньи должно хватить не на одну только деревню, но и на две или три^{11*}. На диких свиней папуасы устраивают в июле облавы с выжиганием высокой травы^{12*}.

2. Собаки. Собак папуасы держат преимущественно ради мяса и закалывают при менее торжественных случаях: мясо довольно приятно на вкус, но слишком сухое^{13*}.

3. Маб (*Cuscus*). Мясо считается лакомым кушаньем; я нашел его неприятным из-за сильного запаха. Туземцы охотно едят также различные виды сумчатых крыс.

4. Птицы. Куры, хотя и имеются в каждой деревне, употребляются в пищу редко. Так как они живут в полудиком состоянии в лесу, окружающем деревню, папуасы редко находят их яйца. За мое 15-месячное пребывание я видел только 2 яйца в посещенных мною деревнях. Казуаров промышляют очень редко.

5. Пресмыкающиеся. Большие ящерицы (мониторы) употребляются в пищу в вареном виде; мясо их очень вкусное, белое, нежное^{14*}.

6. Насекомые. Все насекомые без исключения, особенно большие жуки, потребляются папуасами в сыром или вареном виде.

7. Рыбы. Более крупных промышляют сетями, меньших — ночью копьем или в лужах при отливе^{15*}.

8. Моллюски. Все женщины и дети собирают моллюсков на коралловых рифах при отливе.

Так как папуасы здесь не знают соли, то они варят пищу с небольшим количеством морской воды, обычно разбавляя пресную воду на одну треть морской. Горные жители, приходя на берег, никогда не упускают случая захватить с собою в горы наполненные морской водой бамбуковые стволы, как ни трудно нести их целыми днями по крутым тропам. Папуасы имеют суррогат соли: прибываемые к берегу приливом сухие стволы и корни, которые месяцами носились морем и пропитались соленой водой; папуасы их извлекают, сушат несколько дней на солнце и поджигают. Стволы горят слабым пламенем и оставляют значительное количество белой золы. Эту еще теплую золу папуасы жадно поглощают; она и на самом деле довольно солоная; к сожалению, ее нельзя долго хранить, так как вследствие значительного содержания соли она очень гигроскопична; за несколько часов она превращается в черную кашу. Эти прибитые к берегу стволы раскалывают; прибрежные жители часто приносят их в виде подарков в горные деревни, где их расходуют очень экономно.

У папуасов существует также сильно опьяняющий напиток. (На Берегу Маклая) есть кустарник, называемый туземцами кеу (*Piper methysticum*)*, листья, стебли и особенно корни которого жуют, и, когда масса достаточно измельчена, ее выплевывают в скорлупу кокосового ореха с возможно большим количеством слюны^{16*}. К разжеванной массе доливают немного воды и, профильтровав грязно-зеленую кашу через пучок травы, пьют эту отфильтрованную жидкость, очень горькую и ароматную. Напиток этот не особенно вкусен, о чем свидетельствуют и лица папуасов, проделывающих при питье различные гримасы, но он сильно опьяняет: достаточно маленькой рюмки, чтобы в полчаса сделать человека нетвердо стоящим на ногах. Этот напиток разрешен только старшим мужчинам, а женщинам и детям строго запрещен обычаем. На пирах все мальчики и юноши используют для жевания (но не для питья) кеу; так как корень тверд, его предварительно размягчают ударами камня.

Судя по приготовлению, папуасское кеу, по-видимому, тождественно полинезийской каве, только полинезийцы доливают больше воды.

Насколько мне известно, ни у одного папуасского племени, живущего на Новой Гвинее, до сих пор не было засвидетельствовано приготовления подобного напитка**.

* Об этом обычае я уже сделал в прошлом году сообщение в журнале имп. Русского географического общества (см. 99—102 наст. тома).

** И, как сообщил мне г. д-р Шеффер, директор Ботанического сада в Бейтензорге, никто из многих ботаников, посещавших побережье Новой Гвинеси, не привозил оттуда соответствующего вида *Piperaceae*^{17*}.

О приготовлении пищи

Оно оказалось гораздо более сложным, чем у туземцев Полинезии; это доказывает как число кушаний, так и употребление глиняных горшков при варке. Большинство кушаний, как уже упомянуто, здешние папуасы варят с некоторым количеством морской воды. Но они умеют также обжаривать куски мяса и рыбу или печь их в ⟨горячей⟩ золе, завернутыми в листья.

Так как из-за ⟨жаркого и сырого⟩ климата приготовленную пищу нельзя долго сохранять, папуасы имеют обыкновение слегка обжаривать или пропекать утром то, что сварено накануне (так они поступают с вареным бау, аяном и различными видами мяса), или, наоборот, варить утром то, что было ранее поджарено (так они поступают, например, с рыбой, которую обжаривают тотчас же после улова и в течение следующих дней варят с различными овощами). Этой варкой и печением обезвреживаются и задерживаются в развитии миллионы грибных спор и нитей, которые в несколько часов пронизывают все сваренное или испеченное.

Приготовление пищи лежит частью на женщинах; они моют и чистят плоды, носят дрова, разводят огонь, приносят в бамбуковых стволах морскую и пресную воду. Мужчины нарезают своими костяными кинжалами или бамбуковыми ножами плоды, наливают воду в горшки и ставят их на огонь, причем прикрывают горло горшка свежими листьями и скорлупой кокосового ореха. Когда пища готова, мужчины же раскладывают ее из горшков по деревянным блюдам для раздачи присутствующим. В торжественных случаях *все* приготовление пищи производится мужчинами, равно как и в случае прибытия почетного гостя. Обыкновенно муж готовит пищу только для себя, а жена — для себя и детей отдельно. Мужья и жены *никогда* не едят у одного очага или из одной и той же посуды. Посетителю обыкновенно варят отдельно и остатки дают ему на обратный путь.

Посуда и утварь для еды

Посуда состоит из глиняных горшков различной величины и из деревянных блюд.

1. Ваб (горшок). Самые большие имеют 35—40 см в поперечнике, самые малые — 15—20 см; форма этих горшков обычно одна и та же, почти круглая, несколько суживающаяся книзу. Их изготавливают в немногих деревнях на побережье и на соседних островах^{18*}. Горшки обычно сделаны очень тщательно, но орнамент их несложен: прямые линии, ряды точек или маленькие дужки (отпечатки ногтей). Горные

носива и умбасъ

У камышовъ поезда 2-й подолъ шил-
киная и деревняная. 1-й Подолъ
хорошо сшитъ. Воронки разны
разнообразной величины (9-11
в диаметре) по подолу вшиты
и мотъ спе сшитъ по подолу.

[illegible]

Панчаган. Водомосабоишоту (ах)
вост. мекхетте болон Бурода из
дерева ~~по~~ крив. и обаче
попрямк. вост. крив. Вост.
крив. ост. 1 1/2 ф. 70 1/2 ф. 10 ф.
Убо мек. крив. крив.

Татарская литература
из книг изданных
в Москве.
автор. окр. 1890,
русского.

Глиняные горшки (ваб) и деревянные блюда (табир)

жители не умеют делать горшки и вынуждены их выменивать или получать в подарок у береговых жителей.

2. Табир (деревянное блюдо). Эти величиной иногда более полуметра в поперечнике круглые или овальные тарелки и блюда делаются весьма искусно, в особенности если принять во внимание, что их изготовляют каменными и костяными орудиями, гладко полируют обломками раковин и натирают черной краской. Табиры вместе с оружием составляют основное богатство папуасов и играют главную роль при обмене^{19*}.

3. Гамба (скорлупа кокосового ореха). Употребляется при еде вместо тарелок отдельными членами семьи, так как только хозяин и гости получают пищу в больших деревянных блюдах.

4. Хассен (вилка). При еде папуасы используют род вилки, состоящей из заостренной палочки длиной в 20 см. Иногда три палочки соединены друг с другом; их носят обычно в волосах, так как их одновременно употребляют для почесывания в голове.

5. Кай. Нечто вроде ложки, изготовляемой или из большой раковины, или из скорлупы кокосового ореха.

6. Шилюпа. Плоско отточенная кость кенгуру или свиньи; используется и как нож, и как плоская ложка.

7. Ярур. Очень важный инструмент; состоит из простой гладкой раковины, в которой камнем вырезаны зубья. С его помощью выскребают кокосовый орех, так как его «мякоть» обычно едят только в таком виде.

Орудия и оружие

Орудия

1. Топор. Главное и весьма простое орудие, которым они выдалбливают свои пироги и делают свое оружие, — каменный топор. Рассматривая их постройки, пироги, утварь и оружие и убеждаясь, что все это сделано каменным топором, осколками кремня и раковин, можно *только поражаться большому терпению и искусству этих дикарей*. Топор — это твердый серый, зеленый или белый камень, уплощенный и заостренный путем долгого шлифования. На островах архипелага Довольных людей я видел также топоры, сделанные не из камня, а из массивной раковины *Tridacna*. «Для рукоятки» выбирают ствол молодого дерева, от которого отходят довольно прямые сучья, и срубают таким образом, чтобы обрубок с отходящим от него суком напоминал по форме цифру 7. Ствол составляет верхнюю ее часть, которую делают сверху плоской, слегка выдалбливают, затем горизонтально кладут на нее отшлифованный камень, затем вырезают кусок дерева, прикры-

вающий камень сверху. При помощи крепких шнуров, изготовленных из лиан или коры различных деревьев, вырезанный кусок фиксируется на верхней части, так что камень оказывается заземленным.

Такой топор может быть пригодным и полезным только в руках опытного человека; непривычный же к обращению с ним легко может его сломать или ничего не добьется. Это я знаю из собственного опыта, и не потому, что мне при этой попытке не достало терпения. Туземцы же своими легкими топорами, ширина лезвий которых едва достигает 5 см, в состоянии свалить древесный ствол, имеющий полметра в поперечнике, а также вырезают тончайшие узоры на своих копьях. Папуасы пользуются обычно маленькими топорами, лезвия которых не шире 5 см, но каждая деревня располагает еще одним или несколькими большими топорами, у которых лезвия имеют в ширину 7—9 см и которыми действуют обеими руками, тогда как первые держат в правой руке. Камни для топоров (разновидность агата) получают от горных жителей; такие камни встречаются нечасто, так что каждый взрослый располагает только *одним* хорошим топором, а большие топоры хранятся их обладателями как нечто в высочайшей степени драгоценное и редкое.

2. Куски кремня и раковин. Эти на вид грубые маленькие орудия оказываются в искусной руке достаточными для самых разнообразных работ. То, что каменным топором может быть только грубо обтесано, острым краем кремня полируется или заостряется, как, например, острия метательных копий и стрел. Различные раковины и куски их предпочитают даже кремню, так как они не так хрупки, как кремень. Острыми краями обломков раковин на бамбуке можно вырезать разнообразные узоры. Большие гребни папуасов с резным краем, а также бамбуковые банки, в которых они хранят известь для жевания бетеля, и их стрелы могут служить образцами этого искусства.

3. Донган. Это заостренная или плоско заточенная кость, имеющая форму кинжала или долота. Для изготовления первой разновидности пользуются костями казуара и лишь изредка человеческими костями, для изготовления второй — костями свиньи и собаки. Этими донганами разрезают плоды в сыром и вареном виде. Их обычно носят на руке (выше локтя), заткнутыми за браслет. Столь короткая, хотя и острая кость едва ли может быть пригодной в качестве оружия.

4. Бамбуковый нож^{20*}. Изготавливается так: с одного края расщепленного бамбука удаляют внутренние волокна и оставляют только острую кремневидную кору. Бамбуковым ножом режут мясо, различные плоды, овощи, тогда как донганом их нет возможности резать, а можно только расщеплять и прокалывать^{21*}.

Оружие

1. Хадга. Метательное копье, около 2 м в длину, из твердого тяжелого дерева; самое употребительное и вместе с тем самое опасное оружие папуаса. Оно сопровождает его всюду.

2. Сервару. Такое же длинное, но несколько более легкое метательное копье, сделанное из того же дерева (одного вида пальмы), но с плоским бамбуковым наконечником, имеющим 25 см в длину. Обычно в месте соединения наконечника с древком, копье украшено мехом кукусы и <птичьими> перьями. Бамбуковый наконечник обыкновенно ломается при употреблении и остается в ране.

3. Араль. Лук, изготовленный тоже из тяжелого дерева, приблизительно 2 м в длину; тетива бамбуковая.

4. Араль-ге. Стрела с наконечником из твердого дерева около 1 м в длину; наконечник обыкновенно круглый, длина его составляет треть или четверть длины всей стрелы; вставляется в древко из легкого тростника. Встречаются <наконечники>, очень красиво вырезанные и снабженные зубчатым крючком.

5. Палом^{22*}. Стрела обычной величины, но, подобно сервару, снабженная широким бамбуковым наконечником. Считается более опасной, чем предыдущая.

6. Саран. Стрела на рыбу с 4, 5 и более остриями.

7. Юр. Метательное копье со многими остриями, сделанными из твердого дерева; его употребляют при рыбной ловле ночью, при свете факелов. Древко делается из бамбука, чтобы копье не тонуло в воде.

У жителей близлежащих островов (Били-Били, Ямбомба, Григер, Тиара и др.) есть еще большие круглые щиты^{23*}, около 80 см в поперечнике, изготовленные из твердого дерева и украшенные резьбой. Мои соседи на побережье таковых не имеют. Я видел также в некоторых деревнях плоские палицы^{24*} длиной в $1\frac{1}{2}$ м; ими действуют, держа обеими руками, подобно тому как употребляли старинные тяжелые мечи.

Во время войны употребляют также метательные камни.

Главное боевое оружие — метательное копье, опасное на расстоянии 35—40 шагов. Стрелы на расстоянии более 50 шагов едва ли можно считать опасными ввиду их легкости. На войне и при охоте на диких свиней наконечники метательных копий и стрел натираются красной охрой. Здешные папуасы своих стрел не отравляют.

Одежда и украшения

Единственное одеяние мужчин — *маль*, обыкновенно окрашенный в красный цвет платок длиной 3 м, шириной 15—20 см, который изготавливается из древесной коры^{25*}. Приготовление маля сходно с приготовлением тапы полинезийцев. Отделив верхний слой коры, ее бьют куском дерева на гладком камне до тех пор, пока кора не станет мягкой и гибкой; тогда маль красят красной охрой и носят. Красная краска держится недолго, и мали со временем начинают выглядеть серыми. Придерживая маль за один конец на животе у пупка, его пропускают между ног, потом обвивают несколько раз вокруг талии и закрепляют сзади другим концом. Просунутая между ногами часть маля крепко стягивается, а передний конец висит спереди.

Женщины носят передник стыдливости, называемый также маль^{26*}; у них он состоит из бахромы длиной 1/2 м, которая закреплена на поясе. Бахрома хорошо закрывает тело, свисая в виде длинных прядей до колен и не затрудняя движений. Женские мали^{27*} обыкновенно имеют черные и красные горизонтальные полосы, девушки носят мали^{28*} более короткие и менее густые, чем у «замужних» женщин^{29*}. В неко-

торых деревнях (о. Били-Били и в архипелаге Довольных людей) девичий маль^{30*} вплоть до замужества состоит даже из одного пояса, к которому спереди и сзади прикреплено по кисти из крашеного луба; передняя кисть свисает над *mons Veneris*, другая — сзади над средней частью седалища. Садясь, девушки заботливо протягивают заднюю более длинную кисть между ногами. С обеих сторон ягодиц у этих девушек висят украшения из раковин и окрашенных плодовых зерен.

Кроме малей, папуасы употребляют еще различные длинные и широкие куски материи; их выделывают таким же образом, как мали. Ночью и утром их надевают из-за холода, накидывая на плечи.

Папуас неразлучен со своими *ямби* и *гуном*. Первый представляет

Украшения папуасов: кекес (в носу), буль (во рту), губо-губо (на груди), сагю (на верхней части руки)

Нагрудное украшение из раковин (сюаль боро)

собой маленький мешок, носимый на шее, второй — мешок побольше, носимый на левом плече. В первом папуасы носят табак и мелкие предметы, во втором — банку с известью для жевания бетеля, *яруф*, *шилупу*, *кай*, раковины, маленькие бамбуковые баночки для красной и черной краски и еще много других необходимых вещей. Эти мешки сплетены очень красиво из тонких различно окрашенных шнурков; особенно изящны *ямби*, украшенные часто маленькими раковинами.

На верхней части руки, над бицепсом, мужчины носят браслеты, называемые *сагю*. Они очень искусно плетутся из древесной коры или травы и украшаются раковинами; за браслет обыкновенно затыкается донган. Если молодые папуасы хотят себя украсить, они затыкают за *сагю* ветки пестролистных растений. Подобные браслеты (*самба-сагю*) носят и над икрами. В виде особенного украшения папуасы носят на груди клыки диких свиней, поддерживаемые ожерельем. Это очень ценное украшение называется *буль-ра*. Так как такие клыки редко удаются добыть, вместо них чаще носят на шее раковины и зубы собак.

В ушах мужчины носят широкие черепаховые или деревянные серьги. Если их нет, то втыкают в уши бамбуковые палочки, продолговатые камни или цветы. У женщин встречаются два вида серег. На мочке уха висит одно или несколько колец. Через отверстие в верхнем крае уха протянут шнурок, который проходит также через отверстие в другом ухе; на обоих концах шнурка прикреплено несколько пар белых собачьих зубов, свисающих по обеим сторонам шеи, тогда как шнурок поκειται на голове.

У женщин также есть два мешка, называемые *нангели-гун*; мешки эти много больше мужских. Их и носят иначе: мешок закидывают не через плечо, а на спину и шнур обвивают вокруг лба. В одном мешке

ежедневно приносят в деревню плоды с плантаций, а в другом, немного поменьше, носят маленьких детей. Если детей нет, женщины вместо них таскают поросят и щенят, которых они нежно воспитывают^{31*}.

О деревнях и жилищах

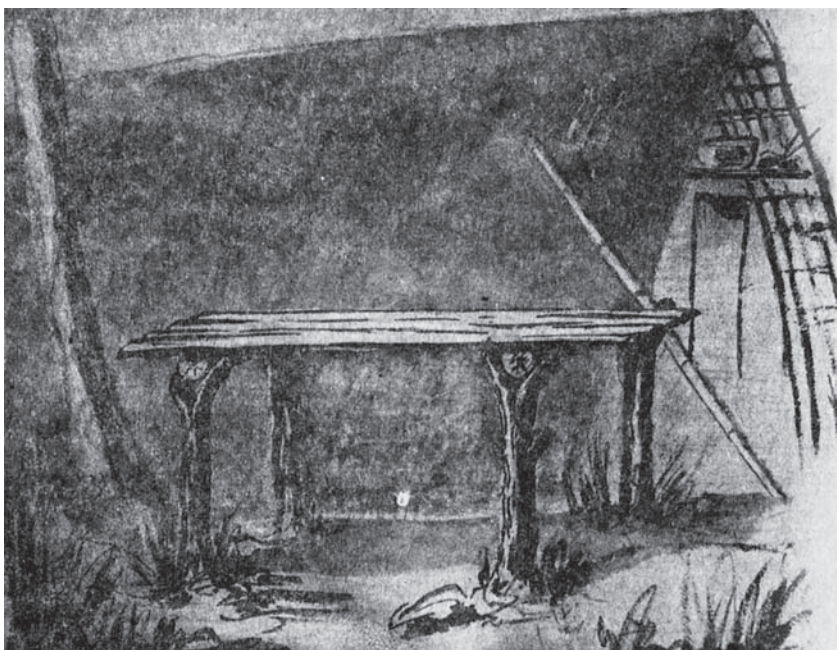
Войдя в залив Астролябия на судне, нельзя заметить никаких признаков человеческого жилья. Лишь кое-где, может быть, поднимаются столбы дыма, указывающие на близость человека, но и это не всегда; все побережье покрыто густым лесом.

Если исследовать тщательно берег в подозрную трубу, то скоро обнаружатся группы кокосовых пальм, расположенные в некоторых местах друг подле друга. Высадившись поблизости от такой группы пальм и поискав немного, найдешь вытащенные на берег или спрятанные в кустарнике пироги с балансиром. Следуя берегом, попадаешь на тропинку, ведущую в лес; идя по ней в направлении пальмовой рощи, скоро открываешь также между деревьями высокие крыши. Тропинка кончается на открытой площадке, вокруг которой стоят хижины в тени кокосовых пальм и бананов.

Со стороны эти хижины кажутся состоящими почти сплошь из крыш; боковые стены поднимаются едва на 1/2 м от земли. Спереди имеется вход, над которым часто выступает навесом полукруглая крыша. Одна из хижин обычно отличается от остальных гораздо большими размерами и высотой; она открыта с обеих сторон (передней и задней). Одна из сторон ее снабжена широким столом. Почти у каждой хижины посетителю бросается в глаза стоящий на четырех ножках помост вроде стола или широкой скамьи. Такие помосты, называемые *барла*, имеют 1—1½ м высоты; они встречаются во всех деревнях как на побережье, так и в горах этой местности. Именно это — место трапезы и отдыха мужчин. Когда еда готова, деревянные блюда ставят на барлу, гости и хозяин дома занимают места на ней и могут кушать, не подвергаясь назойливому приставанию многочисленных свиней и собак, кишащих в деревнях. Разделавшись с едой и убрав блюда, папуасы растягиваются на барле, которая теперь играет роль дивана или кровати. Барлой пользуются только мужчины; женщины же сидят на корточках на земле.

Открытая площадка, вокруг которой стоят хижины, не всегда имеет круглую форму; она бывает овальной, подковообразной, иногда принимает форму буквы S, смотря по условиям местности.

Деревня состоит из нескольких групп хижин, расположенных вокруг открытой площадки и соединенных узкими тропинками. Селения

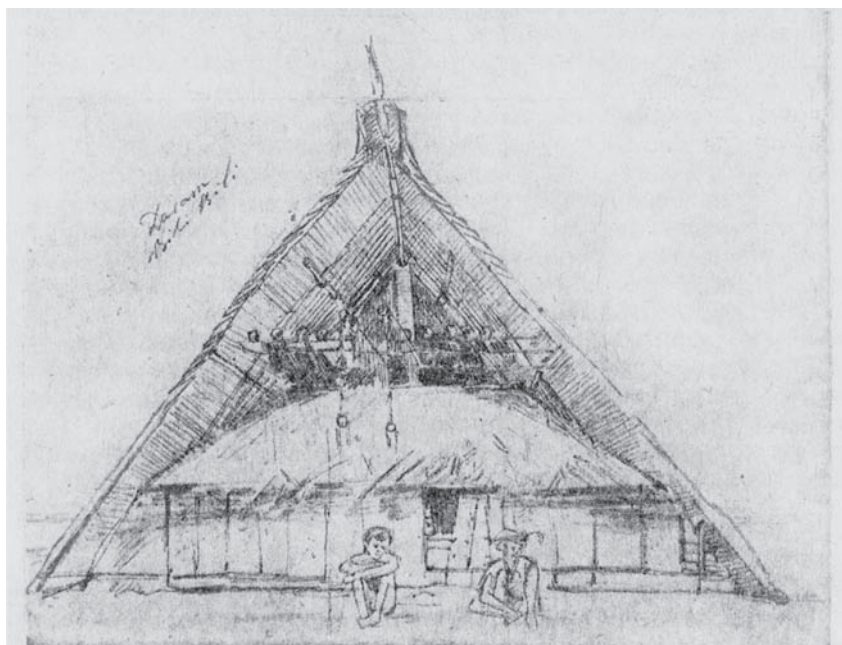

Барла — помост, на котором папуасы отдыхают и едят

окружены высоким девственным лесом. Каждая такая группа (хижин) имеет особое название^{32*}.

Хижины стоят не на сваях, в большинстве своем малы и темны, но хорошо и прочно построены, особенно крыши, которые всегда бывают выпуклыми. Цель такого устройства — дать лучший сток дождевой воде. Стены хижин сложены из расщепленного бамбука или из черенков саговых пальм, а иногда и из грубо расколотых древесных стволов. Двери поднимаются обыкновенно на 1/2 м над землей, чтобы свиньи не могли проникнуть внутрь хижин.

В общем можно различать 3 рода хижин: одиночные, семейные и так называемые буамбрамры⁶. Первые, самые маленькие, имеют в длину 6—8 шагов и открытую дверь, которая только изредка бывает защищена полукруглой крышей. Вторые имеют в длину 10—15 шагов, спереди обыкновенно снабжены еще полукруглой пристройкой с отдельной крышей; входная дверь еще гораздо меньше. Наконец, *буамбрамра* представляет собой большую хижину, которой пользуются по большей части только взрослые мужчины. Она служит также спальней для молодых людей и для гостей из других деревень. В ней бросаются в глаза толстые длинные выдолбленные стволы деревьев, играющие в жизни папуасов большую роль.

Мужской дом (дарем) на о. Били-Били

Эти стволы, называемые *барум*, похожи на неуклюжие толстостенные челноки. Они покоятся на двух поперечных балках и на своей внешней стороне приблизительно посередине имеют более гладкое, стертое место, по которому ударяют палкой толщиной в руку. Удары производят громкий, глухой звук, слышимый по берегу на 5—6 морских миль. О всех важных событиях в жизни папуасов соседние деревни уведомляются посредством барума. Наступает ли неприятель, умер ли мужчина, устраивается ли пир^{33*} — обо всем этом окружающая местность извещается рядом последовательных ударов в барум, более сильных или слабых, с более или менее продолжительными между ними паузами. В каждой деревне имеются люди, умеющие особенно искусно бить в барум^{34*}.

Странно, что здесь почти все береговые жители не знают никакого способа добывать огонь, почему они всегда и везде носят с собою горящие или тлеющие головни. Идя рано утром на плантацию, они берут из своего очага полусгоревшее полено, чтобы развести огонь где-нибудь на краю плантации. Отправляясь в более далекий путь, например в горы, они берут с собою огонь для курения, так как их сигары, завернутые в зеленые листья, то и дело гаснут. Во время поездок по морю они держат обыкновенно раскаленные уголья в полуразбитом горшке, на дно

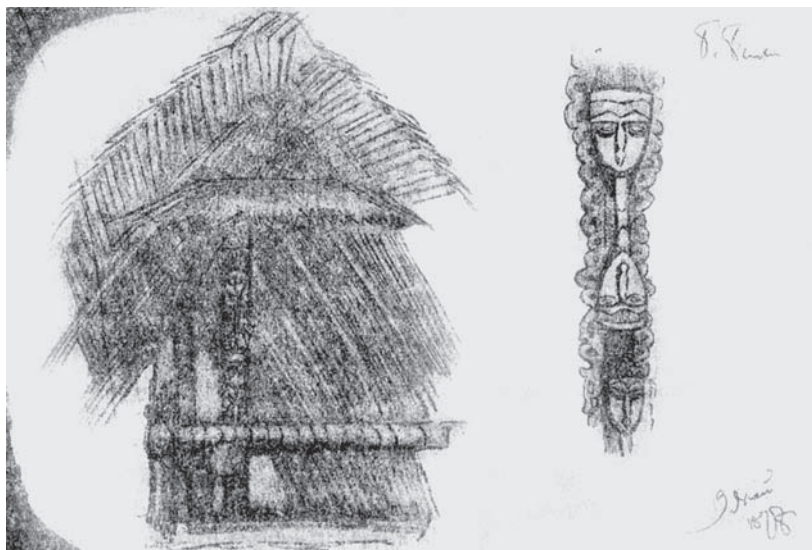
которого насыпана земля. Люди, остающиеся в деревне, никогда не забывают поддерживать огонь. Даже ночью разводят маленький огонь в хижине под спальными местами, что при полном отсутствии одежды защищает от прохладного ночного воздуха. Тепло проникает вместе с дымом сквозь щели бамбукового помоста и согревает, даже почти припекает одну половину тела, тогда как другая половина мерзнет. Ночью им приходится много раз вставать, чтобы смотреть за огнем.

Жители гор, как, например, «деревень» Энглам-Мана, Теньгум-Мана и лишь нескольких других деревень, не поддерживают этого вечного огня. Они умеют добывать огонь: каменным топором расщепляют кусок очень сухого дерева, называемого ими «илоль», но так, чтобы обе половины не совсем отделились друг от друга; в расщелину вводят крепкий шнур (расщепленную лиану) и, придерживая полено на земле коленом или ступней, приводят лиану в движение, которое все более ускоряется, пока не вспыхнут подложенные внизу сухие волокна со скорлупы кокосового ореха.

Этот способ добывания огня очень неудобен: одному папуасу потребовалось 1/2 часа, чтобы таким образом добыть мне огонь. Поэтому и в горах туземцы по возможности стараются, чтобы огонь никогда не потухал в очаге. Жители прибрежных деревень неоднократно говорили мне, что им частенько приходится ходить в другие деревни за огнем, если случайно во всех хижинах их деревни огонь погаснет.

Внутренность хижины

Папуас живет почти целый день вне дома; большая открытая площадка, вокруг которой стоят хижины, располагает достаточным пространством и тенью, чтобы все жители хижин могли производить на ней свои домашние работы и готовить себе вечером пищу на отдельных кострах, зажигаемых перед каждой хижинкой. Хижины служат преимущественно кладовыми, а также убежищами ночью и во время дурной погоды. Смотря по величине хижины, в ней имеется одна или несколько *барл* (высоких и широких бамбуковых скамей), расположенных вдоль стен. Нередко под крышей находится каморка с особой дверью, куда попадают с помощью лестницы; в этой каморке хранят плоды. Пучки аяна, бау висят рядами на бамбуковых жердях; там же можно найти несколько горшков и табиров, которые извлекаются в торжественных случаях. К балке, поддерживающей гребень хижины, прикреплена веревка, несущая внизу *мему* (палку с несколькими крючками). Перед палкой привешен кусок листового влагалища саговой пальмы таким образом, что веревка проходит через его середину. Это приспособление лишает доступа «к палке» многочисленных мышей, пожирающих

Внутренность мужского дома и резной столб. Остров Били-Били

ночью в хижинах все съедобное. На крюках мему вешают завернутые в листья кушанья, гуны, ямби и другие предметы, требующие охраны от мышей. Обыкновенно на той же балке висит нечто вроде плоской корзины с подобным же приспособлением против крыс, в ней сохраняются остатки ужина в горшках или табирах до следующего обеда.

Кроме пары копий, нескольких стрел и других орудий охоты и рыболовства, в хижине папуаса больше ничего нет. Трудно было бы найти человеческое жилье с меньшим числом предметов, составляющих, однако, все имущество его обитателей.

В более поместительных открытых хижинах (буамбрамы), о которых я уже говорил, бывает иногда также верхняя каморка, служащая кладовой. Вдоль стен висят многочисленные нижние челюсти заколотых на праздниках свиней и черепа съедобных рыб. Здесь существует обычай сохранять что-нибудь от каждого съедобного животного на память об этом событии.

Плантации и обработка почвы

Немногие плантации находятся вблизи деревень, большинство скрыто в лесу для того, чтобы защитить их от врагов. Выбрав участок земли для плантации, срубают сначала подлесок, а потом и более крупные сучья больших деревьев. Этим достигается большой доступ солн-

да, отчего все срубленное быстро увядает и засыхает. Тогда разводят огонь и сжигают срубленный кустарник и засохшие сучья. Остаются только большие деревья, их постепенно поджигают у корня в течение нескольких дней, а иногда и срубают большими каменными топорами. Очищенный участок окружают забором: втыкают по два ряда тростниковых кольев (*Sacharum spontaneum*) в рост человека близко один к другому. Пространство между двумя рядами наполняют грубо наколотой древесиной от больших деревьев. Стоящие один против другого тростниковые колья связывают парами через короткие промежутки лианами. Забор делается приблизительно в рост человека; он необычайно прочен, так как стебли тростника скоро пускают корни. Стебли стоят вплотную друг к другу, поэтому забор представляет надежную преграду против нападений диких свиней, которые в противном случае могли бы причинить большой вред молодым плантациям.

Прежде чем срублены все деревья и устроен забор, землю уже взрыхляют, размельчают и насыпают в кучи, имеющие около метра в поперечнике и полметра высоты. Каждая куча обсаживается только одним сортом растений, так что бананы, сахарный тростник, бау и аян растут попеременно. Меньше чем в месяц новая плантация бывает уже готова. На более старых плантациях почва в особенности хорошо обработана и измельчена. При этом папуасы пользуются очень простыми орудиями:

1. Удья — крепкая, длиной в 2 м палка, заостренная с одного конца; ею пользуются мужчины, так как для работы с этим примитивным орудием требуется много силы.

2. Удья-саб — небольшая узкая лопатка, применяемая женщинами.

Работа производится следующим образом: двое, трое или более мужчин становятся в ряд, с силой втыкают заостренные удья в землю и потом одновременным толчком поднимают большую глыбу земли. Если почва тверда, то в одно и то же место втыкают удья два раза, а потом уже поднимают землю. За мужчинами следует ряд женщин, которые ползут на коленях и, держа крепко обеими руками свои *удья-саб*, размельчают поднятую мужчинами землю. За ними идут дети различного возраста, растирающие землю руками. В такой последовательности мужчины, женщины и дети обрабатывают всю плантацию; потом накладывают кучи земли, группируемые в ряды.

Предварительная подготовка плантации, вырубка кустарника, сжигание и рубка деревьев, постройка забора по большей части производятся *всеми* жителями деревни совместно; дальнейшая же обработка земли — уже только всеми членами семьи. Но кучи обсаживают отдельные члены семьи, между которыми разделена плантация, так что даже младшие сыновья имеют свои особые плантации, которые они обязаны обработать и возделывать и плоды с которых им принадлежат.

Ежегодно в определенной последовательности папуасы получают с плантаций плоды и овощи, уже перечисленные мною выше. Так, в марте, апреле, мае, июне, июле они снимают урожай *бау*, в августе, сентябре, октябре и ноябре — *аяна*, в декабре и январе — *дегароля*, и в эти же месяцы особенно едят сахарный тростник. Каждый день посылают на плантации женщин, чтобы они принесли на вечер и на следующее утро нужные плоды. Каждая плантация делится между несколькими семьями, и обыкновенно одна деревня владеет несколькими плантациями⁷. Всего больше плантаций у прибрежных жителей, тогда как островитяне занимаются «больше» различными ремеслами (гончарство, постройка лодок и т. д.).

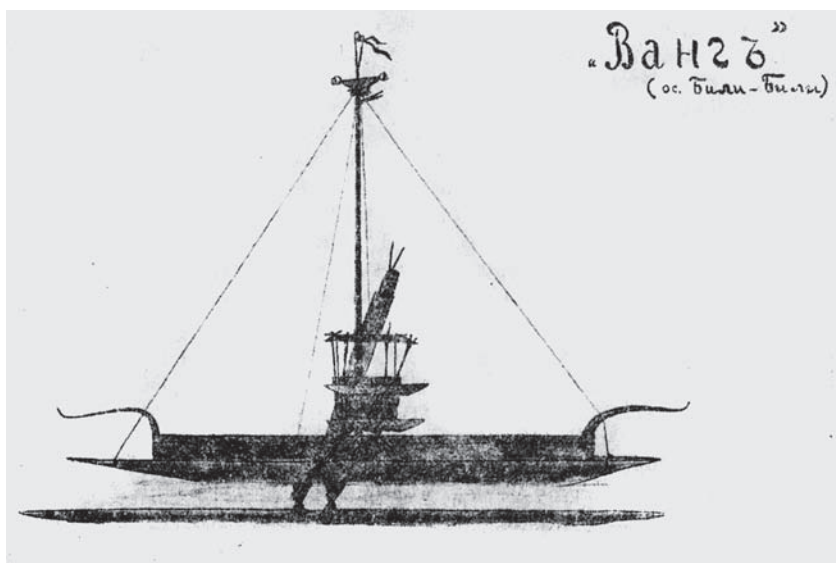
Сношения и обмен между деревнями

У папуасов Берега Маклая нет ни торговли, ни упорядоченного обмена. Если туземцы прибрежной деревни, например сразу несколько, отправляются в другие прибрежные деревни, на острова, лежащие к северу, или к жителям гор, то они берут все, что в их деревне имеется в избытке, и несут с собою в виде подарка. При уходе они получают ответные подарки, состоящие из продуктов, бывающих всего чаще в той деревне. Чрезвычайно редко я замечал, чтобы подарок предлагался за определенный ответный подарок или давался в ответ «на конкретный» подарок.

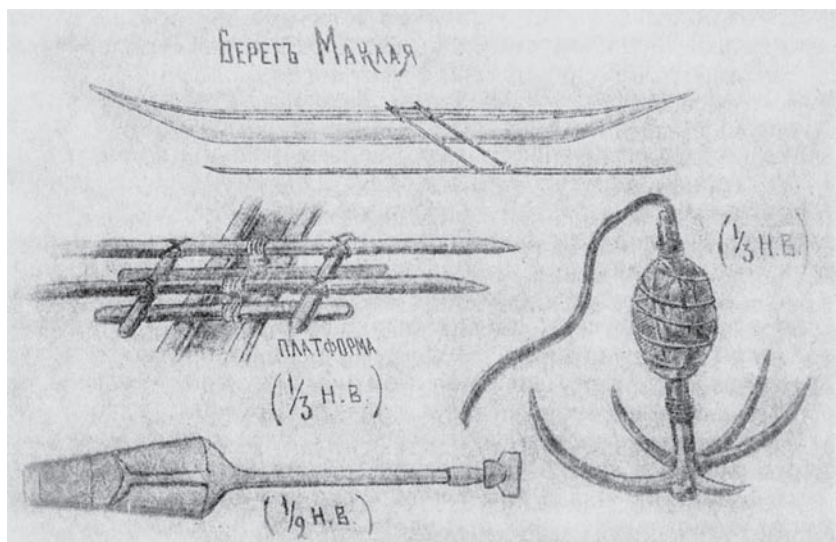
Так, горные деревни *Тенъгум-Мана*, *Энглам-Мана*, *Марагум-Мана* и др. богаты арековыми пальмами и табаком. Их жители приносят эти продукты в прибрежные деревни и получают взамен гончарные изделия, рыбу, соль (в виде кусков «пропитанного морской водой» дерева). Островитяне изготовляют преимущественно горшки и мали, за которые они принимают продукты плантаций прибрежных жителей. Эти островитяне служат также посредниками при обмене продуктами между прибрежными деревнями, расположенными далеко одна от другой.

Обычай взаимного отдаривания так укоренился, что даже жители соседних, близлежащих деревень при своих весьма частых посещениях приносят почти каждый раз что-нибудь своим приятелям и получают от них при уходе ответный подарок.

Не все деревни имеют *пирбги*. Причина тому — расположение многих деревень в таких местах, где постоянный сильный прибой затрудняет приставание к берегу. Пироги выдолблены из древесных стволов, имеют балансир и маленькую платформу, находящуюся посередине, там, где прикрепляется балансир. Двух гребцов (один спереди, другой сзади) достаточно для быстрого продвижения этого судна; самые маленькие пироги могут вместить только трех человек. Жители

Парусная лодка (ванг). Остров Били-Били

Лодка с балансиром, деталь платформы, якорь, весло

Били-Били и архипелага *Довольных людей* строят, однако, большие пироги, имеющие вместо платформы маленькую хижину. Они употребляются для более продолжительных поездок под парусами, нередко имеют даже две мачты, наклоненных в противоположные стороны: одна вперед, другая назад. На этих пирогах туземцы превосходно ходят под парусами при самом слабом ветре, но пироги держатся довольно хорошо и при сильном ветре, хотя папуасы по возможности его избегают. Большой парус — это циновка из пандануса, вместо веревок пользуются расщепленным бамбуком и лианами. Якорем служит кусок древесного ствола с обрубленными и заостренными четырьмя или пятью сучьями, образующими лапы якоря, между которыми для его утяжеления, укреплены посредством плетения из расщепленного ротанга камни^{35*}. На этих пирогах жители *Били-Били* (лучшие мореходы во всей округе) предпринимают поездки на различные острова архипелага *Довольных людей*, даже на *Кар-Кар* (о. Дампир) и к юго-востоку, на берег у мыса Риньи^{36*}.

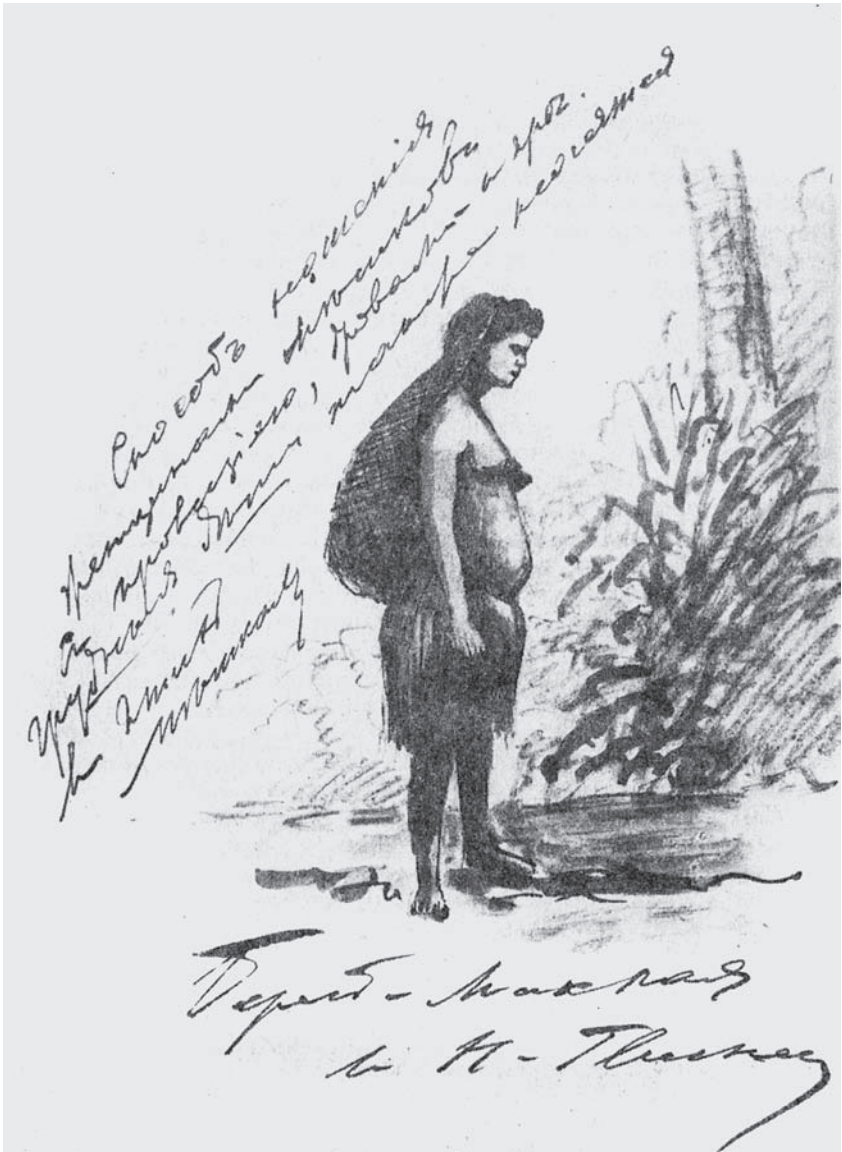
Жители Ваг-Вага (о. Рич) не имеют, по словам береговых жителей, никаких судов, на которых они могли бы посещать берега Новой Гвинеи; их также никто не посещает, и они живут совершенно обособленно^{37*}.

Горные жители боятся больших морских переходов, да и жители побережья не выказывают себя отважными моряками. Они предпринимают плаванья только в хорошую погоду и при благоприятном ветре^{38*} и остаются дома, как только ветер усиливается и в море начинается волнение.

Повседневная жизнь папуасов

Папуас Берега Маклая женится рано, имеет^{39*} только одну жену^{40*} и отличается строгой нравственностью. Насколько мне приходилось видеть, внебрачных связей почти не бывает или они встречаются очень редко. Брачные обряды очень просты. Жених делает, с согласия своей семьи и семьи невесты, подарки (5—10 табиров, редко 15 и больше таких деревянных блюд, несколько малей и т. п.). Спустя несколько дней режут свинью или собаку, устраивают праздничный обед и жених приводит невесту в свою хижину. Еще проще развод, так как при этом обходятся без праздничного обеда. Муж просто отправляет жену к ее родственникам, если она оказывается неспособной к работе, например при болезни ног, затрудняющей ходьбу, и берет себе другую.

Вообще же мужья обращаются с женами хорошо и лишь изредка их колотят. Ежедневно жена приносит с поля плоды, собирает дрова для ночного огня; она же таскает воду с морского берега или из ручья. Под вечер часто можно видеть женщин, возвращающихся с поля тяже-

«Способ ношения женщинами мешков с провизией, дровами и проч.
Грудные дети также носят в этих мешках»

ло нагруженными. На спине у них висят два мешка, прикрепленные к веревке, обвивающей лоб: нижний — с плодами, верхний — с самым младшим ребенком. На голове, сильно нагнутой вперед благодаря тяжести мешков, они несут еще большие вязанки сухих дров, в правой руке держат пучок сахарного тростника, а на левой руке висит иногда еще один маленький ребенок. Такой груз при жаре и при узких тропинках очень утомителен; свежесть и здоровье молодой женщины уносятся поэтому очень скоро.

Дети очень веселы, а плачут и кричат весьма редко; отец, а иногда и мать обращаются с ними очень хорошо, хотя мать обычно относится к детям менее нежно, чем отец. Вообще папуасы обнаруживают очень большую любовь к детям. Я видел у них даже *игрушки*, что не часто встречается у диких народов: нечто вроде кубарей, маленькие лодочки, которые дети пускают по воде, и некоторые другие в том же роде. Но уже рано мальчик сопровождает своего отца на плантацию, в его походах по лесу или в поездках на рыбную ловлю. Ребенок научается из практики почти в детстве всем своим позднейшим занятиям и еще маленьким мальчиком становится очень серьезным и осторожным в обращении.

Мне частенько приходилось видеть комичную сцену, как маленький мальчуган, лет четырех, пресерьезно разводил огонь, носил дрова, тщательно мыл блюда, помогал отцу чистить плоды, а потом вдруг вскакивал, бежал к матери, сидевшей на корточках за какой-нибудь работой, схватывал ее за грудь и, несмотря на ее сопротивление, принимался сосать. Дело в том, что здесь весьма распространен обычай кормить детей грудью очень долго.

День папуаса начинается, едва забрезжит свет. Папуасы любят крик петуха, возвещающий близость дня, а потому держат петухов в деревнях^{41*}. Если папуасу не нужно отправляться далеко в лес или горы, он еще в темноте идет, завернувшись в свой масть, на берег моря и ожидает, сидя на корточках и дрожа от холода, восхода солнца. Собирается обыкновенно целая компания, однако люди лишь изредка обмениваются словами, обычно же все молчат и молча расходятся. Когда солнце поднимается выше, папуас возвращается в деревню, где приказывает жене или детям принести остатки вчерашнего ужина или варит себе немного свежей пищи. Женщины готовятся идти на плантации; они загораживают бамбуковыми палками и циновками двери своих хижин, забирают свои мешки, удья-саб, засовывают кричащих детей в мешки, не забывая при этом захватить с собою и тлеющую головню, и по несколько вместе, в сопровождении детей и собак, оставляют, болтая, деревню. Мужчины остаются в деревне, сидя перед своими хижинами, спокойно поедают свой завтрак, после чего жуют бетель и курят свои зеленые сигары. В это время в деревне очень тихо, хотя в

ней осталось еще много мужчин. Около 10 часов утра мужчины один за другим и по нескольку вместе покидают свои хижины: одни уходят на плантации, другие — на рыбную ловлю, третьи — в соседние деревни. Все они вооружены луком и стрелами^{42*}, иногда и метательным копьем и, кроме того, нагружены еще различными орудиями (удья, рыболовные сети, весла и т. п.). Они тоже закрывают свои хижины.

Если прийти в деревню в полдень, часто не найдешь в ней ни одного человека; только несколько собак и свиней посмотрят на пришельца и исчезнут в кустах. Все хижины заперты, и только буамбрамра манит своей прохладой, соблазняя путника растянуться на широкой барле и отдохнуть. Около 4 или 5 часов слышатся шаги мужчин, возвращающихся с работы или из своих походов. С них со всех еще струится вода, так как перед приходом в деревню они искупались в ближайшем ручье и даже натерлись вместо мыла песком и жесткой шероховатой травой. Несмотря на распространенность у папуасов кожных болезней, их нельзя назвать нечистоплотными; они купаются ежедневно, даже по нескольку раз, и часто натираются песком или травой. Придя в деревню, они растягиваются на своих барлах и ждут, когда наступит время готовить себе еду. Визгливые голоса в лесу возвещают скоро и о прибытии женщин, которые с тяжелой ношей, в поту, подходят к хижинам, сбрасывают вязанки дров и осторожно снимают мешки с детьми и плодами.

Зажигаются огни. Дети постарше помогают своим родителям приносить горшки и табиры, смотреть за огнем, чистить плоды и раскладывать их по горшкам. Иногда сходятся несколько соседей; каждый приносит немного плодов и овощей, и вместо нескольких малых горшков варят в одном большом. Между тем девушки приносят морскую и пресную воду в бамбуковых сосудах. Прежде чем положить или налить что-нибудь в горшок, кладут в него зеленый или сухой лист, чтобы предохранить овощи от пригорания. Также кладут в горшок содержимое бамбуковых сосудов, которые мужчины носят с собою во время прогулок. Их содержимое иногда очень разнообразно: там можно найти жуков, улиток, раков, крабов, гусениц, маленьких ящериц и т. п. Все это бросают в горшок вместе с землей и сухими листьями, попавшими в сосуд случайно. Еще живые животные пытаются спастись, но в горшок всыпают аян, бау или дегарголь, наливают воды, на одну треть морской, а затем накрывают горшок зелеными листьями и скорлупой кокосового ореха и ставят на огонь. Смотря по содержимому, горшок стоит на огне час или более. Мужчины ломают сухие дрова на колене или на твердом камне, женщины — на голове.

Когда еда готова, ставят круглый в основании горшок на сплетенный из соломы кружок. Хозяин дома раскладывает кушанья по поставленным вокруг табирам; лучшие куски достаются гостям и ему самому,

худшие — детям и женщинам. К этому времени обыкновенно уже совсем темнеет, однако костер не разжигают ярче, а продолжают сидеть в сгущающейся темноте и медленно едят, пережевывая трудно перевариваемую пищу. Чтобы в какой-то мере удовлетворить потребность в соли, пьют, приложив табир к губам, жижу, в которой были сварены с некоторым количеством морской воды гусеницы, пауки и ящерицы. Женщины удаляются в хижины. Время от времени слышны крики детей и тихая беседа мужчин, жующих свой бетель или курящих сигары. Но эти звуки скоро умолкают, мужчины разводят в хижинах небольшие костры под своими барлами и засыпают; но им приходится нередко вставать, так как огонь под ними часто гаснет, и холод ночного воздуха их будит.

Так проходят дни у жителей Берега Маклая. Перемены вносят только войны, многолюдные визиты в соседние деревни, а также празднества, которые устраиваются в их собственных деревнях и у соседей.

Мыс Уединения на Берегу Маклая в Новой Гвинее, 1872 г.

Батавия, 22 ноября 1874 г.* ^{43*}.

II

Die Gegenwart allein ist wahr und wirklich.

(A. Schopenhauer: Parerga und Paralipomena.
Berlin, 1862. Bd. 1. S. 441)^{45*}

Und wenn's euch ernst is was zu sagen, ist nöthig
Worten nachzujagen?

(Goethe. Faust, I)^{** 46*}

Повседневная жизнь папуасов

(Продолжение)

Разрисовка лица и тела. Папуасы раскрашивают себе лицо красной и черной красками; красную употребляют больше молодые, черную — чаще пожилые. Молодые люди (маласси) пятнадцати—трид-

*Я надеюсь еще в этом году просмотреть продиктованную уже в 1873 г. часть моих заметок; возможно даже, я найду достаточно времени продолжить перевод и публикацию написанных по-русски заметок^{44*}.

Йохор-Бару, 7 февраля 1875 г.

** Этот эпиграф адресован преимущественно моим немецким читателям. Интересный и не без труда добытый материал этих «Заметок» извинит, быть может, «немецкий язык» русского (автора).

цати лет соблюдают этот обычай в особенности; они придумали разные рисунки и смешения красок, которыми они покрывают лицо и спину.

В обыкновенные дни они ходят нераскрашенными или раскрашенными лишь немного, например обводят глаза кружками или проводят вдоль носа черту, которая соединяется с другой чертой, проведенной от одного виска к другому, на месте сбритых бровей у основания лба. Но по случаю праздников все лицо натирается красной краской, по которой проводится еще несколько белых и черных черточек. Одна из самых употребительных — вышеупомянутая черта внизу лба, соединяющаяся накрест с проведенной вдоль спинки носа линией. Иногда одна половина лица окрашена в черный цвет, а другая — в красный, что производит весьма своеобразное впечатление. От затылка несколько параллельных линий идет вдоль спины до талии. Отдельные рисунки изображаются на лопатках; напротив того, грудь раскрашивается редко и еще реже проводится несколько цветных линий на ногах.

Мужчины старше тридцати лет (тамо) почти не пользуются красной краской и заменяют ее черной. Они красят ею волосы и лоб и проводят полосу вдоль носа до его кончика, в особенных случаях красят все лицо или, вернее, всю голову. Есть, однако, деревни, где вследствие обилия черной краски туземцы натирают ею все тело и притом настолько старательно, что ее можно принять за их натуральный цвет. Так, например, несколько человек с Кар-Кара, посетивших меня⁸, были сплошь покрыты черной краской, что придавало им своеобразный, отличный от остальных вид*.

Женщины Берега Маклая появляются накрашенными редко, причем не так строго придерживаются определенных правил в отношении раскраски, как мужчины.

Об уходе за волосами я уже говорил в антропологическом отделе этих заметок**.

Удаление волос. До моего приезда папуасы употребляли для стрижки и бритья бамбуковые ножи и осколки кремня. Теперь они стригутся и бреются осколками стекла, которые собирают около моей хижины.

Я видел у них, однако, еще другой способ удалять волосы. Они берут 2 тонких шнура или 2 крепкие травинки, связывают их вместе и обвивают вокруг пальца левой руки, а правой их закручивают. Шнуры держат перед самым лицом, волосы попадают между двумя шнурами и закручиваются с ними; достаточно затем небольшого движе-

* Я предполагаю, что некоторые моряки, выдавшие таких раскрашенных людей в лодках, принимали эту раскраску за естественный цвет и давали по этому поводу неверные сообщения.

** *Miklucbo-Maclay N. Anthropologische Bemerkungen. S. 10 (см. 18—22 наст. тома).*

ния руки, чтобы вырвать с корнем несколько волос. Хотя операция эта, судя по моему собственному опыту, очень болезненна, тем не менее папуас, занимающийся таким выдергиванием иногда 3—4 часа, никогда не делает гримас, что мне неоднократно приходилось наблюдать с удивлением.

Искусственные рубцы. Здешние папуасы не делают татуировки, а выжигают рубцы, мужчины — на спине и ляжках, а женщины — по обеим сторонам груди и на руках выше локтя, распределяя их в виде линий. Чтобы обзавестись такими рубцами, пациент ложится на спину или на живот; зажигается маленький кусочек сухой коры, и оператор кладет его раскаленным, но не горящим, на кожу, пока кора не обратится в золу; таким образом сжигают несколько кусочков подряд. И эта процедура требует много терпения и значительной силы воли для преодоления боли⁹.

Скудость женского наряда в сравнении с мужским. Здешние папуасы склонны наряжаться гораздо больше, чем их жены, костюм которых нередко сведен к минимуму*. Мужчины тратят 4—5 часов на расчесывание своих волос, смазывание их отваром плодов субари (*Calophyllum inophyllum*), на их окраску, украшение перьями и цветами, расписывание лица и спины, опоясывание возможно ту же малем, наконец, на то, чтобы заткнуть за браслеты на руках и ногах ветки пестролистных растений (из семейства *Euphorbiaceae*).

Единственное украшение, дозволенное женщинам в торжественных случаях, — небольшое количество краски, которой они натирают себе волосы, лоб и щеки. При таких случаях женщины носят, однако, много ожерелий из маленьких и больших раковин, собачьих зубов и пестроокрашенных косточек плодов.

Положение женщины. Было бы неправильно утверждать, что здешние папуасы плохо обращаются со своими женами или что последние не имеют никакого влияния на мужей, однако почти во всем женщины Берега Маклая занимают подчиненное положение. Если им и не приходится работать через силу, все же у них достаточно дела каждый день в продолжение целого года, тогда как мужчины, закончив в несколько недель более трудную работу (разбивка новых плантаций, обработка почвы), могут затем 3/4 времени лентяйничать. Женщины получают пищу всегда похуже, должны есть ее отдельно от мужчин, у них гораздо меньше украшений (в сравнении с мужчинами), они не могут принимать участия в празднествах мужчин и т. д.

* На Били-Били я видел у одной девушки брачного возраста самый простой костюм, какой только вообще может существовать. Весь туалет ее состоял из одной большой белой раковины (*Surgaea*), закрывавшей нижнюю часть *mons Veneris*.

Здесь я нахожу уместным сделать несколько замечаний о морали папуасов*.

Папуасы смотрят на половые отношения разумно, как и на другие физические потребности (еда, сон и т. д.), и не создают из них искусственной тайны. Я видел много раз, как дети обоего пола, играя на теплом песке побережья, подражали coitus'у взрослых. В моем присутствии и перед другими мужчинами девушки и женщины говорили, нисколько не стесняясь, о половых органах и их функциях. Подобные разговоры показались бы чудовищными европейским моралистам; на самом же деле, я думаю, папуасские девушки могут поспорить в том, что касается целомудрия, с европейскими, воспитанными в вынужденном лицемерии и жеманстве.

Мне приходилось также нередко слышать, как во время пребывания молодоженов в хижине сидящие неподалеку молодые люди отпускали остроты и замечания, которые для слуха европейца были бы грязны, в действительности же были очень естественны.

Гимнастические упражнения девушек, о которых я уже говорил**, являются не чем иным, как подготовкой к выполнению супружеских обязанностей. Я видел однажды маленькую девочку в Бонгу, занятую этой гимнастикой. Бедняжка была крайне утомлена, и я, еще не понимая тогда смысла этих упражнений, заметил одному присутствовавшему при этом мужчине: «Чего она не уйдет? Зачем она это делает? Она совсем устала!» — «О, это ничего, пусть продолжает, — услышал я в ответ, — ее муж получит от нее больше удовольствия». Слова эти привлекли мое внимание, и я убедился потом, что *эта гимнастика входит в цикл воспитания девочек* (такие телодвижения женщины делают также при пляске) и представляют главным образом подготовку к coitus'у. Папуасы говорили мне сами, что «хорошо спать» с женщинами, производящими эти движения умело и сильно. Это и есть причина, почему, как я уже упоминал, мужчинам нравится особая походка женщин.

Выражение чувств (нежность к детям, половая любовь), несомненно имеющих, не проявляются, однако, на европейский манер. Но как именно они выражаются, этого мне не удалось наблюдать, папуасы не любят проявлять своих чувств при посторонних.

* Читая следующие далее строки, нужно иметь в виду, что я жил среди папуасов в качестве *каарам тамо* (человек с Луны), и принял во внимание, что папуасы не боялись и не дичились меня и вследствие моего долгого пребывания и моей *manière d'être*^{47*} так привыкли к моему присутствию в деревнях, что ни в чем не изменяли своего образа жизни и привычек во время моих посещений. Это обстоятельство имело при наблюдении обычаев весьма важное значение.

** См. мои «*Anthropologische Bemerkungen*». S. 22 (с. 28 *наст. тома*).

О браке у папуасов я уже говорил раньше, что он заключается без каких-либо особых торжеств; иначе это стало бы мне несомненно известно за мою 10-месячную^{48*} совместную жизнь с папуасами. Переговоры об обмене подарками между женихом и отцом девушки я, правда, слышал, но помимо этого ничего примечательного не заметил. Например, сегодня я видел молодую женщину в хижине холостяка, где еще вчера ее не было; вчера вечером он на ней женился. Не могу также ничего сообщить об обычаях при *рождении* ребенка, хотя мне случалось бывать в деревнях как раз в то время, когда рождались дети.

Об обрезании я слышал от достойных доверия лиц следующее. Обрезание совершается над 12—13-летними мальчиками вне деревни, в лесу, острым осколком кремня, после чего вся компания, состоящая только из мужчин, с пением приносит новообрезанного обратно в деревню. После обрезания на мальчика смотрят как на молодого мужчину, и он получает многие права, которых раньше был лишен.

О приветствиях у папуасов. Приходя в деревню, сосед говорит детям: «Э, вау» (Э, дети), женщинам: «Э, нангели» (Э, женщины), мужчинам: «Э, мем» (Э, отец). Приветствие тамо между собою: «Э, аба» (Э, брат). Между родственниками и давнишними приятелями приветствия не в ходу. Папуасы подают друг другу руку, касаются руки другого, но не жмут ее. Уходя, гость говорит: «Ади ангармем» (я ухожу); хозяин и присутствующие отвечают: «Э, аба» или «Э, мем», на что гость дает ответ соответствующими словами. Потом хозяин говорит: «Глембе» (ну, иди), после чего провожает своего гостя до выхода из деревни, неся за ним подарки и остатки от трапезы. Часто гость говорит: «Ты оставайся здесь, а я пойду». При особенно чувствительном расставании туземец прижимает своего друга к левой стороне груди, обнимает его одной рукой и в то же время хлопает его слегка по спине другой рукой.

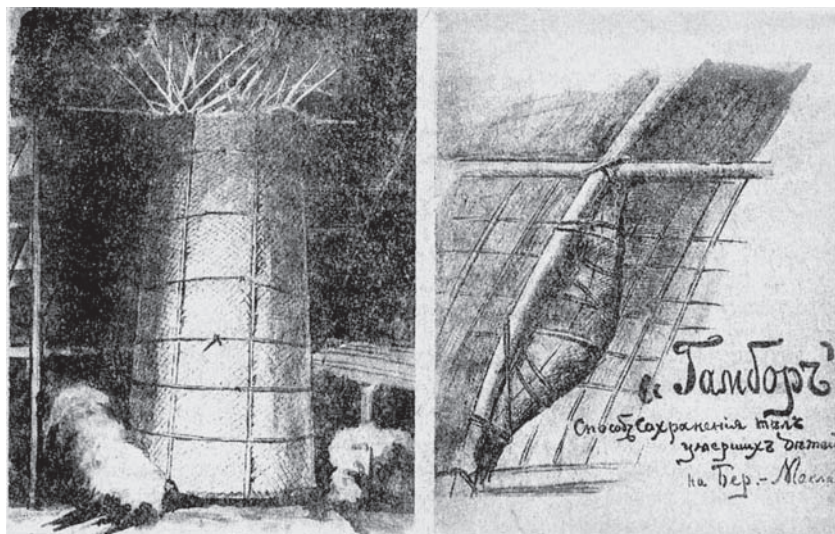
При моем посещении деревни *Богати* меня ожидала большая толпа (папуасов), которые, когда моя шлюпка подошла к берегу, тотчас присели и не вставали до тех пор, пока я не выскочил из лодки и не обратился к одному старому знакомому с просьбой помочь мне привязать ее. Этот обычай *приседать на корточки перед почетным гостем в знак приветствия* я встретил также на островах архипелага *Довольных людей*.

Довольно распространен на побережье *обычай обмена именами*: меня неоднократно просили в различных деревнях поменяться именем с каким-нибудь туземцем, которого я чем-нибудь отличил. Чтобы не вызывать путаницы и недоразумений, я всегда отклонял такие предложения и лишь позволил дать мое имя (Маклай), и это считалось большой милостью, несколькими новорожденным мальчикам, отцы которых считались моими особенными друзьями. Многократно меня также просили выбрать имя новорожденным мальчикам и девочкам.

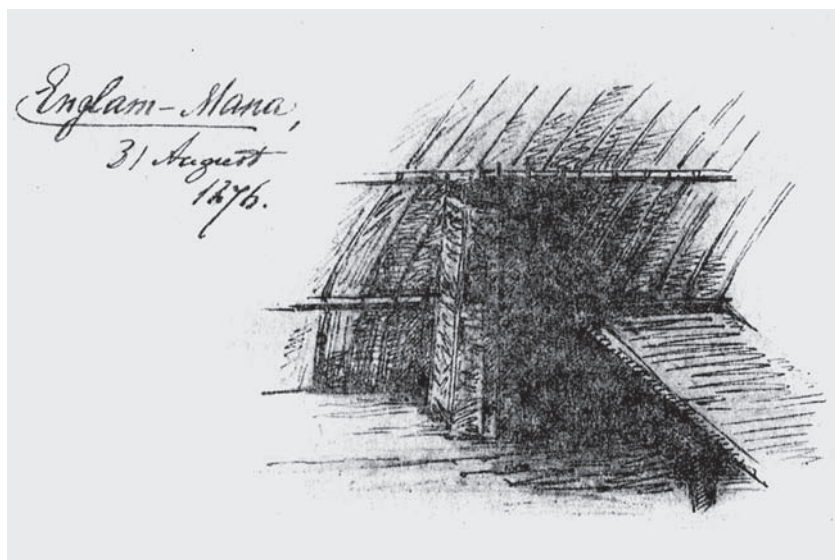
Погребальные обряды. О смерти мужчины сообщается окрестным деревням определенной последовательностью ударов в барум. В тот же день или на следующее утро их мужское население собирается вблизи деревни покойного. Все мужчины в полном вооружении. При первых ударах барума гости входят в деревню, где возле хижины умершего уже собралась толпа, также вооруженная. По окончании кратких переговоров собравшиеся мужчины разделяются на два противоположных лагеря, после чего начинается показательное сражение, во время которого туземцы проявляют, впрочем, известную осторожность и не пускают в ход своих копий. Стрелы, однако, пускаются непрерывно дюжинами, и, несмотря на показательный характер боя, бывает немало раненых, хотя и не серьезно. В особенное возбуждение приходят ближайшие родственники и друзья умершего, которые ведут себя, как сумасшедшие.

Когда все разгорячатся, утомятся, выпускают все стрелы, мнимые враги садятся в круг, и большинство ведет себя далее как простые зрители. Ближайшие друзья покойного приносят, между тем, несколько циновок и широкие влагалища листьев (*foliorum vagina*) саговой пальмы и кладут их на середине открытой площадки. Затем они выносят из хижины умершего, связанного ротангом, в положении человека, сидящего на корточках, с упертым в колени подбородком и с руками, обхватывающими ноги. Подле покойника ставят его вещи, подарки соседей и несколько табиров со свежесваренной пищей. В то время как мужчины сидят в кругу на открытой площадке, женщины (даже ближайшие родственницы покойного) могут смотреть только издали. Когда приготовления окончены, несколько мужчин выходит из круга, чтобы помогать ближайшим друзьям и родственникам умершего при дальнейшей процедуре. Труп завертывают в принесенные циновки и очень искусно и крепко увязывают ротангом и лианами, так что получается хорошо упакованный сверток. Привязав тук с покойником к крепкой палке, его относят обратно в хижину, палку прикрепляют под крышей хижины, а все его вещи, подарки и пищу ставят опять около трупа. После этого хижину оставляют, и гости возвращаются в свои деревни.

Несколько дней спустя, когда труп уже сильно разложился, его погребают в самой хижине, что, однако, не мешает родственникам продолжать жить в ней. Приблизительно через год выкапывают череп, отделяя его от остального скелета. Однако ближайшие родственники покойного *хранят* не весь череп, а только *нижнюю челюсть*; ее нередко носят в гуне или в виде браслета на руке выше локтя. Эта кость заботливо хранится как память об умершем; мне удалось только после многих уговоров и ценных подарков убедить одного из моих соседей уступить мне тайком нижнюю челюсть его покойного родственника.

Гамбор — плетеный папуасский гроб. Остров Били-Били;
«Способ сохранения тел умерших детей на Берегу Маклая»

Гамбор в горной деревне Энглам-Мана

Погребение ребенка или женщины, на котором я никогда не присутствовал, производится с гораздо меньшими церемониями: не бывает ни битья в барум, ни собраний соседей, ни показного боя.

Пояснительное примечание. Я мог бы на основании собранного материала написать целый трактат о религиозных представлениях и церемониях и изложить суеверия папуасов, высказав ряд гипотез об их мирозерцании. Я мог бы это сделать, если бы рядом с моими личными наблюдениями и заметками я поставил то, чего не видел и не наблюдал, и прикрыл бы все это предположениями, правдоподобными догадками и комбинациями. С некоторой ловкостью можно было бы сплести интересную на вид ткань, в которой было бы нелегко отличить правду от вымысла. Такой образ действий, однако, *мне* противен; он ставит преграду на пути научного проникновения в это и без того не легкое для исследования поле воззрений и понятий расы, от нас совершенно отличной и далекой по степени своего культурного развития. Ведь все догадки и привнесенные теории придают слишком субъективную окраску действительным наблюдениям и тем уменьшают ценность последних и затушевывают пробелы, которые должны служить как раз задачами дальнейших наблюдений для последующих исследователей.

Я сознаюсь вполне откровенно, что мое 15-месячное пребывание на Берегу Маклая *не* было достаточным для того, чтобы составить несомненно правильное представление о таких предметах, как религия и мирозерцание папуасов. Такое мое признание будет служить достаточным объяснением разрозненности последующих отрывочных заметок.

Заметки об изучении языка и о диалектах 〈папуасов Берега Маклая〉

Изучение первого папуасского диалекта* было сопряжено для меня с большими трудностями, так как не было лица, которое могло бы служить переводчиком для обеих сторон. Названия, которые я желал знать, я мог получить, только или указывая на предмет или с помощью жестов, которыми я подражал какому-нибудь действию. Но эти два метода были часто источниками многих недоразумений и ошибок. Один и тот же предмет назывался разными лицами различно, и я часто по

* Список слов, составленный мною на моем берегу, я отослал еще два года назад (в январе 1874 г.) моему глубокоуважаемому другу с. п. Отто Бётлингку, члену имп. Академии наук в С.-Петербурге. Мне кажется, однако, уместным повторить здесь краткие заметки, приведенные мною в посланной в Европу рукописи, тем более что мне до сих пор осталось неизвестным, появились ли эти заметки в печати¹⁰.

неделям не знал, какое выражение правильно. Сообщу здесь пример того, что со мною частенько случалось. Я взял однажды лист в надежде узнать название листа вообще. Туземец сказал мне слово, которое я записал; другой папуас, которому я предложил тот же вопрос и показал тот же лист, сказал другое название; третий в свою очередь еще одно, четвертый и пятый обозначили предмет опять другими и различными словами. Все названия записывались, но какое было настоящее название листа? Постепенно я узнал, что сказанное сперва слово было названием растения, которому принадлежал лист; второе название означало «зеленый», третье — «грязь», «негодное», потому ли, что я, быть может, поднял лист с земли, или потому, что лист был взят с растения, которое папуасы ни на что не употребляют. Так случалось со многими, очень многими словами*.

Для ряда понятий и действий я никаким способом не мог получить соответствующих обозначений; для этого оказались недостаточными как моя сила воображения, так и моя мимика. Как мог я, например, представить понятия «мечта» или «сон», как мог найти название для понятия «друг», «дружба»? Даже для глагола «видеть» я узнал точное слово лишь по прошествии четырех месяцев, а для глагола «слышать» так и не мог узнать. К этому надо еще прибавить многочисленность диалектов у моих соседей. *Записывание слов* в свою очередь представляло большие трудности. Я скоро убедился, что некоторые звуки папуасских языков *я решительно не могу воспроизвести*. Напрасно я делал к этому попытки и хотя я явственно чувствовал разницу между папуасским и своим произношением, тем не менее для меня было *невозможно* передать моим органом речи созвучное слово. Наши гортани и вся мускулатура речевых органов были совершенно различны**. Не один только орган

* Что это случилось не со мной одним, я мог заметить из маленького списка, который был составлен одним из офицеров «Витязя» и который опубликовал д-р А. Б. Майер (Tijdschrift voor Indische Land-, Taal- en Volkenkunde. 1873. D. 20. S. 459) (см. с. 164—165 наст. тома). Там, например, для руки приведено слово *sakiu*, что значит «ручной браслет», для воды — *ual*, что значит «море». Череп назван *kumi*, что в действительности обозначает черную краску для волос. При глаголе «есть» поставлено *ingi*, что значит «сваренные овощи», и т. д. Легко понять, как произошли эти недоразумения. Спрашивающий, желая знать название руки, показал случайно на то место, где находился ручной браслет *sagiu* (не *sakiu*), и смело записал это слово как название руки. Подобное же случилось и с другими словами.

** На Новой Гвинее я неоднократно вспоминал совет глубокоуважаемого покойного проф. Шлейхера¹¹ в Йене: изучать сравнительно-анатомически органы речи различных рас; я думаю, что он был прав и что такое исследование могло бы привести к положительным и важным результатам. Функциональные различия настолько велики, что, вероятно, можно при помощи микроскопа установить и существенные анатомические различия¹².

речи мешает правильной передаче чужого слова; орган слуха играет при этом важную роль. Одно и то же чужое слово слышится различными лицами различно и часто *очень* различно¹³.

Таким образом, при записывании слов чужих языков открываются многие источники ошибок: 1) туземцы выговаривают слова не вполне одинаково; 2) записывающий воспринимает слова своим органом слуха, имеющим индивидуальные особенности; 3) прежде чем записать слово, он его произносит своим органом речи, имеющим также индивидуальные особенности; 4) произнесенное чужое слово он должен изобразить буквами известного ему языка, даже в том случае, если он различает явственно разницу звуков и знает, что буквы не подходят к слышанным звукам¹⁴.

Все эти обстоятельства обратили мое внимание и очень мне досаждали, когда я занимался записыванием папуасских диалектов. Компетентные специалисты-языковеды должны найти выход из описанных затруднений.

Я думаю также, что непривычные звуки лучше всего можно записать на своем родном языке, так как на нем можно лучше определить, насколько точно буквы передают звуки. Потому я сначала записывал все папуасские слова *по-русски*, тем более что русский алфавит представлял в мое распоряжение ряд букв, казавшихся особенно подходящими для передачи некоторых папуасских звуков*.

Почти в каждой деревне Берега Маклая — свой диалект. В деревнях, отстоящих на четверть часа ходьбы друг от друга, имеется уже несколько различных слов для обозначения одних и тех же предметов; жители деревень, находящихся на расстоянии часа ходьбы одна от другой, говорят иногда на столь различных диалектах, что почти не понимают друг друга. Во время моих экскурсий, если они длились больше одного дня, мне требовались два или даже три переводчика, которые должны были переводить один другому вопросы и ответы. Только пожилые люди говорят на двух или трех диалектах; чтобы научиться им, папуасы в юношеском возрасте проводят некоторое время в чужих деревнях.

Много раз бросалось в глаза, что молодые люди не знали некоторых слов своего собственного диалекта; чтобы узнать название вещи, они шли в таком случае к какому-нибудь старому папуасу. Случается поэтому, что по смерти стариков приходится *придумывать и вводить* но-

* Например, звук, который можно по-немецки изобразить через *scht*, по-русски выражается одной буквой «щ»; другой подобный звук — *tsch*, для которого в русском языке также имеется одна буква «ч»; наконец, часто встречался звук, который подходящим образом можно выразить буквой «ы», не известной (?) ни в одном европейском языке, кроме русского¹⁵.

вые слова¹⁶. Папуасы спрашивали меня о названии каждой новой вещи, которой они раньше не знали и лишь впервые у меня увидели, и заучивали довольно скоро почти все сказанные им названия. Таким образом, в папуасских диалектах Берега Маклая теперь встречается ряд русских слов, например: топор, нож, гвоздь и т. д.¹⁷

Многие слова являются звукоподражанием; таковы, например, названия различных птиц и т. д.*

В диалектах Берега Маклая встречается также ряд слов *малайско-полинезийского* происхождения, замеченных мною уже при поверхностном сравнении. Это обстоятельство кажется мне не лишенным значения, тем более что слова эти служат как раз для обозначения важных предметов¹⁸.

Собранный мною список не превышал 300 слов с небольшим; это обуславливалось тремя обстоятельствами: 1) не будучи лингвистом, я заучивал *только самое необходимое*, тем более что узнавание слов, как я уже объяснял, было делом не легким; 2) в последнее время своего пребывания, когда я достаточно усвоил язык своих соседей, я *пренебрегала* записью многих, вновь выученных слов, а так как «Изумруд» пришел неожиданно и я также внезапно должен был оставить Новую Гвинею, то эти слова так и остались незаписанными и были потом мною забыты; 3) я убедился, что *мое знакомство с языком было почти достаточным* для того, чтобы поддерживать с туземцами ежедневное общение. Это последнее обстоятельство кажется мне особенно интересным; я знал приблизительно 350 слов (незаписанных и забытых слов, насколько помню, было не более 50) и находил свои знания почти достаточными. Чтобы судить о своих успехах в изучении папуасских языков, я прибегнул к следующему способу: оставался иногда в какой-нибудь деревне целый день, а иногда и ночь, в обществе мужчин, женщин и детей и при-

* Один папуас дал мне наглядный пример, который я позволю себе здесь привести ради его оригинальности. Когда он сообщал мне названия для penis'a и для vagina, он помогал себе мимикой. Сперва он стал подражать девушке, которая при виде penis'a закрывает руками глаза и при этом протяжно вскрикивает «у». Затем сжал левый кулак и, казалось, с большим усилием стал просовывать указательный палец правой руки между пальцами сжатого левого кулака, повторяя многократно жалобным тоном протяжное «у». Потом, быстро вскочив, он неожиданно раздвинул ноги сидевшей поблизости девушки и вскрикнул громко и также протяжно «а». Наконец, обратившись опять ко мне, он снова сжал левый кулак и просунул теперь уже одним толчком в него указательный палец правой руки, повторяя при этом с триумфом «а». Таким образом, название «у» дано, по-видимому, девушками для обозначения penis'a, а название vagina «а» — мужчинами. Вот пример, как могут образовываться слова из чисто инстинктивного восклицания человека (см.: *Darwin Ch. Die Abstammung des Menschen und die geschlechtliche Zuchtwahl. Aus dem Englischen uebersetzt von J. V. Carus. Bd. 1. Stuttgart, 1871. S. 47*).

слушивался к разговорам туземцев между собою. Я нашел при этом, что с течением времени я понимал их все лучше и лучше, и, наконец, оставались только отдельные слова, которые были мне неизвестны. На основании этого опыта я предполагаю, что здешние папуасы имеют в употреблении, быть может, *вдвое* больше слов, чем стало известно мне, самое большее втрое, что составляет приблизительно 1000 слов¹⁹.

После того как я оставил Берег Маклая, я заметил, что уже через короткое время (5—6 недель) почти все папуасские слова, которыми я пользовался в течение многих месяцев ежедневно, я мог припомнить лишь с большим трудом. Это *быстрое забывание* меня очень удивило, так как память у меня вообще не слишком слабая.

Искусство

Я собирал с особенным интересом все, что можно назвать первобытными зачатками искусства у папуасов, или по крайней мере срисовывал возможно более точно все, не исключая простейших и самых обыкновенных орнаментов. Я делал это главным образом на том основании, что обитатели моего берега жили еще в каменном веке, в состоянии, которое в теперешнем мире встречается с каждым годом все реже и постепенно исчезает.

Орудия, изобретенные до сих пор папуасами и используемые ими для изготовления этих произведений искусства, можно свести, как уже было сказано, к двум категориям: во-первых, осколки кремня, раковины и кости; во-вторых, шлифованные камни, имеющие форму топоров.

Сопоставляя все достигнутое папуасами в отношении искусства, т. е. их орнаменты, рисунки, грубые статуи, можно разделить эти продукты фантазии и терпения на три класса:

во-первых, *орнаменты* в собственном смысле слова, которые вырезаются или рисуются ради них самих и представляют только украшение и больше ничего;

во-вторых, орнаменты и рисунки, представляющие *нагатки образного или идейного письма*;

в-третьих, *орнаменты, рисунки и скульптура*, стоящие в связи с *суевериями и смутными загатками религиозных представлений* у папуасов.

1. Орнаменты в собственном смысле слова. Орнаменты, покрывающие оружие, орудия и утварь папуасов, хотя мало разнообразны, но довольно оригинальны. Чтобы получить правильное представление об их характере, я взял на себя труд зарисовывать положительно *все* орнаменты, которые мне где-либо встречались^{49*}. Я убедился, что они зависят в значительно большей степени от материала объекта,

на который их наносят и который они должны украшать, а также от инструментов, которыми они воспроизводятся, чем от силы художественной фантазии туземцев.

Так как много орудий и утвари папуасов делается из бамбука и тростника, то орнаменты на этом материале составляют большую долю их орнаментов вообще. Гладкая поверхность бамбука и тростника особенно пригодна для нанесения прямолинейного орнамента, поэтому прямолинейность и составляет характерную особенность большинства папуасских орнаментов. Эта особенность зависит, однако, вполне от свойств материала. Мне известно из опыта, как трудно чертить или нарезать на бамбуке круги и волнистые линии, тогда как прямые линии наносятся, наоборот, очень легко. Главное орудие для этой цели — острые осколки кремня и раковины. Ими вырезают или процарапывают изящный орнамент на бамбуковых сосудах для хранения извести (используемой при жевании *сири*), на ушных палочках (заменяющих серьги), на тростниковых древках стрел, на бамбуковых гребнях и на многочисленных бамбуковых сосудах и других емкостях, составляющих домашнюю утварь папуаса. Предмет, в орнаментации которого папуасы более всего проявляют свое умение и свою фантазию, — это большой бамбуковый гребень, какой носят все мужчины.

Орнаменты, вырезанные на бамбуке и зависящие, как сказано, от свойства материала, переносятся также как наиболее распространенные и известные на другие материалы — дерево и глину. Папуас следует общему всем людям свойству — лени. Он слишком ленив, чтобы придумывать что-нибудь новое, даже если обстоятельства делают это возможным или прямо к этому подводят. Я неоднократно видел резьбу по дереву и орнаменты, выдавленные на глине, которые в точности воспроизводили орнаменты на бамбуковых изделиях. Но на деревянных изделиях иногда вырезаются и узоры иного рода, а именно криволинейные и кругообразные. Так как дерево трудно поддается обработке первобытными папуасскими инструментами, то такие орнаменты встречаются реже, но в то же время они сложнее. Легкого движения осколком кремня уже достаточно для того, чтобы вырезать на эпидермисе бамбука отчетливую линию, тогда как дерево, обрабатываемое тем же инструментом, требует для воспроизведения на нем узора сильного нажима, старательного вырезывания или скобления. При этом уже все равно, прямая или кривая линия, поэтому получаются и криволинейные орнаменты. Но так как на орнаменты по дереву папуасы употребляют больше времени и старания, то они и выходят тоньше и разнообразнее. Деревянные предметы, на которые наносится такой орнамент, — табиры, копья, барабаны. Подобные же узоры, но более крупные, вырезают на лодках и изредка на хижинах. При этом

рисунок сначала грубо вырубается каменным топором, а затем отделяется при помощи острых осколков кремня.

Что степень художественности орнаментации зависит у папуасов главным образом от употребляемых для этого инструментов и что орнаменты довольно однообразны не от недостатка силы воображения или умения, стало для меня очевидным, когда они начали собирать валявшиеся около моей хижины осколки стекла и без моего указания пользоваться ими как важным новым инструментом. Я мог убедиться, что вследствие этого возникали новые оттенки и новые вариации некоторых видов орнамента по дереву. До тех пор, пока я не ввел у них железных орудий и пока у папуасов не имелось ничего аналогичного настоящему ножу, их орнаменты, которые они вдавливали, отгискивали или врубали в дерево, нельзя было назвать резьбой в настоящем смысле этого слова. Естественно поэтому, что орнаменты по дереву у папуасов Берега Маклая представляются менее дифференцированными и разнообразными, чем у других меланезийцев, которые уже пользуются железными орудиями, получая их от малайцев и европейцев. Теперь, когда и у папуасов имеются железные ножи и топоры, наступит и в этом отношении новая эра в их искусстве, и я не сомневаюсь, что новые и более сложные орнаменты вытеснят постепенно примитивные и простые. Я рад, что в моей папке сохраняются точные копии, отражающие первые проявления художественного вкуса у народа, жившего еще в 1871 г. в каменном веке.

Из утвари немалую часть составляют гончарные изделия, но так как все гончарное дело находится в руках женщин, а у женщин отсутствует либо интерес к изящному, либо художественный вкус, то все глиняные сосуды, кажется, совершенно лишены орнамента. Так как глина — материал для орнаментации вполне подходящий, то отсутствие на ней украшений зависит, по-моему, исключительно от отсутствия художественного вкуса и фантазии у папуасских женщин. Много раз, наблюдая за гончарным производством на о. Били-Били, я убеждался, что не недостаток времени, а отсутствие интереса к «излишним» художественным трудам было причиной того, что их изделия оставались без украшений. «Для чего? Это лишнее», — говорили женщины, что, однако, не мешало нескольким мальчикам находить удовольствие в воспроизведении примитивного орнамента вдавливанием ногтя по краям горшков²⁰. Практический смысл, направленный «только на полезное», проявляется уже у папуасских женщин!

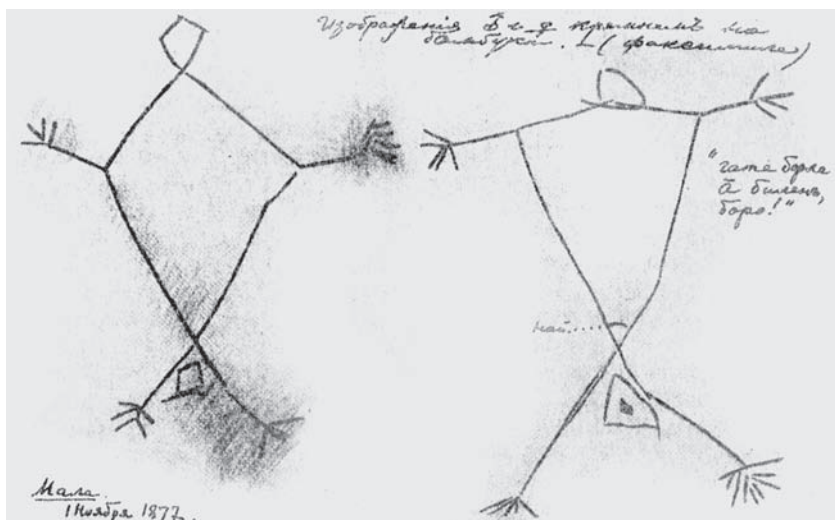
2. Начатки идейного письма²¹. Многие рисунки, сделанные цветной глиной, углем или известью на дереве и коре и представляющие грубые изображения, привели к поразительному открытию, что папуасы моего берега дошли до *идейного письма*, хотя и очень примитив-

ного. Почти все рисунки, виденные мною, относятся к этой категории; они долгое время служили для меня загадкой, пока один случай (не моя проницательность) не разрешил вопроса. Этот род произведений искусства носит совсем иной характер, чем первый (простые орнаменты). По большей части рисунки эти исполнены грубо, на скорую руку и совершенно непонятны для постороннего.

В соседней для меня деревне *Бонгу* я нашел на фронтоне буамбрамы ряд щитков, вырезанных из широких влагалищ листьев саговой пальмы. Эти щитки были украшены грубыми рисунками наподобие иероглифов, по-видимому, изображавшими рыб, змей, солнце, звезды и т. п. в различных комбинациях. Эти щитки сильно меня заинтересовали, но я не мог понять их значения. Открыл я их в первое время моего пребывания (на Новой Гвинее), когда я не мог ни удовлетворительно объясняться, ни понимать по-папуасски, чтобы просить разъяснения. В других деревнях я также видел на стенах некоторых хижин рисунки, сделанные красной и черной краской; встречал ряды подобных фигур на толстых стволах деревьев в лесу, вырезанные на коре, но вследствие их простоты и в то же время разнообразия еще менее понятные. На широком дощатом крае больших лодок, приходивших с *Били-Били*, *Ямбомбы* и с островов архипелага *Довольных людей*, я тоже часто видел нарисованные и вырезанные фигуры в том же роде.

Все эти изображения не служили, по-видимому, орнаментами в тесном смысле этого слова; однако их значение оставалось для меня неясным, пока однажды, много месяцев спустя, я не получил неожиданно разрешения загадки во время одного моего посещения Били-Били. Здесь по случаю спуска двух больших лодок, над которыми туземцы работали несколько месяцев, был устроен праздничный пир. Когда он близился к концу, один из присутствовавших молодых мужчин вскочил, схватил уголек и начал рисовать ряд примитивных фигур на толстом бревне, лежавшем неподалеку на площадке. Фигуры эти были очень похожи на те, которые меня уже давно интересовали. Я следил с любопытством за работой импровизатора-художника и скоро получил разъяснение рисунка, а одновременно и вообще фигур, столько времени мне досаждавших как неразрешенная загадка.

Две первые фигуры, нарисованные этим человеком, должны были изображать две новые лодки, стоявшие наполовину на берегу, наполовину в воде. Затем следовало изображение двух зарезанных для пира свиней, которых несли мужчины привязанными к палке. Далее было показано несколько больших табиров, соответствовавших числу блюд с кушаньями, которые были предложены нам в этот день. Наконец, была изображена моя шляпка, отмеченная большим флагом, две большие парусные лодки с о. *Тиара* (архипелаг *Довольных людей*) и несколько

Условное изображение мужчины и женщины

меньших пирог без парусов, принадлежавших ближайшим соседям Били-Били. Эта группа должна была изображать присутствовавших на обеде гостей. Рисунок был мне подробно разъяснен художником и его друзьями, которые, следуя примеру, расцвечивали рисунок красной глиной и известью. Изображение должно было служить воспоминанием о проведенном празднике, и я его видел еще месяцы спустя.

Мне стало ясно, что это изображение, которое с трудом можно было назвать рисунком, равно как и все изображения в том же роде, виденные мною раньше, должны быть рассматриваемы как *загадки примитивного образного письма*, и мои последующие наблюдения только подтвердили такое предположение. Значение этих импровизированных рисунков неизвестно и непонятно другим, не бывшим при их начертании; они являются произведениями небольшой группы лиц и даже одногомышленного человека и относятся к какому-нибудь особенному событию. Так, например, я не мог получить разъяснения рисунков в Бонгу.

После сделанного мною открытия я с большим интересом продолжал наблюдения в том же направлении. При всяком удобном случае я побуждал своих друзей зарисовывать разные события и скоро увидел, насколько различными выходят у них изображения самых обыкновенных вещей. Это обуславливало, во-первых, их *условность* и, во-вторых, *полную невозможность* для посторонних *понимать* это примитивное письмо или образное мнемоническое средство. Приведу пример: мужчина изображался (даже одним и тем же художником), во-первых, в виде

Телум. Деревня Бонгу

грубой человеческой *фигуры**, во-вторых, в виде *лица* с глазами и большим ртом; в-третьих, в виде *гребня* с пучком перьев**; в-четвертых, в виде мужского *полового органа****. Кроме этих четырех изображений понятия «мужчина», я уверен, было еще много других, или во всяком случае они могли существовать.

Образными изображениями не ограничиваются мнемонические средства папуасов моего берега. В каждой деревне можно видеть висящие кости****, скорлупу кокосовых орехов*****, пучки сухих листьев*****, пустые корзины***** и т. д. Все это должно напоминать о каком-нибудь событии, но смысл всего этого *вполне* понятен только жителям данной деревни, иногда лишь отдельным группам их и даже только единичным лицам; поверхностный путешественник может их едва заметить.

В каждой буамбраме висят ряды костей (нижние челюсти свиней и собак, черепа рыб, разных сумчатых и т. д.) на память о различных празднествах, удачной рыбной ловле, охоте и о посещении друзей. Это настоящие календари прожитых месяцев и годов, которые, хотя и отмеча-

* Такое изображение уже само по себе очень варьирует. В одном случае оно было детально, можно было ясно различить физиономию, видны были даже 5 пальцев на каждой руке. В другой раз мужчину должен был изображать крест с кружком наверху (голова); иногда не проводится даже поперечная линия, изображающая руки; наконец, все понятие о мужчине выражается *одной* простой вертикальной линией.

** Гребнем с пучком перьев изображался полноправный мужчина (тамо) в отличие от молодых людей (маласси), не носящих пучков перьев, а лишь одно петушиное перо; маласси поэтому изображались в виде гребня с петушиным пером.

*** Чтобы отличить мужчин от женщин, которые изображались в виде женского полового органа.

**** На память о большом пире.

***** На память о более скромном пире, для которого не резали животных.

***** На память о посещении друга, повешенные обычно им самим.

***** На память о подарке, принесенном друзьями из другой деревни; обыкновенно вешают корзину, в которой принесли подарок, на ближайшем дереве в виде воспоминания, а отчасти и для того, чтобы напомнить об ответном подарке.

Телумы Кадаб и Кубой. Остров Били-Били

ют события очень наглядно и просто, однако могут иметь значение лишь для отдельных лиц и большею частью только для одного поколения.

3. Скульптура из дерева. К этой категории принадлежит небольшое число скульптур, которых нельзя назвать собственно идолами, но которые во всяком случае представляют фигуры, стоящие в тесной связи с религиозными представлениями папуасов. Почти в каждой деревне я видел такие телумы*, внимательно их осматривал, узнал их названия и не менее двадцати одной зарисовал.

* Названия этих деревянных фигур на диалекте деревни Бонгу.

Эти скульптуры представляют, по моему мнению, большой интерес, потому что они могут дать некоторые указания относительно родства между меланезийскими племенами*. Заслуживают они также особенного внимания и как художественные произведения каменного века. Я не хочу входить здесь в описание отдельных фигур, так как даже беглый набросок может дать лучшее представление, чем подробное описание.

Их точные изображения я имею в виду опубликовать в своем главном иллюстрированном труде о Береге Маклая²³. Здесь я отмечу только некоторые их особенности.

Телумы — это сделанные из дерева, реже из глины изображения человеческих фигур обоего пола. Почти все они имеют своеобразные украшения на голове, а у мужских фигур половой орган обычно огромных размеров. Почти у всех высунут язык, соединенный у многих фигур с penis'ом. Эти особенности изображения можно назвать характерными. В *Энглам-Мана* (горная деревня) я нашел своеобразный телум, представлявший человеческое тело с головой крокодила, на которую была надета в виде шляпы черепаха. В этой же деревне оказался еще один телум, бросавшийся в глаза; то была человеческая фигура, державшая в обеих руках доску, покрытую различными рисунками. При ближайшем распросе я узнал, что это была копия со старинного телума; знаки на доске представляли, вероятно, непонятные фигуры оригинала.

У всех фигур нос продырявлен, как у самих папуасов. Каждый телум, а их во всякой деревне несколько, имеет свое особое название.

Значение этих деревянных статуй я не мог вполне выяснить. Как сказано выше, они, наверное, находятся в некоторой связи с зачаточными религиозными представлениями²⁴. В некоторых горных деревнях я обнаружил *большие камни*, почитаемые как *телумы*.

Если рассматривать эти изображения с точки зрения искусства, то они также доказывают художественные способности папуасов, их большое терпение, равно как и путь, которым простой орнамент переходит в барельеф, а затем через горельеф в фигуры. Папуасское искусство каменного века доказывает вполне эту последовательность. Я много раз наблюдал различные стадии «становления» фигур; нередко процесс не доходил до завершающей стадии, и все же это были произведения искусства. Я располагаю значительным количеством зарисовок, иллюстрирующих сказанное.

* Это, наверное, то же самое, что и так называемые *корвары* из Доре²².

О суевериях и связанных с ними обычаях

Сообразно сказанному выше (стр. 61—62) сообщу отдельные наблюдения, не вдаваясь в разъяснения и предположения.

Привожу выдержки из моего дневника.

...Я подошел со своими спутниками к деревне *Теньгум-Мана*. Желая отдохнуть (было очень жарко), я остановился на несколько минут в тени; в это время один из моих спутников сломил ветку со стоявшего по соседству дерева и, отвернувшись в сторону, что-то над ней нашептал некоторое время, потом обошел всех членов нашей компании, причем немного поплевал каждому за спину и дал веткой несколько ударов. Вслед за этим он пошел в лес и зарыл эту ветку в самом густом месте, под хворостом и сухими листьями. Ветка эта должна была защитить нас от всякой измены и опасности в *Теньгум-Мана*.

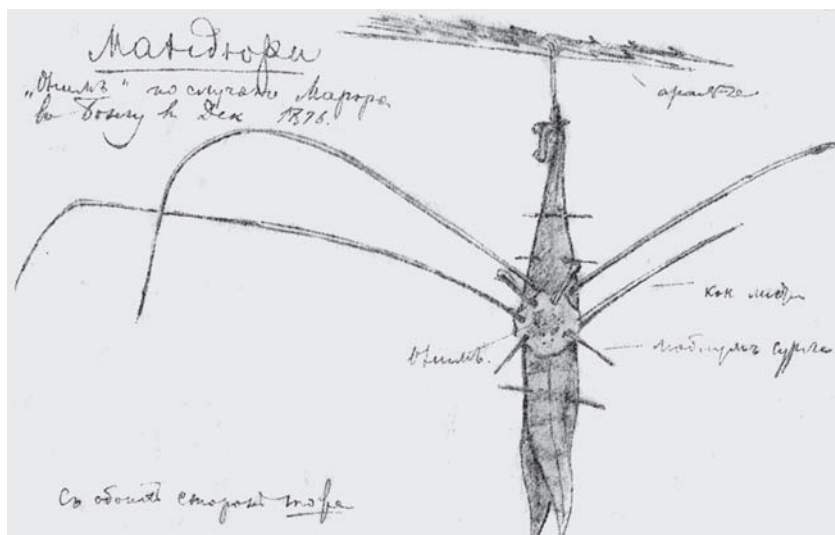
...Когда мы, я и мои папуасские друзья, утром были готовы к выступлению и когда наш хозяин закончил приготовление завтрака, я заметил, что он долго нагибался над горшками с таро и бататами, долго шептал над ними и продолжал что-то говорить, раскладывая кушанье по табирам. Потом он сплюнул на обе стороны и перебрросил за спину несколько кусков сваренных плодов. Туземцы держали себя серьезно и молчали во время этой процедуры. На мой вопрос: «Что это значит?» я получил ответ: «Это делается для того, чтобы мы благополучно дошли до дому и чтобы люди *Энглам-Мана*, которые будут нас провожать, вернулись в свою деревню».

...Я бросил несколько кусков пищи, покрытых муравьями, на землю; сидевшие рядом со мною папуасы просили меня этого не делать: «Здесь нет собак, которые бы их съели; если же куски *бау* (*Caladium*) будут так валяться, кто-нибудь из нас может умереть».

...Особенно они испугались, когда я бросил остатки кушанья в огонь! При другом таком же случае мне сказали, что много людей умерло от того, что враги последних, сидя у их костра и что-то туда бросая*, сделали огонь и дым вредоносными.

...У *Боге* (мужчина из *Энглам-Мана*) болел живот. Он ходил меланхолично взад и вперед и держал в руке зеленую ветку. При каждом повороте он говорил что-то долго ветке и, продолжая ходить, ударял слегка веткой по животу и по пояснице. Повторив эту операцию много раз, он, как я заметил, закопал ветку в землю.

* Это «что-то» может быть плодами, листьями, дровами и т. п. — всем, что благодаря заклинаниям приобрело особую, вредную или полезную силу.

Миндюрин — свернутый лист растения,
применяемый в качестве оберега (оним) после празднества.
Древняя Бонгу

...Бугай пришел в Бонгу, когда я был там, чтобы взять у Саула* лекарство для своей больной жены. Он дал Саулу сахарного тростника. Саул взял, сделал несколько шагов в сторону и начал шептать над тростником, что не мешало ему (так как его шептание продолжалось долго) принимать участие в беседе присутствовавших и время от времени самому вставлять слово. Наконец он завернул сахарный тростник в лист и передал его Бугаю, который отправился довольный домой. Саул сказал мне, что это был *оним* (лекарство) для жены Бугая, больной лихорадкой.

...В Горенду меня опять настойчиво упрашивали приказать дождю перестать, так как от этого сильно страдают плантации. В сотый раз я повторял, что этого не могу, но, как обычно, мне продолжали возражать и упрекать меня в том, что «Маклай не хочет». «Так я еще раз сегодня попытаюсь», — сказал один папуас. Он взял кусок корня *ли* (*Zingiber officinalis*) и, бормоча себе что-то под нос, начал его жевать, потом вынул кусочек разжеванного корня изо рта и, завернув его в лист, бросил в огонь. Выйдя затем из хижины и продолжая говорить, он поворачи-

* Не только мой добрый приятель Саул из Бонгу имел звучащее по-семитски имя; я встретил здесь также имена: Каин, Саламея, Хассан и др.

вался поочередно к каждой из четырех сторон света, выплевывая при этом жвачку.

...В *Били-Били* я много раз видел людей, стоявших на берегу и произносивших какое-то заклинание, чтобы прекратился сильный норд-ост.

...*Туй* пришел сегодня ко мне и жаловался, что в Бонгу нет больше бау для еды и что бау очень плохо растет; в этом виноват, продолжал он, один человек, у которого умер сын. Когда я пожелал узнать, какое отношение имеет смерть сына Гагу к урожаю бау, Туй сказал мне: «Да старик зол на всех и сделал *оним*, чтобы люди Бонгу не ели бау, так как его сын не будет уже его есть».

...И здесь я нашел широко распространенное поверие, что писание портрета влечет за собою смерть; только сравнительно значительными подарками мог я побороть страх мужчин, но не женщин.

Мне пришлось бы зайти слишком далеко, если бы я начал приводить все примеры суеверий; я удовольствуюсь поэтому только приведенным.

Табу*. Существование обычая табу стало мне особенно очевидным при сравнении положения и прав женщин и мужчин. Женщины, как уже сказано, по строгим запретам много лишены. Они не смеют ходить в буамбраму, не могут присутствовать почти на всех празднествах, и все кушанья, приготовленные для пиров, равно как и главный напиток кеу, строго запрещены женщинам и детям. Места для сборищ мужчин, музыка, даже слушание музыки и все музыкальные инструменты для женщин также строго табу. Как только дети или женщины услышат поблизости *ай* (музыкальный инструмент)**, они должны убегать. Принадлежности ай вносят в буамбраму и выносят из нее, только тщательно завернутыми, чтобы женщины или дети как-нибудь их не увидели. Я спрашивал папуасов много раз, почему женщины не смеют присутствовать при ай. «Нельзя, женщины и дети заболеют и умрут», — был неизменный ответ мужчин, которые были действительно в этом уверены (по крайней мере некоторые).

* Вот пример моего недостаточного знания папуасского языка. Несмотря на все старания, мне не удалось узнать местного названия «табу», мне не хватало слов или способности выразить ясно для папуасов, что я желал знать. Что обычай табу существует на Новой Гвинее и там соблюдается, для этого у меня есть много доказательств; лично мне страх нарушения табу был много раз весьма полезен.

** *Ай* — общее название устраиваемых в лесу празднеств, в которых могут участвовать только мужчины; о них я буду говорить более подробно ниже. *Ай* называются также почти все музыкальные инструменты, употребляемые тоже только мужчинами.

Музыка и пение

Прежде чем перейти к празднествам папуасов, имеющим, по-видимому, большое значение в их однообразной жизни, я должен сказать несколько слов о разнообразных музыкальных инструментах. Всеми этими инструментами, носящими общее название *ай*, могут пользоваться только мужчины. Женщинам и детям, как уже сказано, строго запрещено смотреть на них и даже слушать вблизи.

Музыкальные инструменты бывают следующие:

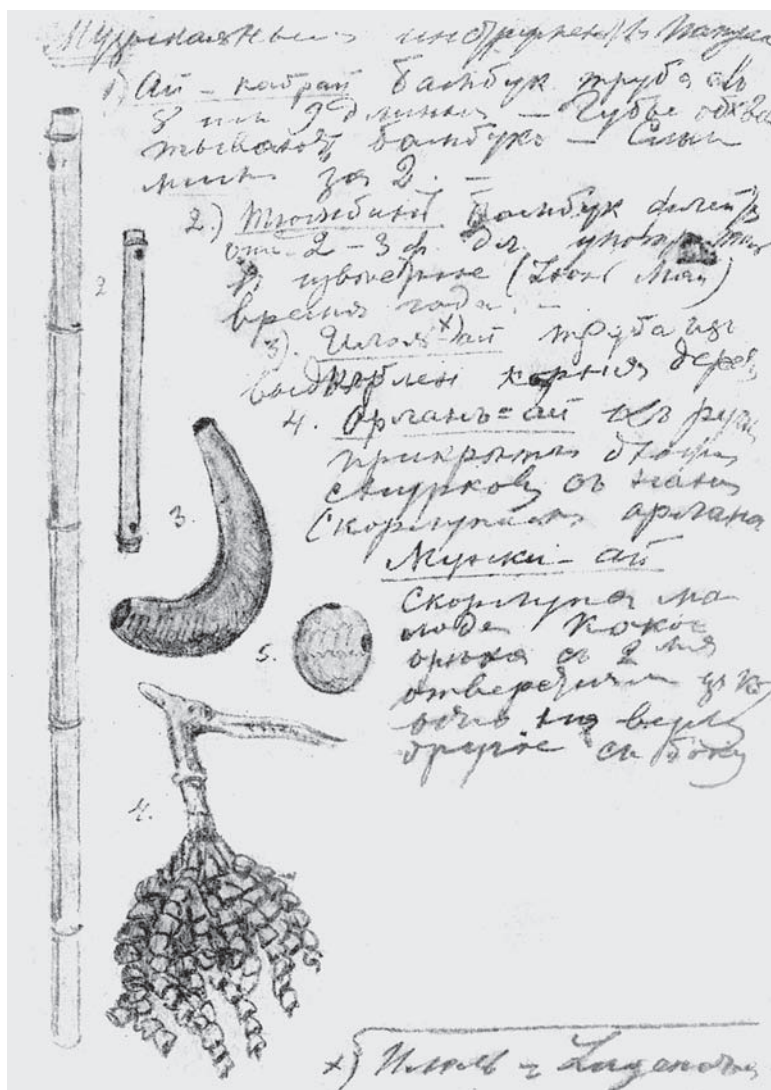
1) Ай кабрай — бамбук длиной около 2 м и больше, поперечником около 50 мм; перегородки в его междоузлиях удалены, так что весь бамбук представляет одну длинную трубу. Бамбук берут в рот, причем большой размер отверстия, по-видимому, нисколько не затрудняет папуасов; они в него дуют, кричат, воют, режут и т. д. Целыми часами упражнялись в этом папуасы на своих праздниках, и звук инструмента, похожий на многоголосый вой, можно было слышать на берегу в тихие ночи, если не было противного ветра, на расстоянии 2—3 миль. Этот простой инструмент называется «ай-кабрай». Кабрай на папуасском диалекте значит попугай с громким и крикливым голосом.

2) Мунки-ай — такой же простой и такой же уши раздражающий инструмент. Это скорлупа мелкой разновидности кокосового ореха, продырявленная сверху и сбоку. Дуя в верхнюю дыру и попеременно закрывая и открывая пальцем боковое отверстие, производят очень пронзительные и свистящие звуки. Часто мунки-ай украшены художественным, тщательно вырезанным орнаментом.

3) Холь-ай²⁵ — кривой или прямой духовой инструмент вроде трубы из корня *Lagenaria*. На нем играют подобно тому, как и на ранее описанных.

Три приведенных выше *ай* — не духовые инструменты, во всяком случае их нельзя сравнить с европейскими духовыми инструментами. Скорее всего они напоминают корабельный рупор, так как все они служат только для усиления человеческого голоса. Через них говорят, кричат, визжат, воют, бормочут, кряхтят, свистят и т. д. Производимые звуки чрезвычайно разнообразны и своеобразны. И я ни до, ни после не слышал ничего подобного.

4) Орлан-ай состоит из ручки, к которой прикреплен ряд шнурков с висящими на них пустыми просверленными скорлупками орехов орлана. При встряхивании скорлупки приходят в соприкосновение и производят шум и стук, который можно изменять, увеличивая или уменьшая число скорлупок и скорость движений; от глухого шума, похожего на шелест листьев, можно переходить к сильному *crescendo*, и в этом варьировании темпа папуасы находят большое удовольствие.

«Музыкальные инструменты папуасов:

- 1 — Ай-кабрай — бамбуковая труба, футов 8 или 9 длины (...)
2. Тюмбин — бамбуковая флейта от 2—3 футов длины, употребляется в известное (июнь, май) время года.
3. Илоль-ай — труба из выдолбленного корня дерева.
4. Орлан-ай — к ручке прикреплена дюжина снурков с нанизанными скорлупами орлана.
5. Мунки-ай — скорлупа молодого кокосового ореха с двумя отверстиями, из которых одно наверху, другое сбоку»

Папуас, играющий на флейте

5) Окам — барабан из выдолбленного древесного ствола; верхняя часть его затянута кожей монитора, нижний конец остается открытым. Окам — излюбленный инструмент папуасов; по нему барабанит сам танцор во время пляски; вместе с тем окам может служить образцом папуасского искусства, так как изготовление его требует много труда.

Кроме того, папуасы умеют применять и многие другие предметы в качестве музыкальных инструментов. Так, они пользуются для «производства музыки» различными листьями, держа их между сложенными чашкой ладонями, и дуют в оставшееся между большими пальцами отверстие.

На празднествах в деревнях, на которые допускаются женщины и дети, из музыкальных инструментов могут быть употребляемы только окамы. Кроме того, для извлечения всевозможных почитаемых за музыку шумов используют междоузлия крупных бамбуков, которыми барабанят по толстым древесным стволам, а также палки разной величины из различных древесных пород, которыми бьют одна о другую. Чем удивительнее и громче звук, тем более он нравится. Так, например, пронзительный звук моего свистка пришелся очень по вкусу папуасам, и когда они устраивали свои концерты, то почти всегда просили меня принять в них участие.

Вышеназванные инструменты^{50*} употребляются только во время празднеств, устраиваемых в лесу, и ими никогда не пользуются в другое время. Между тем тямбин — бамбуковая флейта в 50—60 см длины и в 20—25 мм в поперечнике — является любимым инструментом папуасской молодежи (маласси). Ее делают из междоузлия бамбука, сохраняя верхнюю и нижнюю перегородки; в нем имеется вверху и внизу по небольшому отверстию. Любители музыки не расстаются с тямбинами и постоянно играют на них в одиночку или несколько человек вместе.

Сигнальным инструментом служат раковины Triton, просверленные с одной стороны. Посредством их, например, оповещают о прибытии или отплытии лодок, приходящих с Били-Били или с архипелага Довольных людей.

Как уже сказано, все музыкальные инструменты, кроме тямбина, окама и тритоновой раковины, запрещено употреблять и даже смотреть женщинам и детям. Даже всего, что стоит в связи с их изготовлением, должны избегать женщины и дети, как чего-то чрезвычайно опасного. Достаточно звука хотя бы одного из них, чтобы выгнать всех детей и женщин из деревни.

Вообще *ай* хранятся, подобно деревянным статуям, как нечто, по видимому, священное, и люди расставались с ними очень неохотно, лишь в виде исключения, когда я выменивал их для своей коллекции.

Пение (мун) здешних папуасов чрезвычайно просто. Песни, которые поются соло или хором, состоят только из немногих слов, иногда из одного слова, которое все повторяется, причем мелодия очень мало варьирует. Приведу несколько песен в качестве примера:

Бом, бом, мараре,	Бом, бом, мараре....
Мараре, тамоле,	Мараре... мараре...
Мара, мараре,	Бом, бом, мараре...*
О—о—о—о—э—э—э—э—э	
Мареола о—о—о—э—э	
Лалаула о—о—о—э—э...**	
Горима*** рима... Горима рима...	
Рима... и т. д.	

Это почти всегда импровизации, поводом для которых служат некоторые занятия, прибытие гостей и даже совершенно незначительные случаи. Более длинных песен я не слышал²⁶.

* Саго, саго, делают, Делают, делают,
Делают мужчины, Саго, саго делают...

** Мареола и Лалаула — личные имена.

*** Горима — название прибрежной деревни.

Празднества папуасов

Время от времени папуасы устраивают большие пиры, характер которых несколько разнообразится в зависимости от места и времени года. Так как по желанию папуасов я присутствовал почти на всех пирах в трех соседних деревнях (Гумбу, Горенду, Бонгу) и каждый раз видел что-нибудь особенное и своеобразное, то я затрудняюсь дать общую картину этих пиров.

Празднества и все, что к ним относится, называются, как уже сказано, на диалекте моих соседей *ай*.

Ряд ударов в барум в известной последовательности возвещают соседним деревням о начале праздничного пира. Раскрашенные и увешанные украшениями папуасы собираются один за другим в известном, предназначенном для ай месте около деревни. Маласси выносят из буамбрамы посуду и музыкальные инструменты. Приносят корзины, наполненные бау (*Colocasia*) и аяном (*Dioscorea*); каждый мужчина деревни доставляет известное количество провизии, которое он сам приносит на место и высыпает в общую кучу. Появление каждого, доставляющего свой взнос, встречается восклицаниями, причем сила крика соответствует величине вклада.

Наконец, появляется главный объект пира — свинья, которую несут привязанной к палке двое мужчин*. Богато украшенную цветами (преимущественно красивыми красными цветами *Hibiscus*) свинью встречают громкими радостными криками и кладут на землю, после чего один из тамо, сказав довольно длинную речь, убивает ее ударом копья. Напротив того, собак, которых также нередко едят во время пира, убивают иначе, именно схватив за задние ноги и разбивая голову о ствол дерева. Кур, крыс, маленьких кускусов и других мелких сумчатых убивают тем же способом.

Убив свинью, ее палят на жарком огне, после чего тушу разрубают на разложенных на земле банановых листьях. Этот труд берут на себя несколько тамо, которые рубят кости своими каменными топорами и разрезают мясо бамбуковыми ножами. К этому времени молодые люди уже должны построить помост для варки. Он делается из положенных в два ряда бревен, подпертых камнями и предназначенных для установки горшков над огнем. Так как каждому участнику пира полагается отдельный горшок, то нередко на помосте скапливается до сорока—пятидесяти горшков, каждый приблизительно 30 см в диаметре.

* Папуасы умеют очень ловко привязывать этих животных к палкам; животное висит вытянутым, спиной вверх; ноги и хвост примотаны очень крепко к палке ротангом. В этом относительно удобном положении животные выдерживают целые дни.

При всех этих приготовлениях папуасы проявляют значительную сообразительность и знание преимуществ разделения труда. Я часто удивлялся, как быстро и целесообразно все делалось, без всякой толкотни и крика. Одни устраивали помост, другие ставили горшки, третьи были заняты собиранием и ноской дров, некоторые носили воду из соседнего ручья, другие приносили в бамбуковых стволах морскую воду. Каждая группа имела свое занятие: одни клали в горшки по сухому листу (большей частью *Artocarpus*), чтобы кушанье не пригорало; другие наливали пресной воды; следующая группа приливали немного морской, после чего еще одна группа наполняла наполовину горшки бау и аяном.

За это время тамо разделали тушу, и теперь каждый, вызываемый по имени, получает свою порцию сообразно возрасту и положению. Тамо из соседних деревень получают самые большие части. Кроме того, участники пира дают один другому подарки в доказательство своей дружбы.

Розданные куски кладутся в соответственные горшки, которые после этого заполняют доверху разными сортами овощей. Затем горшки покрывают листьями и скорлупой кокосового ореха и ставят на помост. Теперь начинается разведение огня, совершающееся столь же систематически, как и все прочее. Один кладет сухие поленья, другой приносит еще дров для подкладывания в огонь и колет их, третий зажигает огонь, отдельно под каждым горшком. Нередко костер, разведенный под помостом, достигает в длину более 30 шагов.

Хотя у всех есть дело, тем не менее каждый находит время в промежутках между делом позабавить общество музыкой, так что с самого начала пира, не переставая, раздаются, заглушая друг друга, рев, свист, трескотня погремущек и т. д., что немало способствует общему веселью. Когда зажжен костер, начинается новое занятие. Приносят зеленые кокосовые орехи для приготовления любимого десерта — *мунки-ля*. Сняв с орехов волокнистую оболочку, их раскалывают пополам одним ударом продолговатого камня и собирают находившуюся в них жидкость в табир. Расколотые половинки раздают присутствующим, и каждый начинает скоблить орех своим *яруром* и бросать натертое в табир, смешивая с молоком кокосового ореха, пока табир не наполняется кашцеобразной белой массой до краев.

Одновременно начинается приготовление напитка *кеу**. Свежие листья и молодые ветки просто жуют, старые, твердые корни разбива-

* Ближайшее исследование привезенных с Берега Маклая листьев *кеу* и сравнение их с листьями растения *кава*, недавно полученными мною из Апии («остров» Уполу, архипелаг Самоа), побудили д-ра Шеффера, директора Ботанического сада в Бей-

ют и разрыхляют камнем; все юноши в это время представляют собой жевательные машины. Набрав полный рот, они работают зубами, как настоящими жерновами, с сильным напряжением жевательных мышц. Если кто-нибудь устанет раньше, чем масса достаточно размягчена, он выплевывает ее себе в руку, скатывает из нее комок и передает другому, чтобы тот довел жевание до конца. Часто для жевания пользуются мальчиками; юноши идут в деревню, заставляют мальчиков, не имеющих права участвовать в ай, нажевать кеу и приносят нажеванное обратно на место пира. Один тамо делает тем временем аппарат для фильтрации кеу, состоящий из двух скорлуп кокосового ореха, из которых верхняя образует воронку, а нижняя, большая, служит резервуаром. Вместо фильтра кладут над отверстием немного мелко истертой травы. Юноши — «жевательные машины» подают один за другим комки разжеванного кеу, смоченные как можно обильнее слюной; тамо отжимает эти комья рукой в воронку. Часто тамо отдает юноше обратно выжатую массу для повторного смачивания слюной или смачивает сухую массу водой, чтобы затем еще раз ее выжать. К фильтрату, представляющему серо-зеленоватую массу, приливают немного воды и потом дают постоять.

Проголодавшиеся за время приготовления к пиру папуасы производят еще более шумную музыку, видимо, чтобы заглушить голод, либо чтобы выразить при помощи музыки свой растущий хороший аппетит.

Наконец, из деревни раздаются 2—3 коротких удара в барум — это знак, что пища готова.

Последовательность кушаний определенная. Прежде всего собираются все тамо и несколько, но отнюдь не все, маласси и окружают приготовляющего кеу и его аппарат. Рядом очищают на небольшом пространстве землю от травы и сухих листьев, и один из присутствующих делает в ней нижним концом своего копья несколько неглубоких ямок.

Каждый, кто пьет кеу, имеет для этого напитка особую чашку, которую хранят в гуне. Это скорлупа маленького кокосового ореха, покрытая с наружной стороны различными орнаментами и окрашенная в черный цвет. Внутренняя поверхность чашки покрыта зеленовато-серым налетом. Это результат обычая, не допускающего мытья и чистки чашек для кеу. Чашки ставят в ямки, сделанные копьем в земле, и из большой скорлупы разливают по ним густую серо-зеленую жидкость.

тензорге, сформулировать свое мнение следующим образом: доставленные с Берега Маклая растения кеу принадлежат к *двум* различным видам *Piper*, но ни один из них не тождествен с кавой с Самоа; остается, впрочем, вопрос, действительно ли листья, присланные с Уполу, принадлежат *Piper methysticum*. Во всяком случае три растения (два с Берега Маклая и одно с архипелага Самоа) составляют три разных вида.

Перед тем как пить кеу, сидящие кругом папуасы плюют, кашляют и чистят различными способами рот. Сперва подают чашку самому старому тамо, потом — остальным, по очереди, устанавливаемой в зависимости от положения, которое каждый занимает в этой деревне или у соседей.

Напиток кеу очень горек; это показывают разнообразные гримасы, которые делают папуасы, когда его пьют. Большинство пьющих кеу встает и, осторожно держа в руке свои полные до краев чашки, отходит к краю площадки, где, отвернувшись от остальных и сдвинув свои мали немного в сторону, опорожняет чашки и одновременно мочится. Этот обычай особенно строго соблюдается стариками.

Теперь все общество занято едой, переложенной в это время из горшков в табиры. Утолив голод, принимаются за тертый кокосовый орех — мунки-ля.

В обычае предлагать друг другу самые вкусные куски. Так как, например, очень ценимая свинина раздается только малыми порциями (туши должно хватить на две—три деревни), гости предлагают один другому маленькие кусочки мяса, чтобы выразить этим свою особенную дружбу.

Если свинья особенно мала, мясо получают только мужчины; в этом случае свинина запрещается всем маласси; она для них табу, и молодые люди ни за что не возьмут ее ни кусочка. Они убеждены, что если нарушат этот запрет, то заболеют или с ними случится какое-нибудь несчастье. Для них оказываются запрещенными в этом случае даже овощи, сваренные в одном горшке со свининой, подобно тому как для детей и женщин деревни под запретом находится все сваренное и поедаемое на месте пира.

В заключение праздничной трапезы жуют бетель и курят.

Выше я забыл упомянуть о *табаке* и *пинанге*, хотя оба обычая — *жевать пинанг* и *курить табак* — очень распространены на Берегу Маклая и высоко там ценятся. Арековая пальма не растет обильно на берегу; кроме архипелага Довольных людей и некоторых горных деревень, она редко где встречается. Процедура жевания пинанга следующая: частично разжевав пинанг, шлифованной костью, втыкаемой во вместилище извести (бамбуковый сосуд или калебасу), достают немного порошкообразной извести и кладут ее в рот, снимая зубами с кости, после чего жуют листья сири²⁷.

Хотя табак (местное название *касэ*) здесь хорошо растет и разводится в большом количестве по всему берегу, тем не менее папуасы очень полюбили и высоко ценили привезенный мною прессованный американский табак. Почти при каждом празднике *ай* я вносил в качестве моего вклада табак. После еды его разрывали на листочки, сушили

над огнем, разделяли на мелкие кусочки и делали сигаретки, завертывая табак в зеленые листья, также высушенные на огне. Часто также употребляли этот табак в смеси с туземным. При курении папуасы глотают дым и выпускают его через нос. Одна сигаретка идет по кругу между несколькими курильщиками.

Завзятые любители музыки продолжают и после еды свои упражнения, тогда как другие, нетвердо держащиеся на ногах от кеу или отягченные слишком обильной пищей, ложатся и скоро засыпают. Другие, также осовевшие от кеу, хотя все-таки бодрствовать, что им стоит большого труда, так как их веки то и дело смежаются. Против этого папуасы изобрели, однако, одно средство, обыкновенно (?) помогающее. Сонливый любитель кеу обращается к приятелю, который предпринимает следующую операцию: травкой он раздражает роговицу и конъюнктиву до тех пор, пока глаза сони не наполняются слезами. Операция повторяется несколько раз, после чего, по уверению папуасов, сонливость проходит. Операция считается очень приятной, но помогает ли она всегда, — это другой вопрос.

Случается, что папуасы не довольствуются одной трапезой и посредством новых приношений или совместной рыбной ловли добывают провизию для нового пира.

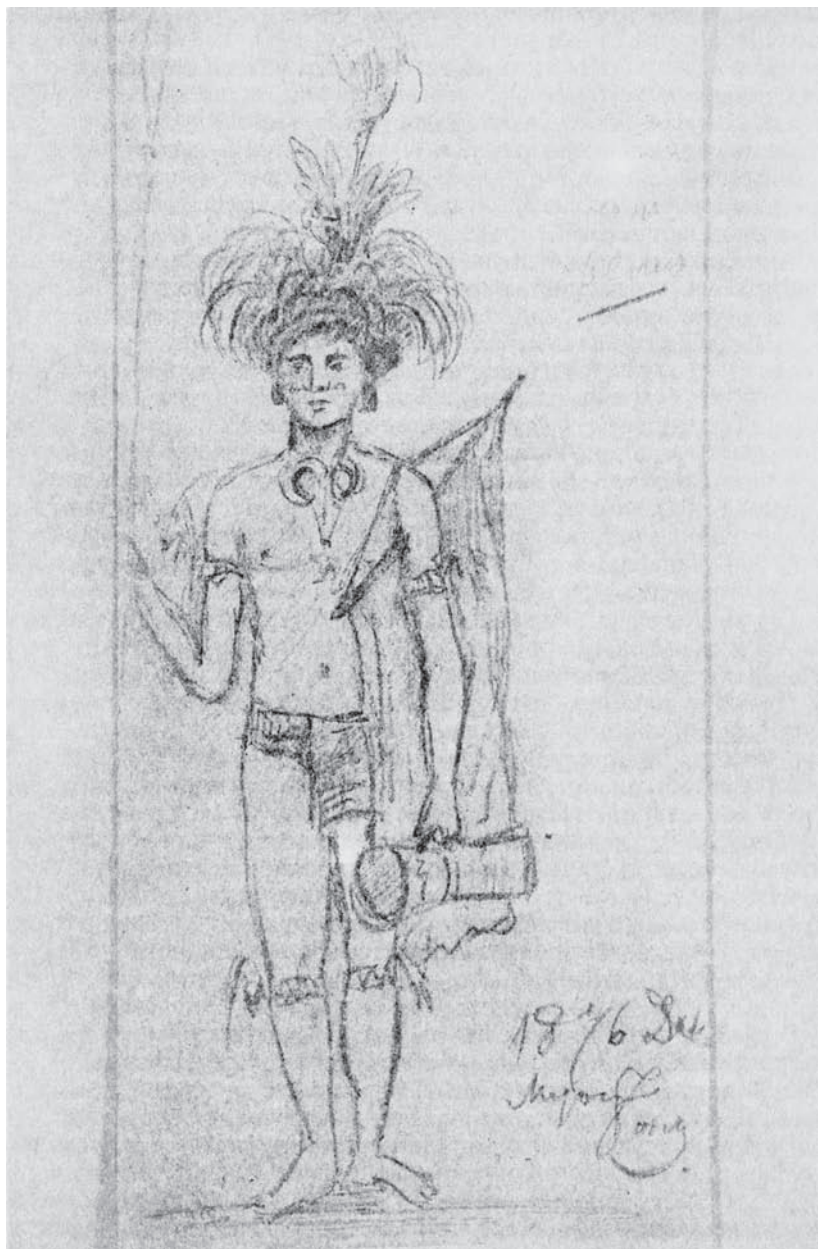
При ай главное — еда; чтобы отделаться от надоедливых женщин и детей, которые бы потребовали тоже свою долю, и чтобы есть и пить без стеснений, мужчины используют музыкальные инструменты как средство устрашения, и женщины привыкли верить в их дурное действие.

Мужчин из соседних деревень приглашают для того, чтобы получить с их стороны подобное приглашение при ближайшем случае.

На память о проведенном ай в буамбрамре сохраняют нижнюю челюсть каждой зарезанной свиньи или собаки. Я находил в некоторых буамбрамрах по несколько дюжин таких *memento*^{51*}.

В ноябре и декабре, когда папуасам приходится по условиям сезона меньше работать на плантациях, устраивается другой ряд праздников. Одни, доступные также только мужчинам, называются *ай-мун*; другие, справляемые в деревне, на которых разрешается присутствовать женщинам и детям, носят название *сель-мун*^{52*}. На ай-мун имеют место своеобразные маскарады, и на площадку для ай приносят из деревни свежеекрашенные *айдоганы**, которые играют при маскарадах выдающуюся роль. Ай-мун продолжается несколько дней, причем мужчины бывают особенно возбуждены. Дни и ночи напролет чередуются шествия масок, еда, музыка и т. д.

* Очень длинные телумы, состоящие из нескольких фигур, одна на другой, вырезанных из одного столба.

Участник обрядового танца во время празднества мун-коромром
в деревне Бонгу

На первый план выступает то ай-мун, то сель-мун. Бывают также *перемещения ай* из одной деревни в другую; при этом между наступающим ай и мужчинами, участвующими в сель-муне, дело доходит до мнимой борьбы.

Меня так заинтересовали эти празднества, что однажды я почти не спал три дня и три ночи, чтобы принять участие, главным образом в качестве зрителя, во всем действе. Однако рамки настоящих заметок не позволяют мне дать описание всего увиденного.

Мыс Уединения на Берегу Маклая в Новой Гвинее, 1872 г.
«Тампат-Суса», кампонг Эмпанг, около Бейтензорга,
ноябрь 1875 г.

*(Продолжение следует)*²⁸

1* РАД. *Добавлено*: Сажают его в начале октября, и в некоторых деревнях (например, Богатим) можно найти его вплоть до октября следующего года, в других — нет.

2* РАД. *Далее*: (по Крауфорду¹, вес бау может достигать до 50 фунтов).

3* РАД. *Далее*: (в Богатим его не разводят).

4* РАД. *Далее*: (на Яве называется «грабук» или «грубак»).

5* РАД. *Добавлено*: декабре.

6* РАД. *Добавлено*: Впрочем, в некоторых деревнях (например, Богатим) они встречаются чаще.

7* РАД. *Добавлено*: Приготовление саго здесь такое же, как на Сераме (по описанию Уоллеса²).

8* РАД. *Добавлено*: *Artocarpus incisa*.

9* РАД. *Добавлено*: (*Pangium edule*).

10* РАД. *Упомянуты еще другие плоды и время их созревания*: owal — в сентябре; kabul — июль, август, сентябрь; buger — в начале октября; mangifera — октябрь; aul — ?; разновидность рамбутана — в начале сентября. *Далее следует фраза*: Зерна aul кладут в морскую воду и уже после едят.

11* РАД. *Добавлено*: Свиньи заботливо выкармливаются женщинами, за которыми они бегают, как собаки.

12* РАД. *Добавлено*: Случайно пойманные дикие поросята и теперь одомашниваются в деревнях.

13* РАД. *Добавлено*: Собаки пожирают все съедобное, охотятся даже (во время отлива) за морскими животными на коралловых рифах, а также уничтожают экскременты в деревнях.

14* РАД. *Добавлено*: Папуасы едят также случайно попавшихся змей.

15* РАД. *Добавлено*: Для ловли рыбы служат юр (острога), ра (сеть) и ненир (корзина).

16* РАД. *Здесь помечено, что папуасы Берега Маклая употребляют также*: полужелтый орех пинанга с сухой известью, да еще жуют при этом плод (редко лист) сири.

17* РАД. *Пометка, из которой видно, что это перетное растение и приготовляемый из него напиток в Бонгу, Гумбу и Горенду называется «кеу», в Теньгум-Мана и Колику-Мана — «киаль», в Энглам-Мана — «кеува», в Гориме — «иссе», на о. Били-Били — «айн», в Марагум-Мана — «айо», в Эремпи — «сегу». Имеется также пометка о том, что, по У. Маклею³, употребление *Piper methysticum* встречается и на юго-западном полуострове Новой Гвинеи.*

18* РАД. *Упомянуто*: Горшки изготавливают только на двух маленьких островах — Били-Били и Ямбомба. Туземцам прилегающих местностей, даже жителям Кар-Кара, это искусство неизвестно.

- 19* РАД. *Добавлено:* Меня удивляло, что я ни в одном селении не видал изготовления табиров. По-видимому, вследствие их прочности и большого количества они передаются от одного поколения к другому⁴.
- 20* РАД. *Далее:* (серао).
- 21* РАД. *Дополнение:* Пользуются также зубами кускуса (нижней челюстью), костями рыб и «тигир» — кожей акулы. Донганов различают несколько видов: 1) *суллау* — из кости казуара, 2) *туй* — из femur свиньи, 3) *нонѐли* — из tibia свиньи, 4) *шиллопа* — из кости Macropus tibol. Смотря по твердости кости, ее обрабатывают различно: кости казуара полируют острым кремнем, кости кенгуру обтачивают на точильном камне, кости свиньи — на коралловом известняке во время отлива.
- 22* РАД. *Исправлено:* Палам.
- 23* РАД. *Далее:* (хаярун).
- 24* РАД. *Далее:* (пани).
- 25* РАД. *Далее:* (вида семейства Artocarpae).
- 26* РАД. *Слова:* также *маль* заменены на *най*.
- 27* РАД. *Слово* *мали* заменено на *най*.
- 28* РАД. *Слово* *мали* заменено на *най*.
- 29* РАД. *Добавлено:* Девушки, едва достигшие половой зрелости, обычно бывают украшены многочисленными ожерельями и серьгами; кроме того, они имеют <1 нрзб> пояс, сплетенный из нуг-сель. Иногда весь костюм девушки состоит из одной раковины Ovuia. В Богатим, на Били-Били и в Архинелаге Довольных людей *най* делают из волокон листьев саговой пальмы, в Бонгу и др. деревнях — из луба растения Agoma.
- 30* РАД. *Слово* *маль* заменено на *най*.
- 31* РАД. *Далее:* и кормят своей грудью.
- 32* РАД. *Добавлено:* Иногда, чаще всего в горных деревнях, эти группы довольно далеко отстоят друг от друга, даже расположены на различных холмах и имеют разные названия; однако во всех случаях они обладают и общим наименованием.
- 33* РАД. *Далее:* созываются ли работающие на полях люди на трапезу, для питья кеу, на строительство новой хижины.
- 34* РАД. *Дополнение:* Барумы встречаются и на о-вах Фиджи, где они употребляются так же, как на Берегу Маклая; есть они и на о-вах Адмиралтейства.
- 35* РАД. *Далее:* Якорным тросом служит толстая лиана. *Последнее слово затеркнуто и заменено на:* ротанг.
- 36* РАД. *Далее:* (Рай Мана).
- 37* РАД. *Дополнение:* Они, однако, посещают Кар-Кар, и на маленьком острове Били-Били встречаются мужчины, знающие языки Кар-Кара и Ваг-Вага.
- 38* РАД. *Пометка:* Частично обусловлено несовершенной конструкцией каноэ.
- 39* РАД. *Далее:* обычно.
- 40* РАД. *Уточнение:* Изредка, впрочем, встречается многоженство: так, у Саула было три жены, у Яго — две и т. д., но это, наверное, исключения.
- 41* РАД. *Добавлено:* Кур почти не держат, так как собаки загрызают цыплят.
- 42* В тексте статьи: стрелой.
- 43* РАД. *Далее:* в ночь перед отъездом в Сингапур.
- 44* РАД. *Пометка:* Это сделано в ноябре и декабре 1875 г. в «Тампат Суса» в Богоре.
- 45* «Только настоящее истинно и действительно» (*Шопенгауэр* А. Полн. собр. соч. В пер. и под ред. Ю. И. Айхенвальда. Т. 3. М., 1901. С. 371).
- 46* «Когда всерьез владеет что-то вами,
Не станете вы гнаться за словами»
(*Гете* И. В. Собр. соч. в 10 томах. Т. 2. Фауст. Пер. с нем. Б. Пастернака. М., 1976. С. 27).

47* *Способ существования (франц.).*

48* *Явная неточность. Правильно: 15-месячную.*

49* РАД. Сноска: М.-Maclay N. de. Vestiges de l'art chez les papouas de la Côte de Maclay en Nouvelle Guinée // Bulletins de la Société d'Anthropologie de Paris. 1878. Sér. 3. T. 1. Séance de 19 Decembre 1878 (см. с. 94—99 наст. тома).

50* *Явная неточность. Имеются в виду первые четыре из перечисленных музыкальных инструментов.*

51* *Помни (лат.), здесь: памятная вещь.*

52* РАД. Сноска: Танец женщин состоит из вихляния задом и некоторых других движений средней части туловища, так что в целом напоминает нечто вроде fomentum ad coitinem и simulamen copulae. Но я никогда не видел на Берегу Маклая, чтобы женщины танцевали голые.

Следы искусства у папуасов Берега Маклая на Новой Гвинее (1871—1872 гг.)

Следующая небольшая заметка представляет несколько строк текста, который сопровождается рисунками орнаментов, употребляемых племенем, оставшимся до наших дней в *каменном веке*, одним из самых первобытных состояний цивилизации. Это и было главной причиной, побудившей меня сохранить для истории искусства точные копии его первых проявлений.

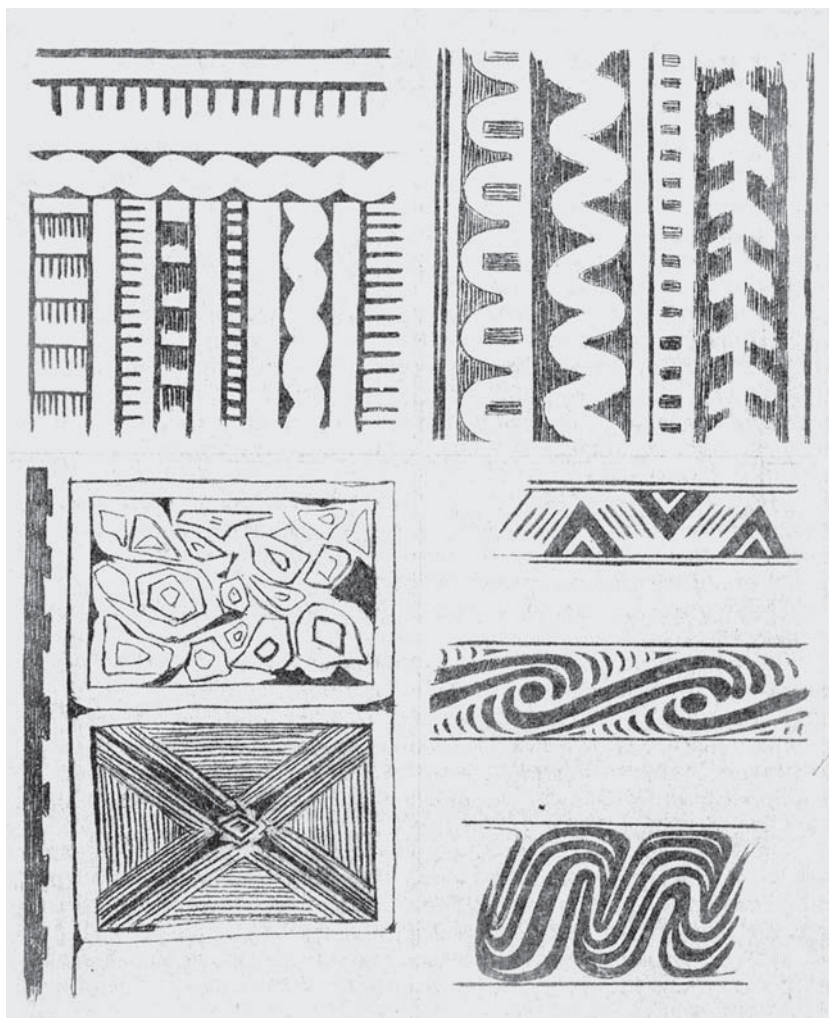
Во время моего пребывания на северо-восточном берегу Новой Гвинеи* эти первые стадии развития искусства не ускользнули от моего внимания; я старался скопировать как можно точнее все орнаменты, которые только мог найти. Эти орнаменты казались мне тем более достойными внимания, что они были произведениями народа, находящегося еще в том первобытном состоянии, которое с каждым годом становится все более редким.

Папуасы Берега Маклая до сих пор не были знакомы ни с одним металлом. Все орудия и оружие, употреблявшиеся ими до настоящего времени, сводятся к трем категориям:

- 1) куски камней, раковин и костей;
- 2) обточенные камни и заостренные на конце кости (топоры и кинжалы);
- 3) палки разной величины и толщины, оканчивающиеся острием (орудия земледелия, копья и стрелы).

С помощью этих первобытных орудий они умели, однако, строить прочные и удобные жилища, отделять и украшать пироги и, живя в состоянии довольства и беспечности, находили удовольствие посвящать длинные часы досуга украшению оружия, домашней утвари, пирог и пр.

* Этот берег называется теперь Берегом Маклая.

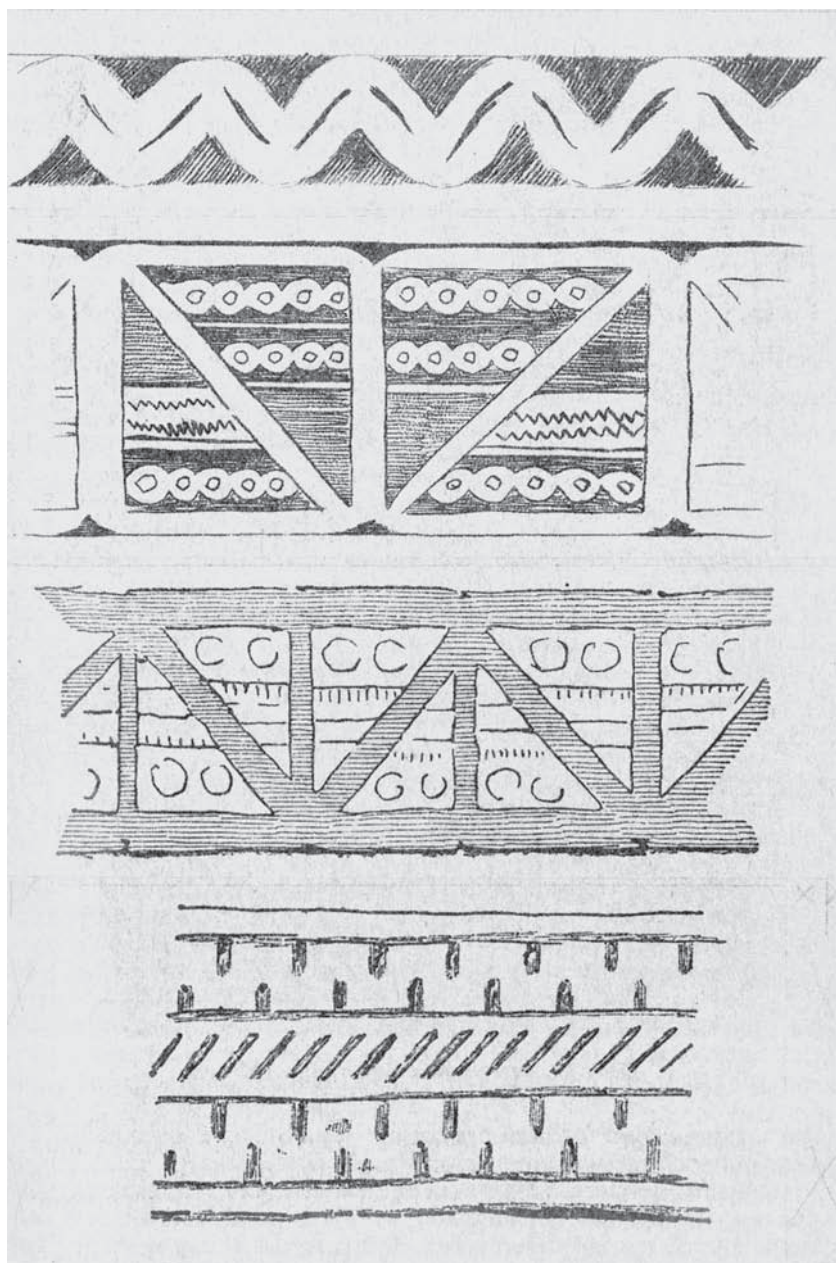

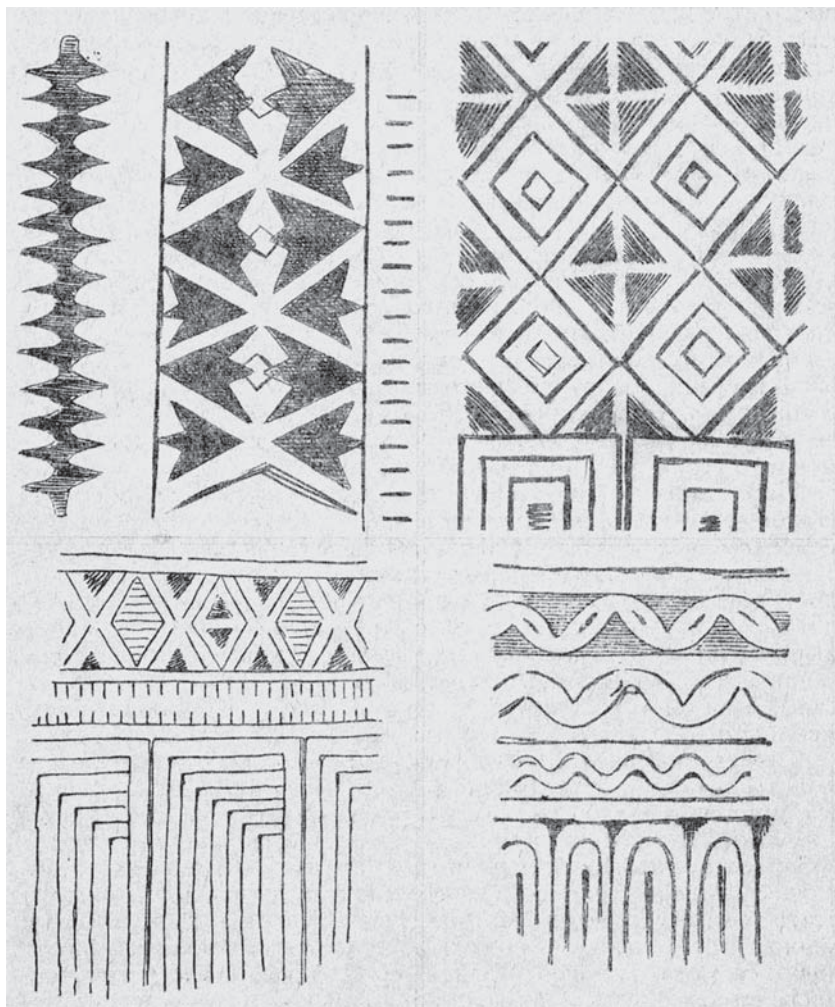
Образцы орнаментов папуасов Берега Маклая

Эти орнаменты, несмотря на простоту, не лишены оригинальности и обнаруживают большое терпение и громадный труд папуасов, особенно замечательные, если принять во внимание те орудия, которыми они пользуются при работе.

При ближайшем рассмотрении попавшиеся мне рисунки, скульптура и резьба могут быть разделены на несколько категорий:

- 1) орнаменты в собственном смысле этого слова;

Образцы орнаментов папуасов Берега Маклая

- 2) орнаменты, представляющие первые зачатки *образного письма*;
- 3) орнаменты и скульптура, связанные с начатками их *религиозных представлений*.

Приложенными здесь рисунками я стремился только показать характер *орнаментов в тогном смысле этого слова*, предполагая впоследствии заняться другими категориями¹.

В первобытных условиях цивилизации характер орнамента по необходимости более всего зависит от имеющегося в распоряжении материала. Большая часть домашней утвари, употребляемой папуасами, сделана из бамбука, а гладкая поверхность последнего весьма удобна для изображения прямых линий, но отнюдь не кривых, почему большая часть рисунков папуасов состоит из прямолинейных изображений, объясняемых исключительно употребленным для этого материалом.

Изоощряя свое искусство прежде всего на бамбуке, папуасы воспроизводят затем эти же самые рисунки и на других материалах. Неоднократно я наблюдал одни и те же узоры на бамбуке, дереве и на некоторых изделиях из обожженной глины, хотя последние два материала представляют большие удобства и для всяких других видов орнамента.

Однако и здесь встречаются исключения. Я видел куски дерева, покрытые гораздо более сложными рисунками, где встречались как кривые линии, так и круги и спирали. Но это вполне зависело от свойств материала и объяснялось тем, что с помощью обломка кремня легко получить весьма заметную прямую линию на бамбуке, тогда как на дереве и целой сотни штрихов для этого недостаточно. Приходится много раз царапать дерево тем же орудием, что требует больше времени, затрудняет работу, и в конце концов получаются то прямые, то кривые линии. Число орнаментов на дереве гораздо более ограничено, но зато рисунки выполнены тщательнее, и они более разнообразны по форме.

Одно обстоятельство меня убедило, что степень развития искусства у папуасов менее зависит от воображения и способности работника, чем от орудия, которое он употребляет: найдя около моей хижины несколько кусков стекла от разбитой бутылки, папуасы быстро открыли особенности, отличающие стекло от кремня, и тотчас воспользовались им для придания рисункам большего разнообразия и тонкости.

Одним из последствий моего пребывания на этом берегу было введение в употребление железа и железных орудий, и я не сомневаюсь, что в скором времени характер орнамента у туземцев Берега Маклая совершенно изменится, что орнаменты каменного века исчезнут, уступив место искусству новой эпохи.

Продолжая свои наблюдения, я был поражен полным отсутствием украшений на глиняной посуде, хотя глина является удобным материалом для нанесения всякого рода орнаментов². Такое отсутствие украшений проистекает от того, что гончарное производство возложено исключительно на женщин, которые по своей натуре обычно менее артистичны. Это старинное и справедливое наблюдение подтвердилось применительно даже к папуаскам; могу засвидетельствовать, что никогда не видел (здесь) ни одного орнамента, придуманного или исполненного женщиной.

Посетив однажды о. Били-Били — местность, где выделывают глиняную посуду для всех соседних деревень, я застал с десятков женщин и молодых девушек, занятых изготовлением горшков; заметив, что многие женщины бездельничали, имея перед собой массу готовой посуды, но без малейших украшений, я обратился к ним с вопросом, почему они их не делают. «С какой стати, к чему? Это вовсе не нужно!» — были ответы, полученные мною, что, однако, не помешало двум мальчишкам воспользоваться моею мыслью и найти даже удовольствие в теснении посредством ногтей и заостренной палочки подобия декоративного бордюра на некоторых горшках³. Вот новое доказательство того, что искусство своим появлением обязано вкусу, воображению и настойчивости мужчины.

Прилагаемые рисунки передают сюжеты орнаментов, покрывающих в самых многообразных сочетаниях домашнюю утварь, оружие, пироги и прочие изделия папуасов Берега Маклая. Только № 13 и № 14^{1*} являются копиями орнаментов на дереве; остальные представляют рисунки и гравюры на бамбуке⁴.

^{1*} См. эти два рисунка в нижнем правом углу на с. 97.

Об употреблении напитка «кеу» папуасами в Новой Гвинее

Некоторые обычаи туземцев Поли- и Микронезии представляют особый этнологический интерес, своим распространением и сходством подтверждая тождество племен и отделяя их от жителей Меланезии, у которых эти обычаи не встречаются или еще не известны.

Между этими характеристичными обычаями употребление напитка «кавы» было до сих пор очень распространено на островах Полинезии и на островах Микронезии*. Меланезийцы, казалось, не знали употребления этого опьяняющего питья**, которое готовится из корня одного перечного растения (*Piper methysticum*). Корень разжевывается или разбивается между камнями и, разбавленный водой, дает горький опьяняющий настой. Совершенно подобное питье готовится почти одинаковым образом папуасами Новой Гвинеи. Растение

* *Waitz Th. Anthropologic der Naturvölker. Fortgesetzt von G. Gerland. Th. 5. Abth. 2. Leipzig, 1870. S. 78.*

** *Christmann F. und Oberländer R. Ozeanien. Leipzig, 1873. Einleitung, S. XIX.*

(также из перечных)* и напиток папуасы Астроляб-бая называют «кёу», или «кау», название, также очень напоминающее полинезийское название «кава».

Во время пиршеств этих папуасов, при которых я часто присутствовал, я постоянно видел способы приготовления и употребления этого напитка и наблюдал последствия, которые он производит. Папуасы готовят его следующим образом. Листья, стебель и корень небольшого куста, который старательно разводится около хижин и на плантациях, жуется не только взрослыми папуасами, участниками пиршества, но и мальчиками, которым еще напиток запрещен и которые вместе с женщинами не имеют доступа к пирующему собранию. Один из взрослых раздает небольшие порции листьев, стебля и корня «кеу» и смотрит, чтобы все исправно жевали и не расходовали бы выплевыванием драгоценную массу. Если корень велик и жесток, то его разбивают сперва между камнями. Темно-зеленую, очень горькую массу папуасы часто вынимают изо рта, кладут на ладонь и осторожно скатывают из нее шар величиною иногда с куриное яйцо (отверстие рта папуасов замечательно велико), потом кладут ее снова в рот или передают другому продолжать жевание.

Когда масса достаточно мягка, каждый из жевавших, вынув ее изо рта, скатывает снова в шар и подает папуасу, раздававшему порции, а этот уже приготовил для дальнейшей процедуры две большие выскобленные скорлупы кокосового ореха. Верхняя скорлупа, пробуровленная в середине, исполняет роль воронки, ставится на отверстие другой, представляющей резервуар. Дно воронки выстлано мягкой тонкою травой, заменяющею фильтр. Собрав несколько шаров, главный приготовитель «кеу» выжимает руками обильную зеленую жидкость, пропитывающую шар, которая есть не что иное, как слюна жевавших¹; затем смачивает водою выжимки и снова выжимает их, пока вода почти не окрашивается. Жидкость в воронке иногда помешивают, чтобы поднять осадок и ускорить фильтрацию. Если жидкость густа, то подливают еще воды.

Пока «кеу» фильтруется, его аппарат и его приготовителя обступили участники пира, и каждый из них вынул из мешка, который папуасы

* Директор Ботанического сада в Бюйтенцорге около Батавии г. Шеффер, которому я показал высушенный экземпляр этого растения, подтвердил мое мнение, что растение принадлежит к семейству перечных, но не мог положительно определить, действительно ли это растение тождественно с *Piper methysticum* островов Тихого океана. На Ост-Индских островах растение, привезенное мною из Новой Гвинеи, как мне сказал г. Шеффер, не встречается; также оно не было замечено ни одним из многих голландских ботаников (Ципелнус, Тейсман и др.), бывших на других берегах Новой Гвинеи.

носят постоянно с собою, небольшую чашу, выделенную из скорлупы молодого кокосового ореха. Чаша эта обыкновенно снаружи хорошо выскоблена, часто украшена резьбою, внутри же она покрыта точно темно-зеленым мохом — следы долгой службы, так как обычай не позволяет вымывать или вычищать внутри чашу, из которой пьют «кеу». Перед большою чашею с «кеу» расчищается небольшая площадка, тупым концом копья делается в земле несколько углублений, в которые ставятся, чтобы не опрокинулись, чаши ожидающих. Чаши эти различных размеров, смотря по любви к напитку.

Приготовлявший «кеу» разливает его по чашам; питье, как уже выше замечено, темно-зеленого цвета и обыкновенной густоты топленого, немного остывшего жира. Когда все чаши наполнены, папуасы, стоящие вокруг, протягивают к ним руки и берут их все в одно время или поочередно, причем соблюдается известная последовательность (сперва гости, затем более старые и т. д.). С чашами в руках пирующие расходятся по краям поляны, где происходит пир, и, отвернувшись, выпивают чашу «кеу», причем в тот же момент выпускают мочу. Этот обычай, который соблюдается постоянно в некоторых деревнях, изменяется в других таким образом, что мочу выпускают до выпивания «кеу» или немного спустя. Так как вкус «кеу» неприятно горек, то его заедают уже заранее для этой цели приготовленным наскобленным кокосовым орехом, смоченным кокосовою водою.

Порция «кеу», которую папуасы обыкновенно выпивают, равняется приблизительно 3 или 4 столовым ложкам. Для некоторых она достаточна, чтобы произвести значительное опьянение, которое, как я предполагаю, довольно отлично от опьянения спиртными напитками.

Папуасы, которые выпили более чем обыкновенную порцию «кеу», приходят в меланхолически-сонное настроение; шатаясь, удаляются они от собеседников, садятся и пристально смотрят на что-нибудь, часто отплевываясь, так как горький вкус остается очень долго во рту; наконец, засыпают беспокойным, но тяжелым сном. В этом состоянии их очень трудно разбудить и добиться чего-либо. Выпиванием «кеу» начинается угощение, перед ним ничего не едят, и пьяницы, выпив большое количество этого питья, ограничиваются им и не едят ничего.

«Кеу» пьют только взрослые (тамо); мальчикам до обрезания и женщинам напиток этот запрещен. Ни одно пиршество не обходится без «кеу». В деревнях, где его много разводят, взрослые папуасы пьют его и в обыкновенное время и даже женщины тайне очень лакомы до него и пьют его, скрывая то от мужей и сыновей. Не только свежие листья, ствол и корень употребляются для добывания напитка, но и сушеный, много месяцев сбереженный корень жуется и доставляет еще более горькое и крепкое питье.

Несмотря на не особенно привлекательную процедуру приготовления, я сам, желая знать эффект, выпил однажды обыкновенную порцию «кеу»; питье оказалось без особенного запаха, горько-стягивающего вкуса; через несколько времени по принятии «кеу» я почувствовал головокружение и ноги откалывались держать меня, что, однако же, прошло после получасового сна.

Я проснулся с довольно свежей головою, но с очень неприятно-горьким вкусом во рту, который оставался еще часа 3 по выпитии «кеу».

«Кеу» представляет единственный опьяняющий напиток папуасов северо-восточного берега и очень ценится ими.

19 ноября 1873 г.

Бюйтендорф.

Список растений, используемых туземцами Берега Маклая на Новой Гвинее

Пересматривая свои заметки по этнологии Берега Маклая, я составил список растений, части которых (корни, стебли, кора, листья, цветы и плоды) используются туземцами в качестве предметов питания, возбуждающих средств и для других надобностей.

Одни из этих растений туземцы культивируют на своих плантациях, другие собирают в определенное время года в лесу. Посадка растений, идущих в пищу, рассчитана так, что в течение круглого года туземцы обеспечены тем или другим видом провизии.

Сезоны созревания растений, составляющих главную пищу туземцев (таро, ямс, сладкий картофель и др.), в разных деревнях в горных и прибрежных районах не совпадают. Указанные в данной статье сезоны относятся к прибрежным деревням, главным образом расположенным в районе порта Константина, где я жил в 1871—1872 гг. (в Гарагаси) и в 1876—1877 гг. (близ деревни Бонгу).

По возвращении с Новой Гвинеи мне посчастливилось встретиться в 1873 г. на Яве с д-ром Р. Шеффером, директором Ботанического сада в Бейтензорге, а в 1878 г. в Сингапуре я виделся с д-ром О. Беккар¹. Я не преминул воспользоваться встречами с этими авторитетными специалистами, чтобы с их помощью определить некоторые растения, относительно которых у меня были сомнения и плоды, листья и цветы которых я привез с собою с Новой Гвинеи. Кратковременное пребывание в Мельбурне в начале этого года дало мне возможность воспользоваться консультацией барона Мюллера² для определения некоторых других растений с Берега Маклая, плоды которых я заспиртовал. Так как я не позаботился собрать листья и цветы тех же растений, то эта

очень неполная коллекция не имела бы никакой ценности, если бы не попала в руки столь компетентного специалиста, как барон Мюллер, и я считаю своим приятным долгом выразить ему здесь свою искреннюю признательность за его любезную помощь.

Таким образом, только благодаря помощи этих моих друзей я могу дать здесь список тех полезных растений, которые играют большую роль в хозяйстве туземцев Берега Маклая.

I. Растения, употребляемые туземцами в пищу (в порядке их хозяйственного значения)

A. Растения, культивируемые на плантациях или в деревьях около хижин

1. *Cocos nucifera* (мунки)*. (Кокосовая пальма), приносящая плоды круглый год, без сомнения играет важнейшую роль в хозяйстве туземцев. Мякоть кокосового ореха употребляется в пищу на всех стадиях созревания ореха. Наскобленная мякоть спелых кокосов, содержащая много масла, употребляется при варке пищи, но кокосовое масло и его приготовление были неизвестны папуасам Берега Маклая до моего приезда туда в 1871 г. Существуют две разновидности кокосовой пальмы: обыкновенная, с большими зелеными орехами, и другая, более низкорослая, с орехами значительно меньшей величины и оранжевого цвета**.

2. *Caladium esculentum* (бай), 3 или 4 разновидности, некоторые — большого размера. По своему хозяйственному значению занимает первое место после кокосов и составляет главную пищу туземцев с марта по август. Сажают его обычно в октябре.

3. *Dioscorea* спес. (аян), много разновидностей. Его едят с августа по январь.

4. *Ipomaea batatas* (дегарголь). Сладкий картофель наряду с таро и ямсом составляет один из главных пищевых продуктов. Созревает обычно в сентябре и октябре.

5. *Musa paradisiaca* (мога), 8 или 9 разновидностей; культивируется в одних деревьях в широких размерах, в других — в ограниченном количестве. Кроме возделываемых разновидностей, которые получают

* В скобках даны названия растений на диалекте бонгу (Берег Маклая).

** Большие зеленые орехи обычного вида содержат в среднем 1200—1600 г воды, орехи меньшего размера, оранжевые — не более 150 г. О приготовлении пищи у папуасов и других деталях см. мои «Этнологические заметки о папуасах Берега Маклая», опубликованные в 1873 г. в «*Natuurkundig Tijdschrift*» в Батавии; рецензию на нее д-ра J. C. Galton см. в «*Nature*», 1875, June 1 and 8.

путем обмена между деревнями, в лесу встречается *дикорастущий* вид банана — *Musa Maclayi* (названный так Ф. Мюллером), который отличается от возделываемых разновидностей почти вдвое более высоким стволом, узкими жесткими листьями и мелкими (несъедобными) плодами, полными семян*.

6. *Saccharum officinarum* (ден). Кроме многочисленных возделываемых разновидностей, существует также *дикий* сахарный тростник, с тонким темноватым стеблем, растущий в болотистых местностях.

7. *Saccharum (edule Hasskl?)* (аусь)**. Соцветие этого тростникового растения, поспевающего в январе и феврале, туземцы едят в тушеном или печеном виде и очень любят.

8. *Psophocarpus spec.* (могар).

9. *Artocarpus incisa* и *A. integrifolia* носят у туземцев общее название «боли». Насчитывается по меньшей мере 5 разновидностей. Хлебные деревья культивируются в деревнях или поблизости от них, но нередко встречаются и в лесу, в диком состоянии.

10. *Canarium commune* (кенгар). Деревья, большей частью культивируемые, растущие также и в лесу, очень многочисленны в некоторых деревнях, но в других редки. Их орехи собирают в мае, июне и июле.

11. *Sagus spec.* (буам). Так как саговая пальма здесь редко встречается, саго считается лакомством, и его можно видеть только на пирах, а не как повседневную пищу.

12, 13, 14, 15. Разные виды *Cucurbitaceae*: холь, арван и др.

*Б. Дикорастущие растения,
плоды которых употребляют в пищу*

16. *Pangium edule* (орлан). Плоды этого растения вешают на деревьях в лесу в больших корзинах. Из перебродившей мякоти и ядер орехов делают кислый соус с очень неприятным (для моего обоняния)

* Существует еще другой *дикорастущий* вид банана *Musa calosperma* F.v.M., плоды которого содержат очень большие, неправильной формы семена около 10 мм длины и 11 мм в диаметре; спелые семена имеют блестящий черный цвет и служат туземцам материалом для украшений.

** Не позаботившись привезти с Новой Гвинеи образец ауся, я не мог установить вид этого растения из сем. *Gramineae*, но помнил, что один из моих слуг, яванец, много раз говорил мне, что видел это растение на Яве, причем называл его, как мне казалось, «трубук». Я написал директору Ботанического сада в Бейтензоре и через несколько дней получил следующий ответ: «Растение, называемое „трубук“, неизвестно ни малайцам, ни сунданцам. Однако один вид *Gramineae* им известен, именно *Saccharum edule Hasskl*, называемый малайцами „трубук“ или „тебу трубук“, и я думаю, что растение, о котором идет речь, называется именно трубук» (выдержка от ответа д-ра W. Burck — помощника директора Бейтензорского ботанического сада).

запахом. Этот соус, смешиваемый с пищей, туземцы считают большим деликатесом.

17. *Bassia cosco* (нате). Зеленый плод этого растения, не более яблока средней величины, имеет приятный сладкий вкус.

18. *Bassia Macclayana* (дим) — новый вид, названный так Ф. Мюллером.

19. *Pandanus* spec. Плоды разных видов пандануса едят сырыми или тушеными.

20. *Barringtonia* spec. (тогали).

21. *Mangifera indica* (?) (оэй). Плод этого растения маленький и довольно кислый, но вполне съедобный; в тушеном виде вкуснее (менее кислый), чем в сыром.

22. *Citrus* spec. (?). Плоды имеют очень толстую кожуру и так горьки, что малосъедобны.

На Берегу Маклая встречаются еще другие плоды, которые туземцы собирают в лесу и которые я не мог определить. Здесь я привожу местные названия тех из них, которые папуасы часто едят и которые я сам ел, хотя без удовольствия, но и без отвращения.

23. Аваль.

24. Буггер.

25. Кабуль.

26. Ауль.

II. Растения, культивируемые ради их возбуждающих и лечебных свойств

27. *Areca catechu*. Культивируется во всех деревнях. Ядро арекового ореха употребляют на всех стадиях созревания, но предпочитают зеленые орехи.

28. *Piper betle*. Плоды его предпочитают листьям. Туземцы не помнят, кто и когда ввел у них жевание бетеля (с известью и арековым орехом). Все мужчины очень любят это возбуждающее средство, но лишь некоторые им злоупотребляют.

29. *Piper methysticum* (кеу). Впервые об употреблении *Piper methysticum* туземцами Новой Гвинеи упоминается, насколько я знаю, в моем письме в императорское Русское географическое общество в Петербурге*. Когда я показал в 1873 г. несколько засушенных листьев и плодов кеу с Берега Маклая д-ру Шефферу, он сказал мне, что ни один из путешественников, вернувшихся с Новой Гвинеи, не приво-

* Известия имп. Русского географического общества. 1874. Т. 10. С. 83. (см. с. 99—102 наст. тома).

зил до сих пор подобных и что образцов *P. methysticum* не имеется в Музее Ботанического сада в Бейтензоре и нет также достаточно полных описаний этого растения, так что он не может сказать мне определенно, является ли кеу с Новой Гвинеей* тем же растением, что кава (*P. methysticum*), растущая на островах Полинезии. Тогда я написал одному из моих друзей на Самоа и получил от него образцы листьев и плодов *P. methysticum*; это дало д-ру Шефферу возможность точно установить, что кеу действительно не что иное, как *P. methysticum* Океании**.

Не все туземцы Берега Маклая употребляют кеу. В некоторых деревьях этот напиток и его действие известны, но он не вошел в употребление, в некоторых других он совершенно неизвестен. Эти факты дают мне основание полагать, что употребление кеу введено на Берегу Маклая не особенно давно (у туземцев, однако, нет преданий о его введении) и лишь теперь постепенно распространяется.

Кустарник кеу культивируется в деревьях и на плантациях, но я никогда не встречал его на Берегу Маклая в диком состоянии. Прибавлю интересный факт, который сообщил мне преподобный У. Дж. Лооз³ в ответ на мои вопросы относительно употребления *Piper methysticum* на южном берегу Новой Гвинее. Г-н Лооз сообщил мне, что, насколько ему известно, туземцы южного берега Новой Гвинее и архипелага Луизиада совершенно не знают этого напитка, но что во многих местностях это растение (*P. methysticum*) встречается в лесах в диком состоянии. Преподобному У. Г. Лоозу говорили об этом тичеры, которые, будучи полинезийцами (с Тонга, Самоа и Таити), хорошо знают растение кава.

30. *Zingiber officinalis* (ли). Употребляется с примесью золы, заменяющей туземцам соль***, как лакомство после еды и как «оним» (лекарство).

31. *Cinnamomum sintoc* (мю). Его кора ценится туземцами как «оним».

32. *Nicotiana tabacum* (казь). Старые туземцы этого берега помнят, что их отцы говорили им, что в юности они (отцы) не знали употребления табака и что его семена и обычай курения заимствованы с запада и

* Кеу — название *Piper methysticum* на диалекте бонгу; на других диалектах Берега Маклая это растение носит названия «кеува», «иссе», «кналь», «айо», «сегу» и др.

** *Annales du Jardin botanique de Buitenzorg*. 1876. Т. 1. Р. 51.

*** Кроме морской воды ($\frac{1}{3}$ на $\frac{2}{3}$ пресной), употребляемой для варки пищи, туземцы пользуются другим заменителем соли — золой от древесных стволов, которые месяцами носило по морю, а затем выбросило при приливе на берег; эти стволы собирают, сушат и сжигают. Зола, полученная таким образом, имеет соленый вкус. Этот род соли употребляют преимущественно горные жители, которые находят более удобным носить такие поленья, чем бамбуковые стволы, наполненные соленой водой.

распространялись постепенно, от деревни к деревне. Есть горные деревни, где табак до сих пор неизвестен*. Табачные листья высушивают на огне, разрывают на кусочки, размельчают, завертывают в лист**, предварительно также высушенный на огне, и свернутую таким образом сигару курят. В некоторых горных деревнях у туземцев есть большие трубки***, которые заполняются дымом от сигары и обходят ряд курильщиков, причем каждый из последних старается вдохнуть и проглотить как можно больше холодного дыма. Употребление трубок не передалось береговым жителям, которые предпочитают курить сигары.

III. Растения, употребляемые для разных надобностей в хозяйстве туземцев

Упомяну еще о некоторых растениях, играющих важную роль в повседневной жизни туземцев этой части Новой Гвинеи.

33. Тауви (из сем. *Urticaceae*). Мужской маль**** изготовляется совершенно так же, как тапа полинезийцев, из луба молодых хлебных деревьев (*Artocarpus*) или из луба тауви.

34. *Abroma Augusta* (маль-сель)*****. Женские маль, состоящие из более или менее длинной бахромы, делаются из волокон ствола банана или из волокон маль-сель.

35. *Gnetum spec.* (яван-сель). Сумки (гун) плетут из бечевки, скрученных из волокон яван-сель.

36. *Vitis spec.* (нут-сель). Очень крепкие веревки скручиваются, а иногда плетутся, из нут-сель и из <двух последующих>.

37. *Boehmeria nivea* (ден-сель).

38. Роль-сель — стебель растения, принадлежащего к сем. *Leguminosae*.

39. *Calamus spec.* (бу-сель). Для якорных канатов и разной оснастки туземных лодок (последние иногда бывают двухмачтовые), для креп-

* На островах архипелага Луизиада употребление табака также введено лишь совсем недавно. Я посетил в 1880 г. несколько горных деревень на о. Базилаки (о. Морсби), жители которых совершенно не были знакомы с табаком и его употреблением.

** Туземцы Берега Маклая употребляют для свертывания сигар листья определенных растений; к сожалению, я не установил своевременно, каких именно.

*** Точно такие же, как на южном берегу Новой Гвинеи, где употребление табака, по свидетельству Лооза, введено с запада и лишь в недавнее время распространилось до юго-восточной оконечности Новой Гвинеи. Теперь «куку» (название табака у туземцев юго-восточного побережья) там в большом спросе.

**** Маль — кусок тапы более 3 ярдов длины и около $\frac{1}{4}$ ярда ширины. Он носится таким образом: придерживая один конец на животе у пупка, маль пропускают между ногами, обвивают несколько раз вокруг талии и завязывают сзади другим концом.

***** Сель общее название для веревок, шнурков.

ления отдельных частей остова хижин и заборов обычно употребляется бу-сель.

Материалом для корзин и циновок служат листья кокосовой, саговой и других пальм. Парус лодки представляет собою большую четырехугольную циновку из листьев пандануса.

Копья, луки, наконечники стрел и т. д. делаются из ствола кокосовой или кариотовой пальмы.

40. *Canarium gutur* (гутур) — новый вид. Смолу вроде дамаровой этого вида *Canarium* туземцы называют также «гутур» и употребляют преимущественно как скрепляющий материал при изготовлении различных орудий.

41. *Calophyllum inophyllum* (субари). Вареные орехи этого дерева употребляют для мытья курчавых волос, после чего куму* лучше держится на волосах, так как орех субари содержит много масла. Для той же цели употребляется горячая скобленная мякоть старого кокосового ореха.

〈IV.〉 Растения, недавно (с 1871 г.) завезенные на Берег Маклая

Еще в первый приезд на этот берег в сентябре 1871 г. и позже мною были завезены туда некоторые растения (ранее там неизвестные). Я имел удовольствие видеть, что на маленькой плантации около моего дома близ Бонгу некоторые из интродуцированных растений росли в изобилии, именно: разные сорта тыквы, арбузы, маис, *Carica* парауа и многие другие растения, семена которых я привез в 1871 г. с Таити и в 1876 г. с Явы**. Туземцы были очень довольны, получив эти семена, и с большим интересом следили за произрастанием новых растений. Особенно понравились папуасам папайя, арбузы и маис, которые они скоро стали культивировать на плантациях и в деревнях. Много туземцев из отдаленных деревень приходило ко мне за семенами.

В свою последнюю поездку на Берег Маклая в марте 1883 г.⁵ взял с собою еще семян и саженцев (из Макассара и Амбоины), между прочим, семена мангустина (*Garcinia*), дуриана, апельсина, лимона, кофе и др. Я распределил семена между жителями деревень Бонгу, Богати, Били-Били и некоторых горных деревень, причем последним особенно

* Куму — черная краска, употребляемая туземцами Берега Маклая для раскрашивания (лица и тела). По анализу Р. Эверсейна из Горного департамента в Батавии, состоит из пиролюзита с небольшой примесью окиси железа⁴.

** У меня где-то среди моих бумаг есть список этих семян, но я его в данный момент не могу найти.

рекомендовал семена кофе. Мое следующее посещение Берега Маклая покажет, был ли этот последний опыт столь же удачным, как тот, который я проделал в 1876 г.

В заключение мне остается лишь добавить, что так как главная цель этой статьи заключается в том, чтобы дать дополнительные сведения по этнологии Новой Гвинеи, я включил в свой список *только* растения, играющие наиболее важную роль в хозяйстве туземцев Берега Маклая, и не включил имеющих второстепенное значение, а также тех, которые употребляются в пищу лишь в исключительных случаях, за неимением ничего лучшего, как, например, один вид *Cuscuta* (из ствола которого туземцы добывают род саго), дикорастущий арроурут, один вид *Nephelium* и т. д. О некоторых других растениях (например, о дереве капок) я не упоминаю, так как они (в настоящее время) не имеют никакой ценности для туземцев.

Заметка о «кеу»* Берега Маклая на Новой Гвинее

Моя последняя статья «Список растений, используемых туземцами Берега Маклая на Новой Гвинее», уже была напечатана, когда я неожиданно обнаружил среди старых писем забытую заметку покойного д-ра Р. Шеффера, директора Ботанического сада в Бейтензорге; заметка касается некоторых моих материалов, описанных в упомянутой статье. Так как было уже слишком поздно делать к ней добавления, я решил изложить это дополнение в виде отдельной заметки.

Я писал в «Списке растений (используемых туземцами) Берега Маклая», что растение «кеу», найденное мною на этом берегу, было отождествлено д-ром Шеффером с *Piper methysticum* островов Тихого океана. Упомянутая заметка д-ра Шеффера напомнила мне тот факт, что через несколько дней после того, как я получил листья *P. methysticum* из Самоа (в декабре 1874 г.***) и дал их д-ру Шефферу для сравнения с

* «Кеу» — на диалекте бонгу Берега Маклая название перечного растения, служившего для приготовления укрепляющего и несколько опьяняющего напитка. Как видно из этой статьи, название «кеу» применяется более чем к одному виду *Piper* (одним из них является *Piper methysticum* Полинезии). На Берегу Маклая для обозначения этого напитка, так же как и растений, применяемых для его изготовления, имеются и другие названия: «кеува», «иссе», «киаль», «айо», «сегу» и др.

*** См. мою статью: *List of Plants in Use by the Natives of the MacLay Coast, New Guinea* // *Proceedings of the Linnean Society of New South Wales*. 1886. Vol. 10. P. 346—354 (с. 102—109 *наст. тома*).

растением «кеу», я нашел в своей этнологической коллекции несколько пучков «кеу», подаренных мне жителями разных деревень при моем отъезде в качестве запаса «кеу» для моего собственного употребления. Эти пучки состояли из молодых растений «кеу» с корнями, стволами, веточками и листьями. Все это было согнуто и туго связано вместе в свежем виде и преднамеренно превращено в небольшие, компактные пакетики, удобные для перевозки. При погружении в воду на несколько часов ветви и листья восстановили частично прежнюю гибкость, так что листья можно было развернуть, не ломая их, и использовать для наблюдений. Установив, что ботанический характер листьев «кеу», взятых из разных пучков, представлял некоторые различия, я послал весь комплект (узлы, сплюснутые листья и т. д.) д-ру Шефферу для подробного исследования, с просьбой сообщить мне свое мнение: принадлежат ли все образцы «кеу» к одному и тому же виду (*Piper methysticum*) или нет?

В то же утро я получил краткое сообщение от д-ра Шеффера, написанное наспех в Ботаническом саду, в котором сообщалось, что в пучках «кеу» были *два разных вида Piper и оба отличаются от Piper methysticum*, но из-за отсутствия цветов и плодов он не мог определить вида*.

Через несколько дней д-р Шеффер зашел ко мне, мы поговорили о «кеу», и так как это было (декабрь 1875 г.) накануне моей новой поездки на Новую Гвинею, я обещал ему привезти несколько экземпляров разных видов «кеу» с цветами и плодами.

Ввиду этого я собрал во время пребывания на Берегу Маклая в 1876—1877 гг. вместе с другими растениями также и «кеу» с цветами и плодами. По прибытии в Сингапур я отправил их, согласно данному обещанию, д-ру Шефферу.

Моей длительной и серьезной болезнью в Сингапуре в 1878 г., в течение которой могли заблудиться некоторые письма и бумаги, можно объяснить тот факт, что я вовсе не получил ответа от д-ра Шеффера. По прибытии в Сидней в 1878 г. я совершенно забыл написать д-ру Шефферу и спросить его о результатах его осмотра растений «кеу» и вскоре узнал с большим сожалением о его смерти.

Хотя два новых (?) вида *Piper*, упомянутые д-ром Шеффером в его письме, не были, вероятно, описаны им, но мне кажется, что остается доказанным факт существования на Берегу Маклая других видов *Piper*, родственных *Piper methysticum***.

* Привожу часть письма д-ра Шеффера относительно «кеу»:

«В нашей коллекции из Новой Гвинеи встречаются два вида *Piper*, которые отличаются от вида из Апии. Жилки на листке растения совершенно другие. Из-за отсутствия плодов и цветов невозможно определить их...».

** Я писал барону Ф. Мюллеру¹ о нахождении заметки д-ра Шеффера и несколько дней спустя получил его ответ. Привожу полностью часть письма его, касающуюся

Так как способ приготовления питья «кеу» несколько отличается от такового для «кавы» или «авы» полинезийцев, каковая операция часто описывалась путешественниками*, мне кажется уместным привести здесь краткое описание способа приготовления «кеу» обитателями Берега Маклая.

Растение «кеу» употребляется не только в свежем виде, но часто и после хранения в течение нескольких недель и месяцев; жуют листья, ветви, ствол и корни. Если таковые слишком тверды и широки, их расщепляют и бьют камнем, прежде чем жевать. Частицы листьев, сломанных ветвей, кусочки ствола и корней раздают мальчикам и молодым мужчинам, которые вскоре превращают их своими сильными, здоровыми зубами в мягкую зеленоватую массу, более или менее пропитанную слюной. Тем временем один из стариков уже сделал необходимые приготовления для фильтрования «кеу». Для этой цели применяют две специально хранимые большие «гамба»**.

распределения Piperaceae (переведено с немецкого): Я должен сказать, что Казимир де Кандолль в своей новой работе о Piperaceae не упоминает никаких других видов рода Piper из Новой Гвинеи, кроме *P. methysticum*. *P. Rumphii* почти родственен с *P. methysticum*, но известен только в Тернате. Нам известны не более 5 описанных Piperaceae Новой Гвинеи. Но около 70 видов найдено на о. Сунда и надо полагать, что постепенно будет обнаружено много видов и на Новой Гвинее. Фактически у меня имеются несколько экземпляров в коллекции, но не полностью, а в виде отдельных частей, по которым почти ничего нельзя сказать. О Piperaceae Беккари до сих пор ничего не было опубликовано, но, возможно, он собрал лишь немногие из них.

* Я упомяну только некоторые из них. В работе У. Маринера об о-вах Тонга (An Account of the Natives of the Tonga Islands from the Extensive Communications of Mr. William Mariner, by John Martin. Second edition. London, 1818. Vol. 2. P. 173—176)² имеется полное описание приготовления кавы на о-вах Тонга со всеми церемониями, связанными с ее питьем, в начале этого века. Капитан Дж. Э. Эрскин (*Erskine J. E. Journal of a Cruise among the Islands of the Western Pacific*. London, 1853. P. 49)³ также дает описание церемонии питья «авы» на Самоа. Конечно, в любой книге об островах Южных морей, в каждом отчете о путешествиях по этим островам содержится более или менее подробные описания приготовления, питья и действия этого специфического напитка. Из этих описаний видно, что в одной и той же местности постепенно происходили различные изменения в использовании «кавы», что можно, однако, объяснить тем обстоятельством, что применение этого напитка постепенно исчезает в связи с приходом миссионеров, белых торговцев и поселенцев и введением в употребление спиртных напитков.

** На диалекте бонгу «гамба» обозначает скорлупу кокосового ореха, расколотого в горизонтальном направлении. Специально предназначенным для этой цели продолговатым камнем наносят опытной рукой короткий, но сильный удар и раскалывают орех горизонтально, так что получается ровный край. В зависимости от назначения орех раскалывают или посередине или выше, чтобы получить глубокую или плоскую «гамба». Местное население применяет «гамба» вместо блюда, тарелок и т. д.

Верхняя гамба с отверстием посередине служит в качестве воронки, нижняя и большая — в качестве приемника. Отверстие в дне гамбы покрывают слоем молодого «унан» (вид *Imperata*), который размягчают при помощи растирания. Вымыв руки, приготовитель, сидя за своими «гамба», собирает шары (очень большие) разжеванного «кеу», которые вручают ему молодые люди, проходящие перед ним процессией. Иногда шар подается не на ладони руки, а на высунутом языке жевальдика.

Приготовитель складывает шарики на дно верхней «гамбы», служащей воронкой, добавляет немного воды и для ускорения фильтрации размешивает массу. Спустя некоторое время, когда большая часть жидкости профильтровалась через «унан», тщательно вынимают из воронки оставшийся жеваный «кеу» и снова кладут его в виде большого шара. Шар поливают водой и двумя руками отжимают его, причем зеленоватый настой стекает между пальцами приготовителя и льется через воронку в приемник. Затем шар снова поливают водой и отжимают до тех пор, пока более светлый цвет настоя не покажет, что эта часть операции закончена. Приподнимают пустую воронку и отставляют ее в сторону. Приемник почти полон грязно-зеленой жидкости с консистенцией не очень густого сиропа. Иногда добавляют еще немного воды и тщательно перемешивают «кеу».

«Кеу» пьют вскоре после его приготовления, так что за такой короткий срок от слюны, содержащейся в смеси, не может произойти брожения*.

Так как «кеу» Берега Маклая — довольно концентрированный напиток по сравнению с полинезийской «кавой», то, вероятно, по этой причине его пьют в сравнительно небольшом количестве.

Каждый пьющий «кеу» носит в своем «гуне»** свою собственную аккуратно вырезанную «кеу-гамба», или чашу из скорлупы мелкого кокосового ореха (желтая разновидность), в которую вмещается от 2 до

* Проф. Х. Н. Моузли описывает аналогичную процедуру приготовления «кавы» на о-вах Фиджи: «Настоя на корне перца не дают стоять столько времени, чтобы он мог забродить, но, по-видимому, некоторые изменения происходят в активных основаниях вследствие действия слюны, потому что тертая кава, применяемая в настоящее время в Тонга по распоряжению миссионеров вместо жеваного продукта, не так хороша, как последний» (*Moseley H. N. Notes by a Naturalist on the Challenger. London, 1879. P. 312*)⁴. Ни в одном из описаний других путешествовавших по островам Тихого океана не упоминается, что «каве» дают стоять до тех пор, пока она забродит. Я пробовал настойку тертой «кавы», приготовленной миссионерами на Самоа. Это была нежная ароматическая вода, горьковатая на вкус — довольно безобидное питье.

** «Гун» — мешок, который местные жители носят на плетеной ленте через левое плечо. Этот мешок — неизменный спутник папуасов Берега Маклая, в котором они носят все необходимое для повседневной жизни.

4 полных столовых ложек (около 40—80 грамм) жидкости. Мужчина очень редко пьет больше одной чаши. Для ослабления горького вкуса от этого питья съедают немного «мунки-ля»* после «кеу»**.

Несомненно, крепость напитка «кеу» зависит от того, из какой части растения он приготовлен (корень дает самый крепкий сорт «кеу»), весьма возможно, что и от возраста растения, а также, конечно, и от количества долитой воды.

Ввиду этого напиток может быть разной крепости в разных местах и в разное время и, конечно, разное действует на пьющего.

Поскольку мне пришлось видеть действие «кеу» на жителей Берега Маклая, я считаю, что не имею достаточных оснований называть «кеу» (в концентрации, применяемой на этом берегу) сильно опьяняющим питьем. Оно скорее снотворное.

Что касается непосредственного действия «кеу», то я приведу часть письма, написанного мною лет 12 тому назад и опубликованного в «Известиях имп. Русского географического общества»:

«Выпив свою обычную порцию кеу, туземцы погружаются вскоре в меланхолически-сонное состояние, шатаясь, уходят от своих товарищей, садятся в каком-либо более тенистом уголке и, пристально уставившись глазами на что-либо из окружающего, усердно плюют, из-за горького вкуса кеу, остающегося долгое время во рту, и впадают в беспокойный, но глубокий сон. Тогда их трудно разбудить и заставить что-либо понять.

Большая часть мужчин пьет только такое количество кеу, что после 10—20-минутной дремоты они просыпаются в нормальном состоянии. На празднествах еда начинается с питья кеу. До кеу ничего не едят, а потребители большого количества кеу только пьют его и ничего не едят, так как погружаются в сон на несколько часов.

Я никогда не видел, чтобы, выпив кеу, местные жители шумели или ссорились; возможно, что это питье действует слишком быстро; во всяком случае, действие кеу совершенно иное, чем действие алкоголя»***.

* «Мунки-ля» — нечто вроде каши, приготовленной из тертого зерна кокосового ореха в так называемом кокосовом молоке. Это излюбленная пища местного населения.

** Я сознательно воздержался от описания в этой статье всех церемоний, сопровождающих питье «кеу». Все же следует упомянуть, что на Берегу Маклая его пьют только мужчины и притом не ежедневно и не по несколько раз в день, как было принято на некоторых полинезийских островах, а только в особых случаях, при приемах посетителей, старых друзей, на празднествах и т. п.

*** Известия имп. Русского географического общества. 1874. Т. 10. Отд. 2. С. 85 *⟨Миклухо-Маклай приводит этот отрывок в вольном переводе на англ. язык, с изменениями и дополнениями. а потому и обратный перевод несколько отличается от соответствующего места цит. статьи. Ср. с. 101—102 наст. тома⟩.*

Чтобы испытать на собственном опыте вкус и действие «кеу» и считая, вместе с капитаном (теперь адмиралом) Дж. Э. Эрскином, что «приготовление его не так отвратительно, как это описывают некоторые путешественники»*, я выпил однажды, во время моего первого пребывания на Берегу Маклая (в 1871—1872 гг.), дозу, равную средней порции, выпиваемой аборигенами (около шестидесяти граммов). Это снадобье не имело особого запаха, оно было горькое и вяжущее на вкус и оставляло горький и слегка ароматический вкус во рту. Через 10 минут после того, как я выпил «кеу», я почувствовал головокружение и мои ноги отказались служить. Я был рад тому, что мог сесть там, где я стоял, и почувствовал, что не могу противостоять сну. Проспав полчаса, я снова почувствовал себя хорошо. Больше я не повторял этого опыта.

Жители Берега Маклая никогда не жаловались мне на какие-либо дурные последствия от длительного употребления напитка «кеу», последствия, подобные таитянскому «ареварева»**.

Так как, насколько мне известно, питье «кавы» на островах Тихого океана — очень старинный обычай, то я думаю, что с этнологической и этнографической точек зрения важно тщательно изучить распространение этого обычая на островах, где он постепенно исчезает с вторжением белого человека***. Описание употребления этого растения, способа его приготовления, обрядов, связанных с его питьем, может способствовать разрешению интересных этнографических вопросов.

Согласно Герланду****, употребление «кавы» было известно на всех островах Полинезии, за исключением Мангаревы и Новой Зеландии*****.

* *Erskine J. E. Journal of a Cruise. P. 49.*

** Ежедневное употребление снадобья «кава» вызывает иногда вид кожной болезни, известной на Таити под названием «ареварева». У людей, пивших «каву» в течение более длительного времени, наблюдается ухудшение зрения, краснота конъюнктивы и желтый цвет зубов, тогда как кожа в местах, где она более толстая, становится сухой, шелушится, трескается и покрывается язвами. Человек худеет и дряхлеет (Kava // *Encyclopedia Britannica. 9th ed. Vol. XIV. P. 18*). Рубцы от язв «ареварева» считались на многих островах «почетными знаками», так как только люди известного ранга могли пить много «кавы» (*Waitz Th. Anthropologie der Naturvölker. Fortgesetzt von G. Gerland. Th. 6. Leipzig, 1872. S. 60*).

*** Когда Маринер был в начале этого столетия на Ваху (Сандвичевы острова), он два раза видел, как «каву» пили как предмет роскоши, и ему говорили, что некоторые старые люди еще предпочитают ее спиртному. Через четыре года после этого Кэмпбелл (*Campbell A. A Voyage Round the World from 1806 to 1812. Edinburgh, 1816*) уже не видел, чтобы «аву» применяли на Сандвичевых островах иначе, чем лекарство от тучности, и, наоборот, считали роскошью спиртные напитки (*W. Mariner's Account of the Natives of the Tonga Islands. Vol. 1. P. XLIX*).

**** *Waitz Th. Anthropologie der Naturvölker. Th. 6. S. 59—61.*

***** В Новой Зеландии «кавой» называют другой Piper, а именно Piper excelsum (*Waitz Th. Anthropologie der Naturvölker. Th. 6. S. 60*).

Герланд полагает, что в обоих случаях это было вызвано тем, что переселенцы на указанные острова не захватили с собой такого растения и не нашли его на новом месте.

На микронезийских островах, согласно Герланду*, известно было употребление «кавы» на островах Кусайе, Понапе и Трук, и там этот напиток назывался «сака». Но на этих островах корни его не жевали, а растирали между двух камней.

Известно о применении «кавы» в Меланезии, на Фиджи, куда этот напиток занесен с Тонга**, и на некоторых островах Новых Гебрид, как Танна, Фате, Анейтиум и Гера, где этот обычай тоже полинезийского происхождения***.

Каким образом употребление «кеу» стало известно жителям Берега Маклая, до сих пор не установлено. Как уже упоминалось в одной из предыдущих статей****, питье «кеу» принято не во всех деревнях этого берега, хотя оно там известно.

В той же статье я привел сообщение миссионера У. Дж. Лооза о том, что *Piper methysticum* растет в диком виде в юго-восточной части Новой Гвинеи, но местные жители не знают и не употребляют его.

Несколько дней тому назад миссионер Дж. Браун***** написал мне об аналогичном случае на Новой Британии, на Новой Ирландии и на Соломоновых островах, где *Piper methysticum* (или родственный вид) растет в диком виде, но местным жителям неизвестно его использование.

Не лишено интереса, что в Полинезии растение и приготовленный из него напиток носят название «кава» (Тонга, Раротонга, Новая Зеландия, Маркизские острова) и «ава» (Самоа и Гавайские острова), а в Микронезии — «сака», на Фиджи — «янгона», тогда как на Берегу Маклая это же растение или родственное ему известно под многочисленными названиями: «кеу», «кеува», «иссе», «киаль», «айо», «сегу» и, возможно, что еще и под разными другими.

Прежде чем закончить эту статью, я хочу добавить, что начиная с 1857 г. корень *Piper methysticum* рекомендовали в Европе для лечеб-

* Waitz Th. Anthropologie der Naturvölker. Th. 5. Abth. 2. S. 78.

** Erskine J. E. Journal of a Cruise. P. 263.

*** Waitz Th. Anthropologie der Naturvölker. Th. 6. S. 578.

**** «Список растений, используемых жителями Берега Маклая» (см. с. 106 наст. тома).

***** Привожу выдержку из письма г. Брауна⁵ по этому вопросу: «Я не видел, чтобы жители Новой Британии, Новой Ирландии или Соломоновых островов употребляли каву. Они не знают, как этим растением пользоваться, хотя оно растет здесь. Я достал большие корни этого растения, и жители других островов подтвердили, что это «настоящая» кавка, но так как это растение не культивируют, оно более грубое. Они не применяют его, так как вскоре начали употреблять бетель, подобно остальным аборигенам».

ных целей и, по-видимому, он станет ценным лекарством*. Жидкий экстракт, приготовленный на спирте в качестве растворителя, применяется при бронхите, ревматизме, подагре, гоноррее, хроническом уретрите и т.д., но главное лечебное применение «кавы» все же для лечения хронического воспаления мочевого пузыря и хронического уретрита**. Желательно дальнейшее изучение действия «кавы».

Еще о некоторых этнологически важных обычаях папуасов Берега Маклая в Новой Гвинее (из письма Н.Н. Миклухо-Маклая)

Кроме употребления кеу***, о котором я говорил в предыдущей заметке****, у папуасов Берега Маклая я нашел еще некоторые обычаи, которые встречаются у жителей островов Полинезии, но которые не были, насколько я знаю, известны у меланезийцев*****. Сюда относится и *обрезание*. Над мальчиками лет 13—15 мои бывшие соседи совершают обрезание <с> помощью острого кремня (кремень разбивают и между осколками выбирают самый острый и хорошо режущий). Обрезание состоит в том, что острием кремня делают один или несколько продольных надрезов верхней части *praeputium*'а*****. Надрезы не

* На этот факт обратил мое внимание Ф. Райт (F. Wright).

** Подробности о составных частях этого лекарства и его лечебном применении и т. д. см.: *Stille A. and Maisch J. The National Dispensatory*. 3d ed. London, 1884. P. 964, 965; *Olberg O. and Wall O. A Companion to the Pharmacopoeia*. London, 1884. P. 696, 697; *Lescher F. H. and Webb E. Novel Counter Adjunct Bearing Chemist's Own Name and Address, with Notes on Recent Materia Medica*. London, 1884.

*** Растение кеу, как я убедился, положительно тождественно с полинезийскими *Piper methysticum* или растением кавы.

**** См. Изв. Русского географ. общества. 1874. Т. 10. Отд. 2. С. 83—86 (см. с. 99—102 наст. тома).

***** За исключением жителей о-вов Фиджи, которые, находясь в близких сношениях с полинезийцами и даже смешиваясь с ними, могли, как предполагали, перенять многие обычаи у соседей. Академик К. М. фон Бэр¹ говорит, что жители Фиджи сохранили умение готовить глиняную посуду, не встречающуюся у полинезийцев, а переняли у последних обычаи обрезания, употребление кавы и обычай *tabu* (*Baer K. E. von. Ueber Papuas und Alfuren // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg*. 1859. Т. 8. S. 91, или, вернее, 19, так как 91 — опечатка). Из моего сегодняшнего сообщения оказывается, что эти обычаи существуют у папуасов Новой Гвинеи, куда полинезийское влияние, разумеется, не достигло; это доказывает, что эти обычаи общи и папуасам и полинезийцам.

***** У малайцев Ост-Индского архипелага обрезание производят таким образом, что *praeputium* задемяют между двумя деревянными палочками и бамбуковым ножом

глубоки и оставляют по себе только несколько незначительных шрамов. Операцию обрезания совершают не в деревне, а в лесу. Оператор — обыкновенно отец или один из родственников. По совершению обрезания пациент, сопровождаемый родственниками, соседями и друзьями мужского пола, возвращается в деревню при криках, песнях, сопровождающих музыку. После обрезания молодой папуас вступает во все права, которые прежде ему были запрещены. Он может участвовать при пиршествах, пить кеу, для него строится новая хижина, отец наделяет его частью плантации, он может жениться, может иметь полное вооружение, заниматься музыкой* и т. д.²

Хотя почти все папуасы Берега Маклая имеют этот обычай, но жители некоторых горных деревень (например, жители деревень Теньгум-Мана, Энглам-Мана, Марагум-Мана) и островка Тиара (один из «островков» архипелага Довольных людей**) ему не подчиняются. Я часто замечал, что мои соседи (обрезанные) поэтому относились пренебрежительно, говоря об жителях названных мест.

Обычай *табу*, распространенный в Полинезии и Микронезии***, состоит в запрещении, налагаемом на известные предметы, ограничивающем их общее употребление; «он» встречается также и в Новой Гвинее. Так, например, многие предметы совершенно запрещены женщинам, детям и юношам до обрезания. На известные пиры имеют доступ только взрослые мужского пола; даже до кушаний, приготовленных на месте пира, юноши, женщины и дети не смеют прикасаться; вид музыкальных инструментов, не только их употребление, запрещены им; все они должны убегать при звуках этих инструментов; употребление кеу также дозволено одним взрослым мужчинам; известные хижины, где собираются мужчины, известные сборные места в лесу, посвященные пиршествам, также недоступны женщинам и детям. Мужчины между собою также налагают запрет на разные предметы (разного рода украшения, кушания и т. п.).

отрезают выступающую за палочки часть. Обрезание совершают над мальчиками лет 12 или 13.

* Иметь музыкальные инструменты и употребление их — исключительное право взрослых, обрезанных папуасов мужского пола.

** См. краткое сообщение моего пребывания в Новой Гвинее «в» «Изв. Русского географ. общества» (1873. Т. 9. С. 206) (см. с. 272 в т. 1 наст. изд.).

*** Табу, как уже замечено (прим. ***** на с. 118), существует и на о-вах Фиджи. Юкс (Jukes J. B. Narrative of the Surveying Voyage of H. M. S. «Fly». 1842—1846. London, 1847. Vol. 1. P. 258) встретил на одном из островов Торресова пролива, Эруббе, обычай, который он считает аналогичным табу и который называется там «галла». Также на о. Тиморе обычай «помали» имеет аналогичное значение с табу (см.: Wallace A. R. Der Malayische Archipel. Braunschweig, 1869, в главе об о. Тиморе).

Запрещения редко переступаются. Папуасы уверены, что если они это сделают, то заболеют или умрут.

Я не мог добиться, имеют ли папуасы особенное общее название для обозначения этих запрещений, аналогичное табу полинезийцев; я предполагаю, что имеют; но оно ускользнуло от моего внимания, и мое знание папуасских наречий не оказалось достаточным, чтобы объяснить ясно, что я желал знать. Но дело не в названии, а в факте, который я ежедневно замечал.

Обычай *обмена имен*, который известен на островах Микронезии*, встречается и у папуасов. Мне не раз предлагали переменить имя в разных деревнях, именно те из жителей, с которыми я ближе сходил, и были недовольны, когда я отказывал им их просьбу.

Когда я в шлюпке подъезжал к одной из прибрежных деревень, то обыкновенно всё у берега столпившееся и ожидавшее меня мужское население (женщины прятались между деревьями) садилось на корточки и оставалось в этом положении до тех пор, пока я не сходил на берег. При этом старейшие папуасы вставали первые, затем другие и приходили поочередно пожимать мне руку. Подобное *выражение погтения при приеме* важного гостя встречается и в Микронезии**.

Священные камни находятся и в Новой Гвинее, как и в Полинезии.

Я бы мог привести еще несколько обычаев, общих полинезийцам, микронезийцам и меланезийцам Новой Гвинее, но отлагаю это, за недостатком времени, до подробного описания жителей Берега Маклая и их обычаев.

Бюйтенцорг,
13 декабря 1873 г.

Деревни папуасов береговых в заливе Астролябии¹

Войдя в залив Астролябии, с судна никаких признаков жилья не видно; только там и сям выются столбы дыма, и то далеко не всегда. Весь берег покрыт густой растительностью, исключая устья 2 или 3 рек, которые в сухое время года представляют почти совсем сухие ложа, с узким выющимся в середине ручейком. Осматривая внимательно берег с помощью подзорной трубы, заметны в некоторых местах вдоль берега, между посторонней растительностью, верхушки пальм.

* Waitz *Tb.* Anthropologie der Naturvölker. Th. 5. Abth. 2. Leipzig. 1870. S. 130.

** Там же. С. 129.

Подъехав в шлюбке к берегу около того места, где виднелась такая группа пальм, найдешь обыкновенно недалеко отлогий песчаный берег с вытащенными пирогами или следами их; выйдя в том месте, увидишь сейчас же за деревьями крыши хижин или узкая тропинка приведет в деревню, расположенную под тенью кокосовых пальм.

Хижины расположены вокруг площадки самой разнообразной формы: круглой — , овальной — , формы латинской буквы S — , подковообразной — , смотря по условиям местности. Площадка хорошо вытоптана и вычищена, иногда группы пальм или кустов китайской розы разделяют ее на несколько частей. Двери хижин расположены радиусообразно, открываясь все на площадку.

Хижины стоят не очень близко одна от другой, несколько сажен пространства остается между ними. Кругом стена разнообразной зелени поднимается со всех сторон и представляет красивый контраст между ею и белыми почти крышами хижин. Внешний вид деревни очень приветливый и уютный.

Иногда в одном месте зеленая чаща расступается, и тропинка, как зеленый коридор, ведет к другой такой же площадке; где место позволяет, хижины расположены вокруг и даже в середине длинной площадки, и тогда вокруг центральных хижин образуется улица.

Оригинально то, что каждая описанная площадка имеет свое особенное название.

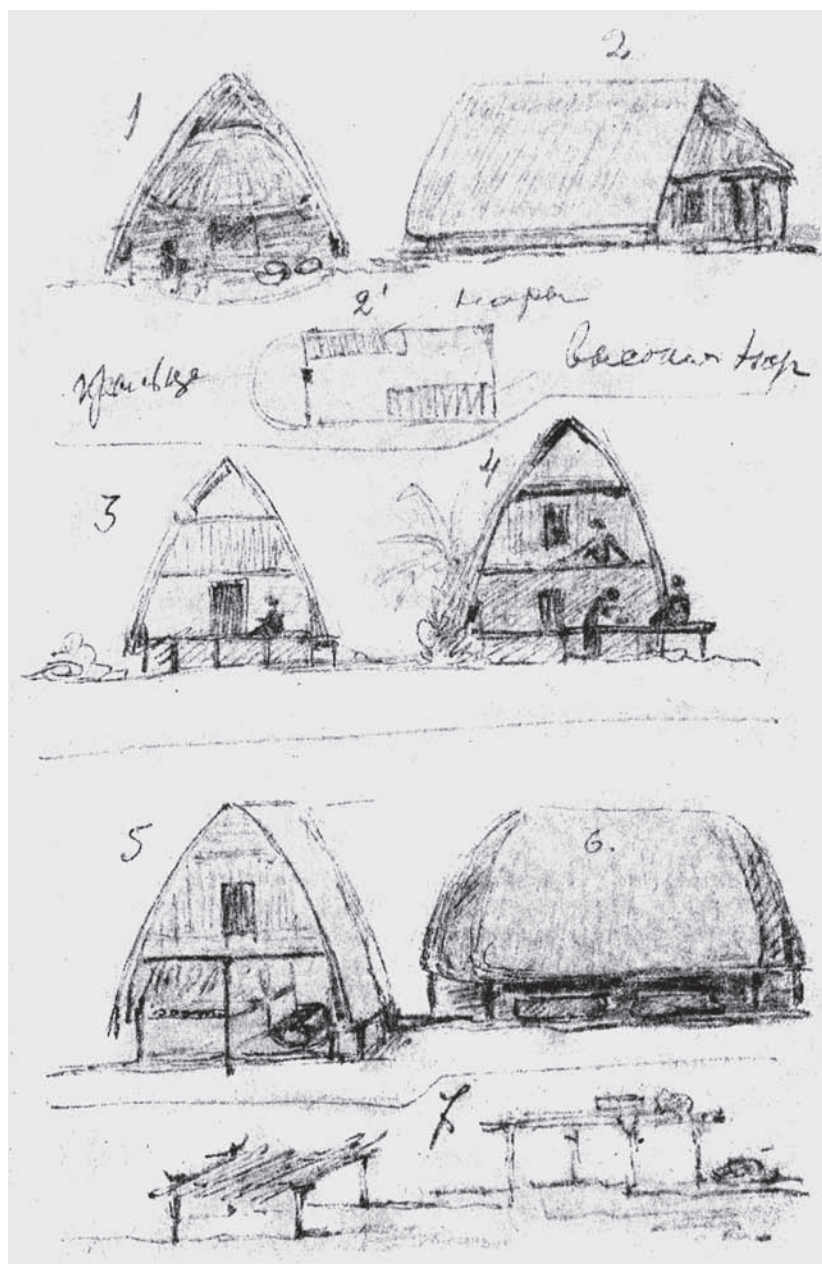
Хижины папуасов очень разнообразной величины, но имеют все очень высокие крыши и низкие боковые стены. Крыши не спускаются прямою плоскостью, а выгнутою, они сделаны очень капитально, что необходимо при чрезвычайно сильных тропических дождях, особенно в зимнее (дождливое) время года.

Боковые стены — из расколотого бамбука. Дверь очень мала и при высоком пороге походит скорее на окно.

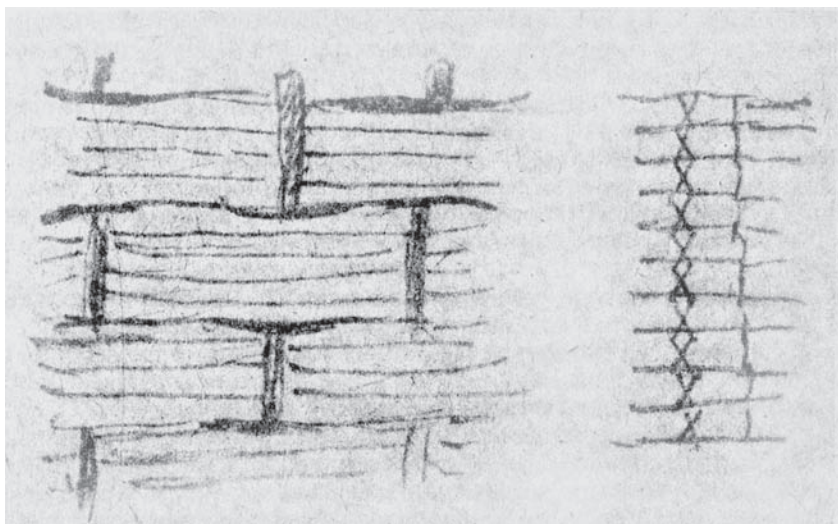
Перед дверью находится расчищенная полукруглая площадка, на которой находятся несколько камней, образующих очаг в дождливое время, разная утварь, запасы кокосов и т.п., так как эта площадка находится под навесом; очень часто и другая, противоположная стена хижин — полукруглая. Эта особенность (овальное основание дома), как и способ покрывки крыш пальмовыми листьями, совершенно одинакова в Новой Гвинее и на островах Полинезии.

Полукруглая площадка заменена в некоторых хижинах родом высокой скамейки или балконом (3). Некоторые хижины 2-этажные и снабжены двумя балконами (4)^{1*}.

Некоторые хижины (таких 1 или 2 в деревне) не имеют вовсе стен, а крыша стоит просто (как и другие хижины) на 6 столбах; с одной стороны находятся довольно высокие нары, с другой лежат корытоо-

Типы хижин береговых папуасов в заливе Астролябия

Передняя стена обыкновенно сделана из расщепленного бамбука, которого отдельные планки связаны тонкими лианами или представляют род корзиночного плетения.

Крытая барла в деревне Богати

бразные барабаны папуасов (выдолбленные стволы толстых деревьев). Наверху таких хижин находится еще 2-й этаж, у других подобного же рода 2-го этажа нет. Эти хижины служат, как я предполагаю, для общественных сходок или чему-либо подобному.

Во многих хижинах, в которых я был, я ничего более не видел (*1 нрзб*) кроме оружия, утвари, плодов, одной или двух нар разной вышины.

На площадке в деревнях находятся несколько довольно высоких (1 м 25 см) столов (7), которые папуасы употребляют при еде: кладут на них свое кушанье. И эти же столы служат и для других употреблений: приготовления тапы, сушки разных плодов (вероятно, для предохранения всего этого от прожорливых собак).

Хижины папуасов все очень хорошо и солидно сделаны.

Передняя стена обыкновенно сделана из расщепленного бамбука, которого отдельные планки связаны тонкими лианами или представляют род корзиночного плетения.

Боковые и задняя стены обыкновенно очень незначительной высоты, делаются, как и заборы, т. е. втыкаются по 2 бамбуковые или по две обыкновенные палки в землю одна перед другой и между ними вкладывается что ни попаало: дощечки, планки, палки, щепки, и все это держится связанным бамбуковыми палками и т. д.

Хотя характер хижин и одинаков (главная особенность — это солидно построенная, почти до земли опускающаяся крыша), но частности представляют большое разнообразие. Дверь, или скорее окно, единственное отверстие на 1½ или 2 фута от земли, так велико, что взрослому только что возможно пролезть.

Внутри хижин одноэтажных находится, кроме нар, часто род больших полок, которые укреплены по сторонам, так что, часто можно сказать, в хижинах в один этаж (имеется), собственно, 2 или 3 этажа, которые, однако ж, не распространяются на всю хижину.

Над входом снаружи находится род широкой полки, на которой сберегается провизия, утварь; иногда она обращается в балкон.

Когда хижина 2-этажная — по сторонам двери, состоящей обыкновенно из двух крепких кокосовых циновок, покрывающих одна другую, приставлены к стенке сухое дерево для дров и малочисленные хозяйственные снаряды на земле. Перед каждой избой находятся 3 камня для костра и 2 или 3 камня, служащих для разных целей: разбивания орехов, растирания какой-нибудь части пищи и т. п. Эти камни обыкновенно правильной формы (такие выбирают), но не искусственно приданной, и носят на себе следы употребления. Форма искусственно овальная.

Затем «барла», стол, служит для множества целей: как стол, как скамья, постель, очень удобная при жизни целый день под открытым небом.

В Богати я видел также крытые барлы.

^{1*} См. рис. на с. 122.

〈Заметки по этнологии Берега Маклая〉

〈I. Орудия и техника обработки разных предметов〉

〈Просверливание собачьих зубов〉

Отверстия в собачьих зубах делаются кремнем, притом даже весьма тупыми осколками. Сперва делают углубление с одной, затем с противоположной стороны. Зуб упирают в бревно или ствол и затем буравят.

Осколок сперва даже крошится, но зубная ткань уступает, и минут через 10 отверстие готово.

Обделка разных предметов

При обработке *кости* (донган, шилюпа) употребляются, сообразуясь со степенью твердости ее, разные средства; так, например, для кости казуара употребляются кремень и точильный камень, для кости кенгуру — также точило. Для более мягких, как, например, кости свиньи, употребляется «нюм»^{1*} на коралловых блоках при низкой воде.

Обделка *дерева*, твердого, как «удя», из которого делаются копья, лук, удя-саб и т. п., производится, тоже обтачивая и шлифуя их на коралловом блоке.

(13 октября 1877 г.).

〈Употребление кремня〉

Кремень употребляется как орудие; нож или бурав не обделываются в особенную форму, а как таковые употребляются подходящие осколки, как, например, особенно малые.

Их различают обыкновенно по цвету: «нар-гунялан» (черный), «нар-гаер» (исюрон)^{2*}.

⟨II⟩ Отношение числа женщин к числу мужчин у папуасов Берега Маклая

В Бонгу число взрослых мужчин было 32, между тем как женщин было 44. На самом же деле отношение было другое, так как между мужчинами было много молодых людей, еще неженатых, тогда как все женщины, без исключения, были замужем. Вообще во все мое пребывание в Новой Гвинее и в путешествиях по островам Тихого океана я не встретил между женщинами темных рас ни одной женщины, которая бы оставалась девушкой, достигнув зрелости. Старых дев в тех краях не имеется, мужчины без жен также очень редко встречаются; есть старики, которые, похоронив несколько жен, под старость остаются жить одни, но таких мало; большинство берет себе жен.

В Бонгу 76 жителей (взрослых) помещались в 88 хижинах.

⟨III. Кварталы деревень Бонгу и Горенду и число жителей в них⟩

Бонгу разделяется на 9 кварталов¹:

⟨Число жителей и хижин
в кварталах Бонгу:⟩

			Муж- чины	Жен- щины
Бонгу жителей 76 (взрослых)	I.	Булиу	5	5
	II.	Обому	2	3
	III.	Улисим	3	6
	IV.	Канилю	5	6
	V.	Явар	5	6
	VI.	Бонгу	5	6
	VII.	Тетебай	1	—
	VIII.	Румбау	3	2
	IX.	Сурам	4	6
			♂32	♀44 ²

	Жите- лей	Хижин
Булиу, Обому	15	15
Явар	11	17
Канилю	11	12
Улисим	9	10
Бонгу	13	12
Тетебай	2	3
Румбау	5	9
Сурам	10	10
	76	88

Горенду — 3 квартала. Жителей 28 (13 мужчин)^{3*}.

⟨IV. Поименный список глав семей и число их жен
в кварталах деревни Бонгу⟩

I. Булиу		III. Обому		V. Явар		VII. Тетейбай	
Сагам	— 1	Яго Б.	— 2	Нуа	— 1	Калеу Б.	
Калеу	— 1	Калун	— 1	Тиау	— 1		
Буй	— 1	IV. Канилю		Гулом	— 1	VIII. Румбау	
Ундель	— 1			Какуа	— 2	Гамай	— 1
Мая	— 1	Балиль	— 1	Калеу	— 1	Эли	
II. Улисим		Яго К.	— 2	VI. Бонгу		Коле	— 1
		Моте	— 1				
		Лако	— 1	IX. Сурам			
Саул Б.	— 3			Муль	— 1	Кумбо	— 1
Саул К.	— 1			Дам	— 1	Намуй	— 2
Мамыс	— 2			Теб	— 2	Гасем	— 1
				Масиль	— 2	Налай (?)	— 2
				Ион	— 2		
32 ♂							
44 ♀ ³							

⟨V. Некоторые горные деревни Берега Маклая⟩

Около *Рай* находятся следующие деревни:

1) Сераиб, 2) Симна, 3) Варик, 4) Вальгаб, 5) Мурисан.

Янбин-Хогему по течению реки Иор:

1) Вальга, 2) Балае, 3) Райвай (Гуангия р.), 4) Сеу (Нобулия р.),
5) Били-Били (?) (Нобулия), 6) Ярю, 7) Вуай.

На реке Минден:

1) Бавар, 2) Рою, 3) Небетава, 4) Кайдла, 5) Гисен, 6) Бау, 7) Думбу, 8) Кулель, 9) Грица, 10) Веньги, 11) Делим, 12) Хале, 13) Дамун, 14) Эмьям, 15) Явар, 16) Баль, 17) Янгабадем, 18) Гленгаль, 19) Аубу, 20) Талеу, 21) Вабургу, 22) Сеням-груби, 23) Улулия, 24) Кангруа, 25) Сорау, 26) Тобу, 27) Мрау, 28) Койса, 29) Даура, 30) Уя, 31) Соя, 32) Теребу, 33) Ауто, 34) Серье, 35) Черепера, 36) Куанга, 37) Вырна, 38) Тавальбу, 39) Гоно-Гоно, 40) Чари.

(Узнал от Коды Боро 13 апреля 1877 г.)

⟨VI.⟩ Остров Кар-Кар (остров Дампира)

2 апреля 1700 г. Дампир⁴ прошел мимо Кар-Кара «qui sembloit jetter de la fumée du sommet»^{* 4*}, почему он, вероятно, назвал этот остров «Isle Brûlante»^{5*} (см. его карту).

* Suite de Voyage de Guillaume Dampier aux Terres australes, à la Nouvelle Hollande ets. fait en 1699. Amsterdam, MDCCV. p. 105.

В 1871 г. меня посетили вместе с людьми Били-Били несколько людей из Кар-Кара.

Несколько туземцев Били-Били и архипелага Довольных людей знают язык Кар-Кара, и один из них насчитал мне 7 деревень на этом острове. Люди Бонгу говорили, что люди Кар-Кар обрезаны, что отсюда при посредстве Били-Били они получают свои окамы.

〈VII.〉 Архипелаг Довольных людей

Между мысами Год-аван и Идуа, или Идова, находится архипелаг низких небольших островов (числом с лишком 30), которые отчасти соединены рифом, отчасти отделены друг от друга довольно глубоким фарватером. Далеко не все острова заселены; на некоторых, однако, находятся жители и на весьма многих — плантации, принадлежащие жителям заселенных островов.

Населенные острова суть:

1) Митебог, 2) Бала (или Бейле), 3) Тиара, 4) Рио и 5) Сёгу.

За исключением двух первых, которые говорят на одном диалекте, остальные имеют отдельные диалекты.

Физически жители архипелага не отличны от туземцев материка, но образ жизни их отчасти разнится от последних.

〈VIII.〉 Далекая страна Анут на юго-востоке

Каин рассказывал мне, что слышал (?) о далекой (даль илоне) стране Анут, где у людей есть железные топоры и ножи, большие дома и которые одеты в платья.

Он несколько раз называл имена *Камуму*, *Лау* и *Канимау*, но его рассказ был так неясен, что я не мог разобрать, имена ли это людей или местностей или деревень (февраль 1877 г.).

На острове Сёгу мне показали «телум Анут», который море принесло к одному из островов. Это была фигура женщины с бака европейского судна.

〈IX.〉 О людоедстве на Берегу Маклая

Совершенно случайно слышал в первый раз о людоедстве в Айру в феврале 1877 г. и узнал имена следующих местностей, где едят людское мясо. Именно: Эремпи, Балилик, Саубог, Сакер*. В этих местно-

* Насколько я мог понять, эти имена соответствуют совокупности многих деревень, которые находятся на материке и за мысом Идуа, или Идова.

стях находятся деревни (бан): Додья, Одола, Ибугия, Сампи, Гала-Гал, Митебог, Кильба, Каутибу, Матанон, далее: Дурдей, Фиед, Барильги, Гару, Губудар и другие.

Людей Эремпи, которые живут у мыса Идуа, я видел в деревне *Бомассия*⁵. Они внешнеостью не отличаются от остальных папуасов Берега Маклая.

О людоедстве я узнал только, что умерших естественной смертью зарывают и едят только убитых на войне. Женщины, как и мужчины, едят человеческое мясо, и от жертв ничего не остается, так как penis и vagina употребляются в пищу. Голову варят в обломке горшка, так как она в горшок не влезает.

Замечательно, что и здесь (Бонгу) люди сообщали мне, что людское мясо по вкусу схоже со свинойю.

⟨Х. Мун в деревнях Бонгу и Гумбу⟩

«Мун»⁶ ⟨в⟩ Бонгу (5—6 дек. 1876 г.). После долгих приготовлений день муна был, наконец, назначен. Последние дни туземцы соседних деревень почти каждую ночь упражнялись в пляске и пении; барум часто раздавался днем и даже ночью; жители Бонгу ходили в Энглам-Мана за кеу к празднику. Была установлена программа: сперва 5-го числа вечером должен был плясать мун Горенду, затем ⟨в⟩ следующий вечер должны были прийти мун Богатим и Гумбу. До начала муна ай вышел из Бонгу с хворостом, который был брошен в море, и после церемонии в лесу (смотри статью «Ай»)⁷ туземцы Горенду и Бонгу стали одеваться к муну. Главное и характерное их украшение были громадные 3-этажные султаны*, которые были так велики, что только курчавые куафюры могли удерживать большой бамбуковый гребень на голове. За поясом были заткнуты 3 большие ветки *Coleus*, которые при каждом шаге качались за спиной. Такие же, воткнутые за сагу, украшали ноги и руки. Некоторые туземцы имели под мышками хоругвеобразные распяленные большие маль. Кроме выбеленных двух дю, некоторые туземцы имели на голове род диадемы из собачьих зубов. На шее, кроме бульра, ямби и других мелких украшений из зубов или бус, висели у большинства губо-губо. Европейские тряпки (подарки времени Гарагаси) играли также немалую роль.

* Султаны состояли из большого нижнего, сделанного из казуаровых перьев; 2-го — из перьев какаду, из которых некоторые были прикреплены верхушкою; 3-й, наконец, был прикрепленный к эластичному стеблю султан из перьев райской птицы, который при каждом движении танцора приходил в движение⁸.

Мун-Коромром. Мун попарно, при звуках окамов, помахивая в такт и одновременно своими сангин-окуль, плавно вошел в Бонгу и, описав дугу, стал описывать круги вокруг площадки, иногда попарно, иногда образуя длинную цепь в одиночку. Перед пляшущими и против них один из туземцев Бонгу двигался, постоянно пятясь; он не был украшен, подобно танцорам, имел только несколько красных цветков в волосах и держал в руке обращенное острием вниз копьё. На конец копья был воткнут кусок скорлупы кокосового ореха из опасения ранить нечаянно своих *vis-a-vis* (этот как бы встречавший гостей туземец напомнил мне «чекалеле»⁹ и встречи в деревнях на Молуккских островах). Пляска и пение были довольно монотонны. Первая состояла из плавных небольших шагов и незначительного сгибания колен, причем корпус слегка нагибался вперед и султан также кивал вперед.

Мало-помалу присоединялись к группе танцоров и женщины, в новых маль, с множеством ожерелий, а некоторые украшенные зелено, заткнутой за сагу на руках. Многие были беременны, другие с грудными ребятами на шее или на руках. Пляска женщин была еще проще мужской, состояла единственно из вихляния задом. Единственная вариация состояла в том, что танцоры останавливались, образуя круг, продолжая петь, бить в окамы и кивать султанами. Женщины также останавливались и, расставив немного ноги, еще усерднее вертели ж<...>. Мун продолжался до рассвета. Мун этот называется М.-Коромром, в нем принимала участие молодежь Горенду и Бонгу¹⁰.

Мун-Яд (Богатим) вошел в Бонгу засветло, часов в 5. Он был гораздо многочисленнее и группировка его иная, чем Мун-Коромром. Кроме главных танцоров с сангин-окуль и губо-губо, их окружали женщины, которые держали их луки и стрелы, но, кроме того, имели свои большие мешки на спинах, и много вооруженных туземцев, которые пели и за неимением окамов били такт небольшими палочками по связкам стрел, которые они несли в руках. Движения пестрой толпы были не так медленны, как вчера, и двое главных танцоров выделяли довольно замысловатые па (например, заложив окам за шею и закрыв глаза, выкидывали ногами)¹¹.

Но что особенно мне показалось интересным — были *мимические* пляски, причем танцоры расступались, оставляя между собою свободное пространство, где главные танцоры производили свои эволюции. Мимические представления были: охота на свинью, убаюкивание ребенка отцом и матерью, причем один из ♂ надел женский маль и мешок и представлял ♀; окам, положенный на мешок, представлял ребенка. Этот пассаж следовал после представления, как ♀ прячется от преследующего ее поклонника за спиной другого. Но еще замечательнее была карикатура, изображавшая туземного медика и административца им онима: один

из танцоров сел на землю, другой с большой веткою в руках стал, танцуя вокруг, ударять ею по спине и бокам первого; затем сделал несколько туров вокруг площадки, шепча над веткой, потом вернулся к больному и возобновил первую операцию. Танцор представил потом, как совсем запыхавшийся и вспотевший медик отнес ветку в сторону и растоптал ее на земле. Что всего было смешнее, что один из туземцев Бонгу был очень удачно представлен при этом. ♂♂ и ♀♀ имели однообразно раскрашенные физиономии; во рту у ♂♂ были у всех губо-губо.

Когда я пришел утром (туземцы плясали всю ночь), мун, обошед вокруг кокосовой пальмы, остановился около нее, пока один из участников муна, туземец Богатим, не влез на дерево и не стряс все орехи, которые послужили угощением членам муна («телум» атар??).

Что мне бросилось вчера в глаза, было *безобразие* физиономий, — впечатление, которое на меня произвели также туземцы о-вов Адмиралтейства.

Сель-Мун (Гумбу). Около 8 часов, в совершенной темноте, при свете одного только факела и при негромком звуке окамов вошел Сель-Мун на другую площадку Гумбу. Высокими *сангин-оле* и множеством зелени украшенные танцоры, из которых многие были странно окрашены черною и белою краскою, при слабом свете разгорающегося костра, при громе и частых молниях, имели очень фантастическую физиономию. Из трех сангин-оле самый высокий превышал три роста человека и был по крайней мере 5 м вышины. Для того чтобы держать эти громадные бамбуки на головах, бамбук на конце был корзинообразно расщеплен и во многих местах *привязан* к волосам¹². На голове была, кроме того, шапка из зелени, которая почти скрывала лицо; спина и грудь были скрыты большим маль; под мышками почти до колен висели большие пуки зелени, которой были также украшены руки и ноги. Человеческая фигура почти что скрывала человеческий образ.

Эти сангин-оле двигались почти самостоятельно от прочих, даже когда другие останавливались; например, когда один из туземцев при общем молчании сказал речь, они, как заведенная машина, продолжали ходить вокруг костра. Сель-Мун, который я уже видел (1872 г.) в Гумбу, считался туземцами ночным мун, как и при Коромром, туземцы мало, размеренно двигались толпой вокруг костра. Мун продолжался до восхода солнца.

Познакомившись с папуасскими танцами, можно заметить: 1) что ♀♀ при них не играют главную роль, как в большинстве плясок других народов; 2) «пляски» не имеют нисколько безнравственного характера и не служат выражением мимики *половых* отношений.

Мужчины оказываются хорошими танцорами, довольно грациозны и выделяют довольно хитрые шутики. Женщины, как уже сказал, приводят в движение только ж(...), поэтому обращают этот задний фас к зрителям.

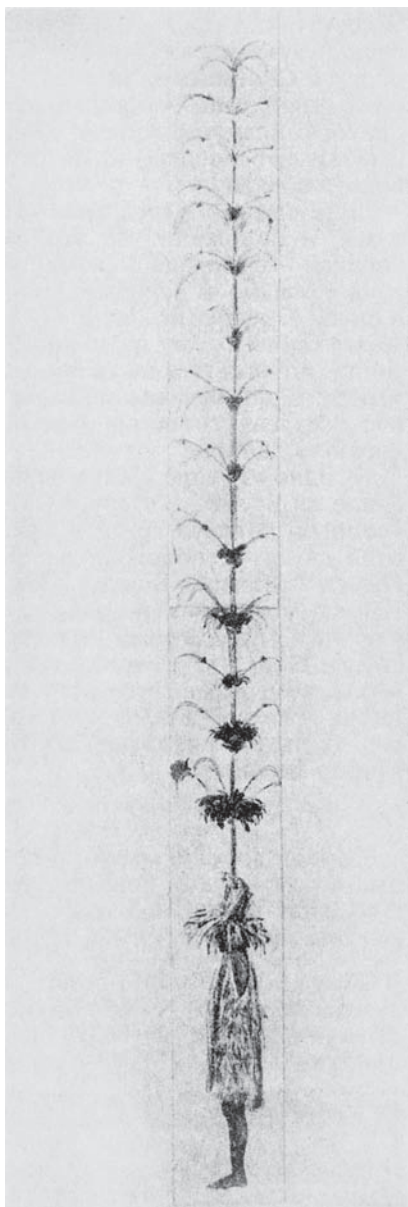

Участник праздника сель-мун в маске. Деревня Гумбу

Марор. Уже вчера были приготовлены пирамидообразные связки кокосовых орехов, которые назначались для туземцев Гумбу, Горенду, Богатим, Колику-Мана. По окончании муна и завтрака туземцы Бонгу принесли большие корзины аян, из которых многие могли едва поднять 4 человека, связки саго. Все корзины были расставлены по группам; к каждой поставили по палке, украшенной веткою *Codium* и крас^(не оконч.). Один из туземцев Бонгу сказал речь, держа при этом палку с веткою *Codium*, затем другая длинная речь была сказана Моте, который говорил долго и весьма выразительно. Можно было заметить, что речи были не импровизации, а приготовленные заранее; по интонации, жестам и выражению казалось, что они не были лишены красноречия.

Тон речей, особенно Моте и Эгли, был презрительный, и я предполагаю (речей я не мог понять), что ораторы укоряли своих сограждан, что недостаточно принесено объектов <для> марора. В ответ была речь^{6*} туземца из Горенду. Каждый оратор приставил обратно палку с *Codium* к куче корзин, но когда ораторы кончили свои речи, один из них собрал все палки и отставил их в сторону; затем ораторы и многие жители Бонгу удалились. Калун взял метелку (стебли орт-пинанга) и, шепча что-то (т. е. заговаривая), обмел вокруг корзин¹³.

Туземцы вернулись, неся много табиров, гун, маль, <с> соба-

Сангин-оле — обрядовый
головной убор высотой до 5 м.
Деревня Бонгу

ками, и положили все это около корзин. Особенно большая корзина образовалась около *Муля*, который стоял около одной кучи с женою и дочерью, между тем как у другой стояли жена и дочь *Калуна* (не знаю почему). Отдавая *Мулю* табиры или маль, клали их ему на голову. Разложив и передав вещи, жители *Бонгу*, покрыв голову табирями, пробежали по площадке, говоря что-то. Принесенным собакам завязали морды и убили, ударяя изо всех сил головою о землю. Их также положили на кучи корзин и табиров.

В одной группе *Калун* передавал принесенные табиры и т. д. Моло из *Богатим*, в другой *Муль* отдавал их *Бонему* (*Горенду*), который, воткнув копьё в землю, поставив табир перед собою, снял сюаль и положил его в табир, накрыв веткою *Sodium*. *Омуль*¹⁴, отдавая *Бонему* один табир за другим, накрывал табир *Бонема*, который передавал их своему брату. То же было сделано с прочими предметами до последнего, после чего *Омуль* получил сюаль. Подобно этому же табиры и другие вещи клали на барум Моло, который в свою очередь роздал их разным присутствовавшим туземцам *Богатим*. После этого дошли до пинанга и кокосов; большие пирамиды их были повалены и разобраны. Тем *Марор* кончился.

Мунов вообще много, и все они различны. Мелодии различны, и также сама пляска варьирует; кажется, однако же, что последняя не установлена строгою последовательностью, а что фигуры зависят от самих танцоров.

В *Бонгу* мун

называли:

1) Мун-Шуна

2) Мун-Аюк

3) Ас-мун

4) Кодогу-Мун.

В *Горенду*:

1) М.-Таманды

2) М.-Шуна

3) М.-Куригам

4) М.-Коромром

5) М.-Симбум

В *Гумбу*:

1) Нунумбра

2) Сель-М.

3) Шуна (*Гумбу* иньял)

4) Кодогу

5) Дири и т. п.

¹⁴ *Тогильный камень* (бонг.).

² *Красный* (бонг.).

³ *В отличие от большинства других заметок, написанных гернилами, запись о Горенду сделана карандашом.*

⁴ *Который, казалось, выбрасывал дым из вершины* (франц.).

⁵ *Горящий остров* (франц.).

⁶ В ЗК: Речи был ответ.

Словарь наречий папуасов Берега Маклая в заливе Астролаб в Новой Гвинее

Внешний мир (Горенду)

Небо — манг
Земля — мон, монгам
Море — валь
Камень — убу
Дерево — ангам
Лист — ангам-багры
Птица — аась
Солнце — синг
Луна — карам
Полная луна — карам боро
Молодая луна — карам рар
Звезда — буаинь
Облако — нарум
Огонь — биа
Зола — уй
Дым — биарам
Ветер — темур
Ветры:
 норд-вест и норд — яорте, явар
 норд-ост — караг
 вест — додау
 зюйд — бубере
Дождь — ау
Гром — арен
Молния — милингер
Вода — ии
Река — оли
Ручей — ибарыня¹
Землетрясение — тангрин
Бамбук, трубка — нау
Табак — казь
Canarium commune — кенгар
Salamus — бу
Гора — мана
Свинья — буль
Собака — саа
Кукус — маб
Черный какаду — гунялан
Белый какаду — риги
Казуар — дюга; гявар (Гумбу)
Петух — туту

Попутай — кабрай
Ворона — бикро
Названия разных птиц (звукоподра-
жание) — коки, ока, коли
Черный муравей — дидяль
〈то же〉 — уру, угу
Большой черный муравей — палу
Муха — нинига, ганьянига
Стрекоза — кень-кенъ
Ящерица — малуем
Крокодил — вай, вая
Кенгуру — тиболь
Птица-носорог — наренг
Голубь — гуна
Крыло — бады манаси
Лягушка — орон-орон
Ostorus — гурете
Паук (пирога)² — кобум
Лилия — лину
Восход солнца — синг-орен
Закат солнца — синг-гумбуеран
Утро — иембле
Полдень — анам
Вечер — алуер
Холод — дерва
Жар; пот — нистя
Скала — бетау
Песок — улуль
Кремень — нар-нелинг
Сегодня — олам
Завтра — ямба
Послезавтра — алиу
После-послезавтра — альвао^{1*} (и т. д.
по названиям пальцев)
Вчера — ябом
Третьего дня — алиу
Несколько времени тому назад —
 наме
Потом — мондон
Сейчас — альгерме

Человек и части тела (Горенду, Гумбу, Бонгу)	Ребро — дярге
Мужчина — тамо	Ключица — коне
Женщина, дочь ³ — нанг(е)ли	Грудная кость — аре-дямби
Мальчик — кильмар, ремур	Желудок — угле (Горенду), батита (Бонгу)
Девочка — дагне, дундерла	Толстые кишки — синам магле
Дети, молодые люди (обоего пола) — маласи, до	Тонкие кишки — лар
Отец — мем	Печень — арре
Юноша — релаго	Желчный мешок — иссе
Мужчина средних лет — тамо билен	Мочевой пузырь — ипумен
Женщина средних лет — нангели билен	Легкие — оро
Вдова — нанг(е)ли обуль	Спинной хребет — коолам
Старик — тамо ковай	Пятка — самба-бурлу
Старуха — нанг(е)ли ковай	Подошва — самба-аре
Дочь — дундерла	Пальцы ног — самбаге
Брат — абадам	Ногти на ногах — самбунси
Голова, лоб — мамангабар, гате ⁴	Волосы на теле — ули
Глаза — намге	Волосы на затылке — гатеси
Нос (гора) ⁵ — мана	Сердце — нисия
Носовая перегородка — тиле	Кровь — гаер
Рот — мубо	Артерия и вена — дуль
Язык — муен	Кость — сурле
Зубы — аги	Testiculum — бола
Ухо — даб, дабагры ⁶	Мясо (вообще) — даму
Щека — уга	Мать — ам
Брови — намтанге	Сын — до
Волоса (на голове) — гате-багры	Дядя — баба
Борода — дяу	Правая рука — гангму
Шея, гортань — ко, гасенгор	Левая рука — уаин
Грудь — мине, аваль ⁷	Малый палец левой руки — ямба (также — завтра)
Спина — оро, мелом	2-й палец левой руки — алиу (после-завтра)
Живот — тинам	3-й палец левой руки — альвау (после-послезавтра)
Пуп — уяголя	4-й палец левой руки — ундир (после-после-послезавтра)
Ягодицы — битамрам	Большой палец левой руки — сингем (после-после-после-послезавтра)
Penis — уу!	Малый палец правой руки — ибон-бусюли
Vagina — аа!	2-й палец правой руки — таули
Рука — ибон	3-й палец правой руки — си
Локоть — ибонгор	4-й палец правой руки — ингры
Пальцы — ибонге	Большой палец правой руки — ни
Ногти рук — ибонси	Знак от прижигания — бубера
Ладонь — ибон-аре	Пот — маманин
Нога — самба	Слюна — мисиль
Колено — самбагор	
Икра — аян-даму	
Шрам — йонарум	

Деревня, дом, утварь и орудия (Горенду)	Две поперечные балки, связывающие догам тамо с <1 нерзб>догам нангели — дему
Деревня, отдельная даже хижина — хогему	Две продольные балки, связывающие догам нангели — ели
Собственно хижина — тааль	Стропила — туа
Низкая хижина — барма ^{2*}	Пирого — кобум
Большая общественная хижина — бу- арамра ⁹	Выдолбленное дерево ¹² — кобум-ани
Тропинка — гом	Планшир, высокий борт — коб рава
Стол для сидения, нары в хижине — барла	Платформа — кобум-барла
Дверь — лелие ^{3*}	Вынос ¹³ — саман-моле
Забор — рар	Поперечные балки от пироги к выно- су — кианда
Огород — ина ¹⁰	Гвозди, соединяющие балки с выно- сом — саман-батота
Лес, вне дома, деревни и т. д. — дубу	Весло — оя
Лестница — тета	Кушанье (тертый аян с кокосовым орехом) — кале
Стол для еды — барла	Корзина — гамбор
Блюдо — табир	Идол — телум
Скорлупа кокоса для еды — гамба	Тыквенная бутылка — кобу
Горшок — ваб	
Разбитый горшок — саб	
Выдолбленная тыква для извести (бе- тель) бутылкообразная — кобу	
Раковина, чтобы скрести кокосовый орех, употребляемая как ложка — яру	Платье, украшения, оружие
Ложка — кай	Пояс стыдливости мужской и жен- ский — маль ¹⁴
Нож — серао	Браслет на руках — сагю
Рычаг для поднятия земли — удя	Серьга — мела
Род узкой лопаты — удя-саб	Палка в ухе — даб-тумбу
Снурок (лиана) — сель	Палка в носу — мана-тумбу
Кость как орудие (нож) — донган	Украшение из перьев на голове — ка- тазань
Кость (род ложки) — варью, шилюпа	Небольшой мешок на груди — ямби, аригаби
Раковина для обработки дерева — ре- рум	Большой мешок через плечо — тель- рун, карун
Бамбуковая сеть — ненир ¹¹	Мешок у женщин большой — гун
Циновка у кокосовых листьев — га- дим	Гребень бамбуковый — асен
Предлистник саговой пальмы — буам табезам	Украшение из клыков на шее — рор- мат-бульра
Предлистник другой пальмы — губ, бенгут	Копье — хаджа
Два средних высоких столба, поддер- живающих конек — догам тамо	Лук — араль
Четыре угловых узких столба — до- гам нангели	Тетива — араль-ане
Конек — обутан	Стрела — араль-ге
	Стрела для рыб — саран
	Копье для рыб — юр
	Топор — пат
	Зерна травы (?) — дабю ¹⁵

Барабан — окам
 Пояс из раковин — огбог
 Снурок для поддержания волос — дю
 Веревка — сель, рауенга
 Длинный лист с продольным от-
 верстием (музыкальный инстру-
 мент) — дюбону, дябону

Глаголы

Есть (глагольная связка) — сен (Гум-
 бу — еран)
 Не иметь, нет — арен
 Сидеть — мея
 Сядь здесь — анди ми (мие)
 Стоять — падинггар
 Ходить — олар
 Бежать, летать, плавать — барына
 Идти, уйти, улететь — ангар
 Ухожу — ангармен
 Пошел, пошли — анген
 Подойти — гена
 Приду — гинеси
 Приходили, пришли — гинен
 О, приди — гениба
 Придут ли русские люди? — тамо рус
 генбан (или генбебен)?
 Когда придут? — генбусин?
 Дай — иба, ибембе, адиби
 Возьми — намбе
 Чистить — неляр
 Скресть (кокос) — няу
 Вытирать — севар
 Есть, пить, курить — уяр
 Пить — рири-туя
 Спать — наварь
 Выть (о собаке) — анян
 Говорить — балан
 Видеть — онар
 Ты видел? — ни онемен?
 Посмотри — ни онеси
 Покажи, дай посмотреть — ади онар
 Плакать — намге-и-улер
 Голосить (♀) — агам, (ага)мер
 Забыть — латибор
 Класть, прятать — дёгар
 Кусать — отангере
 Жевать — овесер, овар
 Вязать — уренгер

Жать руку при встрече или проща-
 нии — баруа
 Дуть — пуа
 Нести, ставить — елеваль, маруар
 Ломать — аглутар
 Рубить — гурар
 Рубил — гуремен
 Плесть — марау
 Смеяться — сюер

⟨Местоимения⟩

Я — ади
 Ты — ни
 Он — нади
 Мой — адим
 Твой — нин
 Его — надин

⟨Прилагательные, наречия⟩

Белый — ауби
 Красный — исю(е)рон
 Синий — омбрим
 Желтый — арле
 Черный — анянба
 Дурной — борле, ака
 Хороший — билен, ауе
 Малый — кенен, кененен
 Довольно — кере
 Готово (о кушаньях) — ауе
 Не готово — явень

⟨Разное⟩

Пение — мун-балан
 Название — денум
 Кокосы — мунки
 Молодые кокосовые орехи — мунки
 ла¹⁶, борле
 Малые желтые кокосовые орехи —
 мунки-гуау
 Большие желтые кокосовые орехи —
 мунки-ари
 Большие зеленые кокосовые орехи —
 мунки-больбоге
 Шелуха — мунки-сурла¹⁷
 Дрянь, непотребное — дигор
 Зерно кокосового ореха — мунки-даль
 Кора, которая жуется и разжеванной
 оплевывают больного — мую

Красная краска — суру	Разные виды ее — гобе, каинда,
Черная краска — куму	илоль, сори, вуанда, рором
Соленая зола от деревьев, долго ле-	⟨Сладкий картофель⟩ — дегарголь
жавших в морской воде — бор	⟨Таро⟩ — бау
Бананы — мога	⟨Саго⟩ — буам
Dioscorea ⟨ямс⟩ — аян	⟨Gnetum edule⟩ — яван ¹⁸

^{1*} Явная описка. Ниже, при перетислении названий пальцев, дано правильно: альвау.

^{2*} Явная описка. Правильно: барла⁸.

^{3*} Явная описка. Правильно: леме.

⟨Наречия папуасов Берега Маклая⟩

	Горенбу, Бонгу, Гумбу	Богати	Били-Били	Митебог	Энглам-Мана	Марагум-Мана
Небо	манг	лаилогоде	ланг	—	лан	лан
Солнце	синг	сен	анд	ад	улен	кей
Луна	карам	бай	синасин	улеу	саем	тамбунам
Земля	мон-даму	ман-даму	тан	тан	сале	кильке
Звезда	буаинь	киеде, бараси	батуй	батуй	уангры, барасы	—
Облако	нарум	бунгар	—	даран	—	—
Ветер	темур	дятва	тим	тим	тату	бубере
Дождь	ти, ау	ауа	сау	уй	—	со
Гром	ау нарен	—	—	—	—	—
Вода	и, ни	йа	йо	нар	и	куле
Море	валь	иваль	маас	маас	туль	туль
Огонь	биа	игнам(нам)	йа	йа	хе	па
Камень	убу, гитан	менин	пат	пат	атер, сирин-даму	даме
Гора	мана	манаде	унин	дид	танди	табен
Человек ♂	тамо	тамоде	томоэль	тамоэль	тамо	тангом
Женщина	нангли	уа(н)саре	паин	паин	генагулум	пином
Дети	маласи	ангро	аймакам	айкельмо	илаги	кинго
Мальчик	кильмар	—	мнаги	—	—	кулима
Девочка	дагне	дунгнге	айпенн	нанулаин	монагору	—
Отец	мем	абуа	мам	мам	абу	мам
Мать	ам	ай	нен	ненг	ам	ина
Брат	абадам	ауса	тайнгве	тера	ауа	барану
Голова	мамангабар	улатомоде	гатен	гатен	уалем	гобот
Лоб ¹⁹	—	—	—	—	уамселим	—
Волоса	гате-баггы	гате-банга	хоун	роун	—	тате-муй
Нос	мана	мана-обо	унин	унин	имби	амбу
Глаза	намге	намгла	мала-патуны	малан	намселим	—

Рот	мубо	мебе	мон	уад	—	маке
Ухо	даб	дабанга	тингри	аван	олам	—
Борода	дяо	мендим	йан	тенган	масе	—
Шея	ко, гасенгор	гакору	клагун	клатурь	ангикору	—
Грудь	аваль	могум	бубен	патаред	мамонту	ауль
Спина	оро, мелом	гореле	роте	сапед	кубом, унгер	—
Рука	ибон	бан	лиман	лиман	дей	вай
Нога	самба	синга	ниен	ниен	ай	купе
Живот	синам	мелыги	тинган	—	хунгуль	ином
Penis	уу	арбо	утин	утин	анго селим	уе
Vagina	аа	усде	тинен	дален	тимбо	—
Пальцы	ибонси	бан-моко	—	—	—	—
Хижина	тааль	уарум	амб	ад	бади	воанды
Пирог	кобум	кобумде	сыса	ваг	убум	ваанг
Зубы	аги, капи	млате	—	леод	майселим	маке
Язык	муен	луен	бален	балед	нунель	—
Ноздри	—	мана ободе	—	—	гимбо	—
Деревня	хотему	гуре	бан	нану	урум	тимбран
Свинья	буль	бель	бор	—	бо	бу
Собака	са	баун	гаун	—	ане	аген
Петух	ту	туе	—	—	айвер	туе
Птица	ась	ребаре	—	селама	янеде	нигом
Рыба	кальб	ре	—	—	туоме	нарум
Топор	пат	бие	ир	ир	тау	тагу
Нож	серяо	серия	барир	барир	бальме, саре	бади
Гребень	гасень	гате-пран	—	си	налим	—
Идол	телум	телум	баг	—	телум	—
Бетель	кау	тиоре	—	—	а	кау
Кеу	кеу	киаль	кау	—	кеу	айо
Аян	аян	самби	—	—	баране	маранг
Кокос	мунки	манпи	нуи	—	та	аду
Сахарный тростник	ден	дян	—	—	ива	ива

	Горейбу, Бонгу, Гумбу	Богати	Били-Били	Митебог	Энглам-Мана	Марагум-Мана
Гумбо ²⁰	гумбо	олам	—	—	дуан	—
Детарголь	детарголь	отеля	—	—	громни	—
Банан	мота	мукле	—	—	мунгуль	мунгум
Хлебное дерево	боли	бали	—	—	дарван	дарван
Бамбук	нау	инба	аур	—	днем	кем
Съедомое	инги	ингиде	—	—	алое	маранг
Есть	уяр	алиде	—	—	няу	нямби
Подойди!	гена!	боя	—	—	на-лай	яле-кае
Нет	ареи	туе	—	—	айвер	агень
1	худи	худийде	кукун	таймом	олам	дузин
2	али	аельде	ару	ару	—	ари
3	алуб	алубде	толи	толи	—	кенг
4	горле	горледе	пали	пали	—	наку
5	ибон-бе	бан-хуцйиде	лимата	лимата	—	—
6	игле-бе	гала-хуцйиде	кукун-кете	лимань-кукун	—	—
7	игле-али	гала-аельде	кукун-ору	—	—	—
8	игле-алуб	гала-алубде	кукун-толи	—	—	—
9	игле-горле	гала-горледе	кукун-пали	—	—	—
10	ибон-алиали	лиман-ору	бан-аельде	лиман-ору	—	—
11	—	синга-хуцйиде	ниен-кете	—	—	—
12	—	синга-аельде	ниен-ору	—	—	—
13	—	синга-алубде	ниен-толу	—	—	—
14	—	синга-горледе	ниен-пали	—	—	—
15	—	—	никун-кете	—	—	—
16	—	—	перерек-кете	—	—	—
17	—	—	перерек-ору(?)	—	—	—
18	—	—	перерек-толи	—	—	—
19	—	—	перерек-пали	—	—	—
20	самба-али	—	кукун-тамай (кукун-титенган)	—	—	—

Диалект бонгу на Берегу Маклая в Новой Гвинее 〈Фразеология〉

1. *Гин гинбайне?*
Кто принес?
2. *Ади сангмемо.*
Я ухожу.
3. *Гена она!*
Приди посмотри!
4. *Мармум, мондон нангели генбан.*
Говорят, женщины потом придут.
5. *Тамо онмум.*
Люди видели.
6. *Синг боро о маль ниен сен;*
В полдень змея спит;
мондон нявар-мун, омаль олу оларен;
когда мы спим, змея бодрствует;
малингере омаль нявар.
утром змея засыпает.
7. *Иембле-иембле, синг кененен сен, нам (тамо)*
Рано-ранехонько, при восходе солнца, мы (люди)
корвета русс онмесен. Маклай Бонгу нявар.
корвет русский увидели. Маклай спал в Бонгу.
8. *Маб, ден, мога уеран, синг боро ниен сен.*
Кукус, сахарный тростник, бананы есть днем.
9. *Тамо! Алуеран генаре (генибе).*
Тамо (люди)! Делается поздно, идите (ступайте сюда).
10. *О ремульро! Генаре, алуерно, кеу роваро уяра.*
О ремульро! Идите, делается поздно, кеу надо делать и пить.
11. *Мунки нелебембе (нелебаре) ии бруте!*
Очисти (от скорлупы) кокос и открой (сделай отверстие) воду!
12. *Тамо анган сен (тамо ангерано).*
Люди ушли.
13. *Ади буль яб онман, ни олам.*
Я вчера свинью видел, ты — сегодня.
14. *Ади ангмем! — Гле!*
Я ухожу! — Ступай!
15. *О, са гинеси! О!*
О, собака возвращается.

16. *Оде!.. Ни адембе, ади росармем.*
Держи!.. Ты держи, я завяжу.
17. *Мондон ина барата, тиболь имбарман, гвоздь боро адиба!*
Скоро будут жечь ина, достану тиболь, ты дай большой гвоздь!
Мондон! Саольда таль Маклай сен?
Потом! Есть ли в доме Маклая саольда?
18. *Маль анде нин? Арен ремуро Бонгу иньям.*
Это твой маль? Нет *⟨далес нрзб⟩*.
19. *Дигу гинен (сен) мунки рар одят. Маклай, топор гена!*
Дигу пришел сделать забор для кокосов. Маклай, дай топор!
20. *Ни анде сен, топор нюм авар.*
Ты здесь оставайся, надо наточить топор.
21. *Теньгум-Мана омуль керетме, ламбе сен.*
В Теньгум-Мана райских птиц довольно, даже много.
22. *Наме тамо онмесен*
Несколько времени тому назад люди видели,
о лам иембле ади аннур арен.
сегодня рано я не видел.
23. *Богатим балан худи, Горима худи,*
Богатим диалект один, Горима другой,
Били-Били, Тиара, Гада-Гада бри-бри.
Били-Били, Тиара, Гада-Гада разные.
24. *Тамо арен? Мондон тамо сибебе.*
Людей нет? Люди придут потом.
25. *Маклай, самба-гаре дегеси, генармуно!*
Маклай, надевши обувь, мы придем!
26. *Ни кабига, ади яб онур арен.*
Ты покажи, я вчера не видал.
27. *Ни ой, онгам утре лембарен.*
Ты поберегись, дерева ствол ушибет.
28. *И тагар, акка, и нисарь, кере.*
Воду налить не надо — водою вымыть довольно.
29. *Ни нямерен?*
Ты спишь?
30. *Ади мармум, рар ате.*
Я сказал, отдохни (забор поставь)^{1*}.
31. *Анде гуре! Мем! Аль гурмам!*
Это руби (режь)! Отец! Сейчас отрублю (отрежу).
32. *Ади онур арен.*
Я не видал^{2*}.
33. *Ни аком, имбарман сен.*
Ты подожди, я вспомню (вольный перевод).

34. *Ати мундире!*
Так скажи!
35. *Марар акка.*
Говорить не надо (говорить нехорошо).
36. *Мем онмеран. Атнур арен.*
Отец увидел. Нет <1 нрзб>.
37. *Тамо Марагум убебе.*
Люди Марагум имеются (пришли).
38. *Яб генбан, ямба авар(е)мено.*
Вчера пришли, завтра получите.
39. *Синг орем, нангели генарбан.*
Солнце высушит, женщины придут.
- 40—41. *Тамо топор уман, дубу анегар.*
Тамо топор взяли, в лес ушли.
42. *Ади Бонгу ангмем, навалобе Делиб ангармем.*
<Я> в Бонгу иду, со временем <в> Делиб пойду.
43. *О! Тамо ангеурбан.*
О! Люди ушли.
44. *Арен, тамо сибебе (генбебе).*
Нет, люди есть.
45. *Наме кобу ибу арай, о лам ибе.*
Neulich^{1*} бутылку не получил, сегодня дал.
- 50.^{4*} *Ади ибемем, Яго уман.*
Я дал, Яго получил (взял).
51. *Ни яб муремем? Ади яб марман.*
Ты вчера сказал? <Я> вчера говорил.
52. *Нонёли, ден ено? Иембле гарун денгман анде.*
Нонёли, где он? Утром в мешок положил.
53. *Ади ангмем, ненир аваро.*
Я ухожу, ненир взять.
54. *Мо ибон.*
Лихорадку получил.
55. *Анде рие?*
Это что?

^{1*} Так в рукописи.

^{2*} В рукописи: Я видал нет.

^{3*} Недавно (нем.).

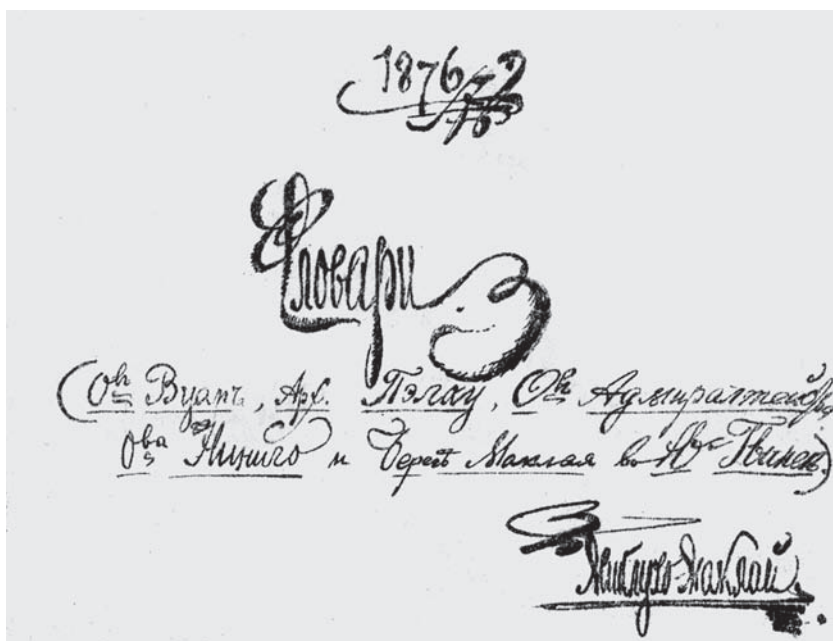
^{4*} Так в рукописи.

Папуасские диалекты Берега Маклая на Новой Гвинее

...Принадлежат ли, далее, все эти черные народы — меланезийцы, папуасы, негритосы — одному племени или они распадаются на несколько отличающихся друг от друга племен? Находятся ли они в родстве с другими негритянскими народами — Африки или Австралии? Или они сами по себе составляют особую расу? Вот вопросы, ответ на которые, при полном отсутствии исторических данных, будет получен этнографией только при помощи языковедения...

(Х. К. фон дер Габеленц. Меланезийские языки. С. 3)¹.

Изучение первого папуасского диалекта было сопряжено с немалым трудом. Я мог выяснить названия, которые хотел знать, только либо указывая на предмет, либо при помощи жестов, подражавших соответствующему действию. Но эти методы часто были источниками многих недоразумений и ошибок. Часто предмет разными людьми именовался по-разному, так что я неделями не знал, какое выражение было правильным. Я приведу здесь пример, чтобы показать то, что часто со мной случалось. Я брал, например, какой-нибудь лист, чтобы узнать название листа вообще. Туземец говорил мне слово, которое я записывал; другой папуас, перед которым я ставил тот же вопрос, говорил мне другое слово; третий — третье слово; от четвертого и пятого я узнавал еще новые слова. Какое слово было настоящим названием листа? Со временем и постепенно узнавал я, что первое название было названием растения, которому принадлежал лист, второе обозначало «грязь», «негодное» — потому, может быть, что я поднял лист с земли, или потому, что он принадлежал растению, которое папуасы ни для чего не использовали; другие слова — определенные свойства или окраску листа: кислый, хороший, желтый и т. п. Так происходило с очень многими словами. Вместо того чтобы узнать название головы, я слышал от одного (слово, обозначающее) волосы, от другого — ленту, от третьего — «куму» или «сурра» (красная или черная краска, которой красят папуасские волосы) и т. д. Для того чтобы узнавать обозначения абстрактных понятий, моей фантазии и моей мимики оказалось недостаточно. Мне удалось выяснить лишь несколько глаголов на папуасском языке, но я не смог узнать названия для, казалось бы, простейших. Так, например, мне осталось неизвестным название для «слышать», а слово для «видеть» я узнал только на четвертый месяц своего там пребывания.

Титульный лист тетради со словарями

Я скоро обнаружил также, что определенным звукам папуасского языка я абсолютно не в состоянии подражать; я напрасно старался это делать, так что, хотя я хорошо слышал, что была разница (между моим и туземным произношением), я все же не мог своим органом речи передавать правильное произношение папуасского слова. А поскольку, прежде чем записать слово, его приходится предварительно невольно произносить и изображать произнесенное слово буквами, многие слова, которые я не мог правильно произнести, также и записаны ошибочно. Но не только речевой орган мешает правильной передаче чужих слов, орган слуха также играет при этом существенную роль: одно и то же слово разные люди слышат неодинаково и часто очень неодинаково. К тому же туземцы и выговаривают слова не вполне одинаково².

Звуки^{1*}, которые, кажется, отсутствуют в папуасских диалектах^{2*} Берега Маклая: *ф*, *х*, *ц*³.

Я думаю, что чужеродные звуки можно правильнее всего записать на родном языке, так как при этом можно лучше судить, так сказать, о точности попадания при передаче звуков буквами. Поэтому я все папуасские слова записывал сперва по-русски; русский алфавит оказался очень для этого пригодным по наличию в нем букв *и*, *ю* и *ь*.

В папуасских диалектах есть немало слов, которые представляют собой подражания естественным звукам и крикам, как, например, многие названия диких животных: кень-кень (щикада), оронг-оронг (лягушка); названия различных птиц, названных по их крику, как, например, коки, ока, роли, бикро, риги; слово *ū* (penis) и *ā* (vagina) также принадлежат к этой категории*. Почти в каждой деревне Берега Маклая — свой диалект. В деревнях, удаленных друг от друга на 1/4 часа (ходьбы), есть уже много различающихся слов (так, например, в Горенду камень называется *убу*, в соседней деревне Бонгу — *гитан*; зубы в первой из них — *аги*, во второй — *каги* и т. п.). Деревни, удаленные друг от друга на два-три часа, имеют диалекты, почти взаимонепонятные. При экскурсиях, занимавших один или более дней пути, я пользовался двумя, иногда даже тремя переводчиками. Только пожилые люди знают 2 или 3 диалекта; чтобы их выучить, они проводят некоторое время в чужих деревнях.

Меня поражало, что туземцы часто не знали некоторых слов своего собственного диалекта; в этом случае они шли к пожилым папуасам, чтобы узнать название, которого не знали.

Папуасские диалекты Берега Маклая имеют общие слова не только с меланезийскими языками; некоторое число этих слов наличествует также в малайско-полинезийских языках, например:

Русские ^{3*}	Малайско- Полинезийские ^{**}	Папуасские (Берег Маклая)
Небо	langi, langit	lan, lang
Земля (Erde, Land)	fanua, benua, tana	tan, man
Камень	fatu, batu	pat

* Когда юноша-папуас сообщал мне названия для penis'a и vagina, он помогал себе комическим, но метким мимическим изображением. Сперва он подражал девушке, при виде пениса закрывающей глаза руками и испускающей долгое «у!»; затем, сжав левый кулак и на вид с большим трудом просовывая указательный палец правой руки между пальцами сжатого кулака, он неоднократно повторял долгое «у!». Указательный палец должен был изображать penis, кулак — vagina. Затем, быстро вскочив и раздвинув ноги сидевшей поблизости девушки, он испустил громкое и столь же долгое «а!»; потом, повернувшись ко мне и снова сжав левый кулак, но на этот раз просунув указательный палец между пальцами (левой руки) после небольшого усилия одним толчком, выкрикнул торжествующее «а!...». Таким образом, у папуасов название для penis'a дано девушками, для vagina — мужчинами. Название penis'a в других деревнях Берега Маклая (Били-Били, Митебор) — *утин*; оно обнаруживается и в диалекте папуасов Люсона⁴, а также в собственно амбонском (являющемся только диалектом серамского языка).

** Gabelentz H. C. von. Die melanesischen Sprachen. Leipzig, 1860. S. 10 und folg.

Человек	tangata, tamata*	tamo, tomol, tangom
Голова	ulu	ualem
Глаз	mata	malau
Рука	lima	liman, ban, ibon
Кокосовый орех	niu	niu
Гребень	seru, heru, sisir	si
Три	tolu, toru	toli
Пять	lima, rima	limata ⁴

Вероятно, имеется и больше слов, общих с малайско-полинезийскими; приведенные бросились мне в глаза при поверхностном рассмотрении, причем мне кажется значимым то, что они представляют собой названия важных предметов.

То, что мой список состоит примерно лишь из 300 слов, обуславливалось тремя обстоятельствами: во-первых, не будучи языковедом, я заучивал только самое необходимое, тем более что, как уже сказано, выяснение отдельных слов было вовсе не легким; во-вторых, в последнее время моего пребывания на Новой Гвинее, уже довольно бегло владея языком своих соседей, я пренебрегал записью многих слов, а так как императорский русский клипер «Изумруд» прибыл столь неожиданно и я столь же неожиданно покинул Новую Гвинею, эти слова так и остались незаписанными и позднее забылись; в-третьих, я находил свое знание языка почти достаточным, чтобы повседневно общаться с папуасами.

Это последнее обстоятельство представляется мне интересным, так как я в целом знал примерно 350 слов (незаписанные и забытые слова не превышали 50). У меня критерий для оценки моих познаний: я часто оставался в одной деревне на целый день, иногда даже на ночь в одном и том же обществе мужчин, женщин, детей и внимательно прислушивался к разговору туземцев между собой. Я обнаруживал при этом, что не понимаю лишь очень немногое. Поэтому я предполагаю, что папуасы этих деревень (Горенду, Бонгу, Гумбу) знали, может быть, только в два раза больше слов, чем я; самое большее, однако, втрое больше, что составляет приблизительно немногим более 1000 слов.

Покинув Берег Маклая, я заметил, что за очень короткое время (за пять или шесть недель) забыл почти все папуасские слова, которые в течение 15 месяцев ежедневно использовал и хорошо знал. Это быстрое забывание поразительно, потому что моя память вообще не столь плоха, так что это обстоятельство является, вероятно, следствием большого отличия папуасских языков от индо-германских.

* «Tamata» на Фиджи.

Туземцы Берега Маклая очень хорошо выговаривали слова европейских языков и охотно принимали русские названия для многих предметов, которые я у них ввел.

Н. фон Маклай

Бейтензорг, 14 декабря 1873 г.

Диалект деревень Горенду, Бонгу и Гумбу

(' означает мягкое произношение буквы;

ˉ означает длительное произношение буквы)⁵

Небо, воздух, земля

Земля — мон, мон-даму
Небо — манг, ланг
Море — валъ
Солнце — синг
Луна — карам, каарам
Полная луна — карам-боро
Лунный серп — карам-рар
Звезда — буаин
Облако — нарум
Гром — аренг
Молния — милингер
Дождь — ау
Землетрясение — тангрин
Огонь — биа
Дым — биарам
Пепел — уй
Вода — и
Река — оли
Ручей — ибарыня
Гора — мана
Прилив—тилио, сири
Отлив — мереу
Холод—дерва
Ветер — темур
Норд-норд-вест — яорте, явар*
Норд-ост — караг
Зюйд — бубере
Вест — додау
Скала — бетау
Камень — убу

Кремень — нар, нелинг
Песок — ууль
Восход солнца — синг-орен
Заход солнца — синг-гумбуеран
Утро — йембле
Полдень — аннам
Вечер, ночь — алуер
Сегодня — олам
Завтра — ямба
Послезавтра — алиу** 6

Растения и животные

Дерево (Baum; Holz) — ангам
Лист — ангам-багры
Бамбук, трубка — нау
Табак — казь
Canaarium — кенгар
Лилия — лину
Незрелый кокосовый орех — мунки-ля
Кокосовая пальма — мунки
Маленький желтый кокосовый орех — мунки-гуау
Большой желтый кокосовый орех — мунки-ари
Большой зеленый кокосовый орех — мунки-больбоге
Скорлупа кокосового ореха — мунки-сурла
Ядро кокосового ореха — мунки-даль
Банан — могар

* Ветры «яорте» и «явар» часто смешивают.

** Последующие дни именуются по названиям пальцев. См. следующие страницы.

Соленая зола от сожжения дерева, длгое время находившегося в морской воде — бор	Дети обоего пола — маласи
Саго — буам	Отец — мем
Ямс — дегарголь	Мать — ам
Colocasia — бау	Сын — до
Различные виды <семейства> Dias- согеа — аян, гобе, кайнда, илоль, сори, вуанда, рором, яван	Дочь — дундерла
Кора одного из Cinnamomum — мую	Брат — абадам
Корень одного из Zingiberacea — ли	Дядя — баба
Свинья — буль	Если человек даст другому свинью или свиного мяса, они так называ- ют друг друга — кобут**
Собака — са, саа	Если это была собака или собачье мясо — нарум
Кускус — маб	Имя — денум
Кенгуру — тиболь	Голова, лоб — гате, мамангабар
Мышь — минга	Глаза — намге
Черный какаду — гунялан	Нос — мана
Белый какаду — риги	Носовая перегородка — тиле
Казуар — дюга	Рот — мубо
Петух — туту, кукреку	Зубы — аги, каги
Попугай — кабрай	Язык — муен
Птица-носорог — наренг	Щеки — уга
Голубь — гуна	Уши — даб, даб-багры
Крокодил — вая, вау	Брови — намтанге
Названия различных птиц, названных по их крику — коки, ока, коли, бикро	Волосы (на голове) — гате-багры
Крыло — бады-манаси	Волосы (на теле) — ули
Ящерица — малуем	Локоны на затылке — гатеси
Лягушка — оронг-оронг	Борода — дяу
Рыба — кальб	Волосы на мужских половых час- тях — ѱ-дяу
Муха — нинига, гаянига	Волосы на женских половых частях — а-дяу
Муравей — уру, угу, дидяль	Шея — ко
Паук — кобум	Гортань — гасенгор
Цикада — кень-кенъ	Грудь — мине, аваль
Loligo <осьминог> — гурете	Спина — оро, мелом
Человек	Живот — тинам
Мужчина — тамо	Пуп — уяголя
Мужчина средних лет — тамо-билен*	Ягодицы — битамрам
Старик — тамо-ковай	Penis — ѱ
Мальчик — кильмар, ремур	Мужские яички — бола
Юноша — релаго	Vagina — а
Женщина — нангли, нангели	Рука <Arm, Hand> — ибон
Женщина 20—25 лет — нангли-билен	Локоть — ибонгор
Девочка — дагне	Палец руки — ибонге
	Ноготь (на пальце руки) — ибонси

* *en* как французское *in*.

** Выражения <для понятия> «друг» я не смог установить.

Ладонь — ибон-аре
 Нога, стопа — самба
 Колено — самбагор
 Икры — аяндаму
 Пятка — самбабурлу
 Подошва ступни — самба-аре
 Палец ноги — самбаге
 Ноготь (на пальце ноги) — самбунгси
 Сердце — нисия
 Кровь — гаер
 Кровеносный сосуд — дуль
 Кость — сурле
 Мясо — даму
 Ребро — дярге
 Ключица — коне
 Грудная кость — аре-дямби
 Желудок — угле
 Тонкая кишка — синам
 Толстая кишка — лар
 Печень — арре
 Желчный пузырь — иссе
 Легкие — оро
 Позвоночник — коолам
 Мочевой пузырь — ипумен
 Правая рука — гангму
 Левая рука — уаин
 Мизинец левой руки — ямба*
 Безымянный палец левой руки — алиу
 Средний палец левой руки — альвао
 Указательный палец левой руки — ундир
 Большой палец левой руки — сингем
 Мизинец правой руки — ибон-бусюли
 Безымянный палец правой руки — ибон-таули
 Средний палец правой руки — ибон-си
 Указательный палец правой руки — ингри
 Большой палец правой руки — ибон-ни
 Рубец от ожога — бубера
 Слюна — мисиль
 Пот — маманин

Деревня, жилище, посуда
 Деревня или отдельная хижина — хогму, хогему
 Хижина — таль, тааль
 Маленькая хижина — таль-до
 Низкая хижина — барла
 Большая мужская хижина — буам-рамра
 Высокая скамья или род стола — барла
 Дверь — леме
 Лестница — тета
 Забор — рар
 2 средних столба, несущих среднюю балку кровли (конек) — догам-тамо
 4 угловых столба — догам-нангели
 Верхняя балка кровли (конек) — обутан
 2 боковые горизонтальные балки, связывающие догам-нангели — демум
 Передняя и задняя горизонтальные балки, связывающие догам-нангели — ели
 Кровельное стропило — туа
 За пределами деревни, дома — дубу
 Деревянное блюдо — табир
 Скорлупа кокосового ореха, используемая в качестве тарелки или блюда — гамба
 Глиняный горшок — ваб
 Черепок от горшка, употребляемый в качестве сковородки — ваб-саб
 Калейбаса (также бутыл, фляга) — кобу
 Ложка (раковина или сделанная из скорлупы кокосового ореха) — кай
 Другой род ложки, изготавливаемый из кости — шилюпа
 Раковина для скобления кокосового ореха — ярур
 Нож — серао
 Длинная заостренная палка, употребляемая при обработке земли — удя
 Узкая лопата — удя-саб
 Костяной нож или кинжал — донган
 Раковина для обработки (для полирования) дерева — рерум

* При этом обычно сгибают пальцы левой руки по порядку, начиная от мизинца, при помощи указательного пальца правой.

Корзина — гамбор
 Плоская корзина — лекле
 Циновка из листьев кокосовой пальмы — готим
 Оболочка листьев саговой пальмы, используемая для сидения — буам-табегам
 Идол — телум
 Пирога — кобум
 Выдолбленный ствол дерева, находящийся внизу и составляющий собственнo пирогу — кобум-ани
 Борт — кобум-рава
 Платформа — кобум-барла
 Балансир — саман-моле
 Балка, связывающая балансир с платформой — кианнда
 Деревянные гвозди, связывающие поперечные балки с балансиром — саман-батота
 Весло — я
 Большой деревянный барабан — барум

Одежда, оружие

Передник стыдливости у мужчин и женщин — маль
 Браслет, носимый на руке выше локтя — сагу
 Ушное кольцо — мела
 Украшение в ухе в форме палочки (из бамбука или камня) — даб-тумбу
 Бамбуковая палочка в носовой перегородке — мана-тумбу
 Пучок перьев на гребне — катазань
 Бамбуковый гребень — асен, гасен
 Ожерелье из больших свиных клыков — рормат-бульра
 Мешок, который мужчины носят через левое плечо — тельрун, карун
 Маленький мешок на шее у мужчины — ямби, аригаби
 Большой мешок, который женщины носят на спине для ношения грудных младенцев или плодов с поля — гун

Мужской пояс из раковин — огбог
 Тесьма, служащая для того, чтобы держать волосы у мужчины — дю
 Копье, дротик — хаджа
 Лук — араль, араль-аге
 <Тетива> — араль-ане
 Стрела — араль-ге
 Копье с несколькими остриями для <ловли> рыбы — юр
 Топор — пат
 Барабан — окам
 Красная краска для разрисовывания лица — суру
 Черная краска для той же цели — куму
 Музыка, музыкальные инструменты, а также особые праздники, посещаемые только мужчинами — ай
 Бамбуковая флейта — тюмбин
 Различные музыкальные инструменты — ай-кабрай, мунки-ай, орлан-ай, илоль-ай, дябоку

Прилагательные, наречия

Белый — ауби
 Красный — исюрон
 Синий — омбрим
 Желтый — арле
 Черный — анямби
 Плохой — борле, ака
 Плохой, негодный — дигор
 Хороший — билен*, аye
 Маленький — кенен <kenin>**, кене-нен
 Достаточный — кере
 Готовый (о еде) — аye
 Не совсем — явен
 Одинаковый — альгерме
 Позднее — мондон
 Некоторое время назад — наме
 Здесь, где — анде

Местоимения

Я — ади
 Ты — ни

* *en* как французское *in*.

** *in* тоже как французское *in*.

Он — нади
Мой — адим
Твой — нин
Его <sein> — надин

Числительные

1 — худи
2 — али
3 — алуб
4 — горле
5 — ибон-бе
6 — игле-бе
7 — игле-али
8 — игле-алуб
9 — игле-горле
10 — ибон-али-али
20 — самба-али-али

Глаголы

Есть, суть <ist, sind> — сен
Нет — арен
Спать — нявар
Сидеть — мя
Садись здесь — анде ми (мие)
Стоять — падинггар
Идти, вариться — олар
Бежать, лететь, плыть — барыня
Идти — ангар
Я иду — ангармем
Пройденный — анген
Иди сюда — гена
Я приду — гинеси
<Мы, они> пришли — гинен
Приходи — гениба
Пришли ли они? — генбан, генбебен?
Если они придут — генбусин
Дай — иби, йембе, адиби

Возьми — намбе
Чистить, снимать кожу, скорлупу — неляр
Скрести, скоблить — няу
Вытирать — севар
Есть, пить, курить — уяр
Съеденный — уемен
Говорить — марена
Выть (о собаке) — анян
Выть (о женщине) — агам, агамер
Видеть — онар
Видел ли ты? — ни онемен
Смотри туда — ни онеси
Дай мне посмотреть — ади онар
Забывать — латибор
Класть, прятать — диогар
Завязывать — уренгер
Кусать — отангере
Бить — гарлеран
Жевать — овесер, овар
Жать руку — баруа
Дуть — пуа
Нести, ставить — елевар, маруар
Ломать — аглуатар
Рубить топором — гуар
Срубленный <выдолбленный?> — гу-ремен
Плести — марау
Быть голодным^{4*} — мамбо
Смеяться — сюер
Зевать — арбитау
Чихать — есерла
Кашлять — дораль
Мочиться — уебсира
Испражняться — бирова^{5*}
Совершать coitus — улеран

Я приведу здесь еще некоторое количество личных имен туземцев и несколько названий деревень Берега Маклая.

Среди личных имен папуасов имеется немало таких, которые в то же время являются названиями растений и животных (например: Омуль — райская птица, Буа — Calamus, Ниу — кокосовый орех, Гуна — голубь), а также местными названиями, например острова, деревень, как Кар-Кар, Дам и т. д.

Личные имена папуасов-мужчин

Бугай, Асёл, Гагу, Буа, Туй, Бонём, Лалу, Талан, Инго, Маной, Корой, Дигу, Макин, Сальран, Конин, Сангиль, Напар, Кунун, Баля, Кмерель, Дялум, Габор, Сагам, Саул, Канделян, Лакот, Ундель, Калёу, Нуа, Яго, Май, Мамысь, Калун, Коман, Дам, Нагурдан, Мукау, Кум, Гунá, Агу^{6*}, Обор, Танок, Дум, Кумунья, Сангам, Танго-Танго, Каин, Коро, Марамай, Сенасон, Саломе, Гасан, Кар-Кар, Колаук, Массе, Хан, Габон, Накун, Матель, Гаран, Бален, Нам, Кенан, Боти, Бото, Пари, Урен, Идор, Ион, Абедь, Кидор, Арой, Алес, Кодо, Мока, Сабо, Саду, Сарир, Савой, Коак, Баро, Косир, Мельман, Уда, Най, Дамун, Кауб, Одой, Дама, Аусиба, Янгор и т. п.

Названия деревень Берега Маклая

Горенду, Гумбу, Бонгу, Мале, Богати, Горима, Муин, Били-Били, Ямбомба, Митебог, Тупия, Годá-Года, Тиара, Колику-Ма на, Бураб-Мана, Ходаб-Мана, Эмъян-Мана, Явар, Био, Дедер, Вальга, Марика, Омур, Байта, Манигба-Мана, Сантингби-Мана, Бан, Кулебра, Атта, Сиурби, Дамум, Гуинбату, Сару, Гунга, Сабар, Виорумби, Теньгум-Мана, Энглам-Мана, Самбуль-Мана, Тегуана-Мана, Ябаби-Мана, Гаранга, Дольби, Гуда, Дибьо, Амир, Тагала, Куль, Римба, Гони, Коила, Ба, Марагум-Мана, Рай, Миндире, Бельо, Дам, Ямай, Вобу, Ангер, Свиц, Галела и др.⁸

^{1*} В рукописи: буквы.

^{2*} В рукописи явная неточность: в папуасском диалекте.

^{3*} В рукописи в этом столбце даны немецкие слова.

^{4*} В рукописи: binn hungtig.

^{5*} В следующей строке было: бисира (без немецкого эквивалента)⁷.

^{6*} В рукописи далее ударения отсутствуют.

Папуасские диалекты Берега Маклая на Новой Гвинее

	1. <i>Горенду: Бонгу Гумбу:</i> (береговые деревни)	2. <i>Богати</i> (береговая деревня)	3. <i>Били-Били</i> (остров в бухте Астролибия)	4. <i>Митебог</i> (остров в бухте Астролибия)	5. <i>Эсилм-Мана</i> (горная деревня)	6. <i>Марасум-Мана</i> (горная деревня)
Небо	ланг, манг	лайлотоде	ланг	лан	лан	лан
Солнце	синг	сен	анд	улеу	улен	кей
Луна	карам	бай	синасин	тан	саем	тамбунам
Земля	мон-даму	ман-даму	тан	тан	сале	кильке
Звезда	буайн	киде, бараси	батуй	баран	уангры, бараси	—
Облако	нарум	бунгар	—	тим	—	—
Ветер	темур	дятва	тим	уи	тату	бубере
Дождь	ау	ауа	сау	уй	—	со
Вода	и, ни	я	йо	нар	и	куле
Море	валь	иваль	маас	маас	туль	туль
Огонь	бия (Bia)	итнам, нам	я	я	хе	па
Камень	убу, тиган	менинг	пат	пат	атер, сиринг-даму	даме
Гора	мана	манаде	уин	лид	танди	табен
Мужчина	тамо	тамоде	тамоль	томоль	тамо	тангом
Женщина	нангли	уансаре	пайн	пайн	генагулум	пином
Ребенок	маласи	ангро	аймакам	айкельмо	илаги	кинго
Мальчик	кильмар	—	мнати	—	—	кулима
Девочка	дагне	дунтенге	айтейм	нанупайн	монагору	—
Отец	мем	абуа	мам	мам	абу	мам
Мать	ам	ай	нен	ненг	ам	ина
Брат	абадам	ауса	тайнгве	тера	ауа	барану
Голова	мамантабар	улатомоде	гатеи	гатеи	уалем	гобот
Волосы	гате-багтры	гате-банга	хоун	роун	—	гате-муй
Нос	мана	мана-оба	уин	уин	имби	амбу
Глаз	намге	намгла	малапатуни	уад	намеслим	—
Рот	мубо	мебе	мон	уад	—	маке
Зубы	ати, каги	мелаги	—	мод	майеслим	—
Язык	муен	луен	бален	балед	нунель	—
Крылья носа	—	мана-ободе	—	—	димбо	—

Ухо	даб	дабанга	тингри	аван	олам	—
Борода	дяу	мендим	йан	тенгам	мае	—
Шея	ко, гасенгор	такору	клагум	патаред	ангикор	—
Грудь	аваль	могум	бубен	сапед	мамонту	ауль
Спина	оро, мелом	гореде	роде	лиман	кубом-унгер	—
Рука	ибон	бан	ниен	ниен	дей	вай
Нога	самба	синга	тинган	—	ай	купе
Живот	тинам	мельги	утин	—	хунгуль	ином
Пенис	у	арбо	гнин	утин	ангосилим	усе
Вагина	а	уседе	—	дилен	тимбо	—
Палец на руке	ибон-си	бан-моко	—	—	—	—
Хижина	таль	уарум	амб	ад	бади	уанде
Пирог	кобум	кобумде	сыса	вааг	убум	ваанг
Парус	рар	рер	байнде	лиай	рер	байнде
Деревня	хотему	гуре	бан	нану	илум	тимбран
Идол	телум	телум	баг	—	—	—
Топор	пат	бие	ир	ир	тау	тау
Нож	серао	серия	барир	барир	баламе, саре	бади
Гребень	гасен	гате-бран	—	си	лалин	—
Свинья	буль	бель	бор	бо	—	бу
Собака	са	баун	гвай	—	ане	аген
Птица	ась	ребаре	—	—	янеле	нитом
Петух, курица	ту	туе	—	саламе	тусе	тусе
Рыба	кальб	ке	—	—	нарум	нарум
Кокосовый орех	мунки	манги	нуи	—	та	аду
Банан	могар	мукле	—	—	мунгуль	мунгуль
Бамбук	нау	инба	аур	—	дием	дием
Бетель	кау	тиоре	—	—	а	кау
Сахарный	ден	лян	—	—	ива	ива
тростник	—	—	—	—	—	—
Перец кава	кеу	риаль	кау	—	кеу	айо
Плод хлебного	боли	бали	—	—	дарван	дарван
деревя	—	—	—	—	—	—
Есть	уяр	алиде	—	—	няу	нямби
Или сюда!	гена!	боя!	—	—	на-лай	яле-кас
1*	худи	худийде	кукун	олам **	таймом ⁹	дуаин

	1. <i>Горенду, Бонзу Гумбу</i> (береговые деревья)	2. <i>Богати</i> (береговая деревня)	3. <i>Били-Били</i> (остров в бухте Астролябия)	4. <i>Митебог</i> (остров в бухте Астролябия)	5. <i>Энслам-Мана</i> (горная деревня)	6. <i>Марасун-Мана</i> (горная деревня)
2	али	аельде	ору	—	ару	ари
3	алуб	алубде	толи	—	толи	кенг
4	горле	горледе	пали	—	пали	паку
5	ибон-бе	бан-хулайде	лимата	—	лимата	—
6	игле-бе	гала-хулайде	кукун-кете	—	—	—
7	игле-али	гала-аельде	кукун-ору	—	—	—
8	игле-алуб	гала-алубде	кукун-толи	—	—	—
9	игле-горле	гала-горледе	кукун-пали	—	—	—
10	ибон-али	бан-аельде	лиман-ору	—	лиман-ору	—
11	—	синга-хулайде	ниен-кете	—	—	—
12	синг	синга-аельде	ниен-ору	—	—	—
13	—	синга-алубде	ниен-толи	—	—	—
14	—	синга-горледе	ниен-пали	—	—	—
15	—	—	пикун-кете	—	—	—
16	—	—	перерек-кете	—	—	—
17	—	—	перерек-ору	—	—	—
18	—	—	перерек-толи	—	—	—
19	—	—	перерек-пали	—	—	—
20	самба-али	—	кукун-тамай (кукун-питенган)	—	—	—

* Излюбленнейший способ счета состоит в том, что пауас загибает один за другим пальцы на руке и, загибая каждый палец, издает какой-нибудь звук, напр.: «бе, бе, бе...». Досчитав до пяти, он говорит: «*Ибон бе*» (рука), затем загибает пальцы на другой руке, все время повторяя «бе, бе...». Так он доходит до «*ибон али*» (две руки); затем продолжает свое «бе, бе...» до «*самба бе*» и «*самба али*» (нога, две ноги). Если ему надо считать дальше, он использует пальцы рук и ног другого (пауаса).

** Очень многие пауасы не знают числительных своего собственного диалекта. В Митебоге я спрашивал по крайней мере пять или шесть туземцев, но данные были противоречивы и, во всяком случае, неверны: я смог записать как надежное только «олам» (один).

Числительные в диалектах Берега Маклая

	Телят	Сингор	Биб	Энглам	Теньгум- Мана	Бонгу
1	ketei, kassai	daimo	doi	alam	hudeo	hudi
2	ru	lala	arn	ari	liljao	ali
3	tol	kei	keni	kini	alubdi-amo	alub
4	walbad	bodei	wal'kane	wali	nol'o	gorle
5	limadbad	kulane	wainden	andosam	barbe-peamo	ibon-hudi
6	silibad	kunopatun-dain	grindoin	kilmussi	barbe-knogo	igle-hudi
7	siliru	kunopatun-lala	grinaru	kilmussi-ari	—	igle-ali
10	limadbadru	kulalala	waijar	dei-ari	bar-liljao	ibon-ali
20	limadbadru uedbadru	kabilala		kupe-ari	kwe-liljao	ibon-ali samba-ali

Продолжение

	Мале	Богатим	Митебог	Тиара	Рио	Эремпи
1	udera	hudjaide	taimon	taimon	taimon	iknen
2	lilil	ael'de	ossu	odu	gitingane	tonauk
3	alub	alubde	tol	tol	tole	val'pehen
4	orle	orlede	pal	pal	pal	vanjugbi
5	barudera	ban hudjaide	nimante	nimanta	nimanta	pigoga
6	bar gelena	—	kukun taimon	kukun taimon	—	—
7	gelena lilil	—	kukun ossu	kukun odu	—	—
10	bar lilil	ban ael'de	niman ossu	niman odu	—	—
20	kwag lilil	singa ael'de	nien ossu	—	—	—

Список некоторых слов и образов речи, собранных на Берегу Маклая в 1876—1877 гг.¹

	Бонгу, Гумбу, Горенду	Тенгум-Мана, Халаби-Мана, Сандингби-Мана, Бан-Мана	Энглам-Мана, Самбуль-Мана, Сегуана-Мана	Горима, Тупия, Догча, Балама	Бурам-Мана, Коллику-Мана, Мангига, Мале	Богатим	Били-Били
1. Небо	lang	lang	bunangar	ole	lan	lan	bang
2. Солнце	sing	sen	ulen	honga	ken	sen	and
3. Луна	karam	elem	saem	batu	karam	bai	sinassin
4. Земля	mondamu	miandamu	—	boilamin	mandamu	mandam	tan
5. Звезда	buain	bunangada	bunangada	—	bengor	boi	batui
6. Обитак	nam	nam	—	—	nam	bengar	—
7. Ветер	temur	temur	tatuo	timu	rongon	jagua	tim
8. Дождь	au	wage	jangem	iage	au	auwa	sau
9. Вода	i	iag	ti	iage	ta	ja (uirom)	to
10. Море	wal'	iwai'	tul'	hirri	iwai'	ja	maasse
11. Огонь	bia	bala	he	ea	belja	nam iwo	ja
12. Камень	gitan	duma	dama	megebu	menen	mening	pat
13. Гора	mana	seman	ather	garu	man	mana	didi
14. Человек	tamo	t'ma	tamo	pai	tama	tamol	tomol
15. Женщина	nangli	angli	inakum	aia	gali	ungassare	pain
16. Дети	malassi	elagi	momne	magana	remar	angro	aimakam
17. Мальчик	kilmar	elagi	mongnan	pa	—	angrumel	mmagi
18. Девочка	dagne	diana	abu	aia magane	dugne	dungenge	aipain
19. Отец	mem	ala	am	dedi	abu	abu	mam
20. Мать	am	ama	am	nai	am	ai	nen
21. Брат	abadam	an	aia, auwa	babo	amon	wass	taingwe
22. Голова	mamangabar,	gati	nali	morane	gatengri	gate	gaten
23. Волосы	gate	gate mui	nali mui	mutina	gate mui	gate banga	gate haun
24. Нос	gate bagri	mangli	hai	agal patu	mandorum	mana obu	uin
25. Глаза	namge	niame	namselim	—	namge	namgla	malaputuni

26. Pot	mubo	mub	ome	mane	mob	medabu	mon
27. Ухо	dab	damui	damui	agelkuli	damui	dabkla	tinglan
28. Борода	diau	wanam	wanam	didiri	wanam	mengim	ian
29. Шея	ko, gassengor	angisengor	angisengor	nedo	kossengor	akaro	klagun
30. Грудь	awal'	wal'	aul	burate	wal'	mungum	buben
31. Спина	oro, melom	gomborneli, kobena	mulam	aulate	gombori-gri	ore	massapin
32. Рука	ibon	bar	dei	hairu, oone	bar	ban	liman
33. Нога	samba	kubag	kubag	bari, apege	kwag	singa	nien
34. Живот	tinam	bi	ingul	magi	mogle	mene	tingan
35. Penis	uu	ungore, solge	bola	gumal	we, ue	ue	utin
36. Vagina	aa	aa	simem, omdum	keiu, kinja	amuin	aa	ginen, dien
37. Совокуп-ляться	uleran, ulare	angli aa	ambaul	—	kumbo	wuernu len	—
38. Зубы	kagi	alagi	—	mage, muniage	alage	alagi	—
39. Язык	muen	mien	munen	peku	muen	min	balen
40. Деревня	hogemu	tbar, tebar	ilum	matane	gure	gure	ban
41. Хижина	tal'	tal, urum	badi, bom	mata, morota	tal'	warum,	amb, darem
42. Пирота	kobum	kobum	ubun	waga, da ba	kobun	kobum	sissa
43. Парус (забор) ³	rar	rer	rar	bainde	rer	rer	bainde
44. Крокодил	way	jubi	wai, mor	mati	ju	wau	—
45. Идол	telum	telum	telum	tora	telum	telum	bag
46. Топор	pat	bier	tan	eipi	betassa	bie	ir
47. Нож	serao	singer	badi	gessebu	sere	serie	badir
48. Гребень	gassen	duigan-gan	tabiom	araku	gate dur	hod'	konden
49. Лук	aral'	peria	munger selim	gana	pana, panarga	ang	hui
50. Копье	hadja	adja	ulu	harua	hadjag	ang ge	tu
51. Свинья	bul'	bol	bo	bua	bol	bel'	bor
52. Собака	sa	san	ane	gauna	san	baum	gaun

	Бонгу, Гумбу, Горенду	Тенгум-Мана, Халаби-Мана, Сандингби-Мана, Бан-Мана	Энглам-Мана, Самбуль-Мана, Сегуана-Мана	Горима, Тулиа, Догеса, Балама	Бурам-Мана, Колику-Мана, Мангига, Мале	Богатим	Били-Били
53. Петух, курица	tu	muru	waer	tewe	to	tué	—
54. Птица	as'	as	abrei	heru	as	kaibari	—
55. Рыба	kal'b	umam	tuom	hiri	kemam	ke	je
56. Кокосовый орех	munki	telem	tao	adiru	mangi	mangi	nui
57. Банан	moga	mungol	mungul	hudi	mungol'	minge	hundi
58. Бамбук	nau	kob	kem	olo	imbar	imba	aur
59. Бетель	kau	jo	a	gei	kau	surem, jao kaui	—
60. Перец кавы	keu	kial'	keuva	isse	kial	kial'	aju
61. Табак	kas	kas	kas	kasso	kas	kas	kassi
62. Хороший	bilén	beline	alem	ilu	abru	bole	ujan
63. Дурной	borle	waline	wale	niaba	barli	uge	alan
64. Большой	boro	namanu	geem	aniakaro	kobo	kobad	rieni
65. Малый	kenen	wakanangeo	kinangam	kenenu, mela-keme	kenengata	kenjela	makane
66. ⁴	adjangnan	—	em	iamé	dja	eo gonu	ule
67. ⁴	niadesua	—	ni	nomo	ni (lesare)	niije	amandesse
68. ⁴	nadu	—	ani, uni	—	—	—	—
69. Есть	pin kamo	pin kamo	niam bita	niau	aura	uirai	vanie
70. Спать	niavar	niavar	kinambi	agoreniao	unare	engerai	tainiue
71. Видеть	onar	numbriamo	keleo	—	dunare	ongom	—
72. Подойти	gena!	waloo	alae	majague	angure	ane	ussoe
73. Сгустай	gle!	minde	relae	gujatie	gle	glimo	ule
74. Таро	bau	anin	alo	—	kanin (?)	aning	mamoke
75. Ямс	ajan	—	baran	aniga	sambi	sambi	dabel'
76. Еда	ingi	—	—	dabo	—	—	bom

	Бай	Сингор	Телят	Милгебог Года-Года ²	Тиара	Рио	Эремпи
1. Небо	mab	tain	tete	hidon	rebam, rabume	alasek	—
2. Солнце	wotei	kei	as asbo	ad	and	ode	a
3. Луна	jehu	tambul	tabud	tulei	fulei	kalam	kalam
4. Земля	kale	iar, kune	tan	tan	tan	panua aten	wan
5. Звезда	boai	buai	buai	patui	patun	patui	boi
6. Облако	—	—	—	—	—	—	—
7. Ветер	wassere	iag	mal'	kurag, gavar, tarte	tim	—	tim
8. Дождь	au	kob	anjau	ui	ui	—	—
9. Вода	jag	jan	ran	nar	nar	nar	ie, ien
10. Море	gagim	jog	mas	mas	mas	maase	mais
11. Огонь	wie	pawai	jau	ja	ai	ai	ala
12. Камень	men	nange	matian	pat	pate	megebu	tschair
13. Гора	mandi	pulpul	wuyu	did	didi	moden	sama
14. Человек	wani-wanie	paran	tomol	tamol	tomole	tamole	dal
15. Женщина	wanai	panu	pain	pain	pain	barasse	ais
16. Дети	simeo	mangeri-geri	kainanu	aikomo-komo	—	naje	—
17. Мальник	—	—	—	—	—	alborok	—
18. Девочка	jaijan	panugeri-geri	painalu	paink-komo	—	nalbirok	—
19. Отец	mam	adj a	mam	mam	mam	tomag	man
20. Мать	jai	ana	nin	nen	nen	pessalaitke	an
21. Брат	skakoe	aman	kak	taig	taingu	korasse	ama
22. Готовя	pikte	patui	katau	gate	gaten	gatede	mommana
23. Волосы	pinliangan	djago	tabenau	gate taun	gate raun	gate raun	ulug
24. Нос	uju	sumbi	uiud	uig	uin (?)	uig	non
25. Глаза	amu	ambpatun	malapatun	malanpol	malan	matade	amandeu
26. Пот	mai	kakai	awan	awag	awan	singaro-de	uhan
27. Ухо	kil'ba	kunglo	telngan	telingad	telingan	kokored	dewun
28. Борода	kanakokis	budi-mujo	gasing	ain	ain	aig	—

	Бай	Сингор	Телят	Митбог Года-Года	Тиара	Рю	Эреми
29. Шей	tobor	kakunessar	agam'	klagud	klagud	klagude	—
30. Грудь	gogo	gorantun	atenbe	pateid	bubegai	bubei taimode	—
31. Спина	gée	kalbul	sagarad	sapag	budugai	teinide	—
32. Рука	wam	kulo	limad	limad	niman	eben	iben
33. Нога	ani	kabi	wued	nieg	nien	jaju	baan
34. Живот	kaib	sinai	gamanu	javad	—	bisson	—
35. Penis	buna	daben	ulu	utlu	—	utige	—
36. Vagina	jada, ieda	sime	fiu	laben	—	labe	—
37. Своюкуп ляться	—	—	—	—	—	—	—
38. Зубы	uki	bagi	imom	liwog	—	liwog	aan
39. Язык	mie	muni	baled	baled	liod	—	malalum
40. Деревня	mab	tabak	ted	panu	panu	panu	iengar
41. Хижина	ab, baem	wande sadbai	ab, barem	ab, daren	darem	abe	am, giram
42. Пирота	wag	al	wag	wag	barundo,	gigoi, wakor	—
43. Парус (забор)	kikel	ban	kel	lai	wakorai	lai	—
44. Крохдил	—	—	—	ap	lai	—	—
45. Идол	simbol	telup	gulei	telum	odod	briga	—
46. Топор	lo	tak	fan	ir	bonke	wossega	—
47. Нож	bassi	serai	selai	bodil	gessebu	segide	—
48. Гребень	udod	degassi	sarei	si	durwin	si	—
49. Лук	jati	fir	doad	fi	tarimba	bali	—
50. Конь	guman	tun	tun	tu, ju	brag ju	suan han	—
51. Свинья	sova	bui	bor	bor	bor	ho	—
52. Собака	sa	goun	goun	gaun	gaun	ba	—
53. Петух, курица	—	—	—	kukreku	kukreku	malai	—

54. Птица	—	uman	—	—	ju	—	bum	—	je	—	—	—
55. Рыба	ofai	sip	adu	—	niu	niu	juk	niu	niu	ule	—	—
56. Кокосовый орех	—	—	—	—	—	—	—	—	—	atur	ni	—
57. Банан	go	mungu	bin'	anin	—	—	fud	fud	—	mun	mug	—
58. Бамбук	giui	—	—	bau	—	—	aul	aur	—	bokamala	—	—
59. Бетель	—	—	—	—	—	—	kau	kau	—	wujag	—	—
60. Перец кавы	—	kaju	—	eu	—	—	aju	aju	—	memike	segu	—
61. Табак	ikon	buko	—	os	—	—	kas	kas'	—	jas'	kas	—
62. Хороший	dutne	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
63. Дурной	nem	aju	majo	lengii	samu	—	ujan	gowate	—	bageg	—	—
64. Большой	gajan	tengu	—	wangai	—	—	alan	salane	—	mebeo	—	—
65. Малый	gerigbe	gadio	—	makassi	—	—	ula	ketel	—	—	—	—
66. 4	ajande	kio	—	walom	—	—	kibek	kinimoe	—	biroke	—	—
67. 4	kanansode	minao	—	bareu	—	—	umugo	ulao	—	hage	—	—
68. 4	—	—	—	—	—	—	—	madod	—	brigal	—	—
69. Есть	ude	niau	—	wangu	—	—	wani	wanio	—	wanio	—	—
70. Спать	jagude	kinjau	—	tayenu	—	—	nainoi	ainingan	—	usnigale	—	—
71. Видеть	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
72. Подойди	—	—	—	—	—	—	en usso	—	—	—	—	—
73. Ступай	—	sauleo	—	siu	—	—	ula	ulao	—	—	—	—
74. Таро	nalo	nalo	—	mau	—	—	mau	mau	—	mo	ma	—
75. Ямс	ga	niai	—	will	—	—	dabel	anan	—	anan	igon	—
76. Еда	ge	bom	—	mon	—	—	—	—	—	—	—	—

Несколько слов диалекта рай

Солнце	кей	Деревня	тумран	Vagina	ябай
Глаза	тамбун	Кокос	аду	Пальцы	вайто
Море	ю	Банан	мунгуль	1	дой
Небо	самба	Бау <таро>	налу	2	арн
Земля	даме	Бамбук	янгдупун	3	кены
Камень	пате, толе	Сах. тростник	иба	4	валькане
Вода	кулеу	Глаза	амтень	5	вайнден
Мужчина	танго	Нос	нюба	6	гри-доин
Женщина	пино	Рот	минге	7	гри-арн
Волосы	тибо	Ухо	кильба	8	гри-кены
Дым	мырпо	Рука	вай	9	гри-валькане
Огонь	па	Нога	купе	10	ваяр
Дорога	дин	Penis	явантен		

Поправки к стр. 459 части XX

Список слов, который доктор Майер¹ получил от офицеров императорского русского корвета «Витязь», относится к папуасскому диалекту деревень Гумбу, Горенду и Бонгу, расположенных на берегу залива Астралабия на Новой Гвинее.

Так как жители названных деревень были моими соседями и я общался с ними в течение 15 месяцев почти ежедневно, так что в конце концов довольно хорошо выучил их язык, я позволю себе ниже исправить некоторые неверные слова словарика, приведенного на странице 459 части XX.

	По г. Майеру	По Н. Маклау
Нос	mana	mana
Глаз	naam	namge
Ухо	dab	dab
Голова	gaté	mamangabar
Волосы <на голове>	gaté bagri	gate bagri
Кисть руки	ibong	} ibon
Рука <от кисти до плеча>	sakiu ^{1*}	
Стопа	samba	} samba
Нога <до ступни>	godin	
Рот	tāual	mubo
Зубы	agi	agi
Шея	ko	ko
Penis	uū	u
Борода	dja bagri	diau bagri
Палец	bongië	ibongie

Спина	oro	oro
Ягодицы	bü	bitamram
Горшок (глиняный)	bodi	bode ²
Брови	naam bitigri	nam bagri
Мешок с утварью	uhl, up	telrun
Маленький мешок	dambi	jambi
Набедренный платок	jamel	} mal
Суспензорий	man	
Ручной браслет	agin	sagiu
Лук	agal ané	aral ane ³
Вода	ual ^{2*}	ji
Собака	sa	sa
Стрела	agál agé	aral-ge
Копье	bhadja bonim	hadja
Топор	pate	pat
Есть	ingi ^{3*}	uiar
Пить	ji	ji uiar
Земля	alam	mon
Бить	kakala gande	garleran
Небо	olang	lang
Кокосовая пальма	nin	munki
Курительная трубка	tschira	nau
Череп	kumu ^{4*}	gate
Петь	watu	balan
Свинья	bul	bul
Женщина	negringua	nangeli

Имя одного из мужчин посещенного племени было Туй, а не Патуй⁴.

Батавия, 20 окт. 1873 г.

^{1*} РАД: Sagiü (не sakiü) означает 'ручной браслет'.

^{2*} РАД: Wai (не ual) означает 'море'.

^{3*} РАД: Ingi означает 'сваренные овощи'.

^{4*} РАД: Kumu — черная краска.

ПАПУА-КОВИАЙ

Моя вторая экскурсия в Новую Гвинею (1874 г.)

елью моей второй экскурсии в Новую Гвинею был юго-западный берег ее, к югу от п-ова *Кумавы**.

Этот берег от большой реки *Каруфы* (на п-ове Кумаве) на юг вплоть до реки *Утанаты* носит туземное название *Папуа-Ковиай*. На север от п-ова Кумавы берег

называется *Папуа-Онин*. Севернее *Телок-Брау* (залив *Мак-Клор*) берег именуется *Папуа-Нотан*¹.

Это деление я нашел распространенным между папуасами, оно также во всеобщем употреблении у серамцев, которые уже издавна находят в торговых сношениях с папуасами этого берега.

〈Такое〉 деление не имеет никакого политического основания (поскольку эти земли не составляют каких-либо государств) и равным образом не основано на какой-либо антропологической особенности рас.

Каждый из этих берегов населен многими самостоятельными народностями; например, в Папуа-Ковиай различают людей Наматоте, Айдумы, Мавары, Каю-Меры и др.

Если жители этих трех берегов и не показывают какой-либо значительной разницы в антропологическом отношении, то обнаруживается значительное различие в этнологической обстановке. Папуа-Онин и Папуа-Нотан посещаются гораздо чаще макассарскими и серамскими торговцами, так как эта местность сравнительно довольно безопасна. Папуа-Ковиай, напротив, вследствие частых войн между туземцами, а также вследствие нередко происходящих нападений, влекущих за собою

* Папуасское название полуострова 〈принца〉 Оранье Нассауского.

убийства, и грабежей торговых прау имеет дурную репутацию* и теперь весьма редко посещается большими макассарскими прау (падуаканами).

В то время как папуасы Папуа-Онин имеют довольно постоянные места жительства, папуасы-ковияй — номады.

Гораздо более редкие посещения торговцев и вследствие этого гораздо меньшее влияние чужеземного элемента решили мой выбор, хотя я по рассказам макасарцев и серамцев мог заключить, что вместе с более интересным я избираю и более рискованное. Когда я отправился в Новую Гвинею, я наперед ожидал, что будет иметь место что-нибудь, подобное случившемуся, и нашел потом, что ряд приключений совершенно соответствует характеру населения этой страны.

Главное соображение, маячившее передо мной как *цель этого путешествия*, было желание составить ясное суждение об *антропологическом положении населения юго-западного берега* в сравнении с *туземцами северо-восточного побережья Новой Гвинеи*, и я мог его получить *только* путем *собственного* наблюдения, хотя именно об этом берегу существует значительная литература**.

Далее я даю краткое описание этой экскурсии, а также некоторые ее результаты, которые я записал в разное время и, приступая к новому путешествию, не хочу оставлять лежащими среди моих бумаг.

Ноябрь 1875 г.

Тампат Суса, кампонг Эмпанг около Бейтензорга.

Историческое***

23 февраля отправился я из *Гессира* (островка между Серамом и Серам-Лаутом) в туземном оребмае**** на юго-западный берег Новой

* Wallace A. R. Der Malayische Archipel. Bd. 2. Braunschweig, 1869. S. 101.

** Особенно в голландских описаниях путешествий можно найти много об этом берегу: Müller S. Reizen en Onderzoekingen in den Indischen Archipel ...in de jaaren 1828 en 1836 // Werken van het Koninklijk Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandsch-Indië, 1857; Nieuw Guinea ethnographisch en natuurkundig onderzocht en beschreven in 1858 door eene commissie // Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde. 1862. D. 5 (Экспедиция парохода «Этна»)²; Roijer G. Reis van Amboina naar de Z. W. en N. Kust van Nieuw-Guinea, gedaan 1858 met Z. M. stoomschip «Этна». Amsterdam, 1862. Свод старых путешествий на эти берега находится в интересной статье: Leupe P. A. De reizen der Nederlanders naar Nieuw-Guinea en de papoesche eilanden in de 17^e en 18^e Eeuw // Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandsch-Indië, 1875. D. 10.

*** Извлечение из моего отчета о путешествии для имп. Русского географического общества (см. т. 1 наст. изд., с. 337—344).

**** Оребмай или урумбай — большая непалубная лодка, с каютой в виде хижины по середине³.

Гвинеи via острова: *Горам*, *Матабелло* и *Ади*. Меня сопровождали двое слуг с Амбона и мой папуасский мальчик Ахмат; экипаж орембая состоял из 16 человек, между которыми находились 10 папуасов.

27 февраля я бросил якорь около о. *Наматоте* и был дружелюбно встречен туземцами.

Для того чтобы найти местность, удобную для постройки хижины, я посетил о. *Айдуму*, берег *Лобо**, архипелаг Мавару и, наконец, решил построить себе хижину на берегу Новой Гвинеи, называемом Айва, находящемся между архипелагом Мавара и заливом Бичару. Папуасы, казалось, были очень изумлены моим намерением жить между ними, но обходились со мной очень дружелюбно и почтительно. Так как береговые жители Папуа-Ковиай, как уже было упомянуто, ведут кочевую жизнь, посещая в своих прау то один, то другой берег, останавливаясь то в одной, то в другой бухте, то скоро моя хижина стала центром, около которого теснилось много людей Наматоте, Айдумы и Мавары, а их начальники — радья Наматоте, радья Айдумы, капитан Мавары ежедневно посещали меня и уверяли в своей дружбе и преданности.

Посетив окрестную местность, я решил предпринять более далекую экскурсию. При этом я воспользовался тем обстоятельством, что вследствие западного муссона орембай не мог вернуться в Гессир. Я оставил для охранения хижины в *Айве* Иосифа, моего амбонского слугу, и 5 серамцев и отправился в орембае с моими остальными людьми сперва на восточный берег залива Тритон, в местность, называемую *Варика*. Отсюда в сопровождении жителей гор *Камака*, которые называются *ваоусирау*, перешел я береговой хребет (1200 футов высотой)⁵ и посетил большое и очень интересное озеро, именуемое *Камака-Валлар*. Это озеро было совершенно неизвестно даже серамцам, кото-

* Это та местность, где с 1828 по 1836 гг. существовал *форт Дю Бюс*. При моем посещении этого места весь берег был покрыт сплошным лесом. Мой проводник, радья Айдумы, сказал мне, что в лесу еще есть следы «рума-бату». Сойдя на берег, я был вынужден распорядиться прорубать путь в лесу парангом. В поисках рума-бату (каменных домов) я наткнулся на лежавший на земле и покрытый сухими листьями и сором чугунный щит с нидерландским гербом. Я приказал моим людям его очистить и положить на ближайший камень; щит был, вероятно, ранее укреплен на деревянном столбе, который, однако, давно уже упал и разложился под натиском белых муравьев и вследствие гниения. Эти щиты, которые иногда находят в столь же плачевном состоянии, как здесь (Лобо), — единственные признаки верховного владычества Голландии над юго-западным берегом Новой Гвинеи.

Рума-бату оказались четырехугольными, состоящими из коралловых блоков, полуразвалившимися низкими фундаментами двух небольших домов. Это все, что я нашел оставшимся от *форты Дю Бюс*⁴. На расстоянии получаса ходьбы я обнаружил состоящее из нескольких временно выстроенных хижин поселение, называемое Нангауру.

рые издавна посещают эти берега. Оно находится на высоте 500 футов над уровнем моря*, окружено со всех сторон горами, которые только на юго-восток немного понижаются. Около озера находятся несколько хижин ваоусирау, которые меня встретили очень дружелюбно.

Горы по ту сторону озера на восток (т. е. в глубь страны) совершенно необитаемы.

Вернувшись в Варику, я продолжал свой путь, посещая острова *Айдуму*, *Каю-Меру*, *Лакайю*, вплоть до узкого залива *Кируру* (Этна-Бай), причем я нашел, что этот залив собственно представляет собой пролив между материком и архипелагом низких островов, поросших мангровыми: в широкий бассейн, который находится в конце *залива Кируру*, можно попасть также другими путями, кроме как по нему самому, если воспользоваться более узкими каналами для проезда между островами низкого архипелага.

По берегам залива *Кируру* не оказалось каких-либо поселений, только на берегу последнего бассейна в местности, называемой *Тимбона*, я нашел две полуразрушенные хижины. Здесь я отправился в горы; несколько тропинок, срубленные стволы и сучья свидетельствовали, что в этих местностях побывали папуасы, а позднее я узнал также, что сюда приходят время от времени туземцы за корой *масой*. За береговым хребтом, на который я взошел (1500 футов высотой)⁷, находится лесистая горная страна.

Возвратившись с экскурсии на орембай, я отправился искать вдоль берега удобное якорное место, намереваясь на другой день вернуться к морю другим проходом.

Мой план был неожиданно изменен появлением пяти больших прау, на которых находилось значительное число папуасов.

Многие обстоятельства при этой встрече заставляли думать, что папуасы последовали за нами в залив *Кируру* не с дружескими намерениями, хотя после долгих колебаний некоторые из папуасов осмелились взойти из прау на борт урумбая. Это посещение только увеличило подозрение моих людей, между которыми оказалось несколько человек, уже много раз посещавших Новую Гвинею и хорошо узнавших характер папуасов; они говорили, что папуасы единственно для того приблизились мирно к орембаю, чтобы сосчитать людей на борту и оценить наши относительные силы. Мои серамцы были убеждены, что папуасы ожидают ночи, чтобы напасть на орембай, и очень просили меня не бросать якорь этой ночью, но продолжать наш путь в море. Нехотя согласился я на их настойчивые просьбы, соображая сам, что нас всего 13 человек против 50 человек папуасов и что ночью нам могут

* Высота определена с помощью гипсометра Реньюб.

выпасть невыгодные шансы. Серамцы были так убеждены в опасности нашего положения, что они гребли без отдыха и усердно как никогда, так что к рассвету мы оказались вне залива Кируру, напротив побережья *Вайматы*.

Отсюда решил я вернуться в Айву⁸.

На обратном пути возле о. Айдумы 2 апреля я узнал от туземцев, что во время моего отсутствия горные жители Телок-Бичару напали на людей Айдумы, которые поселились вокруг моей хижины, причем убили ужаснейшим образом жену и дочь радьи Айдумы и ранили многих мужчин и женщин Айдумы; что вследствие того оставленные мною серамцы покинули мою хижину в Айве и перенесли вещи мои на борт макаassarского падуакана*, который незадолго перед тем пришел в Наматоте для торговли с папуасами. Я немедленно поспешил в Наматоте и узнал там еще следующее: мои соседи, береговые жители, папуасы Мавары и Наматоте, воспользовались общим замешательством при нападении горных жителей и разграбили мою хижину; лишь остаток моих вещей был перенесен моими людьми с помощью макаassarских матросов на борт падуакана.

Особенно неприятна была потеря многих метеорологических и астрономических инструментов; моя аптека и мой запас красного вина также не были пощажены; без всего остального (одежда, консервы и пр.), что забрали папуасы, я мог довольно легко обойтись.

Я хотел вернуться в Айву, но ни мои серамцы, ни мои амбонские слуги не хотели следовать мне, боясь второго нападения папуасов.

Анакода (малайский капитан) падуакана чувствовал себя столь небезопасно в этой местности, что через несколько дней после того, как я перенес мои вещи на борт орембая, он поспешил оставить Берег Кови-ай, чтобы плыть на острова *Кей* или *Ару*. Моим серамцам очень хотелось следовать за падуаканом, но я решил переселиться на Айдуму, так как мои люди наотрез отказались жить в Айве. Я отправился в Айву, снял со своей хижины атапы, привезенные мною из Гессира, сжег уже полуразрушенную хижину и, прибыв на Айдуму, построил себе вторую хижину.

Но мне не пришлось более жить спокойно; обстоятельства с каждым днем усложнялись. Спустя несколько дней после того, как я сжег мою хижину, горные и береговые папуасы в большом числе действительно приходили в Айву; также узнал я, что жители Наматоте замышляют напасть на мою новую резиденцию; ежедневно приходили новости: то здесь, то там видели подозрительные прау; были обнаружены свежие следы ночного лагеря многих людей в лесу у самой моей хижины; то на одного, то на другого папуаса указывали мои союзники (?),

* Падуакан — это большое макаassarское прау.

люди Айдумы, как на неприятельского шпиона или приверженца папуасов Наматоте.

Приходилось быть настороже, постоянно носить оружие, что было скучно и утомительно. К тому же я узнал еще более подробностей о грабеже. Оказалось, что моим серамским людям вовсе нельзя доверять и что даже нельзя будет ожидать от них никакой помощи при возможном нападении. Явились фактические доказательства того, что несколько серамцев приняли участие в грабеже моих вещей в Айве, что другие находятся в интимных отношениях с папуасами и что когда горные жители приходили в Айву и когда мой слуга Иосиф раздал порох и пули, чтобы прогнать папуасов, серамские люди стреляли только порохом без пуль. Эти факты легко объясняются тем обстоятельством, что почти $\frac{3}{4}$ моих людей были папуасы и некоторые были даже вывезены в малом возрасте из этой местности в Серам.

Прибыв на Новую Гвинею, я умышленно выбрал Айву для поселения, предполагая, что фауна на берегу Новой Гвинеи будет богаче, чем на ближайших островах. Мое пребывание на Айдуме, острове, который в одном месте отстоит от Новой Гвинеи не далее, чем на $\frac{1}{2}$ морской мили, доказало мне, что я не ошибся; фауна там оказалась во всех отношениях беднее, чем на Новой Гвинее.

Так как люди Наматоте и Мавары после нападения не осмеливались появляться поблизости от меня и только люди Айдумы, Каю-Меры и Камака посещали мою хижину, то материал для антропологических наблюдений стал гораздо ограниченнее.

При натянутых отношениях, когда приходилось постоянно быть «*au qui vive*»^{1*}, нерационально было предпринимать большие экскурсии и даже оставлять хижину на несколько часов, но берег с вытащенными на сушу прау, которые образовали маленькое папуасское селение, и ближайший коралловый риф предоставляли мне достаточный материал для наблюдения и исследования.

Но что в Айдуме значительно мешало, так это постоянное беспокойство окружавших меня людей, серамцев и папуасов, и их страх относительно нападения, убийства и грабежа. Мои друзья (?), жители Айдумы, обвиняли некоторых людей, которые, хотя и называли себя туземцами Айдумы, но на самом деле были жителями Наматоте и Мавары, в том, что они разграбили мои вещи, и просили меня их убить. Раза два они даже приводили ко мне насильно нескольких папуасов, которые имели дерзость явиться в Айдуму в одежде, украденной в моей хижине. Я приказал, однако, отпустить их, хотя и принял твердое решение не оставить безнаказанным убийство людей, которые вблизи меня искали защиты, и грабеж моих вещей. Застрелить пару простых папуасов, что было бы очень легко сделать, не казалось мне достаточным наказанием. Я хотел

захватить по крайней мере одного, если не обоих предводителей грабежа⁹. Не составляя никакого плана, я ожидал обстоятельств.

К концу апреля погода существенно изменилась. Частые грозы, сильные дожди, сильный прибой указывали на перемену муссона; приближалось время, когда орембай мог или даже должен был вернуться в Серам, так как позднее ветер, прибой и волнение могли сделать опасным возвращение столь небольшого судна, как орембай. Я должен был сдержать свое слово и отпустить орембай в Серам. Я намеревался остаться один, так как мои амбонские слуги отказались оставаться на Новой Гвинее без орембая и серамцев.

Неожиданное обстоятельство определило мое решение. Утром 25 апреля¹⁰ я узнал, что один из главных воров, капитан Мавары, скрывается на борту одного из прау. Я сейчас же решился. Не сказав ни слова моим людям, которым я все же не мог доверять, отправился я в сопровождении только одного человека к прау, где находился капитан Мавары, и держа свой револьвер перед его ртом, приказал его связать. Он был так изумлен и испуган, что не оказал ни малейшего сопротивления.

Столь же изумлены были мои серамцы и папуасы, которые находились на берегу, так как никто не ожидал ничего подобного. Но после задержания предводителя я не должен был ожидать вечера, когда прочие папуасы смогут узнать об его аресте. Я приказал препроводить капитана Мавары и перенести мои вещи на борт (орембая). Присутствовавшие при этом папуасы были столь поражены, что усердно повиновались моему приказанию помочь моим людям. Через 1½ часа все было готово, и при благоприятном свежем бризе орембай к полудню находился уже далеко от Берега Ковиай. 31 апреля¹¹ я прибыл в Кильвару и передал моего пленника радье Кильвару, в доме которого я ожидаю прибытия голландского военного судна, которое должно прийти сюда с амбонским резидентом.

Остров Кильвару, 3 мая¹² 1874 г.

Заметки к эскизу карты

Прилагаемый эскиз карты¹³, наглядно поясняющий мои странствия по Берегу Ковиай, имеет и некоторые отличия от более ранних карт.

Папуа-Ковиай принадлежит к тем берегам Новой Гвиней, которые уже очень давно посещаются многими мореплавателями. Но, хотя эти берега известны европейцам с XVI в.*, картографические съемки,

* В указанной выше статье г. *Leüne* (Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandsch-Indië, 1875. D. 10) собраны сведения о путешествиях голландцев, начиная с 1606 г.

предпринятые французскими и особенно голландскими мореплавателями, датируются только началом этого века. Некоторые же части берега до сих пор еще не имеют достаточно точного географического определения, так, например, большой *Телок Каю-Мера* картографически не описан, а из двух островов *Драмай*, находящихся на карте Дюмон-Дюрвиля, один оказался материком¹⁴, образующим <здесь> своими крутыми меловыми скалами очень живописный мыс. Так как он не имеет никакого туземного названия, я назвал его в честь е. п. генерал-губернатора Джеймса Лаудона *мыс Лаудон*¹⁵.

Также с.-з. часть залива Тритон, суженная о. *Семеув* и *архипелагом Мавара*, получила от меня название *пролива вел. кн. Елены Павловны* в качестве почтительного воспоминания о ее имп. высочестве¹⁶. Равным образом другой пролив, начинающийся у мыса Айва, проходящий между Новой Гвинеей и о. Наматоте и ведущий в *Телок Бигару*, ошибочно названный заливом Шпильмана*, я обозначил на эскизе карты в честь е. к. в. *Королевы Нидерландов* как *пролив Королевы Софии*.

Я позволил себе ввести эти названия, так как эти места, несмотря на их географическое значение, не имеют каких-либо туземных названий.

Остальные названия на эскизе карты имеют большей частью полупапуасское — полусерамское происхождение, так как серамцы уже в течение столетий ведут торговлю на этих берегах и имеют почти для всех местностей названия, либо слышанные ими от папуасов, либо данные ими самими. Но в то время как почти каждый *пасир* (песчаный берег), скала или ручей имеют особое название, большие части моря и берегов лишены какого-либо обозначения; я могу привести еще несколько примеров этого, кроме уже сообщенных. *Залив Тритон* не имеет местного наименования; я слышал от нескольких туземцев название *Уру-Ленгуру*, но так обозначают они лишь часть залива, а именно то расширение, которое образует вход в *пролив вел. кн. Елены*** . Для *пролива Ирис* у туземцев равным образом нет никакого названия; название «Сараверие», стоящее на карте *Бауэрса* и *Модеры* (1828 г.)¹⁸, ни один из туземцев теперь уже не знает. Весьма вероятно, что названия часто теряются*** и на их место вводятся новые, с которыми может снова про-

* *Телок Бигару* вследствие ошибки, разъясненной г. *Лейне* (в названной статье, стр. 79 и 80), был обозначен комиссией, находившейся на борту «*Этны*», как залив Шпильмана — название, которое оперкюпман *Кейтс* (1678 г.)¹⁷ дал совершенно другому заливу.

** Между о. Мавара и берегом Айва пролив превращается в узкий канал; только малые размеры оребрая доставили мне возможность спокойно циркулировать во всех этих узких местах.

*** Со мной многократно случалось, что, когда я хотел узнать туземное название места, опрошенные папуасы говорили мне несколько названий и спорили между собой,

изойти нечто подобное. Залив Этна папуасы, живущие у входа в него, называют *Телок-Кируру*.

Я старался записывать туземные названия как можно более точно, и они также нанесены (насколько это позволяло место) на эскиз карты.

При составлении эскиза карты мне оказал дружескую помощь г. лейтенант 1-го класса И. А. Вальдек, за что я ему здесь выражаю свою искреннюю признательность.

Камака-Валлар

Относительно длинное (с севера на юг) по сравнению с шириной озеро *Камака-Валлар* окружено лесистыми горами: на севере это горный хребет *Майомуту*, который возвышается над выступающим мысом *Ватевай*; на северо-востоке и востоке тянется необитаемый горный хребет *Камбекьяру*, а на юге оно ограничено существенно высокими горами *Арора* и *Овуа*, соединенными довольно низкой цепью гор.

Эта цепь гор, соединяющая Овуа и Арора, — самые низкие горы из всех, окружающих озеро, а за ними на юге находится Телок Каю-Мера. С запада Камака-Валлар отделено от залива Тритон горным хребтом *Варика* (около 1200 футов высотой). Озеро Камака расположено, как уже сказано, на высоте около 500 футов над уровнем моря*. Я не могу точно указать его величины, так как не плывал во всю его длину**, а оба его конца не видны из-за многих лежащих в промежутке островов и выдающихся мысов; думаю, однако, что озеро можно пересечь с севера на юг на небольшой лодке с двумя хорошими гребцами за 2¹/₂—3 часа. По хорошей дороге вокруг озера, если бы таковая шла по самому берегу, хороший ходок мог бы пройти его за 15—20 часов; в действительности, однако, при нынешнем положении дел (т. е. при полном отсутствии даже тропинки) это предприятие заняло бы 3—4 дня. Лишь на западном и северо-западном берегах озера находится несколько маленьких хижин, в которых обитают горные жители — ваоусирау.

Озеро Камака-Валлар замечательно многократно происходившими изменениями его уровня.

Посетив его в марте, я обнаружил множество погибших деревьев, стоявших частью на берегу, частью в воде. На островах и по всему бе-

причем каждый утверждал, что он говорит правильное название. Номадный образ жизни очень затрудняет сохранение традиции.

* Вода закипала в гипсометре Казеллы у самого берега озера при 211,4° F (99,6 °C), а на горном хребте Варика, но не самом высоком месте перевала, при 210,1° (98,8 °C) при температуре воздуха полудни 30 °C.

** Поэтому я не знаю, есть ли у Камака-Валлар стоки.

регу можно было наблюдать пояс погибшей растительности, отличавшейся своим цветом. В воде я также видел много обломанных стволов, которые стояли, все еще удерживаемые своими корнями. Я мог отчетливо различить такие стоящие в воде стволы на глубине от 4 до 5 м. На высоком берегу, особенно на меловых скалах, все еще отчетливо видны следы такого стояния воды, которое *превышает* приблизительно на 2 м сегодняшний уровень озера. Гораздо более старая, но все еще отчетливо сохраняющаяся отметка составляет темную линию, проходящую на 1½ м выше первой. Все ваоусирау помнили и согласно утверждали, что несколько лет назад вода в озере *внезапно* однажды утром опустилась, и не вследствие дождя; они не могли мне также сообщить, случилось ли при этом землетрясение; одно только было ясно: понижение воды произошло внезапно, за несколько часов. Дальнейшие расспросы привели к сообщениям о том, что, будучи детьми, они видели только верхушки деревьев, теперь стоящих на берегу, но никто из самых старых не мог мне ничего рассказать о *подъеме* воды, когда она покрыла деревья до верхушек (что совпадало с первой демаркационной линией).

Я попытался определить периоды понижения и повышения воды в озере. Это, *во-первых*, время, когда вода в озере стояла намного ниже, чем сейчас, то время, когда деревья, стоящие теперь в воде, росли на берегу. Этот период продолжался довольно долго, так как некоторые стволы достигли значительной толщины (приблизительно до 25 см в диаметре и более того). Еще крепкая древесина (даже там, где она выступает из воды), как мне представляется, доказывает, что это время низкого уровня воды не может быть очень отдаленным. За ним следует *второй* период, когда все деревья стояли в воде почти до макушек. Этот период закончился изменением уровня воды, случившимся при жизни большинства современных ваоусирау, но, когда это произошло, туземцы не могли вычислить ни по годам, ни по муссонам. Я решил вопрос весьма простым способом. Я созвал всех детей и стал задавать взрослым один и тот же вопрос о каждом, начиная с самого маленького: «Родился ли уже этот ребенок, когда понизилась вода?». Я указал, наконец, на молодую девушку, отец и мать которой объяснили мне, что уровень воды в озере упал незадолго до рождения этой девушки, сейчас достигшей зрелости. Так я узнал, что внезапное падение уровня воды произошло лет 14—15 тому назад, т. е. приблизительно в 1858 или 1859 г.

Ни один из людей старшего возраста не помнит, как я уже сказал, когда деревья стояли еще на берегу, а не в воде, но самому старому из присутствовавших я не мог дать более 50 лет; это значит, что период низкого стояния воды имел место около 50 лет назад; что это не было много раньше, засвидетельствовано хорошей сохранностью и крепостью дерева.

Схематический рисунок, приложенный к карте¹⁹, изображает эту последовательность падения и понижения воды в Камака-Валлар.

Пускаться в гипотезы и объяснения этого феномена не соответствовало бы, конечно, целям данной заметки; замечу, однако, что одно зоологическое наблюдение сделало еще более трудным для меня найти подходящее объяснение этих явлений. На всех стволах на берегу я обнаружил белое с желтоватым оттенком вещество, оказавшееся при ближайшем рассмотрении губкой. Констатировав это обстоятельство, я, естественно, стал выяснять, не встречается ли эта губка и в воде Камака-Валлар в живом состоянии. Вскоре я нашел на всех деревьях в воде зеленоватую и зеленовато-серую губку, которую собрал для микроскопического исследования. Эта губка, названная мною *Rumut Wal-larii Mcl.*, принадлежит к *Halichondriac* и близкородственна кремневой губке, которую я часто наблюдал на Берегу Ковийай.

Как она попала в озеро, расположенное в настоящее время в 500 футах над уровнем моря, еще один вопрос, ведущий к новым гипотезам. Я искал другие разновидности животных, встречающихся в озере Камака-Валлар, но, кроме нескольких моллюсков, относящихся к родам *Terebra* и *Turbo* и встречающихся в значительном числе, но в неживом состоянии на берегу, я видел только одного *Ophioccephalus*²⁰. Говорят, что в озере водится довольно крупная рыба, которой я, однако, не видел, так как она редка.

Вода Камака-Валлар была вполне пригодна для питья, но не имела приятного вкуса, тем более что была очень теплой (31,2 °C).

Мой последователь, который, может быть, пробудет на Камака-Валлар дольше, чем я, получит возможность ответить на поставленные вопросы; я же, со своей стороны, пробыв там только 1½ дня, могу лишь сообщить о существовании и особенностях Камака-Валлар²¹.

Жители Паиуа-Ковийай

(антропологические заметки)

В общем население Папуа-Ковийай не отличается от населения расположенных севернее территорий Папуа-Онин и Папуа-Нотан.

*Население побережий и население гор**, хотя они различны как народности, нельзя отделять друг от друга в антропологическом отношении. Более подробное наблюдение показывает далее, что на Берегу Ковийай имело и имеет место *смешение*. Но есть <лишь> отдельные индивиды, у которых отличие физиономии, более широкие завитки волос с про-

* *Майраси и ваусурау.*

седью выдают примесь чужой крови. Это, однако, легко различимые исключения, которые можно к тому же встретить только у берегового, а не у горного населения, встречи с которым *не* дают права утверждать, что это исключительно *смешанная* раса.

Это примешивание чужой крови происходит не через переселенцев, так как малайцы в одиночку не решаются селиться здесь среди папуасов, а папуасы вовсе не ввозят сюда иноземных женщин. Смешение осуществляется другим образом. Берег Ковиай, хотя и реже, чем берега Онин и Нотан, но все же почти ежегодно посещается макаassarскими и серамскими прау, остающимися здесь на несколько месяцев в ожидании перемены муссона и туземных товаров. Торговцы и экипаж этих судов представляют собой конгломерат различнейших народностей, даже рас. Это бугисы, макаassarцы, серамцы, галлельцы, бутонцы²²; среди торговцев и анакод (туземных капитанов) нередко можно встретить арабов, китайцев и даже европейские помеси²³. Все эти люди могут оставить здесь свое потомство, так как матери по большей части не покидают Новой Гвинеи и дети номинально имеют других отцов. Особенно часто можно встретить помеси в семействах начальников, что можно приписать тому обстоятельству, что начальники здесь преимущественно перед другими имеют сношения с чужеземными торговцами*.

Хотя смешение здесь несомненно происходит, все же его продукты немногочисленны и имеют почти исключительно преобладающий папуасский тип, который, однако, всегда можно отличить от несмешанного.

Оставляя в стороне эти продукты смешения²⁴, о которых я, однако, еще буду говорить в статье, обращусь теперь к чистокровным папуасам этого берега и начну сразу с главного результата наблюдений. Не принимая во внимание *второстепенных* особенностей (возникших под действием обусловленного различным географическим положением влияния других рас и, как следствие этого, изменения образа жизни, обычаев и т. п.) и не желая вводить никаких искусственных подразделений, *никоим образом нельзя отделить папуасов-ковиай от папуасов восточного берега* (например, Берега Маклая); *нет* даже, по моему мнению, *достаточных* оснований представлять их как *особые* разновидности одной и той же расы²⁵.

Рост варьирует в очень широких границах. Высота тела у измеренных мужчин колеблется между 1759—1480 мм, у женщин — между 1510—1310 мм**.

* Сказанное я знаю не понаслышке, но вследствие наблюдения над моими собственными людьми в их отношениях с туземцами.

** Этим исключительно малым индивидом была совершенно развитая, способная к вступлению в брак²⁶ девушка, на вид старше 15 лет.

Хотя здесь и обнаруживаются иногда крупные, сильные индивиды, все же большая часть населения *ниже* среднего роста европейцев. Причиной этого является, во всяком случае, сопряженное с кочевым образом жизни недостаточное питание, а также то обстоятельство, что едва созревшие девочки часто становятся матерями. Там, где имеется более богатая пища, как например, на южных низких берегах бухт Лакахия и Кируру, встречаются и более сильные и высокие индивиды²⁷.

Исследование черепа и измерение голов, каковой метод я нашел особенно практичным и целесообразным* у папуасов-ковийай, подтвердили вывод, к которому меня привело в прошедшем году измерение черепов папуасов Берега Маклая, а именно что долихоцефалия *не* составляет характерной черты папуасов Новой Гвинеи и что между ними встречаются и брахицефальные индивиды**.

И здесь попадаются черепа, которые очень долихоцефальны, а между тем я встречал брахицефальных индивидов. Индекс ширины колеблется между 62,0—80,2***²⁸.

Брахицефальные индивиды чаще встречаются между женщинами, чем между мужчинами²⁹.

Я *не* видал какой-либо искусственной *деформации* детского черепа или лица (за исключением пробурывания *septum naŕium*) и не мог также *нигде* об этом узнать.

О *волосах* здешних папуасов мне нечего сообщить нового, за исключением того, что расположение корней волос *не* пучкообразное и, как уже было ранее упомянуто, их вид очень зависит от способа обращения с волосами. У папуасских *детей* (до 10 лет и более) *лоб огенъ обволосен*; только по средней линии над переносицей волосы короче и растут не так густо****. От висков тянутся по щекам очень заметные

* Уже при путешествии на Филиппины, во время моей экскурсии в горы *Лимай*, чтобы собрать новый материал для решения вопроса о формах черепа у негритосов, я старательно измерял их головы и думаю, что благодаря этому могу сформулировать вывод вернее, чем если бы я измерил незначительное число *несомненно подлинных* черепов.

И во время этого путешествия на Новую Гвинею и Восточные Молукки я производил измерения голов на живых людях с хорошими результатами. Таким путем можно получить *несомненно подлинный* материал и при некотором обдумывании и навыке свести неточность к минимуму.

** См.: N. v. MacLay. Brachycephalie bei den Papua's von Nea-Guinea // *Natuurkundig Tijdschrift*, 1874. D. 34, Afl. 4. S. 345 (см. *наст. том*, с. 34).

*** Индекс ширины головы одной папуасской девушки из Папуа-Онин, измеренной мной позднее в Сераме, был 84,0, что почти может составить пару черепу из Эн-глам-Мана (Берег Маклая) с индексом ширины 86,4.

**** *Обволосенность лба* не есть особенность только папуасской расы, я видел ее очень развитой у малайских детей и у европейских помесей и даже у детей, бывших близки к зрелости.

бакенбарды. Все эти волосы на лице — прямые, более тонкие и кажутся по большей части светлее окрашенными сравнительно с волосами головы. Грудь и живот большей частью, особенно по средней линии, лишены волос; но зато задняя сторона шеи, верхняя часть спины и плечи значительно обволосены, как и тыльная сторона рук. На нижних конечностях у детей волос меньше, чем на верхних.

Цвет кожи, как и рост, подвержен большим индивидуальным колебаниям.

В Умбурмете (на о. Айдума) я имел случай наблюдать новорожденного ребенка-папуаса. Он был желтовато-серого цвета, который можно было бы лучше всего передать тоном *между* № 51 и 59 «таблицы Брока». Тело было в некоторых местах особенно светлым, прежде всего нос и нижняя передняя часть лица, также руки, грудь и живот были гораздо *светлее*, чем лоб и спина; ноги были также светлее, чем спина, но темнее, чем руки. Контраст мог бы передать цвет, средний между № 50 и № 38. Волосы новорожденного были темно-каштановые (не черные) и только слегка курчавые. Глаза оказались также темно-карими.

Кроме *большой подвижности пальцев ноги*, мне бросилась еще в глаза гибкость *предплюсневых суставов*. Вследствие постоянного упражнения и неупотребления искусственного покрова предплюсневые связки у темных рас пребывают более длинными и эластичными, чем у европейцев. У вытянутой ноги (при сидячем положении) линия подошвы составляет с горизонталью угол в 45°, а иногда я видел и меньший угол. При влезании на деревья, восхождении по лестнице, когда вся тяжесть тела покоится порой на одной ноге, угол был еще гораздо меньше того, который может быть придаваем на некоторое время подошве человека без особого напряжения и искусственных средств, *а только по своей воле*.

У женщин меня поразили *груды*, увеличивающиеся во время беременности и лактации до таких огромных размеров, что груди одной молодой женщины при сидячем положении без наклона покоились на ее коленях. В указанный период эти огромные мешки с молоком столь тяжелы, что женщины вынуждены поддерживать их рукой при беге и даже убыстренной ходьбе. Размеры их тем более бросаются в глаза при сравнении с маленькими коническими грудями молодых девушек и сморщившимися в складки грудями старух³⁰. Я нередко видел, как женщины кормили грудью детей, сидевших за их спиной, просовывая грудь подмышкой. У некоторых молодых папуасских девушек, которые еще не рожали, я наблюдал *замечательную форму mammae*. Передняя нижняя часть *mammae*, которая содержит молочную железу и поверхность которой, как и *areola mammae*, темно пигментирована, кажется отшнурованной. Эта перетянутая часть, на которой находится маленькая *papilla mammae* и в которой легко прощупывается молочная железа,

имела в одном случае обхват 156 мм, в то время как обхват перетяжки равнялся 138 мм. Эти своеобразно отшнурованные груди я наблюдал у многих, хотя и не у всех девушек. Но эта форма является лишь дальнейшим дифференцированием *остроконечной груди*, часто встречающейся у папуасских и полинезийских девушек.

Правая и левая груди обычно более или менее отличаются друг от друга. *Papilla mammae* способна к значительной эрекции.

Внешний вид страны и образ жизни населения

Во время этой экскурсии я имел возможность познакомиться с одной из самых живописных местностей Ост-Индского архипелага. Море с его многочисленными бухтами и проливами, отвесные скалы, высокие хребты гор с разнообразными контурами, чрезвычайно богатая растительность, простирающаяся от полосы прилива до самых высоких вершин, представляют в Папуа-Ковиай самые эффектные комбинации, и часто пейзаж можно назвать не только прекрасным, но и величественным.

Кроме красоты природы, путешественника поражает безлюдье этой по виду столь роскошной страны. На всем протяжении Берега Ковиай, который я посетил (от Телок-Бичару до Тимбоны), встречается не более трех или четырех построек, которые можно назвать хижинами*. Все прочие, также очень немногочисленные, представляют собой наскоро построенные временные ночлеги, состоящие из одной низкой крыши, в которых часто может пребывать только один человек, да и то лишь в лежачем положении. Некоторые из этих жилищ³² обитаемы только время от времени. Все население скитается в своих прау по многочисленным заливам и бухтам, оставаясь лишь по несколько часов или дней в одной местности и затем отправляясь дальше.

Настоящее жилище папуаса-ковийай — это его бери-beri (узкая, снабженная двумя выносными поплавками³³ <лодка>), накрытая обыч-

* Из приблизительно 50 населенных (?) мест на Берегу Ковиай, о которых сообщил С. Мюллер в описании своего путешествия 1828 г.³¹, я застал только 3 (!): *Терера* и *Ваймата*, маленькие деревни в бухте Лакаяя, и *одну* покинутую хижину на о. Айдума, которая называлась *Вайкала*; три другие, тоже полуразрушенные хижины находятся в *Вейтемному* на о. Наматоте, в *Умбурмета* на о. Айдума и третья прежняя резиденция моего пленника, капитана Мавары, — на одноименном острове. Несколько жалких хижин находятся далее: в *Амбаулу*, также на о. Мавара; в *Нангауру* на берегу *Лобо*, поблизости от места, где некогда стоял форт Дю Бюс; на о. *Койра Ломира* были построены и обитаемы несколько временных хижин. Во время моего пребывания Айва и Умбурмета временами были довольно посещаемыми поселениями.

но навесом из непромокаемого кадьяна (циновка из пандануса). В середине находится платформа, укрепленная на выносных поплавках, которая может дать приют всей семье, обычно немногочисленной, и всему имуществу папуаса. Плоский, наполненный землей ящик составляет очаг. Так скитаются папуас-ковийай, то занимаясь ловлей рыбы, то, оставив свой бери-бери на каком-нибудь возможно более укромном берегу, ища себе пищи в окружающем лесу³⁴. Редко встречается два или более бери-бери вместе. Главными причинами этого вечного скитания являются постоянные войны между туземцами, нападения флотов хонгий с Папуа-Онин и — теперь несколько реже — с Тидора. Постоянная опасность не позволила жителям изменить их номадный образ жизни или же, возможно, сделала их номадами*.

Население гор еще малочисленнее, чем на берегу; только узкий пояс гор вблизи берега кое-где населен, а далее в глубь страны горы необитаемы. Замечательный факт, показывающий большую изолированность и малую населенность этой части Новой Гвинеи, состоит в том именно, что ни береговые, ни горные жители Папуа-Ковийай ничего не знают о существовании залива Гельвинк и об узости перешейка (особенно около Телок-Кируру). Горы внутри страны, как сказано, необитаемы и, хотя перешеек во многих местах не шире 50 миль, местные жители никогда не переходили этих гор. Я часто и обстоятельно расспрашивал об этом жителей различных местностей и всегда получал отрицательные или малоудовлетворительные ответы.

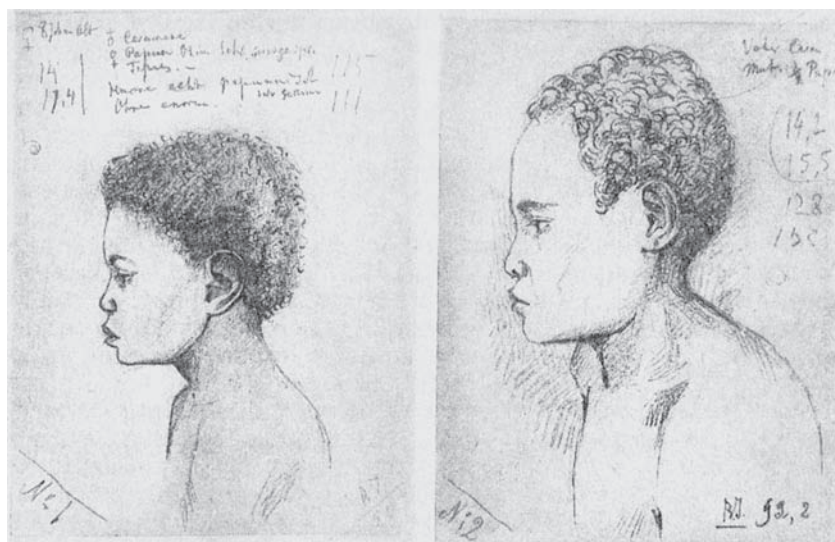
Сравнивая образ жизни и этнологические особенности папуасов-ковийай и папуасов Берега Маклая, обнаруживаешь большое различие между этими двумя группами населения. Несмотря на то, что папуасы-ковийай уже давно знают железо и железные орудия, знакомы с одеждой и даже с огнестрельным оружием, что они носят золотые украшения, они остались номадами и ведут очень жалкую жизнь.

Недостаток пищи вследствие того, что они не обрабатывают плантаций и не имеют домашних животных**, заставляет их постоянно скитаться из одной местности в другую то в поисках морских животных и для ловли рыбы, то чтобы бродить по лесам для сбора немногих плодов, листьев или корней. На вопрос при встрече: «Куда?» или «Откуда?» я получал³⁵ в Папуа-Ковийай ответ: «Ищу (или искал) чего-нибудь поесть». Этот стереотипный ответ очень хорошо характеризует образ жизни здешних жителей.

Хотя папуасы Берега Маклая живут совершенно изолированно от других рас и не знают ни одного металла, они строят своими ка-

* См. второе приложение (к этой статье).

** Даже собак держат только горные жители, но не жители побережья^{2*}.

Девочка. 8 лет (отец — серадец, мать — папуа-оним);
мальчик (отец — серадец, мать — полупапуаска)

менными топорами³⁶ относительно очень удобные, иногда и большие хижины. Вблизи от своих многочисленных и красиво устроенных деревень они старательно обрабатывают свои плантации, круглый год снабжающие их пищей. Кроме собак, в деревнях видно много свиней и нередко кур. Вследствие их оседлого образа жизни и дружественных отношений между многими деревнями войны происходят реже (чем у папуасов-ковиай), так что постоянное чувство опасности в наибольшей степени исчезло.

Приведенные данные ведут к выводу, что сношения папуасов в продолжение многих столетий с более цивилизованными малайцами совсем *не* имели *благоприятного* влияния на первых и *очень сомнительно*, что соприкосновение в будущем с белыми^{3*} будет иметь лучшие результаты.

Благодать, принесенная малайцами папуасам-ковийай, состоит в *раднях, торговых, огнестрельном оружии и опиуме*; от европейцев они еще к этому получают *резидентов, миссионеров, ром* и т. д. и т. д.

Май 1874 г.

Бату-Гадья в Амбоине.

Первое приложение

О папуа-малайских помесях на Восточных Молукках

Во время моего путешествия этого года на Новую Гвинею, но особенно во время моего пребывания почти в продолжение месяца на маленьком острове *Кильвару* (между Серамом и о-вами Серам-Лаут), я имел возможность провести некоторые антропологические наблюдения и исследования (результатов) скрещивания папуасов с малайцами; только такое точное исследование может внести свет в этнографию Ост-Индского архипелага.

Задача, которую я себе поставил, состояла в том, чтобы по возможности установить анатомический *habitus* продуктов смешения обеих рас, причем особенно должны были приниматься во внимание форма черепа и волосы.

Для того чтобы исследовать несомненно надежный материал, я ограничил свои наблюдения только теми детьми, отцов и матерей которых я мог видеть.

Я сожалею о невозможности опубликовать здесь ряд портретов, которые я при этом сделал³⁷, поскольку взгляд на них позволил бы правильное судить о положении вещей, чем пространное описание физиономий, которые как раз в данном случае представляют большой интерес.

Я сообщу здесь поэтому только главные результаты моего не слишком большого, но безусловно точного исследования.

1. Помеси обнаруживают, наряду с чрезвычайно большим разнообразием физиономий и *habitus'a*, в большинстве случаев ясно выраженный папуасский тип*, хотя у некоторых он почти совсем не проявляется.

2. Только у очень немногих были волосы, подобные папуасским; хотя у некоторых обнаруживались довольно мелкие завитки, у большинства они были курчавыми.

3. Встречались, однако, индивиды, происходившие от чистокровной папуаски и отца-малайца и имевшие при этом совершенно прямые волосы.

Этому случаю, так как он мне показался особенно важным, я уделил особое внимание. Мать одного такого индивида была папуаска из Оним и имела настоящие мелко-курчавые волосы (*chevelure à grains de poivre*) и очень долихоцефальную голову, в то время как ее сын обладал совершенно прямыми волосами, имел брахицефальный череп, а его лицо было не малайское, но и никоим образом не папуасское.

* То же соотношение (т. е. перевес темной расы) встречается у помесей, отцами которых были негры, а матерями — яванки; эти дети имеют преимущественно негритянский тип, но наряду с темным цветом кожи, негроподобными чертами лица и почти негритянскими волосами головы были (2 случая) брахицефальны.

Калабасса (отец — серамец, мать — папуа-оним);
мальчик Мойдуран (отец — серамец, мать — папуа-оним)

4. Помеси имеют преимущественно брахицефальный череп. Индекс ширины варьировал между 80,4 и 93,7*.

5. Цвет кожи был в общем темнее, чем у малайцев; этот признак вследствие большой вариабельности как у папуасов**, так и у малайцев является менее важным.

6. Физиономии лиц смешанного происхождения были для европейского глаза более красивыми, чем физиономии папуасов и малайцев, выглядели интеллигентнее и живее, чем у чистокровных (особенно малайских) детей.

Исследованный материал составили дети серамских отцов и папуасских матерей, так как браки противоположного характера случаются редко³⁸.

Передавая эти немногие, но достоверные наблюдения своим коллегам, я сожалею только о том, что они не являются более полными и многочисленными.

* Большое преобладание брахицефалии зависит, вероятно, отчасти от того, что исследованный материал был собран при наблюдениях над детьми.

** Я наблюдал на юго-западном берегу «Новой Гвинее» несколько папуасов, цвет кожи которых был темнее, чем № 30 таблицы Брока.

Второе дополнение

Социально-политическое положение населения Папуа-Ковиай в 1874 г.

В качестве *главной причины* *номадной жизни* следует прежде всего назвать постоянное отсутствие безопасности вследствие *грабительских набегов* папуасских народностей *друг на друга*, и *нападений флотов хонгий с Тидора*³⁹. Я могу констатировать, что постоянный страх, в котором живут папуасы-ковиай, вполне обоснован, так как во время моего краткого пребывания в Папуа-Ковиай имели место *три* грабительских набега.

Люди Телок-Камрау, нанятые радьей Ади, который хотел отомстить за совершенное много лет тому назад убийство какого-то своего родственника, устроили набег на папуасов о. Каю-Мера с целью убийства и грабежа; спаслись лишь немногие, большинство же было убито или уведено в плен. Когда я посетил острова Каю-мера, беглецы укрывались в горах противоположащего материка и не решались вернуться на свое прежнее место обитания.

Второе нападение постигло людей Айдумы, поселившихся вблизи моей хижины в *Айве*. На этот раз горные жители Телок-Бичару, люди Наматоте и Мавары, принимали участие в грабительском набеге, при котором ударом копья была убита жена радьи Айдумы, изрублена ее дочь, были ранены несколько мужчин и женщин, уведены в плен несколько девушек и юношей, а моя хижина была разграблена.

Третий военный набег, исход которого оставался неизвестным до моего отъезда, был предпринят с целью мщения. Люди Айдумы побудили жителей гор Камака напасть в свою очередь на папуасов Телок-Бичару, чтобы отомстить за смерть жены и дочери радьи Айдумы.

〈Нападения〉 *флотов хонгий с Тидора*, уже много лет назад запрещенные голландским правительством, *до сих пор еще* имеют, однако, место. В этом (1873/74) году хонгий предводительствовал Себиар — радья Румасола (Мисоле); на берегу Папуа-Онин он обложил

Катан.

Отец — серамец, мать — папуаска

тяжелой данью деревни *Хатти-Хатти*, *Румбати* и *Патипи*. Требовали либо рабов (юношей и девушек), либо на соответствующую сумму масла, мускатного ореха, черепашого панциря, трепанга и т. д.*

В последние годы, так как флоты хонгий запрещены голландским правительством, султан Тидора и его люди старались совершать эти грабежи как можно более тайком. Экспедиции хонгий снаряжаются не на Тидоре, но на одном из отдаленных островов (как, например, в этом году на Румасоле), где нет голландских контролеров и резидентов.

Также тщательно избегаются места, куда приходят торговать многочисленные прау бугисов или серамцев, например *Карас* и *Канаур*.

Жители Лакайи с ужасом вспоминают имевший место несколько лет назад набег хонгии тидорского принца *Амира*** , увезшего несколько сот человек, причем не были пощажены ни люди, ни хижины; были срублены даже немногочисленные кокосовые деревья (настоящие следы культуры).

Что касается *работ торговли*, то это факт, что ежегодно почти *каждое* макаassarское или серамское прау увозит детей, которых покупают на Новой Гвинее по весьма незначительной цене.

Со своей стороны папуасы-ковийай не упускают случая обмануть бугисских или серамских торговцев и при случае напасть на них. Обман — повседневное явление и обусловлен или облегчен также характером торговли.

Чтобы получить редкостные продукты Новой Гвиней, за которые дорого платят на рынках Серама, Макассара и Сингапура, торговцы не боятся раздавать вперед свои товары папуасам, которые, со своей стороны, обещают заплатить по истечении нескольких месяцев продуктами своих лесов и морей. Очень часто обещания не сдерживаются: папуасы под предлогом сбора продуктов для обмена уходят в горы и больше не появляются или же торговцы оказываются вынужденными ждать оплаты многие годы. Нередко папуасы, получив товары, угрозами разграбить прау вынуждают торговцев к скорейшему отплытию. Случается также убийство всего экипажа и разграбление судна. Это про-

* Так как мне было известно, что ни господин резидент Амбоины, ни резидент Тернате ничего не знали о продолжении этих экспедиций хонгий, я постарался собрать совершенно надежные известия об этом. Так, я говорил со многими людьми в Кильвару, видевшими хонгию *Себиара* (рады Румасола) на берегу Новой Гвиней; так, например, анакода Мохаммед из Кильвару рассказал мне, что он встретил кова-кова с Тидора в Румбати (Папуа-Онин); невнесение наложенной на эту деревню дани — 15 рабов обоего пола или соответствующей им стоимости — угрожало уничтожением всей деревни. Анакоду в свою очередь обложили налогом за право торговать на побережье Новой Гвиней.

** Это тот же человек, который сопровождал экспедицию «Этны» (1858 г.).

исходит всегда вследствие измены и коварства, и почти всегда успех оказывается на стороне папуасов, так как они обычно только тогда отваживаются на нападение, когда превосходство в силе решительно на их стороне. Радья Наматоте и капитан Мавары пользуются в этом отношении очень дурной славой.

Номадная жизнь, не привязывающая папуасов ни к какому определенному месту, где они могли бы укрывать какую-либо собственность, и постоянная безнаказанность весьма благоприятствуют этим грабежам*.

Тейпанас, сентябрь 1874 г.

^{1*} *Нагеку (франц.).*

^{2*} *РАД. Добавлено:* Так как и в горах собак очень мало, их не употребляют в пищу, как на Берегу Маклая.

^{3*} *РАД. Добавлено:* если оно ограничится только торговыми сношениями.

Научные результаты экспедиции на Берег Папуа-Ковий

Антропологические заметки

Вообще нельзя отличить туземцев Берега Папуа-Ковий от жителей Папуа-Оним и Папуа-Нотан.

Нельзя отделять в антропологическом смысле жителей береговых от жителей горных деревень, так называемых майрасис и вуоусирау.

Наблюдения показывают, что на Берегу Папуа-Ковий уже давно существует примесь других рас и «смешение» происходит ежегодно, но это смешение рас выражается только в отдельных, и то немногих, особях, имеющих волосы курчавые, но «с» более широкими завитками или волосы просто вьющиеся, более светлый цвет кожи, другие черты лица и т. д. Но все они составляют исключение, и помимо их существует чистокровная папуасская раса. Горные жители, без сомнения, могут считаться таковыми.

* Эти обстоятельства, как-то: существование по-прежнему экспедиций хонгий, связанных с работорговлей на Восточных Молукках; опасности, которым подвержена торговля на этом побережье Новой Гвинии; краткое описание социально-политического положения населения Папуа-Ковий, а также надежное и простое средство все это устранить, — я изложил несколько дней назад в кратком меморандуме его превосходительству генерал-губернатору Нидерландской Индии. Надеюсь (?), что мой меморандум послужит не только к увеличению архивов секретариата в Батавии!¹⁴⁰

Примесь малайской крови происходит здесь не вследствие поселения здесь малайцев, которые боятся селиться здесь среди папуасов; с другой стороны, папуасы не привозят сюда жен (с) других островов. Женщина из Серама, о которой я упоминал¹ последовавшая за своим мужем в Наматоте, составляет редкое исключение.

Примесь происходит другим образом. Этот берег Ковиай, подобно, хотя реже, как берег Оним и Нотан, посещается ежегодно макассарскими «прауами», которые приходят сюда с одним муссоном, остаются здесь несколько месяцев и уходят с другим муссоном. Торговцы и экипаж этих судов представляют большое разнообразие народностей и рас; здесь есть и бутисы, и макассарцы, и серамцы, люди Галеля с о. Хальмахеры и с о. Бутона и др. Между торговцами и анакодами встречаются нередко помеси арабов, китайцев с малайцами, даже иногда чистокровные арабы и китайцы. Все эти люди имеют сношения с папуасскими женщинами и могут оставить здесь свое потомство, так как матери этих детей остаются по большей части в Новой Гвинее, причем, разумеется, дети иногда, или даже обыкновенно, номинально имеют других отцов. Особенно в семействах начальников встречается часто эта смесь, что можно приписать обстоятельству, что начальники преимущественно пред другими имеют сношения с торговцами*.

Хотя примесь здесь несомненна, нельзя сказать, чтобы продукты ее были бы многочисленны и во всяком случае папуасский тип в них преобладает, но они всегда, без особенной трудности отличимы от чистокровного типа папуасов.

Оставляя в стороне результаты этого смешения рас, о которых я буду говорить ниже, обращусь прямо к чистокровным папуасам этого берега.

Не принимая во внимание второстепенные особенности, происшедшие от влияния географического положения (и вследствие этого перемены образа жизни, обычаев и т. д.), и не желая ввести искусственных подразделений, приходишь к результату, что папуасов-ковиай никаким образом нельзя отличить в антропологическом смысле от папуасов восточного берега Новой Гвинеи (туземцев Берега Маклая, напр.). Нет, по моему мнению, достаточных оснований отделять «папуасов-ковиай» как особенную разновидность этой расы. Рост варьирует между широкими границами. Он колебался

у мужчин — между 1750—1480 mm
у женщин » 1510—1310»**.

* Я знаю вышесказанное не со слов других, а просто из прямого наблюдения отношений туземцев ко мне и к моим людям.

** Этого роста (1310 mm) была совершенно развитая и во всех отношениях способная иметь детей девочка или, вернее, женщина лет пятнадцати.

Хотя и встречаются здесь высокие, здоровые особи, но большая часть населения ниже среднего роста европейцев. Причинами тому, вероятно, сопряженная с кочующим образом жизни недостаточная пища и затем обстоятельство, что едва зрелые девочки делаются уже матерями.

Там, где встречается более достаточная пища, как например, на южном берегу бухты Лакахиа и Кируру^{1*}, там встречаются также более высокие и более крепкие люди.

Исследование черепов и измерение голов папуасов-ковиай подтвердили результат, к которому меня привели измерения черепа туземцев Берега Маклая, именно, что долихоцефалия не может считаться антропологическим характером папуасов и что между ними встречаются нередко особи с короткими головами (т. н. брахицефалы)^{2*}.

И здесь встречаются черепа очень длинные, так что индекс ширины варьирует между 62,0—80,2 (20 измерений).

Между женщинами короткие головы встречались чаще, чем у мужчин.

Я не видал здесь никаких следов деформаций детских черепов или лица, за исключением пробурывания носовой перегородки.

О волосах здешних папуасов не могу сказать ничего особенного, как только то, что расположение их не пучкообразное и что вид их зависит главным образом от обращения с ними. Постоянное смазывание маслом и расчесывание могут довести до того, что курчавые папуасские волосы почти что теряют свои завитки, как <я> это не раз замечал у папуасских женщин, которые, желая походить на своих сестер и удлинить себе волосы, постоянно смазывали их маслом и вычесывали.

Дети (до 10 лет и более) имеют лоб, покрытый волосами; только в средней части лба, над переносицей, волоса короче и не так густы*. От висков вдоль щек спускаются очень заметные бакенбарды. Все эти волосы на лице, хотя довольно длинные, остаются прямыми. Они тоньше и кажутся светлые сравнительно с волосами головы. Грудь и живот, особенно посередине, почти без волос, но зато задняя часть шеи, спина, плечи и задняя часть рук значительно волосаты. Посередине спины, вдоль спинного хребта, волосы особенно часты и длинны. Ягодицы иногда и у детей покрыты волосами, хотя вообще можно сказать, что верхние конечности более покрыты волосами, чем нижние.

Цвет кожи подвержен таким же индивидуальным различиям, как и рост.

На о. Айдума я имел случай видеть новорожденного. Он был желто-серого цвета, который всего удобнее было бы передать тоном меж-

* Лоб, покрытый волосами, не есть особенность, встречающаяся только у папуасской расы. Я встречал его (т. е. такой лоб) и у детей малайцев, и даже у смеси европейцев с малайцами, даже у детей, дошедших до периода зрелости.

ду № 51 и № 39 таблицы Брока. Тело было в некоторых местах очень светлым, особенно нос и нижняя часть лица; руки, грудь и живот были гораздо светлее спины и лба; ноги были также светлее спины, однако ж темнее рук. Темнота лба показалась мне особенно замечательною. Волоса новорожденного были темнокаштановые и слегка выющиеся; глаза также темно-карие.

Кроме значительной подвижности большого пальца ноги, мне бросилось в глаза <легкое сгибание предплюсневых суставов>^{3*}, происшедшее, вероятно, вследствие постоянного упражнения и неупотребления обуви. При сидячем положении угол, составленный линией <горизонтали>^{4*} и плоскостью подошвы, <был> 45°, и он, кажется, бывал иногда еще того меньше, как, например, при влезании на деревья, восхождении по лестнице, когда вся тяжесть тела лежала на одной ноге.

О папуа-малайской помеси

Во время моего пребывания на о. Кильвару в продолжение месяца я имел возможность наблюдать результаты скрещиваний между малайцами и папуасами.

Я желал установить^{5*} антропологический *habitus* продуктов смешения обеих рас, имея главным образом в виду форму черепа и характер волос.

Для того чтобы исследовать матерьял, не подлежащий ни малейшему сомнению, я ограничил мои наблюдения только на тех детях, которых отцов и матерей я мог видеть.

Приложенные портреты², которые я при этом сделал, особенно интересны своим разнообразием и составляют прекрасную иллюстрацию результатов, которые я могу передать здесь в следующих положениях.

Во-первых. Помесь представляет, рядом со значительным разнообразием физиономий и внешнего *habitus*'а, в большинстве случаев ясно выраженный папуасский тип*. Хотя у некоторых он нисколько не проявлялся.

Во-вторых. Хотя локоны у некоторых представляли очень мелкие спирали, но весьма немногие имели папуаобразные волосы.

В-третьих. Встретились дети чистокровной папуаски и отца-малайца, которые имели совершенно прямые^{6*} волосы.

* Тот же перевес со стороны более темной расы встречается также у помеси между негром-отцом и яванкою-матерью; в их детях преобладает негритянский тип, но рядом с очень темною кожею, негроподобными чертами лица, волосами почти что негров форма головы была (в двух случаях) брахицефальная, т. е. малайская.

На этот случай, так как мне он показался особенно важным, я обратил специальное внимание. Мать одного такого человека была папуаская женщина с берега Папуа-Оним и имела очень характеристичные папуасские волосы, так называемые («chevelure à grains de poivre»)^{7*} и весьма долихоцефальную голову; ее сын имел, как и отец, совершенно прямые волосы и брахицефальную голову, между тем лицо не представляло ни папуасский и ни малайский тип.

В-четвертых. Помесь имела преимущественно брахицефальную голову; индекс ширины их вариировал между 80,4—93,7*.

В-пятых. Цвет кожи, который вследствие большого разнообразия ⟨у⟩ папуасов** и малайцев в этом отношении не представляет особенно важный характер, был вообще темнее, чем у малайцев.

В-шестых. Физиономии помеси представлялись для европейского глаза более красивыми, чем физиономии папуасов или малайцев; выражение более интеллигентно³, более живое, чем у чистокровных малайских детей.

Матерьял, послуживший для этих наблюдений, были дети серамских отцов и папуасских матерей.

1* В рукописи: Керуру.

2* Оставлено пустое место для примечания.

3* В оригинале оставлено место для семи-восьми слов.

4* В оригинале оставлено место для одного слова.

5* Было: Вопрос, который я старался решить.

6* Было: гладкие.

7* В оригинале оставлено место для двух-трех слов.

Список некоторых слов диалектов папуасов Берега Папуа-Ковиай на Новой Гвинее

Во время моего пребывания на *Папуа-Ковиай* (юго-восточное побережье Новой Гвинее) в 1874 г. я составил краткий список слов нескольких диалектов этого побережья. На этом побережье от п-ова *Ку-мава* (или *Оранже-Нассау*) до *Тандионг-Буру* (к югу от *Лакайи*) говорят

* Большое преобладание брахицефальной формы зависит, вероятно, отчасти от обстоятельства, что исследованный матерьял был собран наблюдениями над детьми.

** На Берегу Ковиай я встретил многих, которых цвет кожи был темнее № 30 таблицы Брока.

на 5 диалектах. 1-й диалект используется туземцами, живущими по реке *Каруффа*, в *Телок-Камрау* и *Телок-Бигару*; на 2-ом — говорят жители островов *Ади*, *Наматоте*, *Мавара*, *Айдума*, *Каю-Мера*; на 3-ем — люди *Телок-Лакайя* и *Телок-Кируру*. Горные народны *майраси* (на *Ламансиери*) и *вуаусирау* (на *Камака-Валлар*) имеют каждый свой диалект.

Я даю далее собранный мною маленький словарь, составляющий дополнение к списку слов *Саломона Мюллера**, записанных в той же местности, чтобы избавить тех, кто последует за нами, от необходимости еще раз положить основание подобному словарю и главным образом в надежде увидеть, что сбереженные таким образом труд и время будут употреблены на новые и ценные исследования и наблюдения в этой интересной местности...

* *Müller Salomon*. Reizen en onderzoekingen in den Indischen Archipel in de jaaren 1828 en 1836. D. 1. The Hague. 1857. Bl. 113¹.

			Серам		Папуа-Ковний			
					Диалекты			
			<i>Кефринг, Гессир, Кильвару, Кварус</i>	<i>Наматоме, Мавара, Айдуна, Кяю-Мера</i>	<i>буусира</i> ² на Камака-Валлар	района <i>Телок-Лакайя</i> и <i>Телок-Кируру</i> ³		
			1	2	3	4	(5)	
			(0)					
1.	Солнце	матахари	ола	оро матавути	унгуру	ая	яу бурава	
2.	Луна	булан	улан	вуран	ангане	бура	—	
3.	Звезда	бинган	витувин; wítuan	ом-ома	умбури; onbugi	мавена	имару	
4.	Земля	тана	енара	таноме; tanome	манса	имуа	тири	
5.	Вода	айер	ар; аги	валар; wallar	кай	мура	ми	
6.	Река	сунгей, кали	арсинул	валар бисуера; wallar bisueta	кай инеме	йода	ми ап	
7.	Дождь	улан	уран	омо	яму	гефа	кее	
8.	Ветер	ангин	ангин	лоу; lau	мабо	ора	кемуру	
9.	Огонь	апи	афира	лаби	иворо	усиа	ута	
10.	Утро	баги-харп	салелетан, олар	синенера	коа	евакера	каймагочоко	
11.	Полдень	стенга-харп	ран рани ⁴ олар катото	оро насусар	тенда мундуга; tenda mundua	айбоа	—	
12.	Вечер	соре	олар галига	оро тринги	тенда сусугат	бурава	—	
13.	Ночь	малам	олар насун	момат	вусей	свова, евофа	—	
14.	Свет	транс	масир	берей тоунай	наймыгоменай, наймыгомынай	ая	—	
15.	Темнота	глан	гарагаран	миру момат	наму выеми	евофа, еиа; ewowa	буга	
16.	Гора	гуну	укара	вурор	вара	бугура	—	
17.	* Дерево	похоп	кайуригье	айваара	утамба	усиа ⁵	—	
18.	Человек (♂)	оран лаки лаки	уранаса	мурвана	татуробу	одазира; odacira	—	
19.	Женщина	оран парам пуван	вавинаса	мервине	евей	яма	—	
20.	Дитя	анак	анакоча	намгути	тато	ябуна	—	
21.	Отец	бапа	баба	яй	нани	яя	—	

Продолжение					
		Серам	Папуа-Ковнай		
		Диалекты			
		Кеффине, Гессир, Кильвару, Кеаус	Наматоте, Маавара, Айдума, Каю-Мера	бундусирау на Камака-Валлар	района Телок-Лакатя и Телок-Кируру
		1	2	3	4
		(0)			(5)
	по-малайски				
	йбу, ама	нина	нена	ая	ина
22.	Мать	анак лаки лаки	—	—	—
23.	*Сын	анак парам пуван	—	—	—
24.	*Дочь	судара лаки лаки	науа	канонбай	ассиа; asia
25.	Брат	судара парам	йонгу	оменано	науа ⁶
26.	Сестра	пуван	—	инабламбау	—
27.	* Муж	сувами	—	инабу	яму
28.	*Жена	бини	уму	котера	увау
29.	Голова	капала	уму	котенасур	ууга; ивица ⁸
30.	Волоса	рамбут	многбуру	обиагу	маната
31.	Глаза	мата телинга	мататунгу	обиагу	явана
32.	Уши	телинга	трингангу; zingangu	обиру	явача
33.	Нос	хидонг	исонини	омби	омома; опопа
34.	*Щеки	пипи	фафор	ваолва	тарича
35.	Рот	мулут	иваионгу	омасо	ифа
36.	Зубы	или	урионгу	орас	ифа ¹⁰
37.	Язык	лида	звигутионгу ⁹	онсаби	мара
38.	Шея	лейер	гаренонгу	матугамбу	умна
39.	Грудь	дада	пингонгу	онсину	биа

39а.	*У женщин	сусу	сусура	сусу	уоту	ава
40.	Спина	блаканг	фарукоинини, котонанини	йосионгу	ототу	бурунемуа
41.	Живот	прут	итонини	амбунонгу	—	енна
41а.	Пуп	пусат	фусалонини	вусурионгу; fusuriongu	ендуму	—
42.	*Задница	пантат	лосоконини	вионгу	онео	—
43.	Мужской уд	—	утира, утини	утингу	каталаси	— ¹¹
44.	Влагалище	—	фукира, факра ¹²	вииму	вум	— ¹¹
45.	Apm ¹³	танган	имара	сисионгу	уаду	уруа; esutua
45а.	*Hand ¹³	танган	имара	нимангу	уаду	уруа; esutua
46.	Пальцы	—	имаранранг; imatangrang	ниманг сисоро	орованда	мана
47.	Ногти	—	имакаслидиро; imakasligiro	ниманг ленси	касабура	ефика
48.	*Schenkel ¹³	—	икефар <было: фаро>	феланго	—	—
49.	Кровь	дара	рара	рара	исер	ифа
50.	Колено	лутут	икеуку	ангуу	вуамбору woambogo	инифа
51.	*Икра	—	<зачеркнуто: нибосаго>	—	—	—
52.	Ногти	каки	икенанини, икера	янглервету; jonglerwetu	онереб	имыка
53.	*Длинный	нандьян	палас	маравус	канган	икеа, укуфа
54.	Большой	—	бобак	нбети	кабуар; kavian	укуфа
55.	*Короткий	педеле	тук-тук	томботу	кунси	судуа
56.	Малый	—	ота ота, псуин псуин/туин туин	нийтоу	каятгу	судуа

Продолжение						
	по-малайски	Серам	Папуа-Ковнай			
		Диалекты				
		<i>Кефринг, Гессир, Кильвару, Кваус</i>	<i>Наматоте, Маара, Айдуна, Каю-Мера</i>	<i>вудусиру</i> на Камака-Валлар	района <i>Телок-Лакайя</i> и <i>Телок-Кируу</i>	
	⟨0⟩	1	2	3	4	⟨5⟩
57. Красный	—	мерамера; mega	ваамбату; waapbatu	вита	енема	—
58. Белый	—	мафуги; maputi	раату	каарабур	тайсия	—
59. Черный	итам	метаметан	мастан; metan	казаб	варофа ¹⁴	—
60. Зеленый	бира	биру-биру; bigoe ¹⁵	биру-биру; bigoe ¹⁵	кингуне	ефия	—
61. Красивый ¹⁶	—	бабан, гефин	негесбу; negesti	панси	амаремиве	—
62. Добрый	—	гефин	—	—	амаремиве	—
63. Железо	беси	муму мура; mupupuge	синёра	каа	бурусна	—
64. Дерево	—	каира; kajeta	аю	уу	—	—
65. Кокос	ниуро	ниу	обо	вуина	—	—
66. Саговое дерево	—	кела	анаурити, анаврити ¹⁷	вете	ама	—
67. *Саго	—	байре, суата	ана	вете	ама	—
68. Бамбук	—	каравату	аравату	каравату	ифа	—
69. *Ротанг	—	арара	—	—	кема	—
70. Масой ¹⁸	—	айкорара	масой	масой	сариака	—
71. Табак	—	табакура	тобаку	тамбаку	—	—
72. Сахарный тростник	—	тоура	тобу	мей	монифа	—

73.	Бана	—	фудира	фунди	вети	ова
74.	<i>Свинья</i>	—	бойра; buga	бой	вембе	уфа
75.	Собака	—	кафуна	авуна	анси	ивора
76.	Рыба	—	йкана	донди	куруту	нема
77.	*Краб	—	карака	краа	каранге	—
78.	Черепаша	—	фенура	сарам, фену ¹⁹	сааб	равса
79.	Змея	—	тетис; etis	арой	амбере	ирива
80.	*Крокодил	буа	войра	метавати	метавати	мямма
81.	Хижина	—	румара	сарин	вата	яфа
82.	Пирого	—	анга	бери; begi-begi	ера	бига
83.	Весло	—	восара	воса	отом	боа
84.	Лук	п(?)рана	усура	суа	усема	амуно
85.	Стрела	—	ваунука	лар-ай	йору	берса
86.	Копье	—	казуари-рури, оки ²⁰ , kasoatigiri	ирао	вусри	—
87.	Нож	—	туриго	тури	тури; tute	—
88.	Паранг	—	педара	бейнда	парай	—
89.	Острый	тадьам	матари	манган	манга	—
90.	Браслет	—	тукера тикерара; tukera tikekera	тиса	яме, соинду вату ²¹	—
91.	* Барабан	—	тивала	тива	кебеё	—
92.	Купить	—	акуфас	могури	мангуриан ²²	—
93.	Продать	—	акутанак	исюберо; isubera	кейсумба	—
94.	Красть	панчури	факалеус	уареус	вангата	—
95.	Трусить	такото	матаку	матату	инниан	—
96.	Сидеть	—	маторан	томаторан	иомеран	—
97.	Стоять	—	марири	томарири	исемой	—
98.	Лежать	баран бар	луслусура, луслусора	баменан	тебиан	—

Продолжение					
	по-малайски	Серам	Папуа-Новый		
			Диалекты		
			<i>Кефринг, Гессир, Кильвару, Кварс</i>	<i>Наматоте, Магара, Аидуа, Каю-Мера</i>	<i>эурусирару на Камака-Валлар</i>
	<i><0></i>	1	2	3	4
99..	Спать	кефит	муснан, моенан	тебиан	—
100 ²³ .	Бежать	фалару	брату	сороган	—
101.	Идти	таги	мтанги	осоран	—
102.	Говорить	саби	байбел	фаварифи; fawarigi	—
103.	Петь	давинаман	боалалу	севом	—
104.	*Бить	сибукут	буну	ангумнай	—
105.	* Плясать	дасула	—	—	—
106.	Быть голодным	матавитигиль; matawigiil	битиль вуоле; biŋilwuoŋe	—	—
107.	*Хотеть пить	мангалан	—	—	—
108.	Есть	кафанга	мауа	аму	—
109.	Пить	дину	маину	амувару	—
110.	*Благодарю	—	—	—	—
111.	Да	най ивариа; mai iwaŋia	мсаа негеви	нант	—
112.	Нет	найте	марате	каеру	—
113.	Болен	масингат; mapiŋgat	саит	вуанги	—
114.	Умер	намата	наматороа	намаюа	—

115.	1	сагу	са	самоси	танау	онарава	—
116.	2	дуа	роти	руейти	амой	абома	—
117.	3	тига	толо	тору	кариа	торуа	—
118.	4	ампат	фаат	фаат	айвера	фаат	—
119.	5	мима	лим	рим	иворо	рим	—
120.	6	анам	онам	рим самоси;	ивор танау	рим онарава ²⁴	—
121.	7	тулжо	фиту	rim samoti	iwor tapao	рим абома ²⁴	—
122.	8	деланан	алу	рим руени;	ивор амой	рим абома ²⁴	—
123.	9	симбилам	сиа	rim ruciti	ивор кариа	рим торуа ²⁴	—
124.	10	сапулу	отча ²⁶	рим баг ²⁵	ивор айвера	рим фаат ²⁴	—
125.	11	сапулу сагу	отча ²⁶	футца; futsa	токи тани	—	—
126.	12	сапулу дуа	отча реси касай	футца самоси;	токи тани	—	—
127.	20	дуа пулу	отча реси роти	futsa samosi	нятаре танау	—	—
128.	21	дуа пулу сагу	утру	футца руейти;	токи тани амой	—	—
129.	100	сератус	утру реси касай	futsa ruciti	токи амой	—	—
130.	1000	серибус	рагча	амбутуети	—	—	—
			ригунсу	абмугуети самоси	рагу танау;	—	—
				ратся	ratu tapao	—	—
				рибунса	—	—	—

ЮЖНЫЙ БЕРЕГ НОВОЙ ГВИНЕИ И ОСТРОВА ТОРРЕСОВА ПРОЛИВА

Несколько слов о так называемой «желтой расе» на юго-востоке Новой Гвинеи

Несколько времени тому назад в Сиднее мне представился случай увидеть двух представителей так называемой «желтой расы» из юго-восточной части Новой Гвинеи.

Один был юноша из *Ануапата* (Порт-Морсби) на восточном берегу большого Папуасского залива; другой — молодой человек

с о. *Бухилари* (пролив Морсби) на юго-восточной оконечности Новой Гвинеи.

Обоих индивидов я подробно рассмотрел, отметил некоторые размеры и заказал с каждого 5 фотографических снимков. Я намерен выслать вам довольно подробное описание этих людей, что, однако, сейчас мне кажется ненужным, так как во время предстоящей мне поездки я посетю родину этих людей и составлю более правильное мнение об этой расе, чем сейчас, когда я только знаком с двумя ее представителями.

Причина же, почему я вам выслал фотографии и обещал прислать соответствующий текст, заключается в том, что я очень сомневаюсь в существовании «желтой малайской расы», обнаруженной различными миссионерами и натуралистами-коллекционерами в юго-восточной части Новой Гвинеи.

Два представителя этой «малайской» расы, появившиеся в Сиднее, которых я, как я уже сказал, подробно осмотрел, по моему мнению не имеют ни малейшей примеси малайской крови¹.

Остальное об этом вопросе — после того, как я сам увижу эту страну и этих людей.

Деформирование черепа у новорожденных детей на о. Мабиак и других островах Торрессова пролива и у женщин юго-восточного полуострова Новой Гвинеи

В апреле 1880 г. при посещении островов Торрессова пролива я имел возможность видеть на Мабиаке интересную операцию, производимую над головами новорожденных детей. В первые недели после рождения ребенка матери по обычаю проводят много часов в продолжение дня, сдавливая головы своих младенцев в определенном направлении с целью придать им совершенно коническую форму. Я видел, как это совершалось ежедневно и над многими детьми, и убедился, что деформация, которую можно заметить у взрослых, является результатом только этого деформирования *при помощи рук*.

Это наблюдение представляло для меня особый интерес, так как я помнил, что читал много лет назад мнение знаменитого биолога и антрополога К. Э. фон Бэра, члена Императорской Академии наук в С.-Петербурге, который не хотел верить, что давление рук может оказывать такое воздействие на череп (см. *Baer K. E. von. Ueber Papuas und Alfuren // Mémoires de l'Académie impériale des Sciences de St. Pétersbourg. 1859. 6-e série. T. VIII. P. 331*).

К. Э. фон Бэр выражает это мнение, анализируя информацию, сообщенную Дж. Мак-Гилливреем (*MacGillivray J. Narrative of the Voyage on H. M. S. Rattlesnake. London. 1852. Vol. 1. P. 189*)¹. Он полагает, что наблюдения Мак-Гилливрея, видевшего тоже упомянутое выше деформирование (черепа) при помощи рук, совершавшееся над детьми на (полуострове) Кейп-Йорк, недостаточно точны. Вспоминая об этом споре, я старался принять решение по спорному вопросу и теперь, после тщательного исследования, измерений и расспросов, думаю, что вопрос можно считать решенным и что информация, сообщенная Мак-Гилливреем о деформировании голов на (полуострове) Кейп-Йорк не была чрезмерно поспешной, а была точной. Насколько мне известно, это, возможно, единственный хорошо засвидетельствованный пример деформирования черепа при помощи давления *рук*.

Деформирование голов на Мабиаке является примером намеренного деформирования, совершаемого во имя своеобразного представления о красоте, но в деревне Бара-Бара на восточной оконечности Новой Гвинеи и в других деревнях южного побережья этого острова я имел возможность наблюдать многочисленные случаи непреднаме-

ренного деформирования голов взрослых женщин вследствие установившейся практики. Лица женского пола в этих частях Новой Гвинеи имеют обыкновение носить тяжелые грузы в больших мешках, тесьма которых служит вместо ручки и покоится на голове, несколько сзади от *sutura coronalis*. Так как очень молодые девушки вынуждены начинать помогать своим матерям по хозяйству, этот способ ношения тяжелых мешков приводит к образованию поперечного седлообразного вдавливания на голове, соответствующего передним частям *ossa parietalia*. Я обследовал с целью измерения указателя ширины черепа несколько сот женских голов* и среди них обнаружил несколько дюжин случаев хорошо выраженного поперечного вдавливания, упомянутого выше. У многих женщин старшего возраста большая часть вдавливания выражена очень сильно, и я обнаружил, что в некоторых случаях оно было не менее 3—4 мм. Я располагаю одним черепом из этих деревень южного побережья Новой Гвинеи, на котором описанная выше своеобразная бороздка хорошо выражена, и думаю, что эта приобретенная деформация черепа имеет значительные шансы передаваться в большей или меньшей степени от поколения к поколению наследственным путем² и поэтому еще более заслуживает того, чтобы о ней было сообщено. Более подробный отчет об этих случаях деформации черепа с измерениями и иллюстрациями можно найти в моем письме к берлинскому профессору Р. Вирхову (см.: Sitzungsberichte der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, 1881)³.

* Замужние женщины во многих частях Новой Гвинеи имеют привычку сбривать свои волосы и доставляют тем самым для биолога более подходящий объект для измерения черепа, чем мужчины с их пышной курчавой шевелюрой.

МИКРОНЕЗИЯ И МЕЛАНЕЗИЯ

Антропологические заметки, собранные во время путешествия в Западную Микронезию и Северную Меланезию в 1876 г.

Профессору д-ру Р. Вирхову,
председателю Общества антропологии,
этнологии и первобытной истории

Высокочтимый господин профессор!

время моего путешествия этого года на острова западной части Тихого океана я производил некоторые антропологические исследования, основные результаты которых я высылаю вам, согласно моему обещанию.

Я посетил в Западной Микронезии о. Яп, архипелаг Пелау, группу Ниниго (на карте Эшикье)*, в Северной Меланезии о. Тауи (о. Адмиралтейства)² и группу Агомес (группа Хермит); по пути проехал группы Пеган (Давид), Аурупик, Могмуг (которые называются также Улити, или группой Маккензи) и Улеаи (Волеа).

* Вайц-Герланд (*Waitz Th. Anthropologie der Naturvölker. Th. 6. Fortgesetzt von G. Gerland. Leipzig, 1872. S. 519*), следуя Бугенвилю, Шахматные острова (Эшикье) объявили необитаемыми, на этнографической карте эта группа отнесена к Меланезии. Я обнаружил, что острова Ниниго заселены, и притом микронезийцами. Ближайшие острова Агомес (Хермит) и Каниес (Анахорет), как я убедился, имеют меланезийское население (см. по этому вопросу мои письма в «Известия» имп. Русского географического общества за 1877 г.)¹.

Так как пребывание на отдельных островах было очень непродолжительно, а я хотел получить точные результаты, основанные на достаточном количестве наблюдений, программу исследований пришлось значительно сократить. Кроме ограниченного времени, на некоторых островах (на Тауи и Агомес) боязливость туземцев, которым редко приходится иметь дело с европейцами, была такова, что вообще было произведено только несколько измерений; пробужденное недоверие или нетерпение отпугивали этих людей от всех подобных манипуляций.

Сожалая, что сделал столь немного, я могу только заметить, что это немногое собиралось и наблюдалось добросовестно.

Вследствие того, что наблюдения (измерения) пришлось ограничить, на первый план были выдвинуты измерения головы. Этим последним я тем более уделил свое внимание, что до настоящего времени *⟨мною⟩* собирался и частично обрабатывался преимущественно краниологический материал соседних островов (Филиппин и Новой Гвинеи).

Измерения головы на живых, людях, которые, начиная с 1873 г.^{*}, после того как я убедился в их пригодности (т. е. в их сравнительно достаточ-

* В 1873 г. на пути из Тернате в Гонконг императорский русский клипер «Изумруд», на котором я в то время находился, посетил Филиппины (*⟨о.⟩* Себу и Манилу). Я воспользовался этим обстоятельством, чтобы в горах Лимай (провинция Самбалес) посетить негритосов и по возможности ответить на вопрос, который мне был поставлен г. К. Э. Бэрм (являются ли негритосы Филиппинских островов брахицефалами?). Но так как за несколько дней получить черепа этих людей было невозможно, я попробовал искать выхода в том, чтобы измерить как можно точнее головы негритосов и позднее на секционном столе корректировать измерения головы относительно размеров черепа.

В то время у меня не было краниометра, но с помощью опытного столяра мне удалось сконструировать довольно примитивный *⟨прибор⟩*. Это был деревянный раздвижной инструмент, даже без делений, но совершенно достаточный, чтобы измерить ширину и длину головы. Полученные измерения 21 индивида (обоего пола) тут же переносились на лист бумаги и затем на борту определялись. Измерение головы было облегчено и становилось точнее вследствие обычая негритосов Лимай коротко состригать волосы на затылке. Вскоре благодаря любезности одного чиновника в Баланге я получил *несомненно подлинный* череп негритоса, индекс ширины которого (89,5) хорошо согласовался с пределами, найденными при измерении голов (87,5—90,0).

Несколько месяцев спустя я убедился путем точных измерений на двух трупах в морге тюремного госпиталя в Батавии в годности этого метода. Сперва точно измерялись диаметры головы и затем, после оголения костей *⟨черепа⟩*, эти же измерения были повторены на соответствующих местах. После определения индекса ширины оказалась необходима только *незначительная* поправка (книжку для записок с результатами проверки я оставил в Батавии вместе с вещами, и я не уверен, что по памяти смогу правильно написать эту поправку); на основании этих результатов я мог при дальнейших путешествиях продолжать свои измерения головы с полной

ном соответствии с размерами черепа), я не упускаю случая производить во время путешествий, обладают (в отношении индекса ширины) даже некоторыми преимуществами перед измерениями черепа: 1) мы имеем дело с безусловно подлинным материалом для исследования (его можно и видеть и оценить), 2) пол и возраст, хотя бы приблизительный, известны с полной достоверностью, 3) при соответствующем обхождении с туземцами материал, по желанию, может быть легко умножен.

Хотя в достоверности способа я не сомневался, все же я был приятно удивлен сообщением о ваших опытах в Гельсингфорсе, показавших, что при сравнении размеров головы и черепа они оказываются «в определенной зависимости между собой»*, и я мог спокойно продолжать измерения голов³. Действительно, этот опыт дал бы очень многое для антропологии, если бы указатель ширины являлся решающим признаком для классификации рас. Но, к сожалению, это одно из «*pia desiderata*»^{1*}, и предлагаемая заметка дает новое доказательство больших колебаний ширины черепа в пределах одного и того же племени.

Вместо описания *цвета кожи* в последующем приводятся ссылки на соответствующие номера таблицы г. Брока⁴, так как мне кажется, что правильное представление о цвете кожи может быть получено только тогда, когда цвет этот имеется перед глазами, а не тогда, когда читаешь только его описание, тем более что все выражения, как «шоколадно-коричневый», «оливковый», «черноватый» и т. п., могут вызывать гораздо менее определенные или индивидуально различающиеся представления.

уверенностью в их ценности. В Батавии я заказал обычный железный раздвижной инструмент, и во время моего второго путешествия на Новую Гвинею (1874) и поездки по Малайскому полуострову (1875), а также и теперь он сослужил мне хорошую службу.

Если даже от указателя ширины *не следует* ожидать решающего слова при классификации рас, он все же остается одним из главных измерений человеческого тела; потому и теперь, во время моего второго пребывания на Берегу Маклая (1876/77), я не упустил возможности измерить диаметр головы у более чем ста индивидов (мужского пола), чтобы наряду с правильным представлением о форме головы этих туземцев получить представление об индивидуальных колебаниях у них этих размеров. Не только благодаря известной осторожности и тренировке, даже при (пышных) волосах папуасов, можно было избежать всякой неточности, но этому также очень способствовал весьма распространенный в Меланезии обычай брить головы женщин и детей; так что, основываясь на 148 измерениях голов (обоих полов) и на обследовании 23 безусловно подлинных черепов, я, пожалуй, могу высказать довольно точное суждение о черепах папуасов Берега Маклая.

* Virchow R. Physische Anthropologie der Finnen // Zeitschrift für Anthropologie. 1874. Bd. 6. Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. Sitzung am 17. October 1874. S. 185 (стр. 21 отдельного оттиска).

В дальнейшем я *не* опускаю многих мелких случайных и как будто незначительных наблюдений и замечаний, которые многими путешественниками даже не упоминаются (ибо, по их мнению, это «мелочи, случайности», или потому, что они считают: «это смешно» или даже «непристойно (!) писать о чем-либо подобном», или еще потому, что некоторые наблюдатели совершенно не думали о «таких мелочах», а потому их и не заметили), так как я не имею подобного предубеждения и даже думаю, что подобные «мелочи» и «случайности» имеют свою ценность и при расширении антропологических знаний неожиданно могут обрести большое значение.

Так как это сообщение не притязает на то, чтобы быть чем-нибудь большим, чем извлечениями из моей записной книжки, я сохраню в последующем очередность наблюдений, в которой я их записал, и добавлю несколько поясняющих эскизов.

Западная Микронезия

Остров Ян

Туземцы называют свой остров *Буан, Ван* или также *Ян*; у жителей соседнего архипелага Пелау он известен под названием *Пелу-Лекоп**.

Рост жителей варьирует:

<i>У мужчин</i>	<i>У женщин</i>
(30)** 1500—1690 мм	(10) 1360—1485 мм

Как исключение среди сотен <островитян> нашелся только один, который в отношении других оказался «высоким» и толстым; это был один из вождей (Фоновей, пилун Корора). Его рост был 1760 мм.

Широтный указатель головы колебался:

<i>У мужчин</i>	<i>У женщин</i>
(30) 74,3—81,7	(11) 73,7—84,3

Головы имели определенную *наклонность к брахицефалии*: среди 30 мужчин только один имел широтный указатель менее 75,0 (74,3), напротив, пять — свыше 80,0; среди 11 женщин только одна имела широтный индекс менее 75,0 (73,7), а три — свыше 80,0.

Цвет кожи изменялся между светлыми № 21 и 30 и более темными № 28 и 43; женщины, которые долгое время не были под действием солнечных лучей, имели цвет кожи не темнее № 33. Действие солнечных лучей заметно также на мужчинах, хотя и не в такой степени, как

* *Пелу* означает остров.

** Цифры в скобках означают число сделанных измерений.

на женщинах, у которых даже в том случае, если обожженная солнцем спина имела цвет № 43, другие части тела — такие, как нижние стороны свешивающихся грудей или внутренние поверхности бедер, защищенные от внешних влияний плотной травяной юбкой, — нередко обнаруживали цвет № 33 и 45, в то время как на остальном теле, а также на лице встречались всевозможные переходы от темного № 43 к светлым № 21 и 23. По сравнению с женщинами мужчины обладают несколько более темной окраской кожи, но распространенной по телу более равномерно — отличие, которое без труда может быть объяснено образом жизни мужчин, проводящих больше времени на открытом воздухе.

Пигментация слизистой оболочки. Там, где наружная кожа переходит в слизистую оболочку, пигмент распространяется также и в слизистой оболочке, но только более или менее по краю ее; вообще же окраска слизистых оболочек не отличается от таковой у европейцев (ротовая полость, гортань, *conjunctiva* и т. п.); во всяком случае, я не мог заметить ярко выраженного различия. Пигментированный край слизистой оболочки можно хорошо разглядеть на губах, особенно на верхней губе. Пигментированная слизистая оболочка кажется темнее, чем наружная кожа, и для ее окраски я не нашел соответствующих номеров в шкале г. Брока. Слизистая оболочка малых половых губ у женщин почти темно-коричневая и очень темная по сравнению с коричневой окраской наружной кожи и светло-розовым цветом слизистой оболочки *fossa navicularis* и *vagina*.

Волосы, которые у обоих полов на о. Яп принято носить длинными, редко бывают прямые, в большинстве же случаев в различной степени вьющиеся. Так как они в день по несколько раз расчесываются большим гребнем, который туземцы здесь постоянно носят в волосах, как и папуасы, то не так легко определить вид и мягкость локонов; но у некоторых за ушами или на затылке иногда можно заметить более короткие локоны, которые случайно, один или несколько дней, остаются нерасчесанными, и тогда можно определить диаметр их завитков, который составляет не более 4—6 мм. Так как туземцев Япа нельзя отделять от жителей архипелага Пелау, а последних справедливо считают «папуасско-малайской смешанной расой»*, то наличие волос с такими *мелкими локонами* (курчавых) не может не иметь значения. Поэтому и так как люди, которые обладают подобными локонами, встречаются не столь редко, я даю точную копию такого локона (табл. I, рис. 1) в натуральную величину, отрезанного у самого корня**.

* *Semper C.* Die Philippinen und ihre Bewohner. Würzburg, 1869. S. 138, Anm.

** Наличие таких туго закрученных локонов вовсе не доказывает, что волосы на всей голове данного индивида, если их не расчесывать, должны собираться в такие же локоны; этого не происходит, иначе пришлось бы островам Япа также называть

Тело отдельных индивидов (мужского пола) сильно покрыто волосами, и не только на ногах (на которых имеется растительность у всех взрослых мужчин), но волосы обильно растут на груди, на животе (вдоль средней линии тела) и нередко образуют полосу, начинающуюся от шеи и проходящую по всей спине.

Обволошенность всего лба (табл. I, рис. 2, 3, 4) встречается также нередко. В этом отношении я обнаружил 4 прекрасных экземпляра; 3 из них были девушки, из которых две достигли половой зрелости; третья была в возрасте 10—11 лет, как и мальчик, у которого лоб был полностью покрыт желтоватыми (белесоватыми) волосами. Длина волос на лбу варьировала между 3—23 мм; только у одной девушки я заметил над корнем носа, на средней линии лба, треугольный безволосый участок, которого у других не было.

При этих наблюдениях я мог снова подтвердить правильность прежде сделанного замечания*, что при обволошенности *всего* лба расположение волос на нем почти в каждом случае будет *различно*. Это обстоятельство поясняет также различие в форме лба (на приложенных рисунках это отчетливо выражено).

Обратив внимание на *ширину palpebra tertia* у сакаев Малайского полуострова**, я повсюду наблюдал глаза туземцев; *plica semilunaris*⁵ оказалась индивидуально различной ширины (нередко 4—5 мм) и значительно прозрачной. Этот рудимент, кажется, достигает у различных рас относительно большой величины; утверждают, что у негров и австралийцев он больше, чем у европейцев***; я нашел, что у меланезийцев (папуасов Новой Гвинеи и сакаев Малайского полуострова) и микронезийцев (о. Яп и архипелаг Пелау) он значительно больше (шире в 2—3 раза), чем у средних европейцев.

Косое расположение глаз я наблюдал два раза, в обоих случаях у девочек.

«курчавыми». Это наблюдение можно объяснить тем, что, так же как на теле, где завитки локонов волос не одинаковы по величине (сравните волосы на голове с таковыми подмышками и в срамной области), так же и локоны различных областей головы будут закручены *иногда уже, а иногда шире*; во всяком случае, пределы этого различия в диаметре колец на самой голове будут невелики. Каждый, кто обладает вьющимися волосами, может подтвердить это явление на собственной голове.

* Miklucbo-Maclay N. Meine zweite Excursion nach Neu-Guinea (1874) // Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch Indië. 1876. D. 36. S. 148—179. (см. с. 179 наст. тома).

** Miklucbo-Maclay N. Ethnologische Excursionen in der Malayischen Halbinsel (Nov. 1874—Oct. 1875) // Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch Indië. 1876. D. 36. S. 3—26. (см. т. 4 наст. изд.). См. также: Zeitschrift für Ethnologie, 1876. Bd. 8. S. 226.

*** Darwin Ch. Die Abstammung des Menschen und die geschlechtliche Zuchtwahl. Uebersetzt von J. V. Carus. Stuttgart, 1871. Bd. 1. S. 19, Anm. Приводится на основании данных К. Форста (Vogt C. Vorlesungen über den Menschen. Giessen, 1863. Bd. 1. S. 162).

Грудь с перетянутой ареольной частью*. У девушек приблизительно 15—20 лет, которые еще не рожали детей, я видел особенную форму грудей, о чем я уже упоминал в другом месте**. Ареольная часть отделяется перетяжкой от сравнительно упругой (девической) мамма. Приложенный рисунок (табл. II, рис. 2) представляет эту особенность, которую я видел и у папуасских девушек на Новой Гвинее, а также у молодых полинезийцев (Самоа). Асимметричное развитие грудей, которое вообще нередко, в данном случае является почти правилом; я всегда видел, что перетяжка на одной груди глубже, чем на другой.

В отшнурованной части груди грудная железа легко прощупывалась. Это состояние можно наблюдать не у всех девушек, но оно встречается в более или менее выраженном виде нередко; мне показалось также, что оно не находится в прямой связи с периодами половой жизни (менструация, беременность), но все же я думаю, что при повторной лактации перетяжка исчезает, так как у более старых женщин я никогда не видел такой формы грудей.

Помощь при родах. Беременным женщинам приблизительно за 1 месяц до родов в устье матки*** вводят свернутые листья (растение мне не могли показать, так как оно не везде растет на Япе), которые все время сменяют на новые, более толстые свертки. Они предназначены для устья матки (действуя в виде бужа ламинария), чтобы сделать роды более безболезненными.

Роды происходят на корточках или в полусидячем, полулежащем положении, причем роженица прислоняется к другой женщине.

«Андовек», или расплющивание носа. Новорожденным в течение первого месяца расплющивают носы, что делает рукой, нагретой над огнем, «сама» мать или какая-либо другая женщина. Цель заключается в том, чтобы сделать нос плоским (т. е. красивым), и давление производится *так сильно*, что ребенок во время операции громко кричит. Эта операция на Япе называется «андовек». Кроме того, здесь но-

* Форма этих грудей мало соответствует обозначению «*mamelles piriformes*» («грушевидные груди») французских антропологов (см. Broca P. Instructions générales pour les recherches anthropologiques. Paris, 1865. P. 61).

** См. уже упомянутое мною сообщение о второй поездке на Новую Гвинею в 1874 г.

*** Так как при разговоре об этом обычае невозможно было употреблять никаких анатомических названий, трудно было убедиться, вводятся ли свернутые листья в *vagina* (с какой-либо другой целью, чем расширение) или в устье матки, я предложил женщине, которую об этом расспрашивал (с помощью переводчика!) сделать сверток из любых листьев, но точно такой величины, как тот, который вводят первоначально в подлежащий определению канал. Незначительная толщина сделанного свертка, которая определенно не соответствовала размерам *vagina*, и сообщение (которое я услышал позднее), что сверток листьев действует *только механически*, не оставили никаких сомнений, что он служит для расширения *orificium uteri*.

ворожденных в течение первого месяца сильно трут и легко, но часто тянут их члены, чтобы сделать тело ребенка сильным.

Прободение *septum narium* производится у маленьких детей заостренным куском скорлупы кокосового ореха.

Архипелаг Пелау

Туземцы архипелага Пелау по своему физико-антропологическому облику не отличаются от жителей о. Яп и вообще от западных микронезийцев (которых я видел). Если же хотеть непременно найти различие, то в качестве главной основы может служить несколько более крепкое телосложение и незначительно более темная окраска первых, но даже и эти два признака годны только при сравнении с жителями о. Яп, так как жители Улеаи не менее крепки, чем жители Пелау, и не светлее, чем они; жители Ниниго значительно темнее. Сравнение волосяного покрова и измерение черепов не дают никаких доказательств для такого, во всяком случае искусственного, разделения. Если же отмечают папуасскую примесь у жителей островов Пелау (Земпер), в то время как остальных микронезийцев считают несмешанной расой (Герланд), чтобы этим попытаться доказать разницу, то я, со своей стороны, могу заметить следующее.

Если даже объективное рассмотрение физического типа туземцев Пелау скорее может представить данные *за* папуасскую примесь, чем *против* нее, то это смешение произошло *так давно*, что они давно уже превратились в *однородную* расу, чей образ жизни, обычаи и «психический» уклад стали полностью микронезийскими⁶. Вопрос, можно ли у них обнаружить следы *меланезийского* влияния, я, разумеется, не мог даже затрагивать вследствие моего короткого пребывания и незнания языка.

Рост колебался:

у мужчин	у женщин
(25) 1520—1720 мм	(12) 1450—1590 мм

Индекс ширины головы варьировал:

у мужчин	у женщин
(25) 71,4—83,5	(12) 75,0—81,6

Индекс ширины головы у измеренных индивидов составляет следующие величины:

среди 25 мужчин 4*	имели указатель ниже	75,0;	8 —	свыше	80,0		
12 женщин 0	»	»	»	75,0;	1 —	»	80,0

* Указатели ширины головы у этих четырех мужчин были: 74,8; 74,8; 74,1; 74,4.

У одного из мужчин был указатель ширины, равный 87,8. Так как он далеко отклоняется от большинства, я привожу этот случай скорее как исключение, которое все же указывает на значительную *склонность к брахицефалии*.

Цвет кожи обнаружил пределы:

№№ 21, 30 и № 43 (таблицы Брока)

Здесь, как и на Япе, часто наблюдается у одного и того же индивида (особенно у женщин) *значительная разница в окраске кожи различных частей тела* и так же, как там, я видел *palpebra tertia* *значительной ширины* и нередко *лоб, полностью покрытый волосами*. Эти особенности характерны для всей расы, но не только для нее, так как встречаются также у меланезийцев и у других.

Оба пола носят длинные волосы, которые на затылке завязываются узлом. Когда у мужчин волосы еще не доросли, чтобы быть завязанными в такой узел, и если они завиты в локоны (или *курчавы*) и к тому же расчесаны, то сильно похожи на прически папуасов. Прямые волосы также встречаются, но в большинстве случаев волосы в различной степени выются локонами. Чтобы создать себе представление о частоте случаев различных форм волос, я наблюдал внимательно волосы 20 мужчин, которые однажды случайно стояли вокруг меня: 4 имели *прямые* волосы, 7 — *вьющиеся* (bouclé) и 9 — более или менее *курчавы* (frisé)*. Которые, как уже сказано, если расчесаны и рассматриваются *не* очень близко, мало отличаются от расчесанных волос папуасов.

Бороду носят редко; в большинстве случаев волосы на лице мужчинами вырываются, но не подмышками и не на половых частях; женщины же вырывают именно их.

Продольные складки на спинке носа. О расплющивании носа, как на о. Яп, я здесь не слышал, но нос и без этого такой плоский (табл. II, рис. 3—4), что нередко на широкой (плоской) спинке его можно заметить *продольные складки*. Я считаю это обстоятельство таким характерным, что посылаю рисунок такого носа на прилагаемой таблице (табл. II, рис. 1). Во время смеха, при обнюхивании, при выражении неудовольствия и т. п. они ясно выступают, и даже при спокойном выражении лица они заметны как тонкие линии.

Просверливание носовой перегородки практикуется еще очень часто, хотя исключения уже встречаются.

Татуировка у островитян Пелау значительно скромнее, чем у жителей Япа, где сейчас также далеко не все мужчины татуированы,

* Я употребляю выражения «вьющиеся» и «курчавые» в соответствии с определением в «Instructions générales pour les recherches anthropologiques» (с. 57), хотя и не нахожу их достаточно точными.

как было, во всяком случае, в прежние времена. В качестве причины того, почему туземцы Пелау мало себя татуируют, мне называли частые заболевания и даже смертельные случаи, происходившие вследствие сильной татуировки. Подобных жалоб я не слышал ни на Япе, ни на Самоа, где туземцы также сильно татуируются; о серьезных заболеваниях и даже смертельных случаях вследствие татуировки там говорили как об очень редком исключении. Но так как жители Пелау большие любители татуировать себя и очень восхищаются богатой татуировкой (такой, как на Япе, Улеаи и т. д.) и так как их конституция отнюдь не может быть названа слабой в сравнении с конституцией других островитян (например, Япа), то здесь действительно, кажется, налицо случай идиосинкразии.

Татуировка женщин. Женщины на Пелау более татуированы, чем мужчины. <У взрослых женщин> кисти рук^{2*} на дорсальной стороне, руки до половины плеча, преимущественно на наружной стороне, и *mons Veneris* покрыты почти непрерывной татуировкой (т. е. нет отдельных фигур, арабесков и т. д.) (табл. II, рис. 5), тогда как на наружной стороне ног от *trochanter major* до *malleolus externus* вытатуированы целые ряды крестов, звезд, точек, простых и зигзагообразных линий. Татуировка *mons Veneris* производится только после наступления менструаций. Также и передние наружные части больших срамных губ оказываются татуированными. Татуировка этих частей тела является причиной, почему волосы здесь женщинами выщипываются. Татуировка *mons Veneris*, хотя и очень болезненна, выполняется, как мне говорили, за один вечер. Когда я захотел видеть татуировку и попросил несколько девушек одновременно снять их «кариут» (юбка, сделанная из листьев пандануса)*, я вспомнил, что вы говорили (протокол заседания от 15 июня 1872 г.) о голом татуированном теле сулиота Костанти: «Чувство стыда ни в какой мере не возникает от взгляда»⁷. На первый взгляд мне показалось, что девушки носят на *mons Veneris* треугольный кусок синей материи.

* Эти девушки, убедившись, что ни один мужчина не может нас видеть, совершенно перестали церемониться и повиновались моим словам. Кажется также, что при обнажении половых органов (при некоторых положениях тела) у жителей Пелау совершенно не возникает чувства собственно стыда. Я часто видел среди дня совсем голых мужчин, которые работали или ходили вокруг, не беспокоясь о проходящих. Но у всех длинный *graecutium* покрывал головку члена; мне сказали, что только когда видна *glans penis*, ходить непокрытым будет «могуль» («табу» у полинезийцев); последнее же состояние *praeputium*, как я слышал, бывает не часто.

*Архипелаг Ниниго
(Эшикье, или группа Шахматных островов на карте)*

Этот архипелаг, находящийся почти в пределах Меланезии, как я убедился, имеет *микронезийское* население.

Вследствие «плохого» обращения со стороны капитанов европейских и американских торговых судов (похищение людей и всё с этим связанное), которые, хотя и редко, но посещают эту группу островов и образ действий которых и теперь остается неизменным, туземцы стали настолько пугливы, что при виде приближающегося паруса они быстро покидают свои деревни на ближайших островах, чтобы спастись бегством на более отдаленных*, куда корабли не могут проникнуть из-за рифов. Это было причиной, почему я на островах (где находился 4 дня), хотя и посетил несколько покинутых деревень, но видел только *одного* туземца и даже этот был приведен на борт корабля скорее случайно. Однако на других островах, которые я посетил раньше и куда были перевезены или оставлены³* бесстыдно похищенные островитяне с Ниниго, я получил возможность видеть несколько мужчин и женщин с этой группы**. Хотя число этих случайно встреченных людей (5 мужчин и 4 женщины) незначительно, оно мне кажется все-таки достаточным, чтобы быть вправе сделать вывод о том, к какой расе они принадлежат. То обстоятельство, что встреченные мною люди были привезены в разное время, различными кораблями, а потому и с разных островов архипелага Ниниго, дает мне уверенность, что справедлив вывод о том, что *все* население архипелага Ниниго принадлежит к микронезийцам.

По наружности островитяне с Ниниго так мало отличаются от остальных микронезийцев, что когда мне в Короре (Пелау) сказали, что в группе женщин, которые работали недалеко от места, где я находился, имеются женщины с Ниниго, я при всем желании *не* мог их отличить от женщин Пелау.

* Около 57 островов (может быть, даже больше) различной величины, связанные рифами, образуют широко, но неравномерно распространенную группу.

** На о. Яп я видел *одного* туземца с Ниниго, который был привезен тредором (торговый агент, производящий меновую торговлю с туземцами), жившим прежде на островах Агомес (острова Хермит); *двух других* я встретил также на Япе на борту американской шхуны. Эти два туземца были застигнуты врасплох в своей лодке во время рыбной ловли и были увезены американцами вместе с лодкой. *Четырех женщин* я встретил на Короре; они были похищены германским кораблем, когда были еще молодыми девушками, и здесь оставлены. *Двух юношей* с Ниниго, которые были пленными, я видел на о. Агомес, куда островитяне с Ниниго время от времени предпринимали большие походы, не столько чтобы вести войну, сколько для добычи кокосовых орехов, которых очень много на островах Агомес и которые отсутствуют и не вырабатываются на островах группы Ниниго.

Индекс ширины головы был:

<i>У мужчин</i>		<i>У женщин (около 20—25 лет)</i>	
1) у мужчины около 18 лет	— 79,6	1) 74,4 при росте в 1520 мм	
2) » » » 23 »	— 78,8	2) 78,6 » » 1553 »	
3) » » » 28 »	— 83,5	3) 75,6 » » 1640 »*	
4) » мальчика » 11 »	— 80,9		

Цвет кожи у мужчин был приблизительно такой же темный, как самые темные места на коже жителей островов Пелау и Яп, и соответствовал № 28 таблицы Брока. Женщины в результате многолетнего пребывания на островах Пелау, а также другого^{4*} образа жизни, чем на их низменных жарких родных островах, были значительно светлее № 28 и по цвету кожи не отличались от женщин Пелау, у которых переняли и одежду, и прическу, и татуировку.

Хотя я видел туземцев других островов Западной Микронезии (Ауропик, Могмуг, Улеаи) только мельком, все же наружность этих людей оставила у меня впечатление, что они во всяком случае образуют одну и ту же расу с описанными жителями островов Яп и Пелау. Результаты измерений головы, заметки о коже и волосах, которые я имел возможность сделать, несмотря на короткое время пребывания, полностью совпадают с уже высказанными соображениями.

Меланезия

*Остров Тауи** (остров Адмиралтейства на картах)*

Когда после посещения Западной Микронезии попадаешь на острова Меланезии, в глаза бросается большое различие между расами. После того как я, покинув Пелау, через Яп и Улеаи прибыл в Тауи и сравнил туземцев между собой***, то невольно вспомнил выделенную Уоллесом**** «большую океанийскую или полинезийскую расу», которая, как мне теперь кажется, только потому и могла возникнуть, что Уоллес в своем путешествии не проник на восток дальше Дорэ и, может быть, частично вследствие желания видеть и человеческие расы разделенны-

* Я случайно забыл измерить рост островитян с Ниниго; они были скорее невысокие, но сильные и хорошо сложенные.

** Под этим названием о. Адмиралтейства известен у потомков его прежних обитателей, которые переселились на острова Агомес. Более чем вероятно, что ныне живущее третье или четвертое поколение этих людей не забыло названия своей прежней родины.

*** На борту было 22 туземца с Япа, а двое моих слуг были с о. Пелау, так что при сравнении мне не нужно было обращаться только к своей памяти или прибегать к своим запискам.

**** Wallace A. R. Der Malayische Archipel. Bd. 2. Braunschweig, 1869. S. 420.

ми линией, пограничной между зоологическими регионами⁸. Попытка отделить от папуасов и соединить с полинезийцами курчавоволосое меланезийское население Филиппин и Малайского полуострова лишь потому, что они «карлики по своему росту» и не имеют «большого носа с отвислым концом», как мне кажется, возможна была только потому, что Уоллес никогда сам не видел людей, которых он классифицировал (негритосов, семангов и полинезийцев)⁹. Но вместо критики искусственных классификаций я продолжаю излагать свои наблюдения, которые со временем, при расширении исследования, дадут достаточный материал для более естественного членения рас.

⟨Мною⟩ были посещены юго-восточный и северный берега большого острова Тауи, и так как жители того и другого не различаются в антропологическом отношении, я хочу соединить результаты, полученные в обоих местах.

Как уже было упомянуто в начале, письма, туземцы не особенно были склонны допускать измерять и подробно рассматривать себя, хотя в общем они были доброжелательны и приветливы. В присутствии мужчин женщины были особенно боязливы, так что я должен был быть всегда наготове, чтобы не пропустить удобного случая для измерения или зарисовки.

Рост варьировал:

у мужчин	у женщин
1470—1780 мм	(12) 1460—1670 мм
Это крайние размеры, <i>большинство</i> же были	Но я видел нескольких, измерить которых мне не удалось, значительно <i>большого</i> роста, чем приведенный максимум
(28) 1510—1640 мм	

Старые женщины в большинстве случаев очень худы, и с их бритой головой, покрытой незначительными складками кожи, сморщенными грудями и тощими ногами они похожи на очень старых мужчин.

Форма головы. Так как я нашел, что тип туземцев здесь в общем мало отличается от папуасов Новой Гвинеи (например, Берега Маклая), то для меня особенный интерес представлял вопрос о степени соответствия формы их черепов. Чтобы получить правильное представление о форме черепа жителей о. Тауи, я постарался измерить возможно большее число голов.

Мне удалось получить 106 измерений головы*; индекс ширины варьировал следующим образом:

* Я еще не имел времени высчитать индекс ширины голов, измеренных во время второго пребывания на Берегу Маклая (1876 г.); поэтому оставляю сообщение о результатах сравнения до другого раза.

у мужчин	у детей (приблиз. до 12 лет)	у женщин
(68) 73,2—84,5	(9) 75,8—79,8	(28) 70,5—78,6

Индекс ширины головы одного ребенка в возрасте около 7—8 дней я нашел равным 82,4.

Из 68 мужчин 10 имели индекс ширины менее	75,0 и 5 — свыше 80,0
Из 28 женщин 26 » » » »	75,0 и 0 » 80,0

Мезоцефальные черепа, главным образом мужские, обнаруживали склонность к брахицефалии. Женщины оказались решительно более долихоцефальными; это я объясняю тем обстоятельством, что женщин измерено значительно меньше, чем мужчин, и что первые по большей части^{5*} имели гладко выбритые головы, в то время как у мужчин было много волос на голове*.

Цвет кожи. Словами его можно пояснить как «черновато-коричневый в различной степени»; он соответствует основному тону № 50, к которому в большей или меньшей степени прибавлены цвета № 43 или № 28 (как оттенки). Упомянутый выше ребенок в возрасте 7—8 дней имел окраску кожи, которая соответствовала смеси цветов № 21 и 52.

Волосы. То, что я должен сказать о волосах туземцев, я уже имел случай высказать раньше, так что здесь я могу привести вывод из наблюдений, сделанных на Новой Гвинее уже в 1871 г.: «*Волосы на голове папуаса растут совершенно так же, как у европейца и вообще как на теловетеском теле...*

...Как и на голове, волосы на теле папуасов растут вовсе не группами или пучками, как это утверждают некоторые наблюдатели»**.

Все это я могу повторить о *всех* виденных мною *до сих пор* разновидностях папуасов (папуасы восточного и юго-западного берега Новой Гвинеи, негритосы о. Люсон, сакаи и семанги Малайского полуострова, туземцы островов Тауи и Агомес): *ни у одного* индивида указанных народов я не мог найти *пучкообразного распределения корней волос****. Волосы

* Еще третье обстоятельство может в известной степени пояснить большую ширину голов у отдельных мужчин: в некоторых случаях я не мог достаточно плотно приложить к голове мужчины свой измерительный инструмент; как только я это сделал, они вскрикивали или съезжались, как будто они действительно ощущали боль, что отпугивало других от краниометра и нередко побуждало к бегству. Женщины, напротив, частично из страха, частично, может быть, от большего терпения, допускали сильное давление ветвей краниометра, не издавая ни одного звука. Случаи встречи с такими нежными папуасами, к счастью, были редки.

** Miklucho-Maclay N. Anthropologische Bemerkungen über die Papuas der Maclay-Küste in Neu-Guinea (см. с. 16 и 22 наст. тома).

*** Папуасы, которые якобы обладают таким пучкообразным расположением волос («так что отдельные пучки волос разделены голыми местами»), по Герланду (Ап-

ребенка 7—8 дней от роду, о размерах головы и окраске кожи которого я уже писал, были матово-черные, очень тонкие и при длине около 15—20 мм едва на самых кончиках незначительно завитые.

Волосы на голове мужчины Тауи носят длинными и очень различно причесанными; волосы на лице (включая брови), напротив, выщипываются или сбиваются, что производится обломком обсидиана, который служит также для татуировки.

О больших зубах туземцев я уже в основном сообщал в моем последнем письме с архипелага Ниниго, датированном июнем 1876 г.,¹⁰ так что я здесь могу прибавить очень немного.

Положение зубов очень различное: у одного они стояли вертикально (табл. III, рис. 4 и 5)^{6*}, у других они были косо направлены вперед (табл. III, рис. 2 и 3). В обоих случаях верхний ряд выступал над нижним. Зубы верхнего ряда были чаще увеличены сравнительно с зубами нижнего ряда, хотя иногда были увеличены оба ряда (табл. III, рис. 3). Гипертрофия имеет склонность симметрично выявляться в обоих рядах зубов, так что на обеих сторонах одинаковое число зубов оказывается увеличенным; но в некоторых случаях только один-единственный зуб был увеличен сравнительно с другими (табл. III, рис. 1).

Я старался по возможности правильно зарисовать каждую характерную черту больших зубов, хотя бы и схематично, но, к сожалению, при выборе объектов для зарисовок больше должен был руководствоваться терпением людей, позволявших себя зарисовывать и измерять, чем важностью случая. Хотя щедро распределяемые подарки обнаружили свою притягательную силу, все же некоторые совершенно исключительные экземпляры я видел только в течение нескольких минут. Как только они видели, что я их заметил и им также, как и другим индивидам с большими зубами, хочу раздвинуть губы и приложить к их зубам острый инструмент (циркуль), они исчезали и в дальнейшем старались быть от меня подальше. Таким образом, ни у одной из женщин^{7*} я не смог ни измерить, ни зарисовать «большие» зубы.

В инструкциях по измерению тела во время путешествия «фрегата» «Новара»⁸ я нашел сообщение, что вследствие разжевывания разжевывающих и твердых предметов зубы жителей Никобарских островов претерпевают *патологическое изменение* (при этом, к сожалению, не отмечено, наступает ли также и увеличение зубов), вследствие чего поло-

thropologie der Naturvölker. Bd. VI, S. 546), встречаются на островах Баладея, Лифу, Анейтиум, Танна, Луизиада, Торресова пролива, в отдельных местах на Новой Гвинее и на всем архипелаге Фиджи. Кроме Новой Гвинее, это все места, которые я еще не посетил.

* Scherzer K. and Schwarz Ed. On Measurements as a Diagnostic Means for Distinguishing the Human Races. Sydney, 1858. P. 8.

жение ⟨обоих⟩ рядов зубов становится неестественным и в сомкнутом состоянии они образуют острый угол.

В данном случае (у жителей о. Тауи) мы имеем дело с *гипертрофией* вещества зуба (вероятно, гиперплазией); какого она рода, может решить только микроскопическое исследование. О каком-нибудь действительно патологическом процессе здесь говорить трудно: эмаль гладкая и неповрежденная; у не очень старых людей зубы сидят прочно в альвеолах челюстей; давление на зубы или на десны вовсе не вызывает боли. Я полагаю, что увеличение зубов относится к явлениям, аналогичным увеличению малых срамных губ и стеатопигии у готтентотских женщин, и так же, как и в этих случаях, увеличение зубов *не* является *постоянным* у всех индивидов. Так как эта особенность, очевидно, приобретена и сохраняется в течение многих поколений, то зубы детей часто кажутся очень неравномерными и иногда уже отдельные из них имеют ненормальную величину.

Высказывать предположения, в какой мере образ жизни или способ питания мог вызвать эту гипертрофию, я не решаюсь, тем более что я провел на острове очень мало времени¹².

Незначительная величина penis'a. Известно*, и с своей стороны я могу это подтвердить, что жители о. Тауи имеют обыкновение вместо всякой одежды засовывать только penis в раковину (Bulla ovum). Купив и рассмотрев несколько таких «предметов одежды», я убедился, что отверстие раковины очень мало увеличено, а потому я считал достаточно важным удостовериться, только ли praeputium или также и glans проходят через отверстие раковины. Ощупывание penis'a у одного из туземцев (который мне это разрешил после обещания хорошего подарка)** показало, что действительно и glans penis вкладывается в раковину.

Так как в даже искусственно увеличенное отверстие раковины свободно проходил только мизинец, то существование подобного обычая можно объяснить лишь небольшой величиной мужского полового члена. Что penis мало сдавливается этим «костюмом», доказывается еще тем обстоятельством, что туземцы могут испускать мочу, не снимая раковины, для чего в раковине даже сделано небольшое отверстие.

* Waitz Th. Anthropologie der Naturvölker. Th. 6. S. 556.

** При этом исследовании туземец очень боялся, чтобы я не снял раковину; этот стыд, наряду с эмбриональным состоянием одежды, напомнил мне «могуль» на непокрытую головку члена на Пелау и то особенное чувство стыда, которое появляется у полинезийцев при обнажении glans (Waitz Th. Anthropologie der Naturvölker. Th. 6. S. 28).

На короткость большого пальца ноги (табл. I, рис. 5) я обращал внимание у многих мужчин; вместо того, чтобы быть самым длинным, он был короче второго пальца на 5—14 мм*.

Развитие мускулатуры пальцев ног у отдельных индивидов действительно было поразительным; например, считалось развлекательной гимнастикой, когда пальцы спокойно лежащей ноги приводились в быстрое движение, которое состояло в том, чтобы тремя первыми пальцами по очереди ударять один по другому, что совершалось с такой легкостью и такой скоростью, как будто это были пальцы руки.

Отвернутое в сторону положение наружных пальцев ноги, особенно четвертого и пятого, встречается здесь нередко**.

Группа Агомес (группа Хермит на карте)

У современных жителей существует предание, что их предки пришли на Агомес с Тауи. Это совпадает и с физико-антропологическими данными.

Население группы, которое и прежде было невелико, еще более сократилось вследствие многочисленных заболеваний, которые в большинстве случаев имели смертельный исход. Эпидемия (?) возникла приблизительно год тому назад (т. е. в 1875 г.); она явилась следствием, как мне говорили, сильного затопления низких островов и появившихся затем сильно пахнущих испарений, которые исходили от погибших гниющих растений и от ила, принесенного наводнением.

Во время короткого посещения этой группы, где я оставался только 3 дня, мне представилась возможность измерить головы у небольшого числа мужчин. Женщины были пугливы (правда, не все), и я видел их мало.

У измеренных 17 мужчин индекс ширины головы колебался между 69,6 и 81,3.

Цвет кожи у мужчин в большинстве случаев соответствовал № 42; но у одной женщины окраска была значительно светлее (№ 30), в то время как я не встретил ни одного мужчины светлее № 37.

Волосы, очевидно вследствие скудного существования, не получают достаточного ухода и растут на голове и на лице длинными кос-

* Измерения делались при обычном положении пальцев ног; при намеренном или искусственном вытягивании разница, конечно, была еще больше.

** Заметно отвернутое в сторону положение крайних пальцев я встретил впервые у сакаев Малайского полуострова (1875 г.); это привлекло мое внимание, и я наблюдал это часто у малайцев, микронезийцев и теперь здесь у папуасов. Иногда эта особенность более ярко выражена на одной ноге, чем на другой.

мами, которые густо намазаны черной глиной и маслом и образуют некоторое количество неравномерных толстых прядей. Мужчины носят длинные бороды, и волосы на теле растут обильно.

Большие зубы, как и на Тауи, были обнаружены на Агомесе также у обоих полов*.

Небольшая величина penis'a представляет другой признак соответствия конституции жителей о. Тауи. Малая величина мужского полового члена была здесь настолько заметна, что привлекла внимание экипажа шхуны и явилась поводом для многих замечаний. Я сам обратил внимание на это благодаря моему слуге и потому имел возможность сделать беглый набросок с натуры (табл. II, рис. 6). Penis сильного, немолодого мужчины выглядел так, как если бы он почти до glans был втянут под кожу. Glans была свободна; сзади praeputium кожа была стянута кольцевыми складками. У стоящего вертикально мужчины положение короткого penis'a было горизонтальным. Эта форма мужского члена, кажется, является здесь обычной, хотя индивидуальные колебания по величине все же могут встречаться; я сам это видел у трех индивидов и слушал рассказы о многих аналогичных случаях. Несмотря на мои повторные предложения, ни один из туземцев не захотел снять свою повязку, так что я не мог сделать ни измерений, ни точных зарисовок penis'a. У троих, у которых я случайно видел половой член, я заметил, что penis у более молодого (около 20 лет) был длиннее, чем у двух других, более старых людей. У мальчиков небольшие размеры члена еще незаметны.

То обстоятельство, что у меланезийской расы встречается поразительно малая величина мужского полового члена, тем более удивительно, что именно у негров, которые из всех человеческих рас, наряду с готтентотами и кафрами, являются наиболее родственными меланезийцам, отмечена другая крайность, а именно значительная величина члена**.

* Можно было заранее предвидеть, что большие зубы не являются исключительной особенностью жителей островов Тауи и Агомес, но что она присуща всей меланезийской расе. Во время экскурсии, предпринятой несколько дней тому назад, я встретил в некоторых деревнях архипелага Довольных людей, а также на материке около мыса Адова (на карте мыс Круазиль) нескольких туземцев, имевших аналогичную анатомическую особенность прикуса, хотя ни у кого из них увеличенные зубы не достигали размеров, описанных у островитян Тауи. Зубы этих людей (также dentes incisivi и только в одном случае dentes canini) по отношению к остальным (той же челюсти), а также по сравнению с зубами других туземцев, были увеличены настолько, что это бросалось в глаза при первом взгляде, тем более что при закрытом рте они в большинстве случаев выступали между губами. Эта гипертрофия чаще сказывалась на верхнем ряде зубов; у женщин и детей в этой местности увеличения зубов я не заметил. — Бугарлом, 24 февраля 1877 г.

** *Jacquinet H.* Considérations générales sur l'anthropologie suivies d'observations sur les races humaines de l'Amérique méridionale et dans l'Océanie // Voyage au Pôle Sud et

Редукцию размеров большого пальца ноги, наряду со значительной длиной второго пальца, я обнаружил и здесь.

То обстоятельство, что на Агомесе встречаются *папуасско-микронезийские помеси*, неудивительно, ибо известно, что европейские суда с туземцами Япа и Пелау уже много лет часто посещают эти острова для ловли трепанга, и так как известен факт, что соседняя группа Ниниго имеет микронезийское население и оно от времени до времени предпринимает военные походы на Агомес, результаты которых (военнопленных), как недавно упоминалось, я сам видел на Агомесе.

Результаты краниологических измерений в Северной Меланезии

	Число измерений	Мужчины	Число измерений	Женщины	Число измерений	Дети
Тауи	68	73,2—84,5	28	70,5—78,6	9	75,8—79,8
Агомес	14	69,6—81,3	—	—	—	—

Результат этого немалого количества измерений голов (которые я здесь еще раз сопоставил), а именно, что в *Северной Меланезии господствующей формой головы является мезоцефальная с наклоном к брахицефалии*, представляет, как мне кажется, двойной интерес: 1) этим доказывается неосновательность распространенного мнения, которое почти стало правилом, что меланезийцы являются долихоцефальной расой, 2) одновременно более или менее устраняется до сих пор казавшееся изолированным положение брахицефальных меланезийских племен Филиппин и Малайского полуострова*. Широкое распространение этой (брахицефальной) формы головы в Меланезии, с другой стороны, совершенно не находится в противоречии с формой головы папуасов

dans l'Océanie... pendant les années 1837, 1838, 1839, 1840, sous le commandement de M. J. Dumont D'Urville. Zoologie, par M. M. Hombron et H. Jacquinot. T. 2. Paris, 1846. P. 139. См. также: Broca P. Instructions générales pour les recherches anthropologiques. Paris, 1865. P. 61.

* Тем самым я ни в коей мере не хочу уменьшить полного значения вашего заявления (заседание от 17 октября 1874 г.), что в вопросе о связи между папуасами и негритосами «недостаточно руководствоваться единственно индексом ширины, чтобы обосновать такой важный вывод»; я и сейчас не могу сделать сообщения о высоте и емкости черепа меланезийца. Я ограничиваюсь данными *индекса ширины*, который вы, уважаемый г. профессор (на том же заседании от 17 октября 1874 г.; см. с. 21 отдельного оттиска), сами назвали «одной из основных величин для антропологической классификации», и замечу только, что со стороны этого фактора вообще нет никакой разницы между папуасами, негритосами и меланезийцами.

Новой Гвинеи, у которых, как известно, наряду с выраженной долихоцефалией встречаются и очень широкие головы*.

Так как мое письмо оказалось значительно длиннее, чем я ожидал, то я позволю себе отказаться на этот раз от других сообщений и прибавить здесь, кстати, только одно общее замечание наряду с предложением.

Хотя это является моим убеждением, к которому меня привели мои антропологические наблюдения и исследования, но многим антропологам подобное мнение также приходило на мысль еще до меня, именно: *что до тех пор, пока антропологическое исследование не будет сопровождаться подробными и многогласными анатомическими изысканиями, оно останется неблагодарным и малоуспешным занятием.* Нужно твердо признать, что наряду с различными свойствами кожи и волос характерные особенности рас налагают свой отпечаток и на другие органы. Физиологические различия между расами, которые определенно проявляются и часто отмечались разными наблюдателями, имеют анатомическую основу, которая остается до сих пор неизвестной. А потому от изучения *анатомии рас* за секционным столом нужно ожидать гораздо более важных результатов, чем от тысяч измерений на живых людях. Подробные физиологические и анатомические исследования необходимы для того, чтобы ясно представить нам степень расовых различий, но так как анатомические исследования связаны с меньшими трудностями и требуют менее сложных приготовлений и во всяком случае наряду с физиологическими исследованиями и экспериментами ими нельзя пренебрегать, именно *они* и должны быть выдвинуты на первый план (по вышеуказанным практическим соображениям). *К сожалению*, такие исследования зависят не только от желания и доброй воли отдельного лица!

А потому *очень желательно* (!), чтобы на следующем международном антропологическом съезде *этот* вопрос был бы рассмотрен в первую очередь.

В Америке, в английских, голландских, французских колониях, где уже существуют больницы, устройство специальных удобных помещений для анатомических исследований, наряду с существующими, не создаст больших трудностей и связано только с небольшими затратами. Во всяком случае, возбуждение этого вопроса, а также настойчивая рекомендация его полезности для науки, исходящая от ученого международного собрания, должны бы побудить к *содействию* местные органы власти, что является *необходимым*. Так как отказ от содействия в таком случае мало

* Измерением большого количества голов и немалого количества черепов я нашел, что индекс ширины черепа папуасов Новой Гвинеи колеблется между 62,0 и 86,4 (NB. Обе предельные величины измерены на действительно подлинных черепках). См.: *Macley N. Über Brachycephalie bei den Papuas von Neu-Guinea // Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch Indië. 1874. D. 34. S. 345 (см. с. 36 наст. тома).*

вероятен и несомненно нужно ожидать участия образованных врачей в колониях, то можно надеяться, что, наконец, пусть даже постепенно, будет происходить становление *расовой анатомии теловетеских племен*.

Мое желание состоит только в том, чтобы, если ваше мнение и мнение уважаемого Общества совпадают с высказанным взглядом, на следующем международном антропологическом съезде г. делегат Общества поставил на обсуждение вопрос *о важности и пользе для науки создания, наряду с внеевропейскими больницами, помещений для изучения анатомии теловетеских рас* (собственно, *только* хорошо оборудованной комнаты для препарирования) и получил у собрания *хотя бы* согласие с этим мнением. Заручившись такой открыто высказанной декларацией многолюдного международного ученого собрания, антрополог, интересующийся расовой анатомией, сможет побудить колониальные власти содействовать ему при устройстве рабочего места и доставлять из госпиталя материал для исследований*.

Несомненно, это мелочь, осуществление которой мне кажется желательным, но, во-первых, нельзя ожидать, чтобы сразу многие исследователи посвятили себя этой области, так что не придется стремиться к созданию многочисленных и грандиозных учреждений; во-вторых, требовать слишком многого для дела, которое не является непосредственно практическим или общепользным, — значит откладывать изучение расовой анатомии еще на долгое время!

С своей стороны я не упущу возможности предпринять расово-анатомические исследования, чтобы не быть вынужденным посылать вам снова столь же тощие «Заметки», как эти.

Н. Миклухо-Маклай

Бугарлом,
Берег Маклая на Новой Гвинее,
Декабрь (1876 г.)

* Так как в колониях вскрытия в больницах производятся только в редких случаях или очень поверхностно, то секционные комнаты в большинстве случаев мало приспособлены для продолжительной работы, что я знаю по собственному опыту. В июле 1873 г. я пытался в тюремном госпитале в Батавии продолжить мои анатомические исследования мозга. Здесь я нашел у главного врача г. д-ра Стеенстра-Туссена любезную готовность оказать мне содействие. Материала было там в избытке, даже больше, чем я мог обработать. Но другое, как кажется, незначительное обстоятельство сильно мешало моим работам — это было отсутствие пригодного помещения, так что я был вынужден, чтобы не терять напрасно времени, через 14 дней прервать мои исследования, которые бы с удовольствием продолжал еще несколько месяцев. Причину недостаточного оборудования, пожалуй, можно объяснить тем, что тюремные госпитали в Нидерландской Индии далеко не так хорошо устроены, как другие (например, военные госпитали); но мне пришлось работать только в первых, потому что только здесь можно было свободно получать трупы.

Пояснения к таблицам I и II

Рисунки (за исключением табл. II, рис. 1 и б) возможно точно нарисованы, частью с помощью циркуля, частью — камеры-люциды.

ТАБЛИЦА I

Рис. 1. Локон туземца о. Яп, срезанный на затылке близко к корням. В целых наглядности локон несколько распушен.

Рис. 2. Обволощенный лоб девушки с Пелау в возрасте около 13 лет. Обволошенность в действительности не так заметна, как на рисунке, так как отдельные волосы на лице очень тонки; * — место, где волосы достигают 3—4 мм длины; ** — волосы длиной в 10 мм; *** — место, где отдельные волосы достигают длины 23 мм и больше.

Рис. 3. Обволощенный лоб девушки в возрасте около 16 лет с о. Яп, обнаруживающий другую форму волосяного покрова (чем на рис. 2): *a* — маленькое треугольное место над корнем носа, лишенное волос; *b* — легкий след усов.

Рис. 4. Обволощенный лоб двенадцатилетней европейско-яванской метиски: *a* — место, лишенное волос; *b* — легкий след усов.

NB. Причина, что случайно были сделаны три рисунка индивидов женского пола, заключается не в большей частоте значительной обволошенности у детей этого пола по сравнению с мальчиками и молодыми мужчинами, но только в том, что они с большим терпением позволяли себя рисовать, а также легче побуждались «к позированию» подарками.

Рис. 5. Контур правой стопы туземца с о. Тауи с редуцированным большим и несколько более длинным (58 мм) вторым пальцем. Большой палец ноги был на 13 мм короче второго. Длина всей стопы составляла 250 мм, а четвертый и пятый пальцы были отвернуты в сторону.

ТАБЛИЦА II

Рис. 1. Продольные складки на спинке носа у одной островитянки с Пелау, нос которой не выдавался своей уплощенностью среди носов ее соотечественников. *Ширина носа сверху* (от одного угла глаза до другого) была равна 30 мм, *ширина носа снизу* (от наиболее внешнего выступа крыла носа до другого) равнялась 37 мм. *Высота носа* (от корня до выступа носовой перегородки на верхней губе) равна 39 мм. Высота корня носа (от самой высокой точки корня носа по средней линии до воображаемой линии, связывающей углы глаза) составляет около 8,5—9 мм.

Рис. 2. Грудь с отпнурованной ареольной частью жительницы о. Яп в возрасте около 18—20 лет, в натуральную величину**. Диаметр в месте отпнуровки (*ab*) составляет 36 мм, в то время как диаметр *cd* равен 41 мм. Ареола имеет черно-коричневую окраску и обнаруживает сзади перетяжки зубчатый контур *p*.

Рис. 3. Нос той же девушки с Пелау, *вид сверху*, натуральной величины.

Рис. 4. Тот же самый нос, *вид снизу*, рассматриваемый при запрокинутой голове и спокойном движении; *e* — верхняя губа.

Рис. 5. Татуировка *mons Veneris* у женщин с о-вов Пелау. Нижняя часть татуировки темнее, чем верхняя («кариут» — юбка из листьев пандануса —

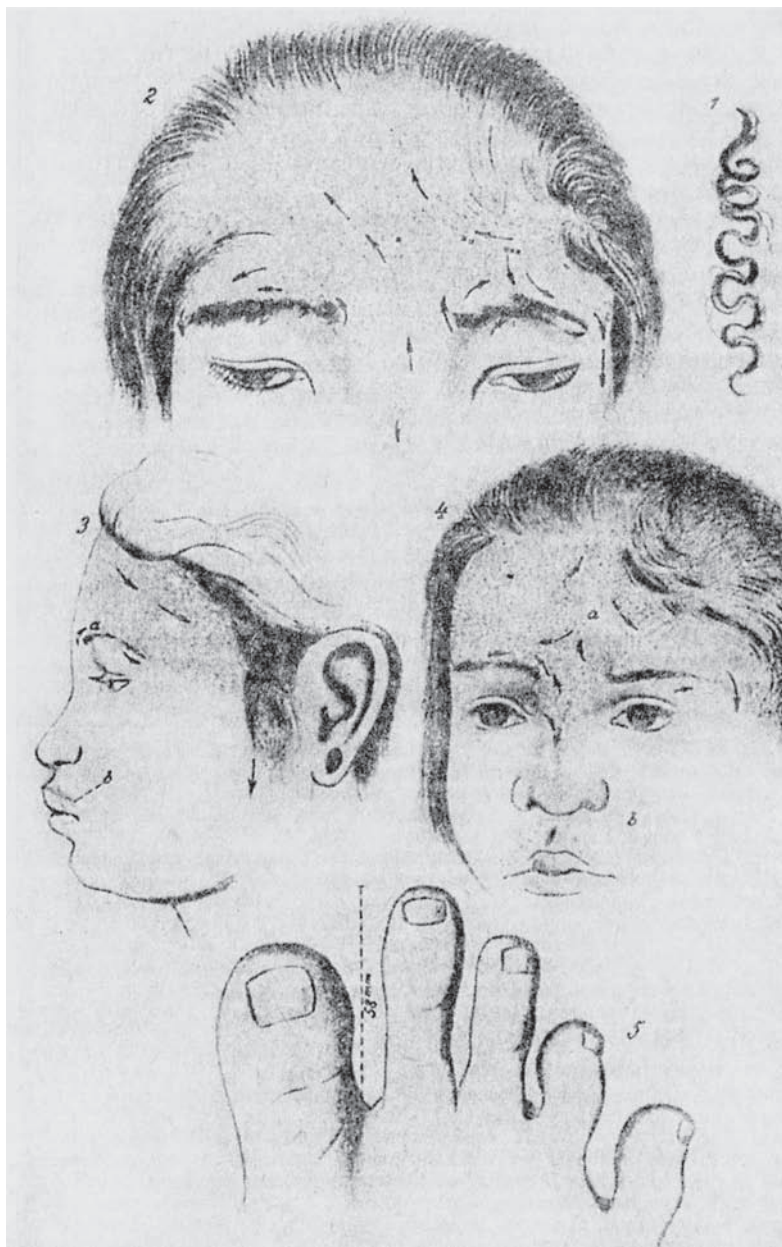

Таблица I (пояснения см. на с. 228 наст. тома)

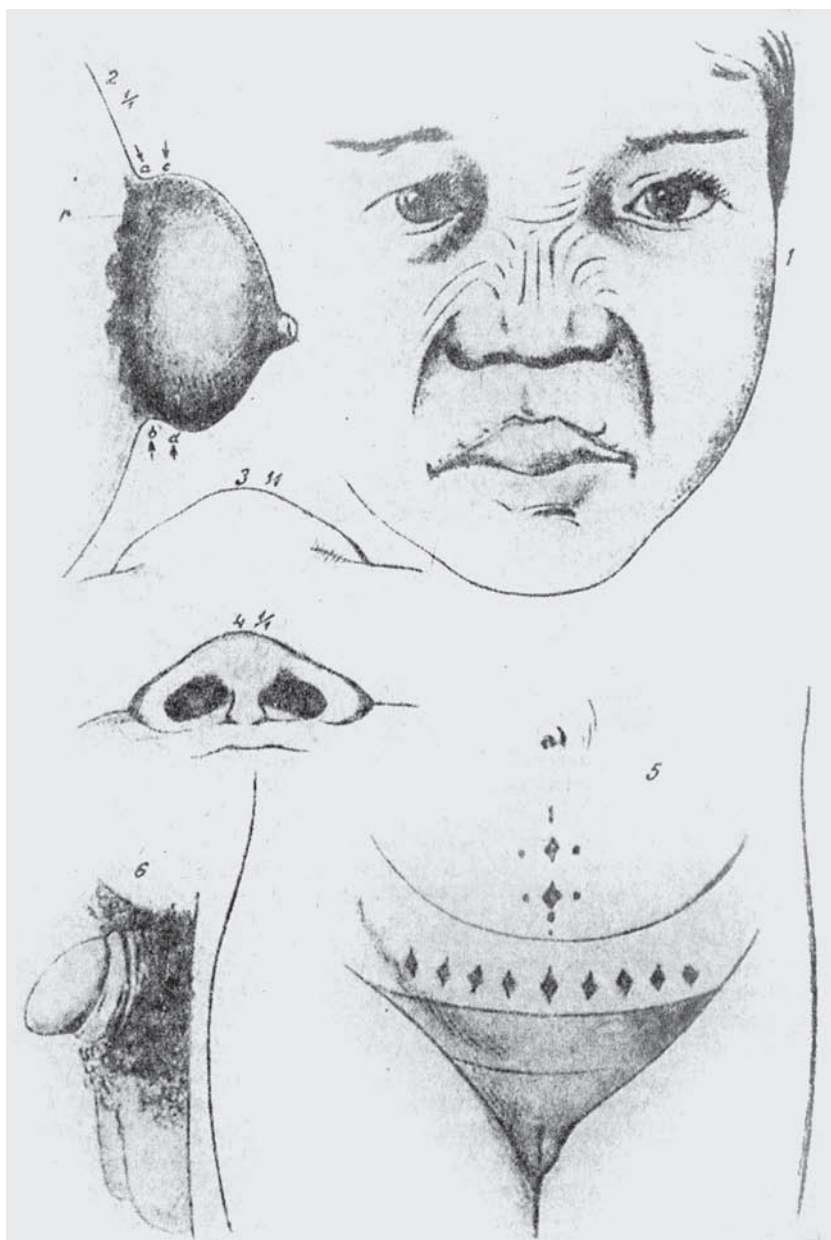

Таблица II (пояснения см. на с. 228 наст. тома)

так носится женщинами на Пелау, что с боков она лежит на *spinae anteriores superiores ossis ilium*, а спереди настолько опущена, что ряд звезд татуировки частично может быть виден).

Рис. 6. *Penis* жителя о-вов Агомес приблизительно 20 лет (несколько меньше натуральной величины). Кожа сзади *praeputium*'а сильно собрана в складки.

1* *Благие пожелания (лат.).*

2* *Было: Руки от кончиков пальцев.*

3* *Далее было: в разное время.*

4* *Было: лучшего.*

5* *Далее было: были старыми, в то время как среди мужчин преобладали совсем молодые люди.*

6* *Табл. III см. на с. 307 наст. тома.*

7* *Далее было: у которых большие зубы тоже встречаются.*

8* *В настоящем издании рисунки по техническим соображениям несколько уменьшены по сравнению с оригиналом.*

〈Остров Вуап, или Яп〉

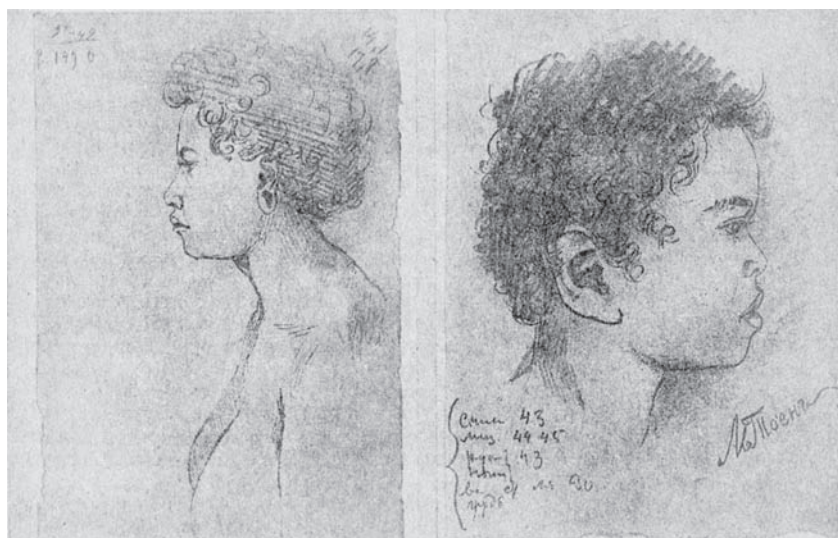
Антропологические заметки

Рост. Измерение показывает, что рост туземцев здесь вообще ниже среднего европейского и что между ними встречается немало очень малорослых людей. Рост тридцати без выбора смиренных взрослых мужчин варьировал между 1500—1690 мм. Однако же один из начальников (Фооновей, пилун Горора) был 1765 мм вышины, но это был единственный пример такого роста, который я встретил между сотнями. Рост женщин (20 измерений), достигших возмужалости, менялся между 1360—1480 мм.

Цвет кожи варьировал между №№ 21, 28, 30 и 43 таблицы Брока¹. Женщины, которые вообще были светлее мужчин, имели тело, которое представляло много тонов окраски; так, например, нередко *та же* особь имела лицо и грудь (особенно нижнюю сторону отвислых грудей) очень светлые (№ 33 или 45) сравнительно со спиной и бедрами, которых цвет соответствовал № 43.

Такие крайности окраски были нередки у женщин, но не встречались у мужчин.

Волоса представляют значительное разнообразие. Они редко прямые, почти у всех выющиеся или даже курчавые, большая фризура^{1*} этих людей, за которою они очень ухаживают, подобна папуасской не только внешнею формою, но даже и тем, что волосы у *многих* (!) представляют длинные локоны, завитые пробочничкообразною спиралью, которой диаметр не шире 5 или 6 мм. Такие волосяные шапки встречаются и у папуасов в *Доре* (на северо-востоке Новой Гвинеи) и у папуа-

Женщина с о. Яп; мальчик Тоен с о. Яп

малайской смеси на Молуккских островах. Для расчесывания и всклокочивания их употребляют и здесь известный большой папуасский гребень, к которому прикрепляют как украшение перо или цветную тряпку. Расчесанные волосы связывают мужчины на затылке, женщины носят их, делая большой узел на стороне.

Борода растет у многих хорошо, также тело (грудь, нижняя часть живота, ноги) иногда покрыто густыми волосами.

У многих детей и у некоторых женщин лоб был почти совсем покрыт волосами, так что только очень незначительный треугольник посередине между бровями имел гладкую, не поросшую волосами кожу.

В молодости мужчины выдергивают волосы усов и бороды; Женщины выпщипывают их подмышками и на *mons Veneris*.

Из обрезанных волос своих женщины плетут очень крепкие шнурки для домашнего обихода.

Череп. Мезоцефальный череп жителей Вуапа имеет наклонность к брахиоцефальности.

Индекс ширины голов мужчин (25 измерений) варьировал между 74,3—81,7.

Индекс ширины голов женщин (12 измерений) варьировал между 74,0—84,3.

Искусственное сплющивание носа новорожденных. Нос туземцев низок и широк, что главным образом зависит от искусствен-

Девушка Рютень с «марфой» — связкой окрашенных в черный цвет растительных волокон; ее носили на шее девушки, достигшие половой зрелости. Остров Яп; Девушка с традиционной прической. Остров Яп

ного раздавливания носа, так как большой выступающий нос считается безобразием. Многие опрошенные мною женщины рассказывали мне, что детям, достигшим трехдневного возраста, мать или одна из родственниц, нагрев у огня руку, проводит ладонью несколько раз по лицу ребенка, надавливая особенно на нос, и так сильно, что ребенок обыкновенно начинает кричать от боли. Эта процедура продолжается несколько месяцев и называется здесь «андовек»; она имеет целью предохранить ребенка от обладания со временем безобразного — большого — носа.

Пробуравливание носовой перегородки также в ходу между туземцами, как и пробуравливание ушей (кроме ушной мочки, делается небольшое отверстие немного выше первого, во внешнем крае уха), и производится обыкновенно заостренным куском кокосовой скорлупы. В отверстиях носовой перегородки носят преимущественно цветок или лист с приятным запахом, в ушах — большие черепаховые серьги.

Татуировка. Оба пола татуируются, но мужчины обыкновенно значительно татуированы, чем женщины, однако же и между первыми

далеко не все татуированы. Рисунок или обилие татуировки показывают настолько общественное положение туземца, что можно положительно сказать, что татуированный не принадлежит к классу рабов, но не более; достоинство вождя не обозначается татуировкой, даже многие пилуны (главные начальники) вовсе (не) или весьма мало татуированы, между тем как простые люди (принадлежащие к классу *свободных людей*) украшены богатою татуировкой, которая покрывает почти все тело, с исключением лица, передней стороны шеи, рук ниже локтя, нижней части живота (покрытой волосами), колен и ступней. Я не стану вдаваться в описание рисунка татуировки, так как самый неискusstный рисунок даст лучшее понятие о характере татуировки, чем страница описания; замечу только, что на о. Могемог я видел ту же татуировку и что если татуировка не симметрична, правая сторона гораздо более татуирована, чем левая, что особенно заметно на правой руке и правой ноге.

Изолирование девочек при наступлении зрелости и женщин во время месячного очищения и после родов. При первых приметах наступления зрелости девочки покидают родительский дом в селении и отправляются жить на несколько времени (на 2—3 месяца) в нарочно для этой цели построенных небольших хижинах недалеко от деревни, но в изолированных местах*. Там они проводят время до и несколько времени по прекращении первых регул. В эти же хижины, род «женских приютов», приходят женщины на время менструации, в которое время, будучи, по мнению туземцев, «нечистыми», они не смеют оставаться в селении; сюда же приходят женщины после родов.

Управление и сословия

Население острова очень значительное; по словам поселившихся здесь европейцев, жителей на о. Вуап² с лишком 6000. Население управляется несколькими друг от друга не зависимыми, часто враж-

* Обычай изолировать, более или менее, женщин во время менструаций, перед родами или после них, как и мнение о временной «нечистоте» женщин, очень распространены между различными расами, но такое отчуждение из дому и даже из селения, как на о. Вуап, встречается не так часто. Я слышал о подобном же обычае на о. Сераме, где жители холмов (так наз. алифуру) также отправляют своих женщин при тех же обстоятельствах в лес, не оставляя их ни под каким видом в селениях. На о. Вуап женщины сами смотрят друг за другом и строго наблюдают за исполнением этого обыкновения. Здесь также обычай: женщина, заметившая первые признаки беременности, перестает иметь сношения с мужем и также воздерживается от них месяцев 8 или 10 после родов. Муж, принадлежа к своему клубу, имеет там любовницу или любовниц и подчиняется без неудовольствия этому обычаю.

дебными вождями. Туземный титул этих вождей — пилун, который переводится живущими здесь европейцами титулом короля, который, однако же, вовсе не соответствует ни их власти, ни их влиянию, ни внешней обстановке, которая их окружает. Названия главных резиденций этих вождей и провинций, которыми они управляют, следующие семь: *Томиль, Руль, Горор, Ниф, Киливит, Онет, Каниф*; но, кроме этих семи, есть еще несколько, менее важных³. Между семью первыми пилун Томиля считается старшим, хотя вследствие того он не пользуется особенною властью.

Рядом со светскою властью пилуна есть еще духовная — *матра-мат**, или людей, которые служат посредниками между божеством и людьми, истолкователями его воли. Их власть очень значительна, так как ни одно важное обстоятельство не может быть предпринято без их одобрения или согласия. Каждая деревня имеет своего матра-мат, но главнейший находится в селении Томиль, он имеет влияние на всем острове, и в важных случаях туземцы обращаются к нему, принося богатые подарки. Их должность наследственна и переходит от отца на сына.

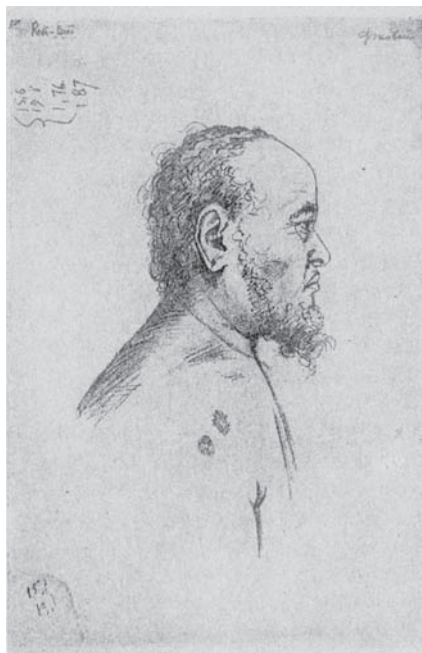
В случае далеких экспедиций матра-мат селения, которое предпринимает ее, сопровождает экспедицию, чтобы предусмотреть и предотвратить гибельные случайности.

Кроме пилуна, есть еще в каждой провинции несколько *второстепенных вождей*, род аристократии. Ступень ниже составляют *свободные люди*, которые собственно образуют главную массу населения.

Рабы живут в особенных деревнях, так как им не дозволяется жить в селении вождя; они находятся в большой зависимости от высших классов и особенно от пилуна, должны на них работать, подвергнуты многочисленным ограничениям: не смеют быть татуированы, носить гребень в волосах, иметь на шее или на руках украшения или *должны* по крайней мере вынимать гребень из волос и прятать даже малейшее украшение, когда зачем-нибудь входят в селение вождя и свободных людей.

Не только раб не имеет права на свою собственность, если вождь захочет ее, но даже его дети и самая жизнь находятся в руках пилуна. Деревни рабов представляют более темное, менее красивое насе-

* *Матра-мат*, или *матромат*, или *математ*, соответствует слову «табу» в Полинезии и имеет здесь немалое значение. К сожалению, я не могу сказать что-либо о церемониях, которые сопряжены с наложением и устранением его, так как я знаю о них не по собственным наблюдениям, а из источников проблематичной достоверности. Два факта, однако же, не подлежат сомнению: *угри*, живущие в ручьях и прудах, считаются матра-мат; и также (курьезно сказать) *комары*, живущие около одного большого камня на холмах у селения Ниль, водящиеся там в громадном множестве, охранены строжайшим «матра-мат», или «табу». Убийство одного влечет за собой неминуемо тяжелые несчастия⁴.

Фоновей — пилун (вождь) Горора

ление, чем селения пилунов; их рост, будучи тому параллелью, в большинстве случаев ниже среднего роста туземцев о. Вуапа — вероятная причина сообщения Шамиссо, которое приводит Герланд*, что есть на о. Вуап местность с очень малорослым населением⁵.

Острова, платящие дань Вуапу, следующие: арх. Могемог платит дань селениям Онеан и Гочена; о. Унгулу (или Мателотас) — селениям Горору и Юрумуну. Остров Вуап имеет^{2*} густое население, и туземцы, будучи неплохими мореплавателями, уже давно снаряжали морские экспедиции и заставили жителей названных островов не только платить себе ежегодно дань, но посылают туда из Вуапа людей как начальников. Дань, которую эти острова платят, состоит те-

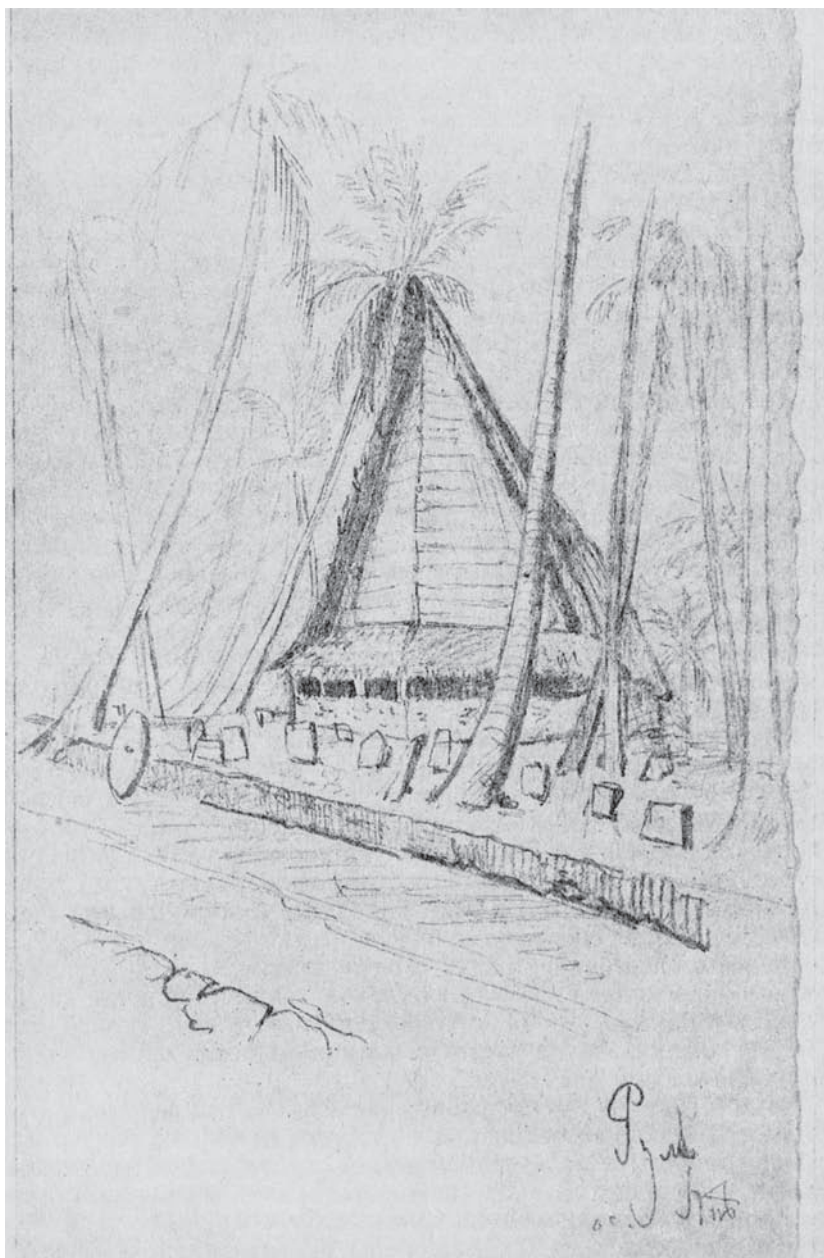
перь из от европейцев обменом полученных вещей или из произведений тех островов⁷.

Постройки туземцев Вуапа замечательны; сюда относятся мощные дороги, большие общественные дома, или клубы, и гробницы.

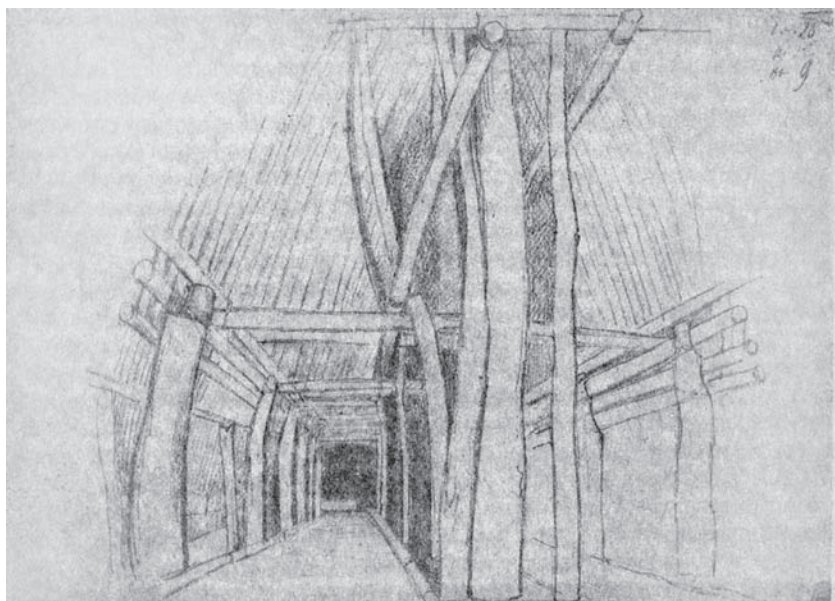
Мощные дороги. Улицы в деревнях⁸ представляют массивную мостовую, без цемента, от 3—6 футов ширины. Эти мостовые очень древни; ни один из начальников не мог сказать мне, сколько поколений пережили уже существование их на острове. Около домов вождей, клубов улица расширяется и образует вымощенные площадки для общественных собраний под открытым небом. Посреди этого места проходит хорошо вытоптанная полоса, служащая сценою для плясок, метания копий и т. п.

На вымощенной площадке стоймя врыты в землю плоские камни, образующие сидения для членов собрания, причем камни не употребляются как собственное сидение, а как спинка его. Почти у каждого дома врыта в землю подобная примитивная массивная мебель для гостей.

* Waitz Th. Anthropologie der Naturvölker. Th. 5. Abth. 2. Leipzig, 1870. S. 50⁶.

Дом вождя в деревне Руль и общественная площадка перед домом

Внутренний вид «бай-бай»

Дома стоят на 3—5-футовых каменных основаниях. Этот фундамент в виде возвышенных платформ служит не только для возвышения домов над уровнем земли, но также для укрепления средних и боковых столбов здания, которые вследствие того не нуждаются быть врытыми слишком глубоко в землю.

Бай-бай, или клубы, построены иногда на искусственных, правильно воздвигнутых из камня мысках или островках у морского берега.

Что касается собственно постройки домов, между которыми клубы занимают по своей величине первое место, то две особенности бросаются европейскому посетителю в глаза: во-первых, что все скрепления этих иногда очень больших зданий*, воздвигнутых из толстых столбов и бревен, состоят из связок, сделанных из тонких шнурков (толщиною не более 3 мм), и что, во-вторых, для средних столбов, на которые опирается крыша, выбраны преимущественно кривые стволы.

Связки и оплетения шнурками**, которых израсходовано очень много, сделаны очень тщательно и представляют разные узоры и слу-

* Один далеко не самый большой бай-бай, который я видел, имел 27 м длины, 14 (м) ширины и около 10 м вышины.

** Шнурки эти сплетены из фибр внешней шелухи кокосовых орехов, которые для этого вымачивают и затем сушат. Это одно из главных произведений островов этих.

жат также для орнаментирования. Горизонтальный план этих бай-бай, как и большинства других домов, представляет не четырех-, а шестиугольник, так как передняя и задняя стороны этих построек ограничены не прямою, а ломаною линией; вместо одной сходятся две стены под тупым углом. В боковых стенах находятся в небольших промежутках большие окна или низкие двери, открытые днем и запираемые вставными дверьми или ставнями на ночь.

В передней и задней стенах имеются также по две двери. В бай-бай нет подразделений (комнат); все внутреннее пространство распадается на два широких прохода в длину, по одному на каждую половину бай-бай, и на места по сторонам каждого прохода, где члены клуба или гости сидят и спят.

Мне кажется не лишним сказать здесь несколько слов о *назначении бай-бай*. Оно очень многостороннее. Бай-бай служит местом собрания и ночлега членам клуба, местом ночных плясок, а также приютом для гостей и людей, находящихся на пути из одной деревни в другую; они в то же время обращаются в род казарм или фортов во время войны. В каждой деревне несколько бай-бай, сообразно числу клубов. Бай-бай строится сообща и принадлежит всем членам клуба⁹.

Каждый клуб имеет несколько молодых девушек, которых число сообразно с многочисленностью членов и богатством клуба. Эти девушки, которых покупают у отцов или еще чаще крадут в соседних селениях, живут в бай-бай и находятся к услугам каждого члена клуба. Между этими женщинами встречаются нередко молодые и красивые собою, так как клуб имеет больше средств и более возможности силою добыть себе лучших девушек. Жизнь этих девушек обставлена отчасти лучше, чем жизнь большинства женщин. Живя в бай-бай, куда замужним женщинам запрещен вход, им не приходится работать на поле, их содержат члены клуба, и лучшую долю рыбной ловли или другой добычи отдают они чаще не женам своим, а любовницам в клубе. Замужние женщины, у которых они часто отбивают мужей, находятся в очень недружелюбном отношении к женщинам клубов, и нередко дело доходит до драки. Для предупреждения таких стычек, которые были бы неизбежны, если девушки из клубов отправлялись бы на время регул в те же места, как и остальные женщины селений, члены клуба строят вблизи бай-бай и недалеко от берега в воде маленькую хижину на сваях, куда отвозят из клуба женщин при наступлении менструации. Положение этих девушек при клубах, которых назначение не иное, как публичных женщин вообще, не считается, однако, здесь несколько унижительным. Отцы нередко отдают (вернее — продают) клубам своих дочерей, и девушка, пробыв 2—3 года в бай-бай, выходит замуж за одного из членов клуба¹⁰.

После этого отступления о назначении и об устройстве бай-бай продолжаю сообщение о замечательнейших постройках на о. Вуап.

Узнав, что здесь обычай хоронить покойников не иначе, как на холмах, и услышав, что умершим вождям воздвигают высокие гробницы из камня, я отправился осмотреть их. Памятники, которые я увидал в деревне Окитам (часа полтора «ходьбы») вовнутрь острова от селения Руль), состояли из ступенеобразных пирамид с продолговатым основанием, совершенно подобных, хотя в миниатюре, древним гробницам на о. Таити (как, например, известному мараю в Папара, которого развалины я видел в 1871 г.)¹¹. Сообразно общественному положению покойника, гробницы имеют большее (или меньшее) число этажей. Так, например, гробница одного недавно умершего вождя имела 8 этажей, между тем как недалеко отстоящий памятник раба — только один. Я назвал эти гробницы «миниатюрными» сравнительно с мараем в Таити, так как самый высокий, смиренный здесь, оказался не более 9 футов вышины, марай же в Папара был никогда не ниже 35 или 40 футов.

Кроме характеристической особенности на о. Вуап — никогда не хоронить умерших около моря, я узнал еще другую: взрослых зарывают в сидячем положении с согнутыми коленями, детей и молодых людей хоронят в лежачем положении. Мне говорили также, что при похоронах мужчин (вождей и свободных людей) устраиваются воинственные игры, подражание схватке и т. п. Сожалею очень, что мне не пришлось видеть такую церемонию, которой описание напомнило мне виденную на Берегу Маклая. Кроме этих воинственных игр в честь покойника (также по словам одного старого поселенца), происходят (иногда очень неприличные) пляски мужчин и женщин над свежеею могилою.

Деньги

Главная меновая единица на о. Вуап очень оригинальна и единственна в своем роде, так как о ней можно сказать: эти деньги лежат на берегу моря, покрываются ежедневно приливом, валяются на улицах и дорогах, несмотря на то, что каждый экземпляр может иметь ценность многих сотен долларов; они могут даже служить материалом для мостовых и других построек и не быть ни украдены, ни испорчены. Деньги*, которые имеют все эти качества и называемые туземцами «фе», состоят из камней, имеющих форму мельничных жерновов очень различной величины (от 1

* Герланд (*Waitz T. Op. cit. Th. V. Abt. 2. S. 87*) отвергает существование в Микронезии чего-либо подобного деньгам, несмотря на то, что здесь, на о. Вуап и на архипелаге Пелау, меновая единица — деньги — действительно существует.

до 7 футов в диаметре) и нередко несколько тонн весом, из белого, грубо обтесанного камня* с отверстием посредине. Ценность этих каменных денег очень различна, она зависит от величины, отделки и т. и.; она варьирует между ценностью нескольких долларов до 1000 долларов и даже более, т. е. за один такой камень можно купить известное количество таро или кокосов, можно приобрести пирогу, жену, дом, участок земли и т. п. Небольшие выполированные, правильной формы фе, которые я видел в домах начальников, ценятся дороже, чем большие неправильные и грубо обделанные. Орнаментов на этих камнях, за исключением одного или двух концентрических кругов или зигзага у внешнего края фе, я не видал; большинство не имеют ни полировки, ни концентрических кругов, ни зигзагов. Материал для этих фе не находится на острове, эти камни добываются и обделываются на островах Пелау, и старики рассказывали мне, что в старое время, до того что европейские суда ежегодно заходят на Вуап, очень много туземных пирог гибло, отправляясь на арх. Пелау за фе или возвращаясь с ними. Теперь агенты европейских фирм, живущие на Вуапе, и шкиперы судов нашли выгодной сделку с туземцами: за известную плату (в виде копры, трепанга и т. п.) брать их с собою на о-ва Пелау для добывания фе и перевозить их с камнями обратно на о. Вуап.

В настоящее время монета эта находится в полном ходу, и ежегодно много охотников партиями отправляются на европейских судах на о-ва Пелау или возвращаются оттуда.

Так как выделка фе требует много рук, а перевозка их — больших издержек, то эти каменные деньги остаются чаще всего собственностью всей общины (и ими может располагать в этом случае при общем согласии пилун) или клуба, т. е. принадлежат всем членам его; только немногие экземпляры переходят в частное владение.

Это обстоятельство, соединенное с массивностью фе, делает (то), что для меньших сделок и для более удобной циркуляции между туземцами Вуапа сделался спрос на жемчужные раковины, которые считаются здесь также меновою единицею, к большому удовольствию европейских тредоров, которые, заказывая себе из Сингапура множество дешевых раковин, продают их здесь в 10 или 15 раз дороже**.

Другой род туземной меновой единицы, также довольно странной, состоит из свертков циновки грубой работы, которые называ-

* По обломку одной из этих каменных монет я убедился, что это был кварц, но, мне кажется, материал для фе неодинаков. Я посылаю в музей Русского географического общества экземпляр этой оригинальной монеты¹².

** Жемчужные раковины, которые в Сингапуре, купленные «en gros»^{3*}, стоят от 1,5—2 долларов, при обмене с туземцами ценятся около 20 долларов. Подобно этому примеру, европейские тредоры набивают цену на каждый европейский предмет.

ются «амбуль»; эти цилиндрические свертки, около 3 футов ширины и 1—2,5 фута в диаметре, имеют разную ценность, самый большой — приблизительно от 35—40 долларов.

Ценность этих амбуль совершенно условная, так как эти циновки по своей форме и выделке не имеют положительно никакого употребления. Третий род денег, наконец, — жемчужные раковины¹³, или *ear*, о которых я уже заметил, что они в большом ходу на о. Вуап. Их нанизывают на шнурок, и когда туземцы отправляются покупать что-нибудь, то деньги эти они несут, держа за верхний конец шнурка.

Описанные три рода меновой единицы — фе, амбуль и ear — составляют деньги для общего употребления, которыми могут владеть люди всех сословий, но, кроме них, имеется еще род денег, которых употребление ограничено одними начальниками; их называют «гау», и они состоят из разных шлифованных камней, обточенных раковин, нанизанных иногда в виде ожерелий. По случаю их редкости и отдаленному месту нахождения (на разных островах между о-вами Вуапом, Пелау и Новой Гвинеей) их считают большою драгоценностью и их могут иметь и носить одни только начальники¹⁴.

Я мог бы выбрать еще многое, что видел и слышал, из моего дневника, но тогда это сообщение перестало бы быть «выписками», к тому же вследствие короткого пребывания (16 дней) и незнания туземного языка я мог бы сказать на основании собственных наблюдений о многих важных обычаях не более двух или трех слов; приводить же, положившись на их верность, рассказы тредоров (единственных европейских поселенцев на острове) — мне кажется, только увеличивать балласт малодостоверных сведений об этих островах.

Предания

Не хочу, однако же, кончить это письмо, не рассказав слышанные от туземцев предания и не прибавить, что видел, об отношении и влиянии европейцев на жителей о. Вуапа.

Предание о странствовании Анагумана в далекую землю У-Канат. Разговаривая с Ронгнибаем, сыном и наследником Корогога, настоящего пилуна Руля, о больших мощеных дорогах, о каменных деньгах и т. п., я спросил его, знает ли он, куда его предки отправлялись в своих больших пирогах, кроме У-Пелу*, откуда они уже давным-давно вывозят фе. Он ответил мне на это, что они отправлялись на о. Могемог, на Аурупик, на Унгулу, на Сонотоль, но что самое да-

* У-Пелу название, которое дают туземцы Вуапа архипелагу Пелау.

легкое путешествие совершил очень давно тому назад, долго до того времени, как жители Вуапа увидали суда белых людей, Анагуман, который доехал до далекой земли У-Канат. Вот краткий рассказ об этом странствовании Анагумана и его путь, который сообщил мне Ронгнибай, чертя палочкой по земле.

Анагуман, человек из Томиля, отправился из Вуапа в одной пироге и с немногими людьми сперва на У-Пелу, затем на о-ва *Сонотоль*, *Буль*, *Мерир*, *Кусукубей*, *Ирро*, *Ометрия*, *Пропазаль*, *Неминиер*, откуда ему уже недалеко было до страны У-Канат, где было много людей и которые жили в больших домах. О жителях У-Каната Ронгнибай мог сказать только, что эти люди были подобны дьяволам* и что Анагуман выучился у них добывать огонь**, делать топоры из кусков раковины (*Tridacna*) и строить большие дома.

Анагуман, счастливо вернувшись домой, показал своим землякам искусство строить дома, которые они строят до сих пор подобно, как им показал Анагуман; также добывание огня и топоры из раковин были им полезны до тех пор, пока белые не стали привозить им железные и не дали им сталь для получения огня. Один из спутников Анагумана, по имени Гиелан, не вернулся на Вуап; пристав вечером к острову, который, как большой камень, поднимался из моря, Гиелан отправился наверх посмотреть, есть ли там люди и узнать имя острова, и даже на другой день не вернулся к пироге, и его спутники отправились далее без Гиелана.

Мои вопросы о направлении, где лежит У-Канат, Ронгнибай мог удовлетворить только очень несовершенно, сказав, что люди думают, что страна находится на запад или юго-запад от о. Вуапа. Также на вопрос, сколько поколений отжило со времени Анагумана, Ронгнибай не сумел передать мне, но прибавил, что, может быть, старики в Томиле, откуда был родом Анагуман, знают. Спрошенный далее, от кого он слышал этот рассказ, Ронгнибай ответил: он слышал его от отца и сам перескажет его своим сыновьям, когда они подрастут.

Не вдаваясь в догадки, какая это страна У-Канат и к какой расе принадлежат эти чертоподобные люди, прибавлю, что я от многих тузем-

* Ронгнибай, понимающий немного английский язык и могущий сам сказать несколько английских слов, выразился, говоря об этих людях У-Каната, что они были «like devil»^{4*}, пояснительно прибавив: «strong, strong man»^{5*} (замечу, что миссионеров еще не было на о. Вуапе, их ожидают только в этом году, и туземцы узнают скоро остальные имена христианской мифологии).

** Я видел в отдаленном от морского берега селении древний способ добывать огонь, который заменяется все более и более огнивом и даже спичками. Этот способ был следующий: очиненною в виде карандаша палочкою, катая ее между ладонями, буряют в мягком сухом дереве неглубокую ямку. Смотря по искусству добывающего этим путем огонь, мягкая пыль в ямке вспыхивает по прошествии 30—40 секунд.

цев слышал это предание, и они повторяли мне те же имена островов, которые мне назвал Ронгнибай; я почти не сомневаюсь, что при достаточном знакомстве с туземными именами мелких и редко рассеянных островов на юг и на юго-запад от Вуапа, можно будет проследить путь Анагумана и добиться, где находится страна потомков этих первых учителей жителей Вуапа на пути неевропейской цивилизации¹⁵.

Предание об утонувшем острове. Есть еще предание, что многие жители Вуапа перебрались сюда из другого острова, который опустился в море. На картах находится на севере от Вуапа отмель, называемая Hunters Riff, которая соответствует этому, по преданию, затопленному острову.

Предание о жителях архипелага Пелау. Один из живущих на острове европейских тредоров, узнав, что я очень интересуюсь туземными преданиями, сообщил мне одно, слышанное им, но, к сожалению, он не мог припомнить, от кого именно он слышал его, и я не мог поэтому обратиться сам к источнику. Несколько туземцев, к которым я обращался, ничего не знали о нем, что, однако же, не свидетельствует против достоверности его, так как в деле преданий один из десятков туземцев знает его, и то нередко наполовину, остальные и не слышивали о нем. Оговорив уже, что я его слышал не от самих туземцев, я его сообщу, так как оно не лишено значительного интереса.

По словам этого предания, жители У-Пелоу (арх. Пелау) составляли одно племя с жителями о. Вуапа и, будучи в хороших отношениях, часто друг друга навещали. Однажды несколько людей с юга (?), из другой земли, были занесены на У-Пелоу ветром*; они были более

* В литературе путешествий встречаются нередко рассказы о далеких, против воли сделанных путешествиях туземцев, занесенных в небольших пирогах далеко от своих островов. Во время моего непродолжительного пребывания на о. Вуап и потом на арх. Пелау я не раз встречал также людей, занесенных из других островов. Вот один из таких случаев, который мне пришлось видеть на главном острове группы Пелау, на о. *Бабельтопе*. Будучи в Малегиоке (в одном из селений острова), я встретил туземца, красиво татуированного; особенный рисунок его (т. е. татуировки) обратил мое внимание; спросив, кто и откуда этот человек, я узнал, что он туземец с острова, который он называет *Бур*, или *Бул*, и о котором туземцы Малегиоки ничего не знают; что его вместе с другим человеком нашли полумертвым в пироге на рифе около Артингала. Когда (ему) помогли выйти из нее, оказалось, что он говорит на непонятном им языке, и только спустя некоторое время, выучившись языку Пелау, он рассказал, что отправился с тремя товарищами на рыбную ловлю и не думал быть в отсутствии долгое время, не более 1/2 дня, почему взял как провизию (лишь) несколько кокосов. Порыв ветра, однако же, занес их так далеко, что они не могли видеть более своего острова, который был низок; затем наступил штиль; сильное течение унесло их очень далеко, так как не было ветра, чтобы поставить парус, а грести они не могли, будучи очень утомленными напрасною и долгою греблей. От

темны и сильны, чем туземцы Пелау; эти последние приняли их хорошо, кормили и поили до того времени, когда неожиданные гости захотели вернуться домой. Спустя недолго, эти же люди, на этот раз с многочисленными соплеменниками и с множеством пирога, не только вернулись, но овладели почти всеми островами Пелау; только немногие из прежних жителей, загнанные на северный край большого острова, уцелели от общего истребления.

Если бы достоверность источника этого предания оказалась не подлежащей ни малейшему сомнению, т. е. если я услышал бы его от самих туземцев, а не от европейского тредора*, то оно было <бы> очень важно как подлинное свидетельство о переселении туземцев с одного острова на другой, и притом оно было бы интересно, показывая причину и образ, каким немало островов Тихого океана, вероятно, были населены.

Влияние европейцев и отношение их к туземцам

Стараясь определить, как давно влияние европейцев стало ощутительным на быт туземцев, я узнал, что теперь доживает второе поколение с того времени, как каменные топоры (которых несколько экземпляров мне удалось еще приобрести) стали заменяться железными. Фоновей, пилун Горора, человек лет около пятидесяти, сказал мне, что в молодости его отца каменные топоры были еще почти в общем употреблении, но что он еще ребенком видел преимущественно одни железные, а теперь каменных вовсе не употребляют.

голода и усталости двое из них умерли; оставшиеся в живых питались тем, что им случилось словить; наконец, на 18-ый день они пристали к этому берегу. Когда я их встретил, они уже многие месяцы жили в Малегиоке, гостеприимно принятые Ра-клаем, томолем (главным вождем) Артингала¹⁶; но, оставив семейство дома, желали и надеялись вернуться на свой остров. Мне очень хотелось помочь им и завести их туда, но две серьезные помехи представились, и мне пришлось отказаться от этого плана. Во-первых, такого острова, как *Бор*, *Бур*, или *Бул*, не оказывалось (под этим именем) на картах, и хотя имя этого острова и совпадало с именем «Бул» в рассказе Ронгнибая¹⁷, но все же пришлось бы идти на авось и, может быть, употребить много времени на поиски этого острова; во-вторых, взять их с собой, обещав, вернуть их на остров, а затем, не найдя его, пришлось бы, пожалуй, оставить их при себе в качестве слуг или, что было бы для них еще хуже, оставить на шкуне для эксплуатации их бесчестным капитаном. Не желая потерять время или против воли сделать бесчестный поступок, я для их же пользы положительно отказал их настоятельным просьбам, которыми они не переставали осаждать меня, узнав, что я думал помочь им.

* Если европейский рассказчик даже что убавил или изменил, то я считаю его не имеющим достаточного воображения, чтобы выдумать самый материал предания.

Характеристично, что эти новые топоры конструкции своею совершенно подобны старым каменным, т. е. к рукоятке прикреплено железное лезвие совершенно подобно, как в былое время обточенный осколок камня или раковины. Для новых топоров туземцы стараются приобрести стальные долота, которые хорошо соответствуют цели; туземцы стали даже, к неудовольствию тредоров, хорошими судьями доброты европейских железных и стальных инструментов, и теперь трудно стало обманывать их.

Железные и стальные вещи, ружья, даже пушки малого калибра — предметы, которые туземцы с удовольствием выменивают у европейцев. Ткани и платья почти не требуются ими, так как у туземцев вошло в обычай очень рациональное правило: не позволять своим соплеменникам носить в деревнях европейское платье.

Поселение первого европейского тредора случилось здесь лет 8 тому назад; я застал живущими в разных концах острова четырех европейцев.

Так как тредоры — единственные европейцы, которые селятся на время на островах этого отдела Тихого океана и, само собой разумеется, «как белые» имеют влияние на туземцев, то я должен сказать несколько слов, что видел, о них. <Вот> один пример такой эксплуатации, которая почти ежегодно и даже несколько раз в год случается на о. Вуапе. Обещаниями тредоры или шкиперы привлекают партии туземцев сопутствовать им на острова по ту сторону экватора, на о-ва *Агомес* (Хермит), *Ниниго* (Эсчекер) и т. п., для собирания трепанга, так как жители тех островов не соглашаются работать для европейцев. После многодневного перехода, живя в набитом битком трюме, этим несчастным, напуганным угрозами и обращением белых, приходится работать как невольникам, и при мизерной пище и непривычных усилиях они мрут, как мухи. Так случилось, что одна партия туземцев Вуапа, состоящая из 65 человек, вернулась обратно, имея только 7 налицо, из которых многие, вернувшись на остров, через несколько дней также умерли*. Другая опасность, которой подвергаются эти несчастные, заключается в стычках с туземцами тех островов, которые накликаются несправедливостью, корыстью или глупостью шкиперов, которые употребляют опять-таки туземцев Вуапа для войны, которой они сами были виновниками**.

* Это случилось, как я узнал, к сожалению, слишком поздно, со шкуною, на которой я нахожусь теперь пассажиром и шкипер которой принадлежит в полном смысле к категории мерзавцев, о которых я говорил выше¹⁸.

** Года 2 тому назад такой факт случился на о. Агомес (Хермит), в прошлом году подобный же произошел у островка на востоке от о. Адмиралтейства. Надеюсь вскоре поговорить подробнее об этих случаях, *постыдных для белых*¹⁹.

Часто такая рискованная экспедиция людей Вуапа оплачивается белыми эксплуататорами обязательством завести их на архипелаг Пелау для добытая фе или обещанием перевезти оттуда известное число уже готовых денег. Таким образом рабочие руки в продолжение нескольких месяцев достаются почти даром тредорам, не говоря уже, что во время пути туда и обратно бессовестные шкипера не упускают случая заставляя работать их же на судне для себя.

Одним словом, куда ни взглянешь, на каждом шагу видишь здесь доказательства старой, грустной истины: *homo homini — lupus est*^{6*}.

1* *Пригеска* (франц. *frisure*).

2* *В рукописи*: *имея*.

3* *Оптом* (франц.).

4* *Подобны терту* (англ.).

5* *Сильный, сильный человек* (англ.).

6* *Человек человеку — волк* (лат.).

Архипелаг Пелау*

(от 15—28 апреля)

Войдя за риф, мы бросили якорь около островка *Намалакаль*, где находятся несколько хижин, принадлежащих европейским тредорам. Видя, что здесь нет селения туземцев, я на другой же день отправился на о. Аркледеу¹ в резиденцию айбадула, или главного вождя Корора (или Корёра), где, поместившись в «пае»^{**}, или туземном клубе, провел несколько дней. Желая видеть острова и другие селения туземцев, я перебрался затем к неприятелям Корора, на большой остров *Бабель-тон*, в участке Артингал, где остался снова несколько дней. Я пополнял здесь мою прислугу двумя новобранцами: до сего времени я имел только одного слугу — яванца³. Один из вновь взятых сам предложил следовать мне; я его взял преимущественно как охотника и как гребца

* Я пишу *все* туземные имена и названия предметов по возможности ближе к произношению туземцев.

** Английские тредоры в архипелаге переводят «пай» обыкновенно «big house»^{1*}, или «club house»^{2*}; в немецких сочинениях (у Герланда, например) они называются «Gemeindehaus». Последнее название (Gemeindehaus, или ратуша)^{3*} менее других подходит к назначению этих домов; будучи самыми большими постройками в деревне, название «big house» верно; их можно также назвать клубами, так как они принадлежат отдельным обществам или клубам. Туземцы называют их «пай» в отличие от «плай» (частный дом или хижина)².

для моей небольшой шлюпки, желая быть совершенно независим во время стоянок от экипажа шкуны. Я еще раз принужден был вернуться на рейд Намалакаль, чтобы застать там шкуну «Шотландию», которая отправлялась в непродолжительном времени^{4*} в Гонконг, и я таким образом мог переслать пакет писем в Европу, через имп. русское вице-консульство в Гонконге.

Начну с некоторых антропологических наблюдений и прибавлю более интересные заметки из дневника.

Антропологические заметки

Рост, как и на о. Вуап, был очень различен: он варьировал у взрослых мужчин (25 измерений) между 1520 и 1720 мм, (у) взрослых женщин (13 измерений) — между 1450 (и) 1590 мм.

Цвет кожи. Вообще жители архипелага Пелау кажутся темнее жителей о. Вуап, что зависит, однако же, менее от более темной кожи, чем от обстоятельства, что между последними встречается большее число светлых особей, чем здесь. Преобладающий цвет соответствует приблизительно № 44, 28 и 43 таблицы Брока; цвет кожи женщин совпадает с немного более светлыми тонами тех же №№²⁴. У них, как у женщин о. Вуап*, окраска разных частей тела менее однообразна, чем у мужчин, что зависит от их образа жизни: большее время дня они проводят дома в сравнении (с) мужчинами и менее равномерно загорают, чем последние. Темный цвет спины женщин (часто № 43 таблицы) объясняется согнутым положением при полевых работах, которые лежат на женском населении.

Волоса представляют также большое разнообразие. Встречаются особи (но редкие) с прямыми волосами, другие с волнистыми или вьющимися; немало также курчавоволосых, которых большая, всклокоченная волосяная шапка (эта мода носить волосы встречается и здесь) почти нисколько не отличается от расчесанных и взбитых куафюр папуасов. Рядом с прямоволосым можно встретить людей, у которых изпод громадно взбитого парика выглядывают за ушами или на затылке длинные мелкие локоны, завитые пробочникообразною спиралью, которых кольца имеют не более 4 или 5 мм в диаметре. Экземпляров с подобными волосами не приходится искать, что доказывается примером: из 20 случайно собравшихся около меня туземцев я насчитал 9 с папуасообразными *мелкокурчавыми* волосами, 7 — с *курчавыми* и с *вьющимися* волосами, 4 — с *волнистыми* и *прямыми* волосами.

* См. мое предыдущее письмо об о. Вуап в «Известиях имп. Русского географического общества»⁵.

Такой факт, в совокупности с другими (обычаем пробуравливать носовую перегородку, обыкновением снаряжать экспедиции для добычи голов*, знакомством с приготовлением глиняной посуды, с луком и т. п.), легче всего объясняется примесью папуасской крови, которую принимает бывший на этих островах г. Семпер**, которое предположение и мне кажется весьма вероятным⁸.

Череп. Как и у жителей Вуапа, имеет большую *наклонность к брахиоцефальности*. Это обстоятельство несколько не противоречит предположению смешения с папуасами, оно только заставляет думать, что папуасское племя, вошедшее как элемент для образования теперешней расы туземцев арх. Пелау, было брахиоцефальное, подобно примитивным жителям Филиппинских островов. *Индекс ширины* мужских голов (25 измерений) варьировал между 71,4—83,5, индекс ширины женских голов (12 измерений) варьировал между 75,0—81,6.

Встречаются, однако же, головы еще более брахиоцефальные; я смерил одну (которую считаю более как исключение), которой индекс ширины был 87,8.

Между туземцами, которых я имел случай видеть во время 13-дневного пребывания в архипелаге, я заметил 2 случая *косо стоящих глаз*. т. е. внешние углы глаз находились выше внутренних***.

* На всех островах на ЮЗ и З (в Новой Гвинее, на о. Халмагере, на северном полуострове о. Целебеса, в Филиппинском архипелаге) был распространен или существует еще этот обычай, почему это совпадение не может пролить света на происхождение туземцев Пелау. Но, с другой стороны, мы можем заметить, что он образует большой контраст с нравами туземцев восточных островов Каролинского архипелага. Про один из них (о. Уалан) мы имеем интересное свидетельство: «Il n'ont absolument aucune arme, ni même de bâton destiné contre l'homme; il ne peuvent donc, à ce qu'il paraît, avoir la moindre idée, même la plus éloignée, de la guerre...» (*Lütke F. Voyage autour du monde... sur la corvette Le Sèniavine dans les années 1826, 1827, 1828 et 1829. T. 1. Paris, 1835. P. 385*)⁵*. В этом же сочинении граф Ф. П. Литке (Т. 2. Р. 25) говорит, что жители о. Понапе имеют более *папуасообразный* тип сравнительно с туземцами о. Уалана⁶.

** К сожалению, я не имел еще случая познакомиться с книгою проф. Семпера об архипелаге Пелау, которая вышла уже после моего отъезда из Европы и которую в батавийских библиотеках я не нашел⁷. Но уже ранее г. Семпер выразил свое мнение о жителях этих островов, называя их «*смешанным малайо-папуасским племенем*» (см. заметку на с. 138 в его сочинении: (*Semper K.*) *Die Philippinen und ihre Bewohner. Würzburg, 1869*). Мнение это имеет тем больший вес, что г. Семпер пробыл на архипелаге Пелау целых 10 месяцев (см. с. 10 названного сочинения), а не только мимоходом посетил его.

*** Складка около внутренних углов глаз, которая при патологическом увеличении называется *epicanthus*⁹, встречается здесь также очень нередко более или менее обильно.

Об искусственном сплющивании носа, как на о. Вуап, я не слышал; но нос и без того такой плоский, что я нередко видел продольные морщинки вдоль широкого хребта его*.

Пробуравливание носовой перегородки («илап»)** распространено в архипелаге, но уже встречаются исключения.

Чернение зубов («молау» или «мелау»). Как туземцам Пелау не нравится неплюсский нос, так и белые зубы считаются ими обезображивающими человеческое лицо. Мужчины и женщины при наступлении зрелости чернят их, несмотря что эта операция соединена со значительной болью и требует немалого терпения в продолжение нескольких дней. Для этой операции прикладывается помощью кусочков бананового листа черная земля, которую туземцы называют «тельдалек». Это начинают вечером и в ночь переменяют несколько раз эти катаплазмы. Следующие дни пациент пьет единственно жидкую или мягкую пищу (молоко из наскобленных кокосов, растертое таро), которую можно глотать, не жевая. Слизистая оболочка рта распухает и болит при этом.

Татуировка («итнут» или «иткнут» или «мыгнот»). Я не видел здесь людей, которых тело было бы покрыто такою обильною татуировкою, как на о-вах Вуап и группе Могемог. У мужчин татуированы на руках несколько браслетообразных рисунков, на ногах виднеются несколько линий, крестов или звезд. Женщины более татуированы: руки с ногтей,

* Эти продольные складки доказывают также значительное развитие *m. pyramidalis nasi*.

** Обычай пробуравливания носовой перегородки сохранится, вероятно, на некоторое время, потому что с ним связано следующее поверье: «Когда после смерти делеп (душа, тень) умершего является у берега о. Ньяур, желая пробраться в Неделок (местопребывание делеп островитян Пелау), то другие, уже живущие там делепы осматривают вновь прибывшего; заметя отсутствие илапа (отверстие в *septum nasi*), не допускают его к себе в Неделок и спихивают его с бревна, которое служит мостиком, чтобы подняться из моря на крутой берег Неделока. Сброшенный в море несчастный делеп попадает в ожидающую его громадную раковину *ким* (из *gen. Tridacna*), которая закрывается, схватив добычу; в ней делеп без илапа продолжает свое дальнейшее существование».

Слушая этот рассказ, я имел случай сделать наблюдение по сравнительной мимиологии. Говоря, что у делепы осматривают носовую перегородку, туземец сопровождал мимикой свое повествование и высоко поднял (сперва поочередно, затем одновременно) носовые крылья, причем можно было ясно видеть большую часть носовой перегородки и отверстие в ней. Степень подвижности носовых крыльев была такая значительная, что я пожелал удостовериться, могут ли и другие туземцы в той же степени расширять свои ноздри, и убедился в почти одинаковой способности в этом отношении у всех (8) присутствующих островитян, между тем как ни я, ни двое бывших при этом европейцев никак не могли повторить эту гимнастику. *M. levator labii superioris alaeque nasi* оказывался у нас почти рудиментом сравнительно с соответствующим мускулом у туземцев.

до и выше локтя покрыты почти сплошной татуировкою. Ноги от trochanter major до самого maleolus externus, также внутренняя сторона ляжек татуированы крестами, линиями, кругами и звездами; mons Veneris, на которой волосы выщипаны, представляет сплошной треугольник татуировки, который образуется прямою горизонтальною линиею немного выше symphysis ossis pubis и паховыми линиями*.

На лице женщин я видел не раз маленькие татуированные пятнушки, совершенно подобные видом своим и, может быть, назначением мушкам европейских дам прошлого столетия. Они красовались на щеках и иногда на краю ноздрей. У мужчин встречается иногда татуированная тонкая линия от углов рта поперек щеки к ушному отверстию.

Как и на других островах, татуировка производится постепенно; так, девочкам сперва татуируют кисти рук и несколько фигур на ногах; только по наступлению зрелости переходят к татуировке mons Veneris и рук выше локтя**. Операция татуировки — исключительно дело женщин; мужчины также татуируются женщинами.

Инструмент для татуировки (*итиут*) совершенно сходен с тем, который я видел на островах Полинезии, такой же маленький костяной гребень с острыми зубьями***, и сама операция производится тем же образом¹⁰, как и там****. Татуировка больших пространств кожи имеет следствием временное воспаление соседних лимфатических желез и сильную опухоль. Меня уверяли, что многие туземцы Пелау не пере-

* Я узнал об этой моде, заметив на фигуре Дилукай (о которой будет говорено ниже) изображение татуировки на mons Veneris. Я обратился к нескольким «монголь», которые обступили меня, пока я рисовал фасад пая, за объяснением. Вернувшись в пай, они одна за другою показали мне татуировку этой части тела, что было исполнено без лишних жеманств и церемоний. Я не думаю, чтобы туземцы Пелау связывали бы с наготою тела какое-либо чувство стыдливости. Я не раз, гуляя с немалочисленною свитою рупаков, простых людей и женщин, встречал работающих мужчин, совершенно нагих, что при нашем приближении нисколько, однако же, не стесняло их; они продолжали работать или останавливались и вступали в разговор с проходящими, не обращая *никакого* внимания на отсутствие малейшего костюма.

** Смотря по части тела, татуировка носит особое название; так, например, на руках она называется *икр*, на ногах — *келебесакль*, на mons Veneris у женщин — *теленгекель* и т. п. Иногда фигуры татуировки изображают или пытаются изобразить животных (птиц, рыб и т. п.), но большей частью это остается попыткою: трудно бывает угадать, что желала изобразить художница.

*** Он делается здесь из кости птиц, которых туземцы мне называли «кадам» и «квель», но которых мне не случилось видеть.

**** Не знаю, однако же, употребляют ли на других островах ту же краску для татуировки, как в архипелаге Пелау. Здесь мне показывали какую-то сажу или копоть, разбавленную водою. Ее получают, по словам туземцев, сжигая на туземной лампе («ольвидель») род смолы, и копоть собирают, держа над пламенем черепки разбитых горшков.

носят значительной татуировки, особенно ног, и что было много случаев смертности по этому случаю. Эта чувствительность, может быть, причина, что эти островитяне так сравнительно мало татуированы*.

Пояснительное примечание

Мое пребывание в архипелаге Пелау было слишком мимоходное, чтобы сообщение о нем было бы чем иным, как несколькими замечаниями очевидца, и я, может быть, счел бы лишним передавать печати и их, если бы был знаком с вышеприведенною книгою г. Семпера и со статьями г. Кубари**, которые оба оставались в архипелаге достаточно времени, чтобы узнать туземный язык, и имеют, таким образом, громадную выгоду для составления себе верной идеи о жизни, обычаях и умственном развитии туземцев¹². Я же, не зная языка, часто (так как весьма немногие туземцы понимают и сносно говорят по-английски) должен был обращаться при расспросах о виденном не к самим туземцам, а к помощи европейских тредоров, уже несколько времени живущих в архипелаге и знающих немного туземный язык. Они, знакомые отчасти с обычаями, любезно сообщали мне свои сведения, которые, получая, таким образом, из вторых рук, я, однако же, старался проверять при случае в разговорах с туземцами, знающими английский язык, и, насколько было возможно, собственными наблюдениями. В этом отношении я весьма благодарен г. Кондону, жившему несколько лет как тредор в архипелаге, который дал мне пересмотреть свои записки о жизни и обычаях туземцев, и г. Гибонсу, вест-индскому негру, живущему уже около 40 лет в Короре, который передал мне почти дословно^{6*} переведенный и написанный им на английском языке интересный отрывок из истории архипелага*** и предание о Дилукай, которое я сообщу ниже.

* Несмотря на многократные расспросы разных туземцев в различных селениях, я не мог вывести из их ответов заключения, что татуировка имела бы религиозное значение, о котором говорит Герланд (*Waitz Th. Anthropologie der Naturvölker. Th. 5. Abth. 2. Leipzig, 1870. S. 67*); также не нашел, чтобы татуировка была бы различна с общественным положением туземцев и чтобы для вступления в брак девушка необходимо должна быть татуирована (там же). Плата за татуировку также сравнительно небольшая. Замечу, однако же, что я говорю про status praesens архипелага. Может быть, прежде всего это было иначе, но как — туземцы или забыли, или не желают говорить.

** Г. Кубари был послан фирмою Годефруа в Гамбурге для собирания зоологических и других коллекций для музея Годефруа, жил в архипелаге значительное время. Об его статьях, где и когда появились, я пока ничего не знаю¹¹.

*** Этот эпизод, который можно озаглавить «Мщение сестры», слишком длинен и слишком романтичен, чтобы, переводя, прибавить его к этому письму. Передать же одно его содержание не стоит, так как локальный колорит, выступающий в характерных мелочах, в нем почти главное¹³.

Прожив в архипелаге 40 лет, г. Гибонс знает туземный язык как туземец, почему его сообщения и разговор с ним были для меня весьма интересными¹⁴.

Сказав, каким образом я собирал сведения, и указав на источники, прибавлю, что если я рискую повторять уже известное, то это вследствие мнения, что об отдаленных странах и недостаточно известных туземцах, которых обычаи еще *ранее* вымирают, чем они сами, всякое наблюдение и всякая заметка ценны*, даже и тогда, когда они служат единственно как подтверждение или как вариант прежних сообщений**.

Этнологические заметки

Управление. Группа Пелау состоит из приблизительно десятка островов и островков разной величины, из которых самый большой называется Бабельтоп***, многие маленькие вовсе необитаемы. Управление находится в руках множества независимых друг от друга начальников, которые носят разные титулы; так, например, в Короре (на о. Аркледеу) главный начальник называется *айбадул* (некоторые произносят *айбатул*), в Малегиоке он называется *томо*, в Айрай (так же как и Малегиок, «расположен» на большом острове Бабельтоп) он носит название *иригиклак* и т. д.¹⁷ Англичане переводят всех их общим названием «king»^{7*}, которое название вошло и у туземцев в разговор с европейцами.

Кто из них главный, узнать трудно: туземец уверяет, что его остров или его деревня самые значительные и важные; европейский тредор или не знает наверное, или выставляет того начальника как главнейшего, с которым он сам находится в сношениях. Более известная и чаще посещаемая часть архипелага со времен Вильсона и Чина¹⁸ находится в соседстве селения Корор (на о. Аркледеу) и около островка Намалакаль. Чтобы дать понятие о числе главных начальников и о малости их

* Г. Герланд в письме своем (см. мою программу) говорит: «Каждый, даже незначительный, этнографический материал касательно этих (Каролинских) островов будет драгоценен»¹⁵.

** Читатель, найдя в последующем большую несвязность изложения, много пробелов относительно даже важнейших вопросов, согласится, может быть, что после 12 дней пребывания полнота описания невозможна, найдет также со мною, что компиляция из сообщений других путешественников в таком случае, как это письмо, неуместна.

*** Имена на картах очень отличны от туземных названий. Вот названия главнейших по возможности ближе к туземному произношению: Бабельтоп (а не Бабельдуап, как в некоторых картах), Каянгель (а не Киангуель), Эруктапель (а не Уруктапель), Ньяур (а не Ангаур), Улу (а не Урулонг), Аркледеу (а не Корор), Намалакаль (а не Амакаль) и др.¹⁶

Айбадул (верховный вождь)
Корора

территории, замечу, что на о. Бабельтопе мне насчитывали туземцы не менее как 10* друг от друга независимых участков и каждый с отдельным главным начальником.

Власть главного начальника опирается или, вернее, отчасти разделяется с небольшим числом (чаще 3) второстепенных, которые, кроме названия «рупак», носят еще другой титул, который изменяется в разных участках, как и титул главного начальника. Обычай, как наследуется титул, имущество, мне кажется в Пелау весьма запутанным вследствие многоженства и неравенства женщин; незнание языка не дало мне возможности разобрать этот вопрос. Знаю только, что главным начальникам наследует их брат, а не сын**.

Рядом со светскою властью существует еще род духовной, и влияние так называемых «калит» (посредников между сверхъестественным миром и людьми) на дела общественные и частные громадно. Об этом ниже²⁰.

Внешних отличий между сословиями, бросающихся в глаза европейцу, нет, за исключением так называемого «ологоль месегеу»***, описанного многими путешественниками знака отличия рупаков, и некоторых знаков почета низших перед высшими, которые, однако же, легко ускользают от внимания вновь прибывшего европейца.

* Вот их имена: Артингал, Нарамелунгуй, Нареколою, Аретмау, Айбукет, Эмелийк, Айрай, Мангалакаль, Акалак, Каклау¹⁹.

** Это обстоятельство — причина, что здесь главным начальникам, имеющим братьев, близких им по летам, очень часто приходится бояться за свою жизнь; нередко случается, как мне говорили, что брат, желая в свою очередь быть главным начальником, убивает своего предшественника. Поэтому, мне объясняли, главный начальник не любит выходить в сумерках из дома и, даже отправляясь мыться, берет с собою верного провожатого, а не идет один.

*** Этот здесь весьма ценный знак отличия звания рупака, или дворянина, — не что иное, как atlas (1-й позвонок) Halicore Dugong L., который носится браслетообразно на левой руке. Я видел на руках некоторых рупаков шрамы от ран, произведенных усилием при продевании в узкое отверстие позвонка. Atlas называется «ологоль», H. Dugong — «месегеу».

Если главный начальник приближается к дому, в который он хочет зайти, низшие, замечая его намерение, спешат выйти из него; завидя его или высокого рупака, они сходят с дороги, вынув гребень из волос, проходят, нагнувшись, мимо него. Входя в его дом, оставляют вне его топор; в море, завидя пирогу высшего, низший должен отдавать лучшую из пойманных рыб. Около полудня, если главный начальник имеет привычку спать, в деревне никто не смеет заниматься работою, с которою соединен стук или другой шум. С главным начальником говорят не иначе, как присев на землю около него или нагнувшись, опустив глаза и вполголоса²¹.

Перечисленные примеры — только часть кодекса этикета относительно высших; он может быть узан вполне только при более долгом пребывании между туземцами. Что таковой существует и что им руководствуются при сношениях с главным и второстепенными начальниками, с рупаками, с женщинами разного происхождения — несомненно, так как даже отношения между близкими родственниками (хотя вследствие других причин) установлены строгим обычаем*.

Религия. Говоря о так называемых «калит», которых изречения не только влияют на управление главных начальников, но которые сами в некоторых (хотя исключительных) случаях заступают или исправляют должность их, пользуются их властью и почетом**, приходится говорить о религиозных воззрениях туземцев Пелау***.

Сознавая вполне недостаточность моих сведений, я приступаю к этой теме только нехотя и сообщу единственно то, что слышал от самих туземцев, удерживаясь по возможности от всяких комбинаций и догадок с моей стороны; умолчу такие результаты разговоров с туземцами, при которых я не совершенно убежден, что мой вопрос был вполне понят, или в тех случаях, где ответ казался мне сбивчивым и неясным****.

* Двоюродный брат не только не смеет сесть рядом с кузиною, но может говорить с нею только издали и то только в необходимых случаях.

** Так, например, во время моего пребывания в архипелаге главные начальники в *Айрай* и *Пилилю* были «калит».

*** Сэр Дж. Лёббок (*Sir John Lubbock. The Origin of the Civilisation and the Primitive Condition of Man. London, 1870. P. 140*), основываясь на словах Вильсона, причисляет туземцев Пелау к племенам без всякой религии. Такая ошибка со стороны Вильсона, который был на о-вах Пелау два раза, произошла, вероятно, от недостаточности знания языка, отчасти от отсутствия бросающихся в глаза обрядов у туземцев.

**** Мне много раз казалось, что, предлагая туземцу даже самые простые вопросы, я давал ему задачу, о которой он прежде никогда не думал, почему его ответ, данный, только чтобы отделаться, был в таком случае очень неопределенный. Также весь ряд названий, сюда относящихся, которых, однако же, почти что невозможно избегнуть, как бы европейцу они ни казались бы недвусмысленны и различны друг от друга

Очень может быть, что при знании языка и при продолжительном знакомстве с туземцами можно проследить еще существование рудиментов старинной мифологии, о которой говорит Герланд*, и очень вероятно, что культ усопших, очень распространенный в Микронезии, существует и здесь; но во всяком случае положительно, что, желая классифицировать теперешнюю религию архипелага Пелау, можно или должно назвать ее *шаманизмом*. Не должно забыть при этом, что в действительности фазы духовной жизни рас обыкновенно не проявляются в чистых, несомненных формах, как в теоретических соображениях**.

На мои вопросы, продолжают ли существовать где люди умершие, живут ли они в других местах и могут ли возвращаться туда, где жили, я получал ответы от туземцев разных местностей архипелага и разного пола, которые, суммируя, я могу передать в следующих словах.

По смерти человек становится «делеп» (или «дегеп», как некоторые произносили)*** и <через> несколько дней после смерти (на четвертый или пятый) он возвращается в дом, где прежде жил, и посещает места, которые прежде посещал. Делеп являет свое присутствие разными звуками: внезапным треском, щелчком, которые выходят как бы из дерева, свистом в бамбуке, звуками, иногда громкими и короткими, иногда тихими и продолжительными, которые выходят непонятно откуда. «Делеп» не только можно слышать, но и видеть; не только ночью, когда они являются чаще, но и днем. Но обыкновенно их в одно и то же время видит только *одно* лицо. Их присутствие в доме не приносит ни счастья, ни несчастья; но люди, особенно женщины, их боятся. Ночью они могут тревожить сон человека, душить его и т. п.****

(видение, сон, покойник, а еще более как: дух, божество и т. п.), остаются туземцу или непонятными, или он соединяет с ними совершенно иные представления. Обоим приходится угадывать: слушающему — вопрос и получающему — ответ. Ясно, выходит часто путаница (которую нередко путешественник не осознает или даже не предполагает). Единственный рациональный путь, чтобы узнать что-нибудь приблизительно верно, мне кажется, следующий: навести разговор на интересующую тему и слушать, что туземцы говорят или рассказывают о ней, как можно менее сбивая их вопросами. Другое условие, очень важное, но весьма зависящее от случая: найти человека, который сам интересуется этими вопросами и желает о них говорить; большинство туземцев о них знает поверхностно или, не интересуясь ими, успело забыть, что слышало от стариков, или (случай очень нередкий) притворяется непонимающим, в чем дело и что его спрашивают.

* Waitz Th. Op. cit. Th. 5. Abth. 2. S. 135 und folg.

** Как, например, в гл. IV, V, VI вышеприведенного сочинения сэра Дж. Лёббока.

*** Предоставляю читателю подыскать по усмотрению перевод понятия «делеп», или «дегеп»: перевести его или духом, или душою, или привидением, или чем-либо вроде того.

**** Несколько дней тому назад я был разбужен ночью странным криком, как бы кого душат. Этот крик, хрип время от времени продолжались довольно долго; я услышал

«Калит» могут призывать их, говорить с ними. Но место пребывания «делеп» — не деревня или дом, где они прежде жили, куда они по временам возвращаются, а о. *Ньяур**, где они обитают местность, называемую *Неделок*, в которой много людей их видели пляшущими, слышали их голоса и песни и куда им приносят съестные припасы. Люди, умершие и ставшие «делеп», переходят в эту новую форму существования *совершенно подобными* (с совершенно подобными качествами, с тем же достоинством, полом, внешностью и т. д.), как жили в этой жизни. Для людей высокого происхождения, как, например, главных начальников, калит, высших рупаков и их родственников, будущее местопребывание — не о. Ньяур, куда попадают после смерти обыкновенные люди, а они перенесутся в «аянгет»** — на небо, где все будет еще лучше, чем на о. Ньяур, где также очень хорошо и где лучше, чем где-либо на о-вах Пелау. Животные, умирая, становятся также «делеп»; но об убитых и съеденных мнение туземцев было разное.

Несравненно важнейшую роль, чем эти «делеп», в жизни туземцев играют уже упомянутые «калит»***, предсказатели будущего, вызыватели делеп и т. п. Туземцы прибегают к ним во всех затруднительных случаях: при болезни, предпринимая что-нибудь важное, отправляясь

далее говор и шаги около хижины моих людей. Вошедши наконец посмотреть, в чем дело, я увидал моего слугу Мёбли (туземца арх. Пелау), ходящего около хижины, размахивающего головешкою, которую держал в руках, и говорящего что-то. «Что это ты делаешь?» — «Дегеп душили, не дают покоя сегодня!» — «Много их?» — «Очень!» — «Откуда они? Из Пелау, что ли, явились докупать тебе?» — «Нет, это делеп отсюда, из Бонгу». Утром Мёбли сказал мне, что после нашего разговора ему удалось разогнать их головешкой.

* Ньяур — Ангор, или Ангаур на картах, — самый южный островок всей группы. Он населен и весьма плодороден.

** «Аянгет» — общее название неба, облака, а не специальной местности на небе.

*** Название «калит» имеет у туземцев Пелау очень обширное значение. Хотя обыкновенно так называют людей, которые служат посредниками между людьми и неведомым миром и т. д., но «калит» также называют высшую силу или божество, с которым беседует человек-калит (называемый также «корон»), испрашивая его совет или указание. Г. Кондон и другие европейцы, живущие на островах, уверяли меня, что божество туземцы называют обыкновенно «*диос*» — название, как и многие другие (*солдао* — воин, *плато* — тарелка, *мантега* — масло, *милло* — кукуруза и т. п.), несомненно испанского происхождения. Действительно, туземцы понимают это название и употребляют в разговоре с белыми, но, спрошенные, как «диос» называется на их языке, переводят и говорят: «калит» или для отличия от человека-калит прибавляют: «кло-кло», «калит кло-кло» (большой-большой калит). Кроме этого «калит кло-кло» или «диос», простого калита или человека, о котором я начал говорить, «калит» бывают и животные (например, рыбы), даже камни (Милат) и др. Растяжимость названия «калит», вероятно, кажется людям-калит или «корон» весьма удобным средством увеличивать свое значение; например, человек-калит, говоря про себя, уверяет: «Калит не умирает, не становится делеп, а уходя в аянгет, остается калит».

в путь, когда желают хорошую погоду, дождь и т. п. Калит сопровождает их в походах; если они возвращаются победителями, победа, разумеется, — дело калит; если они побиты, калит находит всегда уважительную причину. Каждая деревня имеет своего калита; калитом могут быть и женщины, и иногда самые безобразные старухи имеют это звание. Мне рассказывали про одну, которая отличалась своею уродливостью: она имела один только глаз, нижняя челюсть была свернута на одну сторону, а в верхней торчал единственный клыкообразный зуб; на спине был горб, и громадная рана украшала ее ногу. Об этой ране она говорила, что лечить ее нельзя, что никакие лекарства не помогут, потому что это не простая рана, а что «великий калит» ее так любит, что уже заживо хочет съесть ее. (Я несколько раз слышал, что туземцы представляют себе невидимого калит пожирающим людей, почему добытые в экспедициях головы складывают окончательно в домах или около домов земных калит).

По словам г. Кондона, европейские тредоры, живущие для меновой торговли в архипелаге, должны жить в мире с калит. Желая построить дом, торговать на островах и иметь помощь туземцев, даже отчасти для личной безопасности, тредор непременно должен посоветоваться с одним из влиятельных калит, к которому он отправляется со многими рупаками. Узнав от последних, в чем состоит желание белого, и посмотрев на подарки, необходимо сопровождающие визит, калит скрывается за циновкою, которая отгораживает часть хижины, и начинает бормотать вполголоса. Туземцы при этом соблюдают глубокую тишину, чтобы не помешать беседе человека-калита с великим невидимым калитом, или диос. Через $\frac{1}{2}$ часа или более земной калит, устав шептать, выходит, и, разумеется, все соответствует желанию европейца, если подарки пришлись по вкусу калита.

Тредоры тем более должны соблюдать хорошие отношения с влиятельными калитами, что для туземцев их слово — закон. Захочет калит чью-нибудь голову, туземцы, боясь отказать что-либо калиту, принесут ее не сегодня, так завтра. Туземцы не только боятся, но имеют также полную веру в могущество своих калит. Между многими слышанными примерами приведу один случай. Один из тредоров вернулся на о-ва Пелау, потерпев на пути в Сингапур кораблекрушение. Когда молва об этом распространилась, одна старуха, принадлежащая к числу калит, которую этот же самый тредор когда-то прежде чем-то обидел, объявила, что она об этом несчастье давно знает, так как она сама тому причиною: кораблекрушение случилось вследствие ее просьб, чтобы «калит кло-кло» наказал бы этого белого за обиду, нанесенную ей. Никто из туземцев не сомневался более в настоящей причине кораблекрушения, и значение этой старухи как калит даже увеличилось.

В каждой деревне архипелага около домов начальников, рупаков и даже простых людей построены домики, которые бросаются в глаза по своей малости, так что в некоторых человеку нет возможности поместиться ни в каком положении, в других же, немного более обширных, один и даже два человека могут лежать рядом. Туземное название их «уленга», и они служат местом, которое посещает «невидимый калит»*, но земные калит считают «уленга» построенными также и для них самих, и целые дни проводят в тех, которые пообширнее, куда туземцы приносят им все необходимое. Заболевает ли кто из семьи, требуется ли по какому-нибудь случаю особенно часто совета калита, туземец спешит построить «уленга».

Я уже сказал, что калитом могут быть и женщины и что в каждой деревне находится таковой, мужского или женского пола, но собственно, как мне говорили, на всем архипелаге 5 главных калит.

К сожалению, мне не удалось узнать, какие процедуры предшествуют возведению калита в его должность; может быть, впрочем, что никаких особых церемоний при этом нет, а это звание переходит по наследству. Мне показывали детей, говоря, что они «маленькие калит» и что когда подрастут, будут «большими калит». Так как калит не считают ниже своего достоинства брать себе жену или жен, то, вероятно, их дети наследуют их звание.

Рыба, про которую мне говорили, что она «калит», была из разряда скатов (*Rhinobatus punct.*). Я думаю, что многие животные разделяют с нею это достоинство, но мне не случилось наткнуться на них**.

Я слышал в Малегюке о камне, который пользуется особым почетом, которого также называют «калит» и которому даже приносят жертвы. Этот камень называется «Милат»***, находится в участке Нарамелунгуй на о. Бабельтопе. Вот предание о нем:

«Давным-давно женщина по имени Милат разрешилась от бремени тремя сыновьями и дочерью. (Кто был ее супруг — предание умалчивает, или рассказчик позабыл его). От этих детей Милат произошли люди, которые живут теперь в четырех участках архипелага. От трех

* Называть «калит кло-кло» или «диоса» «невидимым калитом» только отчасти верно, так как он невидим для обыкновенных людей: люди-калит, однако же, могут его видеть.

** Другая рыба-калит — угорь, которого туземцы называют «кителель». Только многие могут ее есть, для большинства она строго «могуль» (табу). Я слышал о ней предание, что причина землетрясения в Пелау — громадный «кителель», живущий глубоко под землею. Мне также рассказывали, что под землею живут люди, которые спят, когда на земле (в Пелау) день, и, наоборот, ходят, едят, сажают таро, когда в Пелау ночь. Эту страну называют туземцы «Датек».

*** Некоторые произносили «Милас».

сыновей произошли люди Артингала, Нарамелунгуя, Корора, от дочери — (люди) Емелийк. Случилось большое наводнение, и море залило большое пространство острова. Милат хотела при помощи толстого бамбука спастись, достигнув горы, которая не была под водою. Но бамбук погрузился в воду, и Милат утонула. Зацепившись волосами за деревья, она осталась в области Нарамелунгуй и превратилась в камень. Камень-женщина Милат еще до сих пор существует; можно видеть ее лицо, груди²² и прочие части тела. Туземцы 4 названных участков, считая Милат своею прародительницею, посещают и приносят масло, которым натирают ее тело»*.

Здесь мы имеем пример, как фазы религиозного развития тесно связаны между собою.

Рядом с шаманизмом мы имеем культ предков, который переходит почти что в почитание идолов. Камню-калиту Милат недостает только особого храма и нескольких жрецов, чтобы стать идолом в полном значении слова^{** 23}.

* «Камней-калит» в архипелаге, вероятно, немало, так как в одном Малегиоке я слышал о трех: один называется *Мангахуй*, с человеческим лицом, который ест волосы проходящих мимо небрежно причесанных женщин. *Олегиок*, который находится близ пая рупаков, в самом селении, имеет обыкновение приподниматься из земли, когда «кальдебехель» Малегиока добыли неприятельскую голову, между тем как в селении об этом еще не знают. *Кодаль-мелех* — третий камень-калит, которого называли даже «калит кло-кло» (большой-большой калит), но не прибавили никакой особенности о нем.

** В Пелау встречается род фетишизма, в подробностях весьма похожий на оним или «кумани» папуасов Новой Гвинеи (см. мои «*Ethnologische Bemerkungen über die Papuas der Macclay-Küste in Neu-Guinea*. II. Batavia, 1876²⁴). Совершенно как и там, туземец Пелау убежден, что его явные или тайные враги могут сделать его больным и даже быть причиною его смерти, если достанут пучок его волос или немного жеваного им пинанга. Известные манипуляции (заговор, сжигание и т. п.) превращают эти предметы в «олай», от которого он заболевает и даже может умереть. Мне говорили в Малегиоке, что жители Корора (их враги) привозят нередко в Малегиок заговоренное таро, раковины, рыбу и другие съестные припасы в виде подарка. Съевшие их люди, не подозревая «олая» (заговор, лекарство), заболевают и умирают от него. Но есть калиты, прибавил рассказчик, умеющие распознавать, заговорены ли подарки. Человека, который приготавливает олай, называют «мала-паль».

Не единственно заговоренная пища может причинить вред: таро или рыба, которые перед приготовлением были брошены сильно на землю или которых били, есть опасно: от них обыкновенно заболевают. Туземцы Пелау весьма суеверны; множество мелочей могут быть причинами болезни, несчастья, неудачи. Так, жить в доме, в котором при постройке конек был поднят небрежно (например, раскачивая его) или так, что один конец был поднят прежде, чем другой, в доме, в котором пальмовые или панданусовые листья положены особнным образом, весьма опасно: болезнь, ряд несчастий и даже смерть хозяина могут быть следствиями.

Могуль. Обычай, который имеет (или, вернее, имел) свое полное развите в Полинезии и который там называется «*tabu*», встречается, как известно*, и в Микронезии. На о. Вуап он называется «матра-мат»**, в архипелаге Пелау он обозначается словом «могуль». Что туземцы считают могуль, узнать можно вполне только при продолжительных сношениях с ними или случайно наткнуться на интересный пример применения этого обычая; при кратковременном посещении его влияние особенно заметно при еде: этот человек не ест кур, эта женщина считает такую-то рыбу могуль, а может есть другую и т. п. Человек, например, добывший недавно голову неприятеля, не может есть известную пищу (например, кур); такая-то тропинка — могуль для женщин и т. д. Очень много местностей в архипелаге считаются могуль. Разумеется, главные начальники, многое, принадлежащее им или относящееся до них, так же как и калиты, рупаки, — *могуль* для низших***.

В примечании к стр. 11* я упомянул об *отсутствии обрядов*, и, действительно, в архипелаге Пелау находятся едва следы их, и единственно (насколько я узнал) при погребении. Когда родится ребенок, когда дают ему имя, нет никаких церемоний. Выбор имени не связан также ни с каким обыкновением, и теперь вошло в моду называть детей именами европейцев. Также женитьба — простой контракт или, вернее,

Если, собираясь куда-нибудь или предпринимая новую работу, туземец увидит на дороге мертвую мышь, на этот день отъезд или работа откладываются в сторону, чтобы не случилось несчастья на пути или чтобы работа удалась. Испражнять мочу в отверстие нор земляных крабов не следует из боязни какой-нибудь болезни половых органов, которую причинит рассерженный краб.

* Waitz T. Op. cit. Th. 5. Abth. 2. S. 147.

** Туземцы Вуап произносят различно, иногда слышится: «*мата-мат*», иногда «*маса-мас*».

*** Между тем как «могуль» соответствует полинезийскому «*табу*» или «*помали*» Молуккских островов, «*плюль*» в архипелаге Пелау аналогично малайскому «*сасси*» (особенно распространенному и сохранившемуся обычаю на Молуккских островах)²⁵. «Могуль» имеет более или менее религиозный характер, и несоблюдение его, как и несоблюдение «*помали*», карается болезнью, несчастьем и т. п., а не людьми. «*Плюль*» — мера административная или полицейская, и проступки против него наказываются людьми; «*кальдебехель*» или «*солдао*» смотрят за соблюдением наложенного «*плюль*». Когда, например, кокосовые или арековые орехи становятся малочисленны на деревьях, главный начальник или рупаки или даже «*кальдебехели*», с согласием первого, налагают «*плюль*» на соответственные деревья, и ни один туземец, под страхом наказания, не смеет обрывать их; хотя эти деревья — общественная собственность, но наложенный «*плюль*» делает пользование ими *на время* запрещенным для всех. Если «*кальдебехель*» застают кого-нибудь, преступившего запрет, то без дальнейших церемоний надевают ему на шею веревку, и только значительный выкуп, который идет в пользу «*кальдебехель*», может избавить преступника против «*плюль*» от повешения.

покупка девушки у ближайших ее родственников. Погребение следует скоро после смерти туземца; если это случилось утром, то около полудня, как только могила готова, его хоронят*; если он умер вечером или ночью, то тело его стерегут при ярком свете костра или факелов, пьют «илан»** с лимонным соком и водой, жуют пинанг и курят. Главный вождь произносит род похвальной речи над покойником.

Когда могила готова, мать или ближайшая родственница умершего идет осмотреть ее, и женщины воют, когда хоронят тело. Только немногие мужчины, ближайшие родные усопшего, присутствуют при погребении; похороны почти исключительно дело женщин, которые за эту услугу получают по небольшому черепаховому подносу и по такой же ложке.

Четыре главные плакальщицы живут 4 месяца в доме покойника; во время этого периода им строго запрещено употребление воды (т. е. они не должны мыться, пить весьма немного и т. п.). Этот период и обычай называется «мугниу».

Гробницы находятся около самых домов, перед дверьми. Тело хоронят в лежачем положении, завернутое в циновки.

Клубы кальдебехель и пай. Как и на о. Вуап, все мужское население разделено на клубы, которых члены называются «кальдебехель»***, которых сборные дома называются «пай»; а женщины при них носят имя «монголь». Численность клубов и домов их соответствует числу населения; так, например, в Малегииоке, резиденции томоля (главного начальника) Артингала, было 6 пай, и в каждом членов от 15—40 человек, которое число значительно варьирует, как мне сказали****.

Касательно сведений об истории учреждения этих обществ или клубов, их уставах, характере их влияния на общественную жизнь и т. п. отсылаю читателя к сообщениям путешественников, более меня бывших в архипелаге. Замечу только, что при мимоходном даже знакомстве с жизнью туземцев Пелау приходишь к мнению, что это учреждение играет в ней большую роль.

* Покойника обмывают, одевают в новую одежду (кариут), ему надевают разные украшения на шею или оставляют все, которые он обыкновенно носил (ожерелья, серьги), на нем, за исключением, однако же, «ологоль месегеу» (atlas *Halicore Dugong L.*), который считается слишком ценным, почему его по смерти снимают с рукавов. Лицо и грудь покойника намазываются красною краскою.

** «Илан» — сироп, приготовленный кипячением сока из ростка кокосовой пальмы. Он имеет приятный, сладкий вкус и может быть долго сохраняем, не портясь.

*** Некоторые туземцы переводили в разговоре с европейцами это название словом «солдао». Не знаю, как давно это имя вошло в употребление и насколько верно передает этот перевод название и значение «кальдебехель».

**** Вот названия пай и численность их членов в Малегииоке во время моего посещения: Аркердеу — 40 чел., Комаук — 20 чел., Кальдесикибиль — 30 чел., Пейлекалит — 15 чел., Курурау — 20 чел.

Совершенно подобный клуб, как и «кальдебехель» или «солдао», образуют также рупаки, который посещается даже главным начальником, почему, вероятно, их пай (обыкновенно три рядом стоящих дома) находится вблизи дома главного начальника, как это я видел в Короре и Малегиоке. Европейцам, посещающим эти острова и остающимся не <настолько> долго, чтобы построить особый дом, главные начальники отводят обыкновенно квартиру в пае рупаков. Во время своего несколькихдневного пребывания в Короре я жил в пае, около дома айбадула; в более древнем из этих трех сборных домов, но который еще цел, помещался некогда капитан Мак-Клюр*²⁶.

В Малегиоке один из трех пай (около дома томоля) только что был вновь выстроен, но еще не открыт для посетителей. Мне сказали, что ожидают для торжественного посвящения его голову неприятеля; добыв таковую, будет устроен пир, будут пляски, и новый пай откроется для членов.

Об архитектуре пай, их оригинальных фронтонах поговорю ниже, при описании построек вообще.

Необходимым аксессуаром пай, как и на о. Вуап, являются «монголь»**, которых число различно в разных пай; в некоторых оно значительно; так, например, в одном пай в Малегиоке на 20 человек мужчин было 12 женщин.

Называть монголь публичными женщинами (ошибку, которую я сам сделал в предыдущем письме об о. Вуап), мне кажется, отчасти неверно. При покупке девушки каждый член вносит свою часть платы за нее, и она делается женою *только* членов пай, при котором она находится. Это скорее пример *ограниченного* «коммунального брака», даже строго соблюдаемого. В этом смысле были *все* ответы туземцев, из которых я узнал, что члены пай никогда (?) не представляют своих монголь другим туземцам, даже временным гостям***.

* Waitz Th. Op. cit. Th. 5. Abth 2. S. 101.

** Некоторые туземцы произносят «монгаль».

*** «Что, если главный начальник прикажет предоставить «монголь» другому, например белому, или сам возьмет ее?» — спросил я у нескольких туземцев, разговаривая с ними об этом учреждении. «Ни томоль, ни айбадул, ни один из главных начальников этого не сделает, — был ответ, — потому что они знают, что его тогда убьют кальдебехель». Не знаю, насколько такое сангвиническое мнение подтвердится на деле и воспоследует ли *tant de bruit pour si peu de chose*^{9*}, как «монголь», но тредоры и туземцы мне говорили, что если белый спросит у главного начальника для себя женщину на время пребывания на островах или на одну только ночь (случай, нередко встречающийся), то главный начальник никогда не назначает монголь, а приказывает одному из простых людей уступить для этой цели на время свою жену. Ясно, что удобнее иметь одного, может быть, недовольного против себя, чем целый клуб.

Так как нет, как уже сказано, особенных церемоний, сопровождающих вступление в брак, то и с этой стороны разницы нет; в одном случае девушка делается женою одного, в другом — женою многих.

Между участками существуют условия меняться девушками для клубов; так, например, мне говорили, что подобное условие существует между Корором и Айрай. Отцы или родственники произвольно отдают своих дочерей в клубы, тем более, что члены клуба, платя сообща, всегда почти дают хорошую цену. Участь этих монголь, как я уже заметил, говоря о той же категории женщин на о. Вуап, нисколько не хуже жизни других женщин, во всяком случае комфортабельнее и разнообразнее. Их карьера кончается, однако же, не в пае, где требуются преимущественно молодые женщины: они выходят замуж, так как положение монголь не считается нисколько унижительным. В корорском пай я видел в числе монголь еще не развитых физически девочек лет 10 или 11, которые ожидали очереди*. Кроме обязанности монголь исправлять должность жен кальдебехель и прислуживания в пае, они сопровождают их в походах; их обязанность тогда, кроме приготовления еды, — пение воинственных песен** 27.

Положение женщины в архипелаге Пелау сравнительно высокое и влияние их значительное. Они не только могут быть калит и через то иметь большое значение, но даже в некоторых случаях они не лишены

* Мне сказали, но не знаю, верно ли, что одна из маленьких девочек была дочь одной из монголь. Что монголь имеют детей, я часто слышал, но не знаю, остаются ли в таком случае дети женского пола в том же пай и становятся ли со временем монголь.

** Знакомясь с этими обществами кальдебехель на о. Пелау, я невольно вспомнил об обществах «улитаос», или «уритаос», некогда существовавших на Марианских островах. Как и там, они существуют на всех островах, образуют отдельные замкнутые общества и имеют везде свои дома (пай); как и там, члены их живут с девушками, причем не стеснены брачными узами и обязанностями; положение этих женщин (монголь) на о-вах Пелау не считается нисколько унижительным, хотя они не стоят выше других, как на Марианских островах; общества кальдебехель, будучи вооруженною силою (что выражается даже в переводе — «солдао»), имеют, разумеется, значительное влияние на управление.

Что касается языка песен «улитаос», непонятного другим, то замечу, что на о. Вуап я записал несколько песен, которых ни певшие их, ни старики, к которым первые меня отослали, не сумели перевести. Одни говорили, что слова этих песен принадлежат диалекту другого участка острова и что там их, может быть, понимают; другие утверждали: это старый язык, которого никто на острове не знает более. Подобно этому могли быть песни улитаос непонятны другим. Не имея здесь сочинений *Фрейсине* и *Ле Гобиена*, на которые ссылается *Герланд* (*Waitz Tb. Op. cit. Th. 5. Abth. 2. S. 148*), не могу решить, насколько их сообщения могут поддержать предлагаемую гомологию и имеет ли религиозный характер, который придает этим обществам «уритаос» *Герланд*, достаточную поддержку в описаниях путешественников, бывших на Марианских островах до истребления их туземцев²⁸.

права временно занимать место главного начальника*, и они пользуются тогда общим послушанием. Женщины образуют, как и мужчины, особые общества, и мне говорили, что если женщина серьезно провинится, она судится (?) женщинами же. Не знаю, однако же, насколько это верно. Так как при наследовании женская линия имеет первенство перед мужскою, то из этого следует неравенство общественного положения женщин; так, например, айбадул в Короре называл «queen»^{10*} не одну из своих жен, а сестру, желая выразить ее положение как высочайшей женщины в Короре.

Туземцы берут несколько жен, но чаще двух которых помещают в отдельных домах. Жены пользуются значительною свободою, и мужья позволяют им посещать без себя пляски, пиры и т. д.

Как только жена замечает беременность, половые сношения с мужем прерываются, и они могут быть возобновлены не ранее 10 месяцев после родов**. С женами обращаются хорошо, хотя возлагают на них всю нелегкую полевую работу. Есть в обществе жены на о-вах Пелау муж не считает унижительным, но выказывать ей^{11*} при посторонних большое внимание считается неприличным; также посетитель, входящий к мужу и застав жену его сидящую около него, должен игнорировать ее присутствие; противное, как мне говорили, не считается *bon ton*^{12*} в обществе Пелау.

Постройки²⁹. Дамбы. Почти около всех береговых деревень построены далеко выходящие в море дамбы; их назначение отчасти чтобы служить брекватерами, отчасти их строят для удобств при рыбной ловле³⁰. В селениях улицы представляют, как и на о. Вуап, массивные *мостовые*, которые переходят в лестницы, если того требует местность. Для туземца, не носящего обуви, эти мостовые, может быть, целесообразны, я же находил их всегда почти весьма неудобными. Средние, более плоские и широкие камни, образующие собственно тропинку, по которой преимущественно ходят, вытертые ногами многих поколений, для подошв европейской обуви скользки; при дожде это неудобство еще увеличивается. Так как промежутки между камнями не выполнены землею или песком, то приходится ступать с одного камня на другой и

* Мне называли участок, в котором был такой пример во время моего посещения островов, но, к сожалению, заметка эта утратилась, я не могу найти ее до сих пор.

** Но подобное воздержание во время менструаций мужчины Пелау, как они сами сознаются, считают лишним. Этому как бы противоречат воззрения их относительно коитуса. Отправляясь на рыбную ловлю, туземцы очень опасаются, чтобы кто из мужчин, спавших последнюю ночь с женщиною, не прикоснулся бы до «пуба» (большой корзиноподобный аппарат из бамбука для ловли рыбы). Если такой человек дотронется каким-либо образом до него, улова совершенно не будет или он выпадает самый мизерный.

соразмерять шаги, чтобы не попасть в промежуток и не свихнуть себе ноги, что легко может случиться при узкости и глубине этих скважин.

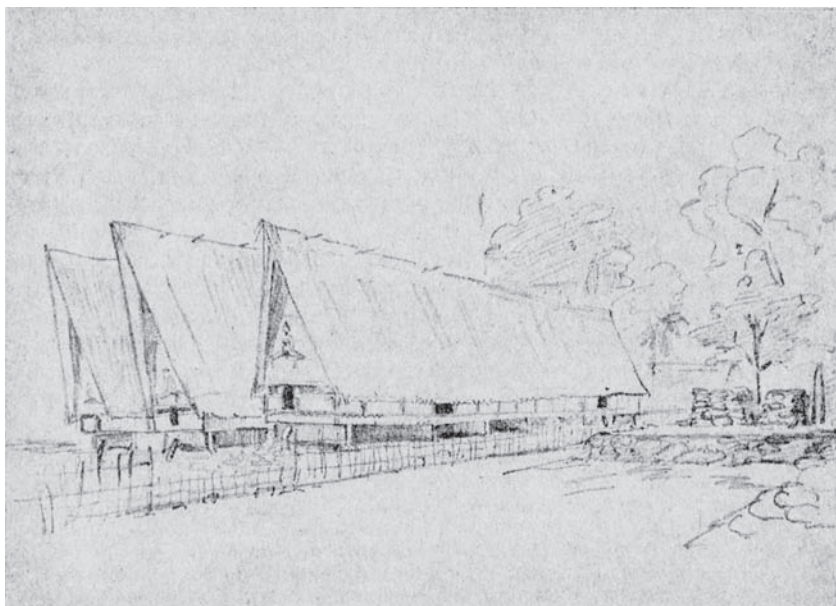
Приходится, ходя по этим мостовым, постоянно смотреть под ноги, отгонять всякую мысль и не обращать внимания на местность вокруг. Во избежание всего этого я часто предпочитал ходить в канавках по сторонам, что немало удивляло туземцев, которые, привыкшие к этой гимнастике, быстро шагают с одного камня на другой.

Но, во всяком случае, эти мостовые, которые стоили туземцам, не имеющим выючных животных, немалого труда, делают им честь, как сооружение для общественной пользы.

Пай. Хотя общий характер и расположение общественных домов на о. Вуап и архипелаге Пелау сходны, но образ постройки их разнится более, чем их имена: *пай* (Пелау) и *бай-бай* (Вуап)³¹. Здесь пай построен из дерева, бревен и толстых досок, а не из бамбука и необтесанных стволов, как на о. Вуап, и все здание скреплено здесь не веревками, а шипами. Хотя пай обыкновенно стоит на возвышенной каменной террасе, но он имеет еще, кроме того, особенный пол из толстых досок, которые отстоят от земли на $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ м. Здание не стоит, однако же, на сваях, а на нескольких поперечных бревнах, которые в свою очередь лежат на больших камнях. Внутренность освещается окнами³², которые служат также дверьми: по одному в переднем и заднем фасаде и по несколько подобных же расположенных друг против друга в боковых стенах. Вкопанное, снабженное ступенеобразными зарубками бревно находится против каждого окна-двери, заменяя лестницу.

Вышина крыши парализует неудобство низких стен; внутри далеко не жарко, даже при дневном *тахитим* температуры; все четыре стены, представляя отверстия, ветер свободно гуляет в пае; не раз даже в полдень мне казался сквозной ветер неприятным по своей прохладе. На ночь окна-двери могут быть заперты ставнями с внутренней стороны. Толстые доски, образующие пол, гладко обтесаны и выполированы ногами посетителей; в некоторых местах в крае их сделаны вырезки, которые таким образом представляют искусственные щели для плевания и выливания жидкостей. Они так расположены, что приходится около тех мест (вдоль стен), где посетители имеют обыкновение садиться или ложиться спать. Посредине пай на полу находятся две или три окруженные возвышенными рамками площадки³³, с насыпанною землею и несколькими камнями, служащие подставками для горшков³⁴.

По стенам пая стоят несколько выдолбленных стволов в 1—1,5 м вышины, которые употребляются как сосуды при приготовлении «корегура» — национального питья, состоящего из «илан» (сиропа), лимонного сока и воды³⁵. Ряд полок находится на боковых стенах для складывания на время дня циновок и подушек. Вечером пай освеща-

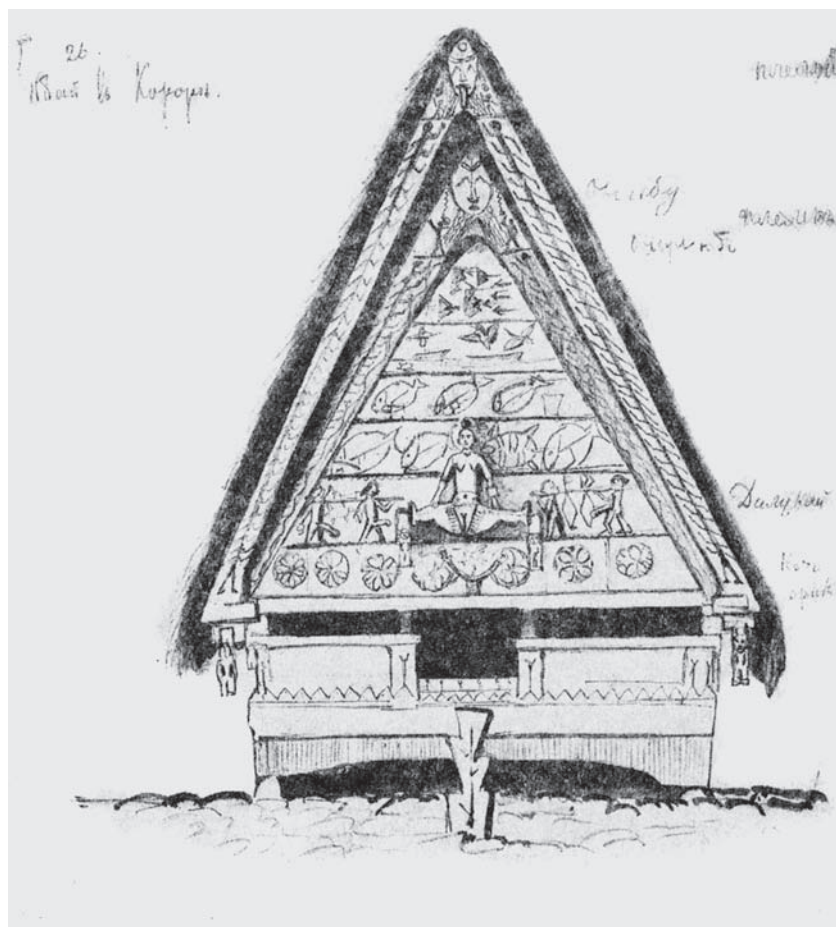
Мужские клубные дома в деревне Корор

ется или костром очага, или ночниками, так как туземцы умеют готовить довольно порядочное кокосовое масло.

Описав приблизительно внутренность пая, перехожу к его фронтону, который своими фигурами обращает на себя внимание подходящего к нему. Не стану описывать всех вырезанных на нем фигур, так как описание вряд ли даст верное понятие о них, между тем как простой контурный рисунок может достигнуть этой цели. Но между прочими фигура, которая преимущественно бросается в глаза по своей величине, по своему исполнению, по своей всеобщности как украшение над дверьми почти всех пай*, представляет нагую женщину с горизонтально распыленными ногами, и руками, опирающимися на колена. Эта фигура (в $\frac{3}{4}$ или в натуральную величину) повторяется на фронтонах большинства** пай, с малыми различиями в аксессуарах. В новых пай эта фигура, как и остальные, была раскрашена в желтый, красный и черный цвета.

* Я говорю только про Корор и Малегиок, где сам был.

** На фронте одного пая в Малегиоке был представлен мужчина с громадным penis; на фронте другого, также в Малегиоке, туземный художник пытался представить европейского солдата в кивере, с ружьем в руках; на других фронтонах красовалась описанная женская фигура.

Пай в деревне Корор (фасад)

Живя в Короре, я пожелал узнать, какая причина выставлять у входа в пай такую вывеску, которая, хотя и соответствует назначению монголь, мне казалось, должна иметь еще какое-нибудь другое значение, опираться на какую-нибудь историю или предание. Я спросил айбадула (который понимает и говорит немного по-английски) о ней; узнал от него, однако же, одно только имя *Дилукай*, под которым фигура эта известна в архипелаге, и что так называлась одна женщина, которая умерла уже давным-давно. Я обратился к одному из рупаков (который, пробыв несколько месяцев на одной из шкун, заходящих довольно регулярно на архипелаг, и побывав даже в Гонконге, говорил очень по-

рядочно по-английски), он сказал мне, что старые люди знают историю Дилукай, но что он, слышав ее давно, не помнит ее, что туземцы уже много поколений прикрепляют эту фигуру над дверьми пай и что когда строят новый пай, то делают новую фигуру Дилукай, совершенно такую, как та, которая была на старом. Наконец, мне помог г. Гибонс, но и он прибавил, что забыл подробности, почему предложил мне попросить айбадула приказать позвать нескольких стариков, у которых Гибонс надеялся узнать предание о Дилукай вполне. Я последовал его словам и поговорил с айбадулом. На другой день собрался совет под председательством Гибонса, и я мог заметить, что не нежелание, а память стариков мешала удовлетворить вполне вопросы Гибонса и мои. Расскажу кратко содержание предания о Дилукай, которое узнал от Гибонса и стариков-туземцев на Короре:

«Очень давно тому назад в деревне Гуарар жила женщина по имени *Дилукай* с матерью и братом. Этот брат, которого имя было *Атмату-юк*, имел сумрачный, резкий характер, и никто в деревне его не любил. Тело его будучи покрыто кожною болезнью, ему запретили употреблять для купанья место, куда приходили для этой цели рупаки. Когда Атматуюк, не обращая внимания на запрет, продолжал купаться в запрещенном месте, на него наложили штраф, но и штраф не захотел уплатить Атматуюк. Так как никто из людей в деревне не хотел или боялся наложить на него руку, то было решено выждать случай, чтобы наказать его. Наконец, случай представился, когда он ушел в другую деревню по делам. На его дом было сделано нападение, и камни, которые были брошены при этом, испугали мать и сестру Атматуюка, которые спаслись поэтому в ближайший пай ожидать там возвращение сына и брата. Возвращаясь, Атматуюк увидел их там и узнал о происшедшем. Он сказал, что идет узнать положение дел и вернется сказать, что им делать далее. Придя к своему дому, он увидел его в пламени — люди подожгли его. Это была большая неудача для него, так как, не имея ни одного приятеля в деревне, он не мог указать матери и сестре никакого пристанища. Вернувшись к ним, он сказал, чтобы они оставались бы в пае, пока он не отыщет для них пристанища в другом месте. Но такого он не нашел или никогда не искал, а по временам приходил в пай под предлогом видиться с матерью и сестрою, но собственно чтобы иметь случай начать драку с жителями деревни. Но его столько же боялись, как и не любили, и все отстранялись от него.

Так как туземцы неохотно входят в пай, где находятся женщины их родства, то мать и сестру Атматуюка включили в число монголь, думая тем отделаться от него и от его щелчков, которые он раздавал, когда заставлял кого из мужчин в пае. Но когда и это не помогло, когда Атмату-юк все-таки не перестал приходить, то люди стадили с обеих женщин

их «кариуты»* и голыми привязали у дверей пая в той позе, как изображена Дилукай. Мать привязали у одного входа, сестру — у другого. Эта мера, наконец, произвела желанный эффект. Атматуок никогда более не возвращался, перебив свое земное жительство на небесное, где, предполагают, он был превращен в падучую звезду. Чтобы помешать возвращению Атматуока и не попасть в беду от его мщения, над дверьми всех или большинства пай прикрепляются и теперь фигуры его сестры и матери».

Осматривая внутренность многих пай в Короре и Малегюке, я не мог не обратить внимания на ряды вырезанных фигур на бимсах и карнизах, раскрашенных красною, черною и желтою красками. Эти рисунки представляли разные сцены из жизни туземцев или изображали фигуры и группы фигур в невозможных, иногда очень цинических комбинациях, к которым иллюстрациям туземцы знали, однако же, текст. Рассматривая одну группу фигур за другою, можно было заметить, что каждая относится к какому-нибудь отдельному случаю, представляет какое-нибудь определенное приключение**. Эти фигуры были, как видно, наскоро набросаны и вырезаны***, так что с художественной стороны не могли удовлетворить эстетический вкус даже и не очень

* «Кариут» — туземное название женского костюма, о котором можно составить себе довольно верное понятие, вообразя два фартука, состоящих из длинной грубой бахромы (волокон из листьев пандануса), из которых один носится спереди, другой — сзади, оставляя по сторонам промежуток. Эти фартуки окрашены часто в желтый цвет корнем *Curcuma longa*. Фартуки не соединены с поясом, а их подсовывают под него и загибают слегка верхнюю, более толстую часть их; этот костюм нисколько не стесняет пищеварение, так как пояс лежит на *spina ant. sup.*, а спереди опускается сообразно контуру брюшины и иногда так низко, что виден верхний край татуировки *mons Veneris*. Часто носят два кариута, один на другом, а под передним подсунут еще мешок из тонкой циновки с разными мелкими предметами, часто употребляемыми в ежедневной жизни.

** Такие группы фигур, несомненно относящиеся к особенно характеристичным происшествиям, были, например, стычки с неприятелем и добыча одной или нескольких голов, причем туземцы называли имена участников; рыбная ловля, при которой один из туземцев попадает в пасть крокодила или акулы; европейское судно, стреляющее на пироги туземцев; мирная встреча с европейцами, которых, чтобы отличить от туземцев, представили со шляпами на головах. Ряды этих фигур напомнили мне фиг. 2 и 4 в вышеприведенном сочинении сэра Дж. Лёббока (на стр. 32), хотя исполнение их было здесь поглубже.

*** Эти рисунки, или, вернее, эта резьба, были сделаны следующим образом: набросанные контуры рисунка были вырезаны кругом туземным топором (который здесь, как и на о. Вуап, не что иное, как хорошее европейское долото, оправленное в ручку, подобную рукоятке топора каменного периода). Рисунок являлся, таким образом, в виде плоского барельефа. Грунт, не везде вырезанный, делал группы неразборчивыми, и исполнение поэтому казалось небрежным.

взыскательных в этом отношении туземцев. Заметно было, что сюжет был для художника главное, а не исполнение. Некоторые туземцы могли сказать мне, когда такое-то изображенное происшествие случилось, или, как уже заметил, могли сообщить мне сюжет многих для меня неудобопонятных. Допытываясь у туземцев о значении этих «молуккос» (как они вообще называют всякое рисование, писание и т. п.), я узнал, что «калиты» играют при этом значительную роль; что они требуют, чтобы люди украшали таким образом свои пай; что даже самое дерево, на котором вырезают эти «молуккос», считается «могуль», как и все те <люди>, которые перед окончанием пай занимаются их рисованием и резьбою; что на это время пай, как и эти люди, строго «могуль» и что сюжетом многих «молуккос» служат иногда сны и видения калит.

Я не думаю, чтобы эти молуккос велись бы самими калитами с определенной серьезною целью — сохранять их как документы туземной истории или как иллюстрацию преданий и видений, и не хочу сказать, что пай туземцев представляют род музеев для их хранения; но предполагаю, что, *во-первых*, многие из них имеют символическое значение, подобно как фигура Дилукай; *во-вторых*, что они делаются положительно, чтобы сохранить воспоминание о некоторых событиях, как средство помочь памяти и передавать известие о них другим. Я не сомневаюсь, что таким образом туземцы, отчасти бессознательно, дошли до употребления так наз. *образного письма*³⁶ (picture-writing англичан, Bilder- или Ideenschrift немцев), хотя они и не думают применять свое открытие (почему я его называл бессознательным) к цели практической и повседневной — письму, как мы видим примеры у краснокожих. Мне кажется такое объяснение тем более положительным, что я несомненно встретил эмбриональные фазы развития фигурного шрифта даже у папуасов Берега Маклая³⁷.

Возражение, что европейцы дали туземцам мысль делать эти изображения**, мне кажется, можно опровергнуть: *во-первых*, замечанием, что фигуры на фронте и сама Дилукай, как и предания о них, несомненно древнее более частых сношений с европейцами***; *во-вторых*, сами сюжеты главных изображений, или «молуккос», говорят *против* такого предположения и указывают на влияние религиозных представлений и преданий при их происхождении. На фронте наверху мы видим *Плелой*, или *Пленлек* — изображение солнца, низвергающего со своими лучами «кальбугуб» (туземные деньги), за которыми протяги-

* См.: Miklucbo-Maclay N. N. Ethnologische Bemerkungen über die Papuas der Maclay-Küste in Neu-Guinea. Abth. 2. 1876³⁸.

** См.: Waitz T. Op. cit. Th. 5. Abth. 2. S. 97.

*** Которые можно предположить только после Вильсона, т. е. не ранее начала этого столетия.

вают руки калиты. *Онгиу* и *Онгуюлуб*, изображенные на фронтоне, также обитатели «аянгет», или неба* и т. п. Невозможно предположить европейское влияние на происхождение «молуккос» такого содержания, а те, которые находятся на бимсах и карнизах в самом пае, не отличны ⟨ни⟩ по своему характеру, ни по своему исполнению от первых.

Мой вопрос, несколько раз предложенный разным туземцам в Короре и Малегиоке: не показали ли им белые, ⟨как⟩ делать эти «молуккос», — они отрицали положительно и даже часто обиженным тоном, говоря, что их деды и прадеды делали такие же давно перед тем, как белые стали являться в архипелаге, что только тогда их делали топорами из раковин, между тем как теперь они имеют стальные стамески для топоров и могут делать молуккос скорее и лучше**.

Если мысль Дарвина (которую он выражает в конце описания своего кругосветного путешествия), что *невозможно* передать различия

* Так как в программу редакции «Известий имп. Русского географического общества» не входит публикация чертежей и рисунков и мне неизвестно, существует ли учебное периодическое издание по этнологии на русском языке, принимающее иллюстрации, то я посылаю рисунок фронтона и копии нескольких «молуккос» корорского пая г. проф. Вирхову для публикации их в изданиях der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte³⁹.

** Не входя в предположение, насколько основательно мнение Герландта (*Waitz Th. Op. cit. Th. 5. Abth. 2. S. 97*) об европейском влиянии в примере образного письма, который приводит Фрейсине, в Западной Микронезии, расскажу другой род *символических* посланий в этой части света. Разговаривая как-то на о. Вуап с Ронгнибаем (уже упомянутым в последнем письме⁴⁰ сыном пилуна, или главного начальника Руля) о разных разностях и, между прочим, о сношениях Вуапа с архипелагом Пелау, он показал мне, достав из корзины, которую туземцы носят обыкновенно с собою и заключающей разные нужные мелочи для жевания пинанга, курения и т. п., содержание тщательно завязанного небольшого пакета, прибавив⁴¹: «Это письмо, — он сказал «рарег» *⟨бумага, письмо (англ.)⟩*, как туземцы, говорящие немного по-английски, называют вообще письмо, — от айбадула в Короре!». Он держал при этом в руке две петли, связанные из нетолстой бичевки так, что только развязав один узел или разрезав одну петлю, можно было освободить другую. Видя, что я не понимаю смысла этих узлов и смотря на него вопросительно, он рассказал мне следующую историю: «Несколько времени тому назад один из людей Руля был убит в Короре; когда партия туземцев Вуапа, вырубавших в Короре «фе»⁴², вернулась, один из туземцев пришел к нему по поручению айбадула и передал ему, что айбадул извещает его, что один из людей Руля был убит при драке с людьми Корора и что, несмотря на ссору малых людей, он и пилун Руля остаются друзьями по-старому. При этом посланный передал ему обе петли и, указывая на одну как на айбадула, на другую — как на Ронгнибая, сказал, что айбадул при нем связал обе петли». Подобно как в Европе в средние века перстень иногда сопровождал как свидетельство подлинности важные словесные сообщения, в архипелаге Пелау употребляется в таких же случаях так называемый «разм» — небольшой черепашковый нож для доставания пинанга из скорлупы, носимый постоянно с собою⁴³.

между диким и цивилизованным человеком⁴⁴, совершенно верна, то, мне кажется, еще далеко *менее возможно*, имея единственно книги источником своих сведений, составить себе понятие, до чего дошли или могут прийти эти так называемые дикие, и решать за письменным столом, даже с помощью всех библиотек Европы, но без *собственного* внимательного наблюдения, «каковы» степень и направление интеллектуального развития различных от нас рас!

Частные дома. Поговорив о других постройках, мне остается сказать несколько слов о частных домах туземцев. Они состоят в большинстве случаев из одной только комнаты, в которой помещается семья, т. е. внутри перегородок нет, но зато в одной из боковых стен имеется несколько дверей. Я заметил*, что все люди, живущие в доме или посещающие его, имеют известные места или, вернее, садятся в известных частях дома, причем 4 или 5 дверей, которые заменяют также окна, представляют значительное удобство: каждый член семьи или посетитель может легко, не мешая другим, добраться до своего места. Мебели, кроме циновок и подушек^{13*}, в домах нет; зато многое множество посуды разного рода и различного происхождения и других предметов делает дома главных начальников похожими на складочные магазины разнокалиберного хлама, между которым европейские предметы (посуда, оружие, лампы, даже фотографические портреты, книги** и т. п.) занимают почетное место.

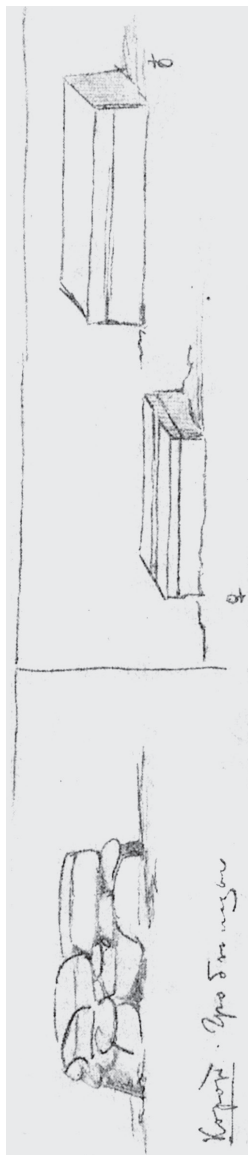
Дома только частью построены из дерева; для пола, возвышенного на $\frac{1}{2}$ м от земли, и для стен употребляется бамбук. Дома обыкновенно строят разбросанно, довольно далеко один от другого.

Гробницы. По одну сторону дома, на которую выходят двери, находится в большинстве случаев возвышенная терраса или площадка, выложенная камнями. Эта площадка — фамильное кладбище жителей соответствующего дома. Могилы состоят из груд камней, сложенных более или менее правильно в виде прямоугольников, приблизительно соответствующих росту и объему лежащего человека. В некоторых

* Я говорю специально о домах главных начальников, айбадула в Короре и томоля в Малегиоке, которые я часто посещал в разное время дня.

** У айбадула в Короре я видел книгу Вильсона (*Keate G. An Account of the Pelew Islands... Composed from the Journals and Communications of Captain Henry Wilson and Some of His Officers. London, 1788*); его интересовали рисунки, что не мешало ему спрашивать о многих таблицах, на которых изображены были предметы из ежедневной жизни туземцев, но которых он не узнавал, хотя они были хорошо исполнены: «Что это такое?». Я не раз замечал, что кончив портрет кого-нибудь из туземцев, окружавшие меня люди, рассматривая его, обыкновенно сперва узнавали (указывая на них) разные мелочи, например, серьги, бусы, ожерелья и тому подобное, после них находили уже черты лица, и об сходстве судили чаще, вероятно, по верности передачи названных мелочей.

Гробницы в деревне Корор

случаях они, однако же, гораздо больше и выше, хотя той же формы, как, например, гробницы айбадула и капитана Чина в Короре. Если гробницы сложены особенно тщательно, обмазаны глиной, то они разнятся друг от друга, смотря по полу покойника. Поверхность мужских гробниц гладкая, у женских же в длину посредине возвышается полоса⁴⁵. Площадки с могилами содержатся довольно чисто, и на них я видел часто посаженными лимонные деревья.

На этой площадке или возле нее стоят также описанные «уленга» для калит.

Деньги. Уже в письме моем об о. Вуап я сообщил, противно мнению Герланда*, положительный факт существования туземных денег; то же я могу сказать об архипелаге Пелау и не сомневаюсь, что путешественники последнего десятилетия (гг. Семпер и Кубари), ранее и гораздо долее меня бывшие в архипелаге, уже сообщили в печати все подробности об этих деньгах. Как подтверждение их сообщений прибавлю, что я узнал о них. Материалом для этих денег служат куски агата** разной величины (начиная с величины горошины) и разного цвета (красного, желтого, молочного, черного и т. п.). Их форма не одинакова, но они обыкновенно пробуравлены. Трудно, говорили мне, найти два совершенно подобных. Те, которые представляют особенно большую ценность, носят женщины высокого происхождения как знак их общественного положения на шее. Меня уверяли некоторые европейские тредоры, что, сравнивая ценность туземных денег с хотячею ценностью европейских предметов мены в архипелаге, есть такие, которых один экземпляр соответствует ценности почти 1000 долларов в

* См. много раз приведенное соч.: *Waitz Th. Op sit. Th. 5. Abth. 2. S. 67.*

** Я не убежден, что единственно агат, как меня уверяли, служит для этой цели, но об этом, как и о вероятном происхождении и добывании этих денег, я ничего не знаю⁴⁶.

европейских товарах. Деньги эти, смотря по величине и по цвету, имеют различные названия, как, например, *пахаль* (самая большая и ценная), *тлобок*, *узоус*, *прак*, *кальдуюк* и т. п.

Если спросить туземца, откуда эти деньги, он ответит: «С неба» или «Калит дал», или расскажет какую-нибудь чудесную историю. Сообщу содержание одной, которую я нашел записанною г. Кондоном.

Жила однажды, поселившись в скважине дерева, прибитого к берегу о. Ньяур, рыба. Она имела дочь, которая, как и мать, будучи заколдована*, могла произвольно принимать различные формы; обыкновенно при отливе, приняв вид девочки, присоединялась к толпе играющих детей жителей селения. При этих ежедневных встречах она подружилась с дочерью богатого рупака Отарибука. Однажды вечером дочь рупака пригласила ее к себе. Дочь рыбы обещала прийти на другой день, спросив позволения у матери. Мать согласилась, и дочь рыбы провела вечер и ночь в доме отца подруги, которая, с согласия родителей, пригласила ее совершенно поселиться у них. Мать-рыба и на это была согласна, но с условием, чтобы дочь ежедневно навещала бы ее. Поселившись в доме подруги, не прошло много времени, дочь рыбы стала беременною и при этом стала очень безобразною, так как все тело ее вспухло. Родители подруги стали очень тяготиться ее присутствием и даже предложили ей переселиться из дома в кухню.

Придя повидаться с матерью и рассказав о перемене отношений к ней, она получила совет вернуться жить по-прежнему в скважину ствола на берегу моря.

В семье рупака никто не возразил ни слова, когда дочь рыбы объявила о своем намерении вернуться к матери, одна только подруга ее была очень опечалена этим решением и пошла проводить ее. Подойдя к морскому берегу, дочь рыбы сказала опечаленной подруге, чтобы она открыла бы корзинку, которую та имела с собою; как только дочь рыбы опустила в нее руку, опухоль ее тела стала проходить и, наконец, совсем исчезла, а корзинка в руках ее подруги становилась все тяжелее.

Последняя, заглянув в нее, нашла ее полною денег; дочь рыбы между тем исчезла. Принеся домой груды денег, дочь рупака рассказала родителям о случившемся, что очень опечалило и раздосадовало их, что по незнанию не удержали гостью, которая могла бы стать источником громадного богатства.

* Не знаю, перевел ли г. Кондон выражением «enchanted» (заколдованный, обвороженный) слово «калит»; я позабыл его спросить об этом.

Характер туземцев и отношение их к европейцам

In fact, whether any given writer praises or blames a particular race, depends at least as much on the character of the writer as on that of the people* 14*

Прибавлю к этому неоспоримо верному замечанию еще два условия, которые рядом с характером путешественника влияют на его суждение о туземцах. Это мнение также много зависит от продолжительности сношений его с туземцами и от обстоятельств или причин, которые привели автора высказанного мнения к знакомству с ними.

Примером самых различных мнений, высказанных о туземцах, может служить именно архипелаг Пелау; сопоставление их находится у Герланда**.

Пробыв в архипелаге слишком короткое время и находившись в сношениях только с небольшим числом туземцев и то, по незнанию языка, разговаривая с ними чаще при посредстве переводчика, я предпочитаю сообщить здесь сперва и преимущественно о взаимных отношениях европейцев к туземцам и наоборот и предоставить самому читателю судить о характере туземцев, насколько он высказывается при этом.

История *Чина*, или *Чейна* (Cheyne), которого пребывание и насильственная смерть еще в свежей памяти между туземцами, весьма характеристична как иллюстрация отношений целого разряда европейцев к туземцам. Чин был шкипером и тредором, доставлявшим долго для китайских портов разные продукты островов Тихого океана (трепанг, черепаху, сандалное дерево и т. п.). Герланд на основании книги Чина (*Cheyne A.* A Description of Some Islands in the Western Pacific Ocean, North and South of the Equator. London, 1852) называет его «человеком не незначительным и с несомненно ясною головой»***, а его описание о-вов Микронезии во многих отношениях важною книгою, но которую следует употреблять с осторожностью**** (т. е. не всему верить вследствие его пристрастности). Чтобы дать понятие о характере Чина, передам факт, который мне был рассказан на о-вах Пелау как достоверный. Торгуя на Соломоновом архипелаге, Чин спрятал, за известное количество сандалного дерева, туземцев одного из островов у себя на судне, а затем под предлогом торга заманил туда же их неприятелей с другого острова. Невооруженные и не ожидая никаким образом встречи неприятелей на европейском судне, последние были перебиты. Пос-

* Lubbock J. Op. cit. P. 296.

** Waitz Th. Op. cit. Th. 5. Abth. 2. S. 101.

*** Ibid. Th. 6. S. 690.

**** Ibid. Th. 5. Abth. 2. S. 102.

ле резни туземцы хотели здесь же закусить свежим мясом своей добычи, что Чин, вероятно бы, позволил, если бы его же матросы не пришли от этого в волнение*.

Под старость (мне говорили, ему было уже за 60 лет, когда он был убит) он избрал архипелаг Пелау своим складочным местом, где высокое мнение, которое тогда туземцы имели еще о белых, очень помогло Чину эксплуатировать их доверие. Он купил островок *Намалакаль* (или Малакан, как его называют поселившиеся теперь на нем европейцы)** у айбадула и поселился там. Туземцы Корора три раза наполнили его судно произведениями коралловых рифов (трепанг, черепаха и т. п.), которые Чин продал в Маниле и Гонконге за многие десятки тысяч долларов, а между тем как туземцы были уплачиваемы по мелочам и даже несогласно с условием. Но хорошие отношения не были прерваны поэтому. Чин нашел выгодным войти в торговые сделки с Малегеиоком, с которым Корор уже с давних пор находился на военном положении и война между которыми постоянно тянулась. Ружья и порох будучи главным предметом мены с туземцами Пелау, айбадул и люди Корора просили Чина не торговать с Малегеиоком, говоря, что и в Короре он найдет достаточно груза для своего судна и по той же цене, как и на севере (Малегеиок), и чтобы после давних дружеских отношений с Корором он не изменял бы им и не помогал бы их неприятелям.

Такое требование, выраженное в весьма умеренной форме, было тем более понятно и справедливо, что Чин все еще был должником Корора за прежний товар. Будучи преимущественно тредором, ставя выгоду выше всего и единственной целью, Чин продолжал сделки с Малегеиоком и снабжал неприятелей Корора ружьями и амунициею.

Однажды ночью Чин был разбужен зовом людей, которые сказали, что прибыли с большого острова (Бабельтопа, где находится Малегеиок) и привезли трепанг. Чин встал и собирался выйти к ним, когда его туземная жена, знавшая или подозревавшая заговор, посоветовала ему взять хотя бы револьвер с собою, чего Чин, однако же, не сделал.

Едва он вышел, как у самого порога получил удар туземным топором в голову и был затем окружен несколькими туземцами. Чин, человек крепкого сложения, довольно долго держался, пока число нападающих не одолело, и его свалили на землю и камнем разбили ему грудь. Так как он долго не умирал, то один из убийц (туземец Вуапа) перекусил (!) ему горло.

* Вероятно, это тот самый случай, который рассказан у Герланда (Ibid. Th. 6. S. 691), но без названия имени этого торговца человеческим мясом.

** Этот островок, принадлежащий теперь наследникам Чина, служит преимущественно местом жительства европейцев.

Это случилось в 1865 г. Английское правительство послало военное судно («Персеус», капитан Ллойд) для расследования дела. Следствие было недлинное и очень упрощено тем, что брат корорского главного начальника сам предложил (другие говорят, что он был принужден белыми) англичанам застрелить брата своего, айбадула. Предложение было принято, айбадул застрелен, а убийца стал главным начальником вместо него. Было ли доказано, что айбадул был главный виновник убийства Чина или он приказал (убить) его, — я не знаю, но, кажется, все дело было ведено очень второпях и без достаточных расследований⁴⁷.

От дома Чина, который стоял на о. Малакан, я видел одни гнилые столбы; гробница его — груда наваленных камней формою прямоугольника в 1 м вышины — находится в Короре рядом с совершенно подобною же застреленного айбадула. Его туземная жена сделалась супругою одного из корорских рупаков, а дочь по достижении зрелости продана вотчимом в один из пай в Айрай, где она теперь исправляет должность монголь. Главные из убийц Чина — тот, который нанес первый удар топором в голову, и тот, который перекусил ему горло, — мне были указаны в Короре.

Я рассказал историю Чина, как я ее слышал от самих туземцев в Короре и в Малегіоке; что она характеристична, доказывается тем, что подобные ей могут легко повторяться и даже повторяются и теперь, разумеется, под другой формою. Вот что случилось несколько месяцев тому назад. Айбадул, находясь в постоянной войне с севером, нанял манильскую шкуну «Розаро» под испанским флагом и отправился к небольшому островку Каянгель, которого селение было разрушено, многие жители убиты, а имущество разграблено. Когда не хватило у нападающих зарядов, они стали стрелять осколками бутылок, которые причиняли страшные раны, и не ранее высадились на остров, как удостоверившись, что жители или убиты, или бежали. Сам айбадул предводительствовал, и остатки разрушенного селения были сожжены. Будучи в Малегіоке, я слышал много жалоб на то, что белые (шкипер шкуны был испанец) помогли при разорении и разграблении Каянгеля. Не будь шкуны, говорили они, айбадул не вздумал бы напасть на остров, а если бы попробовал, он не смог бы разорить его. Что шкипер «Розаро» оставался, как мне говорили, в Короре, нисколько не извиняет его поступка, так как он дал шкуну, людей и вооружение ее в распоряжение айбадула, которого намерение он знал и исполнению которого способствовал. Если подобные поступки будут повторяться, что вероятно даже, то к малому доверию и уважению, которые имеют туземцы к белым, присоединится положительная ненависть, немало заслуженная.

В архипелаге Пелау мы видим, как на всех почти островах в Тихом океане, постепенное разочарование туземцев в европейцах; но здесь

этот переход произошел весьма быстро, и из одной крайности они легко перейдут или могут перейти в другую. Не далее как в конце прошлого столетия, когда (1783) Вильсон по разбитию своего судна был встречен туземцами Корора, они считали его и его спутников не менее, как великими калитами*. Даже во время Холденса, в 30-х годах, туземцы Пелау принимали белых за существа высшего разряда⁴⁸. Даже после Чина туземцы выказывали относительно европейцев внешние формы уважения почти наравне, как перед рупаками, как, например, останавливались и нагибались, когда белый проходил, вынимали гребень из волос и оставляли топор, входя в его дом, и т. п.; теперь образчики, которые они имеют большею частью под глазами с тех пор, как европейские суда стали нередко посещать их острова и тредоры поселились между ними, подобно как на о. Вуап, уничтожили почти всякое уважение к европейцам. Не только исчезли все внешние формы уважения, но отношения так изменились, что, по словам тредоров, жизнь европейца (трedora) в архипелаге нисколько не безопасна; на многих стреляли с берега, когда они вечером или ночью проезжали в шлюбках, дома других хотели поджечь, а в последние года двое тредоров были убиты и имущество их разграблено.

Это говорят тредоры. Послушаем туземцев, которые также приводят имена обвиняемых, место и время случаев. Они говорят, что не только при торговле их постоянно стараются обмануть, продавая дурной товар за хороший и крайне дорого цenia его, но что белые почти никогда не держат обещаний и условий; белые, нередко угрожая приходом военного судна (которого туземцы очень боятся), берут у них разные ценные предметы (например, туземные деньги), не думая платить за них; пьяные бьют их без разбора, даже рупаков, стреляют по проезжающим пирогам, увозят женщин и т. д.**.

Неудовольствие с обеих сторон растет, разряжаясь по обстоятельствам или варварскими убийствами***, или мелкими нелюбезностями**** и отсутствием внешних форм уважения. Претендовать на то, чтобы туземцы выказывали европейским тредорам (нередко си-

* Не только это говорит Вильсон, но я слышал сам от туземцев, что сперва они думали, что все белые — великие калиты.

** Я не сообщаю здесь имен, так как это письмо не имеет назначения быть обвинительным актом.

*** Что я слышал о двух последних убийствах, не менее невинно, чем пример Чина с перекушенным горлом.

**** Я сам имел случай удостовериться в справедливости обвинений тредоров. Находясь на пути из Корора в Малегиок, проезжая с г. Кондоном в самое жаркое время дня мимо деревни Кайсар, нам отказались дать¹⁶⁸ два кокосовых ореха для утоления жажды. Именно такая малость, по своей незначительности, характеристична.

devant^{15*} матросам купеческих судов, поварам и т. п.) почет наравне с местной аристократией — рупаками, было бы несправедливо, но, с другой стороны, оставлять (на что жалуются европейские тредоры в Пелау) совершенно без расследования такие случаи, как убийства европейцев, нерационально, потому что такое необращение внимания легко повлечет за собою не единственно репрессалии со стороны туземцев (как, например, в деле Чина), а просто убийства европейцев с целью грабежа их имущества, как это, кажется, было в одном из случаев убийств тредоров в последнее время.

Из вышеприведенного читатель мог почерпнуть немало черт, обрисовывающих характер туземцев, которые служат довольно резкими тенями к радужным краскам картины жизни туземцев Пелау, набросанной Вильсоном, которые, однако же, как я думаю, друг другу не противоречат и скорее дополняют.

Я лично могу по собственному опыту лишь мало прибавить. Будучи в Короре, я был гостем айбадула, в Малегюке имел дело с томолем и не могу жаловаться на недостаток любезности с их стороны. Но, несмотря на то или совершенно независимо от того и от личных отношений, характер туземцев *не* оставил во мне приятного впечатления. Они показались мне лживыми, замкнутого и крайне корыстного характера. Я думаю, однако же, что характер их значительно изменился (ухудшился) вследствие сношений с европейцами. Я тем не хочу сказать, что при этой перемене сами личности европейцев и непосредственно вредные и вредящие товары (как спиртные напитки, которые мало-помалу вводятся, огнестрельное оружие, которого навезено множество и т. п.), имели бы такое значение; причина лежит глубже. Все европейские произведения, начиная стальнойю стамескою, из которой туземцы делают свои топоры, до мельчайших бус и до какой-нибудь тряпки, все эти чужестранные полезные вещи и лишние безделушки породили в туземцах недовольствие, пренебрежение к *собственным* произведениям, направили все их мысли к *одному* желанию: достать эти полезные и заманчивые вещи и как можно больше. Явилось чувство зависти и сознание чужого превосходства.

Все эти чувства и неприятные ощущения, которые туземцы стараются скрыть от других и даже от самих себя, уже повлияли на характер их, уничтожили его беззаботность, открытость и правдивость*, а главное — отняли у них довольство *своею* обстановкою, своими произведениями, к чему присоединилось еще горькое чувство *зависимости от других* (белых). Вероятно, туземцы сами не сознают эту сторону влия-

* Если только такие (последние два) существовали, что не доказывается образом ведения войн.

ния на них белых, возможно, что недолго останавливающийся путешественник еще и теперь может быть обманут и обманывается внешнею любезностью, притворною откровенностью и радушием туземцев; но иногда мимоходное столкновение (как мое в этом случае с туземцами Пелау) может дать верное (если даже немного одностороннее) суждение, подобно тому как первое впечатление при первой встрече с человеком *иногда* бывает самое сообразное с характером его.

Малая численность населения. Не знаю, добыты ли моими предшественниками (которых работы, как сказал, мне неизвестны) какие-нибудь достаточно верные статистические сведения о населении архипелага, но передавать приблизительные оценки, которые я слышал от тредоров*, мне кажется, не стоит, потому что они почти не основываются ни на каких сколько-нибудь положительных данных**. Во всяком случае, даже при кратковременном посещении и немногих экскурсиях по островам малочисленность населения бросается в глаза, с чем совпадает общая жалоба туземцев (особенно начальников), что людей Пелау мало. То же мнение я слышал от тредоров, объезжающих для торгового селения по островам. Разбирая причины такого факта и соображая, на чьей стороне лежит тому вина, нельзя сказать о женщинах, что они мало плодovitы: встречаются женщины, которые имеют более десятка детей; мне называли одну (*не* как редкость!), которая родила даже 16 детей. Также обычай не трогать беременных женщин и матерей ранее 10 месяцев после родов может только благотворно действовать на здоровье женщин и сохранять их плодovitость.

Вероятнее, что образ жизни мужчин освященный обычаем, составляет главную вину слабого увеличения населения. Учреждение «монголь» имеет, кажется (?), прямым следствием, что молодые люди долго не берут себе жен***; женившись сравнительно поздно, ослабленные большею частью маловоздержанною жизнью и рано возбужденным по-

* Такая чересчур произвольная оценка населения о. Вуап, записанная мною со слов тамошних тредоров, проскользнула, кажется, в мое предыдущее письмо; оставляю ее там как «весьма мало достоверную», не зная пока другой.

** Собираение статистических сведений об архипелаге Пелау и о. Вуап, мне кажется, не сопряжено с особенными трудностями. Клубы могут быть весьма удобным средством при добытии достаточно верных цифр. Так как все мужское население принадлежит к ним, то следует только дать себе труд узнать численность каждого клуба, что не потребует ни много времени, ни хлопот, а только визиты по всем деревням. При этом для избежания ошибки со стороны арифметики туземцев лучшее средство — просто записывать имена членов каждого пая.

*** Спрашивая в Короре и Малегиоке молодых членов пай, женаты ли они и сколько имеют детей, я был удивлен числом полученных отрицательных ответов, особенно на второй вопрос. Но сознаюсь, что высказанное предположение требует более положительных статистических доказательств.

ловым аппетитом⁴⁹ (почти правило для туземного населения под тропиками), который удовлетворяется более чем до пресыщения, они не имеют много детей.

Войны очень часты в архипелаге, и самые ничтожные причины считаются достаточными для ведения их. Они значительно влияют на уменьшение населения, так как не зависимых друг от друга участков много, и все они постоянно ведут войну. Эти войны более похожи на экспедиции для добывания голов и, кажется, даже преимущественно ведутся с этой целью. При этих экспедициях, разумеется, всякая хитрость, обман, засада считаются позволенными; даже несколько не считается унижительным, если убивают при помощи большого числа *〈людей〉* одного человека, *даже* женщину или ребенка*. Главное — добыть неприятельскую голову. Принеся ее к вождю, кальдебехель получают как вознаграждение, смотря по числу участников в экспедиции, по монете одного из разрядов. Этим дело не кончается. По случаю добычи неприятельской головы устраивается пляска**, и так как только такое обстоятельство⁵⁰ по преимуществу сопровождается ею, то голову обносят или обвозят (в пироге) по всем союзным деревням, где в каждой по этому случаю устраиваются пиры и пляски. Голова странствует таким образом по деревням несколько⁵¹ недель, и так как при этом она проходит^{17*} все фазы разложения, то ее уже не приносят под конец на место пляски, а оставляют вне деревни***.

Несмотря на подлый образ ведения войны и добытая голов****, существует, с другой стороны, похвальный обычай, что женщины и даже мужчины могут, благополучно добравшись*****, безопасно посещать

* «Женщина может народить много детей, а ребенок подрастет!» — был аргумент одного из туземцев, который уверял меня, что все равно, какую неприятельскую голову добыть.

** При этой пляске, которая называется «рук», участники раскрашивают себе лицо и тело красною краской.

*** В ночь перед моим приездом в Корор происходила такая пляска (рук); поутру я застал много кальдебехель союзного участка, раскрашенных красною краскою, которые еще находились в одном из больших пай около дома айбадула. Я сказал г. Гибонсу, который рассказал мне о пляске, которая продолжалась почти всю ночь, и об обычае обвозить головы по союзным деревням, что желаю видеть эту голову или головы. Он пошел спросить о них, но вернулся с ответом, что они оставлены в пирогах, так как они сильно пахнут.

**** Несколько времени перед моим посещением Малегюка большою партией кальдебехель были убиты три невооруженных человека с неприятельской стороны, которые на рассвете выехали на рыбную ловлю. Многочисленная партия подстерегала их всю ночь.

***** Кажется, единственно путь в неприятельскую деревню соединен с риском нападения; достигнув деревни, они находятся вне опасности. Так, например, я застал в Малегюке многих жителей Корора, несмотря на войну обоих участков в то время.

селения неприятелей и жить в них. Хотя юношество упражняется еще часто в метании копий*, но и это туземное оружие скоро выведется из употребления, как это случилось уже с луком и стрелами (*лук называется на Пелау «окор», а стрела — «палок»*)**.

Передо всеми европейскими предметами туземцы ценят огнестрельное оружие, начиная с легких охотничьих ружей плохих немецких фабрик и чугунных пушек разных калибров до ружей скорострельных систем новейшей конструкции, которых выгоды они хорошо умеют ценить. Айбадул, приехав как-то раз на шкуну, встретил ружья систем Шнейдера, Бомон, Мартини-Генри и других как хорошо знакомых.

Иностранцы, встреченные в архипелаге. Перед заключением этого письма считаю не лишним перечислить, каких *иностранцев* я встретил в архипелаге Пелау, так как они все могут оставить в архипелаге потомство, которое может, может быть, привести в недоумение будущего путешественника-антрополога. Во-первых, я видел, особенно в Короре, значительное число туземцев *Пелу-Лекоп* (как туземцы Пелау называют о. Вуап), которые, как я сказал в предыдущем письме, приезжают сюда для добывания «фе». Во-вторых, туземцев *о. Ниниго* (L'Echiquier на картах) — четырех женщин в Короре, которые были привезены несколько лет тому назад немецким шкипером; они были забраны насильно на группе Ниниго и оставлены в Короре. В-третьих, несколько *яванцев*, беглых матросов со шкуны, на которой я был пассажиром. В-четвертых, *китаец*, оставленный также здесь одним из шкиперов. В-пятых, *вест-индийский негр* (г. Гибонс), давно женатый

Я слышал, что только вблизи дома томоля жители Корора (т. е. неприятели) могут безопасно показываться.

* Я на себе испытал ловкость метания копий. На песчаном морском берегу Малегниока я присутствовал раз при этом упражнении и забаве молодежи. Они метали легкие бамбуковые палки — подобия копий — в цель, состоявшую из воткнутого в песок сухого стебля кокосового листа приблизительно в рост человека вышины. Разбежавшись немного, они пускали копье очень близко от цели, в 15 или 20 шагах, и, разумеется, всегда почти попадали в нее. Мне надоело смотреть на такую чересчур легкую забаву, и я вздумал испытать их искусство на более дальнем расстоянии. Отсчитав 45 шагов и сам став целью, я сказал, чтобы они теперь попробовали попасть в цель. Боясь ранить меня, они немного поцеремонились, но, когда я повторил мое предложение, они решились. Первая палка пролетела весьма близко около лица, вторая ударила меня в руку, к большому удовольствию толпы, хотя немного сконфуженной своею удачею. Кусок красной бумажной материи для пояса был наградою меткому копьеносцу, а легкая боль и опухоль руки — воспоминание опыта.

** Г. Гибонс сказал мне, что лет 15—10 тому назад лук был во всеобщем употреблении, особенно при голубиной охоте, но что теперь охотничье ружье почти вытеснило его и что лук теперь редко еще употребляют.

и имеющих значительную семью. В-шестых, при мне находилось трое живущих на островах европейских тредоров (ирландец, швед, немец); но (кроме того) некоторые из шкиперов имеют свои временные дома в Малегиоке, где живут по временам, ожидая груза*.

Так как мне, вероятно, придется побывать еще на архипелаге Пелау, то я надеюсь со временем дополнить эти отрывочные заметки⁵³.

Кончил выписки из дневника в Бугарломе
на Берегу Маклая в Новой Гвинее
25 октября 1876 г.

1* Большой дом (англ.).

2* Клубный дом (англ.).

3* Этот термин может быть переведен также как общинный дом.

4* В рукописи здесь повторено: отправлялась.

5* «Они не имеют совершенно никакого оружия, ниже палки, противу теловека назначенной, и потому не могут, кажется, иметь и отдаленного понятия о войне...» (Литке Ф. Путешествие вокруг света... на военном шлюпе «Снявине» в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах. Ч. 1. СПб., 1834. С. 276).

6* В рукописи: словесно.

7* Король (англ.).

8* См. прим. автора на с. 253 наст. тома.

9* Такой шум из-за такой малости (франц.).

10* Королева (англ.).

11* В рукописи: им.

12* Хорошим тоном (франц.).

13* Далее было: вымененных у белых.

14* В действительности, хвалит ли автор какой-нибудь народ или ругает его, по крайней мере столь же зависит от характера автора, сколь от характера народа (англ.).

15* Бывшим (франц.).

16* В рукописи: были отказаны.

17* В рукописи: переходит.

18* Чистокровных (франц.).

* Полукровных европейского происхождения я видел двоих⁵² (вероятно, однако же, что число их значительнее). Цвет кожи обоих был сравнительно весьма светлый и значительно отличался от цвета pig-sang^{18*} туземцев, носы их также не были такие широкие и сплюснутые; кроме того, национальность европейских отцов отразилась на детях: между тем как сын отца-француза имел темные (карие) глаза, у дочери англичанина (Чина) глаза были серые с голубоватым оттенком, отличавшиеся резко от темных глаз островитян.

Антропологические заметки о туземцах островов Адмиралтейства*

Я заметил уже на стр. 94^{1*} и во многих других местах, что туземцам не особенно нравились производимые над ними измерения и что они старались при каждой возможности избежать их; я также сказал, что принужден был, из опасения совершенно отстранить от себя туземцев, значительно сократить ряд наблюдений и ограничиться преимущественно теми, которые, по моему мнению, представляли особый интерес. Я обратил особенное внимание на *измерение головы*, потому что исследование черепа туземцев соседних местностей (Филиппинских островов и Новой Гвинеи) занимало последнее время многих антропологов в Европе и мне казалось интересным добыть несколько положительных данных о форме черепа «туземцев» прилегающей области — Северной Меланезии. Характеристические особенности такого явления, как *большие зубы*, далее заняли меня, тем более что эта аномалия стоит, насколько мне известно, пока одиноко и встретилась мне в отдаленной и мало посещаемой местности.

Я привожу в последующем только такие факты, в верности которых я мог убедиться достаточным рядом наблюдений, и откидываю пока те, которые вследствие ограниченности времени я принужден был оставить сомнительными**. Во многих случаях руководившая меня мысль была: желание определить большим рядом наблюдений *границы индивидуальных вариаций*, бесспорно доказать, что многие положения, считаемые положительными результатами науки, далеко не так общи и положительны, как вообще предполагают.

Рост. Рост мужчин варьировал между 1470—1780 мм.

* Я соединил некоторые из предыдущих и нижеследующих антропологических заметок в письме г. проф. Вирхову в Берлине, приложив несколько рисунков. Так как последние немало способствуют для придания ясности текста, то и примечу (имея в виду тех из г. г. членов (Географического общества), которые специально интересуются антропологиею), что письмо мое с рисунками будет напечатано в «Sitzungsberichte der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte». Я просил г. Вирхова прислать экземпляр журнала, в котором будет напечатано мое письмо, в библиотеку Общества¹.

** Так, например, *ушной канал* показался мне замечательно прям и велик, но, видев его у немногих туземцев и не имея никакого материала, чтобы сделать отливки его формы, оставляю это недостаточное наблюдение в стороне. *Изгиб спинного хребта* был в некоторых случаях весьма замечателен (не в патологическом отношении), но, не имея снаряда, который надо еще придумать, для *точного графического* изображения его, и это пропускаю, как и многое другое.

Это были нарочно выбранные *крайности* (между сотнями), рост же большинства был (28)* 1510—1640 мм.

Рост женщин варьировал между (12) 1460—1670 мм.

Я видел, однако же, мужчин (двух или трех), которых смерить мне не удалось (по случаю их бегства), показавшихся мне *выше* сообщенного maximum. При иногда значительном (относительно) росте старые женщины, которые в большинстве случаев очень худощавы, имея бритые головы, груди, редуцированные до незначительных складок кожи, и не нося никаких украшений, которыми не пренебрегают молодые женщины, весьма похожи на мужчин, особенно когда сидят; причем отличия костюма и походки не мешают возможности ошибочного заключения.

О форме головы. По уже сказанной (на предыдущей стр.) причине и потому, что тип здешних туземцев, как также уже замечено, сходен с общим типом папуасов Новой Гвинеи (Берег Маклая, например), было мне особенно интересно убедиться, насколько форма их черепа поддерживает такое мнение. Я постарался поэтому добыть размеры возможно большего числа голов. Не упуская удобного случая, мне удалось собрать 106 измерений головы, которых индексы оказались в средних числах следующими:

У мужчин (68)	У детей** (9)	У женщин (28)
73,2—84,5	75,8—79,8	70,5—78,6

Индекс ширины головы 7- или 8-дневного ребенка (σ) был 82,4.

Чтобы показать, *какая* форма головы преобладала***, приведу, что:

Между 68 мужчинами имели 10 человек и. ш. менее 75,0 и 5 — более 80,0	
—»— 28 женщинами —»— 26 —»— —»— 0	
—»— 9 детьми —»— 0 —»— —»— 0	

Итак, *мезоцефальные* головы имеют, как видно, *наклонность к брахиоцефалии*.

Что в этом случае у женщин встречались часто длинные головы и даже самая узкая голова была смерена у женщины****, объясняю я тем важным при вычислении средних чисел обстоятельством, что го-

* Цифры между скобками здесь и в последующем обозначают число сделанных измерений.

** Моложе 12 лет приблизительно.

*** Для не антропологов замечу, что те черепа (или головы), которых индекс ширины (процентный показатель ширины в отношении к длине) больше 80, называют *брахиоцефалами* (короткоголовыми), с индексом ширины меньше 75 — *долichoцефалами* (длинноголовыми). Между ними стоят *мезо-* или *ортоцефалы* (среднеголовые).

**** При предыдущих путешествиях на Новую Гвинею и на Малайском полуострове один из результатов моих краниологических измерений был, что головы женщин вообще короче мужских.

лов мужчин было смирено $\langle v \rangle 2\frac{1}{2}$ раза более, чем голов женщин; вторых, тем, что у почти всех женщин были бриты головы, между тем как мужчины имели большие куафюры волос на головах, которое обстоятельство — причина небольшой погрешности*, увеличивающей незначительно брахиоцефалию голов**.

Я намерен прибавить здесь несколько общих замечаний об измерениях головы, что уже несколько раз откладывал, хотя и сообщал результаты этих измерений.

Как уже сказано в свое время***, я не полагаю основательным придавать слишком большого значения размерам черепа, но считаю, несмотря на то, индексы ширины и высоты черепа в ряду антропологических измерений (при настоящем, весьма ограниченном методе антропологических исследований)

цифрами очень важными. Г-н Вирхов называет индекс ширины одним из «главных чисел при антропологической классификации».

Самба—татуированная жительница о. Сорри

* Которая происходит оттого, что, меряя ширину, имеешь два слоя волос, тогда как при измерении^{2*} длины входит только один слой волос (на затылке), из чего следует, что ширина оказывается незначительно больше (на 0,5 мм приблизительно) в отношении к длине головы.

** Еще третий момент может быть отчасти причиною, что некоторые головы мужчин оказались короче. Уже сильно смущенные при виде моего намерения прикоснуться к их особе, некоторые из туземцев, как только чувствовали легкое давление краниометра, жались и ахали, как бы действительно чувствуя боль. Заметив, что это очень пугает остальных, еще не смиренных, я в некоторых случаях не сжимал слишком сильно головы этих нежных папуасов краниометром, что вообще делал, имея в виду слой упругих волос этой расы. Но эти случаи были исключения; как только замечал, что погрешность может поэтому быть немного значительною, переходил к другому. Женщины, или вследствие смущения или боязни, или будучи терпеливее мужчин, переносили, не произнося ни слова и не делая гримас, значительное давление краниометра. Имея дело с такими терпеливыми объектами, я мерил как следует.

*** См. мою программу исследований (Изв. РГО, 1870. Т. 6. Отд. 2. С. 265) (см. наст. том, с. 328).

Желая (в 1873 г.) ответить <на> вопрос г. акад. К. М. Бэра* и не видя возможности в короткое время стоянки «Изумруда» на Манильском рейде добыть необходимое для этого достаточное число черепов негритосов, я был наведен на мысль заменить измерение черепов измерениями голов. Убедившись позднее опытом, что размеры головы и черепа той же личности представляют *погти* (погрешность оказалась весьма незначительною) что те же пропорции, я не упустил случая при дальнейших путешествиях делать измерения голов представителей различных рас, с которыми приходил в столкновение.

Измерение головы имеет, что касается определения индекса ширины, значительные преимущества над измерениями черепа. Во-первых, измеряемый материал бесспорно настоящий, так как сам видишь измеряемых и собственными глазами можешь судить о них. Во-вторых, при некотором такте и старании наблюдателя этот материал может быть без особых трудностей увеличен. В-третьих, пол и возраст объектов наблюдения также известны. Первые *два* пункта особенно важны. Каждому путешественнику известно, как нередко бывает трудно убедиться в происхождении находимых или покупаемых черепов и как мало можно доверять при этом уверениям туземцев; только в немногих местностях, где обитает единственно одно племя (как, например, на Берегу Маклая), не имея *даже* мимоходных столкновений** с другими

* Там же. С. 264.

** На стр. 112 (см. *т. 2 наст. изд., с. 138*) я привел случай, что такое сравнительно редкое столкновение, как туземцев о. Вуапа с жителями о-вов Адмиралтейства, может быть причиной (если тем или другим образом черепа этих микронезийцев попадут в европейские музеи и будут описаны как черепа островитян о. Тауи) ошибочных заключений, недоразумений, споров и т. п.

Что подобное может случиться и случается, приведу пример, на который я обратил внимание, перечитывая на днях описание экспедиции парохода «Этнь» в 1858 г. Будучи в 1874 г. в Новой Гвинее, я слышал от самих папуасов Берега Ковиай, что они имеют обыкновение вешать черепа ими убитых на деревья около хижин и что в некоторых <местах> таких черепов на деревьях много (в верности этого рассказа я сам впоследствии убедился). Но между черепами при междоусобных войнах убитых папуасов находятся также и такие, которые могут принадлежать представителям весьма различных народностей Малайского архипелага, почти каждый год стекающихся для торговли на больших макаassarских «падуаканах» или на небольших разнообразных «прау» из Серама, Серам-Лаут, Горамы, Халмагера и т. д., т. е. убийства целых экипажей таких судов весьма нередко случались и случаются на этом берегу. Путешественник, собирая в этой местности антропологические коллекции, должен быть весьма осторожен, и только познакоmintься с обычаями хоронить покойников и сохранять их кости, он может достать в некоторых случаях достоверный материал, но даже и тут он не избавлен от возможности добыть *не* настоящий, потому что на этом берегу между папуасами чистой крови встречается нередко малайско-папуасская смесь; эти люди смешанного происхождения живут

расами, можно быть уверенным в *подлинности* происхождения находимых или получаемых от туземцев черепов.

С другой стороны, число наблюдений очень важно; весьма редко и только в особых случаях и вообще не в короткое время можно получить *достаточное* число черепов*. Как долго пришлось бы мне, например, остаться на о. Тауи, чтобы собрать положительно достоверные 106 черепов? Правда, что тогда я мог бы дать 4664 измерения (по 44 на каждый череп), а не 212. Но вопрос, на который я пока хотел иметь ответ, был: какие головы преобладают у туземцев о. Тауи? Теперь с приблизительною достоверностью могу ответить, повторяя уже вышесказанное: головы островитян о. Тауи *мезоцефальны*, но имеют наклонность к *брахицефалии*, что в свою очередь представляет доказательство, что положение: меланезийцы — племя *длинноголовое*, далеко не такое общее, как полагают и как, один полагаясь на другого, повторяют авторы по антропологии.

Цвет кожи. *Черновато-коричневый разлитных оттенков* цвет кожи соответствует основному тону № 50 (табл. Брока)⁴, с оттенками, переходящими к № 43 и № 28. Хотя цвет здешних островитян вообще значительно темнее микронезийцев и даже характеристичный тон может быть назван «черноватым» или «весьма темным» (№ 50 приблизительно), но цвет кожи варьирует здесь в такой степени между особями, что в группе туземцев Тауи, не обращая внимания на лица и различ-

и могут быть похоронены, как настоящие папуасы, от которых они социально не отличаются.

Читая описание плавания «Этны» г. Ройера, командира этого парохода (*Roijer G. Reis van Amboina naar de Z. W. en N. Kust van Nieuw-Guinea, gedaan in 1858 met Z. M. Stoomschip «Etna»*. Amsterdam, 1862. P. 32), я нашел рассказ, что один из многих черепов, висевших на дереве около деревни близ р. Каруфы, был доставлен комиссии на пароход, а передан впоследствии в музей Батавийского общества. Хотя нельзя утверждать, что именно этот череп принадлежал *не* папуасу, но сомнение в достоверности (зная вышесказанное) весьма у места, и один такой сомнительный череп (если черепа Батавийского музея не имеют *подробных* ярлыков с указанием их происхождения), не обозначенный как таковой, может спутать результаты исследования целой коллекции. Разбирая внимательнее историю собраний коллекции черепов (и других объектов) и зная локальные обычаи мест их происхождения, можно привести много подобных примеров.

* А. Б. Мейеру² удалось в 1873 г. вывезти из Новой Гвинеи около 150 черепов («*Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch Indië*», Deel 35. 1875. P. 118); ничего не зная еще, откуда и каким образом ему посчастливилось добыть такой материал, не могу сказать ничего об этом случае, тем более что г. Беккари, с которым я имел удовольствие встретиться в последний раз на о. Яве в 1874 г.³, сообщил мне, между прочим, что ему известно одно место на Новой Гвинее (он не говорил определеннее), где он может достать *много десятков* черепов. *Все эти местности: Папуа-Онин, Нотан*, окрестности *Доре* и *Гельвинк-Бай*, где были эти естествоиспытатели, как и Берег Ковинай, посещаются малайцами.

ный характер волос, руководясь *единственно* цветом кожи, я при первом взгляде *не мог отличить* между ними туземцев Вуапа и Пелау.

Упомянутый уже 7- или 8-дневный ребенок имел кожу *коричневатосерого* цвета, соответствующего приблизительно смеси № 21 и № 52.

Волоса. То, что я могу сказать о волосах, уже высказано в другом месте, так что могу слово в слово повторить уже сообщенный результат моих наблюдений 1871 г. на Новой Гвинее. Вот перевод этих мест: «...Волоса растут на голове папуаса совершенно подобно, как и у европейцев, и на голове не иначе, как вообще на теле человека...» и «...Как на голове, так и на всем теле папуаса волосы растут не группообразно, отдельными друг от друга пучками, как это было утверждаемо многими авторами...»*.

Все это я могу сказать о всех до сих пор мною виденных географических разновидностях папуасского племени, как-то: о папуасах восточного и юго-западного берегов Новой Гвинеи (Берега Маклая и Берега Ковий), о негритосах о. Люцона, о сакай и семанг Малайского полуострова и, наконец, туземцах о-вов Тауи и Агомес (о-ва Хермит на картах)**.

Ни у одной особи перечисленных географических разновидностей я *не видал группообразного расположения корней волос****.

О том, насколько диаметр спиральных колец курчавых волос папуасов может быть принят во внимание при классификации разновидностей этого племени, я не составил себе еще окончательного мнения; замечу, однако, что при рассматривании коллекции волос чистокровных папуасов (собранной в 1871/72 г. на Берегу Маклая****) я нашел, что диаметр спиральных колец волос головы у различных особей (мужского пола) варьирует между 2 и 14 мм (!).

Если принять определения разных характеров человеческих волос, которые даны в «Instructions générales sur l'Anthropologie» (стр. 59)

* См. мою статью «Anthropologische Bemerkungen...» в «Natuurkundig Tijdschrift», D. 33 за 1873 г. (см. наст. том, с. 17 и 20).

** Папуасы, которые, имеют такое «пучковатое» или «косматое» (buschelhaarig) расположение волос, так что «пучки волос отделены друг от друга пространством без волос», встречаются на о-вах *Балаба, Лифу, Анейтум, Тиня, Луизиада, на о-вах Торресова пролива, в некоторых местах Новой Гвинеи и во всем арх. Фиджи* (Waitz T. Anthropologie der Naturvölker. Th. 5. Leipzig, 1870. S. 546). Из всех этих островов я был пока только в Новой Гвинее, где мне, как видно, не посчастливилось попасть в местность с «косматоволосыми» жителями!

*** «Группообразное», «пучковатое» или «косматое» расположение волос принадлежит, как и долихоцефалия меланезийцев, к положениям, которые так утвердились в антропологии, что даже послужили к основанию целых классификаций человеческих племен, как это мы видим у Геккеля (*Haeckel E. Natürliche Schöpfungsgeschichte. Berlin, 1868 (4. Aufl. — Berlin, 1873)*) и у Мюллера (*Müller Fr. Allgemeine Ethnographie. Wien, 1873*)⁵.

**** В этой коллекции все искусственно измененные волосы были строго исключены.

Парижским антропологическим обществом⁶, то волоса островитян Тауи (как и *всех*, виденных мною и перечисленных выше разновидностей папуасского племени) следует называть *руноподобными* (laineux), но заметить, что волоса эти сообразно обращению с ними представляют или «une chevelure à grains de poivre»^{3*} или «une chevelure en tête de vadrouille»^{4*}, могут перейти при достаточной длине и при расчесывании из первого состояния во второе и через некоторое (но более продолжительное) время снова вернуться к первому. Так что, пожалуй, вернее заменить слово «chevelure»^{5*} словом «coiffure»^{6*}.

Волоса 7- или 8-дневного ребенка, о размерах головы и цвете кожи которого я уже говорил, были матово-черного цвета, очень тонки и при длине 15—20 мм имели (но не все) загнутые концы (начинали виться).

Обращение с волосами. Мужчины о. Тауи носят волосы длинные и располагают их в виде весьма различных причесок. Волоса на лице, с включением бровей, они выдергивают или бреют, употребляя для этого осколки обсидиана, о чем говорил в предыдущем письме.

О больших зубах. Так как на предыдущих страницах уже много раз говорено об этой анатомической особенности островитян Тауи, то я рекапитулирую здесь единственно *главные пункты*, отсылая антрополога-специалиста к моим письмам г. проф. Вирхову, к которым приложены рисунки, дополняющие описание.

1. *Размеры* некоторых, *самых больших* зубов⁷, по возможности тщательно измеренных:

1) средний dens incisoris правой стороны верхней челюсти: длина зуба (передней эмалевой поверхности) 15 мм, ширина его у корня 12 мм, внизу — 21 мм;

2) средний dens incisoris правой стороны верхней челюсти другого туземца: длина 15 мм, ширина у корня 11 мм, внизу — 19 мм;

3) средний dens incisoris нижней челюсти правой стороны третьего туземца: вышина (длина) 6 мм, ширина верхней поверхности 14 мм, толщина 9 мм;

4) средний dens incisoris левой стороны верхней челюсти четвертого туземца имел 16 мм длины; средний dens incisoris левой стороны нижней челюсти четвертого туземца имел 24 мм длины**.

* Из которых, однако же, только одна («en tête de vadrouille») — произведение искусственное, первая является *сама собою*, как только волосы достаточно длинны и предоставлены сами себе. Но многие папуасы пользуются этим свойством волос и выдумывают разнообразные прически: натирая более или менее толстые космы, кончающиеся «grains de poivre», красною или черною землею, разбавленною маслом, привешивают к ним маленькие раковины, блестящих насекомых и т. д. и т. д.

** Это был самый длинный мною смеренный зуб, но обладатель его скрылся прежде, чем я мог измерить другие размеры.

2. *Положение зубов* в челюсти различно: у некоторых они стоят вертикально (ортогнатно), у других значительно выдаются вперед (прогнатно). В обоих случаях верхний ряд выдается перед нижним.

3. *Чаще увеличены* были зубы верхней челюсти сравнительно с зубами нижней, но нередко зубы обеих челюстей показывали эту особенность.

Хотя *dentes incisores* бросались особенно в глаза своею величиной и вообще, кажется, чаще других бывают велики, но и *dentes canini* *нередко* бывают гипертрофированы.

О *dentes praemolares* и *dentes molares* могу только сказать, что *нигде* не заметил в них особенного, но это не исключает возможности, что у них встречаются какие-нибудь особенности, хотя и в меньшей степени. Неохота туземцев подвергаться исследованию, которая затруднила немало даже получение добытых наблюдений, делала невозможным более продолжительный осмотр их челюстей. Я ограничился, уступая необходимости, наблюдением *главного, бросающегося в глаза* при первом осмотре. Позднейшие наблюдения дополняют, может быть, то, в чем мне не удалось убедиться вполне этот раз.

4. Гипертрофия показывает наклонность являться симметрично, так что обе стороны одной или обеих челюстей имеют равное число зубов увеличенных, но встречаются также особи с единственно *одним* увеличенным зубом, который в таком случае бывает обыкновенно один из резцов.

5. Так как со времени приобретения этой особенности уже пережили многие поколения и она стала наследственной, то *зубы детей* часто очень неправильно расположены и нередко некоторые из них имеют несоответственную летам значительную величину.

6. У женщин я видел также большие зубы, но только издали (так как они при первом взгляде уже убежали); мне кажется, однако же, что у женщин эта аномалия встречается *не так часто* и зубы не достигают таких размеров, как у мужчин.

Скажу теперь несколько слов о том, к какому разряду явлений мы можем отнести эту несомненно интересную и характеристическую особенность туземцев о. Тауи.

Ясно, что мы имеем здесь дело с *гипертрофией* (вероятно, *гиперплазией*) *зубной ткани* (*dentinum*), которая только при помощи микроскопического исследования может быть ближе определена. Нет основания назвать эту гипертрофию *патологическим* процессом; эмаль гладка и здорова, увеличенные зубы стоят у нестарых людей крепко в челюстях, сильное давление* на зубы и на десны не соединено с болью. Наклон-

* У двух или трех туземцев я пробовал сильно сдавливать зубы хирургическими щипчиками — пациенты не подавали знаков боли, как и те, которым я пальцем сильно давил на десны.

ность гипертрофии являться симметрично в челюстях, а главное наследственность, причем некоторые зубы у детей растут только скорее и достигают большей величины, чем остальные, совершенно, как мне кажется, исключает мысль о болезненном явлении, не забывая, однако же, при этом, как узка граница между нормальным (здоровым) и патологическим процессом. *Увеличение зубов* принадлежит, как я полагаю, к тому ряду явлений, как *увеличение нимф и стеатопигия* у готтентотских женщин; подобно этим особенностям готтентотской расы, увеличение зубов у островитян Тауи встречается не как *постоянное явление* у всех особей, а только у некоторых.

Об *относительном числе* таких исключительных особей я не имею достаточно данных, чтобы сказать что-нибудь положительное; замечу, однако же, что я видел многие десятки людей с большими зубами, и могу прибавить, что это явление на о. Тауи не составляет редкости*.

Я провел на этом острове слишком мало времени, чтобы составить себе какое-либо мнение о том, какой образ жизни и какого рода пища вызвали, вероятно, эту гипертрофию; не желаю поэтому делать, а тем более высказывать возможные предположения, так как наблюдения, вероятно, в состоянии будут дать прямой ответ на этот новый антропологический вопрос**.

О некоторых особенностях глаз (*palpebra tertia*⁹ *значительной ширины*, очень *светлый iris*, о бугорках на краях ресниц около *caruncula lacrim.*) я уже говорил на стр. 102^{7*}, так что не стану повторять уже сказанное.

О незначительной величине мужского полового органа я также заметил при описании костюма туземцев (стр. 70)^{8*}. Некоторые сюда относящиеся замечания я откладываю до описания антропологических особенностей жителей о-вов Агомес (Хермит), где я имел случай видеть этот орган, которого величина была еще более редуцирована.

* Я видел десятки таких людей, потому что обращал внимание и старался не пропустить ни одного случая, так как особенность эта представляет значительное индивидуальное разнообразие. Этим, я думаю, можно объяснить тот странный факт, что до сих пор эта довольно резкая аномалия оставалась неизвестною. Надо еще при этом принять во внимание, что большинство людей обыкновенно смотрят только на то, что их интересует; кроме того, в этих редко посещаемых странах есть многие другие предметы, бросающиеся в глаза путешественника-неестествоиспытателя.

** Пример влияния пищи на зубы я нахожу в инструкциях для руководства при антропологических измерениях экспедиции фрегата «Навары»⁸ (*K. Scherzer, E. Schwarz. On Measurements as Diagnostic Means for Distinguishing the Human Races. Sydney, 1858. P. 8. Printed for private circulation only*). Там говорится, что зубы туземцев Никобарских островов *патологически* так изменены вследствие жевания жестких и едких (*corrodant*) веществ, что изменили свое положение и двигаются под острым углом. К сожалению, там не прибавлено, сохранили ли зубы при этом свою нормальную величину.

Короткость большого пальца ноги. У многих туземцев оказывался большой палец, вместо того чтобы превосходить длиной остальные, короче второго. При нормальном положении пальцев ноги стоя разница эта была 5—14 мм (разница становилась еще значительнее при вытягивании пальцев, так как 2-й палец ноги более согнут, чем 1-й). Не знаю, встречается ли это у взрослых кавказского племени, но мне известно, что в эмбриональном развитии есть период, когда большой палец короче остальных.

О замечательном развитии мускулатуры пальцев ног могу только упомянуть как о вероятном предположении, видев гимнастику или забавы туземцев, описанные на стр. 108^{9*}; остается мне заметить о том, что боковое положение внешних пальцев ног, особенно 4-го и 5-го, я видел здесь нередко*.

20 февраля 1877 г.

Бугарлом,
на Берегу Маклая в Новой Гвинее.

1* См. т. 2 наст. изд., с. 117—118.

2* В рукописи: размере.

3* Мелко-куртавые волосы; букв.: волосы с завитками размером с перетное зерно (франц.).

4* Волосы, как швабра (франц.).

5* Шевелюра, волосы (франц.).

6* Пригеска (франц.).

7* См. наст. изд., т. 2, с. 131.

8* См. наст. изд., т. 2, с. 114.

9* См. наст. изд., т. 2, с. 135.

10* В рукописи: ес.

Антропологические заметки о туземцах группы Агомес

Пробыв на группе весьма короткое время, я единственно обратил внимание на главные пункты своих антропологических исследований.

Форма головы была определена только у 14 мужчин.

Индекс ширины колебался между: 69,6—81,3.

* Особенно характеристический пример такого бокового положения трех внешних пальцев ног я заметил сперва у сакай Малайского п-ова (см. мои «Ethnologische Excursionen in der Malayischen Halbinsel». 1875. Taf. 2. Fig. 4 (см. т. 4 наст. изд.)), вследствие чего стал обращать внимание на пальцы ног представителей других рас и нашел то же^{10*} в большей или меньшей степени у малайцев, микронезийцев и здесь у папуасов.

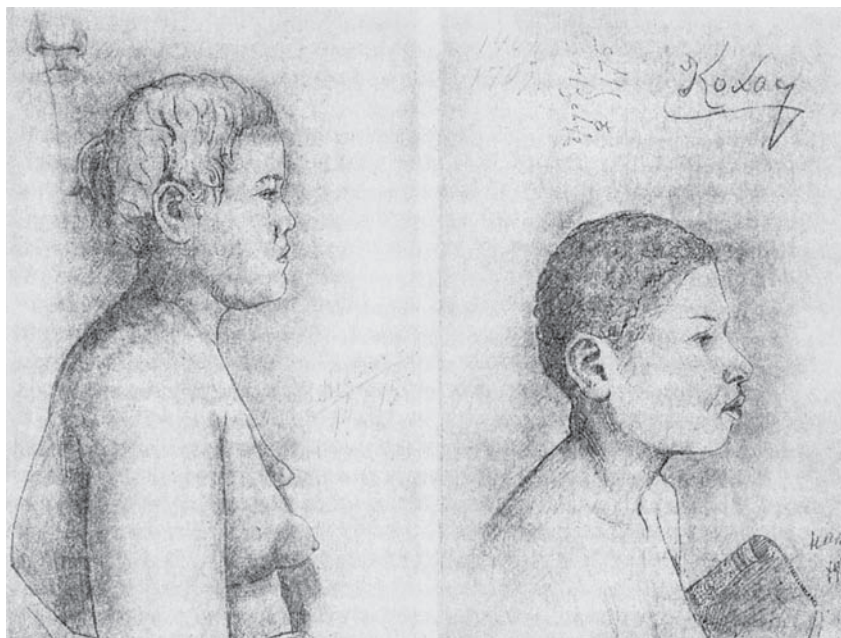
Сравнивая эти цифры с полученными на о. Тауи (70,5—84,5), находим, что они близко подходят к последним. Результат этот совпадает со значительным сходством физического *habitus* туземцев обеих групп. Значительный, тщательно собранный материал, полученный после 119 измерений, позволяет вывести несколько заключений*.

Колебание индекса ширины голов (между 69,6—84,5) доказывает, что форма головы меланезийцев (туземцев архипелагов Тауи¹ и Аго-мес), как и папуасов Новой Гвинеи (где индекс ширины варьирует в более широких границах, именно между 62,0—86,4), не может быть названа исключительно долихоцефальной, а скорее мезоцефальной**. Я указываю на этот пункт, который совпадает с моими предыдущими исследованиями, так как вследствие недостаточных наблюдений в антропологической литературе папуанизм и долихоцефалия стали почти что синонимами. При этом случае снова повторяю уже высказанное*** мнение, что форма головы не может составлять доказательства

* Именно потому, что материал этот был заботливо собран и собран на месте, я позволяю себе сообщить результаты, из него вытекающие, нисколько не заботясь, совпадают ли они или совершенно противоречат положениям других антропологов, имевших в Европе возможность исследовать подробно несколько черепов, слишком нередко сомнительного происхождения.

** Число измеренных мною голов папуасов Малайского полуострова и островов Меланезии приближается к 300; оставив мои бумаги в Батавии, я не могу точно обозначить эту цифру.

*** Видев негритосов, сакай, семанг, папуасов, меланезийцев разных островов Тихого океана, я никак не могу согласиться с сильными выражениями г. проф. Вирхова, который предполагает негритосов абсолютно отличным племенем от всех остальных темных племен Океании, Азии и Африки. В заседании Берлинского антропологического общества 12 июня 1872 г. он сказал: «Может быть *положительно установлено*, что негритосы Филиппинских островов не имеют никаких отношений с африканскими неграми, что, напротив, относительно *формы головы* существует *самое большое* различие... Черная раса Филиппинских островов имеет *так же мало отношений* к черным расам Новой Голландии, Новой Гвинеи, Новой Каледонии, как она отлична от черных Африки... После того, что сообщили г. Семпер о первых и Уэллас² о последних, *абсолютное различие* обеих установлено, вероятно, *навсегда*». Он повторил подобное же мнение еще несколько раз в следующих заседаниях Общества; так, например, в заседании 15 марта 1873 г. он говорит, что вследствие *краниологического* материала, привезенного гг. Ягором и Мейером³, установлено, что этот *народ (негритосы) абсолютно отличен* от черного населения как Африки, так и Меланезии и близкое сравнение между ними не может быть допущено *ни в каком направлении*. В заседании 17 октября 1874 г., прочитав мое письмо от февраля того же года, сообщающее о брахицефальных черепах папуасов Новой Гвинеи, в котором я, между прочим, говорю: «Вследствие собственных наблюдений я не могу считать негритосов «абсолютно отличными» от меланезийцев; со стороны краниологии также, как мне кажется, различие устранено, так как, как выше замечено, не все папуасы Новой Гвинеи долихоцефалы», — Вирхов заметил, что *один* индекс ширины недостаточен, чтобы доказать

Ниангаи, Кохау — меланезийки с о. Луб. Острова Агомес (Хермит)

племенного различия негритосов и папуасов, так как разновидности папуасского или меланезийского племени показывают более или менее наклонность к брахицефалии, которая считалась отличительной чертой папуасов Филиппинских островов. Нередко встречающаяся брахицефальная форма головы у островитян Меланезии представляет даже двойное доказательство невозможности поддержать мнение о коренном различии негритосов и других папуасов, доказывая, во-первых, существование переходов между крайними формами головы, а во-вторых, подтверждая исследованием черепов других рас добытое положение, что в одном и том же племени встречаются *обе* формы го-

такое важное мнение, а требуются еще по крайней мере сведения о высоте черепа и его вместимости. Совершенно соглашаясь с полновесным замечанием г. Вирхова, считаю, однако же, *совпадение общего физического habitus*, в чем я убедился личным наблюдением при устранении исключительной особенности (долихоцефалии черепа), достаточною основою *против* такого определительного мнения, которое, опираясь преимущественно на краниологию, защищает г. Вирхов (приведенные в переводе слова г. проф. Вирхова находятся в *Sitzungsberichte* *⟨правильно: Verhandlungen⟩* der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte» за 1872—1874 гг.)⁴.

лов* и только *более полное* краниологическое исследование может дать достаточную основу для классификации племен.

Придя к такому отрицательному результату, снова приходится убедиться, что единственно анатомическое исследование у секционного стола, серьезное *изучение сравнительной анатомии теловетеских рас*, а не несколько размеров, взятых с живого человека, может привести к удовлетворительным результатам, о которых можно было бы с приближительной верностью выразиться, что они «навсегда установлены».

Большие зубы. Другой признак, тождественный с жителями архипелага Тауи, составляют увеличенные зубы, которые я встретил и здесь у обоих полов, но не нашел никаких мотивов, чтобы считать эту гипертрофию за патологический процесс; напротив того, люди с большими зубами, как на подбор, были рослые парни и казались здоровее остальных⁵.

Указывая здесь на те немногочисленные антропологические наблюдения, которые я мог произвести во время моего кратковременного пребывания на о-вах Агомес, я должен присовокупить, что в деревне туземцев или на маленькой шкуне нельзя командовать, как в госпитале или казарме: «Открой рот!» или «Покажи зубы!», или «Пояс долой!». Туземец или убежит в лес или кинулся бы за борт. Беспрекословное повиновение было бы, разумеется, весьма удобно, и мои заметки получили бы в таком случае гораздо больше значения, опираясь на достаточное число более полных и обстоятельных наблюдений.

Как уже не раз говорилось, мне приходилось ловить случай, не упускать возможности, часто заставляя хитростью туземцев открывать рот, чтобы видеть их зубы; держа перед глазами туземца сверток бус, мерить его голову или рост, заставлять его врасплох и, отняв возможность бежать, делать какое-нибудь наблюдение или записать какой-нибудь размер. Мне пришлось даже не раз осторожно подкрасться к спящему, чтобы удостовериться без помех и противоречия в верности замеченного мимоходом⁶.

* Замечу, что за последние 6 или 7 лет литература по антропологии, как и по другим отраслям естественных наук, оставалась и остается мне *почти* что не известною. Привести в подтверждение высказанного ряд цитат или по крайней мере ряд главнейших сочинений и статей здесь, в Новой Гвинее, мне невозможно, но в верности этого положения для папуасского племени я сам убедился.

Несколько сведений об островах Агомес, узнанных от тредора Шоу, прежде жившего на этой группе

Острова Агомес так мало известны и посещаются преимущественно людьми, для которых вопросы этнологии так отдаленны и малоинтересны, что ожидать от них непосредственно пополнения наших сведений в этом отношении невозможно; почему к антропологическому моему очерку и несколькими словам о *status praesens* их существования считаю не лишним прибавить то, что я узнал об этой группе от человека, который прожил около году между ее жителями и имел перед всеми посетителями *мимоходом* этих островов то громадное преимущество для получения верных и интересных сведений о них, что, зная туземный язык, мог получить их от самих же туземцев. Я мог бы легко вплести эти немногие сведения в мой рассказ, не называя вовсе источника, но я не хочу поставить читателя в возможность задать себе вопрос: откуда г. Миклухо-Маклай, пробыв на группе 2 1/2 дня, знает это или другое?

В то же время, узнав источник и прочтя несколько слов о его характере, читатель может сообразно тому критически (каждый источник имеет право на специальную критику!)* отнестись к нижеследующим фактам. Называя источник, я избегаю ответственности перед судом науки, для которой *достоверность* фактов — первое и важнейшее требование.

Том Шоу, которого я встретил на о. Вуап, куда он перебрался по случаю [не]здоровья в 1875 г. с о-вов Агомес, провел много лет (если не ошибаюсь, более 30) на разных островах Тихого океана, преимущественно на о-вах Гильберт (или Кингсмиль), в качестве тредора, служа

* Примером, как мало можно полагаться на слова и мнения подобных людей, как шкипера, тредоры и т. п. (бывают, разумеется, исключения), могут служить случаи, повторявшиеся несколько раз со мною в этом путешествии. Один тредор, встреченный мною на о. Вуап, проживший и посетивший перед тем несколько островов Меланезии, спрошенный мною о внешности тамошних жителей, отвечал, что они *почти одинаковы* со здешними жителями (т. е. туземцами о. Вуап). Для него антропологического различия между мела- и микронезийцами, как оказывалось, не существовало! Том Шоу, прожив около года на о-вах Агомес, не умел сказать мне, живет ли на группах *Агомес*, *Ниниго* и *Каниес* то же племя людей или жители их различны между собою. Все эти туземцы, по его словам, были почти одни и те же (несмотря на то, что островитяне Ниниго — микронезийцы). В продолжение года он не заметил (!) такой бросающейся (как мне кажется) в глаза особенности туземцев, как большие зубы!

Деревня на о. Луб. Острова Агомес (Хермит)

поочередно разным фирмам. Шоу показался мне человеком, на слова которого можно было положиться, по крайней мере он не говорил, чего не знал, и не имел претензии, как многие из его сотоварищей, считать себя за человека образованного. Будучи единственным и, кажется, первым временным европейским поселенцем на группе, он выучился немного туземному языку и по роду своих занятий находился постоянно в сношениях с туземцами, от которых узнал при случае имена разных местностей и некоторые особенности их. Видя, что всякая подробность о туземцах меня интересует, Шоу старался, насколько мог, отвечать на мои вопросы. У него были записаны некоторые имена и числа, и, кроме того, он имел две живые справочные книжки: жену (туземку о-вов Гильберт) и сына, который, живя подростком на группе Агомес, знал тамошний язык и многие подробности о туземцах лучше отца.

Откидывая разные мелочи, сообщу главнейшие пункты из сведений, которыми я обязан Т. Шоу.

Во-первых, я узнал от него туземные имена о-вов Агомес, Ниниго, Каниес и Тауи, в верности которых я сам, как сказано выше¹, имел случай убедиться; одно название о. Адмиралтейства остается сомнительным. Хотя совершенно справедливо, что у туземцев группы Агомес этот остров известен под именем Тауи, и даже предположив верность факта, что теперешние жители группы Агомес — потомки выселенцев с о. Тауи, что они знают имя своей старой родины, но кто поручится, что имя «Тауи» не принадлежит деревне или части острова, откуда вы-

селенцы вышли. Остров так велик, разделен на такое число народцев, находящихся (как я имел возможность удостовериться) во враждебных отношениях между собою, что, весьма вероятно, общего имени всего острова у туземцев не существует. Во всяком случае, название Тауи имеет столько же права существовать и употребляться, как и имя о. Адмиралтейства, если не признать совершенно исключительно за белой расой право раздавать имена².

Во-вторых, Шоу передал мне слышанный им от многих жителей Агомес рассказ, что их деды выселились с о. Тауи и что теперь живет на группе третье поколение переселенцев. Небольшое расстояние (около 100 миль), а главное, физическое тождество жителей обеих групп, о чем я говорил выше³, делают это предание очень вероятным. Сравнение языка может представить со временем окончательное доказательство этого весьма возможного факта. Он слышал от туземцев, что когда их деды явились на группу, то застали на ней жителей, которые при их приближении удалились в лес, на холмы главного острова, что они долго вели с ними войну и что, несмотря на то, что прежние жители от них постоянно прятались, им, наконец, удалось их всех уничтожить. Это также вероятно, так как сохранились следы большего населения группы, чем теперь⁴.

Удостоверившись, что архипелаг Ниниго, отстоящий от группы Агомес всего приблизительно миль на 30, заселен микронезийским племенем, является вопрос: к какому племени принадлежали эти прежние жители Агомес? Пока мы не имеем никаких данных (как разве повторяющиеся походы жителей Ниниго на Агомес), чтобы дать на это какой-либо ответ.

В-третьих, не говоря ни слова о различии племен обоих архипелагов, Шоу рассказывал мне, что очень нередко туземцы Ниниго делают нашествия в многочисленных пирогах на группу Агомес с главной целью добыть кокосовых орехов, которых много на последних островах, что в подобных случаях дело не обходится без стычек. Во время его пребывания на группе жители Агомес обратились к нему за помощью, когда флот, до сорока пирог Ниниго, появился в виду Агомес, и что он, послав своего сына в пироге, на платформе которой была поставлена небольшая пушка, несколькими выстрелами из нее на пироги неприятелей немало способствовал к полной победе туземцев Агомес. Я сообщил на предшествующих страницах несколько разговоров с последними, которые согласуются с рассказом Шоу; мне даже случилось, как сообщил выше, встретить около о. Луб военнопленного, захваченного при подобном нашествии жителей Ниниго⁵.

В-четвертых, Шоу прибавил к этому рассказу, что и туземцы Агомес не остаются в долгу и снаряжают походы на группу Ниниго, кото-

рая группа, по их словам, весьма многолюдна. При одной такой экспедиции пироги с Агомес были занесены ветром и течением далеко на запад или юго-запад и увидели при этом очень высокие горы и большую землю, но из страха перед жителями этой земли не высадились там, тем более, что благоприятный ветер позволил им изменить курс и счастливо вернуться на родину. Эту страну с высокими горами, которая есть не что иное, как Новая Гвинея, они называли и называют Коули-Капон (Большая земля).

В-пятых, по словам Шоу, в октябре 1875 г. был ряд весьма бурных дней, и во время одного сильного шквала раз ночью море залило отчасти несколько низких островов, в том числе и тот, на котором он сам жил. Вода поднялась так высоко, что даже его хижина, в которой он прожил без подобных приключений около года, была затоплена. Вследствие этого наводнения, а особенно вследствие оставленного морскою водою множества ила и от его гниения распространилось на всей группе такое зловоние, что очень многие жители заболели лихорадкою, которая была очень злокачественна и кончалась быстро смертию. При этой эпидемии умерло большое число туземцев, также очень многие туземцы о. Вуап, работавшие на шкуне, пришедшей на группу Агомес для ловли трепанга. В числе заболевших находился и сам Шоу, и даже так серьезно, что решил покинуть группу и переселиться на о. Вуап, где я его встретил.

О характере туземцев Агомес Шоу отзывался далеко не благоприятно (причем не следует забывать, что Шоу был тредором) для них: он называл их ворами, обманщиками и считал их далеко не надежными, почему считал не лишним иметь у себя в доме всегда заряженное оружие наготове.

Несколько слов о ловле трепанга на островах западной части Тихого океана близ экватора

Qui non libere veritatem pronunciat,
proditor veritatis est^{1*}.

Между предметами торговли и вывоза Малайского архипелага, о-вов Филиппинских и других групп западного Тихого океана *трепанг** имеет немалое значение, так как он весьма ценится на китайских

* Трепанг (называемый также «bêche de mer», «balate») есть, как известно, очищенный, вареный, копченый и сушеный на солнце perisom (верхняя мускулистая кожа) нескольких видов рода Holothuria, привозимый в значительном количестве во все

рынках*. В Малайском архипелаге, где г. Макаassar представляет центр торговли этого рода, промысел этот с давних пор находится в руках малайцев (преимущественно оран-бугис), которые отправляются для ловли и приготовления трепанга или для вымена его у туземцев на Молуккские острова, на юго-западный и северный берег Новой Гвинеи, на о-ва Ару, Тенимбер и др., даже на северный берег Австралии**. На островах Западной Микронезии торговлю эту занимают главным образом тредоры, или агенты европейских фирм, и она повела, подобно тому как торговля сандалным деревом, как вывоз туземцев островов Тихого океана для плантаций Таити, Самоа, Фиджи, Австралии и других местностей, к значительным злоупотреблениям, о которых я намерен сказать несколько слов.

Тредоры, поселившиеся для меновой торговли несколько лет тому назад на о-вах Вуап и Пелау, получали сперва произведения островов, как копру (сушеное на огне, а затем на солнце зерно кокосового ореха), трепанг, черепаха, перламутр и т. п., по для них весьма выгодным ценам, т. е. могли получать, давая туземцам самый дрянной европейский товар, значительные количества ценных продуктов островов. Туземцы, не зная толку в европейских произведениях, охотно брали

большие порты Восточной Азии. О приготовлении трепанга писано много раз разными путешественниками, почему я считаю лишним распространяться об этой процедуре; замечу только, что хотя у многих авторов можно прочесть, что трепанг составляет лакомое блюдо исключительно в Китае, он также употребляется в пищу островитянами Микронезии. Cheyne¹ (см. у: *Waitz Th. Anthropologie der Naturvölker. Th. 5. Abth. 2. Leipzig, 1870. S. 78*) сообщает, что жители о. Бонапе (также Понапи или Пуинипет)², кроме рыбы, едят также трепанг; я могу сказать то же о туземцах архипелага Пелау, где «калед» (туземное имя трепанга) употреблялся как пища долго перед тем, как в архипелаге стали появляться белые и вывозить «калед», или трепанг, для китайского рынка. Попробовав приготовленный туземцами Пелау, далеко не искусными поварами, трепанг, я нашел, что это кушанье имеет вкус разваренного хряща или сухожилий, и хотя оно было приготовлено без других приправ, как наскобленного кокосового ореха, я должен был отдать полную справедливость вкусу островитян и китайцев, обративших внимание на эту кулинарную специальность, и даже думаю, что между многочисленными категориями употребляемых в пищу *frutti di mare*³ трепанг, в особенности приготовленный китайскими поварами (известными артистами этой профессии), может занимать одно из первых мест и удовлетворить требованиям всякого гастронома.

* Цена пиккуля (пиккуль соответствует приблизительно трем пудам) трепанга, смотря по сорту, варьирует в Сингапуре между 20—50 долларами.

** Юкс (Narrative of the Surveying Voyage of HMS «Fly» 1842—1846, by J. Beete Jukes. V. 1. London, 1847. P. 358) встретил в 1845 г. в Порт-Эссингтоне несколько прау оран-бугис из Макассара, пришедших туда для ловли трепанга. В 1873 г. я видел в Макассаре австралийца, привезенного на одной из прау (оран-)бугис с северного берега Австралии. О подобных случаях путешествий австралийцев говорит также и Юкс (там же, стр. 359).

все, и тредоры имели открытое поле эксплуатировать и обманывать их. Барыши при этой торговле привлекли, однако же, немало белых; скоро конкуренция возвысила цены, а главное, представив значительный выбор товаров, открыла туземцам глаза, которые скоро выучились различать их по достоинству и стали отказываться от дряни, а спрашивать хороший товар в уплату за трепанг и копру. Хотя меновой торг оставался и остается выгодным для европейцев, но время громадных барышей прошло, и белым пришлось придумывать иные средства для быстрого обогащения*.

Они нашли, что если им удастся заманить туземцев Микронезии, вообще хороших водолазов и притом знакомых с делом, на некоторые острова близ экватора, изобилующие трепангом, черепахою, жемчужными раковинами и т. п., и заставить их там работать, то это снова для них будет весьма выгодным и может дать им сотенные проценты. Я не имею намерения, ни претензии, ни материала писать историю европейской торговли в этой части света, почему не могу привести имена тредора или шкипера, который придумал эту выгодную комбинацию; также не знаю, в котором году устроилась первая экспедиция, за которою последовали подобные же, почти ежегодно снаряжаемые. Остров, на котором им сперва удалось получить туземцев и который до сих пор поставляет для этой цели людей, был Вуап, а местность, куда направилось судно для работы, были группы Агомес и Ниниго. На первой жителей было слишком мало, чтобы воспротивиться нарушению права собственности; на второй туземцы были уже так запуганы, что бежали и прятались, завидя вдаль европейский парус. Первая попытка расширить эксплуатируемую область и попытаться добывать трепанг и жемчужные раковины около о. Адмиралтейства не удалась, как я сообщил в письме моем о последнем острове** 5.

* Эта же причина имела следствием расширение области европейской торговли на островах Тихого океана: надо было приискать новый рынок для товаров низкого достоинства, от которых на о-вах Вуап и Пелау туземцы стали отказываться, тем более, что некоторые фирмы слишком поспешно снабдили своих тредоров значительными запасами дрянных товаров. Это повело к поселению европейских тредоров на о-вах Тауи, Агомес, Каниес, Ниниго³. Итак, европейское нашествие на островах Меланезии подвигается с двух сторон: с юга и юго-востока под формою христианского прозелитизма, с севера и с северо-запада — в форме торговой эксплуатации. Интересно будет со временем сравнить влияние этих двух, иногда, однако же, сливающихся (как, например, в Доре, на севере Новой Гвинеи, где миссионеры занимают также меновую торговлю. См.: Уоллес. Малайский архипелаг. Т. II)⁴ факторов европейской цивилизации на островитян: под чьею ферулою туземцы быстрее исчезнут и чье влияние превозможет?

** Другое неудавшееся торговое предприятие — поселение двух тредоров на небольшом острове (Матупи) у восточной оконечности о. Новой Британии, случилось в

Кроме известной склонности туземцев островов Тихого океана к морским путешествиям, тредоры и шкипера воспользовались на о. Вуап обстоятельством, что за материалом для туземных денег «фе» жители этого острова должны были отправляться на арх. Пелау, при которых экспедициях много туземных пирог гибло*. Они стали входить с пилунами (начальниками) Вуап в сделку: что последние за перевоз известного числа туземцев на о-ва Пелау, туда и обратно, или за перевоз выделанных «фе» доставят им по возвращении, или со временем, определенное число туземцев для экспедиции на о-ва Агомес или Ниниго для ловли и приготовления трепанга (об этих сделках я уже говорил в письме об о. Вуап)⁷.

Это условие казалось обоюдовыгодным. Туземцы избегали риска плаванья в своих пирогах и могли перевозить удобно свои тяжеловесные монеты, не заботясь об их весе, который был большим затруднением при перевозке их на туземных пирогах. С другой стороны, тредорам или шкиперам доставались рабочие руки на значительное время, которое они даже могли по усмотрению продолжить (туземцы вообще мало заботятся о времени) почти что даром; даже заботу о продовольствии туземцы брали на себя, судно же, которое перевозило их на арх. Пелау или обратно их или «фе» на о. Вуап, обыкновенно по другим причинам должно было сделать переход этот; несколько палубных пассажиров, помогающих даже при случае матросам, не составляли разницы.

Как распоряжаются шкиперы с отправляющимися с ними туземцами, можно судить из примеров, сообщенных о приключениях на шкунах «Рупак» (у рифа Иезу-Марии) и «Орел» (на о. Агомес)⁸; укажу теперь на другую сторону, также мало выгодную для туземцев, попавших в эти экспедиции. На месте работы, на о-вах Агомес или Ниниго, находясь в бесконтрольной, полной зависимости от нрава шкипера или тредора, они обыкновенно принуждены работать сверх сил, что при недостаточной пище, небрежении внимания на состояние здоровья рабочих ведет часто к значительной смертности. Приведу несколько образчиков обращения белых с туземцами из многих примеров, которые я слышал от туземцев Вуап и Пелау, и не от одного, а тот же рассказ от многих в разных деревнях различных островов, что доказывает,

1873 г. Туземцы подожгли ночью хижину торговцев, которые сочли необходимым для своей безопасности переселиться на о. Герцога Йоркского (в проливе св. Георгия)⁶, где они оставались до прихода судна из Австралии. На последнем острове живет в настоящее время тредор, и весьма вероятно, что торговцы, поселенные на о. Тауи и других, будут в состоянии удержаться и вести свое выгодное, но далеко не гуманное дело.

* Плавание этих пирог островитян Вуап на арх. Пелау, заходя на островок Ангелуул (Мателотас на картах), продолжается, как мне говорили туземцы, около 10 дней, что даже считается ими за удачное плавание. Хорошая шкуна при порядочном ветре делает этот переход в 1 1/2 или 2 дня.

что примеры эти далеко не случаи исключительные. Думаю даже, что цвет моей кожи и мои недоверчивые замечания при их рассказах мешали им быть вполне откровенными.

Самую нелегкую часть работы при собирании трепанга составляет ныряние за ним, лучшие сорта его живут на глубине 5—8 саженей. Эта работа для островитян, работающих исподволь у себя дома, для себя или своих начальников, — безделица; не то при экспедициях на о-ва Агомес или Ниниго при надзоре белого, видящего в них удобное средство *make money*^{3*}, думающего единственно, что чем больше в короткое время они успеют наловить для него трепанга, тем больше он получит в Сингапуре или Гонконге долларов. С раннего утра почти до вечерней темноты, с небольшим перерывом около полудня, тредор или шкипер, удобно сидя под тентом в большой шляпке, наблюдает за ходом работы.

Когда ныряющие за трепангом начинают уставать и остаются дольше вне воды, у белого есть очень действительное средство, чтобы заставить их продолжать работу. Так как рука или палка не может достать туземца, то белый берет лежащий около него штуцер, и пуля пролетает близ головы «лентяя», напоминая ему, что, попав в руки белого, он перестал быть свободным островитянином, а стал *рабом* белого. Пролетающие пули, хотя редко задевают работающих (бывали, однако же, примеры неловкости (?) стрелка), содержат их постоянно в большом страхе, и часто больной уже несколько дней (всякое нездоровье на языке белого называется ленью), полуголодный за отсутствием достаточной пищи туземец напрягает остатки сил, которых, разумеется, не хватает надолго. Но все же лучше туземцу заболеть во время стоянки; он может по крайней мере умереть более или менее спокойно; в море может случиться, что его еще *живого* выбросят за борт. Единогласно туземцы Вуап и Пелау говорили мне, что один из шкиперов (они называли его имя) столкнул за борт или приказал столкнуть очень больного, но далеко еще не умирающего туземца Вуап.

В Пелау (в Короре и Малегиоке) мне рассказывали подобный же случай (может быть, тот же самый, но с подробностями*), который передает почти слово в слово, как слышал.

На одной из шкун, возвращающихся с о-вов Агомес, было много больных. Запас воды был незначительный, почему она выдавалась по порциям. Один из больных просит повара, на котором лежала обязанность выдавать воду, дать ему глоток. Это слышит шкипер и зовет туземца. Больной, с трудомдвигающийся, подходит. «Сядь сюда!» — говорит шкипер, указывая на низкий борт юта. Больной, едва держа-

* Это может быть, так как в Пелау обвиняли в этом поступке того же шкипера, виновника предыдущего преступления.

щийся на ногах, садится. «Ты хочешь пить?» — продолжает шкипер. «Да, немного воды, внутри огонь!» — отвечает больной, указывая на грудь. «Так ступай же, пей!» — сказал на это шкипер и так быстро и сильно толкнул больного, что тот, не ожидая такого ответа и не имея сил удержаться, полетел за борт.

Покажется странным, что, слыша о подобных фактах, еще находят-ся люди Вуап и Пелау, решающиеся отправляться на европейских судах. Но следует вспомнить, что эти экспедиции заплачены вперед, что тредоры грозят при неисполнении обязательства военным судом* и полным разгромом деревень; шкипера обещают сейчас же начать бомбардировку прибрежных хижин, если условия не будут исполнены. К тому же начальники, заключившие условия, остаются спокойно дома, посылая маленьких людей и рабов (на о. Вуап) уплачивать, может быть, жизнью, привезенные «фе» с арх. Пелау.

В письме об о. Вуап я рассказал случай, что, когда в предпрошлом (1875) году из 67 человек, отправившихся (кажется) на двух шкунах, вернулись живыми только 7, партия туземцев, находящаяся на германской шкуне, которая была совершенно готова отправиться на другое утро на одну из групп (Агомес или Ниниго), кинулась за борт и спаслась бегством. Разгневанный шкипер, видя, что его планы рушатся, счел своим правом стрелять в пловущих к берегу и, наложив за неисполнение условия очень значительный штраф (который туземцы должны уплатить копроу), обещал, если по возвращении его требование (штраф) не будет выполнено, разрушить деревню (Руль).

Туземцы, однако же, недолго помнят несчастья; несколько месяцев спустя другому тредору удалось в другой деревне добыть снова партию туземцев; правда, что не без затруднений: сильной угрозой с его стороны военным судом, если условие, исполненное им, будет нарушено туземцами, и обещаниями отправиться за трепангом не на группу Агомес, которую туземцы Вуап стали бояться, а на о-ва Ниниго.

При этом путешествии (как и при других моих странствованиях) мой интерес наблюдателя не был направлен на *белую* разновидность рода человеческого и на незавидную ее деятельность на островах Тихого океана; к тому же я слишком убежден в справедливости эпитета для *genus homo*^{4*} — «*animal méchant par excellence*»^{5*}, который эпитет он уже давным-давно заслужил и поддерживает, как только представляется подходящий случай, чтобы собирать новые к тому доказательства.

Я привел несколько положительно верных фактов, потому что, во-первых, они характеризуют отношения европейцев к островитянам, а

* Весьма сомнительно, чтобы военное судно, какой бы ни было национальности, приняло бы в большинстве случаев сторону белых.

во-вторых, потому что редкие посетители этих местностей одни (тредоры и шкипера) сами заинтересованы, чтобы подобные факты не доходили бы до европейской гласности, другие (командиры и офицеры военных судов), к сожалению, мало интересуются ими или при кратковременных стоянках не находят возможности узнать о них.

Злоупотребления и насилиства, которые позволяют себе тредоры и шкипера, происходят главным образом вследствие *недостатка гласности* и *полной безнаказанности*, которою они пользуются, несмотря на серьезность проступков.

Мне кажется, что положение дел может значительно измениться, если гг. командиры военных судов заходили бы на эти острова не с одною целью «показать флаг» или поглядеть на пляски туземцев, а старались бы заглянуть в отношения белых к туземному населению.

Туземцы, заметив, что не все белые составляют одну категорию, ищущую обмануть и эксплуатировать их*, сами будут обращаться в крайних случаях притеснения к командирам военных судов и искать у них справедливости и покровительства как у представителей европейских держав. Возможность без больших препятствий и значительных издержек изменить грустное и несправедливое положение дел привела меня к мысли обратиться с проектом учреждения станций военных судов для *интернационального* покровительства туземцев островов Тихого океана в письме моем г. вице-председателю имп. Русского географического общества** в надежде, что дело слабых и притесненных найдет в Европе, тем или другим путем, отголосок и неожиданную помощь, что мое, может быть, непрактичное и неудобоисполнимое предложение не останется «гласом вопиющего в пустыне» и в другой форме все-таки достигнет цели и изменит сколько-нибудь к лучшему *status praesens*^{6*} отношений белых к туземному населению...

Ноябрь 1877 г.

Бугарлом,

На Берегу Маклая в Новой Гвинее.

1* *Кто намеренно не говорит истины, тот истинный обманщик (лат.).*

2* *Дары моря (итал.).*

3* *Заработать (англ.).*

4* *Человеческий род (лат.).*

5* *Животное в основном злое (франц.).*

6* *Нынешнее положение (лат.).*

* Как я уже выше заметил, одна из уловок тредоров та, что они постоянно угрожают островитянам приходом военного судна и стараются убедить их, что оно всегда примет сторону белых, чему туземцы, разумеется, верят.

** От 15 июня 1876 г. с арх. Ниниго⁹.

О большезубых меланезийцах

15 июня 1876 г., архипелаг Ниниго (или Эшикье)
(1°23' ю. ш., 144° в. д.)

После посещения западной Микронезии, повернув на юг, я подошел к малоизвестному о. *Адмиралтейства*¹, где, продолжая мои антропологические исследования, обратил внимание на важную анатомическую особенность туземцев (которые относятся к меланезийской расе) и получил совершенно неожиданные результаты.

Я заметил значительную неправильность по большей части весьма прогнатных челюстей и скоро обнаружил, что она связана с *огромной велигиной* зубов переднего ряда. Приложенные зарисовки дают ясное представление о том, что я наблюдал, так как соответствующие части некоторых таких челюстей представлены в *натуральную величину*. Чаще увеличенными были резцы верхней челюсти, но нередко и на нижней челюсти можно было обнаружить ту же особенность. *Dentes canini* у некоторых индивидов также были увеличены. Зубы были относительно утолщенные, и если смотреть сверху (или снизу), то они образовывали ряд жевательных пластинок, которые иногда имели даже бугорки.

Люди с подобными зубами выражали большое неудовольствие, когда я хотел измерить или зарисовать их челюсти, и только некоторых склонял я к этому подарками или застывая их врасплох, когда удивление и частично испуг перед белым отдавали их беззащитными в мои руки, однако только на короткое время, так как они не упускали возможности убежать и выказывали такое нетерпение, что измерение и зарисовка очень затруднялись.

Но я не терял случая, чтобы по возможности точно измерить тот материал, который ко мне попадал; жаль, однако, что исследование нельзя было произвести более обстоятельно. Отдельные размеры указаны на рисунках, но я должен отметить, что у меня *никоим образом* не было возможности выбора особенно характерных образцов для зарисовки — я должен был довольствоваться беглыми зарисовками челюстей у более добродушных или более боязливых; некоторые совершенно исключительные представители этих большезубых людей (несколько дюжин, которых я наблюдал на о. Адмиралтейства и на о-вах Агомес) решительно отказывались позволить зарисовать или даже измерить свои зубы*.

* Некоторым людям, у которых эти большие зубы в деснах очень качались и легко, почти без боли могли быть извлечены, я предлагал один и даже два топора за *один* большой зуб, но даже страстное желание получить топоры не пересилило прочного суеверия, что в таком случае человек умрет. Позднее на о-вах Агомес мне удалось

Таблица III (пояснения см. на с. 310 наст. тома)

Эти большезубые люди не составляют отдельную народность; они рассеяны среди населения. Некоторые из них являются действительно *исключительными экземплярами*. Я измерял отдельные *dentes incisivi* с коронкой в 22 мм длины, другие же (также резцы) в 19 мм ширины; толщина некоторых из них была не менее 11 мм.

От постоянного жевания бетеля и пинанга эмаль покрыта как бы черной политурой. При закрытом рте зубы у некоторых индивидов выступают между губами наружу.

С такими зубами я встречал не только мужчин, но и женщин, правда, реже; зубы у некоторых детей обещали со временем не уступать по величине зубам их старших земляков.

До сих пор таких большезубых меланезийцев я видел только на о. *Адмиралтейства* (на его южном и северном берегах) и на о-вах *Агомес* (или *Хермит*). Здесь на группе *Ниниго* (или *Эшикье*) живут (странный факт!) микронезийцы.

Видя вокруг себя этих людей с выступающими вперед зубами, я вспомнил об *оран-гаргаси* Малайского полуострова* и невольно подумал о гипотезах, теориях и названиях, которые появились бы, если бы в более молодых слоях Земли был найден хотя бы один обломок черепа с такими огромными зубами³.

Пояснения к таблице III

Части челюстей с большими зубами, которые в большинстве представлены несколько меньше натуральной величины. Только рис. 1b, рис. 2a и с, рис. 3a переданы, насколько возможно, в натуральную величину, dc — увеличенные *dentes canini*, di — резец нижней челюсти с бугорками на верхней поверхности⁴.

выменять обломок такого зуба на небольшое количество табаку у одного мужчины, который сам не имел таких больших зубов и мне продал, очевидно, зуб своего родственника. Я рад, что не только могу сопроводить эти строчки зарисовками, но и приложить в качестве *corpus delicti* (*вещественное доказательство (лат.)*) сам предмет, т. е. его осколок².

* Во многих местах Малайского полуострова я слышал о существовании курчаволосых людей с двумя выступающими вперед зубами, причем утверждалось, что эти оран-гаргаси, как их называли, живут в горах между Кеда и Сингоро. Так как эти оран-гаргаси являются меланезийцами, а описанная особенность едва ли распространяется только на туземцев о. Адмиралтейства и о-вов Агомес, то эти рассказы о большезубых людях на Малайском полуострове основаны, может быть, на действительном существовании таковых; во всяком случае то, что я здесь видел, превосходит рассказы, где говорится только о двух больших зубах.

О макродонтизме

В журнале «Nature» (V. XVI, № 494) напечатана копия зарисовки островитянина с Тауи (о. Адмиралтейства), которую я послал в 1876 г. профессору Р. Вирхову в Берлин. Эта копия — совершеннейшая карикатура, а потому я решил, учитывая, что этот вопрос представляет большой интерес для антропологии, представить ⟨Линнеевскому⟩ обществу ⟨Нового Южного Уэльса⟩ точную литографию моего рисунка вместе с некоторыми заметками об этой особенности, которую я буду называть «макродонтизмом» (*маκροδοντισμός*).

Начну с выдержки из моего первого письма по этому вопросу к проф. Вирхову, которое любезно перевел на английский язык г. К. А. Заль, императорский германский консул в Сиднее.

⟨Следует текст письма «О большезубых меланезийцах», напечатанного выше (стр. 306—308)⟩.

После этого письма я послал два более подробных доклада в Европу по вопросу о «макродонтизме»: один в имп. Русское географическое общество в С.-Петербурге и другой, с несколькими зарисовками различных групп зубов островитян с Тауи и Агомес, — президенту Антропологического общества в Берлине¹. Тех, кто специально интересуется этими анатомическими особенностями, я отсылаю к этим докладам. Здесь я хочу только прибавить, что с того времени, как мое внимание привлекли длинные зубы, обнаруженные у жителей о. Адмиралтейства, я никогда не упускал возможности понаблюдать зубы различных рас человечества, с которыми мне после приходилось соприкасаться во время моих путешествий. Позднее я убедился, что «макродонтизм» встречается и у *других* рас, хотя я нигде не видел таких замечательно большезубых людей и такое количество примеров этой особенности, как на островах Тауи и Агомес.

Во время моего второго пребывания на Берегу Маклая Новой Гвинеи (1876—1877 гг.) я нашел несколько индивидов, которые имели зубы необычных размеров и которые, так же как на островах Тауи и Агомес, не представляли патологического явления. Я встретил трех или четырех таких людей среди жителей архипелага Довольных людей, а затем в некоторых горных деревушках Берега Маклая. В Замбоанге на юго-западной оконечности о. Минданао (в январе 1878 г.) я встретил туземца (предки его, как он мне сказал, были буги), зубы которого, значительных размеров, представляли большой интерес.

В 1878 г. в Сингапуре на улице я видел китайского кули, большие зубы которого были ясно видны, когда он смеялся, и привлекли мое внимание. Вследствие моей болезни я не мог их ни зарисовать, ни измерить.

Большезубый меланезец.
Деревня Пуби на юге большого
острова Адмиралтейства (о. Манус)

Среди моих старых записей я нашел заметку, что в 1873 г. на о. Тидоре я видел малайца с необыкновенно большими зубами. В том же году (1873) я также видел китайца в Кантоне с очень большими зубами.

В заключение я должен отметить, что, по моему мнению, которое я себе составил (и о котором я сообщил в моем втором докладе в имп. Географическое общество в России в 1876 г.), макродонтизм (или гипертрофию дентина) нужно отнести к той же категории, как и удлинение малых срамных губ и накопление жира на ягодицах и на крестце у готтентотских женщин, и, подобно этим особенностям конституции, макродонтизм встречается *не* у всех индивидов.

Эта гипертрофия дентина несомненно находится в непосредственной связи с питанием; во

время моего относительно короткого пребывания на островах я не имел возможности обнаружить особую диету, которая вызвала такую аномалию или могла бы ее вызвать, но несомненно, что эта особенность наследственная².

Вторая заметка о «макродонтизме» меланезийцев*

В кратком обзоре результатов антропологических наблюдений, предпринятых во время поездки в Меланезию в 1879—1880 гг.**, я упомянул, между прочим, что имел возможность вести дальнейшие наблюдения над «макродонтизмом» на о. Адмиралтейства и архипелаге Луб¹.

* Моя первая заметка «On Macrodonatism» появилась в «Proceedings of the Linnean Society of New South Wales». 1879. Vol. 3. P. 169—173.

** A Short Resume of the Results of Anthropological and Anatomical Researches in Malanesia and Australia (March 1879 — January 1881) // Proceedings of the Linnean Society of New South Wales. 1882. Vol. 6. P. 171—175 (см. т. 4 наст. изд.).

Когда я обнаружил впервые (в 1876 г.) эту особенность у местного населения о. Адмиралтейства, которое до этого очень мало соприкасалось с белыми людьми, жители острова были очень пугливы и убедить аборигенов позволить мне осмотреть их зубы, измерить и зарисовать их можно было только при удобном случае и применяя определенный такт и большое терпение. Более подробный осмотр был совершенно невозможен; они либо сопротивлялись ему, либо сразу же убегали. Ввиду этого мне было не так легко сделать определенное заключение о природе увеличения их зубов.

На островах Луб мне удалось, наконец, получить кусок увеличенного зуба, микроскопическое и химическое исследование которого могло решить вопрос о природе макродонтизма.

По разным причинам я решил послать указанный выше экземпляр проф. Вирхову в Берлин, но, к моему глубокому сожалению, небольшой пакет, порученный человеку, ехавшему из Сиднея в Европу, был им утерян по небрежности (забыт в каюте при пересадке на другой пароход в Point de Galle). Я узнал о потере этого интересного образца только после возвращения из путешествия на острова Меланезии (1879 и 1880 гг.), в течение которого, как уже упомянуто, мне удалось произвести дальнейшие исследования макродонтизма.

Так как это было моим третьим посещением указанных островов (Адмиралтейства и Луб), то местное население обращалось со мной, как со старым знакомым, в особенности потому, что я мог немного говорить на их диалекте. Так как я жил на берегу, то мое лицо, манеры и способ обращения стали знакомы местным жителям, очень хорошо помнившим мои первые два посещения. Зная на основании опыта, что мои манипуляции (антропологические измерения, зарисовки, фотографирование и т. п.) были совершенно безобидными, туземцы стали относиться к ним с гораздо меньшим недоверием и антипатией, чем раньше, и мне удалось, без всякого возражения с их стороны, осмотреть, измерить и зарисовать увеличенные зубы многих аборигенов. На этот раз я осмотрел очень много разновидностей больших зубов, и мне удалось получить несколько таких зубов. В результате я пришел к совершенно другому выводу, чем раньше*, а именно, что увеличение зубов вызвано не действительным увеличением самих зубов (гипертрофией дентина), а просто *грезмерным скоплением винного камня*, образованию которого способствует постоянное введение извести при жевании смеси из арека, бетеля и извести**.

* On Macrodontism. P. 172.

** Корень перечного растения бетель применяется жителями о. Адмиралтейства в значительной большей степени, чем в других местах, где имеется спрос пре-

Осмотр приобретенных мною больших зубов не оставлял никакого сомнения в том, что они были покрыты чем-то вроде черной, твердой коры, которую можно было постепенно удалить острым скальпелем в виде более или менее тонких слоев и обнаружить внутри явно неизмененные зубы. У другого экземпляра зуб вынимался, как орех из скорлупы.

Я показал один из экземпляров увеличенных зубов г. П. Р. Педли, который выразил убеждение, что темная коричневая корка на зубах не могла быть не чем иным, как только слюнным камнем, окрашенным своеобразной пищей туземцев.

Через несколько месяцев после моего возвращения в Сидней (в январе 1881 г.) я получил из Берлина «Verhandlungen»* der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte за 1881 г., в котором было опубликовано письмо Ф. А. Рёпшторфа, губернатора Никобарских островов*. В письме сообщается о «необычайно больших зубах никобарцев». В этом письме автор пишет, что, прочтя мое сообщение о больших зубах меланезийцев** и рассмотрев приложенную таблицу***, он был удивлен, найдя, что эта особенность также нередко встречается и среди никобарцев. Г-н Рёпшторф послал проф. Вирхову несколько таких больших зубов, которые он получил от племени Шом-Моат группы Нанковри. Посредством химического анализа установили, что налет, покрывавший зубы этих людей, представлял род винного камня (Zahnconcrement), состоявшего преимущественно из извести, окрашенной в коричневый цвет****.

имущественно на листья и плоды. Соотношение разных ингредиентов, применяемых жевальщиками смеси из арека, бетеля и извести, показалось мне весьма различным в разных странах. Эта разница в смеси изменяет, конечно, непосредственное действие жевания и различно влияет на организмы потребителей. Более того, в некоторых местах (например, на Малайском полуострове и на некоторых островах Малайского архипелага) к ореху арека и бетелю добавляют еще табак и гамбир (Nauclea gambir).

* Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. Jahrgang 1881 (приложение к журналу «Zeitschrift für Anthropologie». 1881). S. 218. Sitzung von 18. Juni 1881.

** Там же. Заседание от 16 декабря 1876 г. (см. с. 306—308 наст. тома).

*** Там же. Табл. XXVI (табл. III в наст. томе).

**** Произведенный г. Саковским² химический анализ дал следующие результаты: «Тонко измельченное вещество чернеет при нагревании и распространяет запах горелого рога. Оно растворяется как до накаливания, так и после, оставляет небольшой остаток и бурно вспенивается (углекислота) в соляной кислоте. Раствор соляной кислоты содержит в виде основных составных частей известь и фосфорную кислоту, а наряду с этим магнизию, окись железа, очень незначительные количества щелочей и следы серной и кремневой кислот. Раствор в азотной кислоте не дает заметного помутнения с раствором серебра, следовательно, не содержит хлоридов или соляной кислоты».

Проф. Вирхов по поводу сообщения г. Рёпшторфа отмечает*, что, хотя согласно данным химического анализа, большие размеры зубов никобарцев обусловлены образованием нового вида винного камня, все же остается под вопросом, можно ли объяснить таким же образом описанную мною величину зубов меланезийцев и что последний случай требует еще дальнейшего выяснения.

Из настоящей заметки видно, что, по моему мнению, увеличение размера зубов туземцев о. Адмиралтейства и островов Луб сходного свойства, как и наблюдаемое среди никобарцев, и, по всему вероятно, оно обусловлено той же причиной. На прилагаемой таблице (рис. 9, 10, 11 и 12) изображен зуб необычайной величины, показывающей, до каких размеров могут дойти зубы, покрытые этим видом винного камня.

Необычайные размеры двух нижних резцов (*тщательно измеренных*) вызывают удивление, как такие зубы могли поместиться во рту.

Насколько мне удалось наблюдать, местное население считает «лехен-чувен»** одним из видов красоты и, по-видимому, владельцы таких зубов очень гордятся ими и осторожно ухаживают за ними***.

Все вышесказанное объясняет исчерпывающе, почему не следует применять обозначения «макродонтизм». Его надо заменить словом Odontolithiasis, которое явно наиболее подходит****.

Количественное определение главных компонентов дало следующий состав:

Вода	5,95 %
Органическое вещество	9,10 %
Неорганический нерастворимый осадок (кремневая кислота, окись железа)	0,87 %
Фосфорнокислая окись железа	2,26 %
Известь	45,24 %
Магнезия	0,68 %
Фосфорная кислота	30,73 %
Углекислота	4,87 %
	99,70 %

(Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. Jahrgang 1881. S. 219. Sitzung von 18. Juni 1881).

* Там же.

** Аборигены о. Сорри (или Уайлд) в порте Нэрс (Nares Harbour) называют большие зубы «лехен-чувен». Весьма возможно, что на других диалектах о. Адмиралтейства такие зубы имеют иное наименование.

*** Осторожность необходима, так как такие зубы не имеют соответствующих больших корней.

**** Выражаю благодарность проф. У. Стефенсу² за это чрезвычайно подходящее наименование от *ὀδούς* — зуб и *λιθιάσις* — каменистое отложение.

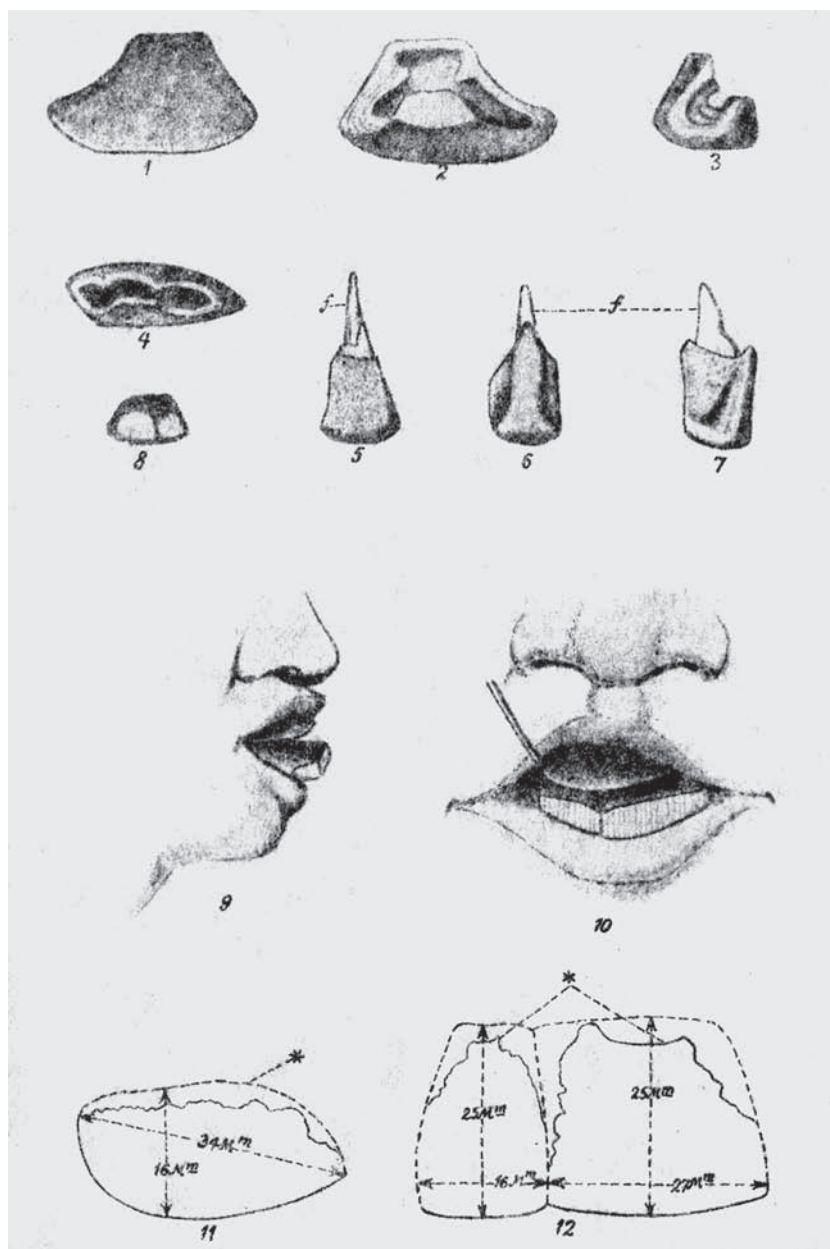

Таблица IV (пояснения см. на с. 317 наст. тома)

Пояснения к таблице IV

(Все рисунки в нат. величину, за исключением рис. 9 и 10).

Рис. 1—4. Корка винного камня на двух верхних резцах. Наружные поверхности — темно-коричневого цвета, гладкие, как будто полированные.

Рис. 1. То же, спереди.

Рис. 2. То же, сзади.

Рис. 3. То же, сбоку.

Рис. 4. То же, сверху. При этом ясно видно, что отложение покрывало два резца.

Рис. 5—8. Один из верхних резцов, покрытый темно-коричневой коркой винного камня; свободна только часть корня (f).

Рис. 5. То же, спереди.

Рис. 6. То же, сзади.

Рис. 7. То же, сбоку.

Рис. 8. То же, снизу, видны две гладкие поверхности.

Рис. 9. Полуоткрытый рот в профиль Бурумо — жителя о. Сорри в гавани Нэрс; видны очень большие слюнные камни, покрывающие резцы (около $\frac{1}{2}$ нат. вел.).

Рис. 10. Рот того же человека спереди.

Рис. 11. Верхняя поверхность корки винного камня, покрывающей средние резцы верхней челюсти. Точные размеры в миллиметрах.

Рис. 12. Верхняя поверхность корки винного камня, покрывающей нижние резцы. Точные размеры даны в миллиметрах. Толщина большого calculus равна 8 мм.

Верхняя часть зубов была покрыта детритом пищи, *Leptothrix buccalis* и т. п.

¹* В журнальном тексте неточность: Sitzungsberichte.

〈Диалекты островков Андра и Сорри〉¹

	Диалект островка Андра	Диалект островка Сорри
Солнце	аль-мани	ян
Луна	буль	бун
Звезда	буль	дау
Небо	лан	
Море	нрас	да
Камень	пат	ба
Огонь	я	яп
Ветер	иор	лангак
Дождь		дѐ
Вода	ва	гвай

Хижина для мужчин	камаль	аман
Хижина семейная	ум	ум
Пирога	роль	дон
Парус	бареу	бареу
«Барум» ² (деревянный барабан)	мраль	дан
«Барла» ² (высокие нары)		соу
Мужчина	лау, камал	лау
Женщина	пеин	пеин ³
Голова, лоб	пулен	батум
Волоса	пален	бату
Глаза	матам	манам
Нос	гнон	нон
Рот	пейсен	ба
Ухо	телинган	деринге
Шея	колон	ауне
Грудь (mamae ^{1*})	сусун, атен	бара
Спина	коленган	ауня
Зубы	лехен	
Язык	калемен	
Борода	каер	
Живот		урия
Пуп	путон	тискумбуро
Задница		муге
Penis	уден, утин	гури
Vagina	буин	бунен

^{1*} Женская грудь (лат.).

〈Словник языков яп¹ и палау²〉

	<i>Остров Яп, или Вуап</i>	<i>Пелау</i>
Солнце	ял	сильс
Луна	пул	пуйл
Звезда	атуф	птух <?> ^{1*}
Небо, облако	термо	(аянгет), сабас, янгас
Земля	вут	кутум
Камень	мелан	пат
Остров	донгитс	пелу
Гора	теид	ройш
Море	ирегур <?>	тсауб ^{2*}
Вода	аран	ральм

Огонь	елефи (ельфи)	нау
Дым	ас	моламох
Гром, молния	дерра	трумк, керо, кро
Дождь	ану	куль
Холодно	улум	мкрасам
Жарко	егоел, бугол-ял	касиб ^{3*}
Ветер	лефен	
Голова	ллыг	лулыгек, птелугт (?)
Волоса	апий	кхайум (?)
Нос	песынгий ^{4*}	исынгем
Глаза	аутей	матам
Рот	легенак, лангай	гнаррем (?)
Язык	блосей, есей	курам
Ухо	лий, телий	тынгам
Шея	легеней	кыклем
Грудь	говак, наран герем (?)	улум
Спина	кайрум, кар-ей, кар-ой	ульхем (?)
Рука	пасей, пам	каймам (?)
Пальцы	улит-ей, булипак	каль-нелель
Ноготь	кыенгий, тингул епей (?)	кекум
Brust ^{5*}	сысы	тут
Живот	ней, ельрук	темик (?)
Пуп	сей, фей	удысем
Задница	хывий (?)	комертрем (?)
Penis	тельый	хуикель, хук
Нога (Bein ^{6*})	ай	корым
Fuss ^{7*}	рыфрый (?)	крыгель
Кожа	кайруп	пудель
Кровь	артра	расах
Есть	томинумун	манга
Спать	камоль	мриваю, могвай
Сон	еликай, елигиль	мроупи (?)
Говорить	атын	атокой
Кричать	бейор	ольро, ельмангай
Бежать	камилъ	ремурен (?)
Плавать	менон	мынгигай
Лететь	беченег	свебок, корам
Плясать	теру	млойк
Петь		мынгитакль
Сбор(ный) дом	бай-бай, бейбей (ноп (?))	бай, пай
Хижина	нон	оплай, кекерел плай (?)
Пирога	аму	млай
Весло	момон	пшошь, кабекель
Парус	лай	аерс, ярысь

Хорошо	бъел <?>	унгыль
Дурно	петаган, катаган	матныт
Скоро	пелегем	меррегис
Белый	вудс ^{8*}	калеу
Черный	рундугу	ходелегелек
Красный	роо	пунунгау
Зеленый	калунгулун	карагар
Синий	рунгуду	мелымоу <?>
<Мужчина> ^{9*}	тмоон	аргас
<Женщина> ^{10*}	пин	ардель
Девушка	бумель	кекерль диль <?>
Молод(ой мужчина) ^{9*}	пугель	нгалек
Ребенок	питр <?>	мельрой (?)
Муж		
Жена	ленген	
Брат	улаын <?>	куделим <?>
Сестра	тититик	кардам, морданг

^{1*} Затерзнута нательная буква а.

^{2*} Буква с вписана.

^{3*} Над а надписано е.

^{4*} Было: посунгый <?>.

^{5*} Грудь (нем.).

^{6*} Нога выше щиколотки (нем.).

^{7*} Ступня (нем.).

^{8*} Было: мира

^{9*} В оригинале знак ♂

^{10*} В оригинале знак ♀.

Программа предполагаемых исследований во время путешествия на острова и побережья Тихого океана*

время предстоящего мне путешествия** занятия мои, кроме специально зоологических исследований, будут состоять также в метеорологических наблюдениях и исследованиях по антропологии и этнографии. Сообразно с этим и программа моих занятий распадается по трем главным отраслям.

По первому отделу, относящемуся до специально зоологических исследований, предметы исследований, само собою разумеется, не могут быть определены наперед, они будут указаны местной фауною и местными условиями. Но при этом мои зоологические работы будут касаться преимущественно низших форм животных в их естественной обстановке. Собираение коллекций отойдет на второй план. Главною и более общею задачею исследований будет проследить изменение и зависимость животных организмов от различных внешних факторов природы***, а потом— анатомия и история развития этих организмов.

* Читана в Общем собрании Географического общества 7 октября 1870 г.

** Путешествие рассчитано лет на 7 или 8, а потому план его может быть начертан лишь в кратких и неопределенных чертах. Первые годы путешествия думаю провести на берегах тропических морей, а затем подвигаться постепенно на север, до берегов Охотского моря и северных частей Тихого океана. Первым же полем моей деятельности будет Новая Гвинея; при этом выборе я руководствуюсь соображениями, которые не замедлю сообщить Географическому обществу¹.

*** При этих исследованиях я буду главным образом руководствоваться очень дельным трудом г. Лоренца в Вене (*Lorenz J. R. Physiologische Verhältnisse und Vertheilung der Organismen in Quarnerischen Golfe. Wien, 1863*).

Что касается других отделов моей программы, то я при этом руководствовался известною русскою пословицею: «ум хорош, а два лучше», и в бытность мою в этом году за границей обращался к различным ученым специалистам с просьбою сообщить мне свои научные «desiderata»^{1*} и вопросы, которыми я мог бы руководствоваться и ориентироваться в широкой области моих исследований. Почти все ученые, к которым я обращался, были настолько обязательны, что письменно или словесно исполнили мою просьбу, за что я и приношу им здесь мою благодарность. Многие из вопросов, предложенных для исследования, вряд ли будут мне по силам, так как, с одной стороны, они относятся к огромным пространствам и разнообразным местностям, с другой — необходимым условием требуют полного знакомства с местными языками, для чего потребовалась бы и особая филологическая подготовка и больше времени. Тем не менее я считаю своим долгом сообщить здесь все эти вопросы, так как они составлены специалистами, известными знатоками дела, и обнаруживают те пробелы, которые предстоит пополнить для научного понимания многих сторон этнографии и антропологии.

По физической географии и метеорологии

I. Вопросы, предложенные профессором Дове² в Берлине:

- 1) Исследование температуры и удельного веса морской воды на разных глубинах и в разных местах.
- 2) Температура источников.
- 3) Инсоляция помощью термометра, которого шарик покрыт тушью; по возможности определение ночного лучеиспускания и при случае наблюдения над maximum жара в разных частях Южного полушария.
- 4) Барометрические наблюдения.
- 5) Изменение направления ветра (Winddrehung) и сила ветра, определенная анемометром Робинсона³.
- 6) Проверка открытия Росса⁴ относительно линии постоянной температуры.*

* Эту линию средней температуры в Южном полушарии нашел сэр Джеймс Кларк Росс приблизительно под 56°14' южной широты и пересек ее в семи местах. Это открытие считал Росс самым важным результатом своего трудного и интересного плавания. «Под этой широтой, — говорит он, — проходит пояс, или линия вокруг земли, в которой средняя температура моря одинакова на всех глубинах и которая образует границу или нейтральную полосу между обоими термическими бассей-

7) Наблюдения над образованием льда в море; действительно ли он образуется вследствие поднимающихся со дна или с глубины пластин льда, как это наблюдал г. Эрдль.

8) Встречаются ли вокруг ледяных гор в Южном полушарии снеговые валы, как это наблюдал Скорезби⁵.

II. Г. проф. Е. Шмид (E. Schmid)⁶ в Иене предлагает исследовать: действительно ли закон понижения температуры вблизи берегов у островов Тихого океана оказывается неверным*.

III. Г. директор Центральной физической обсерватории в С.-Петербурге, академик Вильд⁷, написал следующую инструкцию:

1) Оставаясь в какой-нибудь местности долее, и никак не менее одного месяца, следует делать метеорологические наблюдения как на обыкновенных метеорологических станциях, т. е. записывать три раза в день состояние барометра, термометра и гигрометра (в 7 часов утра, в 1 час пополудни и в 9 часов вечера), как это сообщено в инструкции для метеорологических станций**.

2) Делать наблюдения над испарением при помощи эвапорометра по системе Ламон⁸.

3) Температура источников.

4) Температура почвы на поверхности и, если можно, на глубине до трех футов.

5) Температура моря на поверхности и на разных глубинах.

6) Наблюдения над направлением и значительностью (Mächtigkeit) течений.

нами океана. Севернее от этой линии море теплее, чем его средняя температура, вследствие принимаемой им солнечной теплоты. Под 45° ю. ш. линия средней температуры находится на глубине 600 саж., а под экватором и между тропиками следует искать границу, до которой проникает влияние солнца, на глубине 1200 саж.; под этой глубиной море сохраняет свою среднюю температуру 39,5 F (около +4 °C), между тем как близ поверхности температура воды равна 78° F (около +25 °C). На юг от линии средней температуры море делается тем холоднее, чем более удаляется от этой линии, вследствие слабого действия солнца и стремления к равновесию с холодным воздухом. Линия средней температуры под 70° ю. ш. опускается снова на глубину 750 саж. Глубже температура остается неизменною, около 39,5° F (+4 °C), между тем как на поверхности она равна 30° F (+1, 2 °C)». Далее Росс говорит, почему эта линия средней температуры представляет столь высокий интерес для науки. «Эта линия, — пишет он, — есть постоянная величина, которая, будучи определена с большею точностью, дала бы физикам будущих столетий средство определить, изменилась ли в известный промежуток времени температура нашей земли и в какой степени» (см.: *Sir James Clark Ross. Entdeckungsreise nach dem Süd-Polar-Meere in den Jahren 1839—1843, Deutsch von J. Seybt. Leipzig, 1870. S. 418—419*).

* Schmid E. (Lehrbuch der) Meteorologie // Allgemeine Encyclopädie der Physik. Bd. 21. Leipzig, 1856. S. 193.

** Wild H. Instruction für die meteorologischen Stationen. St. Petersburg, 1869.

7) Проверять дорожные инструменты с инструментами постоянных метеорологических станций при каждой возможности.

К этим общим метеорологическим указаниям считаю нужным прибавить, что, поднявшись на север к берегам Охотского моря, я буду особенно стараться добавлять и проверять те факты и положения, которые изложены академиком Шренком⁹ в его превосходном очерке физической географии Северо-Японского моря*.

По этнографии и антропологии

Следующие вопросы присланы мне доктором Бастианом (Bastian)¹⁰, председателем Географического общества в Берлине.

Обратить особенное внимание: на характеристические признаки, отличающие меланезийцев от полинезийцев и микронезийцев; а также на помеси этих племен в местах их соприкосновения (как, например, на о-вах Фиджи).

Обратить также внимание, насколько еще в употреблении бывшее прежде в большом ходу (в особенности на Отаити) обезображивание головы новорожденных, сплющивание носа и т. п.

В таких местностях, где сохранилось еще воспоминание о времени, предшествовавшем введению в употребление металлов, постараться узнать, каким образом изготовлялись орудия из камня и из раковин и как употребляли их для выделывания деревянной посуды.

В каменных постройках, которые находятся на высотах гор разных островов (на о-вах Рапа, Ейдеа), следует предпринять раскопки и по возможности собрать известия о предполагаемых строителях их. То же самое сделать касательно искусственных монументов на о-вах Пасхи, Тиниан и т. п.¹¹

Точнее определить местонахождение нефрита и проследить распространение изготовленных из него вещей.

Исследовать по возможности местные течения, которые соединяют между собою группы островов и которыми можно объяснить пути распространения в прежнее время рас.

Там, где обычай «табу» в полной силе, по возможности определить религиозное и политическое его значение.

Собирать по возможности точные словари, в особенности в Меланезии.

* Приложение к XVI тому «Записок Академии наук» (СПб., 1869) *⟨имеется в виду: Шренк Л. И. Очерк физической географии Северо-Японского моря // Зап. Имп. Академии наук. 1869. Т. 16. Прилож. 3.⟩*

Исследовать то влияние, которое имеет обычай «тепи*» на изменение языка, и в каких промежутках времени выброшенные слова входят в употребление.

Наблюдение состояния экстаза предсказателей-священников. Так как пророки эти говорят на другом, отличном от обыкновенного языке, то записать все слова двойного значения (*Wortverzeichnisse der doppelten Bedeutung*).

Обратить внимание на распространение детоубийства.

Узнавать от вождей, сколько поколений они считают в своей генеалогии, и заметить, какими средствами они помогают памяти при этом.

Записывать предания.

Обращать особенное внимание на предания, которые представляют аналогию с преданием о ночью рожденных богах (на о. Отаити), о змееподобных богах (о. Фиджи), с преданием о Мауи (в Новой Зеландии), а также находится ли сказание о старом царе Миру в каком-нибудь отношении к небу Мэру.

Подтверждается ли наблюдение, что у жителей о-вов Самоа пучки волос на голове скручены искусственно?

Доктор Герланд (*Georg Gerland*)¹⁴ в Магдебурге (продолжатель известной «Антропологии» Вайца) в длинном письме на мое имя предлагает ряд вопросов для исследований, касающихся всех групп островов Тихого океана.

Вот эти вопросы:

1. Микронезия. 1) Весьма были бы важны сведения о Каролинских островах, из которых только Понапе и Кусаие (Уалан) более других известны; каждый, даже незначительный этнографический материал касательно этих островов был бы драгоценен.

2) Столь же, если еще не более, велик недостаток данных о языке этих местностей. Богатое собрание слов и местных текстов (песен, раз-

* Обычай теппи состоит в том, что при каком-нибудь важном событии (при вступлении во власть нового вождя и т. п.) старый язык заменяется новым. Этот обычай встречается не только на Отаити, но распространен и на других островах, как, например, на Сандвичевых. Шамиссо¹² сообщает в своем путешествии свидетельство одного испанца, г. Марина, который рассказывает, что около 1800 г. Таммеама¹³ придумал, по случаю рождения сына, совершенно новый язык и начал вводить его в употребление. Вновь придуманные слова не имели общих корней с прежним языком, и даже частицы, которые заменяли грамматические формы, были вновь образованы. Некоторым влиятельным личностям не понравилось это нововведение, и они решились отделаться с помощью яда от ребенка, который был причиною нововведения. И действительно, со смертью ребенка старый язык был снова восстановлен, а новый забыт (см.: *Chamisso A. v. Bemerkungen und Ansichten auf einer Entdeckungstreise unternommen in den Jahren 1814—1818. Weimar, 1821. S. 46*). (см. также с. 370, 464 в т. 1 наст. изд.)

говоров, поговорок и т. п.), а также грамматических заметок было бы очень важно.

3) Религиозные воззрения, вера в демонов и духов и т. п. очень мало известны; каждое сообщение о них было бы желательным.

II. Меланезия. 1) Точные сведения о народонаселении группы о-вов Ховес (Howes), а также о-вов Реннель и Беллона. Главный вопрос состоит в том, на каких островах Меланезии находится более светлое, говорящее на полинезийском языке население? Подтверждается ли также нахождение этого населения на о-вах Реннеля и Беллона (на юге от Гуадалканара). Находится ли оно на других островах этого архипелага, кроме названных здесь*¹⁵.

2) Встречаются ли между темным населением отдельные, более светлые особи совершенно спорадически или цвет кожи совпадает с особенным сословием или с особенным образом жизни?

3) В каком числе встречаются черные особи между полинезийцами? Представляют ли они собою вид негритосов? Подтверждается ли объяснение Герланда?***

4) Собрание меланезийских слов, песен, речей, разговоров — дело величайшей важности.

5) Исследование их религиозных суеверий и т. п. сказаний и преданий. Рассказы об сверхъестественном мире.

6) Собрание исторических и других преданий, даже самых нелепых, с сохранением имен.

Касательно Новой Гвинеи важно: знать распространение людей полинезийского типа и языка, а также знакомство с жителями внутренних частей острова и их языком. Не встречается ли там каких-нибудь памятников? Исследование влияния малайцев в обширном смысле слова и как далеко простирается влияние это во внутрь страны.

III. Новая Голландия¹⁶. Встречаются ли изображения, подобные тем, которые видел сэр Джордж Грей***¹⁷ или другие, на скалах, деревьях и т. п.? Имеют ли эти изображения древний вид? Заметны ли на них следы влияния малайцев или они чисто туземного происхождения?

2) Собрание религиозных представлений, мифов и т. п. очень важно.

* Waitz T. Anthropologie der Naturvölker. Fortgesetzt von G. Gerland. Th. 5. Abth. 2. Leipzig, 1870. S. 168. Здесь Герланд перечисляет острова с полинезийским населением и указывает на большой недостаток данных для проведения границы между Полинезией и Меланезией.

** Там же. С. 25 и 36. Герланд не предполагает возможности существования темного первобытного населения в Полинезии.

*** Grey G. Journal of Two Expeditions of Discovery in North-West and Western Australia. London, 1841. Vol. 1. P. 175, 202—206, 214—215.

3) Очень желателен всякий этнографический материал касательно туземцев Новой Голландии, живущих на север тропика Козерога.

IV. Полинезия. Очень важно собирать сказания, поэтические мифы северо-западной Полинезии. Лично для г. Герланда было бы чрезвычайно интересно знать, подтверждаются ли положения, высказанные им в сочинении о вымирании диких народов*.

Академик К. М. Бэр¹⁸ пишет мне следующее:

«Я бы советовал вам заехать на Филиппинские острова и отыскать там остатки черного первобытного населения, тщательно их исследовать и употребить все возможное старание для того, чтобы привезти с собою несколько черепов. Я могу положительно утверждать, что до 1860 г., когда я осматривал все известные коллекции черепов, в Европе имелись только два черепа этой расы, а именно в Лондоне, в прежнем Гунтеровском музее (ныне музей College of Surgeons), и эти два черепа были положительно *брахицефалы*, между тем как папуасы положительно *долichoцефалы*. Мне кажется, что очень важно решить вопрос: действительно ли эти негритосы Филиппинских островов брахицефалы? Может быть, что лондонские два черепа окажутся *не* настоящими. Если бы у другой черной расы нашлись бы иначе сформированные головы, то все еще пришлось бы сомневаться, действительно ли папуасы — представители первобытного населения (Urrasse) тех стран»**.

* Gerland G. Ueber das Aussterben der Naturvölker. Leipzig, 1868.

** В вышедшей в прошлом году книге г. Семпера (*Semper K. Die Philippinen und ihre Bewohner. Würzburg, 1869*), о которой академик Бэр, вероятно, еще не знал, говорится (на стр. 49) о черном племени Филиппинских островов как о племени, отличающемся от малайских племен. Г. Семпер относит филиппинское племя к папуасам. Казалось бы, что вопрос акад. Бэра этим разрешается, но, принимая во внимание, что г. Семпер (на стр. 137) относит и туземцев Новой Голландии к папуасам, а вместе с тем не приводит никаких доказательств для подтверждения своего взгляда о тождестве черных племен Филиппинских островов и папуасов, мы приходим к заключению, что на вопрос Бэра ответ еще не дан. Что же касается до первобытного населения тех стран (Зондских островов и Новой Голландии), то и этот вопрос еще далеко не решен. Хотя некоторые писатели, как Эрл (*Earl G. W. The Native Races of the Indian Archipelago. The Papuans. London, 1853*), и считают папуасов за «Urrasse» и отрицают существование во внутренности Новой Гвинеи особенной расы по имени альфуру, но, с другой стороны, путешественники, как, например, Лесон¹⁹, того мнения, что папуасы не первобытный народ той местности, а что он вытеснил прежних обитателей островов, которых остатки, населяющие центральные части Новой Гвинеи и других островов, известны под именем «эндаменес» или, как некоторые писатели их называют, альфуры, которые, по мнению Лесона, из Новой Гвинеи населили и Австралию (см.: *Lesson R. P. et Garnot P. Mémoire sur les Papouas ou Papoues // Annales des Sciences Naturelles. 1827. T. 10. P. 93*).

Дальнейшие вопросы по антропологии и этнографии Новой Гвинеи я нахожу в известном сочинении К. М. Бэра о папуасах и альфурах*, о которых я поговорю в другом месте.

Из многократных разговоров моих с разными специалистами по зоологии и анатомии, как-то: с профессором Гексли (Huxley)²⁰ в Лондоне, с профессорами Гегенбауером (Gegenbaur)²¹ и Геккелем (Haeckel)²² в Иене, с Вирховым (Virchow)²³ и Гартманом (Hartman)²⁴ в Берлине и другими учеными я мог прийти к заключению, что черепу и его форме далеко нельзя придавать такого значения, каким они пользовались в прежнее время. Все эти ученые были согласны, что до сих пор мало еще обращали внимания на исследование (в особенности микроскопическое) волос и кожи разных рас, а также на форму и величину разных частей тела. Разумеется, исследуя целый «habitus»^{2*} человека какой-нибудь расы, следует обращать должное внимание и на череп; но отдельный путешественник, собирая черепа, собирает только частичку того материала, который со временем только приведет, может быть, к более широким выводам. На долю же зоолога, имеющего случай наблюдать и исследовать людей различных рас живыми, выпадает исследование признаков, которые, может быть, еще менее постоянны, чем костяной остов человека; но в совокупности они могут дать более полную и верную характеристику расы, чем один череп, его размеры и кое-какие заметки о цвете кожи и волос.

Г. профессор Геккель в Иене предложил мне обратить особенное внимание:

1) На гистологическое строение кожицы (Epidermis) волос головы и других частей тела.

2) На длину большого пальца на ноге и мужского полового члена. Также на жировую подушку над ягодицами у женщин, на различные формы (как кажется, очень разнообразные)** внешних женских половых органов, также на различные формы и консистенцию грудей у женщин. На зубы различных рас.

3) Он также желал бы знать, каким образом плавают различные обитатели островов Тихого океана, о чем нигде у путешественников не упоминается.

Профессор Чермак в Лейпциге (Czermak)²⁵ предложил мне узнавать года, когда наступает менструация у женщин, о чем существует много противоречивых показаний. Также обращать внимание на суеверия, относящиеся до различных полов. Наблюдения над функциями органов чувств у разных племен и их результаты были бы очень интересны.

* Baer K. E. von. Ueber Papuas und Alfuren // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Petersburg. Sixième Série. Sciences Naturelles. 1859. Т. 8.

** Это разнообразие может быть следствием различных операций.

Я прибавлю еще относящиеся сюда же вопросы о влиянии пищи человека на цвет его кожи и на результаты браков между близкими родными*.

Вопрос, мало исследованный и имеющий большой интерес и большую важность, — это наблюдения изменений, которым подвергаются сами европейцы под тропиками. Помимо многих других, здесь важны вопросы о продолжительности жизни и смертности европейцев, в чем и в какой степени изменяются умственные способности европейцев, рожденных под тропиками. Европейские женщины еще гораздо менее могут переносить изменения климата, чем мужчины.

Вопросы, предложенные Дарвином**, представляют, как мне кажется, большой интерес во многих отношениях. До сих пор мало обращали внимания на выражения лица и телодвижения у разных рас под влиянием различных аффектов. Дарвин предлагает в этом отношении следующие вопросы:

1) Выражается ли удивление раскрытием рта и глаз и поднятием бровей?

2) Высказывается ли стыд внезапною краснотою лица, если цвет кожи позволяет? И как далеко распространяется окраска, когда эти люди краснеют?

3) При гневe или упрямстве сморщивается ли лоб? Держат ли прямо голову и стан, поднимают ли слегка плечи и сжимают ли кулаки?

4) Заметны ли у погруженного в глубокое раздумье или у того, кто старается распутать какой-нибудь загадочный вопрос, морщины на лбу или под веками?

5) Опушены ли углы рта и подняты ли внутренние углы век мускулом, который французы называют «мускулом боли», у недовольного? В этом состоянии брови принимают немного наклонное положение с маленькою выпуклостью у внутреннего конца и лоб наморщивается поперечно в средней части, но не во всю длину, как тогда, когда брови совсем подняты.

6) Сверкают ли глаза при чувстве довольства? причем кожа вокруг глаз немного морщится и углы рта немного отодвигаются.

* Между маори (жителями Новой Зеландии) встречаются очень часто браки между близкими родственниками, особенно между братьями и сестрами (Reise der österreichischen Fregatte Novara um die Erde in der Jahren 1857, 1858, 1859. Anthropologischer Teil. Abth. 3. Ethnography... bearbeitet von Friedrich Müller. Wien, 1868. S. 58).

** Эти вопросы предложены Дарвином в инструкции для австрийской экспедиции в Восточную Азию и Южную Америку (Instructionen für die fachmännischen Begleiter der K. K. Mission nach Ost-Asien und Süd-Amerika (als Manuskript gedruckt). Wien, Staatsdruckerei, 1868. S. 62 und 63).

7) Поднимается ли у того, кто напускается на другого или издевается над кем, верхняя губа над так называемым собачьим или глазным зубом на ту сторону, где стоит противник?

8) Узнается ли выражение упорства и ожесточения преимущественно в плотном сжимании рта, насупливании бровей и легких морщинах на лбу?

9) Выражается ли презрение в легком движении губ, в поднимании носа, сопровождаемом легким выдуванием воздуха?

10) Показывается ли чувство отвращения опусканием нижней губы, в легком поднятии верхней, с внезапным выдуванием воздуха? (выражение лица при этом как у того, кого начинает рвать, или кто силится выплюнуть).

11) Выражается ли высшая степень страха таким же образом, как у европейца?

12) Доходит ли смех до той силы, что слезы выступают из глаз?

13) Поднимают ли плечи, придвигают ли локти к телу, открывают ли ладони рук и поднимают ли брови, если хотят показать, что не могут помешать чему-нибудь или не в состоянии совершить чего-либо?

14) Выдвигают ли дети, когда они чем недовольны, губы значительно вперед?

15) Можно ли узнать по лицу выражение вины, хитрости, ревности?

16) Легкий свист служит ли знаком для того, чтобы другие молчали?

17) Качают ли головою в отвесном направлении в знак согласия и в боковом в знак отказа?

Изучив особенности анатомические и физиологические различных рас и оставаясь в каком-нибудь месте более долгое время, я предполагаю познакомиться ближе с жизнью, с семейными и общественными отношениями различных диких племен.

По политической экономии

Следующие политико-экономические вопросы предложены мне г. профессором Гильдебрандом (Bruno Hildebrand)²⁶ в Иене:

1) Имеет ли население постоянные жилища или находятся еще остатки кочевой жизни?

2) Живет ли оно в деревнях и городах или разбросанных дворах и хижинах?

3) Какое общинное управление существует у населения, живущего в городах и деревнях?

4) Имеет ли каждая семья право на поземельную собственность или это право принадлежит особенному классу и какому?

5) Какие налоги платят за поземельную собственность различные классы владельцев?

6) Может ли земля свободно продаваться и дробиться? Или поземельная собственность составляет непродажную семейную собственность?

7) Какие возделываются поземельные продукты?

8) Как высока покупная цена известного количества земли, смотря по различным продуктам, которые на ней возделываются?

9) Обрабатывается земля свободными рабочими или рабами?

10) Как высока плата для свободного рабочего?

11) Цена рабов? Сколько идет на него пищи в день, как велик его дневной труд и продолжительность жизни раба?

12) Потребляет ли население всю массу продуктов своей земли или отправляет часть за границу?

13) Есть ли металлические деньги или в ходу еще естественная ценовая масса (Naturalwerthmasse) или естественное меновое орудие (Naturalumsatzmittel) и какие?

14) Цены овощей, домов и квартир?

15) Как высок процент: а) при залоге поземельной собственности, б) при залоге движимости?

16) Какие предписаны формы залога?

17) Есть ли особенные ремесленные классы и какие?

18) Пути сообщения и способы передвижения?

19) Откуда население получает нужные ему орудия и т. п.?

20) Цена на них?

21) Пища населения: преобладает ли растительная или мясная пища, сколько приходится ежедневно на человека?

22) Положение женщины в хозяйстве?

23) Преобладает ли многоженство или нет?

24) Занимаются ли дети в хозяйстве?

25) В каком возрасте вступают в брак?

26) Заметки касательно отношения рождений и смертей и увеличения населения.

П. П. Семенов²⁷ весьма обязательно сообщил мне следующую программу:

1) Чем питается население? Преобладает ли пища животная или растительная и какое между ними количественное отношение? Какое среднее количество пищи на взрослого? Употребляется ли пища по преимуществу сырая или вареная и жареная? Не отражается ли свойство пищи непосредственно на организм человека?

2) Откуда пища добывается? Какую роль в этом добывании играет непосредственное добывание готовых произведений природы (охота,

рыбная ловля, собирание корней, плодов и т. п.) и какую — культура (земледелие, садоводство) и воспитание животных?

3) Предметы культуры (хлеба, корнеплодные растения, кустарники и деревья) и способы ее (системы хозяйства). Какие домашние животные служат племени?

4) Во что одевается население? Составные одежды? Из чего она выделяется? Ткани одежды выделяются ли самими жителями или получаются и откуда?

5) Откуда получают вещества, из коих выделяются ткани самим населением? Суть ли эти вещества готовые произведения природы или получаются путем культуры? Каким образом переделываются племенем вещества в ткани, служащие для одежды?

6) В каких жилищах живет население? Природных (пещеры) или искусственных? Из чего последние построены? Чем крыты? Имеют ли очаги для пищи? Переносные или оседлые?

7) Есть ли кроме жилищ хозяйственные постройки? Есть ли строения общественные и для каких целей?

8) Размещены ли жилища отдельными дворами или сгруппированы в селения? Селения эти мелки или крупны? В последнем случае как сгруппированы дома: рядами, прямолинейными улицами, лабиринтами и пр.? Что обуславливает расселение жителей (вода, условия земледелия, садоводства, рыболовства, защиты от диких животных и пр.)? Какой образ жизни они ведут: бродячий, кочевой или оседлый, и чем этот образ жизни обуславливается?

9) Есть ли в поселках и стране искусственные постройки, сооружения, как-то: мосты, дороги, водопроводы, стены и ограды вокруг селения и пр.? Есть ли свайные постройки на озерах? Какими причинами такие постройки обуславливаются?

10) Какая домашняя утварь в употреблении у жителей (посуда, мебель, земледельческие орудия, оружие)? Из каких материалов выделяется домашняя утварь: из дерева, кости, камня, меди, железа?

11) Откуда добываются предметы, из которых выделяется домашняя утварь? Кем и какими способами выделяются самодельные предметы домашней утвари?

12) Какие произведения страны представляют избыток и служат предметом мены или торговли? Какие иноземные предметы вошли в народное употребление (для пищи, одежды, домашней утвари)? Откуда привозятся? Быстро ли произведения образованных стран вытесняют самодельные?

13) Какими способами производится мена или торговля? Выработалось ли у племени понятие о меновой единице? Если да, то какая она:

условная без менового знака или с меновым знаком, неденежным или денежным?

14) Существует ли в меновых и торговых сношениях кредит и в какой он проявляется форме?

15) В какой форме проявляется семейный союз? Существуют ли определенные брачные отношения в форме моногамии, полигамии или полиандрии? Каким образом возникает брачный союз? И при каких условиях прекращается?

16) Какое существует распределение прав и труда в брачном союзе и какое вообще общественное положение женщины?

17) Отношение детей к семейному союзу. Воспитание их, физическое и нравственное? Отношение престарелых и увечных родителей к семейному союзу? Отношение родственников и не возникает ли из союза семейного патриархального и родового союза?

18) Существует ли рабство? Откуда берутся рабы (приобретаются войною, торговлею)? Какое их общественное положение и отношение к господам? Допускаются ли между рабами брачные союзы?

19) Образуют ли отдельные семьи что-либо похожее на союз общественный или государственный? Что служит основанием такого союза: отношения ли патриархальные (родовые), племенные (национальные) или конфедеративные и государственные (обусловленные потребностями безопасности)?

20) Какое отношение членов общественного или государственного союза между собой? Есть ли в общественном союзе касты или сословия, какие их права и происхождение?

21) В какой форме существует верховная власть и какое отношение к членам общественного или государственного союза?

22) В какой степени развития находится понятие о собственности? Считается ли движимая собственность принадлежностью главы семейного союза или общинною собственностью всего союза или частною отдельных членов? Каковы обычаи при дележе добычи или произведений культуры между членами союза? Каковы обычаи наследства движимости?

23) Есть ли понятие о поземельной собственности, семейной, или общинной, или племенной (напр. определенные территории для охоты, рыбной ловли, скотоводства, кочевья и т. п.), и если есть, то какие обычаи в распределении и переходе поземельной собственности?

24) Существует ли какая-либо ассоциация труда, т. е. соединение семей или родов для охоты, рыболовства и т. п., и какие обычаи при распределении ценностей, добытых общественным трудом?

25) Существует ли какое-либо разделение труда между лицами, кастами или сословиями, принадлежащими к общественному союзу?

Есть ли что похожее на наем рабочих? Какую роль играет невольнический труд в общей производительности?

26) Какие отношения существуют между отдельными родовыми или племенными союзами? Не образуют ли они постоянных или временных конфедераций? Каковы обычаи войны и мирные отношения между ними?

27) Исследования рождаемости и смертности? Возраст брачующихся? Плодородие браков? Отношение смертности к рождаемости? Степень долговечности? Растет ли или убывает население и какие причины обуславливают его рост? Густота населения и емкость страны для населения при настоящих ее экономических условиях.

28) Степень умственной культуры населения. Религиозные понятия и предания.

29) Юридические обычаи. Взгляд на преступление. Уголовные обычаи и форма суда.

В заключение я должен оговорить, что вышеизложенная программа не рассматривается мною критически. Собирая эти научные desiderata, я хотел только выслушать все то, что могут от меня требовать специалисты по разным научным отраслям. Насколько и каким образом могут быть исполнены эти задачи — окажется на месте. С своей стороны я сделаю все, что будет в моих силах, чтобы мое предприятие не осталось без пользы для науки.

¹* *Пожелания (лат.).*

²* *Здесь: внешний облик (лат.).*

〈Конспекты лекций в Петербурге в ноябре—декабре 1886 г.〉

Ваше императорское высочество¹, милостивые государи и милостивые государины!

Мне следовало бы начинать и кончать каждое чтение извинением за мой «плохой» русский язык, но я надеюсь, что самый сюжет этих сообщений несколько помогает вам не обращать внимания на форму изложения. Кроме того, некоторым оправданием мне может служить мое 23-летнее отсутствие из России² и посещение ее только урывками.

1-я лекция³

Три расы в Тихом Океане: меланезийская, полинезийская, австралийская⁴.

Следы большого распространения меланезийской расы встречаются на Филиппинских островах, Малайском полуострове, Андаманских и Никобарских островах.

Там, где меланезийцы поселились, встречаются на окраинах примеси малайской и полинезийской расы⁵, например на севере Новой Гвинеи, западном берегу или южном берегу этого острова; также примесь полинезийцев: Фиджи ($1/2$), Новых Гебридах, Соломоновых, Адмиралтейства, Луб и Ниниго.

Главная внешняя антропологическая особенность меланезийской расы⁶:

Рост ♂ 1 м 74 см — 1 м 42 см (♀ 1 м 30 см)⁷;

Курчавые волосы;

Пучкообразное распространение волос не оказалось верным.

2 мм — диаметр завитков неодинаковый, различен на разных частях головы и других частей тела;

Волоса новорожденных не черны и не курчавы⁸;

Распределение волос на теле также отчасти иное: на лбу детей часто волосы⁹, вдоль спины «гряд» волос.

На коже regio sacralis находится более длинных, чаще насаженных и более тонких волос, чем на других частях спины. Эта trichosis sacralis замечательна, но не составляет особенности единственно папуасской расы, встречается у австралийцев и, кажется, даже у белой расы.

В regio hypogastrica у женщин гряда волос, следуя lin. alba, имеет мужской характер.

Седина и плешь редкости¹⁰. Папуасы, как и другие расы, не представляют волосам расти натурально, а изменяют их искусственными средствами, о которых в другой раз.

Кожа: цвет различен, большие крайности, N^oN^o самые темные и N^oN^o светлые, и значительные на том же человеке (спина самая темная — нижняя сторона женских грудей самая светлая)¹¹. Влияние загара. Больные заметно бледнее¹². Заметно темнеет лицо при аффектах, подобно как у европейцев оно краснеет.

Альбинизм — $1/2$ альбинизм нередок¹³.

Накожная болезнь (Ichtiosis) делает кожу на вид светлее.

Характер: у молодых гладкий, но *(в рукописи пропуск)*

Череп — индекс ширины между 62,0—86,4¹⁴.

Уже 12 лет тому назад брахицефалия, доказанная мною в Новой Гвинее, была найдена мною и на других о-вах Меланезии:

О-ва Лояльти, Н. Гебридских,
Соломоновых, Луизиады.

Крышеобразная форма черепа нередка. Деформирование также не редкость (<о.> Малекула, Торресов пролив).

Мозг. Монография даст подробности: различие значительное, но их нельзя пояснить, не входя в утомительное для большинства специальное описание.

Физиономия. Описание лица различно, смотря по летам человека, который берется образчиком для описания. Большое разнообразие. Красота лица встречается между обоими полами¹⁵.

Глаза. *Plica semilunaris, palpebra tertia*.

Нос. Уродуется искусственными средствами¹⁶.

Зубы. Макродонтизм. Отложение винного камня на зубах от чрезмерного жевания бетеля. Стираются — смерть¹⁷.

Рот. Очень значительные размеры. От угла до угла бывает 80 и более мм.

Форма *pars areolaris mammae* у девушек замечательна. Мешки с молоком у кормящих грудью ребят, которых кормят до 3—4 лет.

Tablier de Hotentote^{1*} встречается у меланезийских женщин, о чем я сообщал в письме из Сиднея в английский журнал «Nature», где должно быть напечатано в марте или апреле месяце¹⁸.

2-я лекция¹⁹

Физические особенности (походка²⁰, позы при отдыхе, сне, *modus sorulae, modus evacuarre excrementa*). Легкое засыпание, резко смеются, сонливость и т. д.²¹

Пальцы²².

Походка ♂²³ и ♀ (верчение задом нравится ♂♂ Присутствие ♂♂ усиливает эту форму кокетства. Ранние уроки девочкам).

Запах. Обнюхивание²⁴.

Разные операции

1) «Мулум» — обрезание. Не общее распространение. «Ямбанг тамо». Операция — *incisio*, а не *circumcisio*. Причины ее необходимости по словам самих туземцев²⁵.

2) Пробуравливание носовой перегородки, ноздрей (Новая Гвинея, Новая Ирландия). Размеры предметов, носимых в отверстии *septum narium*²⁶.

3) Пробуравливание мочки уха на о-вах Соломоновых. Дюжи-на отверстий в краю уха на южном берегу Новой Гвинеи. Весь край уха прорезается для ношения колец (Луб)²⁷.

4) Татуирование: ожогами (Берег Маклая и другие части Новой Гвинеи); надрезами (Адмиралтейства); наколами (Полинезия, Новые Гибриды, Новая Гвинея)²⁸. Процедура татуировки мал. *⟨нрзб⟩*.

Орнаменты татуировки ([на] южном и северном берегах Новой Гвинеи, Новогвинеидских островах, Вануа-Лава, островах Луизиады и др.).

Выщипывание волос на теле, на лице для окрашивания, выкручивание на других частях тела — ради чистоплотности (?).

5) Окрашивание тела, главным образом лица. Ежедневно — более или менее и очень — во время празднеств. Разнообразие комбинаций: красного, черного и белого цвета.

Процедура окраски волос и кожи.

Черная — «куму» — пиролюзит, «суру» — красная — охра, белая — известь²⁹.

Одежда. Полное отсутствие какой-либо одежды (Новая Ирландия и Новая Британия). Мнение: что одежда недостойна мужчины³⁰.

Веревочка — костюм мужчин южного берега Новой Гвинеи, которые с презрением отзываются о «совершенно голых» людях — некоторых соседях. Раковина *Ovum Ovulum* на о-вах Адмиралтейства. Небольшой футляр для «glans» на островах Ниниги, футляры для всего члена на о-вах Новогвинеидских, Новой Каледонии.

Перевязь между ногами, закрывающая *perinaeum*, из нескольких гладких листьев пандануса — и хвост сзади.

Маль Берега Маклая «T bandage» ♂; женский маль — 2 фартука; от 2 кисточек — респектабельные юбки.

Украшения. Очень многочисленны (о них одних мог бы прочесть несколько лекций).

Материалы: клыки свиней, собак, даже зубы людей. Кости (нижняя челюсть — браслет), раковины, жуки (*Buprestis*) в волосах, черепаха, перламутр, перья птиц, щетина, разные зерна растений, цветы и т. п.³¹

Гребень с перьями какаду, попугая, казуара, голубей, петуха.

Жуки и раковины в волосах.

Серьги: из черепахи, дерева, раковины; в носу — украшения из раковины выточенной *Tridacna*, в отверстиях носовых крыльев — перья.

Ожерелья из разнообразных предметов: раковин, зерен, даже иногда *Trachea* птиц, зубов собак.

«Буль-ра» и «Сюаль-боро» на груди.

«Саю» — браслеты плетеные с раковинами (на руках и ногах)³².

Пояс плетеный также с раковинами.

Цветы (*Hibiscus Rosae Chin*) и разноцветные листья разных *Coleus* и кротонов на голове (в волосах и за браслетами).

Пища главным образом растительная. О разных растительных продуктах, которые культивируются на папуасских хорошо обработанных плантациях, я скажу, когда буду сообщать о плантациях.

Корнеплодные растения, кокосы и бананы играют главную роль.

Затем из животных: человек в экстр[аординарных] случаях³³; свинья; собака, которую содержат преимущественно ⟨?⟩ для этой цели³⁴; кенгуру; кускус; сумчатая крыса (Petauridae); птицы; змеи; рыбы; насекомые (бабочки, личинки, жуки).

Огонь. Добывание его. Легенда об огне³⁵.

⟨2 нрзб⟩³⁶

4-я лекция³⁷

Положение женщин до замужества

Девочки очень рано начинают помогать матерям в домашних работах и делаются весьма рано «маленькими женщинами» во всем, не исключая систематического упражнения в «верчении своих натуральных турниоров».

Во многих местах южного берега Новой Гвинеи при наступлении зрелости девушек совершенно изолируют, держат несколько месяцев в особых, специально с этой целью построенных домах, так наз. Рума-Ханохоа, где их хорошо кормят, но где они не должны ногами касаться земли, учат разным обязанностям будущей супружеской жизни и т. д. (Новая Ирландия). На о-вах Адмиралтейства при первой зрелости девушки ходят, *совершенно закрытые циновками*, так что видны только одни ноги, ничего не делают, избегают общества мужчин, едят особо и т. д.

На южном берегу Новой Гвинеи девочек, готовых быть женами, по этому случаю специально вытатуированных, при случае годовых пиршеств выставляют вместе с продуктами, назначенными для съедения во время пиршества, на платформах, совершенно *без всякого костюма*, чтобы показать полную татуировку и для заключения брачных сделок.

В Редскар-Бай, в день выхода из так наз. Рума-Ханохоа, девушку, уже совершенно подготовленную к браку, перед тем как исполнить волю родителей, назначивших ей мужа, девушку выводят, и она имеет право отжаться на один или несколько дней (на короткий срок) тому из молодых людей (одному или нескольким), *кому сама пожелает*. Выбор свой она проявляет, поручая одной из молодых девочек передать от нее кусочек арекового ореха и лист бетеля выбранному. Ни родители, ни будущий муж *не имеют права* вмешиваться. Вообще в Меланезии девственность не ценят, и было бы положительно трудно сказать, когда происходит defloratio при условиях жизни девочек до зрелости

(я упоминал в одной из предшествующих лекций об играх детей и подражании взрослым). Однако ж можно сказать, что в Меланезии до появления белых проституция была исключением, так как мальчикам при самом наступлении зрелости обыкновенно дают сейчас же жену. Цены женщин в Меланезии, как и везде, различны. О цене, однако ж, трудно судить, так как перевод ценности туземных денег на европейские всегда очень неопределен. В тех местностях, где европейские товары вошли в употребление, можно сказать, что цена подрастающей женщины ограничивается сравнительно весьма немногими ярдами какого-нибудь ситца, небольшим количеством стеклянных бус, ножей, фунтом табаку и т. п.

На западном берегу Новой Гвинеи, посещаемом малайцами, установившаяся цена (в 1874 г.) за молодую девушку, со всеми признаками девственности, была 1 кремневое ружье (представляющее ценность приблизительно в 2—3 доллара). Цены, разумеется, не остаются одинаковыми.

На южном берегу Новой Гвинеи за девушку при *первом ее* замужестве ничего не платят. Зато если она овдовела молодою, цена бывает значительная, причем берут в соображение, что при первом замужестве женщина обучилась и приобрела опытность хорошей хозяйки, матери и т. д. Очень ценят *вдов* (это напоминает Полинезию, где *пропуск*), имевшая множество почитателей, легко находит мужа, а та, которая не имела таковых, не так легко выходит замуж, где только менять любовников слишком часто считается неприличным).

Между меланезийцами Малайского полуострова *jus primae noctis* принадлежит *отцу*, между тем как в Лифу *брат* не должен обращать внимания на *сестру*.

Мне передавали как положительный факт, что у нас в Юго-Западном крае существует секта старообрядцев, имеющая тот же обычай, законность которого они даже опирают на библейский текст³⁸.

Я не сомневаюсь, что на о-вах Меланезии существует огромное число разнообразных обычаев и церемоний, сопровождающих брак. Не думаю, чтобы все они когда-либо стали известны, так как водворение белого человека с миссионерами, водкой и т. д. ведет за собой совершенный переворот в жизни туземцев и полную утрату старых обычаев, сообщения о которых появляются иногда в извращенном виде в отчетах миссионеров или *пропуск*).

Будучи при этих лекциях вынужден очень дорожить временем, я считаю более необходимым говорить о том, что *сам видел*, почему возвращусь снова к обычаям Берега Маклая. Расскажу более подробно довольно интересную процедуру свадьбы жителей деревни Бонгу, на которую я был приглашен³⁹.

Туалет невесты перед входом в деревню.

Подруги ее — 4 маленькие девочки.

Провожатые — 3 молодых людей из ее деревни.

Натирание всего (положительно с головы до ног) тела «суру» (охрою) один за другим. Она терпеливо подставляет все части поочередно.

Наложение ожерелий, браслетов, нового «нангели-маль».

Процессия в деревню.

Все жители по домам.

Подарки (табиры, ожерелья, нангели-маль и т. п.).

Обходят всю деревню.

Невеста и спутники опускаются на постланную циновку перед входом в хижину жениха, который, услышав о приближении невесты, удалился из деревни.

Собрание вокруг площадки.

Общее молчание; подарки продолжают, кладутся на голову или плечи невесты, снимаются спутниками.

Приближ[ение], поза и речь старика.

Невеста тронута до слез.

Другой старик и та же процедура.

Невеста рыдает.

Еще подарки, все укладывается в мешок и уносится в деревню невесты.

Я потом узнал, что все собранные подарки были распределены между разными семьями деревни невесты. Таким образом я убедился, что невесты собственно не покупаются женихом или отцом жениха, а всей деревней, где живут последние, и опять-таки плата идет не семье невесты, а всей деревне ее (это относится до первой жены туземца; вторая и третья и дальнейшие покупаются ими самими или их семьями).

Когда все спутники и спутницы невесты удаляются, она продолжает сидеть одна перед дверью хижины своего будущего мужа, который еще не возвращался в деревню.

Вечером было угощение, при котором присутствовали жених и невеста, но вовсе не экстраординарное.

На другое утро при восходе солнца, идя купаться, я встретил процессию. То был молодой муж, сопровождаемый молодежью. Толпа отправлялась к морю для какого-то особого торжественного купанья. Тем кончалась свадьба.

На другой же день после свадьбы волосы молодой были выбриты (очень распространенный обычай).

Мукау женился до совершения над ним операции мулум. У молодых супругов на Берегу Маклая не полагается детей, почему молодая женщина должна прибегать к abortus. Это достигается механическими средствами.

Курьезно обстоятельство, замеченное мною на Берегу Маклая, именно: что в июле и августе почти все молодые женщины были беременны, а большинство детей родилось в сентябре, из чего следует, что, вероятно, оплодотворение (*fecundatio*) происход[ит] главным образом в определенное время, совпадающее с празднествами и обилием пищи.

Выражение чувств при публиче у меланезийцев не принято, хотя я не раз мог заметить «ухаживание» молодого ♂ за молодой ♀. Поцелуй⁴⁰ (вероятное происхождение его).

Молодые ♂♂ не любят слишком худощавых ♀♀⁴¹.

Развит, *glutei* нравится им, и особенная походка ♀♀ имеет, пов[идимому], целью нравиться ♂.

Оригинально, что появившаяся в последние года мода турнюров показывает как бы аналогию европейского с папуасским вкуса.

Многие имеют особые знаки для выражения своих любовных чувств; один выражает вопрос, другой — ответ.

На о-вах Луизиады и южном берегу Новой Гвинеи существуют особенные амулеты, о которых туземцы думают, что они этими талисманами могут заставить девушек полюбить себя. Для этого в мешок с талисманом (состоящим из высушенной части человеческого тела) кладутся на некоторое время арековые орехи, бананы и т. п. Съеденные девушкой орехи эти непременно заставляют ее влюбиться.

Домашняя жизнь

♂ берет на себя главные и более трудные работы (постройку хижин, тяжелую работу на плантациях, рыбную ловлю, охоту и т. д.).

На ♀ лежит уход за детьми, легкие работы на плантациях; им приходится смотреть за ростом посеянных и посаженных растений, полоть, собирать плоды и овощи. Дома — носить воду, собирать сухие ветви для костра, очищать плоды перед приготовлением пищи и т. п. Кормление свиней и собак лежит на них же.

Папуасы будучи не демонстрируемы, трудно заметить родственные отношения, за исключением любви к детям, которые, однако ж, рано перестают нуждаться в помощи, рано сопровождают родителей на работу и занятия.

Как пример особой формы «чадолюбия», кидающей свет на происхождение или на характер людоедства (в некоторых случаях по крайней мере), расскажу *<1 изрб>*

Как и в Микронезии, папуасы перед рыбной ловлей, дальней экспедицией, войной избегают на несколько дней более интимное общество своих жен.

Многоженство на Берегу Маклая. Обыкновенно 2—3, редко 4 жены. Обыкновенно весьма различного возраста, так что 1-я может годиться в очень престарелые «мамаши» самой молодой из жен. Насколько первые жены вмешиваются в выбор остальных, сказать не могу, но вообще можно сказать, *〈что〉* живут мирно.

Сцена при появлении новой жены в Новой Ирландии, после чего живут мирно⁴².

Но я не сомневаюсь, что сами ♀♀ этих стран восстали бы против, если их мужьям полагалось бы по одной ♀.

Неверность жен не особенно редкое явление. В лесу на Ново-Гибридских островах на стволах деревьев встречаются особенные знаки, сделанные (вырезанные), чтобы служить «memento»^{2*} разных запрещенных свиданий, при которых происходил нередко даже инцест. Но еще чаще бывает теперь (т. е. когда белый стал появляться всюду в Тихом океане), что сами мужья торгуют своими женами, разумеется, с согласия последних. Там, где, как, например, на юге Новой Гвинеи, белый человек «только что» стал довольно обыкновенным явлением, вводит мало-помалу свою жизнь и обстановку, молодые девушки начинают предоставлять себя белым за 3 или 4 палочки табаку, но постоянно повышают цену за свою любезность.

В описании путешествий можно часто встретить замечание, что туземные ♀♀ предпочитают белых ♂♂ мужчинам своей расы. Это неверно, и если они знали бы туземцев, жизнь их лучше, то нашли бы, что причина этого поверия (основанного как бы на фактах) — одно корыстолюбие: белый платит за любовь.

Плантации

В лесу выбирают место с немногими деревьями. Тонкие вырубаятся, средней толщины — также (при помощи подмостков). Кустарник выдергивается, затем через несколько дней все поджигается. У больших деревьев поддерживаются костры, чтобы заставить деревья высохнуть.

Как только растительность удалена, приступают к сооружению забора, который отличается прочностью.

Тростник (*Sach. spont.*) садится в 2 ряда. Расщепляют стволы в виде длинных досок, и всякий мелкий хворост кладут между. Затем противостоящий тростник связывают на близких расстояниях. Скоро тростник пускает корни и начинает расти, отчего прочность забора значительно увеличивается.

Главные инструменты при обработке земли — «удя» и «удя-саб».

Процедура обработки⁴³

♂♂ выворачивают ком земли, переходят к следующему и т. д.

♀♀ разбивают комья земли.

Дети растирают землю руками и выбирают камни и корни.

Землю собирают в клумбы в 2 метра в диаметре.

На каждой сажают различные растения.

Растения, которые разводятся на плантациях Берега Маклая, следующие:

таро — *Caladium esculentum* («Bau»);

ямс — *Dioscorea spec.*? («Ayan»);

сладкий картофель — *Ipomaea batatas* («Degargol»);

бананы — *Musa paradisiaca* («Moga»);

сахарный тростник — *Saccharum officinarum* («Den»);

имбирь — *Zingiber officinalis*;

табак — *Nicotiana tabacum* («Kas»);

вид бобов — *Psophocarpus spec.*? («Mogar»);

иногда «кеу» — *Piper methysticum* и *Piper betle* и, вероятно, некоторые другие, мною не замеченные.

Каждая плантация принадлежит обыкновенно одному семейству, участки распредел[яются] отцом между членами семьи. Каждый член семьи должен смотреть за своим участком.

Каждая плантация обрабатывается в продолжение 3—4 лет, а затем бросается.

Около хижин, кроме кустов *Hibiscus*, *Coleus*, разных кротонов и др., развод[ятся] главным образом кокосовая и арековая пальмы, хлебное дерево и др.

В лесу собирают плоды множества различных деревьев, которые перечислять было бы слишком долго. Назову: *Canarium commune*, *Barringtonia*, *Pangium edule*, *Bassia cocca*, *Mangifera indica*, *Citrus* и многие другие.

Саговые пальмы в болотистых местах.

Мореплавание

Очень большое разнообразие меланезийских пирога делает для меня невозможным описать их сколько-нибудь подробно, а ограничиться перечислением *главнейших форм* их.

Начиная с *простого плота* с одним или несколькими кокосовыми листьями, исполняющими роль парусов, или куском циновки, растянутым между 2 шестами, поставленными в виде латинской буквы V, на о-вах Меланезии находятся *всевозможные формы пирога*, начиная от про-

стого, невыдолбленного ствола до больших пирог, на которых с удобствами и передвигаются *весьма быстро*, могут помещаться несколько десятков людей.

Большинство пирог Меланезии имеют вынос, или бревно, прикрепленное параллельно корпусу пирога 2 перекладинами с целью *сохранения равновесия* валк[ой](<?) узкой пироги. В этом отношении меланезийские пироги не отличаются от полинезийских.

Там, где переладины от выноса прикрепляются к бортам пирога, устраивается *платформа* различной величины. На этой платформе устраивается иногда *целая хижина*.

Маленькие пироги передвигаются только при помощи *весел*, большие — при помощи *паруса*, который в большинстве случаев бывает в Меланезии четырехугольным (исключая о-ва Луб, южный берег Новой Гвинеи и т. д.).

Встречаются пироги и с 2 мачтами и 2 парусами. Из мачт одна наклонена вперед, другая назад.

5-я лекция⁴⁴

Милостивые государи и милостивые государыни, мне приходится снова напомнить вам, что я вынужден говорить здесь обо всем очень сокращенно, главным образом вследствие обширности программы, которую я себе поставил. Прошу не забывать, что в этих немногих лекциях я могу дать единственно очерк, и очень краткий, образа жизни и обычаев меланезийцев. Весьма натурально, что в этих чтениях я преимущественно останавливаюсь на жизни и обычаях туземцев Берега Маклая. Будучи знаком с ними ближе, все сообщенное о них должно и вам казаться более интересным, то-есть более полным и достоверным, а главным же образом, что на Берегу Маклая я мог наблюдать жизнь диких до распространения влияния на них белых.

Обмен между деревнями

Вследствие естественных причин, обусловленных географическим положением, продукты деревень на островах, деревень береговых и в горах должны быть различны. Почему простым следствием является выгода обмена, которую туземцы Меланезии давно поняли. Таким образом установились, вероятно, уже много столетий тому назад, правильные отношения между островитянами, береговыми жителями и горцами островов Меланезии.

Очень обобщая (*en généralisant les faits*), можно сказать, что горцы и отчасти береговые жители снабжают островитян продуктами земледе-

лия, которые отдают за них различные произведения своего искусства и ремесел или продуктов морских рифов и моря.

Обращусь снова к Берегу Маклая.

Здесь жители береговых деревень вообще своими продуктами мало отличаются от продуктов горных деревень. Все они довольно богаты произведениями земледелия, которых недостает на островах. Жители последних, умея строить большие пироги, очень приученные к мореплаванию, посещают регулярно береговые деревни, выменивая черепаховые серьги, разного рода украшения из раковин, глиняные горшки на таро, ямс, сладкий картофель и т. д. береговых жителей.

Глиняные горшки ценятся всюду по берегу очень высоко отчасти потому, что умеют делать их единственно на двух небольших островах — Били-Били и Ямбомба, о чем я скажу несколько слов ниже⁴⁵.

Что я с интересом заметил, было, что при моем приезде на Берег Маклая в 1871 г. собственно настоящей торговли (то есть купли и продажи) *не было* (и если таковая была, то в очень ограниченных случаях). Был, собственно, обмен подарков.

Отправляясь в отдаленную деревню в гости, каждый брал с собою то, чего у него было избыток, и по приходе дарил их тем, к которым шел, в надежде получить подобным же образом перед уходом то, чего было много в деревне, куда ходил.

Требуется, например, туземцу табаку или орехов арековой пальмы — он идет в горы, несет туда «в подарок» лишний горшок (который он легко может получить с островов) и, может быть, кусок дерева, пробывший долго (много месяцев) в море, из которого горцы, сжигая, получают соль (то-есть соленую золу), и получает, собираясь домой, табак и орехи арековой пальмы. Надо ему горшки — он отправляется с несколькими мешками таро или ямса на о. Ямбомба, где за свои «подарки» он получит горшки.

Девушки вымениваются между *специальными* деревнями, жители которых уже давно находятся в родственных отношениях с деревнями Берега Маклая.

Всякое празднество на Берегу Маклая главным образом состоит из больших угощений, которые иногда продолжаются по несколько дней кряду и при которых, как только угощение съедено, начинается приготовление к следующему и т. д., не стесняясь временем дня или ночи.

Все главные угощения или пиршества даются на Берегу Маклая для так наз. «Ай», которое имя, как мы сейчас увидим, имеет очень обширное применение.

Членами «Ая» могут быть одни ♂♂. Все, что относится к нему, — строгое «табу» для ♀♀ и детей.

«Ай» имеет свою специальную площадку среди леса, куда непосвященные не смеют показываться.

Все музыкальные инструменты, которые также называются «Ай», не должны быть видимы ♀♀ и детьми. При звуке их они должны убежать и прятаться.

Даже еда, приготовленная во время «Ая», запрещена всем непосвященным.

Для «Ая» все жители деревни обложены контрибуцией из съестных припасов в продолжение многих дней.

«Аем» пугают ♀♀ и детей, хотя ни те, ни другие никогда их не видели, но их с малолетства уверяют, что «вот придет „Ай“ и убьет их». Это, кажется, иногда и случается на Берегу Маклая, хотя очень редко, когда требуется пример для поддержания престижа «Ая».

«Ай» требует большого количества пищи разного рода для многих десятков человек на несколько дней, в продолжение которых главное занятие составляет еда; обыкновенно объявляется за несколько недель заранее, и на него приглашаются все «тамо», то есть ♂♂ 30—50 лет, в отличие от «маласси», молодых людей (название мальчиков 14—15 лет — «ремур», от 15—25, 30 лет называются «маласси»).

Начало «Ая» возвещается соседним деревням ударами «барума» (туземный большой барабан), звуки которого слышны на расстоянии многих миль. Чтобы дать понятие и не утомить вас длинным описанием, я расскажу по возможности коротко одно из моих посещений подобного «Ая».

Вечером «барум» возвестил начало «Ая».

Отправился ночью, часа 3 утра. Красивая обстановка «Ая» при лунном свете и при ярком освещении громадных костров среди первобытного леса.

Фантастические разнообразные звуки разных инструментов, в которые для развлечения в ожидании угощения дули, кричали, завывали и свистели более молодые члены «Ая».

Почти никто не двигался, и самые дикие звуки неслись отовсюду, заглушая вечную песнь цикад и шум прибоя моря, около которого мы находились.

Завыванию, свисту, трескотне не было конца, он то понижался, то подымался crescendo до полного оглушения!

Мое появление и обстоятельство, что кушанье было скоро готово, прервало концерт.

Кушанье было разложено по «табирам», и вместо музыки присутствующие, все размалеванные, также серьезно занялись едою.

Я провел с туземцами в тот раз весь день и часть следующей ночи, желая все видеть собственными глазами.

Не стану <все рассказывать>, чтобы не утомлять вас длинным описанием, прочтете когда-нибудь в моей книге. Скажу здесь, что длиннейший ряд горшков (для каждого присутствующего по одному) был поставлен на подставки из бревен, под которыми разведен был такой же длинный костер (фут, по крайней мере, в 60 длины). Все шло крайне систематически. Каждый исполнял как бы заученную роль. Порядок, отсутствие толкотни, лишних разговоров были замечательны.

Были убиты *специальным образом* несколько свиней и собак (морды завязаны) и принесены, торжественно разукрашенные красными цветами *Hibiscus*. Систематически ошпаренные, выбритые бамбуковым ножом, распластанные.

Каждому, смотря по положению, летам и т. д., было положено в соответствующие горшки количество свинины.

Громаднейшие табиры, наполненные «мунки-ла», или наскобленным кокосовым орехом, политым кокосовой водою, стояли готовые.

Несколько туземцев из стариков занимались приготовлением «кеу». Все «маласси» были заняты жеванием листьев и корня «кеу».

Угощение началось с него. Пили единственно «тамо», причем каждый уходил в уголок поляны и в сторонке от других выпивал свою порцию.

Делая разные гримасы, хотя и облизываясь, покашливая, харкая, плюясь, все принимались с видимым удовольствием за кокосовые чаши с «мунки-ла», а затем направлялись к горшку, в котором варилось для каждого кушание.

Об том, каким образом туземцы ели, употребляя свои вилки, которые носят обыкновенно в волосах, и т. д., было бы неуместно вследствие недостаточного времени говорить подробно: прочтете в моей книге.

Перейду поэтому к музыкальным инструментам, которыми они способны производить невероятные, уши раздирающие концерты.

Музыкальные инструменты

Кроме «барума»:

1. Ай-Кабрай, бамбук около 2 м длины, 50 мм в диаметре;
 2. Мунки-Ай;
 3. Холь-Ай; труба *Lagenaria*;
 4. Орлан-Ай, скорлупа *Pangium edule*;
 5. Окам — ручной барабан;
 6. Тюмбин — флейта;
- Раковина (*Triton*) для сигналов.

Дук-Дук

Чтобы понять лучше значение «Ай» и всех разновидностей подобных учреждений в Меланезии, расскажу о Дук-Дук на Новой Британии и Новой Ирландии.

Я не жывал достаточно долго на этих островах Меланезии, но знаю об этом обычае из вполне достоверных источников.

Надо сказать, что туземцы считают Дук-Дук за сверхъестественное существо, которое появляется в известное определенное время (обыкновенно в 1-й день новолуния). Появление его предвозвещается одним из стариков деревни за месяц, и обыкновенно говорят, что он принадлежит или имеет родство с последним.

Тогда начинаются большие приготовления различных припасов, и если один из молодых людей недостаточно усердно занимается приготовлением, он получает необыкновенные, хотя ясные намеки на то, что Дук-Дук им недоволен, и горе ему, если он обидит Дук-Дука.

За день до появления Дук-Дук всех женщин удаляют из деревни. Немедленная смерть постигла бы женщину, если бы она увидела Дук-Дук.

До рассвета все старики и молодые люди собираются у морского берега.

Молодые люди имеют обыкновенно испуганный вид, так как Дук-Дук замечательно хорошо знает недостатки и слабости каждого.

При первом проблеске зари слышатся с моря пение и барабанный бой, и в полумиле медленно приближается 6 пирог, связанных вместе, и на которых устроена большая платформа. На ней танцуют и подпрыгивают две крайне удивительные фигуры, издающие звуки, похожие на лай и визг щенят. Они кажутся футов 10 вышиной, но движения их так быстры и неожиданны, что трудно рассмотреть их форму. Она напоминает какую-то гигантскую птицу, с лицом страшным, смешным, но человеческим. Тело покрыто какими-то листьями, развевающимися по ветру.

Голову представляет сооружение футов в 5 вышиной, сделанное из мелкого, как у корзины, плетения, вымазанного краской и изображающего какую-то «дьявольскую харю».

Рук не видно, так как платье из листьев доходит до колен.

За исключением стариков, все остальные обыкновенно очень испуганы появлением этих непрошенных гостей.

Дук-Дук выпрыгивают на берег, причем толпа отскакивает.

Если случится, что один из туземцев дотронется даже нечаянно до Дук-Дук, последний может на месте убить дерзкого булавой с каменным наконечником, которыми эти существа вооружены.

Между тем пироги таинственно скрываются в полутемноте...

Дук-Дук начинают с того, что производят странную пляску один около другого, причем они подвизгивают, как молодые собаки. Никогда никто не слышал, чтобы Дук-Дук говорил. Затем Дук-Дук направляются в деревню или в лес, все от них с ужасом отскакивают и уже, разумеется, не следуют за этими страшными существами, которые, однако же, появляются то здесь, то там совершенно неожиданно к величайшему ужасу туземцев.

В продолжение дня где-нибудь в лесу сооружается небольшая хижина для Дук-Дук в месте, известном только старикам; здесь Дук-Дук отдыхают и едят⁴⁷.

Вечером очень большое количество съестных припасов собирается ото всех жителей деревни, не исключая стариков, и относится последними в лес Дук-Дук. Если Дук-Дук довольны приношением, они молчат, если нет, они вскакивают и, подпрыгивая, начинают визжать⁴⁸.

По возвращении стариков мужская молодежь деревни должна приготовиться к неприятной процедуре, которая считается как бы посвящением в таинство Дук-Дук, которое со временем должно быть им открыто.

Они становятся в ряд по 5 или 6 и при появлении Дук-Дук в деревне поднимают обе руки над головами.

Оба Дук-Дук являются вместе, один с несколькими толстыми тростниками, футов 6 в длину, другой с массивною булавою. Дук-Дук приближается, приплясывая, к молодым людям, выбирает одного и начинает его бить самым жестоким образом принесенными палками, причем пациент не должен показывать признаков боли.

Дук-Дук переходит от одного к другому, так что в вечер каждому приходится пройти раз 10 или более через такую операцию и, наконец, прихрамывая и с чувством боли от ударов отправиться домой, чтобы приготовиться на следующий же вечер снова получить свою порцию ударов. Так как Дук-Дук появляется в каждой деревне раз 6 в год, то каждому мужчине приходится пройти в продолжение лет 20 через эту подготовительную школу, прежде чем он познакомится с сущностью Дук-Дук⁴⁹.

Всеми признано, что Дук-Дук имеет право убивать людей на месте, что делается ударом по голове каменным топором или булавою. Никто не осмеливается, не дерзает противиться Дук-Дук и даже прикоснуться к телу убитого. Оба Дук-Дук подхватывают тело и несут его в лес в свою берлогу, куда никто не осмеливается следовать за ними.

Случается иногда, что Дук-Дук захватывают в лесу при встрече ♀♀, и уже о них никогда не слышат, и даже никто не смеет о них спросить.

Именно это право, что Дук-Дук может убивать людей безнаказанно, делает то, что его так боятся.

Не только съестные припасы забираются Дук-Дук, но и туземные деньги, все, что составляет для туземцев какую-нибудь ценность, все для них доступно.

С конца последней четверти луны Дук-Дук исчезают, никто не видит их ухода, хижина их сожжена, и платья, которые они носили, даже палки, которыми били молодых людей.

Иногда они оставляют по себе деревянные человеческие фигуры, которых боятся больше, чем уважают.

Тем, которым из описания не стало ясным, кто такие эти Дук-Дук, я объясню в двух словах сущность этой, для большей части туземцев серьезной комедии, которая, собственно, состоит из периодических значительных контрибуций, падающих на молодежь деревень.

Если, припоминая мой рассказ, обратите внимание на обстоятельства, что один из *стариков* объявляет о появлении Дук-Дук, затем на факт, что, собственно, во все время пребывания Дук-Дук им ничего не делается и т. д., то сделается ясным, что именно они, т. е. *старики*, устраивают всю эту систему эксплуатации способных работать и приобретают неограниченное влияние при помощи распространения и укрепления суеверия и веры в Дук-Дук и все с ним связанное.

Чтобы стариков, играющих Дук-Дук, не узнали бы, они никогда не говорят при непосвященных; благодаря хижине, которую единственно старики знают, Дук-Дук может покинуть костюм и явиться как ни в чем не бывало в деревню, где его все видят, не подозревая, что он и есть на этот раз Дук-Дук.

Разумеется, все старики действуют заодно, почему платятся только одни непосвященные, хотя и старики, чтобы устранить всякое подозрение, дают свою долю Дук-Дук или приказывают своим женам, сыновьям и родственникам удовлетворять и ничем не обижать Дук-Дук. Сами уверяют других, что они их очень боятся, и рассказывают разные наказания, убийства, исчезновения и т. д. о Дук-Дук.

Хотя Ай на Берегу Маклая не совершенно походит на Дук-Дук, но мне изо всего виденного и слышанного ясно, что это собственно одно и то же, хотя и в измененной форме, начиная с масок, кончая «Ай-Догам».

Пляски и маскарады

Описывать пляски — вообще очень неблагодарный труд, потому что рассказать все движения невозможно, а так как сама пляска не что иное, как род гимнастики, то есть движения, то остается говорить только об общем впечатлении, произведенном пляскою, и, если возможно, стараться угадать, что выражают эти разные телодвижения.

На Берегу Маклая различных плясок очень много. Каждую аккомпанирует особенная мелодия. Слова песни также различны. В плясках, называемых общим именем «мун», принимают главное участие молодые люди и при этом случае обращают большое внимание на раскрашивание своих физиономий и украшение тела различным образом. На голову наматывают громадный султан из перьев казуара. Под ним надо лбом красуется род диадемы из клыков собак. Над султаном возвышается другой — из перьев белого какаду. Посреди него на длинном стебле колышется пучок красивых перьев райской птицы. На груди висит так наз. «губо-губо» (специальное украшение, которое туземцы при пляске берут в рот). За «сагию» рук и ног втыкаются разные пестрые листья, также и за пояс за спиною.

При малейшем движении танцора все легкие аксессуары костюма, как перья, ветви и листья, колышутся и развеваются, и так как каждый танцор пляшет отдельно, на некотором расстоянии от другого, то все его убранство видно и производит надлежащий эффект.

В левой руке он обыкновенно держит легкий ручной барабан («окам»), сделанный из выдолбленного куска дерева с натянутой кожей игуаны.

Пальцами правой танцор ударяет по «окаму» в такт своим движениям и песне окружающих. Он то поднимает «окам» над головой, то опускает его к ногам. Движения большею частью плавные, шаги — мелкие, но при пляске движется и изгибается решительно все тело, не исключая даже пальцев.

Пляски происходят обыкновенно ночью, хотя при лунном свете, и потому большой костер служит центром, около которого пляшут.

Ближе к костру располагаются на земле несколько стариков, специальных любителей «муна», но они не остаются в бездействии, составляя главный оркестр. Держа «окамы» на коленях, они, ударяя в них, аккомпанируют песням, обыкновенно импровизациям.

Танцоры часто пляшут попарно, иногда образуя длинную цепь, в одиночку. Нередко один из танцоров пляшет, постоянно пятясь назад, против целой толпы, наступающей на него.

Те из танцоров, которые не имеют в руках «окамы», держат копья, но остриями вниз и, во избежание ран, надевают на наконечник копья кусок скорлупы кокосового ореха.

Иногда один ряд танцоров останавливается, образуя круг около остальных, ударяют в «окамы» и в такт машут своими султанами.

Женщины обыкновенно становятся в круг около танцоров и ходят, причем усиленно машут своими юбками из бахромы.

Таким образом, с небольшими вариациями, «мун» продолжается до рассвета.

Курьезное впечатление производит, когда круги танцующих у костра движутся в разные стороны, и так как каждый движется, следуя своему кругу, весь этот кажущийся *réle-mêle*^{3*} ничуть не спутывается.

При так наз. «сель-мун» значительная часть танцоров надевает маски и крайне курьезные, высочайшие головные уборы. Эти последние, называемые «сангин-оле», так оригинальны, что я принужден сказать несколько слов о них.

«Сангин-оле» состоит из бамбуков футов 15 вышиною. На нем низано около 12 султанов из перьев казуара, из которых на длинных эластичных стеблях выходят в разные стороны белые петушинные перья. Весь бамбук обмотан красной материей, из-под которой выглядывают пестрые перья разных птиц. Чтобы удержать на головах эту махину, папуасы придумали специальную каску из расколотого бамбука, которая для большей устойчивости привязывается к пучку их волос. Для большей прочности над каской бамбук пробуравливается, в отверстие вставляется перекладина, так что танцор может придерживать убор руками.

Кроме «сангин-оле» папуасы придумывают для «сель-муна» множество не менее оригинальных головных уборов, и когда на поляне при свете луны, большого костра и множества факелов, с которыми пляшут ♂♂, вся пестрая толпа движется, пляшет, прискакивает и бежит, она производит впечатление крайне фантастическое, и не знаешь, что больше занято — глаза или уши!

Я всегда при этом сожалел, что не имел возможности фиксировать эти характерные сцены при помощи фотографии.

Есть еще на Берегу Маклая пляски мимические, представляющие охоту на диких свиней, карикатурное изображение туземного медика, лечащего больного; женщины, убаюкивающей ребенка; ссоры и драки между ♀♀; все актеры при этом мужчины, и они не только выполняют иногда очень хорошо свои роли, но и стараются имитировать кого-нибудь из знакомых.

Вообще можно сказать, что на Берегу Маклая при плясках ♀♀ играют совершенно второстепенную роль, что некоторые из ♂♂ танцуют довольно грациозно и выделывают ногами подчас довольно хитрые па; и что пляски эти не имеют несколько двусмысленного характера, как это встречается на весьма многих островах Меланезии, где пляски, можно сказать, не что иное, как «*fomentum ad coitionem*», а иногда положительно «*simulamen copulae*».

Разумеется, против подобных плясок, не лишенных интереса, встают миссионеры, а европейские костюмы отнимают у них $\frac{3}{4}$ интереса, делая из оригинальных, иногда грациозных танцев какой-то безобразный сапан.

6-я лекция⁵⁰

Несколько слов введения.

Мне не было бы особенно трудно по собранным материалам на островах Западного Тихого Океана написать целый трактат о религиозных представлениях и церемониях меланезийцев, объяснения их суеверий, гипотез относительно папуасского воззрения на Вселенную. Для этого мне надо было бы, наряду моих наблюдений и замечаний, вставить для пополнения невиденного и ненаблюдаемого догадки, вероятности и разного рода комбинации предположений. С небольшим искусством я мог бы представить довольно интересную ткань, где трудно было бы отличить правду от выдумки.

Такого рода работа, однако ж, мне совершенно противна, так как в подобной «правде» верность наблюдений фактов совершенно отступает на задний план, а воображение и выдумка преобладают.

Каждое предположение и внесенные теории дают настоящему наблюдению субъективную окраску, уменьшают даже значение наблюдения, ступшевывают недостающие места, именно то, что должно послужить исходом для новых наблюдений.

Я откровенно сознаюсь, что мое продолжительное пребывание между туземцами Берега Маклая — главным образом вследствие далеко для этой цели нехватящего знания языка — было недостаточно для того, чтобы достигнуть вполне удовлетворительного понимания миросозерцания и примитивной формы так назыв. религиозных идей папуасов.

Я предпочитаю поэтому дать вам далеко не целое, а единственно ряд наблюдений, которые при хорошем знакомстве с туземцами и их полным доверии мне удалось сделать.

После этого введения перейду к программе.

Выписки из дневника

Придя с моими спутниками в окрестность горной деревни, мы остановились. Пока я отдыхал в тени, один из моих спутников сломал ветку с ближайшего дерева, отошел в сторону и долго над ней что-то говорил.

Разжевав затем кусочек «мую», он подошел к каждому из присутствующих и, выдув слюну с разжеванной массой каждому на спину, он ударил несколько раз сломанной веткой. Обойдя всех, он удалился в лес и запрятал ветку, которую он употреблял при этой церемонии, где-то в кусты, чтобы никто ее не нашел.

Спрошенный мною, на что он все это делал, он объяснил, что это сохранит нас от всякой измены и опасности в...^{4*}

Когда мы (я и туземцы) при рассвете были готовы отправиться в путь, наш хозяин (в чьей хижине мы провели ночь) приготавливал для нас завтрак. Разложив таро и сладкий картофель из горшка в несколько табиров, он нагнулся над ними и долго над каждым что-то шептал. Кончив шептание, он плюнул на обе стороны и, бросив за спину в кусты по куску из каждого блюда, стал раздавать нам, соответственно старшинству, табиры.

На мой вопрос, что это значит, он объявил, что сделал это для того, чтобы каждый из нас благополучно вернулся домой⁵¹.

Бугай (туземец из Горенду) пришел в Бонгу, чтобы взять от Саула лекарство «оним» для своей больной жены. (Не только у моего приятеля Саула было как бы семитическое имя, но я знал на Берегу Маклая людей, имевших имена: Каин, Саломэ, Гассан).

Бугай передал Саулу кусок сахарного тростника. Последний взял тростник, отошел немного в сторонку и начал говорить над ним; так как нашептывание длилось долго, то он по временам вмешивался в общий разговор, но сейчас же снова принимался за шептание. Он завернул сахарный тростник аккуратно в свежий лист и, завязав в пакет, передал его Бугаю, который ушел домой очень довольный.

Саул, также не спрошенный, объяснил мне, что это было «оним» — лекарство для жены Бугая и что последняя завтра будет здорова⁵².

В Горенду туземцы меня усердно просили прекратить дождь, так как плантации от дождя сильно страдали. На мой сотый ответ, что я не могу этого сделать, я услышал старое замечание: «Маклай может, но не хочет».

Вслед за тем послышался возглас одного из туземцев: «Тогда я еще раз попробую!». Он взял кусочек корня «ли» и, проговорив несколько невнятных слов, начал его жевать. Часть жеваной массы он завернул в лист и бросил сверток в огонь, причем продолжал что-то бормотать. Выйдя из хижины, он стал выплевывать оставшуюся во рту массу на все стороны. Это был «оним» против дождя⁵³.

Я не раз замечал в Били-Били людей, стоявших на скале у берега и говоривших что-то серьезно, подняв головы. «Они заговаривают, чтобы «караг» (сильный NO) прекратился», — было мне объяснено.

«Что случилось с Ундэлем?» — был мой вопрос. «Он болен, лежит дома», — ответил мне спрошенный, который далее рассказал мне следующее: Ундэль ходил на днях в Самбуль-Мана (деревня в горах); были

там также люди из другой деревни, которые уже давно не находились в хороших отношениях с Бонгу. Вероятно, случайно, что Ундэль, выходя утром из хижины, где он спал, нечаянно наступил на «оним», зарытый ночью врагами людей Бонгу. Этот «оним» — причина болезни Ундэля, и если он умрет, люди Бонгу должны будут идти воевать с жителями Самбуль-Мана или с жителями другой горной деревни, тоже бывшими там⁵⁴.

Туй, понутив голову, жалобным голосом стал говорить: «тамо-борлэ» (дурные люди) приготовили «оним», почему вот уже трое из жителей Горенду умерли, почему все почти кокосовые пальмы болеют и скоро высохнут, что остался теперь один исход: всем людям, ♂♂, ♀♀ и детям, покинуть Горенду и расселиться по другим деревням, «А то мы все умрем», — заключил Туй.

— Да кто же эти «тамо-борлэ»? — спросил я.

— Ади-таталь (я не знаю), — ответил Туй.

— Где же «оним»? — спросил я снова.

— Закопан в земле где-нибудь в Горенду, но где — тамо таталь (никто не знает)...⁵⁵

Я мог бы продержать вас здесь до утра, рассказывая подобные же примеры этой слепой веры в силу «оним», который может заставить дождь не литься, ветер перестать дуть, растения гибнуть; «оним», служащий причиной болезней и смерти людей, а также в других случаях предохраняющий людей от опасности, измены, предоставляющий им хороший улов, хороший прием в соседней деревне или любезности девушек или женщин⁵⁶.

Все может сделать «оним» — только следует добыть настоящий, а если желание не исполнилось, то «оним» был не тот или же дан не тем, кто мог его дать, или сам дававший не захотел дать настоящий.

Бездействие «онима» поэтому несколько не уменьшает веры в него!

Подобные же суеверия, кроме Берега Маклая, встречаются и на многих островах Меланезии, но только там «оним» называется в каждом (случае) специальным именем⁵⁸.

«Оним» иногда выставляют как «охрану против бедствия», как «сторожа против воров» и т. п., и все эти «талисманы» имеют особенный вид или специальную силу (то же, что у малайцев называется «помали») ⁵⁷.

Родом такого «онима», или «помали», можно считать тонкую нитку, которою я завязывал мою дверь или связывал мои вещи против воров⁵⁸.

Перейду теперь к другому также интересному вопросу, именно: верят ли меланезийцы в загробную жизнь?

О некоторых можно ответить положительно «да», а о других — положительно «нет».

К последним я могу отнести туземцев Берега Маклая.

Когда я достаточно ознакомился с языком, я неоднократно заводил разговор с более интеллигентными и разговорчивыми туземцами (последнее качество в этом случае имеет большое значение, хотя иногда оно ведет к тому, что рассказчик, желая угодить спрашивающему, при этом случае и только на этот раз выдумывает ответ, что дает возможность путешественнику подкреплять слышанное словами, полными значения: «Слышал от самих туземцев», между тем как туземец, наврав разную чепуху, позабыл о ней через несколько минут).

Спрашивал их, что делают или куда уходят люди умершие. Меня хорошо понимали и без всякой запинки отвечали: «Человек умер — так умер; человека уже более нет! Тамо муен-муен сен! Тамо арен!» Хотя в то же время нередко спрашивали: «А ты, Маклай, знаешь?» И, разумеется, всему поверили бы с жадностью, что бы я ни вздумал сказать.

Что жители Берега Маклая готовы верить в разные сверхъестественные и самые курьезные вещи — тому примером могу служить я сам.

Большинству из вас известно, что меня считали там не за обыкновенного человека, что вследствие случайности мне было дано имя «человек с луны», что оно утвердилось за мною со всеми аксессуарами сверхъестественного происхождения; что туземцы были уверены, будто я могу летать (когда хочу, разумеется), жечь воду и море, причинять и прекращать землетрясения, не говоря уже о таких мелочах, как, например, переменять направление ветра, прекращать дождь и т. п.

Туземцы так освоились с мыслью, что Маклая никогда нельзя убить, что Маклай никогда не умрет, что у них уже само собой явилось убеждение в моей необычайной старости.

Многие обстоятельства (медленные движения, нахмуренные брови, полная индифферентность к их женщинам) подтверждали как будто их мнение.

Они так убедились в этом, что не раз осведомлялись, не посадил ли я то или другое из громадных [...]*, которым было не менее 700—900 лет.

Мне не раз приходилось наблюдать на Берегу Маклая, как быстро туземцы усваивают всякие новинки, придуманную им веру и дополняют своим воображением.

Приведу здесь один случай: раз приходит ко мне Саул — мой специальный приятель — и начинает рассказывать мне какую-то галиматью, которую я понимал наполовину и куда были влетены несколько мне неизвестных имен. Я начал с последних. Спрашиваю: кто такой, этот? И повторяю имя. Саул отвечает: «Дэгэп». А этот? «Тоже Дэгэп».

Да кто же они, «дэгэп»? Где они? «Ади-таталь (я не знаю), а ты спроси Мёбли, он знает, он мне говорил».

Что же оказалось?

Один из моих слуг, туземец с о. Пелау, попробовал рассказать Саулу о разных разностях из жизни туземцев о-вов Пелау. Наговорил ему о «дэгэпах» — духах умерших, «калитах» и т. д. Знал бы Мёбли туземный язык лучше и повтори он, приноравливаясь к понятиям туземцев, свои рассказы раза 2—3, они скоро бы усвоили себе все его сказки.

На этом легковерии основаны отчасти значительные успехи миссионеров среди меланезийцев, между которыми является немало людей, фанатически преданных новой религии. За ее распространение, воодушевленные миссионерами, они часто готовы идти на смерть мучеников и нередко принимали ее среди новообращенных племен.

Я сказал выше, что есть в Меланезии острова, где туземцы верят в загробную жизнь (я не убежден, однако ж, что это верование не было внесено эмигрантами из Полинезии).

Очень серьезным доказательством такого убеждения может служить обычай удущения жен тотчас же после смерти мужей, для того чтобы в той жизни, как и в этой, они могли служить своим мужьям.

Следы спиритизма. Хотя таковых можно встретить немало в Микронезии, но они редки в Новой Гвинее.

Мне рассказал миссионер, путешествовавший на Южный берег, следующее. Он отправлялся довольно далеко и остановился на ночь в одной деревне. Когда все уже легли и стали засыпать, раздались страшные стоны, все стали прислушиваться. Затем громкий голос, говорящий фальцетом, стал называть имена путешественников, куда они собираются идти, называл деревни, но что они люди все хорошие и прием в деревне будет хорош, что у этих людей хороший табак, гораздо лучше туземного, и заключил речь требованием табаку, что было сейчас же исполнено.

Итак, мы видим, что спиритизм служит и в Новой Гвинее вымогательством земных благ.

Миссионеру сказали, что этот человек очень влиятельный, убедивший своих земляков, что иногда через него является дух одного из старых начальников, из давно умерших, чтобы предохранить народ от бедствий и врагов, заранее предупреждая его⁶⁰.

Болезни папуасов

Изучение болезней темнокожих рас, я не сомневаюсь, представит со временем обширное и интересное поле для наблюдений. Боюсь только за одно, именно, что распространение белой расы и взаимодей-

ствие рас повлекут за собою, с одной стороны, утрату старой туземной обстановки в обширном значении этого слова, с другой — общее заражение болезнями, занесенными европейцами.

Мне кажется несомненным факт, что до вторжения белых действительно между туземцами господствовало гораздо меньше болезней⁶¹. Это можно подтвердить целым рядом цитат из разных сочинений относительно островов Тихого океана.

Почти повсюду туземцы жалуются на появление новых болезней и усиление смертности.

Что касается Берега Маклая, то могу подтвердить, что смертность показалась мне замечательно мала во время моего там почти что 4-летнего пребывания.

Между болезнями кожные бросаются главным образом в глаза и среди них «elephantiasis» играет большую роль. Как известно, болезнь эта не мешает достигать старости. Ей подвержены чаще ♂♂, чем ♀♀. К ней так привыкли, что эта болезнь не мешает брать себе жен.

Psoriasis — другая очень распространенная кожная болезнь. Я ее нередко наблюдал у грудных детей. Между взрослыми встречаются часто люди, кожа которых решительно на всем теле покрыта беловатыми тонкими сухими чешуйками.

Lupus встречается также, хотя редко. Больной обыкновенно покрывает листьями громадные раны, которые возбуждали бы в их землях какой-то суеверный ужас, если бы оставались открытыми.

Встретив довольно много рябых, я стал расспрашивать о болезни и узнал, что оспа явилась на Берег Маклая с Запада и потребовала немало жертв.

Лихорадки встречаются не только в береговых деревнях, но и в горных. Я встречал больных лихорадкой круглый год⁶².

Болезни дыхательных органов встречаются часто, что, мне кажется, можно приписать обыкновению проводить ночь с разложенным огнем под нарами, о чем я уже упоминал, причем одна сторона тела жарится, а другая мерзнет.

Иногда появляется эпидемический грипп «influenza», распространяясь из одной деревни в другую и унося значительное количество стариков, силы которых оказываются недостаточны, чтобы перенести даже такую ничтожную болезнь.

При этой эпидемии обыкновенно заражаются целые деревни.

Чохотка, кажется, занесена.

На Берегу Маклая я не встретил сифилиса, хотя я и обратил особое внимание, чтобы удостовериться в этом факте. Он, разумеется, не замедлит добраться туда. На других островах Меланезии, главным образом на тех, которые, подобно о-вам Новые Гебриды, Соломоновым

и другим, были главным источником вывоза рабов на плантации Австралии, сифилис уже давно укоренился и за отсутствием лекарств и возможности лечения принимает крайне злокачественные формы.

Ввиду своей беспомощности и заразительности болезни жители одного из островов Соломонового архипелага прибегли к очень радикальной мере. Они решили и привели в исполнение свое решение: просто убивать без исключения всех ♂♂, ♀♀ и детей, показавших малейшие признаки этой болезни, чтобы предохранить себя от повального заражения.

Из других болезней, занесенных европейцами, которые между островитянами производят большую смертность, кроме *гахотки*, можно назвать *оспу* и *корь*⁶³. Примеров так много, что я не имею возможности перечислять их здесь.

Против всех болезней, недугов, зол папуасы Берега Маклая имеют свой всеисильный «оним», об употреблении которого я уже говорил в начале лекции. Во всех случаях к нему прибегают.

Есть, однако ж, и другие средства, к которым обращаются. При головной боли, например, я видел, что туземцы думали облегчить ее усиленным массажем головы. Если массаж не помогал, то он заменялся иногда кровопусканием. На лбу делались десятки маленьких надрезов, после чего уверяли, что чувствуют себя очень облегченными.

На о. Уэа, одном из островов Loyalty, в случае головной боли — как я слышал от самих туземцев — не только разрезалась кожа головы на макушке, но осколком кремня делалось отверстие в самой кости с целью «выпустить боль». Случалось, что после такой операции туземец умирал, хотя чаще выздоравливал. Трудно поверить таким операциям, но миссионеры, жившие долго между туземцами, подтверждают верность рассказов.

О продолжительности жизни меланезийцев можно только делать предположения. Как я уже сказал выше, на Берегу Маклая вообще туземцы не достигают значительной старости. Я уже упоминал, что это происходит главным образом вследствие недостаточного питания. Когда у стариков зубы от употребления масс растительной пищи до того стачиваются или стираются (почти что в уровень с деснами), причем им делается невозможно жевать всякую твердую пищу, и за неимением достаточно питательной жидкой пищи силы стариков быстро уходят, так что незначительные причины, как, например, «influenza», уносят их.

На других островах Меланезии, однако ж (до вторжения белых), люди обыкновенно доживали до такого возраста, что «отец (по выражению самих туземцев) видит седину сына» и иногда даже детей своих внуков. Но это, кажется, достояние прошлого!

Туземцы редко болеют долго, что часто зависит от недостаточного ухода за больными и неимением средств вылечивания.

Как только человек умирает, даже когда он еще не умер, а только уже очень плох, начинаются на Берегу Маклая в деревне совещания между родственниками и друзьями умирающего, чтобы придумать, кто именно причинил своим «онимом» болезнь или смерть их друга. Разумеется, такой недруг должен находиться во враждебной деревне. Перебирают всех жителей ее и опять тот из них, у которого меньше всего приятелей, оказывается виновником смерти. Его следует непременно подкараулить и убить; если же не его, то кого-нибудь из его деревни, хотя бы даже ♀.

Каждая смерть обыкновенно влекла за собою нападение на какую-нибудь из соседних деревень, и так как убийство должно было быть отомщено, то эта постоянная vendetta вела к бесконечным войнам и военным положениям между деревнями.

На некоторых островах Меланезии есть специальные люди, которым приписывают силу причинять людям болезни и даже смерть. В таком случае такой колдун, достав что-нибудь, принадлежащее человеку, которого он хочет сделать больным (например, волосы, ногти, даже объедки, оставленные тем субъектом), начинает жечь эти остатки, смешав их с чем-нибудь медленно горящим, и зажигает их так, чтобы они только тлели.

Люди, видящие эту процедуру, содрогаясь, говорят вокруг шепотом: «Смотри, он жжет нахак (то же самое, что «оним»), кто-нибудь заболест».

И все ждут, что что-нибудь случится.

Вдали скоро слышится звук из раковины (triton). Тогда колдун говорит своим друзьям: «Вот он, человек, которого нахак я жгу. Он болен. Подождем. Потушим пока! Увидим, что он пришлет завтра!».

И, действительно, на другой день подарки являются.

Как только заболел человек, он убежден, что один из колдунов жжет его нахак. Он зовет немедленно кого-нибудь из друзей, чтобы последний потрубил в большую раковину, которая, пробуравленная особым образом, может быть употреблена как труба, и звуки ее слышатся на большое расстояние.

Звук этой трубы — сигнал или род просьбы, чтобы колдун прекратил сжигание нахака и тем остановил боль пациента.

Чем сильнее боль, тем сильнее и продолжительнее звуки трубы, которые сообщают колдуну, что подарки непременно будут, если он прекратит сжигание.

Если на другой день боль продолжается — это происходит от того, что колдун недоволен подарками и продолжает жечь нахак. И снова слышится звук трубы, и колдун может ожидать новых подарков.

Если человек умирает — это значит, что колдун, несмотря на подарки, сжег нахак до конца.

Совершенно подобно этому и туземцы Берега Маклая боялись очень оставлять обеды, валяющиеся где-нибудь, где нет свиней или собак, моментально съедающих все; я часто видел, как все обеды бережно собирались, завертывались и зарывались где-нибудь в стороне или же, привязанные к камню, бросались в море, чтобы как-нибудь не послужить «онимом», сжигание которого дурными людьми могло бы причинить болезнь или смерть.

Мне иногда отказывали оставаться со мною в какой-нибудь деревне на ночь из боязни, чтобы ночью кто-нибудь из жителей горной деревни (которых все считают более или менее своими врагами) не отрезал несколько их волос и не добыл бы таким образом против них «оним».

Моя полн[ейшая] беззаботность относительно моих волос, пучки которых я раздавал для приобретения, в виде обмена, образчиков волос туземцев, шелухи банан, которую я кидал в сторону, не заботясь об их участи, почти что полные табиры туземного кушанья, которое я оставлял недоеденным в почти что незнакомой деревне, и т. д. — все это казалось туземцам крайне рискованно и непонятно и окончательно укрепляло их убеждение в моем происхождении с Луны.

Погребение живых

На о. Фате (Ново-Гебридские острова) был обычай хоронить стариков живыми, по их собственному желанию. Считали даже недостойным семейство старого начальника, если его не хоронили живым.

Когда старик чувствовал себя нездоровым, слабым и близким к смерти, он обыкновенно просто говорил своим детям и друзьям приготовить все, чтоб похоронить его. Тогда готовилась круглая глубокая яма, его завертывали в несколько тонких циновок и опускали в сидячем положении в могилу.

Так как полагали, что на том свете ему будет сделан лучший прием, если он будет сопровождать добрым числом свиней, то приводили несколько свиней. От шеи каждой из них идет веревка, которая привязывается к руке живого покойника. Но веревка эта перерезывается, и так как конец ее остается прикрепленным к руке старика, то предполагается, что он берет свиней с собою.

На голову старика бросается еще несколько циновок, и могила быстро засыпается.

Не только стариков зарывают живыми, но также и детей.

Женщинам, которым приходится работать на плантациях, неудобно иметь более 2—3 детей, почему на о. Фате было обыкновенно

ние зарывать (иногда насильно) остальных детей при появлении их на свет.

Зарывание живыми стариков встречается также и на южном берегу Новой Гвинеи.

Около деревни «Арома» один из миссионеров видел раз, как могила была вырыта внуком для своей бабушки. Он опустил несчастную старуху в яму, несмотря на ее слезы и слабое сопротивление. Когда миссионер стал упрекать его: «Зачем ты такой злой? Ведь она еще жива!», внук ответил: «Она не может жить долго. Она уже теперь полумертва». И стал зарывать могилу. И, сравнив могилу с поверхностью земли, усердно утоптал ее, а затем удалился, как бы сделав хорошее дело.

В интересной и добросовестной книге капитана (ныне одного из старейших адмиралов английского флота) Джона Эльфинстона Эрскина⁶⁴ передается рассказ очевидца (белого) о том, как молодой человек, чувствовавший себя не совсем здоровым, решил сам быть погребенным заживо, что и было исполнено с разными церемониями его отцом и другими родственниками.

Бывали случаи (на Ново-Гебридских островах), что больных насильно зарывали⁶⁵.

Формы похорон очень разнообразны в Меланезии. Не говоря о съедении убитых в сражении, тела усопших остаются гнить над землей в хижине, где человек жил; иногда они выставляются поверх земли, в пещерах; иногда опускаются в море, с привязанным к ногам камнем; иногда, впрочем, зарываются.

На Берегу Маклая покойник, обыкновенно плотно завязанный в корзину — «гамбор» из листьев кокосовой пальмы или в пакет из предлистника так называемой «*foliprium vagina*», а затем подвешенный в хижине, окруженный корзинообразным плетением, он остается разлагаться в ней, пока от тела не останутся одни кости⁶⁶.

Вдова или ближайший родственник умершего смотрит за огнем, который днем и ночью должен гореть в хижине.

Церемонии, которыми сопровождают упаковку тела в корзину или пакет, довольно разнообразны, но описать их невозможно здесь ввиду отсутствия времени.

На о-вах Адмиралтейства я был свидетелем более характеричной сцены перед погребением умершего. Описывать ее подробно мне здесь также не придется. Суть ее состояла в крайне эротической пляске совершенно нагих ♀♀, окруживших толпою покойника, который лежал среди хижины у костра, жестикуляции и *<1 нрзб>*, как будто думают возвратить умершего к жизни.

В разных местах Новой Гвинеи есть обыкновение, состоящее в том, что родственники и друзья усопшего обязательно при поминках

несколько дней после смерти обмазывают себе тело и приливают к своей пище жидкость, которая вытекла из пакета или корзины с разлагающимся телом. (Я полагаю, что обмазывание себя этим страшно вонючим соусом неприятнее, чем съедение его с таро или ямсом, потому что от кипячения, разумеется, запах соуса значительно уменьшается).

Несоблюдение этого обычая или выказывание отвращения к нему считается не только неприличным, но и оскорбительным для памяти покойника.

Пока вытекание жидкости из корзины с телом <...>^{7*} ближайшие родственники часто натираются ею, чтобы выказать свою любовь к усопшему.

Удушение вдов на о. Анейтум (Н.-Гебридские). Как только умирал, его вдову сейчас же удушали, чтобы на том свете она сейчас же была бы готова служить мужу.

При смерти любимого ребенка мать его или тетку или бабушку его удушали, чтобы сопутствовать ему в другую жизнь.

Это все теперь дело прошлого.

На о. Танна мы можем видеть, как быстро иногда появляются и распространяются обычаи. Лет 35 или 40 тому назад на о. Танна не знали об удушении вдов. По смерти одного начальника вдову его <...>^{8*}, и после этого этот обычай получил всеобщее распространение на о. Танна. Сами вдовы того желают иногда, и миссионерам не всегда удавалось отклонить долг-свой-знающую супругу от насильственной смерти, дающей ей возможность сейчас же присоединиться к мужу в другой жизни⁶⁷.

1* *Готтентотский передник (франц.) — чрезмерно развитые малые срамные губы, достигающие необычной величины и свисающие наподобие фартука в область промежности.*

2* *Здесь: напоминание (лат.).*

3* *Мешанина (франц.).*

4* *В рукописи оставлено место для названия.*

5* *Далее затеркнуто: На каждом острове «онимы» имеют особые названия.*

6* *В рукописи оставлено место для названия дерева⁵⁹.*

7* *В рукописи пропущено слово, возможно: продолжается.*

8* *Пропущено слово, вероятно: удушили.*

Антропология и этнология меланезийцев

Памятники по усопшим. — Способности и характер меланезийцев. — Переселение полинезийцев. — Влияние белых. — Европейские державы в Тихом океане. — Несколько слов о будущей русской колонии. — Будущность туземных рас¹.

Раз среди меланезийцев зародилась идея хоронить покойников в хижинах, весьма естественно, что они должны были додуматься и до сооружения небольших хижин на месте погребения. Неудивительно поэтому, что в разных местностях Меланезии этот вид памятников по усопшим довольно распространен. Иногда эти хижины-гробницы очень орнаментированы; иногда — довольно просты, но почти всегда меньше размерами настоящих. В них обыкновенно кладутся разные вещи, принадлежавшие умершему: посуда, из которой он ел, разные тряпки, мелочи, одним словом — всякий хлам, принадлежавший усопшему и не пригодный для живых. В некоторых местностях в продолжение нескольких недель или месяцев приносится ежедневно на могилу пища и оставляется там.

Другую форму памятников составляют разного вида «memento»^{1*} из дерева, камня и глины. «Напуэ» — громадные барабаны на Ново-Гебридских островах (род «барумов» Берега Маклая) — состоят из высоких выдолбленных врытых в землю и заостренных столбов. Они устанавливаются группами на одной из главных площадей деревни, и по временам под звуки их производятся пляски в память покойников. Чем важнее был усопший, тем выше «напуэ». Сюда же можно отнести некоторые из «телумов» (Берег Маклая).

Мне кажется здесь уместным заметить, что миссионерами и даже некоторыми из путешественников выражения «бог», «идол» и т. п. употребляются чересчур либерально. Всякая фигура, изготовление которой стоит туземцу много труда, ценится им, и он нелегко с нею расстаётся; всякий камень, которому туземцы (Н. Гебр., напр.) придают особенную силу*, называется в описаниях миссионеров *богами* или по крайней мере *идолами*. Эта неточность выражений вносит, мне кажется, немало недоразумений в этнологию. Таким образом всякий «телум», пожалуй, даже всякий «оним» могли бы быть названы богами или идолами туземцев. Это так же неверно, как называть, например, всякие общественные хижины туземцев «храмами».

* У туземцев Ново-Гебридских островов есть камни, от которых, по их мнению, зависит рост таро; другие камни способствуют размножению свиней и т. д.

Возвращаясь к телумам Берега Маклая. Между ними есть, как я положительно убедился, некоторые, сделанные в память (как род памятника) кого-нибудь из умерших. Ввиду примитивного состояния искусства телумы не имеют и приблизительного сходства с покойником. Впрочем, принимается во внимание пол умершего. От существования телумов до предположения, что на Берегу Маклая встречается форма почитания предков, — шаг еще большой. В Новой Гвинее и на Ново-Гебридских островах простые циновки, на которых умерший спал, разостланы на его могиле с 6-ю камнями по краям (чтобы ветер не сдул) и составляют единственный памятник. На о-вах Соломоновых я нашел целые кладбища, состоявшие из небольших построек, наполненных черепами; их называют «тамбуна»². Некоторые заключали в себе только один череп — то были гробницы начальников; они отличались множеством украшений из раковин, находившихся на и при черепе. Туземное название этих гробниц «тамате-тамбуна». К специальному роду «memento» по усопшим можно отнести кости и зубы усопших, носимые их родственниками в воспоминание об умершем.

В некоторых местностях Новой Гвинеи матери носят все высушенное тело умершего ребенка до тех пор, пока не убедятся, что скоро явится на свет следующий ребенок. На островах Андамановых вдовы носили одно время всю голову своего умершего мужа, пока не выходили вторично замуж. Челюсти умерших родственников очень ценятся на Берегу Маклая. На юге Новой Гвинеи носят их иногда в виде браслетов. Ожерелья из зубов умершего ребенка носят обыкновенно его материю.

Осмотр моей этнологической коллекции, которую я подарил Императорской Академии наук, может убедить каждого, что меланезийцы вообще очень способны³. Живя между ними, я каждый день убеждался в этом. Их разнообразные постройки, разнообразленные пироги, оружие, ловушки служат тому доказательством. Процветание школ, устроенных миссионерами на разных островах Меланезии, быстрые успехи, которые делают дети меланезийцев, вполне подтверждают мой отзыв. Один миссионер, имевший школу для туземцев в Новой Британии, сообщил мне, что обитатель этого острова обнаружил самые блестящие способности по математике. Молодые меланезийцы, обученные в школах, устроенных миссионерами, выказывают большую любознательность и желание учиться.

Сравнивая собственные наблюдения с известными мне описаниями характера меланезийцев, я нахожу между ними значительную разницу. Я ограничусь здесь, однако, собственным опытом, полагая, что вам будет более интересно узнать, к каким результатам привели меня близкие сношения с папуасами, чем услышать перечень мнений, напе-

чатанных в описаниях миссионеров, путешественников и т. д. Оставаясь на Берегу Маклая в 1871 г., я вовсе не имел никакого предвзятого мнения относительно туземцев и их характера. Я не считал их особенно дурными или жестокими; не думал также, что они особенно добры или великодушны. Я помнил замечание одного французского писателя (графа Гобино)⁴: «*l'homme est l'animal méchant par excellence*»^{2*}. Я был подготовлен ко всяким случайностям; опыт, однако, показал, что туземцы этой местности (Берега Маклая) лучше, чем я думал. Должен напомнить, что в то время я был единственным белым, которого туземцы знали. Когда я сошелся с ними ближе и стал понимать их язык (что, мне кажется, положительно необходимым для верной оценки характера людей), меня приятно поразили хорошие и вежливые (gentleman-like) отношения, которые существуют между туземцами, их дружелюбное обращение с женами и детьми. Во все мое пребывание на Берегу Маклая мне не случилось видеть ни одной грубой ссоры или драки между туземцами; я также не слышал ни об одной краже или убийстве между жителями одной и той же деревни. В этой общине не было начальников, не было ни богатых, ни бедных, почему не было ни зависти, ни воровства, ни насилия. Легкость добывания средств к существованию не заставляла их много трудиться, почему выражения злобы, ожесточения, досады не имели места. Название, которое я дал целому архипелагу: «Архипелаг довольных людей» — свидетельствует о том впечатлении, которое произвела на меня мирная жизнь островитян. Всякие жестокости, как погребение людей живыми, плохой уход за стариками и больными, людоедство, — все это не противоречит, мне кажется, сказанному выше, оно может быть объяснено известными понятиями и верованиями. Повальные умерщвления людей, обнаруживающих признаки заразных болезней, не могут быть объяснены как бессмысленная жестокость; они являются лишь чересчур суровыми мерами, предпринимаемыми в видах самосохранения⁵.

Что характер населения может, при некоторых условиях, быстро измениться и выказать совершенно другие стороны, это очень понятно, если мы примем во внимание перемену обстановки и окружающих условий. Если на Берегу Маклая появятся торговцы, то они для более выгодного приобретения туземных продуктов возбудят в местных жителях корысть, а для пополнения числа рабочих на плантациях европейских колоний станут склонять подарками кого-либо из влиятельных лиц (*de facto*: начальника) отпустить им несколько молодых людей или девушек, а то просто, без церемоний, насильно захватят с собою туземцев. Не надо будет удивляться при таких условиях, если «Архипелаг довольных людей» со временем превратится в «Архипелаг людей свирепых» или, пожалуй, «Архипелаг убийц». Из этого, мне кажется,

ясно, что характер туземцев зависит *более* от самих же белых и обращения последних с туземными расами. Этого обстоятельства не должны забывать европейские правительства, которые имеют колонии.

В 1-й своей лекции я указал, что европейцы встретили в Тихом океане три главные расы: полинезийскую, меланезийскую и австралийскую. Откуда и когда явились две последние — мы не имеем никаких указаний в традициях этих рас, более примитивных в сравнении с первой, о постепенном распространении которой мы знаем теперь уже немало⁶.

Знакомство с преданиями туземцев, собранными на разных островах Тихого океана, как и сочинения по истории своего племени, написанные самими туземцами, позволяют нам нарисовать довольно полную картину переселения и распространения полинезийцев в Великом океане.

Первая попытка этого рода была сделана американцем Halé в 1846 г.⁷

В 1864 г. A. de Quatrefages (в книге «Les Polynesiens et leurs migrations») представил несколько дополнений к работе Halé'я. В книге того же автора, вышедшей в 1884 г. («Hommes fossiles et hommes sauvages»), в главе «Migrations Polynesiennes» Катрфаж дает довольно полный обзор переселений полинезийцев, который я считаю уместным передать здесь в кратких чертах, не останавливаясь на деталях⁸.

В эпоху, в точности не определенную, хотя она, как можно думать, относительно не очень отдалена от Р. Х., процветала на больших островах Малайского архипелага смешанная малайская раса, отличавшаяся предприимчивостью; она высылала экспедиции для основания колоний по берегам Китая, на Филиппинские острова. Одна из таких экспедиций, вероятно под предводительством Цин-Моу, покорила Японию в 667 г. до Р. Х. Остров Буру сделался центром потока эмиграции, часть которого направилась на N.-О. (таким образом, вероятно, была заселена Микронезия); главная же масса двинулась на О. Обогнув Новую Гвинею, а затем о-ва Соломоновы, она разделилась на 3 ветви.

Первая из них добралась до Самоа, другая — до Тонга (в то время о-ва Самоа и Тонга были, вероятно, необитаемы), третья — до о-вов Фиджи. На о-вах Фиджи были жители, но, несмотря на различие рас, вновь прибывшие жили сперва мирно с туземцами (меланезийцами). Впоследствии, однако, дело дошло до войны. Побитые малайцы спаслись на ближайший архипелаг, на о-ва Тонга, и здесь встретили своих земляков, раньше их прибывших сюда, что не помешало им напасть на них. На этот раз они одержали победу. Некоторые из побежденных сели на пироги и направились далее на О. Один из них, Утайя, с женою Анна-Нуна высадился в Нукагиве (на о-вах Маркизских). Экспедиции

с о-вов Самоа заселили часть архипелага Помоту; другая направилась на о-ва Маркизские, третья — на о-ва Сандвичевы. Многие экспедиции с разных островов открыли и заселили другие местности. Одна из них, более важная, направилась из Раротонги и открыла Новую Зеландию. Туземец, открывший последний остров, по имени Н[г]ахуэ, нашел там яшму, которая высоко ценилась в Полинезии. Н(г)ахуэ вернулся на свой остров Мангая, где свирепствовали войны. Некоторые из побежденных начальников согласились отправиться с Нгахуэ колонизировать о. Аотеароа, открытый последним.

В песнях маори* мы находим весьма точные подробности об этой экспедиции. Рассказывается, что дерево для пироги по имени «Арава» (акула) было вырублено в Раротонге топором, названным «Тутауру», из яшмы, привезенной Нгахуэ; упоминаются имена начальников, которые работали над нею, имена 6 пирога, которые вместе с «Аравой» образовали флотилию эмигрантов. Эти пироги были двойные, соединенные массивной платформой, на которой находилась каюта с крышей, которая могла поместить на себе человека, смотрящего вперед. Подобные пироги, вооруженные для войны (причем каюта снимается и платформа делается свободной), могли вмещать 180 воинов или гребцов. Те, которые отправились из Гавайки¹⁰, вмещали 140 человек. На них все было приспособлено для долгого плавания. Вместе с женщинами и детьми экспедиция привезла в Новую Зеландию от 1100 до 1200 эмигрантов.

При всех экспедициях полинезийцы брали с собою полезные растения, как-то: кокосовые пальмы, хлебное дерево, таро, сладкий картофель, ямс и др., а также собак, свиней и даже птиц. Имея очень верную генеалогию начальников о-вов Маркизских и Сандвичевых в Новой Зеландии, мы можем довольно точно определить, когда все экспедиции были совершены. Этот краткий очерк доказывает, что в то время, когда европейцы знали только Средиземное море и побережье Атлантического океана, полинезийцы храбро переплывали Великий океан до самых отдаленных границ его, как Рапа-Нуи, Новая Зеландия и Сандвичевы острова. В продолжение около 1200 лет полинезийская раса развивалась совершенно изолированно¹¹.

Но спустя приблизительно столетие по прибытии маори в Новую Зеландию, 28 ноября 1520 г., Магеллан вышел из пролива, носящего его имя, в Тихий океан. После него португальцы и испанцы, а за ними англичане, голландцы, французы начали делать свои открытия: Магеллан открыл Марианские и Филиппинские острова в 1521 г.; Мендана в 1594 г. — Маркизские острова; Квирос — Таити в 1606 г.; Тасман — Новую Зеландию в 1642 г.; Бугэнвиль — Самоа в 1768 г.; Кук — Ман-

* Переведенных Sir George Grey'ем⁹.

гайский архипелаг и Сандвичевы острова в 1778 г. и т. д. и т. д.¹² Европейские суда в нынешнем столетии стали все чаще и чаще появляться в Тихом океане. Сперва поселились на некоторых островах дезертиры-мореходы и играли даже иногда значительную роль. За ними появились торговцы и ремесленники. Некоторые из туземных начальников, как Помаре в Таити и Камамеа на Сандвичевых островах, очень покровительствовали европейскому поселению¹³.

С человеком появились и акклиматизировались и европейские растения и животные и стали быстро множиться.

Но еще 17 лет тому назад на островах Тихого океана жило весьма немного европейцев (Бренчлей в 1869 г. нашел в Тутуиле на 4000 жителей 14 европейцев, в Уполу на 15 000 жителей 120 европейцев, в Тонга-Табу на 9000 жителей только 44 европейца)¹⁴. Тем не менее последствия появления европейцев были для полинезийцев весьма пагубны, как показывают следующие цифры, красноречиво свидетельствующие об уменьшении населения в громадной пропорции.

На островах Гавайи, где в 1778 г. жило 300 000 человек, осталось в 1861 г. 67 000 человек, итого уменьшение населения на 77 проц.

В Новой Зеландии, где в 1769 г. жило 400 000 человек, осталось в 1877 г. 30 000 человек — уменьшение населения на 92 проц.

В Таити, где в 1774 г. жило 240 000 человек, осталось в 1857 г. 7212 человек — уменьшение населения на 96 проц.

Это вымирание приписывали различным причинам. Одна из главных — распространение чахотки. Французский врач (Bourgarel) находил туберкулез в легких положительно у всех умерших туземцев, которых ему приходилось вскрывать. Другой (Brülfert) доказал его присутствие в 8 случаях из 10. Кажется положительным, что белые занесли чахотку на острова Тихого океана, где она была неизвестна до проникновения туда европейцев. Болезнь эта сделалась там положительно эпидемическою.

Другая причина — уменьшение рождаемости. Бесплодие также достигло громадных размеров. В Новой Зеландии из 11 начальников только один имел детей.

На 80 женщин на Сандвичевых о-вах только 39 имели детей. На о. Тай-Хэ (одном из Маркизских) население уменьшилось в 3 года почти наполовину (с 400 на 250), а рождений было всего 3—4. Причинами бесплодия являются: сифилис, разврат, пьянство с их аксессуарами.

В Меланезии вывоз туземцев на плантации Австралии, Новой Каледонии, Самоа, Фиджи и другие обезлюдил значительно острова Ново-Гейбридские и Соломоновы и распространил в них заразные болезни. Кроме вымирания на этих островах, вырождение расы идет параллельно с вывозом молодых и крепких мужчин; оставляют только

мальчиков и стариков — обстоятельство, сильно отражающееся на следующем поколении.

Европейцы же и европейско-полинезийская помесь представляют противоположность бесплодию островитян. На Сандвичевых о-вах в 9 семействах миссионеров насчитывалось 62 ребенка.

Выгоды, которые могут извлекать европейцы, занимаясь разведением плантаций или торговлей, обратили на себя в последнее время общее внимание европейцев. Приведу один или два примера: насадивши где-нибудь на острове Тихого океана на 8 акрах (3 ½ десятины) 600 кокосовых пальм и употребляя не более 150 дней в году (считая по 6 час. в день) на сбор и разработку продуктов этих пальм и уход за ними, вы выручаете от продажи копры (сушеные зерна кокосов, ореха) и фибр из шелухи до 3000 руб. в год. Плантация кокосовых пальм, раскинутая на участке земли в полторы квадратных версты, может дать, при порядочном уходе, от 30 до 40 000 руб. в год.

Трепанг, в изобилии водящийся на рифах Тихого океана, ценится на китайских рынках от 500 до 1200 руб. за тонну. Подобных примеров я мог бы привести много.

Удобное положение, возможность проникнуть туда при помощи судов, хорошие гавани, выгоды земледелия и разработки продуктов островов побудили многие европейские государства серьезно подумать о будущности островов Тихого океана. Результатом этого было то, что в настоящее время почти нет ни одной группы островов, на которую та или другая держава не заявляла бы своих прав. Германия последовала примеру Англии, забрав года три тому назад добрую треть островов Меланезии «под свое так называемое покровительство», и сделала эти острова полем эксплуатации торговой компании, о чем я уже имел случай говорить в одном из сообщений во время выставки моей этнологической коллекции в Академии наук¹⁵. Я не считаю поэтому нужным повторять сказанное мною. Скажу только несколько слов о будущей русской колонии в Тихом океане.

Решившись поселиться на островах Тихого океана; я, естественно, пожелаю и желаю, чтобы в местности, где я поселюсь, развевался *русский флаг*.

Будучи делом несомненно важным для России, возникнуть колонии не могут в несколько дней или недель и требуют, кроме того, само собою разумеется, Высочайшей санкции. Эти обстоятельства объясняют, почему я пока не могу еще дать ответ и необходимые разъяснения тем приблизительно тысяче пятистам лицам, которые изъявили готовность последовать за мною на острова Тихого океана, для чего, кроме небольших материальных средств, требуются только энергия и терпение, которых у нас, русских, надеюсь, окажется не менее, чем у других народов.

Окончательное Высочайшее решение по этому делу еще не последовало, хотя в «Times»^е была напечатана телеграмма из С.-Петербурга, будто мой проект основания колонии в Тихом океане был отвергнут комиссией...¹⁶

Таким образом, я все еще могу надеяться, что проект мой рано или поздно осуществится; я не откажусь от дела, за которое раз принялся*.

В заключение — два слова о будущности туземных рас Тихого океана.

Ныне живущие в Тихом океане расы должны будут сойти со сцены, некоторые даже скоро, как австралийцы и полинезийцы, хотя последние не всюду вымирают. О меланезийцах мы еще не знаем. Вероятно, многие удержатся в горах больших островов, которые они занимают и куда европейцы вряд ли последуют за ними¹⁸.

Полагать, что весь Тихий океан заселится белыми, едва ли можно. Это так же неправдоподобно, как предположить, что со временем весь свет будет заселен одними англичанами или немцами. Изучение акклиматизации белых под тропиками доказывает, что раса эта в состоянии будет существовать только при помощи скрещенния с туземными расами¹⁹. Мы можем с большим вероятием предположить, что острова Тихого океана будут заселены со временем *смешанною* расою.

Но какого рода будет эта раса и будет ли в ней преобладать европейский элемент — все эти вопросы пока так и остаются вопросами. Не следует упускать из виду, что европейцы имеют в Тихом океане очень важных конкурентов в лице китайцев. Трудно поэтому предпринять, кто кого одолеет, какая раса будет преобладать (антропологически). Китайцы имеют серьезные преимущества как колонизаторы перед белыми: большое терпение и трудолюбие, легче выносят тропический климат и отличаются большою плодovitостью.

Разумеется, белые могут всегда утешать себя и называть «европейскими колониями» колонии, в которых, как, например, в Ямайке, белые составляют только 2½ % населения.

Кончая этот очерк, я не могу не выразить сожаления, что за недостатком времени мне пришлось выпустить очень многое: так, я ничего не сказал о языке, о специальных вопросах по антропологии, весьма мало говорил о болезнях и т. п. Мне приходится выпустить целый отдел — и очень важный, а именно: об акклиматизации белых под тропиками. Все это найдет место в моей книге, которая, надеюсь, выйдет в свет в непродолжительном времени.

* Это заявление может служить пока ответом на те многочисленные предположения и просьбы будущих поселенцев русской колонии в Тихом океане (их уже набралось, кажется, более 1800), которым я не был в состоянии отвечать¹⁷.

Считаю долгом выразить здесь мою благодарность уважаемым городскому голове Вл. Ив. Лихачеву и А. А. Краевскому²⁰, предоставившим мне думский зал для моих лекций.

¹* *Напоминания (лат.).*

²* *Человек — животное по преимуществу злое (франц.).*

⟨Гончарство на Новых Гебридах, Новой Гвинее и островах Адмиралтейства⟩

Г-н д-р *Финиш* сказал, что гончарное ремесло известно и на *Новых Гебридах*. Теперь оно, однако, полностью утрачено. Только на большом острове Сэндвич (Фате ⟨Эфате⟩) находят черепки от ⟨глиняных⟩ горшков и местные жители очень хорошо знают, что у их отцов и еще у них самих горшки были, но они теперь больше их не используют и не умеют делать. Лишь определенные местности знакомы с этим искусством. После того как на Новые Гебриды в разные времена происходили вторжения с полинезийских островов и ⟨пришельцы⟩ научили местных жителей варить пищу более простым способом при помощи ⟨нагретых⟩ камней, те полностью отказались от гончарства. Мне уже не довелось увидеть ни единого целого горшка на Новых Гебридах, но миссионер на о. Фате показал мне один и его же послал позднее в Сиднейский музей¹. Он был превосходно украшен и был единственным из горшков в Меланезии, на котором я встречал такие украшения.

Теперь этот уникум, к сожалению, также уничтожен при пожаре на выставке в Сиднее².

Жители всего восточного побережья Новой Гвинее знают гончарство, но на Берегу Маклая им занимаются только обитатели двух маленьких островов. Жители самого побережья ⟨здесь⟩ нигде не владеют этим искусством, и если бы островитяне отказались от торговли горшками или если бы горшки перестали поступать к ним вследствие войны или других причин, им пришлось бы изобрести иной способ варить себе пищу. Они рассказывали мне, что очень хорошо помнят время, когда им приходилось печь и готовить прочую пищу без горшков.

При этих расспросах мне удалось также выяснить, что теперешнее население Берега Маклая еще помнит по ⟨устной⟩ традиции время, когда у них *еще не было огня*. Очень странно и интересно, что в различных местах мне рассказывали одно и то же. Они сообщали мне, что когда у них не было огня, все плоды поедались сырыми и потому люди

страдали болезнью десен, причем рот был всегда полон крови. У них было и особое название для этого заболевания.

На Берегу Маклая все гончарные изделия изготавливаются женщинами. Делаются они очень просто, так как наносят лишь немного орнамента на край горшка.

Но у жителей южной оконечности Новой Гвинеи есть совершенно своеобразная форма горшков с плоским дном, между тем как все остальные ⟨местные разновидности горшков⟩ такого уплощения не имеют.

На большом *острове Адмиралтейства*³ изготавливают превосходные горшки, особенно для воды с двумя отверстиями: одно побольше для наполнения ⟨сосуда⟩ водой и другое поменьше для питья. Закрывают при помощи затычек из листьев⁴.

Горшки, которые обычно вешают в хижинах, орнаментируются более разнообразными способами. Эти орнаменты интересны потому, что всецело подражают рисункам, которыми они ⟨т. е. туземцы⟩ себя татуируют.

В заключение я должен выразить свою сердечную благодарность Обществу и лично профессору *Вирхову* за постоянное участие во время моего длительного путешествия.

ПРИЛОЖЕНИЯ

〈Новая Гвинея и папуасы〉

аселение Берега Маклая обитает на территории, стиснутой между морем и высокими горами (которые местные жители называют Мана-Боро — Большие горы), очень крутыми и необитаемыми; пределы его обитания простираются от побережья в глубину приблизительно на 27 миль, но

плотным оно является только на морском берегу; оно насчитывает около 20 000 жителей. Географическое положение Берега Маклая, нездоровые условия всегда жаркого климата (термометр никогда не опускается ниже 21° Цельсия), репутация туземцев как людей кровожадных поддерживали изоляцию этого населения от всякого стороннего контакта, и оно предоставляет нам папуасскую расу совершенно чистую, без примеси малайской крови, между тем как малайцы постоянно посещали западную часть острова, принадлежащую голландцам, а также южный берег, обращенный к Австралии. Поэтому в отличие от обитателей южного побережья, имеющих довольно светлый цвет, папуасы Берега Маклая обладают гораздо более ярко выраженным негритянским типом: у них очень темная кожа, скорее темно-шоколадного, чем черного цвета, курчавые волосы, слабо растет борода; рост у них средний (самые рослые из тех, кого измерял г. де Маклай, не выше 1 м 75 см), и они хорошо сложены, хотя обычно очень худы.

Достоинно замечания, что не точны 〈утверждения〉, будто отличительным признаком этой расы является долихоцефалия. Большое их число брахицефалы. Темный цвет кожи препятствует цветной татуировке, практикуемой у других племен Океании. Они татуируются, делая себе ожоги, оставляющие следы, более светлые, чем остальное тело.

Они практикуют обрезание, но обрезание сбоку, не по кругу, т. е., надрезая крайнюю плоть на длину в 2—3 см, оставляют ее висеть по обе стороны от головки члена. Доводом в пользу этой практики туземцы выставляют форму своей крайней плоти, которая-де без этого надреза служила бы препятствием к оплодотворению.

Обрезание практикуется лишь в известные периоды, даже не каждый год; все мужское население удаляется тогда в лес, подальше от женщин, и исполняет эту церемонию с большой торжественностью.

Население распределено по деревням; некоторые из них, особенно береговые деревни, имеют значительные размеры. Деревни совершенно независимы друг от друга; однако есть среди них такие, которые находятся во враждебных отношениях, и другие, соединенные узами дружбы и браками (между их обитателями). Вождей нет; нет даже власти, осуществляемой людьми старшего возраста. Это высшая степень демократии. Когда спрашиваешь у туземца: «Кто является вождем?», — он неизменно отвечает: «Я». Когда дело идет о принятии общего решения, они собираются для обсуждения и часто проявляют в речи большую легкость и большой талант; самые молодые могут высказывать свое мнение; берет верх не мнение старшего или более сильного, но того, кто умнее; именно тот, чье мнение берет верх, является вождем на данный момент. Интересно видеть эту роль ума у расы, находящейся еще в каменном веке.

Они в самом деле находятся еще в каменном веке. Все их инструменты, все их оружие, вся домашняя утварь сделаны из дерева, камня, кости, раковин или глины. Нет ни ремесел, ни специальностей. Каждый изготавливает все, в чем нуждается, за одним только исключением — керамики¹. Гончарные изделия производятся исключительно женщинами о. Били-Били, и в то время как предметы, выделяемые мужчинами, всегда орнаментированы, гончарные изделия совершенно просты и лишены орнаментов, что могло бы, пожалуй, означать, что женщины по природе менее артистичны и более утилитарны, чем мужчины². Так как гончарные изделия изготавливаются только на Били-Били, их надо покупать, но папуасы не знают денег, они знают только обмен подарками. Когда папуас хочет обзавестись гончарными изделиями, он приезжает на Били-Били, везя с собой фрукты, овощи, части свиной или собачьей туши; он их преподносит кому-нибудь из тех, кто располагает гончарными изделиями, и проводит у него ночь. Он может не сомневаться, что на другой день найдет в своей лодке некоторое количество гончарных изделий пропорциональной стоимости. При этих обменах подарками папуасы в равной мере пользуются всеми украшениями, служащими им для наряда, а также богато орнаментированными деревянными блюдами, которые изготавливаются мужчинами специально для этой цели и называются *табир*.

Каждая деревня занимает определенную территорию, полностью признаваемую жителями соседних деревень, если нет войны. На территории каждой деревни собственность является одновременно общей и индивидуальной в том смысле, что каждый присваивает то, что ему необходимо для существования, на земельном пространстве более обширном и более плодородном, чем необходимо для жизни всех (обитателей деревни). Если человек находит в лесу плодовое дерево, подходящее ему и не имеющее еще владельца, он помечает его и объявляет своим. Точно так же он может присвоить себе право рыбной ловли в речке. Даже если в море обнаруживается отмель, особенно богатая рыбой, это место становится собственностью того, кто его нашел, и никто не будет ловить там без его разрешения³. Когда юноша женится и создает семью, он отправляется в лес расчистить участок и окружает его изгородью. Все мужчины деревни помогают ему при сооружении этой изгороди, так как для множества важных работ все мужчины деревни объединяются. Например, при сооружении хижины владелец сооружает стены и готовит земляной пол^{1*}, но в том, что касается крыши, которая требует долгой и трудной работы, ему помогают все жители деревни.

Пища состоит из продуктов рыбной ловли, охоты и земледелия. Фрукты и овощи многочисленны. Свиньи, собаки и куры имеются в изобилии⁴. Собаки служат для питания; куры гнездятся на деревьях, и невозможно добыть их яйца, их стреляют, как дичь.

В деревнях папуасы группируются по семьям. Они полигамны; у немногих папуасов менее двух жен, но никогда не бывает больше четырех; избыток женского населения над мужским происходит не от неравенства между полами по числу рождений, но из-за сокращения числа мужчин вследствие войн и несчастных случаев на рыбной ловле или охоте. Каждая жена живет в отдельном доме со своими детьми, своими собаками и своими поросятами. Она кормит грудью детей до шести — семилетнего возраста, и часто можно видеть, как она кормит грудью попеременно своих детей, щенят и поросят. Мужья обычно не живут с женами, но собираются в обширных сараях или хижинах, где едят собо́ща, музицируют, беседуют, курят и спят. Женщинам не дано права туда входить; оружие и музыкальные инструменты для них — *табу*, но то, что остается от трапез, им отдают для пропитания. В каждой из таких хижин, которые, следовательно, служат мужскими *клубами*, находится *барум* — ствол дерева трехметровой длины и метрового диаметра, выдолбленный таким образом, чтобы, ударяя по стенкам, можно было производить звук, слышимый за несколько километров. Папуасы используют особый ритм для каждого важного события, будь то война, свадьба или резание свиньи; они сообщают об этих событиях соседним и дружественным деревням путем ударов в барум.

Одежда мужчин состоит из пояса, который проходит между ног и закрепляется спереди; одежда женщин состоит из двух передников с бахромой: один спереди, другой сзади, причем тот, который спереди, короче. У девушек передники очень короткие; передники замужних женщин гораздо длиннее. Эти пояса и передники делаются из древесной коры.

Когда молодой папуас достигает брачного возраста, т. е. пятнадцати-шестнадцати лет, его отец подыскивает ему жену.

Как правило, ее сватают в соседней деревне. Выбранная девушка обычно бывает очень молода; среди них встречаются такие, которым не больше десяти лет. Свадьба представляет собой покупку, но покупку, делаемую деревней у другой деревни, а не семьей у другой семьи. В утро «брачной» церемонии девушку с ног до головы покрывают красной охрой юноши той деревни, куда она должна выйти замуж, затем она направляется в деревню жениха, опираясь на своих подруг. Все жители сидят на порогах своих хижин, и по мере того как девушка проходит мимо них, они кладут ей на голову, на спину, на руки табиры и украшения, которые должны служить для ее покупки. Родственники и друзья, сопровождающие ее, постепенно их принимают, причем большую часть отклоняют, если считают цену слишком низкой.

Наконец приходят к дому жениха. Там отец невесты берет ее за прядь волос и начинает длинную обращенную к ней речь об ее обязанностях жены и хозяйки. После каждого наставления он со всей силой дергает ее за прядь волос. Когда он заканчивает, другой член семьи делает ей новые наставления, и «затем» она входит в дом мужа. На другой день утром новобрачная идет купаться в море вместе со всей молодежью деревни.

В других случаях свадьба совершается путем притворного похищения. «Будущий» муж со своими товарищами идет похищать невесту в ее деревню, и похищение происходит только после притворной стычки между ними и юношами из деревни молодой. Свадьба естественно сопровождается пиршествами и танцами. Эти церемонии имеют место, впрочем, только тогда, когда мужчина получает свою первую жену. На других он женится без обряда, попросту покупая их у их семей.

Примечательно, что у папуасов половые сношения имеют место, как у животных, в определенные периоды. Женщины беременеют все одновременно, и дети рождаются в одно и то же время года⁵.

Людоедство у папуасов берет исток в войне. Когда человек умирает, папуасы не могут допустить, что его смерть естественна; она, конечно, результат колдовства, и какому-нибудь папуасу из деревни умершего достаточно иметь врага в другой деревне, чтобы объявить того виновником. Организуют поход, засады, чтобы убить если не на-

званного человека, то по крайней мере одну из его жен или одного из его детей. Трупы съедают, если смогли их унести. Эти убийства влекут за собой «новые» акты мести и репрессалии, так что война или, скорее, такие вендетты могут продолжаться в течение нескольких лет. За исключением кишок, которые выбрасывают в море, трупы съедают целиком: все внутренности и даже половые органы, которые представляют собой один из самых лакомых кусков⁶. Украшения и волосы закапывают или выбрасывают в море; считается, что они могут принести несчастье.

Очень трудно сказать точно, в чем заключаются религиозные представления папуасов; г. де Маклай не смог обнаружить никакого следа представлений о загробной жизни или о сверхъестественных существах. Все, что он констатировал, это некую разновидность фетишизма, веры в то, что определенные предметы приносят хорошую или дурную участь и что на судьбу или на стихии можно влиять определенными заклинаниями. Во время одной из его поездок, когда западный ветер держался над островом в течение нескольких дней, сопровождавшие его папуасы умоляли его изменить направление ветра; он утверждал, что не может это сделать; тогда один папуас взял лист, обратился к этому листу с магическими словами, затем закопал его. Поскольку ветер изменился, они преисполнились уверенностью, что это был результат колдовства. В другой раз спутники г. де Маклая не решались вступить вместе с ним в деревню людоедов. Один из них взял ветку, обратился к ней с несколькими словами, ударил ею по спинам своих спутников, затем зарыл ветку в чаше. Они успокоились и стали считать себя неуязвимыми.

^{1*} В публикации: землю.

КОММЕНТАРИИ

НОВАЯ ГВИНЕЯ

Почему я выбрал Новую Гвинею полем моих исследований

Печатается по: АГО. Ф. 6. Оп. 1, № 17.

Впервые: Изв. ГГО. 1939. Т. 71. Вып. 1—2. С. 284—287. Отсюда — СС. Т. I. С. 3—10.

Рукописный текст сохранился в черновом виде. Начало — на одном из двух больших линованных листов (оканчивается словами «высшую степень цивилизации»). Продолжение и наброски к тексту — в тетрадке, сшитой и склеенной из листков разного размера и цвета. На полосе склеивания — поперек заглавие: «Почему я избрал исходом моего путешествия на остр[ова] Тихого океана ос[тров] Новую Гвинею? Пояснительная заметка Н. Н. Миклухо-Маклая. «Витязь», март 1871 г.» На л. 1 тетрадки в правом верхнем углу: «Дек. 1871. М[ыс] Отш[ельничества]», на подклеенной части л. 1: «18.1 1872. М[ыс] Отш.» Из этих помет явствует, что Миклухо-Маклай начал статью на борту «Витязя» и продолжал ее во время пребывания на берегу Новой Гвинеи, но так и не закончил.

Д. Н. Анучин знал только начало статьи (копия, сделанная для него, сохранилась — см. л. 15), печатать которое «не имело никакого смысла» (1923. С. 11). В 1938 г. Д. С. Миклухо-Маклай выявил среди рукописей путешественника, возвращенных в АГО, вторую часть статьи и подготовил весь текст к публикации (Изв. ГГО. Т. 71. С. 288). Хотя он оговорился, что работа над рукописью «ограничилась минимальными исправлениями», в действительности мелочная правка захватила весь текст, по существу он был почти заново переписан. В этом виде статья была воспроизведена в СС, т. 1.

Оценка сохранившегося текста как «конспекта задуманной статьи» (Д. С. Миклухо-Маклай) не вполне справедлива: вряд ли Миклухо-Маклай намеревался расширить уже написанные страницы, скорее он предполагал продолжить, с тем чтобы подробно выявить основные проблемы антропологического и этнографического изучения Новой Гвинеи.

В составе тетрадки сохранился обрывок бумаги (л. 3 арх. пагинации) с набросками плана статьи. Судя по некоторым подробностям содержания, план был составлен еще до плавания на «Витязе»:

1. Избир[аю] Нов. Гв.
2. Источ. н. ест. научн. главн. зоол. антр.
3. По возм[ожности] темат[ически] опр[еделить] пол[ожение] папуасов как расы среди других по более новым. Учен[ые], заним[авшиеся] этим вопросом: Бэр, Валлас, Юкс etc.
4. У меня нет превратного мнения.
5. Вопросы антр., которые след[ует] разрешить.
6. Другая сторона путешествия.
Опасности извест[ны].
Как попасть.
7. Военное судно.
8. Способы проникновения в Нов. Гв. Ю. и В.
9. Восточный берег менее известен.
10. Неизвестная стр[ана] — интер[ес] и трудность пут[ешествия] по-
этому.

〈...〉

1. Велич[ина] Новой Гвинеи.
2. Воскл[ичание] о Новой Гвинее у Jukes, Wallace, Finsch.
3. Годы и личн[ости] откр[ывшие] Нов. Гв.
4. Мореплаватели, посе[щавшие] Нов. Гв.
5. Мал[айский] и Мел[анезийский] арх. Waitz, Wallace и др.
7. Заметка у Бэра о пл[ощади] Нов. Гв.

Цель моя — уясн[ить] пол[ожение] пап[уасов] относительно других рас и потом (находя главною задачею этногр. положение папуасов) постара[ться] опреде[лить] распр[остранение] ее по собств. набл.»

Отрывочные заметки, смысл которых не всегда ясен, сохранились еще на одном клочке бумаги, вложенном в тетрадке (л. 5 арх. пагинации).

В тексте статьи есть ряд указаний на сноски, которые отсутствуют.

В составленном много позднее плане первого тома итогового труда Миклухо-Маклай в качестве предисловия предполагал поместить заметку «Почему я выбрал Новую Гвинею полем моих исследований» (АГИМ. Ф. 448. Ед. хр. 13. Л. 6). В настоящем издании для публикуемого фрагмента взято это заглавие.

Текст и введение к примечаниям подготовлены Б. Н. Путиловым.

Примечание 7, написанное И. И. Пузановым, взято из СС (Т. 1. С. 387), прим. 10 принадлежит А. Г. Козинцеву, все остальные выполнены Д. Д. Тумаркиным.

¹ Очевидно, имеется в виду немецкая географическая миля, равная 7420 м. В таком случае по данным, которые приводит Миклухо-Маклай, площадь Новой Гвинеи составляет от 595 тыс. кв. км до 716 тыс. кв. км. По современным данным, площадь Новой Гвинеи значительно больше: от 772 тыс. (без прилегающих островков) до 823 тыс. кв. км.

² Длина Новой Гвинеи — свыше 2 тыс. км, что примерно соответствует расстоянию между Гибралтаром и Амстердамом. Наибольшая ширина — ок. 700 км, что меньше расстояния между Валенсией и Лиссабоном (ок. 800 км) и тем более между Парижем и Триестом (ок. 950 км).

³ Джозеф Бит Джюкс (1811—1869) — английский путешественник, геолог. В 1842—1846 гг. участвовал в качестве натуралиста в экспедиции на английском военном судне «Флай», обследовавшей северо-восточное побережье Австралии, острова Торресова пролива и южное побережье Новой Гвинеи.

⁴ По мнению современных исследователей, Новая Гвинея была открыта португальским мореходом Жоржи ди Менезишем. В 1526 г. он подошел к северо-западным берегам западного полуострова Новой Гвинеи, который впоследствии удачно был назван голландцами Вогелкопом — «Птичьей головой» (на современных картах — п-ов Чендравасих). Испанский мореплаватель Альваро Сааведра прошел вдоль северного побережья Новой Гвинеи в 1528 г. Этот огромный остров назвал Новой Гвинеей испанский моряк Ортис де Ретес в 1545 г. Его спутником был не Торрес, а Бернардо де ла Торре. Ваэс де Торрес проплыл в 1606 г. вдоль южных берегов Новой Гвинеи и открыл пролив между нею и Австралией, впоследствии названный его именем.

⁵ О Дампиере (правильнее — Дампир) см. прим. 5 к «Чтениям» в т. 2, о Дюмон-Дюрвиле — прим. 5 к «Первому пребыванию» в т. 1 наст. изд.

⁶ О Валласе (правильно — Уоллес) см. прим. 13 к тексту «Острова Адмиралтейства» в т. 2 наст. изд. Уоллес, в частности, установил, что по Малайскому архипелагу проходит граница («линия Уоллеса»), отделяющая зоогеографически о. Сулавеси от остальных островов этого архипелага. Как и предполагал Уоллес, фауна Новой Гвинеи относится к Австралийской зоогеографической области. Вместе с архипелагом Бисмарка и Соломоновыми островами Новая Гвинея составляет в ней Папуасскую подобласть.

⁷ Миклухо-Маклай здесь несколько преувеличивает. В 1870-х годах и помимо Новой Гвинеи было немало стран, где можно было делать находки новых органических форм. Достаточно указать на Центральную Африку, где в 1901 г. был открыт совершенно неведомый дотоле вид млекопитающего — лесной жираф окапи, а в 1914 г. — эндемический вид и род павлина *Afropavo*. Но Миклухо-Маклай прав в том отношении, что в его время Новая Гвинея была действительно наименее исследованной страной мира. Мало посвящая времени сбору зоологических и ботанических коллекций, буквально между делом, Миклухо-Маклай вывез из Новой Гвинеи несколько новых видов растений, моллюсков и млекопитающих, описанных частично им, частично другими учеными.

⁸ Лемурия — материк, якобы существовавший на месте значительной части Индийского океана, от юго-восточной Африки и Мадагаскара до нынешних Зонд-

ских островов. Гипотезу об этом «затонувшем материке» впервые высказал в 1840-х годах французский исследователь Ж. И. Сент-Илер. Более подробно ее обосновал в середине прошлого века английский зоолог Ф. Склэтер, который назвал этот гипотетический материк Лемурией (по роду полуобезьян, распространенному на Мадагаскаре). В 1860—1870-х годах гипотезу о Лемурии разделяли такие выдающиеся ученые, как Т. Гексли (Хаксли), Р. Вирхов и Э. Геккель, которые полагали, что именно здесь находилась прародина человечества. Современные исследования дна Индийского океана фактически опровергли эту гипотезу. По мнению советского океанолога О. К. Леонтьева, «о «затонувшем материке» Лемурия с точки зрения морской геофизики и геоморфологии говорить не приходится»; еще менее вероятно возможность «погружения крупной территории к югу от Индии в историческое время» (Леонтьев О. К. Послесловие // Кондратов А. Адрес — Лемурия? Л., 1978. С. 132). Миклухо-Маклай, по-видимому, довольно скептически относился к гипотезе об этом, как он выразился, «проблематическом материке» и во всяком случае не возвращался к ней в своих последующих работах.

⁹ Об альфуру (алифуру) см. прим. 38 ко «Второму путешествию в Новую Гвинею в 1874 г.» в т. 1 наст. изд.

¹⁰ Н. Н. Миклухо-Маклай совершенно прав: по всей совокупности биологических признаков папуасы объединяются с австралийцами, а не с полинезийцами. Если расположить группы, упоминаемые в статье, в порядке убывания их сходства с австралоидной расой и возрастания близости к монголоидной расе, то образуется такая последовательность: 1) австралийцы — «чистые» австралоиды без всяких следов инорасовой примеси; 2) папуасы — австралоиды, в составе которых монголоидная примесь если и имеется, то ничтожно мала; 3) «альфуры» — население внутренних районов Молуккских островов и Сулавеси, возникшее главным образом в результате метисации монголоидов и австралоидов с преобладанием последних; 4) полинезийцы, весьма нейтральные в расово-систематическом плане и, судя по всему, также представляющие собой метисную монголоидно-австралоидную группу, но без преобладания черт какой-либо из обеих родительских рас; 5) малайцы — представители монголоидного расового ствола, которые, подобно другим южно-монголоидным популяциям, обнаруживают по сравнению с монголоидами более северных территорий небольшой сдвиг в сторону австралоидной расы.

Берег Маклая

Антропологические заметки
о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее

Печатается по: *Anthropologische Bemerkungen über die Papuas der Malay-Küste in Neu-Guinea* // NTNI. 1873. D. 33. Bl. 225—250.

Об истории работы над этой статьей и причинах публикации ее и некоторых других работ на немецком языке в голландском журнале в Бата-

вии см. в письме Миклухо-Маклая в РГО от 22 ноября 1874 г. в т. 5 наст. изд.

Впервые в переводе на русский язык: Природа. 1874. Кн. 2. С. 67—76, с сокращениями. Полностью, с отдельными неточностями и неоговоренными вставками: Изд. 1923 г. С. 324—348. Отсюда, с устранением опечаток и небольшой правкой: Изд. 1940 г. С. 207—220; с некоторыми уточнениями: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 23—47.

Д. Н. Анучин, выполнивший сокращенный и полный переводы этой статьи, снабдил первую из этих публикаций примечанием, в котором, в частности, говорилось: «Заключая в себе многие любопытные наблюдения над физическим складом и особенностями одного из первобытных племен, она представляет большой интерес в антропологическом отношении, тем более, что раса папуасов принадлежит к числу наименее изученных, а занимаемая ими страна почти еще совершенно не исследована» (Природа. 1874. Кн. 2. С. 67).

В АГО (Ф. 6. Оп. 1. № 92) хранится том, в который вpletены работы Миклухо-Маклая на западноевропейских языках, касающиеся Новой Гвинеи. Листы с печатным текстом перемежаются в нем с листами писчей бумаги, на которые автор вносил многочисленные уточнения и добавления. Эти рукописные авторские добавления (РАД) сделаны на языке соответствующей статьи, главным образом на немецком, но встречаются отдельные русские слова и фразы. Многие РАД появились во время второго пребывания на Берегу Маклая (1876—1877 гг.), когда ученый получил возможность уточнить и дополнить наблюдения, сделанные в 1871—1872 гг.

Первым обратил внимание на РАД Д. Н. Анучин. Многие из них он включил в основной текст перевода без всяких оговорок. Составители СС при сверке перевода выявили эти добавления, но не смогли установить их источник. Повсеместно заключив эти слова и фразы в угловые скобки, они заявили, что это дополнения, внесенные Д. Н. Анучиным «на основании не дошедших до нас пометок Н. Н. Миклухо-Маклая» (СС. Т. 3. Ч. 1. С. 25). В настоящем издании все РАД даны в редакционных примечаниях, публикуемых в конце соответствующего текста, причем исправлены неточности, допущенные при их воспроизведении Д. Н. Анучиным, и добавлены те, которые не были включены им в перевод.

Примечания 5, 6, 8, 9, 12, 14, 15 сделаны А. Г. Козинцевым. Остальные примечания и введение подготовлены Д. Д. Тумаркиным.

¹ О К. Э. Бэре см. прим. 149 к «Первому пребыванию» в т. 1 наст. изд. Полные выходные данные его труда см. в авторском примечании на с. 16—17 наст. тома.

² О Дампире см. прим. 5 к «Чтениям» в т. 2, о Дюмон-Дюрвиле — прим. 5 к «Первому пребыванию» в т. 1 наст. изд.

³ О языковой ситуации на Берегу Маклая см. прим. 1 к тексту «Список некоторых слов и образов речи, собранных на Берегу Маклая в 1876—1877 гг.» в наст. томе.

⁴ Миклухо-Маклай посетил о. Ротума и Новую Ирландию в августе—сентябре 1871 г. во время плавания на корвете «Витязь» к берегам Новой Гвинеи, а султанат Тидоре — в феврале 1873 г. на клипере «Изумруд», на котором ученый покинул Берег Маклая.

⁵ Цвет кожи островитян Меланезии отличается значительной изменчивостью, которая частично отражает историю заселения островов. Основные различия наблюдаются не между папуасами и австронезийцами, а между носителями разных языков австронезийской семьи. Так, на некоторых маленьких островах Восточной Меланезии, где распространены полинезийские языки (например, на атолле Онтонг-Джава), и в переходной меланезийско-полинезийской зоне (например, на архипелаге Фиджи) цвет кожи в среднем светлее, чем у жителей более западных островов с меланезийским населением (Новая Ирландия, северное побережье Новой Гвинеи), однако меланезийцы юго-восточного побережья Новой Гвинеи также имеют довольно светлую кожу.

Для папуасов в общем характерна темная пигментация. Однако в отдельных районах, например в некоторых горных местностях Новой Гвинеи, встречаются сравнительно светлопигментированные индивидуумы (наблюдения Н. Н. Миклухо-Маклая подтвердились последующими исследованиями). Чем вызвано это посветление — сказать трудно. Древняя инорасовая примесь в этих труднодоступных районах едва ли вероятна. Среди возможных причин следует назвать адаптацию к горным условиям, а также случайные процессы, происходящие в изолированных коллективах («генный дрейф»).

⁶ Потемнение кожи с возрастом наблюдается, вероятно, во всех экваториальных расах. Однако если у африканских детей этот процесс заканчивается в течение первого года жизни, то у меланезийских растягивается на несколько лет. См.: *Рогинский Я. Я.* К вопросу о возрастных изменениях расовых признаков у человека // Труды Института этнографии. 1960. Т. 50. С. 3—4.

⁷ Дж. У. Эрл, правильное Ирл (годы жизни неизв.) — английский путешественник и колониальный служащий, автор нескольких книг об Австралии и странах Юго-Восточной Азии.

⁸ Предпринятое Д. Хрди количественное морфологическое изучение волос представителей разных рас выявило существенные различия даже между курчавоволосыми популяциями. В частности, папуасы по ряду показателей отличаются от африканских негров: кривизна их волос значительно меньше, изгиб менее равномерен (*Hrdy D. Quantitative Hair Form Variation in Seven Populations // American Journal of Physical Anthropology. 1973. Vol. 39. N 1. P. 7—17*). К этому нужно добавить, что у меланезийских детей волосы становятся курчавыми гораздо позже, чем у африканских (*Рогинский Я. Я.* К вопросу... С. 5). Вероятно, внешнее сходство скрывает генетические различия и, следовательно, может рассматриваться как результат конвергентно возникшей адаптации к тропическому климату. Исследование Д. Хрди выявило неоднородность и в пределах Меланезии: меланезийцы о. Малаита оказа-

лись значительно менее курчавоволосыми, чем папуасы о. Бугенвиль, что следует приписать полинезийской примеси.

⁹ В середине XX в. обследование группы капкауку в горном районе Новой Гвинеи выявило лишь 2 % мужчин и 3 % женщин старше 45 лет (*Couvée L. M. Marriage, Obstetrics and Infant Mortality among the Kapauku in the Central Highlands, West New Guinea // Tropical and Geographical Medicine. 1962. Vol. 14. N 4. P. 325—333*).

¹⁰ Об А. Р. Уоллесе и его концепции «большого папуасского носа» см. прим. 13 к тексту «Острова Адмиралтейства» и авторское примечание на с. 122—123 в т. 2 наст. изд.

¹¹ Об Ахмате см. прим. 7 к тексту «Бейтензорг — Амбоина» в т. 1 наст. изд.

¹² Замечание Миклухо-Маклая о том, что папуасские дети более схожи с африканскими неграми, чем взрослые мужчины, на первый взгляд противоречит тому, что экваториальные черты в строении кожи и волос у австралоидов формируются в значительно более позднем возрасте, чем у африканцев (см. прим. 6 и 8 к этой статье). Однако следует учесть, что различия между обеими тропическими расами в лицевой морфологии с возрастом, по-видимому, не ослабевают, а скорее усиливаются. Все это в целом подтверждает сделанный на основании многочисленных генетических данных вывод о конвергентном возникновении сходства между этими расами.

¹³ *Sa-zugir* (бонг.) — украшение из собачьих клыков.

¹⁴ О. М. Павловский, обследовавший папуасов Берега Маклая в 1971 г. по современной антропометрической методике, полностью подтвердил наблюдения Миклухо-Маклая. Им отмечено, в частности, что папуасы принадлежат к мезоморфному типу с хорошо развитой мускулатурой и цилиндрической грудной клеткой. Крайние типы телосложения — астенический и пикнический — отсутствуют, однако нередко наблюдается выпуклый живот, что следует считать типичным для групп с углеводной диетой. У мужчин сильно выражен поясничный изгиб (лордоз) позвоночника. См.: *Павловский О. М. Бонгуанцы (антропологический очерк) // На Берегу Маклая. С. 61—86*.

¹⁵ Сходная особенность в строении груди отмечалась исследователями и у представительниц африканских рас, в частности у бушменов.

¹⁶ Перемежающейся лихорадкой во времена Миклухо-Маклая называли малярию.

Череп и носы папуасов Новой Гвинеи

Печатается по: Schädel und Nasen der Eingeborenen Neu-Guinea's // *Verh. BGAEU. 1873. Bd. 5. S. 188—189*. Это сообщение Миклухо-Маклая было представлено Р. Вирховым на заседании Берлинского общества антропологии, этнологии и первобытной истории, состоявшемся 6 декабря 1873 г., и соответственно опубликовано в его протоколах.

Впервые в переводе на русский язык: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 47—49, с отдельными неточностями.

Примечания подготовлены Д. Д. Тумаркиным.

¹ 15 марта 1873 г. на заседании Берлинского общества антропологии, этнологии и первобытной истории Р. Вирхов выступил с докладом «О черепах с Новой Гвинеи». В докладе речь шла о собрании черепов, привезенных немецким путешественником и исследователем А. Б. Мейером, в том числе о двух черепах, которые он получил у офицеров корвета «Витязь», доставившего Миклухо-Маклая на Новую Гвинею. В связи с этим Вирхов подчеркнул огромное значение антропологического изучения папуасов как расы, находящейся, по его мнению, на низшей ступени развития человечества и как бы представляющей начало этого процесса. Вирхов указал на существенные различия между папуасскими черепами и черепами негритосов Филиппин и Малакки (Verh. BGAEU, 1873. Bd. 5. S. 65—73).

² Миклухо-Маклай благодарит за присылку статьи Вирхова о филиппинских черепах, помещенной в кн.: *Jagor F. Reisen in den Philippinen*. Berlin, 1873.

³ При обсуждении сообщения Миклухо-Маклая выступили Р. Вирхов и А. Бастиан. Первый отметил, что при археологических раскопках часто находят нижнюю челюсть отделенной от черепа. По мнению Вирхова, обычай бережно хранить нижнюю часть черепа, возможно, связан с тем, что именно эта часть черепа способна наиболее долго сохраняться. Бастиан сообщил, что в «фетишистских религиях» жрецы используют нижнюю челюсть в качестве магического лечебного средства (Verh. BGAEU. 1873. Bd. 5. S. 189—190). Как установили последующие исследователи, бережное сохранение папуасами нижней челюсти связано с культом предков и представлениями о том, что именно в ней сосредоточена таинственная сверхъестественная сила (*мана*).

Брахицефалия папуасов Новой Гвинеи

Печатается по: *Die Brachycephalie der Papuas in Neu-Guinea* // Verh. BGAEU. 1874. Bd. 6. S. 177—178. Это сообщение Миклухо-Маклая было доложено Р. Вирховым на заседании Берлинского общества антропологии, этнологии и первобытной истории, состоявшемся 17 октября 1874 г., и соответственно опубликовано в его протоколах.

Впервые в переводе на русский язык: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 49—50, с отдельными неточностями и пропуском целого абзаца («Спасибо за присланные протоколы ~ являются долихоцефалами»).

Примечания подготовлены Д. Д. Тумаркиным.

¹ Об этом докладе Р. Вирхова см. прим. 1 к сообщению «Череп и носы туземцев Новой Гвинеи» в наст. томе.

² Имеется в виду кн.: *Baer K. E. von. Ueber Papuas und Alfuren* // *Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg. Sixième Série. Sciences Naturelles*. 1859. Т. 8.

³ Письмо К. Э. Бэра Миклухо-Маклаю, написанное в сентябре 1870 г., обнаружить не удалось.

⁴ Комментируя доложенное им сообщение Миклухо-Маклая, Р. Вирхов коснулся своих разногласий с русским ученым. Он подчеркнул, что эта проблема нуждается в дальнейших исследованиях, что данные только о головных указателях не могут решить вопрос о соотношении между негритосами Филиппин и папуасами. Нужны сравнительные данные о лице и строении туловища (Verhi. BGAEU. 1874. Bd. 6. S. 178).

О брахицефалии у папуасов Новой Гвинеи

Печатается по: Ueber Brachycephalität bei den Papuas von Neu-Guinea // NTNI. 1874. D. 34. Afl. 4. Bl. 345—347.

Перевод на английский язык: Journal of Eastern Asia. 1875. Vol. 1. N 1. P. 101—103. В первых двух абзацах перевода, хотя и сделанного, как сказано, под наблюдением автора (с. 103), встречаются ошибки, искажающие содержание статьи. Вместе с тем добавлен абзац в конце статьи.

Впервые в переводе на русский язык: Изд. 1923 г. С. 416—417, с пропуском авторского примечания. Отсюда: Изд. 1940. С. 258; СС. Т. 3. Ч. 1. С. 51—52.

В АГО (Ф. 6. Оп. 1 № 92) хранится оттиск этой статьи с рукописными авторскими добавлениями (см. с. 383 наст. тома). Эти РАД учтены в нашем издании.

Примечания 3 и 4 (част.) подготовлены А. Н. Анфертьевым, 1, 2 и 4 (част.) — Д. Д. Тумаркиным.

¹ Миклухо-Маклай цитирует свое сообщение «Брахицефалия папуасов Новой Гвинеи», публикуемое в наст. томе. Однако там оно датировано 23 февраля 1873 г.

² См. об этом подробнее статьи «Моя вторая экскурсия на Новую Гвинею (1874 г.)» и «Научные результаты экспедиции на Берег Папуа-Ковиай», публикуемые в наст. томе.

³ Согласно редакторскому примечанию в английском переводе статьи (с. 103) граница между брахицефалией и долихоцефалией определяется индексом 80. Однако в те годы предлагались и другие критерии этой границы. По мнению П. Брока, она составляла 77,7 (*Broca P. Mémoires d'anthropologie*. Т. 1. Paris, 1871. P. 338). Тогда же Ф. Финци указывал без дальнейших комментариев, как если бы она была общепринята, следующую градацию: менее 72 — долихоцефалия, от 72 до 81 — мезоцефалия, более 81 — брахицефалия (*Finzi F. Antropologia et etnologia* // Archivio per l'Antropologia et la Etnologia. 1871. Vol. 1. Fasc. 1. P. 8).

⁴ В английском переводе статьи добавлено (с. 103): «В заключение скажу, что эти числа представляются мне тем более важными, что один из самых выдающихся этнологов, проф. Вирхов, так же как и другие наблюдатели, предлагает разграничивать негритосов Филиппин и папуасов как разные расы».

О современных научных представлениях о значении головного указателя в расоводиагностических исследованиях см. прим. 4 к статье «Антропологические заметки о туземцах группы Агомес» в наст. томе.

В конце английского перевода дважды употреблен термин «раса» (race), тогда как в немецкой публикации статья завершается словами «человеческих племен» (Menschenstämme). Это расхождение объясняется тем, что Миклухо-Маклай употреблял термин «племя» и в значении «раса». Поэтому, начиная с Д. Н. Анучина, переводчики антропологических статей Миклухо-Маклая, написанных на немецком языке, в соответствующем контексте обычно используют термин «раса».

Этнологические заметки о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее

Печатается по: *Ethnologische Bemerkungen ueber die Papuas der Macalay-Küste in Neu-Guinea* // NTNI. 1875. D. 35. Afl. 1. Bl. 66—93; 1876. D. 36. Afl. 3. Bl. 294—333.

Впервые в переводе на русский язык: Изд. 1923 г. С. 349—376, с пропусками и неточностями. Отсюда: Изд. 1940 г. С. 221—256, с небольшой правкой и устранением отдельных пропусков и неточностей; СС. Т. 3. Ч. 1. С. 52—118, с дополнительной правкой и исправлением еще нескольких (но не всех) неточностей.

В первом авторском примечании к статье Миклухо-Маклай сообщает, что писал эти заметки в 1872 г. во время пребывания на Новой Гвинее, но называет их набросками. В письме в РГО от 22 ноября 1874 г. (это и другие письма публикуются в т. 5 наст. изд.) ученый поясняет, что заметки «представляли смесь содержания и языков» и «оставались в примитивном виде» до 1873 г., когда он передиктовал их на немецком языке в Бейтензоре, подвергнув существенной переработке. В этом же письме Миклухо-Маклай называет причины, побудившие его опубликовать данную статью и некоторые другие работы на немецком языке в журнале Королевского общества естествоиспытателей в Нидерландской Индии, выходившем в Батавии. Публикация «Этнол. заметок» задержалась в связи с поездкой ученого в Папуа-Ковиай.

18 сентября 1874 г. на заседании правления упомянутого Общества Миклухо-Маклай был избран его членом-корреспондентом одновременно с выдающимся английским натуралистом А. Р. Уоллесом (NTNI. 1874. D. 34. Afl. 3. Bl. 300). На том же заседании было объявлено, что Миклухо-Маклай предложил Обществу «различные сообщения относительно своих исследований на Новой Гвинее» (Ibid. Bl. 306). Весьма вероятно, что к таковым относились и «Этнол. заметки». Во всяком случае на заседании правления 20 ноября того же года русский ученый присутствовал лично, причем обратился с просьбой о скорейшей публикации данной статьи в журнале (NTNI. 1875. D. 35. Afl. 1. Bl. 94—95). Его просьба была выполнена, и первая часть статьи вышла в том же выпуске журнала, что и решение

о ее публикации. Примечание в конце первой части о желании автора продолжить публикацию «Этнол. заметок», датированное 7 февраля 1875 г. (Йохор-Бару), представляет собой, очевидно, отрывок из его письма президенту Общества П. А. Бергсме. Это примечание, по-видимому, добавлено к статье издателями журнала.

Вторая часть статьи была закончена Миклухо-Маклаем в ноябре 1875 г. по возвращении с Малаккского полуострова, когда он жил в Тампат-Сусе близ Бейтензорга (см. его письма П. А. Бергсме от 16 декабря 1875 г. и секретарю РГО от 31 декабря 1875 — 8 января 1876 г.). В обоих письмах Миклухо-Маклай упоминает о третьей части статьи, диктовку которой приходилось отложить в связи с подготовкой к путешествию по Западной Микронезии и Северной Меланезии, начавшемуся в феврале 1876 г. Эта часть статьи, по-видимому, так и не была завершена автором, во всяком случае не была опубликована.

В АГО (Ф. 6. Оп. 1. № 92) хранится оттиск «Этнол. заметок» с рукописными авторскими добавлениями (см. с. 383 наст. тома). Эти РАД учтены в нашем издании.

Примечания 15, 25 (част.) сделаны А. Н. Анфертьевым, 13, 14, 16, 18, 19 — В. Н. Беликовым, 9, 12 — А. Г. Козинцевым. Остальные примечания написаны Д. Д. Тумаркиным. Введение к примечаниям подготовлено А. Н. Анфертьевым.

¹ О Дж. Кроуфорде см. прим. 2 к тексту «Этнографическая экскурсия в Йохор» в т. 4 наст. изд.

² Об А. Р. Уоллесе см. прим. 13 к тексту «Острова Адмиралтейства» в т. 2 наст. изд.

³ Уильям Джон Маклей (1820—1891) — крупный австралийский фермер-овцевод, политический деятель, покровитель науки на пятом континенте, один из основателей Линнеевского общества Нового Южного Уэльса. Опубликовал более 70 работ по энтомологии, ихтиологии и другим отраслям зоологии. В 1875 г. снарядил за свой счет экспедицию к берегам Новой Гвинеи на судне «Чеверт». Коллекции, завещанные им Университету Сиднея, положили начало Музею Уильяма Маклея при этом университете, существующему поныне. Маклей покровительствовал Миклухо-Маклаю, когда тот в 1878 г. прибыл в Австралию, и написал вместе с ним большую работу «Plagiostomata of the Pacific» (в трех частях), публиковавшуюся в Proc. LNSNSW (1879. Vol. 3. P. 318—334; 1884. Vol. 8. P. 426—431; 1886. Vol. 10. P. 673—678).

⁴ Табиры не изготовлялись в Бонгу и соседних деревнях. В рамках многоступенчатых межобщинных обменов крупные табиры поступали сюда из горных селений, а овальные — с о-вов Сиаси, куда, по некоторым сведениям, они доставлялись с о-вов Тами. См.: Тумаркин Д. Д. Хозяйство папуасов бонгу // На Берегу Маклая. С. 106.

⁵ Явная ошибка. *Gigir* — собачий клык.

⁶ О *буамбрамре* (буамрамре) см. прим. 52 к «Первому пребыванию» в т. 1 наст. изд.

⁷ О поземельных отношениях в Бонгу и окрестных деревнях см. прим. 104 к «Первому пребыванию» в т. 1 наст. изд.

⁸ См. об этом дневниковую запись от 14 декабря 1871 г. (т. 1, с. 134—135 наст. изд.).

⁹ Поразительная нечувствительность папуасов к боли привлекала внимание и последующих исследователей. По мнению Д. Гайдусека, в этом состоит одно из наиболее заметных психофизиологических различий между папуасами и полинезийцами (*Gajdusek D. C. Physiological and Psychological Characteristics of Stone Age Man // Engineering and Science. 1970. Vol. 33. N 6. P. 26—52*).

¹⁰ Эта рукопись была опубликована в 1883 г., т. е. через семь лет после публикации второй части «Этнол. заметок». См. «Диалекты папуасов Берега Маклая на Новой Гвинее» в наст. томе.

¹¹ Аугуст Шлейхер (1821—1868) — профессор языкознания в Праге, а потом в Йене, иностранный член-корреспондент Петербургской Академии наук. Относил языкознание к естественным наукам, считая язык таким же организмом, каким, например, является растение или животное, и под влиянием другого йенского профессора — Э. Геккеля стремился перенести в науку о языке тогда только что народившуюся теорию происхождения видов Ч. Дарвина.

¹² До настоящего времени в нашем распоряжении нет достоверных фактов, свидетельствующих о том, что фонетические различия между разными человеческими языками связаны с расовыми особенностями в строении речевого аппарата. Даже в случаях исключительной выраженности этнического своеобразия фонации (например, у тувинцев, обладающих способностью к двухголосному пению) никаких врожденных морфологических предпосылок такого своеобразия зафиксировать не удается. Вопрос этот, впрочем, исследован еще недостаточно.

¹³ Различия в способностях к восприятию и воспроизведению смысловых различительных звуков неродного языка действительно существуют, но они обусловлены не физиологией или же анатомией органов слуха и речевого аппарата, а стереотипами восприятия и произнесения, вырабатывающимися под воздействием звуковой системы родного языка. Слушающий «подгоняет» звуки незнакомого ему языка под звуки родного или другого известного ему языка. Соотношение звуковых систем двух языков может быть таково, что «подгонка» допускает возможность колебаний (ср. восприятие русскими английского межзубного [θ] то как *ф*, то как *с*, то как *т*).

¹⁴ Все четыре указанных здесь источника ошибок в восприятии звукового облика слов действительно оказывают влияние на качество материала, собираемого лицами, не имеющими профессиональной подготовки. Заметим, впрочем, что уже во времена Миклухо-Маклая профессионалы-лингвисты при письменной фиксации языка пользовались фонетической транскрипцией, а не каким-либо алфавитом (тем более не руководствовались орфографическими нормами родного языка, как поступал Маклай, регулярно ставя *в* в конце слов после согласных).

¹⁵ Звуки, соответствующие русскому подударному [и], существуют по крайней мере еще в польском и румынском языках.

¹⁶ Возможно, имеется в виду запрет на употребление слов, присутствовавших в именах умерших «больших людей» (*тамо боро*), пользовавшихся авторитетом благодаря своему воинскому искусству, успехам в хозяйственной деятельности или знанию магического ритуала.

¹⁷ Советские этнографы, посетившие Берег Маклая в 1971 г., т. е. через сто лет после первого появления там Миклухо-Маклая, обнаружили в языке бонгу несколько фонетически измененных русских слов. См.: *Тумаркин Д. Д.* По следам «тамо русс» (советские ученые в Бонгу) // На Берегу Маклая. С. 41.

¹⁸ Ряд языков района залива Астролябия (т. е. Берега Маклая) относится к австронезийской (малайско-полинезийской) семье (см. прим. 1 к «Списку некоторых слов и образцов речи, собранных на Берегу Маклая» в наст. томе), и вполне естественно, что большая часть их лексики (а не «ряд слов») находит параллели в других языках этой семьи. Отдельные австронезийские заимствования проникли также в папуасские языки.

¹⁹ Миклухо-Маклай заблуждается, оказавшись в плену у широко распространенного среди непрофессионалов предубеждения о существовании так наз. «примитивных» языков. В действительности за пределами специальной терминологии все языки обладают равными возможностями для описания окружающей действительности и, стало быть, примерно равным словарем. Количество и степень детализации специальных терминологических систем зависят от степени развития соответствующих культурных областей; например, у австронезийских народов рассматриваемого региона большее развитие получила мореходная лексика, у папуасских — сельскохозяйственная. Объем словаря любого языка составляет десятки тысяч слов.

²⁰ В обоих центрах гончарства на Берегу Маклая — на о. Били-Били (Билбил) и о. Ямбомба (Ябоб) — горшки обычно украшали несложным орнаментом. Гончарство здесь считалось женским занятием, но и в нем в какой-то мере проявлялось половое разделение труда: мужчины доставляли на эти островки гончарную глину с «материка», т. е. с побережья Новой Гвинеи; они же вели меновую торговлю готовыми горшками по всему Берегу Маклая. И хотя специальные указания по этому вопросу в литературе отсутствуют, можно предположить, что и орнаментацией горшков, нередко имевшей магический характер, занимались мужчины или по крайней мере в ней участвовали. О гончарстве на Берегу Маклая см.: *Кожин П. М., Иванова Л. А.* Океанийская керамика в собраниях МАЭ // Сб. МАЭ. Т. 30. 1974. С. 112—127; *Бутинов Н. А.* Билбил и Ябоб — центры гончарного производства на Берегу Маклая // На Берегу Маклая. С. 258—268; *May P., Tuckson M.* The Traditional Pottery of Papua New Guinea. Sydney, 1982. P. 166—175.

²¹ См. прим. 48 к тексту «Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева» в т. 1 наст. изд.

²² Действительно, *корвар* — скульптура (преимущественно из дерева), изображающая предка. Дорэ — селение на северо-западном берегу Новой Гвинеи, которое часто посещали во второй половине XIX в. европейские путешественники.

²³ Такой труд Миклухо-Маклаю написать не удалось.

²⁴ *Телумы* (правильнее *схулумы*) непосредственно связаны с культом умерших (предков), иногда — тотемических предков.

²⁵ Правильно *илоль-ай*. На с. 83 наст. тома опубликована страница из записной книжки Миклухо-Маклая, где дано правильное написание. При этом сообщается, что «илоль» — название бутылочной тыквы *Lagenaria* (точнее *Cucurbita lagenaria* L.). Как в статье, так и в надписи на рисунке сказано, что инструмент изготовляется из корня этого растения. В действительности же это выдолбленный и высушенный плод тыквы, снабженный отверстиями с обоих концов. В словаре А. Ханке *Cucurbita lagenaria* называется *ilól* (*Hanke A. Grammatik und Vocabularium der Bongu-Sprache. Berlin, 1909. S. 170*). Там же упоминаются музыкальные инструменты из бутылочной тыквы (с. 121), но названия *ilól-ai* Ханке не приводит. Источник ошибки в немецком тексте состоял, очевидно, в том, что наборщик неправильно прочел рукописное *Ilol-ai*. Через десять лет, в 1886 г., в статье на английском языке «Список растений, используемых туземцами Берега Маклая на Новой Гвинее» ошибочное написание повторилось (см. наст. том, с. 105). В этом случае ошибка наборщика практически исключена. Более вероятно другое: автор сам забыл правильное название и использовал взятое из печатного текста немецкой статьи. Ту же неточность Миклухо-Маклай допустил в «Конспектах лекций в Петербурге в ноябре—декабре 1886 г.» (наст. том, с. 347). Советские ученые, посетившие Берег Маклая в 1971 г., установили правильное название этого музыкального инструмента — *илоль-ай* (см.: *Путилов Б. Н. Песенно-музыкальный фольклор бонгуанцев // На Берегу Маклая. С. 232; Глоссарий // Там же. С. 305*).

Следует отметить, что в «Словаре наречий папуасов Берега Маклая в заливе Астролаб» (наст. том, с. 137) слово *илоль* обозначает одну из разновидностей ямса. Это не ошибка, ибо такое же значение для слова *ilol* приводит Ханке (*Hanke A. Grammatik. S. 122.*). В своих «Этнол. заметках» Миклухо-Маклай упоминает еще одно значение слова *илоль* (на сей раз у обитателей горных деревень): кусок очень сухого дерева, служащий для добывания огня (наст. том, с. 51). Трудно сказать, связаны ли эти три слова этимологически друг с другом.

²⁶ О музыкальных инструментах и песнях папуасов Берега Маклая см. подробнее: *Путилов Б. Н. Песенно-музыкальный фольклор бонгуанцев // На Берегу Маклая. С. 227—257*.

²⁷ *Пинанг* — плод арековой пальмы (мал.), *сири* — бетель (мал.).

²⁸ Как уже было упомянуто во введении к примечаниям к этой статье, продолжения не последовало.

Следы искусства у папуасов Берега Маклая на Новой Гвинее (1871—1872 гг.)

Впервые опубликовано на французском языке: *N. de Miklucho-Maclay. Vestiges de l'art chez les papouas de la Côte Maclay en Nouvelle Guinée // Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris. 1878. Sér. 3. T. 1. P. 524—531*. Черновик статьи, написанный Миклухо-Маклаем по-французски черными чернилами на больших листах синей бумаги с незначительными поправками, хранится в АГО (Ф. 6. Оп. 1. № 52. Л. 2—4). Публикация отличается

от черновика небольшой стилистической правкой, несущественной при переводе на русский язык. Последняя фраза черновика, отсутствующая во французском журнале, приводится нами в примечаниях.

Впервые в переводе на русский язык: Искусство. 1883. № 50. С. 621—623. Повторно: Изд. 1941 г., с пропусками и смысловыми неточностями, с воспроизведением 8 из 14 рисунков. Отсюда: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 119—125, с воспроизведением 10 рисунков.

Примечания подготовлены Д. Д. Тумаркиным.

¹ См. раздел: «Искусство» в статье «Этнол. заметки» в наст. томе.

² В Изд. 1941 г. и СС опущены далее фразы: «Такое ~ женщиной».

³ В Изд. 1941 г. и СС опущена далее фраза: «Вот ~ мужчины». Эта и предыдущая купюры были сделаны, по-видимому, не случайно, ибо едва ли можно согласиться с мнением об исключительной роли мужчин в сфере искусства. См. также прим. 20 к статье «Этнол. заметки» в наст. томе.

⁴ Черновик завершается фразой, отсутствующей во французском журнале и других публикациях: «Рисунки на вкладке являются точными воспроизведениями в натуральную величину орнаментов папуасов Берега Маклая».

Об употреблении напитка «кеу» папуасами в Новой Гвинее

Печатается по: Изв. РГО. 1874. Т. 10. Вып. 2. Отд. 2. С. 83—86. Отсюда: Изд. 1940 г. С. 263—264, со стилистической правкой; СС. Т. 3. Ч. 1. С. 125—128, с устранением почти всей правки.

В бумагах А. Петерманна, хранящихся в архиве картографического предприятия Херманн Хаак в г. Гота (ФРГ), находится рукопись перевода этой статьи на немецкий язык, сделанная, очевидно, в Петербурге и присланная, как и перевод «Краткого сообщения о моем пребывании на восточном берегу о. Новой Гвинеи в 1871 и 1872 гг.», для публикации в журнале «*Petermann's Mittheilungen*» (см. об этом т. 1 наст. изд., с. 450—451). Однако обе эти статьи не были там напечатаны.

Между русским и немецким текстами статьи нет сколько-нибудь существенных расхождений. Одно значимое добавление в немецкой рукописи учтено в примечании, сделанном А. Н. Анфертьевым.

¹ В немецкой рукописи далее: «и сок, содержащийся в шаре».

Список растений, используемых туземцами
Берега Маклая на Новой Гвинее

Печатается по: List of Plants in the Use by the Natives of the Maclay Coast, New Guinea // Proc. LNSNW. 1886. Vol. 10. Pt. 3. P. 346—354. Статья была доложена на заседании Линнеевского общества Нового Южного Уэльса 26 августа 1883 г.

Впервые в переводе на русский язык: Изд. 1940 г. С. 267—272, с пропусками и неточностями. Отсюда: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 129—137, с небольшой правкой и устранением части пропусков и неточностей.

Статья Миклухо-Маклая в австралийском журнале имела приложение: *Mueller F. von. Edible Fruits from the Maclay Coast, New Guinea* // Ibid. Appendix. P. 10—13. Как и при предыдущих публикациях этой статьи на русском языке, приложение не воспроизводится, так как имеет узкоспециальный ботанический характер.

Примечания сделаны Д. Д. Тумаркиным.

¹ Об О. Беккари см. прим. 16 к тексту «Бейтензорг — Амбоина» в т. 1 наст. изд.

² Фердинанд Якоб Хайнрих Мюллер (1825—1896) — австралийский ботаник и путешественник, немец по происхождению. Один из крупнейших знатоков австралийской флоры в XIX в., изучавший также флору Новой Гвинеи. В 1857—1873 гг. был директором ботанического сада в Мельбурне.

³ Об У. Дж. Лоозе см. прим. 6 ко «Второму посещению южного берега Новой Гвинеи» в т. 2 наст. изд.

⁴ Письмо Р. Эвервейна по этому вопросу, датированное 15 декабря 1873 г., находится в АГО (Ф. 6. Оп. 1. № 92. Л. 69—70).

⁵ См. «Третье посещение Берега Маклая в 1883 г.» в т. 2 наст. изд.

Заметка о «кеу» Берега Маклая на Новой Гвинее

Печатается по: Note on the «keu» of the Maclay Coast, New Guinea // Proc. LNSNW. 1886. Vol. 10. Pt. 4. P. 687—695. Доложена 28 октября 1885 г.

Впервые в переводе на русский язык: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 137—145, с большими неточностями.

Примечание 5 сделано Е. А. Барышевой, остальные — Д. Д. Тумаркиным.

¹ О Ф. Мюллере см. прим. 2 к статье «Список растений, используемых туземцами Берега Маклая на Новой Гвинее» в наст. томе.

² Уильям Маринер (?—1860) — юнга с английского корабля, который попал в плен к островитянам Тонга и прожил среди них четыре года (1806—1810), обнаружив при этом большую наблюдательность и сумев хорошо разобраться в особен-

ностях местной культуры. Его рассказ о виденном и пережитом на Тонга записал метеоролог Джон Мартин, и эта книга считается одним из самых ценных и достоверных источников знаний о традиционной тонганской культуре.

³ Джон Элфинстон Эрскин (1805—1887) — английский морской офицер, с 1857 г. — контр-адмирал, с 1864 г. — вице-адмирал. В 1849—1850 гг. совершил плавание по островам Океании, описанное в его книге, на которую ссылается Миклухо-Маклай. В 1864—1874 гг. был членом английского парламента, где выступал в защиту островитян Южных морей.

⁴ Хенри Ноттидж Моузли (1844—1891) — английский путешественник, натуралист. В 1872—1876 гг. участвовал в кругосветной экспедиции на «Челленджере», в ходе которой посетил острова Океании. По возвращении из экспедиции стал профессором Оксфордского университета.

⁵ Джордж Браун (1835—1917) — английский методистский миссионер, медик по образованию, прошедший много лет на Самоа, Новой Британии и Соломоновых о-вах, руководивший Веслеянским методистским миссионерским обществом в Австралии. Опубликовал несколько работ по антропологии и этнографии в английских и австралийских научных изданиях. См. его автобиографию: *Brown J. Pioneer Missionary and Explorer: an Autobiography*. London, 1908.

Еще о некоторых этнологически важных обычаях папуасов Берега Маклая в Новой Гвинее

Печатается по: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 29. Л. 1—3. Рукопись на трех листах белой бумаги большого формата типа кальки, чернила порыжели.

Впервые: Изв. РГО. 1874. Т. 10. № 4. Отд. 2. С. 147—149, с небольшой стилистической правкой. Отсюда: Изд. 1940 г., с небольшими пропусками и дополнительной правкой; СС. Т. 3. Ч. 1. С. 146—148, с устранением пропусков и части правки.

Примечания подготовлены Д. Д. Тумаркиным.

¹ О Карле Максимовиче (Карле-Эрнесте) фон Бэре см. прим. 149 к «Первому пребыванию» в т. 1 наст. изд.

² См. об этом так же в «Антропологических заметках о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее» (с. 26—27 наст. тома).

Деревни папуасов береговых в заливе Астралабии

Печатается по: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 12. Л. 21—25 об. Запись в ЗК с надписью «Ethnologia» на переплете.

Впервые: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 151—155, с небольшой правкой.

Примечание подготовлено Д. Д. Тумаркиным.

¹ См. об этом также разделы «О селениях и жилищах» и «Внутренность хижин» в «Этнол. заметках» в наст. томе.

⟨Заметки по этнологии Берега Маклая⟩

I, III, V—X печатаются по: АИЭ (М). Записная книжка № 4. Л. 4 об., 7 об. — 8, 11, 16, 21, 43 об. — 49 об., 69, 73 об., 86, 88. Описание этой записной книжки (ЗК 1876—1877) см. на с. 514—515 т. 2 наст. изд.

II печатается по: Изд. 1923 г. С. 412. Рукопись не найдена.

IV печатается по: ПО ААН. Ф. 143. Оп. 2. № 23. Л. 9а.

II впервые: Изд. 1923 г. С. 412. Отсюда: Изд. 1940 г. С. 257; СС. Т. 3. Ч. 1. С. 156, с мелкими поправками.

Х впервые: Изд. 1923 г. С. 499—505, в составе дневника второго пребывания на Берегу Маклая, с многочисленными поправками и без перечисления названий муна. Отсюда: Изд. 1940 г. С. 168—171; СС. Т. 2. С. 329—333.

I, III—IX впервые: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 148—150, 156—159.

Примечания 6—8, 10—13 составлены Б. Н. Путиловым, 9, 14 — Д. Д. Тумаркиным.

¹ Как установили советские этнографы, посетившие Бонгу в 1971 и 1977 гг., каждый «квартал» населяет особый клан (*вемуну*). Были получены также данные о наличии субкланов, о динамике местной социальной структуры (превращении субкланов в самостоятельные кланы и поглощении вымирающих кланов более многочисленными). Выявлены два клана (Кинальби и Балама), не зафиксированные Миклухо-Маклаем. См.: Тумаркин Д. Д. Новая встреча с Океанией // СЭ. 1977. № 5. С. 77.

² Подсчет сделан неточно. Согласно приведенным по «кварталам» данным, в Бонгу насчитывалось 33 мужчины и 40 женщин.

³ Согласно данным, приведенным в этой заметке, в Бонгу была 41 женщина. Б. — Боро, что означает 'большой, взрослый, глава семьи'. К. — Кавай, что означает 'старый, согбенный'.

⁴ О Дампире см. прим. 5 к «Чтениям» в т. 2 наст. изд.

⁵ См. с. 168—169 т. 2 наст. изд.

⁶ Термин *мун* в настоящих заметках употребляется в двух значениях: как общее название праздника с плясками и как наименование группы непосредственных участников пляски.

⁷ Такая статья, по-видимому, не была написана. Термин *ай* может означать праздник, его участников, музыку и музыкальный инструмент. См. разделы «Музыка и пение» и «Празднества папуасов» в «Этнол. заметках» и раздел «Пляски и маскарады» в «Конспектах лекций в Петербурге в ноябре — декабре 1886 г.» в наст. томе. Там разъясняется большинство местных терминов, встречающихся в этих заметках.

⁸ Далее Миклухо-Маклай называет эти султаны *сангин-оле* и *сангин-омуль*. Сангин-оле (правильнее: *сонген оле*) — ‘наголовник высокий’ (*Hanke A. Grammatik und Vokabularium der Bongu-Sprache. Berlin, 1909. S. 197, 208*). *Омуль* (правильнее: *гомуль*) — ‘райская птица’ (*Ibid. S. 235*).

⁹ О *гикалеле* см. прим. 11 к дневнику «Возвращение из Папуа-Ковий» в т. 1 наст. изд.

¹⁰ В ЗК 1876—1877 (л. 44 об.) имеются два схематических наброска, относящихся к пляскам *Мун-Коромром*. Участники обозначены кружками и точками. На первой схеме крайнюю левую позицию занимают дети. Справа от них — два ряда женщин, еще правее — двойной круг со стрелкой, обозначающей движение против солнца. В центре «несколько стариков с окамами». К кружку, обозначающему ведущего, подпись: «главный танцор с сангин-омуль».

На второй схеме круг танцующих составлен из одного ряда. В центре круга подпись: «старик с окамами», слева: «главный танцор стоит без окама и кивает суаль», справа: «♀♀ так остановились задом к жителям и крутят ж{...}», внизу: «костер».

¹¹ В ЗК 1876—1877 (л. 45) схематический набросок, относящийся к *Мун-Яд*. Слева два ряда с подписью: «вооруженные туземцы», правее два ряда: «♂♂ с луками, стрелами и зеленою», следующие два ряда: «танцоры с сангин-омуль», внизу: «два главных танцора vis-à-vis». Крайние два ряда справа, по-видимому, также составляют вооруженные мужчины.

¹² В ЗК 1876—1877 (л. 46 об.) карандашный рисунок: на голове танцора — бамбуковый убор корзинообразной формы, руки подняты, держат горизонтально палку. Там же (л. 47) рисунок во весь рост: стоящий боком танцор с очень высоким украшением в виде дерева с ветвями. См. этот рисунок на с. 121 наст. тома.

¹³ Здесь имеются в виду какие-то магические действия (*оним*). Возможно, сюда может быть отнесен имеющийся в ЗК 1876—1877 (л. 51) рисунок магического предмета с подписью: «Мандюри. Оним по случаю Марора в Бонгу в дек. 1876». См. этот рисунок на с. 74 наст. тома.

¹⁴ По-видимому, речь идет о бонгуанце по имени Муль, упомянутом в предыдущей фразе. В «Поименном списке глав семей...» (с. 115 наст. тома) значится только Муль.

Словарь наречий папуасов Берега Маклая в заливе Аструлаб в Новой Гвинее

Печатается по: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 22. Л. 38—48.

Рукопись представляет собой самодельную сшитую тетрадку из листов белой бумаги. На обложке, украшенной завитками, кроме названия работы и фамилии автора указано: «Мысок Отшельничества. 1871/72», а в верхних углах даты: 20 сентября 1871 г. и 20 декабря 1872 г. На задней стороне обложки в центре — вензель из инициалов Миклухо-Маклая, над ним даты: 1871—1872, под ним подпись: «Мысок Отшельничества», а по бокам, сверху и снизу вязью изображены названия островов и деревень Берега Маклая. Текст написан выцветшими черными чернилами. Рукопись носит

черновой характер. В ней много вставок, зачеркиваний и других исправлений (иногда карандашом), сделанных самим автором.

Впервые: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 159—168, с многочисленными перестановками внутри разделов и перераспределением слов по разделам. Кроме того, в публикацию было включено много отдельных слов и целый раздел «Числительные» из работы Миклухо-Маклая «Диалекты папуасов Берега Маклая на Новой Гвинее», но опущена большая таблица «Наречия папуасов Берега Маклая».

Как подчеркивал в «Этнол. заметках» сам Миклухо-Маклай, он не был лингвистом и при изучении бонгу и других языков Берега Маклая неизбежно сталкивался с огромными трудностями (см. с. 67—70 наст. тома). Поэтому неудивительно, что в составленных им словарях встречается много ошибок и неточностей. Немецкий миссионер А. Ханке, поселившийся в 1896 г. вблизи от деревни Бонгу и проживший там несколько лет, автор «Грамматики и словаря языка бонгу», в 1909 г. писал, что в языковых материалах Миклухо-Маклая «наряду со многим правильным немало ошибочного, да иначе и быть не могло», но что эти материалы «долгое время служили основой, на которой профессионалы лингвисты строили свои гипотезы о папуасских языках немецкой Новой Гвинее» (*Hanke A. Grammatik und Vokabularium der Bongu-Sprache. Berlin, 1909. S. 3*). Отсылая читателей к книге Ханке, а также к статье Н. А. Бутикова и Н. М. Гиренко «Три языка в деревне Бонгу» в книге «На Берегу Маклая» и к составленному М. В. Крюковым глоссарию (там же), мы отметим в наших примечаниях лишь отдельные ошибки и неточности.

Примечания и введение к ним подготовлены Д. Д. Тумаркиным.

¹ Пример недоразумения, оставшегося незамеченным Миклухо-Маклаем. Бонгуанец, вероятно, сказал: «И багхинар» (Вода течет быстро). Ручей, как и вода, в местном языке *и* (*ии*). Примечательно, что в одной из черновых записей в этой рукописи встречается написание *и барыня* (л. 5 об.).

² В действительности паук — *кубум*, пирога — *эхобунг*.

³ Женщина — *нангли*. Дочь, как и девочка, — *дагхане* (у Миклухо-Маклая — *даг-не*). Слово *дундерла* в словаре Ханке отсутствует.

⁴ Голова — *гате*. *Мамангабар* — лоб.

⁵ Действительно, в языке бонгу и гора, и нос — *мана*.

⁶ *Дабазры* (правильнее *даб-базри*) — ушная раковина.

⁷ *Мине* — живот, *аваль* (*ауаль*) — женская грудь. Грудь (всякая) — *аре*. Это же слово, по данным Ханке, служит для обозначения сердца и печени (последняя считается у бонгуанцев органом чувств). Приводимое ниже для обозначения живота слово *тинам* в словаре Ханке отсутствует.

⁸ Низкая хижина (преимущественно на огороде) — *сана*. О *барле* см. прим. 31 к «Первому пребыванию» в т. 1 наст. изд. Ниже сам Миклухо-Маклай указывает правильное значение слова *барла*.

⁹ О *буарамре* (*буамрамре*) см. прим. 52 к «Первому пребыванию» в т. 1 наст. изд. Большая общественная хижина (мужской дом) — *боджью*.

¹⁰ *Ина* — пространство, покрытое травой унан (*Imperata*). Огород — *вау*.

¹¹ *Ненир* (правильнее *нинир*) — верша.

¹² Имеется в виду корпус лодки-долбленки.

¹³ Речь идет о балансире (*аутригере*), придающем лодке устойчивость на волнах.

¹⁴ Во время своего второго пребывания на Берегу Маклая (1876—1877 гг.) Миклухо-Маклай установил, что «женский пояс стыдливости» (юбочка из луба) называется *най*. См. с. 93 наст. тома.

¹⁵ *Дабю* (правильнее *джабю*) — шейное украшение, состоящее из нанизанных на шнурок зерен разных растений.

¹⁶ *Мунки-ла* (*монги ла*) — пустой кокосовый орех (без мякоти). В дневнике «Первого пребывания» (Т. 1. С. 142, 191), в разделах «Пища папуасов» и «Празднества папуасов» в «Этнол. заметках» (в наст. томе) и в некоторых других работах Миклухо-Маклая неоднократно говорится о кушанье *мунки ля* (*монки-ля*, *монки-ла*) — наскобленной раковиной мякоти кокосового ореха, политой кокосовым молоком. В этом значении данный термин в дневнике Ханке не зафиксирован. *Борле* (правильнее *богхале*) — плохой, дурной.

¹⁷ *Мунки-сурла* (правильнее *монги сунгхела*) — скорлупа (здесь — кокосового ореха).

¹⁸ Яван (яуван) — дерево *Gnetum edule*, плоды и листья которого идут в пищу, а луб используется для плетения.

¹⁹ См. прим. 4 к этому тексту.

²⁰ В словаре Ханке такого слова нет. Возможно, имеется в виду *гхун* — дикорастущая пальма (*Kentia costata*?).

Диалект бонгу на Берегу Маклая в Новой Гвинее (фразеология)

Печатается по: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 22. Л. 19—22.

Рукопись занимает часть черновой тетради. Записи сделаны выцветшими черными чернилами. Почерк не вполне отчетливый. Краткое описание тетради см. во введении к примечаниям к «Словнику языков яп и папау» в наст. томе.

Впервые: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 169—171, с перестановками слов, пропусками и неточностями.

Папуасские диалекты Берега Маклая на Новой Гвинее

Печатается по: Papua-Dialecte der Maclay-Küste in Neu-Guinea (рукопись в отделе редкой книги ВГБИЛ, шифр R/KM-93-M636).

Миклухо-Маклай создавал эту статью осенью 1873 г. в Бейтензорге, о чем свидетельствуют датировки на ее черновых вариантах, написанных

и передиктованных на немецком языке (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 22. Л. 1, 34). В письме секретарю РГО от 9 апреля 1875 г. (см. т. 5 наст. изд.) Миклухо-Маклай спрашивал, напечатана ли акад. Бётлингком его статья «о наречиях папуасов Берега Маклая» в трудах Петербургской Академии наук. Статья не появилась в указанном издании. Лишь извлечение из нее, переведенные на русский язык, были опубликованы в Изв. РГО (1874. Т. 10. Вып. 5. Отд. 2. С. 171—176) под заголовком: «Н. Н. Миклухо-Маклай о языке папуасов». Очевидно, Бётлингк передал рукопись своему немецкому коллеге, известному языковеду Хансу фон дер Габеленцу, и тот через несколько лет опубликовал ее в Лейпциге: *Miklucho-Maclay N. von. Papua-Dialekte der Maclay-Küste von Neu-Guinea // Beiträge zur Kenntnis der Melanesischen, Mikronesischen und Papuanischen Sprachen. Abhandlungen der philologisch-historischen Klasse der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Bd. 8. Leipzig, 1883. S. 191—203.*

Рукопись представляет собой беловую писарскую копию, выполненную черными чернилами на нелинованных листах белой бумаги. Вводный раздел написан по-немецки, но в словарных разделах местные слова даются в двойном написании — латиницей и кириллицей. В ВГБИЛ под тем же шифром хранится также слегка отредактированная копия с несколькими примечаниями, сделанными, очевидно, Габеленцем. Обе рукописи восходят к его личной библиотеке, о чем свидетельствует соответствующий экслибрис на отредактированной копии. Редколлегия нашего издания выражает благодарность сотруднику ВГБИЛ В. А. Москвину, выявившему эти рукописи и предоставившему их ксерокопии.

Эта работа Миклухо-Маклая до сих пор полностью не публиковалась на русском языке. Помимо упомянутых выше извлечений три ее раздела напечатаны в СС (Т. 3. Ч. 1. С. 171—176) с несколькими неточностями. Перевод статьи и введение к примечаниям выполнены А. Н. Анфертьевым.

Примечания сделаны Д. Д. Тумаркиным.

¹ Ханс Конон фон дер Габеленц (1807—1874) — немецкий государственный деятель и специалист в области теоретического и сравнительного языкознания, особенно восточноазиатских, урало-алтайских, североамериканских и океанийских языков. Основательно изучил более 80 языков, многие из которых первым подверг научному описанию и исследованию. В качестве эпиграфа взята цитата из его работы: *Gabelentz H. C. von der. Die melanesischen Sprachen nach ihrem grammatischen Bau und ihrer Verwandtschaft unter sich und dem malaisch-polynesischen Sprachen. Leipzig, 1860.*

² Вводная часть этой статьи в основном соответствует разделу «Заметки об изучении языка и о диалектах Берега Маклая» статьи «Этнол. заметки», а некоторые словарные разделы — статье «Словарь наречий папуасов Берега Маклая...», публикуемой в наст. томе. См. примечания к этим текстам. Нижеследующие примечания касаются некоторых деталей, отсутствующих в указанных текстах.

³ В языке бонгу имеется глухой спирант *b*. См.: Бутинов Н. А., Гиренко Н. М. Три языка в деревне Бонгу // На Берегу Маклая. С. 212—213.

⁴ Редакция «Abhandlungen» (С. 193) дополнила этот список еще семью сопоставлениями:

	<i>Малайско-полинезийские</i>	<i>Папуасские Берега Маклая</i>
Море	vasa	maas
Лодка	vaka	waag, waang
Парус	la, mal, layer	rar, rer, liai
Один	taha, tai	taimon, duain
Два	lua, rua, dua	aru, oru, ali, ael'de
Четыре	fa, wa	pali
Пять	lima, rima	limata

⁵ Первый знак в нашей публикации не употребляется, так как в ней слова языков Берега Маклая даются только в кириллическом написании.

⁶ В черновом варианте статьи в данном разделе имеются три слова, не включенные автором в окончательный вариант: 'день' — *наль*, 'вчера' — *ябом*, 'позавчера' — *алиу* (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 22. Л. 2 об.—3). По данным Ханке, *наль* — не день вообще, а 'базарный день', т. е. день, когда совершается меновая торговля между определенными деревнями; 'утро' (а также 'день', 'светлое время дня') — *малинг*; 'вчера' — правильное *яб*. *Алиу* действительно означает как 'послезавтра', так и 'позавчера'.

⁷ В черновом варианте статьи *бисира* — 'испускать звуки из заднего прохода' (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 22. Л. 5).

⁸ В дневниках, которые Миклухо-Маклай вел во время его первого и второго пребывания на Берегу Маклая, названия некоторых деревень даны в другом написании: не Года-Года, а Гада-Гада, не Бураб-Мана, а Бурам-Мана, не Сантингби-Мана, а Сандингби-Мана. Колила — очевидно, Кунила, Ба — Бай.

⁹ Числительные с 1 по 10, отнесенные здесь к диалекту деревни Энглам-Мана, в аналогичном словнике, входящем в текст «Словарь наречий папуасов Берега Маклая в заливе Астролаб» (в наст. томе), отнесены к диалекту о. Митебог, а *олам* ('один') — к диалекту Энглам-Мана.

Числительные в диалектах Берега Маклая

Печатается по: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 22. Л. 31 об., 33.

Черновая рукопись, написанная выцветшими чернилами на больших листах белой бумаги. Рубрики для диалектов деревень Марагум-Мана и Горима и о. Били-Били остались незаполненными.

Впервые: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 177, с несколькими неточностями, с переводом латиницы на кириллицу.

Список некоторых слов и образцов речи,
собранных на Берегу Маклая в 1876—1877 гг.

Печатается по: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 22. Л. 28—32.

Черновая рукопись, написанная частично выплывшими чернилами, частично карандашом на больших листах белой бумаги, с многочисленными поправками и вставками. Рубрика для диалекта о. Сегу осталась незаполненной.

Первые: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 178—183, с отдельными пропусками и неточностями, с переводом латиницы на кириллицу.

Примечание 1 написано В. И. Беликовым. Остальные примечания подготовлены Д. Д. Тумаркиным.

¹ Новая Гвинея занимает первое место в мире по числу распространенных здесь языков. Большая часть народов, населяющих этот огромный остров, говорит на папуасских языках, которые не образуют генетического единства; под этим названием объединяют около 750 языков Новой Гвинеи и соседних районов Индонезии и Океании. Родственные объединения папуасских языков обычно называют филумами. В прибрежных районах Новой Гвинеи и на прилегающих островах распространены также языки австронезийской (малайско-полинезийской) семьи.

Берег Маклая выделяется своей языковой дробностью даже по новогвинейским меркам. На небольшой территории здесь распространены десятки языков нескольких отдаленно родственных групп трансногвинейского филума, а также относительно близкие между собой языки группы пролива Витязь океанийской ветви австронезийских языков. См. подробнее: Wurm S. A. (ed.) *New Guinea Area Languages and Language Studies*. Vol. 1—2. Canberra, 1976; Wurm S. A., *Hattory Sh.* (eds.). *Language Atlas of the Pacific Area*. Pt. 1. Canberra, 1981.

Небольшие словники, собранные Миклухо-Маклаем, в большинстве случаев можно уверенно соотнести с распространенными в этом районе языками:

Деревня или остров, где собран материал	Язык
<i>Папуасские языки</i>	
Бонгу, Гумбу, Горенду	Бонгу
Теньгум-Мана, Хадаби-Мана, Сандингби-Мана	Сонгум
Бан-Мана	
Бурам-Мана, Колику-Мана, Манигба-Мана, Мале	Мале
Богати (Богатим)	Бом
Горима, Тупиа, Догча, Балама	Эрима
Энглам-Мана, Самбуль-Мана, Сегуана-Мана	Янгулам
Марагум-Мана	Аравум
Бай	Думун
Биби, Рай	Думун (?)
Эремпи	Ремпи (?)

Австронезийские языки

Били-Били
Митебог, Тиара, Рио
Телят
Сингор

Билбил
Гедагед
Сио (?)
Сингорокаи

² См. прим. 8 к статье «Папуасские диалекты Берега Маклая на Новой Гвинее» в наст. томе.

³ В действительности парус — *rap*, а забор — *xap*.

⁴ Значение этих слов, не указанное Миклухо-Маклаем, установить не удалось.

Несколько слов диалекта рай

Печатается по: АИЭ(М). Записная книжка № 4 (ЗК 1876—1877). Л. 5. Описание этой ЗК см. на с. 515 т. 2 наст. изд.

Впервые: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 184, с одной маленькой неточностью.

Поправки к странице 459 части XX

Настоящая заметка была опубликована в журнале «*Tijdschrift voor Indische Taal-, Land- en Volkenkunde*» (1874. D. 21. Bl. 120—121), а также в качестве отдельного оттиска (*N. von Macalay. Eine Correction zur Seite 459 von Theil XX. Batavia, 1874*) с отдельной пагинацией (S. 1—2). Поправки касаются статьи: *A. B. Meyer. Ein Beitrag zu der Kenntniss der Sprachen auf Mindanao, Solog und Siau, der Papuas der Astrolabe-Bay auf Neu-Guinea, der Negritos der Philippinen, und einige Bemerkungen ueber Herrn Riedel's Uebersetzungen ins Tagalische und Visayasche* // Ibid. 1873. D. 20. Bl. 441—470.

В статье А. Б. Майера имеется раздел «Папуасский диалект бухты Астролябия, северо-восточное побережье Новой Гвинеи» (с. 458—460), открывающийся следующими словами: «Я получил этот маленький, но интересный словарик от офицеров русского военного корабля, только что прибывшего с Новой Гвинеи и простоявшего 8 дней в бухте Астролябия. Г-н Маклай, русский естествоиспытатель, был оставлен там по собственному желанию, но, согласно свидетельству офицеров упомянутого военного корабля, кажется, нет больше надежды на возвращение его оттуда живым. Поведение местных жителей вызывало мало доверия; они никогда не посещались европейцами, не знали железа и были каннибалами. Их дома не стояли на сваях, а их волосяной покров не был столь развит, как у папуасов западной части Новой Гвинеи. Я привожу здесь краткий список слов, потому что он еще не публиковался, потому что берега эти столь исключительно редко посещаются европейцами и потому что вместе со следу-

ющим списком слов ⟨диалектов негритосов о. Лусон. — *Ped.*⟩, тоже принадлежащим негритянскому племени, он представляет особый интерес. Транскрипция соответствует немецкому произношению». За этим следует словарь, деликом повторенный в заметке Миклухо-Маклая. Раздел кончается фразой: «Имя одного из мужчин посещенного племени было Патуй». Статья Майера написана в Маниле и датирована 25 апреля 1872 г.

Впервые в переводе на русский язык: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 184—185, с несколькими печатками в приведенных словах.

Перевод для настоящего издания сверен и дополнен по оттиску, хранящемуся в АГО и переплетенному вместе с несколькими другими оттисками в виде книги (см. с. 383 наст. тома). При этом впервые учтены рукописные авторские добавления (РАД), сделанные карандашом на немецком языке.

Примечания подготовлены Д. Д. Тумаркиным.

¹ Адольф Бернгард Майер (1840—1921) — немецкий натуралист и путешественник. В 1870-х годах путешествовал по о. Целебес (Сулавеси) и Филиппинам, посетил северо-западное побережье Новой Гвинеи. В 1874—1905 гг. был директором Музея естественной истории в Дрездене.

² *Bode* (*бод*) — ‘глиняный горшок’ на диалекте о. Били-Били. На диалекте деревень Бонгу, Горенду и Гумбу, к которому относятся все остальные слова, приведенные Миклухо-Маклаем в этой заметке, ‘глиняный горшок’ — *ваб*.

³ Как видно из словарика, составленного Миклухо-Маклаем, *араль ане* — не ‘лук’ а ‘тетива лука’; ‘лук’ — *араль*. См. с. 135 наст. тома.

⁴ Указав на явные ошибки, содержащиеся в статье Майера, Миклухо-Маклай сам не смог достаточно точно передать звучание некоторых папуасских слов. Так, в практической русской транскрипции ‘лук’ правильное *агхаль*, а не *араль*, ‘стрела’ — *агхаль ге*, а не *араль-ге*, ‘копье’ — *гхадья*, а не *хадья*, ‘кокосовая пальма’ — *монги*, а не *мунки* (На Берегу Маклая. С. 303—306).

Папуа-Ковий

Моя вторая экскурсия в Новую Гвинею (1874 г.)

Печатается по: *Meine zweite Excursion nach Neu-Guinea* (1874) // NTNI. 1876. D. 36. Bl. 148—179.

Текстологически к статье (далее — MZE) примыкают четыре текста (все на немецком языке). Первый из них хранится среди писем Миклухо-Маклая А. Петерманну в архиве картографического предприятия Херманн Хаак в Готе (ФРГ). Три других находятся в записной книжке Миклухо-Маклая в АГО (Ф. 6. Оп. 1. № 31. Л. 78—80 об., 81—82 об., 83—83 об.). Ниже мы будем упоминать эти тексты как АП, ГО-1, ГО-2, ГО-3. АП и

ГО-1 представляют практически две части одного текста, предшествовавшего МЗЕ. ГО-2 текстологически предшествует АП и подготавливает его. ГО-3 — небольшой отрывок, предназначенный исключительно для МЗЕ. Значимые расхождения между этими текстами и МЗЕ учтены в нижеследующих примечаниях. Полный перевод четырех текстов и их текстологический анализ, выполненные А. Н. Анфертьевым, переданы в АИЭ (П).

История публикации этой статьи в переводе на русский язык отражает текстологические и эдисионные принципы, которыми руководствовались редакторы предыдущих собраний сочинений Миклухо-Маклая. В изд. 1923 г. был напечатан текст «Второе путешествие в Новую Гвинею в 1874 г.» (с. 418—425), который представлял собой монтаж отчета, опубликованного в 1874 г. в Изв. РГО, и первой части данной статьи (см. об этом с. 480—481 в т. 1 наст. изд.), а на с. 481—490 помещены четыре ее раздела («Жители Папуа-Ковий», «О папуа-малайских помесях», «Камака-Валлар», «Физиономия страны и образ жизни населения»). Эти же пять текстов с небольшими пропусками и стилистической правкой воспроизведены в изд. 1940 г. (с. 281—292).

В СС отчет был опубликован в т. 2, а перевод МЗЕ, представленный в виде нескольких самостоятельных статей, появился в двух разных томах (Т. 3. Ч. 1. С. 186—200, 212—214; Т. 3. Ч. 2. С. 294—299). При этом начальная часть статьи, представляющая собой авторскую переработку отчета, напечатанного в Изв. РГО, была опущена, а в других разделах помещены в угловые скобки вставки, без всяких оговорок внесенные Д. Н. Анучиным в изд. 1923 г. и воспроизведенные в изд. 1940 г. В редакционном примечании (Т. 3. Ч. 1. С. 186) указывалось, что это «слова и фразы», которые содержатся «только в русской рукописи». Имелось в виду приложение к белой рукописи дневника, озаглавленное «Научные результаты экспедиции на Берег Папуа-Ковий» (см. в наст. томе), но эта информация читателям сообщена не была.

Примечания 25, 27, 28, 38 принадлежат А. Г. Козинцеву. Примечания 20 и 21, написанные И. И. Пузановым, взяты из СС, т. 3, ч. 2. Примечания 6, 13—19, 22, 31, 33, 37, 39, 40 сделаны Д. Д. Тумаркиным. Остальные примечания подготовлены А. Н. Анфертьевым.

¹ После слова «берег» в АП: «а также прилегающие острова».

² Об экспедиции на пароходе «Этна» см. прим. 39 к дневнику «Второе путешествие в Новую Гвинею» в т. 1 наст. изд.

³ В АП далее: «грузоподъемностью в 2—3 тонны».

⁴ О форте Дю Бюс см. прим. 30 к дневнику «Второе путешествие в Новую Гвинею» в т. 1 наст. изд. Форт был назван в честь Леонарда Дю Бюса, генерального комиссара Нидерландской Индии.

⁵ В опубликованном в Изв. РГО письме-отчете «Моя вторая экскурсия в Новую Гвинею (февраль — май 1874 г.)» (далее — Отч.): «около 1300 фут.» (Т. 1. С. 338).

⁶ О гипсометре Реньо см. прим. 131 к «Первому пребыванию» в т. 1 наст. изд.

⁷ В АП: «1600 футов».

⁸ В АП этим словом предшествует абзац, имеющийся также в Отч., но с дополнением (выделено нами курсивом): «Весь следующий день я старался вступить в сношения с папуасами, но ни одно прау не приближалось к орембау, хотя туземцы, *спрятавшиеся в мангровых зарослях*, звали нас на берег».

⁹ Далее в АП фраза, соответствующая тексту Отч.: «Я хотел сделать это сам ~ что-нибудь серьезное против *них или их вождей*» (курсивом выделены слова, отсутствующие в русском тексте).

¹⁰ Дата ареста капитана Мавары варьируется в разных текстах Миклухо-Маклая. Дневниковая дата — 23 апреля (Т. 1. С. 323) — повторяется в «Календаре второго путешествия на Новую Гвинею» (Там же. С. 377). В извлечении из письма к баронессе Э. Ф. Раден (см. об этом тексте: Т. 1. С. 449) появляется дата 24 апреля. А в тексте данной статьи, как и в Отч. и АП, — 25 апреля.

¹¹ Дата передачи капитана Мавары радье Кильвару варьируется в разных текстах Миклухо-Маклая. Согласно дневнику это произошло 29 апреля (Т. 1. С. 328), но уже в Отч. тот же эпизод отнесен к 30 апреля (Там же. С. 344). В тексте настоящей статьи, как и в АП, стоит дата 31 апреля (?).

¹² Дата написания письма-отчета в РГО варьируется в разных текстах Миклухо-Маклая. В дневнике запись об этом датирована 12 мая (Т. 1. С. 332), а в самом письме — 13 мая (Там же. С. 344). Однако в настоящей статье, как и в АП, стоит дата 3 мая.

¹³ Карта Берега Папуа-Ковий, основанная на этом эскизе, опубликована на с. 293 т. 1 наст. изд.

¹⁴ Под материком здесь подразумевается Новая Гвинея. Во время своего второго кругосветного плавания французский мореплаватель Жюль Себастьян Сезар Дюмон-Дюрвиль (1790—1843) в марте-апреле 1839 г. прошел с запада на восток вдоль юго-западного берега Новой Гвинеи. Зайдя в залив Тритон, он посетил развалины форта Дю Бюс. См. также прим. 5 к «Первому пребыванию» в т. 1 наст. изд.

¹⁵ О Дж. Лаудоне см. прим. 1 к дневнику «Бейтензорг — Амбоина» в т. 1 наст. изд.

¹⁶ О вел. кн. Елене Павловне и ее взаимоотношениях с Миклухо-Маклаем см. прим. 36 к дневнику «Второе путешествие в Новую Гвинею» в т. 1 наст. изд.

¹⁷ Йоханнес Кейтс, оперкопман (оберкупец) голландской Ост-Индской компании, совершил в 1678 г. плавание с Молуккских островов к юго-западному побережью Новой Гвинеи, в том числе к Берегу Папуа-Ковий, высаживался на о. Наматоте.

¹⁸ Бауэрс и Модера — участники экспедиции, посланной в 1828 г. с Молуккских о-вов к юго-западному побережью Новой Гвинеи, чтобы включить ее в сферу голландских интересов. Не имея надежных астрономических инструментов, хорошего компаса и хронометра, они весьма неточно положили на карту Берег Папуа-Ковий. Участники этой экспедиции основали форт Дю Бюс (см. прим. 4 к данному тексту).

¹⁹ Этот схематический рисунок не публикуется в нашем издании. О карте см. прим. 13 к данному тексту.

²⁰ Нахождение на Новой Гвинее представителя семейства змееглазов (*Ophiocercophalidae*) несколько сомнительно, хотя они есть в Индонезии, например на о. Серам.

²¹ Факты, установленные Миклухо-Маклаем, о внезапных повыщениях, а затем и понижениях уровня озера делают весьма вероятным завальное его происхождение: внезапный обвал, запрудивший начало вытекающей из озера реки, мог вызвать быстрое и сильное повышение его уровня (так же, как это, несомненно, было на озере Рица в Абхазии); последующий размыв, который в случае сильного ливня или землетрясения, возможно, имел катастрофический характер, мог вызвать прорыв этого завала и понижение уровня. Раковины, определенные Миклухо-Маклаем как относящиеся к морским моллюскам *Turbo* и *Terebra*, впоследствии были определены специалистом-малакологом Бразье как новые виды типично пресноводных родов: *Melania vallariensis* и *Paludina kowiaensis* (*Brazier J. New Species of Land and Freshwater Mollusca from Maclay-Coast and Triton-Bay, N 9, Collected by Baron Macclay // Proc. LNSNW. 1886. Vol. 10*). Насколько известно, губка *Rumut vallari* не получила научного описания ни со стороны Миклухо-Маклая, ни со стороны других специалистов. Если даже она принадлежала к новому виду, что весьма вероятно, то данное ей Миклухо-Маклаем название должно считаться «*nomen nudum*».

²² Макассарцы (мангасарак) — народ, населяющий юго-западный полуостров о. Сулавеси. Там же преимущественно обитают родственные им бугисы (тоугик). Бутонцы (бутунг) расселены на крайнем юго-востоке о. Сулавеси, о. Бутунг и прилегающих островах. Галельцы — обитатели Галелы (см. прим. 42 к «Второму путешествию в Новую Гвинею» в т. 1 наст. изд.).

²³ В ГО-1: «помеси с китайцами и даже европейцами».

²⁴ В ГО-1: «Отвлекаясь от гибридной расы».

²⁵ По-видимому, различия в антропологическом типе между жителями разных районов Новой Гвинеи вообще не особенно велики, хотя данных об этом еще очень мало. На севере острова, к западу от Берега Маклая, выделяются папуасы группы сепик-раму, обнаруживающие определенное генетическое сходство с австралийскими аборигенами. На юго-восточном побережье Миклухо-Маклай отметил монголоидную примесь у прибрежного австронезийского населения (см. с. 200 наст. тома). В целом же носители папуасских и австронезийских языков на Новой Гвинее в антропологическом отношении различаются, по-видимому, несильно. Главным фактором, определяющим различия между группами, служит здесь географическое расстояние, а не языковая принадлежность, причем это относится и к морфологическим признакам, и к полиморфным системам крови. Наиболее заметное исключение — неодинаковое соотношение вариантов иммуноглобулинов у папуасов и австронезийцев долины р. Маркхэм.

Все это несколько противоречит тому факту, что папуасы являются «коренными» австралоидами, обитающими на Новой Гвинее по крайней мере 10 тыс., быть может, даже 15 тыс. лет, тогда как предки австронезийцев мигрировали сюда (возможно, из района современного Тайваня) не ранее IV тыс. до н. э. и, следовательно, принадлежали в основном к монголоидной расе (см.: *Wurm S. A. Linguistic Prehistory in the New Guinea Area // Journal of Human Evolution. 1983. Vol. 12, N 1. P. 25—35*). По-видимому, австронезийская речь распространялась и независимо от монголо-

идной примеси, которая была невелика и в результате метисации почти полностью растворилась в местном населении. Впрочем, ослабление экваториальных особенностей волос и кожи у аборигенов юго-востока Новой Гвинеи и «микронезийское» тяготение некоторых прибрежных групп этого острова, выявленное при многомерном анализе антропометрических признаков, возможно, являются отголосками протоавстронезийских миграций (*Howells W. W. Anthropometrical Grouping Analysis of Pacific Peoples // Archaeology and Physical Anthropology in Oceania. 1970. Vol. 5. N 3. P. 192—217; Idem. Physical Variation and History in Melanesia and Australia // American Journal of Physical Anthropology. 1976. Vol. 45. N 3. Pt. 2. P. 641—650*).

²⁶ В ГО-1 было: «менструировавшая».

²⁷ В некоторых горных популяциях Новой Гвинеи длина тела значительно меньше, чем на побережье, и есть основания связывать это с неудовлетворительной пищей. У детей, переселившихся с гор на побережье и перешедших на пищу с достаточным количеством белка, длина тела существенно увеличилась (*Gajdusek D. C. Physiological and Psychological Characteristics of Stone Age Man // Engineering and Science. 1970. Vol. 33. N 6. P. 26—52*).

²⁸ Согласно сводке, составленной В. П. Алексеевым, в восьми сериях черепов из разных районов Новой Гвинеи средняя величина черепного указателя не выходит за пределы долихокрании, колеблясь между 68 и 75, в среднем 71,2 у мужчин и 72,7 у женщин (*Алексеев В. П. Материалы по краниологии Новой Гвинеи, Зондских и Молуккских островов, Малайского полуострова // Сб. МАЭ. Т. 30. Л., 1974. С. 187—236*).

²⁹ В ГО-1 конец предложения таков: «и отчетливее выражены у женщин и детей».

³⁰ В ГО-1 это предложение выглядит иначе: «Если принять во внимание при этом маленькие конические груди молодых девушек {...} можно поражаться способности кожи к растяжению».

³¹ О С. Мюллере и его путешествии см. прим. 41 к «Второму путешествию в Новую Гвинею» в т. 1 наст. изд.

³² В ГО-2 и АП: «Все эти жилища».

³³ Имеется в виду балансир (аутригер), придающий лодке устойчивость на волнах. В данном случае балансиры установлены по обеим сторонам корпуса лодки.

³⁴ В ГО-3 далее было: «Лишь кое-где можно видеть отдельно стоящие хижины; обычно это собственность начальников; но они стоят по большей части пустые или могут быть в любой момент оставлены. Постоянная угроза убийств и грабежей — вот что держит папуасов в вечном страхе и препятствует оседлому поселению».

³⁵ В ГО-2 и АП: «получал я обычно».

³⁶ В ГО-2 было: «примитивнейшими инструментами».

³⁷ Несколько таких портретов публикуется в наст. томе (с. 182, 184).

³⁸ Отмеченное Миклухо-Маклаем преобладание папуасского типа у метисов объясняется, по-видимому, в основном тем, что отцы их происходили с о. Серам и, следовательно, сами скорее всего относились к смешанному монголоидно-австралоидному типу. Одно из исключений — промежуточный облик метиса с преобладанием некоторых монголоидных черт — вероятно, относится к случаю, когда отец не имел в своей родословной австралоидных предков. Впрочем, Миклухо-Маклай

описывает также случай, когда экваториальные признаки преобладали и у папуасско-яванских метисов. Вообще распределение расовых признаков у метисов во многом зависит от случайности, но также и от характера наследования этих признаков, изученного все еще недостаточно.

³⁹ О связи «номадной жизни» с хозяйственно-культурным типом прибрежных рыболовов и возделывателей клубнеплодов см. прим. 32 к «Второму путешествию в Новую Гвинею» в т. 1 наст. изд.

⁴⁰ Этот меморандум публикуется в т. 5 наст. изд.

Научные результаты экспедиции на Берег Папуа-Ковий

Настоящий текст был задуман автором как приложение к дневнику второго путешествия на Новую Гвинею (см. т. 1 наст. изд., с. 288—398, 453—477) и был, очевидно, подготовлен в 1886—1887 гг. Он находится в составе РПТ: АИЭ (П). Ф. К-V. Оп. 1. № 297. Л. 00285—00289 об. (пагинация печаткой). Текст в значительной мере повторяет содержание двух разделов немецкоязычной статьи «Моя вторая экскурсия на Новую Гвинею (1874 г.)» (см. наст. том с. 166—187): «Антропологическое» (без двух последних абзацев) и «О папуа-малайских помесях на Восточных Молукках». Вместе с тем этот текст не может считаться русским переводом указанных разделов, а скорее представляет собой самостоятельное произведение и отражает последнюю авторскую волю. Кроме сокращений, которым подвергся немецкий текст, многие формулировки изменены, сделаны отдельные дополнения.

Д. Н. Анучин при подготовке издания 1923 г. комбинировал текст немецкоязычной статьи с данным текстом (см. с. 404 наст. тома). Рукопись этой работы хранится в АГО (Ф. 6. Оп. 1. № 82. Л. 502—517). В состав ее, кроме того, входят разделы «Озеро Камака-Валлар» и «Физиономия страны и образ жизни населения», также восходящие в немецкоязычной статье. Там же находится копия данного текста, изготовленная для Анучина. Она носит следы стилистической правки, иногда неверного прочтения оригинала. Кроме того, ряд мест вычеркнут рукой Анучина.

Таким образом, настоящий текст фактически публикуется впервые. Там, где в рукописи были оставлены пустые места, они дополнялись по смыслу согласно немецкоязычной статье (все дополнения заключены в угловые скобки). В связи с разнообразием в написании слов *волоса/волосы* и *вариировать/варьировать* в тексте везде приняты первые варианты как чаще встречающиеся в данной рукописи и более характерные для Миклухо-Маклая.

Текст и примечания подготовлены А. Н. Анфертьевым.

¹ См. дневниковую запись от 1 марта 1874 г. (т. 1 наст. изд., с. 300).

² Эти рисунки публикуются в наст. томе, с. 182, 184.

³ Мы сталкиваемся здесь с одним из первых известных случаев употребления слова *интеллигентный* в русском языке. При этом можно наблюдать самый процесс заимствования слова из немецкого языка в русский, так как слово *intelligent* было в немецкоязычной статье, на которой основан данный текст. Значение слова здесь, разумеется, то же, что и в немецком: 'разумный, смысленный, развитой'.

Список некоторых слов диалектов папуасов Берега Папуа-Ковиай на Новой Гвинее

Публикация настоящей работы Миклухо-Маклая осуществляется по иным принципам, чем других его печатных трудов. Дело в том, что немецкий текст статьи (см.: Tijdschrift voor Indische Taal-, Land- en Volkenkunde. 1876. D. 23. Biz. 372—379), имеющий дату: «Март 1874 г. Умбурмета, на о. Айдума, на Папуа-Ковиай, Новая Гвинея», уступает в отношении полноты и точности кириллической записи списка, сохранившейся в записной книжке Миклухо-Маклая (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 31. Л. 90—95 об.). Этот список озаглавлен: «Краткий словарь наречий папуасов-койвай <так!>, 1874 (февр.—апр.)». Поэтому в настоящем издании мы сохраняем от немецкого текста заглавие и вступление, а словарный материал даем по тексту АГО (далее — КС), включая столбец малайских слов, отсутствующий в немецкоязычной статье. Так как в рукописи столбец не имеет номера, ему присвоен нулевой номер. В тех случаях, когда расхождения в написании отдельных слов между рукописью и статьей могут представить интерес, латинская транскрипция дается наряду с кириллической. Астериском помечены заглавные слова тех словарных статей, которые есть только в кириллической рукописи.

Названия столбцов приводятся, в основном, в соответствии с печатным текстом. Их номера соответствуют рукописным, но даны арабскими цифрами вместо римских. Номера строчек в оригинале проставлены только кратные десяти; мы ставим номер у каждой строки, причем вследствие недосмотра автора приходится вводить № 39а, 41а и 45а. Прописные буквы в глоссах при публикации заменены на строчные. Ударения сохраняются там, где их два на одном слове (№ 76). Раздельное или слитное написание сложных слов по мере возможности унифицировано.

Возможные ошибки в прочтении отдельных слов могут происходить не только из-за плохой разборчивости почерка автора, но и в результате не совсем последовательного употребления десятиричного «и», а в одном случае «фиты» (см. прим. 14). Мы не отмечаем такие случаи транскрипционных соответствий, как *-c-* = *-ss-* или *-i-*, заменяющее *-ы-*. Судя по тому, что кирилл. *е* даже в аналауте соответствует лат. *e*, надо думать, что и за кирилл. *е* стоит не йотированный гласный, а нечто вроде [э].

В АГО хранится также немецкоязычная рукопись этой же статьи, состоящая из вступления, написанного рукой Миклухо-Маклая, и словарика, переписанного набело другой рукой (Ф. 6. Оп. 1. № 22). Словарная часть рукописи полна ошибок, не выправленных Миклухо-Маклаем, и не может иметь большого текстологического значения. Между тем именно по этой рукописи в СС (Т. 3. Ч. 1. С. 208—211) было внесено большое количество «исправлений» почти во все строки словаря. Характерны следующие примеры: серам, *enaga* ‘земля’ заменено на мал. *tana*, попавшее из соседней колонки по явному недосмотру; *geka* ‘дождь’ (диал. залива Лакайя) заменено на *gefa* вопреки совокупным показаниям русской рукописи и немецкого печатного текста. Такие примеры легко умножить; некоторые из них будут затронуты в примечаниях, поскольку попали в СС. Хотя в целом пользоваться материалом этой рукописи нельзя, возможно, что в отдельных случаях она может подсказать правильное решение. Так, для одной глоссы мы использовали ударение, сохраненное только в ней.

Текст статьи и примечания подготовлены А. Н. Анфертьевым.

¹ О С. Мюллере см. прим. 41 к «Второму путешествию в Новую Гвинею» в т. 1 наст. изд.

² В КС: «вуайсирау».

³ В КС вместо «Телок Кируру» — «Байк» (описка; на том же листе, но независимо от данного столбца карандашом написано: «Вайк-Кируру»).

⁴ Синоним в печатном тексте отсутствует.

⁵ Совпадение со словом, обозначающим ‘огонь’ (№ 9), едва ли случайно. Вероятно, это результат того, что исследователь указывал на костер или что-то в этом роде. Об ошибках, порождаемых методом указывания, см. статью «Этнологические заметки о папуасах берега Маклая на Новой Гвинее» (наст. том., с. 67—68).

⁶ В КС относится к столбцу 5.

⁷ Перевод глоссы *илугура* есть только в КС.

⁸ Вероятно, следует читать *увау*; совпадение с № 29 является в таком случае следствием метода указывания (см. прим. 5).

⁹ Чтение *zwufiongu* в СС (с. 209) вдвойне ошибочно: оно основано не только на ненадежной рукописи (см. выше), но и неправильно прочитано (в рукописи: *zwiutjongu*).

¹⁰ Совпадение с № 35 является скорее всего следствием метода указывания (см. прим. 5, 8). Сложнее объяснить совпадение с № 68 ‘бамбук’, однако исключать этимологическую связь было бы неосторожно. Вместе с тем омонимия с № 49, вероятно, все-таки случайна.

¹¹ Глоссы *itini* (№ 43) и *fakira* (№ 44) в печатном тексте, видимо, попали сюда случайно из столбца 1; во всяком случае, в КС их нет и к диалекту залива Лакайя они не могут иметь отношения.

¹² Второй фонетический вариант есть только в КС.

¹³ Немецкие слова *Arm* ‘рука (от кисти до плеча)’, *Hand* ‘рука, кисть руки’, *Schenkel* ‘бедро’ употреблены самим автором в КС. Первые два действительно не

имеют точного русского эквивалента. Интересно, что и в КС различие между ними обнаруживается лишь в столбце 2.

¹⁴ В КС анлаутный согласный передан через «фиту»; в печатном тексте — через *w*—.

¹⁵ Соответствие кирилл. -у лат. -*oe* можно рассматривать как «голландизацию» транскрипции.

¹⁶ В печатном тексте № 61 и 62 объединены заглавными словами *schön, gut*, так что *baban* и *gefīn* в столбце 1 идут через запятую.

¹⁷ В печатном тексте: *anauriti*.

¹⁸ В СС (с. 210) почему-то в качестве заглавного слова взято *корица*; чтение *mar-iağa* (там же, в столбце 4) основано на ненадежной рукописи (см. выше).

¹⁹ Синоним есть только в КС.

²⁰ Синоним есть только в КС.

²¹ Синонимы есть только в КС.

²² Чтение *kebio* в СС (с. 210) взято из ненадежной рукописи (см. выше), где оно по недоразумению попало из предыдущей (опущенной) строчки в данную (см. № 91).

²³ Под № 100 в КС стоит заглавное слово *e(c)тb* (?), однако ему не дано эквивалентов ни на одном из языков. При перенесении номера 100 на следующую строку общий счет не нарушается.

²⁴ В КС эти числительные отсутствуют. Последнее из них как в печатном тексте, так и в немецкоязычной рукописи из ВГО имеет форму *rim*. Мы его восстанавливаем до **rim faat*, так как очевидно, что здесь тот же принцип формирования числительных, что и в других случаях из столбцов 2, 3 и 4: 5 + п.

²⁵ Ожидалось бы **rim faat* по принципу 5 + п (см. пред. прим.).

²⁶ Здесь и ниже кириллической транскрипции *отга* соответствует латинская *otja*. Видимо, мы имеем здесь дело еще с одним случаем «голландизации» транскрипции (см. прим. 16).

Южный берег Новой Гвинеи и острова Торресова пролива

Несколько слов о так называемой «желтой расе»
на юго-востоке Новой Гвинеи

Печатается по: Einige Worte ueber die sogenannte «gelbe Rasse» in Süd-Osten Neu-Guinea's // Verh. BGAEU. 1880. Bd. 12. S. 90. Доложено на заседании Берлинского общества антропологии, этнологии и первобытной истории 17 апреля 1880 г.

Черновая рукопись этого сообщения на немецком языке находится в ПО ААН (Ф. 143. Оп. 1. № 18. Л. 6).

Впервые в переводе на русский язык: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 214—215.

Примечание 1 сделано Д. Д. Тумаркиным, 2 — А. Г. Козинцевым.

¹ Как сообщил Р. Вирхов, представляя это и еще четыре сообщения Миклухо-Маклая, русский ученый прислал их вместе с письмом, написанным 12 ноября 1879 г. в море между о-вами Св. Матвея и Новым Ганновером (с. 84—85). Вскоре, в январе—апреле 1880 г., Миклухо-Маклай посетил юго-восточное побережье Новой Гвинеи. См. «Первое посещение южного берега Новой Гвинеи» в т. 2 наст. изд.

² Английский миссионер У. Гилл в 1876 г. отметил сравнительно светлый цвет кожи у населения юго-восточного побережья Новой Гвинеи (*Gill W. W. Life in Southern Isles. London, 1876. P. 230*). Миклухо-Маклай, побывав здесь в 1880 г., убедился в том, что экваториальные особенности внешности у жителей этого района действительно заметно ослаблены, причем это проявляется и в цвете кожи, и в форме волос (см. с. 331—335 т. 2 наст. изд.). Миклухо-Маклай отнес это за счет полинезийской примеси. См. об этом прим. 3 к «Краткому resumé результатов антропологических и анатомических исследований в Меланезии и Австралии» в т. 4 наст. изд.

Деформирование черепа у новорожденных детей на острове Мабиак и других островах Торресова пролива и у женщин юго-восточного полуострова Новой Гвинеи

Печатается по: Cranial Deformation of New-Born Children at the Island Mabiak and Other Islands of Torres Straits, and of Women of the S. E. Peninsula of New Guinea // Proc. LSNSW. 1882. Vol. 6. Pt. 4. P. 627—629. Доложено на заседании Линнеевского общества Нового Южного Уэльса 27 июля 1881 г.

Впервые в переводе на русский язык: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 414—415, с отдельными неточностями.

Примечания 1 и 3 сделаны Д. Д. Тумаркиным, 2 — А. Г. Козинцевым.

¹ О Дж. Магилливрее см. прим. 3 к «Первому посещению южного берега Новой Гвинеи в 1880 г.» в т. 2 наст. изд.

² Миклухо-Маклай высказывал эту мысль, когда генетика в современном смысле этого слова еще не существовала и концепция наследования приобретенных изменений Ламарка была широко распространена. Впоследствии было доказано, что такие изменения не наследуются и потому не играют эволюционной роли.

³ Это письмо не было опубликовано в Verh. BGAEU, и его судьба неизвестна.

МИКРОНЕЗИЯ И МЕЛАНЕЗИЯ

Антропологические заметки, собранные во время путешествия
в Западную Микронезию и Северную Меланезию в 1876 г.

Печатается по: *Anthropologische Notizen, gesammelt auf einer Reise in West- Mikronesien und Nord-Melanesien in Jahre 1876.*

Текст представляет собой датированную декабрем 1876 г. беловую рукопись, которая хранится в бумагах Р. Вирхова в Архиве Германской Академии наук в Берлине (Nachlass: Virchow 2967). В настоящее время рукопись состоит из 40 нумерованных автором листов и ненумерованного листа с дополнительным примечанием, датированным февралем 1877 г. За нумерованными листами следуют 2 литографских оттиска таблиц, приложенных к статье в ее журнальном варианте, и 3 оригинальные авторские таблицы. На каждой из последних написано: «Miklucho-Maclay ad naturam del ineavit 1876» и (карандашом, рукой Вирхова?): «Lith». Можно предполагать, что этот экземпляр статьи служил наборным, а эти рисунки непосредственно литографировались. Перед сдачей рукописи в набор Вирхов внес в нее несколько мелких языковых поправок, изменил нумерацию рисунков. В таком виде статья была опубликована: Verh. BGAEU. 1878. Bd. 10. S. 99—118.

Впервые в переводе на русский язык: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 216—247, с неточностями.

Примечания 5, 6 и 9 принадлежат А. Г. Козинцеву, 3 (написанное Я. Я. Рогинским) — взято из СС (Т. 3. С. 508). Остальные примечания подготовлены Д. Д. Тумаркиным. Введение к примечаниям написано А. А. Анфертьевым.

¹ Письма Миклухо-Маклая о его путешествии по Западной Микронезии и Северной Меланезии публиковались в Изв. РГО в 1876—1879 гг. Миклухо-Маклай, очевидно, имеет в виду текст «Путешествие по Западной Микронезии и на Берег Маклая», напечатанный в 1876 г. См. т. 2 наст. изд., с. 100—104.

² См. об этом прим. 6 к тексту «Путешествие по Западной Микронезии и на Берег Маклая» в т. 2 наст. изд.

³ Головной указатель на черепе несколько ниже, чем на голове, в среднем на 2 единицы. Однако эта разница не является строго постоянной, так как зависит от степени упитанности субъекта, от толщины его мягких тканей, от формы головы.

⁴ О Брока и его таблице см. прим. 15 к «Фрагментам полевого дневника за 1872 г.» в т. 1 наст. изд.

⁵ *Plica semilunaris* — полулунная складка конъюнктивы, расположенная во внутреннем углу глаза и гомологичная третьему веку (*palpebra tertia*) низших позвоночных. Расоводиагностическое значение этого образования неясно. Есть ука-

зания на то, что у представителей тропических рас она выражена сильнее, чем у европейцев.

⁶ Признание микронезийцев смешанной монголоидно-австралоидной расой вполне отвечает современному состоянию научных знаний. В серологическом отношении микронезийцы ближе всего к меланезийцам, полинезийцам и народам Восточной Азии. То же направление связей обнаруживается по особенностям зубной системы. По антропологическим признакам преобладает сходство с меланезийскими группами, а по краниометрическим признакам микронезийские серии промежуточны между меланезийскими и полинезийскими. Население Микронезии антропологически неоднородно; на некоторых островах, в частности Пелау (Палау), Понапе, Науру, по-видимому, имеет место концентрация меланезийских черт.

⁷ Сулиоты — локальная группа албанцев, жившая в горных местностях на северо-западе современной Греции. Вирхов сообщил, что по городам Европы показываю- т сулиота Костанти, покрытого с ног до головы татуировкой, сделанной в Бирме. Там он попал в плен, был татуирован, продан как раб в Китай, откуда ему удалось вернуться в Европу (Verh. BGAEU. 1872. Bd. 4. S. 201—202).

⁸ Дорэ — селение на северо-западном побережье Новой Гвинеи. О «линии Уол- леса» см. прим. 6 к тексту «Почему я выбрал Новую Гвинею полем моих исследова- ний» в наст. томе.

⁹ Действительно, по своему внешнему облику негритосы Филиппинских островов (аэта) и полуострова Малакка (семанги) напоминают папуасов (особен- но самых низкорослых). Однако есть серьезные основания думать, что сходство в данном случае не является доказательством близкого родства. Дело в том, что по совокупности частот генов, управляющих полиморфными системами крови, аэта и семанги достаточно далеки от папуасов и близки к соседним монголоидным на- родам (*Nei M., Roychoudhury A. K. Genetic Relationship and Evolution of Human Races // Evolutionary Biology. Vol. 14. New York and London, 1982. P. 1—59*).

Для интерпретации этого противоречия между соматологическими и гене- тическими данными можно предложить следующую гипотезу. Все древнейшие человеческие расы тропической зоны Старого Света характеризовались «эквато- риальным» комплексом признаков: темной кожей, курчавыми или волнистыми во- лосами и др. Этот комплекс, отражающий, судя по генетическим исследованиям, очень незначительную часть генотипа, вероятно, служил универсальной биологи- ческой адаптацией охотников и собирателей к условиям жаркого климата и был свойствен различным группам независимо от их родственных связей. В дальней- шем популяции Юго-Восточной Азии оказались в той или иной степени затронуты эволюционными процессами, интенсивно протекавшими в более северных об- ластях и приведшими к возникновению монголоидной расы. Однако характерные черты монголоидной внешности сформировались, по-видимому, лишь на поздних стадиях расогенеза, и наиболее изолированные группы Юго-Восточной Азии, с эволюционной точки зрения представляющие собой ранние ответвления монголо- идного расового ствола (о чем свидетельствуют генетические данные), сохранили ряд «экваториальных» внешних особенностей. В некоторых из таких реликтовых групп экваториальный комплекс мог с течением времени даже усиливаться вслед-

ствие адаптации к тропическому климату. Другим проявлением климатической адаптации могло быть замедление роста и уменьшение длины тела, которое, следовательно, также не свидетельствует о родстве групп. Существенно в этой связи, что пигмеи Африки, как и африканские народы вообще, в генетическом отношении крайне удалены от всех, в том числе и низкорослых, народов Океании и Юго-Восточной Азии.

Из всего этого следует, что так называемая «экваториальная» (или «негроавстралоидная») раса представляет собой в значительной мере искусственное образование. Нет уверенности даже в родстве аэта с семангами: генетически эти народы не ближе друг к другу, чем каждый из них — к китайцам, малайцам или монголоидам Филиппин (*Nei M., Roychoudhury A. K. Op. cit.*).

¹⁰ Имеется в виду сообщение «О болезнезубых меланезийцах», публикуемое в наст. томе.

К этому месту статьи редакция Verh. BGAEU сделала следующее примечание: «Г-н Миклухо-Маклай, кажется, не получил оттиска наших «Verhandlungen» с соответствующей таблицей. Сейчас он еще раз приложил рисунки гиперпластических зубов и одновременно дал к ним детальные пояснения. Мы позволим себе еще раз дать их изображение, так как они представляют большой интерес для специалистов, которым необходимы точные описания.

Табл. XXVI (1876 г.), рис. 1—5 *(табл. III наст. тома)*. Большие зубы туземцев о. Тауи. Верхняя поверхность всех увеличенных зубов с передней стороны гладкая и вследствие жевания пинанга глянцево-черная.

Рис. 1а. Ортогнатический ряд зубов только с одним увеличенным резцом, который на рис. 1b дан в натуральную величину.

Рис. 2. Передняя часть зубного ряда приблизительно 40-летнего мужчины.

Рис. 2а. Вид сбоку, голова закинута назад и верхняя губа оттянута вверх.

Рис. 2b. Вид спереди, при растянутых и отвернутых губах. Левый средний зуб верхнего ряда в углу немного кариозный; второй верхний резец правой стороны имеет на передней стороне плоский бугорок. Зубы нижнего ряда асимметричны, но не увеличены.

Рис. 2с. Средний резец правой стороны; представлен точно в натуральную величину.

Рис. 3. Прикус с увеличенными зубами верхнего и нижнего ряда. Кроме d. incisivi, увеличены также и d. canini верхнего ряда. Подобно прикусу на рис. 2, верхний ряд зубов сильно прогнатен.

Рис. 3а и 3с. Вид спереди. Средний нижний резец поразительно широк и имеет неровную верхнюю поверхность.

Рис. 3b. Боковой вид того же прикуса.

Рис. 4. Верхний вертикально стоящий (ортогнатный) зубной ряд только с двумя увеличенными зубами.

Рис. 5. Шесть увеличенных зубов верхнего зубного ряда. Два средних резца имеют промежутки только наверху, в то время как в середине на гладкой поверхности эмали простым глазом нельзя заметить никакой щели (изображение на рис. 5 не совсем верно: посередине не должно быть полной разделительной линии).

¹¹ Экспедиция на австрийском фрегате «Новара», которой руководил Б. Вюллерсторф-Урбэр, в 1857—1859 гг. обследовала ряд островов в Индийском и Тихом океанах, посетила Австралию. История и научные результаты экспедиции отражены в кн.: *Reise der österreichischen Fregatte Novara um die Erde* (Wien, 1861—1862) и в ряде специальных публикаций, а собранные ею коллекции были переданы в Венский музей естественной истории.

¹² Позднее Миклухо-Маклай пересмотрел свои взгляды по этому вопросу. См. статью «Вторая заметка о макродонтизме меланезийцев» в наст. томе.

(Остров Вуап, или Яп)

Печатается по: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 57. Л. 6—34. Занимает часть «письма второго» в беловом варианте описания путешествия 1876 г. Краткие сведения об этой рукописи, соответствующем черновике и всем корпусе рукописей, относящихся к путешествию 1876 г., см. на с. 468—472 т. 2 наст. изд.

Впервые: Изв. РГО. 1877. Т. 13. Вып. 2. Отд. 2. С. 76—89, под заглавием «Остров Вуап (Антрополого-этнографические очерки из дневника)», с сокращениями в основном тексте и примечаниях, с небольшой стилистической правкой.

Переиздано: 1941. Т. 2. С. 105—114, с теми же сокращениями, произвольной заменой географических названий и значительной правкой; СС. Т. 3.4.1. С. 247—268, с устранением части пропусков и необоснованной правки, но с небольшой дополнительной правкой.

В «письме втором» статья дана под названием «Антропологические заметки». В наст. изд. использовано заглавие из ее черновика.

Примечания 8, 13, 19 (част.) составлены М. В. Станюкович, 12 (част.) — Н. З. Климовой. Остальные примечания сделаны Д. Д. Тумаркиным.

¹ О Брока и его таблице см. прим. 15 к «Фрагментам полевого дневника за 1872 г.» в т. 1 наст. изд.

² Яп — группа возвышенных вулканических островов (общей площадью ок. 100 кв. км), отделенных друг от друга узкими проходами. До начала XX в. состояла из главного острова, давшего название всей группе, а также островов Румунг и Мап. В 1901 г. был прорыт канал, разделивший о. Яп на две части. Так на картах появился четвертый остров, именуемый Гагил-Томил (по названию местных округов). Другая часть разделенного острова по-прежнему называется Япом.

³ Как сообщает В. Мюллер, в начале XX в. на Япе насчитывалось 12 округов (Румунг, Мап, Гагил, Тамил, Фаниф, Уэлой, Рул, Далипевинау, Кинифай, Мелау, Ликатъяг, Галиман), которые обычно объединялись в две или три противостоящие друг другу коалиции и в свою очередь состояли из подокругов (*Müller W.* Уар //

Ergebnisse der Sudsee-Expedition 1908—1910. II. Ethnographie: B. Mikronesien. Bd. 2. Halbband 1. Hamburg, 1917. S. 234—241). Различия между округами и подокругами были достаточно условными. Некоторые исследователи считают, что на Япе традиционно существовало 8 округов; сообщают, что Румунг и Мап были выделены в начале XX в. из округа Гагил немецкими колониальными администраторами (*Alkire W. H. An Introduction to the Peoples and Cultures of Micronesia // Addison-Wesley Modular Publications. Module 18. S. 1. 1972. P. 22*). Различия между перечисленными нами названиями округов и теми, которые приводит Миклухо-Маклай, во многом объясняются тем, что он в ряде случаев в качестве окружного названия дает название деревни, расположенной в данном округе. Так, Горор (Гурор) входит в округ Галиман, Ниф — в округ Кинифай, Каниф — в округ Даллпиевинау.

⁴ Ввиду кратковременности пребывания на Япе и незнания местного языка Миклухо-Маклай не смог собрать сколько-нибудь подробных сведений о религиозных верованиях. На Япе не было такой разработанной космогонии и пантеона богов, как у полинезийцев, но япцы поклонялись как небесным богам, так и целому сонму духов; по-видимому, существовал и культ предков. Среди мифических культурных героев особенно выделялся Елафад, образ которого во многом родственен образу полинезийского Мауи. Эти верования сочетались с тотемизмом и верой в магию. Наряду со жрецами имелись колдуны и оракулы типа шаманов (*Müller W. Yap. Halbband 1. S. 216—222, 306—318*).

Матра-мат (правильнее *матгаматг*), как справедливо отмечает Миклухо-Маклай, соответствует полинезийскому понятию табу, но также и тесно связанному с ним понятию мана. Этим словом на Япе обозначают как сверхъестественную силу, так и людей, обладающих ею и использующих ее в своей культовой практике (*Ibidem. S. 363*).

⁵ Миклухо-Маклай в целом правильно определил главные особенности традиционной социальной структуры япского общества — деление на знать, свободных общинников и зависимых, которых он называет рабами. Каждая из этих основных социальных групп в свою очередь состояла из трех страт, или «ступеней». Деревню обычно населяли люди, принадлежащие к одной «ступени». Соответственно на Япе существовали деревни «высокородные» и деревни «низкого» происхождения. Округами управляли верховные вожди, им подчинялись вожди подокругов и деревень. На всех уровнях имелись также особые вожди-военачальники, руководившие военными действиями. Важную роль в управлении играли жрецы.

⁶ Об этом издании см. прим. 3 к тексту «Молуккское море. Тихий океан» в т. 2 наст. изд.

⁷ Вожди 14 атоллов (Улити, Волеаи, Ифалук, Ламотрек, Намонуито, Пулуват и др.), расположенных на сотни километров к востоку от Япа, находились в даннической зависимости от япских вождей, главным образом деревни Гатчепар в округе Гагил. Эта зависимость основывалась преимущественно на вере в исключительное положение вождей Гатчепара и их жрецов, могущих с помощью вредоносной магии покарать непокорных. Ежегодно в сезон северо-западных пассатных ветров в Гатчепар прибывала целая флотилия парусных каноэ с представителями всех этих атоллов. Они привозили дань: юбки, набедренные повязки и пояса, искусно соткан-

ные из банановых и панданусовых волокон, изделия из раковин. Когда ветер менял свое направление, флотилия отправлялась в обратный путь, увозя менее ценные ответные дары, главным образом продовольствие и корневища куркумы, из которых приготавливался «красный» (точнее оранжевый) душистый порошок, служащий красителем. См.: Lessa W. A. Ulithi and the outer World // American Anthropologist. 1952. Vol. 52, N 1; Alkire W. H. Lamotrek Atoll and Inter-island Socioeconomic Ties. Urbana, 1965. «Архипелаг Могемог» — на современных картах атолл Улити. Могемог (Мог-мог) — один из островов этого атолла. «О. Унгулу» — о-ва Нгулу, расположенные к югу от Япа. Вожди Нгулу также находились в зависимости от японских вождей.

⁸ В ч. р.: «Главные дороги на острове и улицы в деревнях».

⁹ Миклухо-Маклай не проводит различия между клубными (мужскими) домами, которые располагались на берегу, и домом собраний, стоявшим в центре деревни. Дом собраний в деревне один; здесь собираются взрослые мужчины, в первую очередь деревенский вождь и главы большесемейных общин. Клубных домов в деревне несколько, соответственно числу большесемейных общин; функции этих домов описаны Миклухо-Маклаем. *Бай-бай* (правильнее *па-вай*) — не клубный дом, а дом собраний. Клубный дом называется *фалу*.

¹⁰ Сообщение Миклухо-Маклая о девушках-наложницах (*меситил*), живущих в клубном доме, их функциях и общественном статусе, полностью подтвердили следующие исследователи. См. Müller W. Yap. Halbband 1. S. 232—233.

¹¹ О посещении *мараи* в Папара см. в наст. изд., т. 1, с. 387 и 493.

¹² Каменные деньги *фе* вытесывались из арагонита — минерала, сходного по химическому составу с кальцитом, но несколько отличающегося от него по кристаллической структуре. Из арагонита состоит значительная часть жемчуга и перламутрового слоя раковин многих моллюсков. В МАЭ (фонд 168) хранятся три экземпляра таких «монет», привезенные Миклухо-Маклаем.

¹³ В ч. р. далее карандашом вписано: «которые в последнее время вследствие удобства начинают мало-помалу вытеснять *фе*».

¹⁴ На Япе употреблялись следующие виды раковинных денег: *еар* (правильнее *яр*) — шлифованные пластины (или снизки пластин), изготовленные из раковин жемчужниц; *гау* — снизки шлифованных дисков небольшого диаметра, выделанные из раковин спондилус, которые доставлялись с отдаленных островов; *ма* — выточенные в форме зуба кашалота фрагменты раковины тридакна.

¹⁵ В более полном виде предание о странствиях Анагумана (Анугуманга) см. в кн.: Müller W. Yap. Halbband 2. Нелегко определить, какие острова посетил Анагуман, так как Миклухо-Маклай записывал их названия на слух, да и в памяти япцев эти названия могли запечатлеться в искаженном виде. Но три топонима можно уверенно идентифицировать. Это расположенные на юго-запад от Япа по соседству друг с другом Сонотоль, Буль и Мерир. Сонотоль о-ва Сонсорол, Буль — о. Пуло-Анна, а о. Мерир так и называется на современных картах. Неминиер — возможно, Хальмахера. Что касается страны У-Канат (Ганат), то, по мнению В. Мюллера (Müller W. Yap. Halbband 1. S. 128—129, 302), это атолл Мапия (группа Пеган), расположенный недалеко от северо-западного побережья Новой Гвинеи. Об этом атолле см. прим. 1 к тексту «Путешествие по Западной Микронезии и на Берег Маклая» в т. 2 наст. изд.

¹⁶ См. об этом прим. 16 к статье «Архипелаг Пелау» в наст. томе.

¹⁷ Идентификацию Бура (Буля) см. в прим. 15 к этой статье.

¹⁸ Миклухо-Маклай совершал путешествие на шхуне «Си бэрд». О ее шкипере О'Кифе см. прим. 5 к тексту «Острова Адмиралтейства» в т. 2 наст. изд.

¹⁹ В ч. р. далее: «Эти люди различных национальностей и антеседенций, часто очень сомнительной честности, большинство отъявленные поклонники джина и рома, доставили туземцам очень печальное мнение о белых людях, не видя иных, как обманщиков, пьяниц и т. п. Капитаны приходящих сюда судов, которые придерживаются тех же правил, как и тредоры, и считая себя безопаснее на своем судне, чем тредоры, остающиеся жить между туземцами; нет подлостей, мерзостей, доходящих до преступлений, которые они, пользуясь почти постоянной безопасностью, себе не позволяли. Хроника плаваний торговых судов даже последнего десятилетия представляет множество сюда относящихся примеров. Благодаря этим образчикам доверия белым здесь почти не существует и убавляется пропорционально с более частыми сношениями с европейцами.

Туземцы отплачивают той же монетой, не упуская случая обманывать белых, но в этой конкуренции обмана и лжи преимущество остается на стороне европейцев, и они бессовестно им злоупотребляют».

Миклухо-Маклай осуществил свое намерение рассказать о злодеяниях европейских шкиперов и тредоров уже в ноябре 1877 г., написав статью «Несколько слов о ловле трепанга на островах западной части Тихого океана близ экватора». Эта статья, публикуемая в наст. томе, впервые увидела свет лишь в 1939 г.

Архипелаг Пелау (от 15—28 апреля)

Печатается по: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 58. Составляет часть «письма второго» в беловом варианте описания путешествия 1876 г. Об этой рукописи, соответствующем черновике и всем корпусе рукописей, относящихся к путешествию 1876 г., см. с. 500—503, 506—507 в т. 2 наст. изд.

Впервые: Изв. РГО. 1878. Т. 14. Вып. 3. Отд. 1. С. 257—297, под названием «Архипелаг Пелау. Очерки путешествия в Западную Макронезию и Северную Меланезию», с небольшой стилистической правкой, неправильным прочтением отдельных слов, с перестановкой в тексте.

Переиздано: 1941. Т. 2. С. 115—141, со значительной правкой, пропусками и перестановками в тексте, неправильным прочтением отдельных слов. Отсюда: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 268—313, с частичным устранением пропусков, перестановок и других неточностей, а также отказом от части необоснованной правки, но с небольшой дополнительной стилистической правкой.

Примечания 10, 12, 20, 27, 29, 30, 32—37, 41, 43, 45, 49 (част.), 50—52 составлены М. В. Станюкович, 9 — А. Г. Козинцевым, 25 (част.) — А. К. Оглоблиным. Остальные примечания сделаны Д. Д. Тумаркиным.

¹ Аркледеу (правильнее Нгаркледеу) — не остров, а одно из территориальных подразделений (округов), на которые делился архипелаг Палау (Палау). Миклухо-Маклай здесь имеет в виду о. Корор, составлявший ядро этого округа.

² Миклухо-Маклай не проводит различия между общинными домами (*бай л пелу*), в которых собирались на совет вожди деревни, и клубными домами (*бай л гал-дебегел*), принадлежавшими мужским союзам (клубам). См. об этом: *Krämer A. Palau // Ergebnisse der Südsee-Expedition 1908—1910. II. Ethnographie: B. Mikronesien. Bd. 3. Teilband 2. Hamburg, 1919. S. 4.*

³ Яванец Сале, имевший поварские навыки, был занят приготовлением пищи. На Палау были наняты двое слуг: Мёбли, на которого была возложена в основном заготовка провизии в качестве охотника и рыбака, и девочка Мира, которая должна была стирать, убирать и т. д. Эти слуги были с Миклухо-Маклаем во время его второго пребывания на Берегу Маклая. Он рассчитался с ними в Сингапуре в апреле 1878 г., причем позаботился, чтобы Мёбли и Мира были возвращены на Палау. См. письма Миклухо-Маклая от 20 декабря 1878 г. и 4 октября 1883 г. в т. 5 наст. изд.

⁴ О Брока и его таблице см. прим. 15 к «Фрагментам полевого дневника за 1872 г.» в т. 1 наст. изд.

⁵ См. статью «Остров Вуап, или Яп» в наст. томе.

⁶ Федор Петрович Литке (1797—1882) — русский мореплаватель и исследователь Арктики, адмирал, президент Петербургской Академии наук (1864—1882). В 1826—1829 гг. руководил кругосветной экспедицией на шлюпе «Сенявин», в ходе которой открыл и описал несколько островов Каролинского архипелага. Литке был одним из организаторов Русского географического общества и фактически руководил его деятельностью в 1845—1850 и 1857—1872 гг., будучи его вице-президентом. Содействовал плаванью Миклухо-Маклая на корвете «Витязь» и его первой экспедиции на Новую Гвинею.

⁷ Карл Семпер, правильное Земпер (1832—1893) — немецкий натуралист и путешественник, профессор зоологии в Вюрцбургском университете. Проводил исследования на Филиппинах в 1858—1861 и 1864 гг. На Палау находился с декабря 1861 г. по январь 1863 г. Миклухо-Маклай имеет в виду книгу: *Semper K. Die Palau-Inseln in Stillen Ocean. Leipzig, 1873.*

⁸ Мнение о наличии у жителей Палау «примеси папуасской крови», т. е. меланезийских (австралоидных) черт, подтверждается современными исследователями. «Микронезийцы в основном также относятся к монголоидному фенотипу, — пишет П. Беллвуд. — Но в некоторых районах, особенно на о-вах Палау, Каролинских и Маршалловых островах, наблюдается прилив меланезийских генов» (*Беллвуд П. Покорение человеком Тихого океана. М., 1986. С. 21. См. также с. 314.*)

⁹ Термин *epicanthus* в настоящее время употребляется не в смысле патологического образования, а для обозначения кожной складки во внутреннем углу глаза, более или менее прикрывающей слезный бугорок. Именно о такой складке и говорит здесь Миклухо-Маклай. Эпикантус представляет собой характерную особенность монголоидов и во многих монголоидных группах встречается у подавляющего большинства индивидуумов. То, что этот признак имеется и у некоторых микронезийцев, свидетельствует о присутствии здесь монголоидного компонента.

¹⁰ В ч. р. далее: «(т. е. обмакнув концы зубьев гребня и поставив инструмент на место кожи, которое желают татуировать, ударяют по головке гребня, которого зубцы вонзаются в кожу)».

¹¹ Ян Станислав Кубари (1846—1896) — натуралист и этнограф. Его детство и юность прошли в Польше, откуда он эмигрировал в 1868 г. В 1869 г. гамбургский Музей Годефруа послал его на острова Океании для собирания коллекций. Посетив Самоа и несколько микронезийских островных групп, Кубари в 1873 г. обосновался на о. Понапе, где завел плантацию и женился на местной жительнице. Отсюда он совершал путешествия по Микронезии и другим регионам Тихого океана. Кубари активно содействовал немецкой колониальной политике в Океании: в 1885 г. служил переводчиком на военном корабле, поднявшем немецкий флаг на нескольких островах, в 1885—1887 гг. управлял немецкой плантацией на о. Новая Британия, а в 1887—1895 гг. возглавлял факторию монопольной немецкой Новогвинейской компании на Берегу Маклая, где захватил шесть земельных массивов для устройства крупных плантаций. Одна из них была основана в бухте Константина, в результате чего жители Горенду и Гумбу лишились части своих земель и вынуждены были переселиться в Бонгу (см.: *Тумаркин Д. Д. Хозяйство папуасов бонгу // На Берегу Маклая (этнографические очерки)*. М., 1975. С. 87—88). Кубари внес вклад в изучение природы и населения многих островов Океании. На Палау он находился с февраля 1871 г. по май 1873 г. и снова посетил эту островную группу в 1883—1884 гг. и 1885 г. К 1876 г., когда Миклухо-Маклай совершал свое путешествие по Микронезии, Кубари опубликовал лишь одну работу о Палау: *Kubary J. S. Die Palau-Inseln in der Südsee // Journal des Museum Godeffroy*. 1873. N 4. S. 177—238. Его основные работы об островах Палау включены в его книги: *Ethnographische Beiträge zur Kenntniss der Karolinischen Inselgruppe und Nachbarschaft*. Berlin, 1885; *Ethnographische Beiträge zur Kenntniss des Karolinen Archipels*. Heft 1—3. Leiden, 1889—1895.

¹² В ч. р. далее: «Об арх. Пелау существует довольно обширная литература. Кроме мореплавателей, которые вскользь посетили эту группу, некоторые из авторов этих описаний оставались довольно долго, чтобы познакомиться отчасти с туземцами, их обычаями и образом жизни. Все эти источники, хотя даже написаны с односторонней точки зрения, соответствующей занятиям авторов и обстоятельствам, которые их привели на эти острова, заслуживают полный интерес, будучи написаны в разное время, при *<1 нрзб>*, так как с тех пор, как европейские суда стали часто посещать их, образ жизни изменяется, старые обычаи значительно сглаживаются».

¹³ В бумагах Миклухо-Маклая (ПО ААН. Ф. 143. Оп. 2. № 11) сохранилась рукопись «Мищение сестры (Фрагмент из истории островов Палау)», написанная, очевидно, Дж. Гибнсом (Гиббоном) на своеобразном английском языке, им самим охарактеризованном как Creole English. Миклухо-Маклай собирался перевести предание на немецкий язык, подобрал для него эпиграф из комедии Мольера «Школа жен», но фактически перевел лишь несколько первых фраз (Там же. Л. 1 об.). Ознакомление с рукописью показывает, что она написана человеком, слабо разбиравшимся в особенностях местной культуры и изложившим предание в меру своего разума. Так, в рукописи фигурируют короли, именуемые «их величествами»,

Сатана и т. д. Более того, искажены некоторые местные топонимы и титулы вождей, что не легко понять, ибо Гиббон к тому времени уже 16 лет жил на Палау. Вольный, весьма неточный перевод «Мщения сестры» см.: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 494—504. В АГО (Ф. 6. Оп. 1. № 142) сохранилась машинописная копия этого перевода, на титуле которой значится: «Перевод, литературная обработка и примечания Д. С. Миклухо-Маклая. 1938 г.» Дмитрий Сергеевич Миклухо-Маклай — сын Сергея Николаевича, брата путешественника.

¹⁴ Вест-индский негр Джеймс Гиббон (правильно Гиббон) появился на Палау в 1860 г. С 1870 г. он жил в деревне Корор, женился на островитянке, служил переводчиком иностранцам. В начале XX в. те же функции выполнял его сын Уильям. См.: *Krämer A. Palau. Teilband 1. Hamburg, 1917. S. 136.*

¹⁵ Имеется в виду «Программа предполагаемых исследований во время путешествия на острова и побережья Тихого океана», публикуемая в наст. томе. Приведенная в «Программе» (с. 298) цитата из письма Герланда не вполне совпадает с приводимой в этой статье.

¹⁶ Общая площадь островов, входящих в группу Палау, — ок. 490 кв. км. Упомянутые Миклухо-Маклаем острова на современных картах носят следующие названия: Бабелтуап, Каянгел, Уруктапел, Ангаур, Улонг, Малакал. О топониме Аркледеу см. прим. 1 к этой статье.

¹⁷ Миклухо-Маклай допустил неточность: титул верховного вождя деревни Малегиок и всего округа Нгателнгал — *раклай*, деревни Айрай (Ирай) и всего округа Нгарагумелбай — *нгиракед*. Томоль (Темол) — имя раклая, правившего в Малегиоке во время посещения о-вов Палау Миклухо-Маклаем. См.: *Krämer A. Palau. Teilband 2. S. 2—3, 104.*

¹⁸ О Вильсоне см. прим. 14 к тексту «Острова Агомес, или Хермит» в т. 2 наст. изд.

¹⁹ Миклухо-Маклай приводит названия округов на о. Бабелтуап в неточном написании либо вместо названия округа дает название его главной деревни. Ниже в левом столбце приводим названия округов и деревень из статьи Миклухо-Маклая, в правом — соответствующие названия из книги А. Кремера, который зафиксировал в начале XX в. на этом острове семь округов (*Krämer A. Palau. Teilband 2. S. 2—3, 15—19, 65—68*):

Артингал	Нгателнгал
Нарамелунгуй	Нгарамлунгуй
Нареколою	Нгареголонг
Аретмау	Нгардмау
Айбукет (деревня)	Нгабукед (округ Нгарард)
Эмелийк	Имелик
Айрай (деревня)	Ирай (округ Нгарагумелбай)
Мангалакаль	Мангалланг (округ Нгареголонг)
Акалак	?
Каклау	Кеклау (округ Нгарард)

²⁰ В ч. р. далее: «*Рабов*, как на о. Вуап, неизвестно».

²¹ В XIX в. палауанское общество находилось на стадии разложения первобытнообщинного строя и формирования классового общества. Выделялись два основ-

ных социальных слоя: знать и рядовые общинники. Деревню населяли несколько большесемейных общин. Глава самой знатной общины являлся вождем всей деревни. Несколько деревень составляли округ, которым управлял вождь самой знатной и влиятельной деревни. В 1870-х годах на Палау насчитывалось 18 округов; которые были объединены в две группировки. Одно из этих территориальных объединений возглавлял *раклай* (верховный вождь деревни Малегнок и округа Нгателнга), другое — *айбадул* (верховный вождь деревни Корор и округа Нгаркледеу). Эти две группировки вели борьбу за господство над всем архипелагом; между ними часто происходили вооруженные столкновения, которые использовали в своих интересах европейские и американские моряки и торговцы. Дуализм как принцип социальной организации проявлялся также на окружном и деревенском уровнях. Так, деревня делилась на две «стороны» (*буманг*). См.: *Krämer A. Palau. Teilband 2. S. 4; Teilband 3. Hamburg, 1926. S. 280—281; Alkire W. H. An Introduction to the Peoples and Cultures of Micronesia // Addison-Wesley Modular Publications. Module 18. S. 1. 1972. P. 14—18.*

²² В ч. р. далее было: «(из которых одна очень пострадала от воды)».

²³ Миклухо-Маклаю удалось выявить многие характерные черты религиозных верований жителей Палау. Поклонение небесным богам (*галид*), вера в духов, культ предков (*бладек*) и прочих мертвых (*делен*) сочетались здесь с тотемизмом и верой в магию. Наряду со жрецами имелись колдуны, знахари и шаманы. См.: *Kubary J. S. Die Religion der Palauer // Bastian A. (Red.). Allerlei aus Volks- und Menschenkunde. Bd. 1. Berlin, 1888. S. 1—69; Krämer A. Palau. Teilband 3. S. 334—350; Barnett H. G. Being a Palauan. New York, 1960. P. 79—81.*

²⁴ См. раздел «О суевериях и связанных с ними обычаях» статьи «Этнологические заметки о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее» в наст. томе.

²⁵ Об обычае *томали* см. прим. 19 к дневнику «Второе путешествие в Новую Гвинею 1874 г.» в т. 1 наст. изд.

Сасси (правильнее *саси*) — слово, обозначающее на Молуккских островах запрет на срывание плодов с дерева, чаще всего дуриана. Запрет выражается в том, что на дерево вешают определенный знак (например, лист кокосовой пальмы). В основе этого запрета лежит страх перед духами.

²⁶ Цветная литография, изображающая *пай* (правильнее *бай*) в Короре, в котором жили Миклухо-Маклай и другие европейские путешественники, помещена рядом с титульным листом в кн.: *Krämer A. Palau. Teilband 1. О капитане Макклоре см. прим. 14 к тексту «Острова Агомес, или Хермит» в т. 2 наст. изд.*

²⁷ В ч. р. была начата другая сноска, недописанная и зачеркнутая: «Меня пригласил однажды айбатул к ужину. Войдя в пай, я застал айбатула, который сидел около крайнего окна-двери, и главных рупаков вдоль стен. Около полудюжины монголь хлопотали около деревянных блюд (табиров), вынимая из принесенных горшков (кушанье готовилось не в пae) вареное таро и рыбу. Айбатул указал мне место против него у окна. Пока монголь разносили блюда, айбатул и рупаки занимались доставанием из не [больших] ...»

²⁸ *Об уритаос (улитао)* см.: Народы Австралии и Океании / Под ред. С. А. Токарева, С. П. Толстова. М., 1956. С. 736.

Французский военный моряк Луи Клод Фрейсине (1779—1842) предпринял в 1817—1820 гг. кругосветное плавание на корвете «Урани», в ходе которого посетил Марианские острова. См.: *Freycinet L. C. Voyage autour du monde... pendant les années 1817, 1818, 1819 et 1820. Historique. T. 2. Paris., 1829.*

Французский иезуит Шарль Ле Гобиен (1653—1708), глава миссии своего ордена в Китае, написал несколько трудов об этой стране, а также книгу: *Le Gobien Ch. Histoire des îles Mariannes. Paris, 1700.* Он был также одним из авторов и составителей первых восьми томов обширной серии: *Lettres édifiantes et curieuses, écrites des missionnaires étrangers, par quelques missionnaires de la Compagnie de Jesus. 34 vols. Paris, 1703—1774.*

²⁹ В ч. р. вместо слова «Дамбы»: «Сюда относятся дамбы, мощенные дороги, общественные и частные дома».

³⁰ В ч. р. далее: «Они строятся из массивных коралловых блоков при низкой воде».

³¹ О *бай-бай* (правильнее *па-вай*) см. раздел «Постройки» в статье «Остров Вуап, или Яп» в наст. томе и прим. 9 к ней; о двух типах общественных домов на о-вах Палау см. прим. 2.

³² В ч. р.: «большими окнами».

³³ В ч. р.: «продолговатые площадки».

³⁴ В ч. р.: «Эти площадки служат очагами».

³⁵ В ч. р. конец абзаца («Ряд полок ~ кокосовое масло») отсутствует. Вместо него другой текст, с исправлениями и сноской:

«Никакой мебели, исключая циновок, туземцы Пелау не употребляют *<эта фраза зачеркнута>*. Описав приблизительно *<зачеркнуто>*. Посетители садятся вдоль стен обыкновенно по сторонам окон, а вечером, заперев ставни и разведя небольшой огонь *<далее зачеркнуто: отделаться, прогнать комаров>* *<1 нрзб зачеркнуто>* располагаются на циновках в обществе монголь*».

³⁶ В ч. р.: «фигурного шрифта».

³⁷ В ч. р.: «Я не имел времени, чтобы скопировать много образчиков этих фигур; замечу, что, желая изобразить, например, человека говорящего или поющего, они вырезают волнистую линию разной длины, выходящую из рта».

³⁸ См. раздел «Искусство» статьи «Этнологические заметки о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее» в наст. томе.

³⁹ Публикацию Миклухо-Маклая на эту тему выявить не удалось. В личном архиве Вирхова, хранящемся в Архиве Германской Академии наук в Берлине, такого рода материалы также не обнаружены. В АГО хранится черновой набросок

* В Короре мне был отведен айбатулом один из 3 пай, которые стоят около его дома, и никто в нем не спал, исключая меня и моей прислуги. На о. Вуап (в Руме) я жил в бай-бай, которого передняя часть была отгорожена для меня, остальное занимали многочисленные члены клуба, которые каждый вечер пели и плясали далеко за полночь, причем монголь занимались преимущественно поддержанием костров. Туземцы подымались обыкновенно по восходе солнца, между тем как я вставал уже при рассвете, часто поэтому мог видеть парочки, находящиеся *<in sorula>*, закрытые по этому случаю большою циновкой».

заметки Миклухо-Маклая под названием «Ueber die Molukkos auf den Pelau Inseln» (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 89).

⁴⁰ Имеется в виду статья «Остров Вуап, или Яп», публикуемая в наст. томе.

⁴¹ В ч. р. далее: «презрительно усмехаясь».

⁴² *Фе* — каменные деньги, изготавливавшиеся на о-вах Палау и затем доставлявшиеся на Яп. См. о них раздел «Деньги» в статье «Остров Вуап, или Яп» в наст. томе.

⁴³ В ч. р. начало этой сноски следующее: «Что туземцы Пелау уже дошли до периода, когда человек чувствует недостаточным средство передавать свои мысли при посредстве каких-нибудь знаков, когда является желание найти какие-нибудь символы для этой цели, видно из следующего случая. Будучи в Вуапе, я разговаривал с Ронгнибаем (уже упомянутым сыном пилуна Руля), который пересчитывал там не без тени зависти все хорошие и полезные предметы, которые находятся у белых и не имеются у туземцев. Он был уже настолько цивилизован, что находил возможность писать и письма большим удобством и выгодой, основанными главным образом на том, что если он хочет передать что-нибудь другому, но не может сам говорить с этим человеком, он должен передать сущность дела третьему лицу для того, чтобы этот передал бы слышанное; белый же, продолжал он, напишет письмо, и никто, кроме двух, не знает, что в нем...»

⁴⁴ См.: *Дарвин Ч.* Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль». 3-е изд. Пер., вступ. ст. и прим. С. А. Соболя. М., 1976. С. 415.

⁴⁵ В ч. р. вместо этой фразы: «Гробницы мужчин отличаются от женских (тем), что имеют гладкую поверхность, женские же имеют посередине в длину возвышенную полосу, но только на тех, которые были сложены из обтесанных камней».

⁴⁶ На Палау в качестве денег (*удод*) использовались бусинки и фрагменты браслетов из разноцветного фарфора и стекла, реже — из полудрагоценных камней (агат, яшма и др.). Все эти предметы не могли быть изготовлены на месте, и их наличие на Палау свидетельствует о древних культурно-исторических связях с Юго-Восточной Азией, откуда, очевидно, и были заселены эти острова, а в дальнейшем попадали сюда новые группы мигрантов. После начала контактов с европейцами палауанцы начали изготавливать «монеты» из зеленого бутылочного стекла, но эта разновидность денег ценилась гораздо меньше. Х. Барнет, проводивший на Палау полевые исследования после второй мировой войны, сообщает об особых «женских деньгах», которые изготавливались из черепахового щита и имели ограниченное применение. Эта разновидность денег не была зафиксирована Я. Кубари и А. Крэмером. См.: *Kubary J. S.* Ethnographische Beiträge zur Kenntniss des Karolinen Archipels. Heft 1. S. 6—28; *Krämer. A.* Palau. Teilband 3. S. 156—172; *Barnett H. G.* Being a Palauan. P. 37—38.

⁴⁷ Английский моряк и торговец Эндрю Чейн (1817—1866) впервые посетил Палау в 1843 г., но особенно активно действовал здесь в 1859—1865 гг. Он убедил айбадула (верховного вождя Корора) подписать торговое соглашение, по которому Чейн получил монополию на вывоз трепанга и черепаховых щитов, и даже уговорил айбадула и подчиненных ему вождей подписать петицию с просьбой об установлении над Палау британского протектората. На земельных участках, «купленных» у местных вождей, Чейн завел плантации сахарного тростника, кофе, индиго и ба-

нанов. Желая, по-видимому, распространить свое влияние на весь архипелаг, Чейн начал продавать оружие и боеприпасы врагам Корора — верховному вождю Малегиока и его союзникам. Это вероломство в феврале 1866 г. стоило Чейну жизни. Рассказ Миклухо-Маклая об образе действий Чейна и обстоятельствах его гибели в основном подтверждается последующими исследователями. Однако айбадул был застрелен в апреле 1867 г. по требованию командира английского военного судна не братом, а другим корорским вождем. См.: *Krämer A. Palau. Teilband 1. S. 135—143; Teilband 2. S. 207; Hezel F. X. The First Taint of Civilization. A History of the Caroline and Marshall Islands in Pre-Colonial Days, 1521—1885. Honolulu, 1983. P. 180—196.*

⁴⁸ В 1832 г. американское китобойное судно «Ментор» потерпело крушение у берегов Палау. Оставшиеся в живых моряки с помощью островитян построили шлюпку и смело отправились в плавание, надеясь добраться до Тернате (Молуккские острова). Однако ветры и течения принесли шлюпку к о. Тоби, где часть моряков погибла от голода и лишений. В 1834 г. Хорас Холден и Бенжамин Ньют сумели добраться на какое-то проходившее мимо английского торгового судна. Вернувшись в США, Холден написал книгу: *Holden H. A. Narrative of the Shipwreck, Captivity and Sufferings of Horace Holden and Benj. H. Nute Who Were Castaway in the American Ship Mentor on the Pelew Islands in the Year 1832. Boston, 1836.*

⁴⁹ В ч. р. сноска: «Так как между цветными расами, как известно, половые отношения не скрываются от детей так тщательно, как между европейцами, то я не сомневаюсь в верности рассказов, которые я слышал от самих туземцев, что дети еще до так называемого полового развития пробуют в этом отношении подражать уже взрослым, и хотя это делается скрытно, где-нибудь в кустах или в лесу, но что это несвоевременное занятие очень распространено и обыкновенно. Вероятно, что так называемый половой аппетит, который является с достижением половой зрелости, может быть возбужден гораздо ранее; я слышал в ост-индских колониях, что туземные «бабу» (туземные няньки) имеют обыкновение для того, чтобы дети молчали, раздражать их половые органы, которое средство им обыкновенно удается. Ясно, что это раздражение производит *<1 нрзб>* не индифферентное ощущение, чтобы иметь желаемое следствие. Сюда же относятся приведенные Борландом (т. VI, с. 124) примеры у Крузенштерна и Кука, что в Нукагиве между другими женщинами, которые предлагали свои услуги, находилась и восьмилетняя девочка, которая в Нукагиве... *<не оконз.>* Что при *<1 нрзб>* совокуплении в Таити 11-летняя девочка знала хорошо толк. Эти наблюдения должны быть приняты во внимание защитниками школ с совместным воспитанием».

Миклухо-Маклай имеет в виду случай, описанный И. Ф. Крузенштерном. Во время стоянки у о. Нукагива (Нуку-Хива) вокруг кораблей его экспедиции по вечерам собирались молодые островитянки, числом более 50, просившие «жалостным голосом» пустить их на борт. Чтобы сохранить дистанцию, Крузенштерн вынужден был прибегнуть к выстрелам в воздух. Поведение женщин он объясняет в первую очередь стремлением их мужей и отцов приобрести железные изделия. «Собственными глазами моими, — пишет Крузенштерн, — я видел одного мужчину, плававшего вокруг корабля с девочкою *<лет>* от 10 до 12-ти, уповательно его дочерью, и предлагавшего ее к услугам любострастия. Но более всего удивило меня

и в то же время произвело мое отвращение, что некоторые девочки не старше восьми лет с таким же бесстыдством торговали собою, как осьмнадцатилетние и двадцатилетние их подруги» (*Крузенштерн И. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах. Ч. 1. СПб., 1809. С. 146).

О случае, происшедшем на Таити, см. в кн.: *Кук Дж.* Первое кругосветное плавание... в 1768—1771 гг. Пер. с англ. А. В. Шалыгиной. Отв. ред. Я. М. Свет и И. Г. Морозовский. М., 1960. С. 133.

⁵⁰ В ч. р. «как меня уверяли в Короре и Малегииоке».

⁵¹ В ч. р. «4 или 5 недель».

⁵² В ч. р. далее: «в Короре человек лет 25 и дочь Чина в Айрай лет 15».

⁵³ Миклухо-Маклай еще раз посетил о-ва Палау в апреле 1883 г. на борту русского корвета «Скобелев». См. письмо Миклухо-Маклая от 29 апреля 1883 г. в т. 5 наст. изд.

Антропологические заметки о туземцах островов Адмиралтейства

Печатается по: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 61. Л. 113—124. Описание белой рукописи и ее чернового варианта см. на с. 500—503, 506—507 т. 2 наст. изд.

Впервые: Изв. РГО. 1878. Т. 14. Вып. 5. Отд. 2. С. 445—455, с небольшой правкой. Отсюда: Изд. 1941 г. С. 31—38, со значительной правкой, с пропуском одного абзаца; СС. Т. 3. Ч. 1. С. 313—324, с некоторыми уточнениями, но с сохранением пропуска.

Примечания 5 (част.), 9 сделаны А. Г. Козинцевым, 7 — М. В. Станюкович. Остальные примечания подготовлены Д. Д. Тумаркиным.

¹ Имеется в виду статья «Антропологические заметки, собранные во время путешествия в Западную Микронезию и Северную Меланезию в 1876 г.», публикуемая в наст. томе.

² Об А. Б. Мейере (Майере) см. прим. 1 к тексту «Поправки к странице 459 части XX» в наст. томе.

³ Об Э. Беккари см. прим. 16 к тексту «Бейтензорг — Амбоина» в т. 1 наст. изд.

⁴ О таблице Брока см. прим. 15 к тексту «Фрагменты полевого дневника за 1872 г.» в т. 1 наст. изд.

⁵ Фридрих Мюллер (1834—1899) — австрийский языковед и этнограф, профессор Венского университета, один из зачинателей этнолингвистики. Об Э. Геккеле см. прим. 56 к «Первому путешествию по Малаккскому полуострову» в т. 2 наст. изд.

Неравномерность расположения корней волос, при которой некоторые участки кожи головы остаются открытыми, наблюдается у некоторых африканских народов, в частности у бушменов, готтентотов, в некоторых нилотских группах (динка, нуэр, шиллук). Адаптивное и расоводиагностическое значение этого признака неясно, но во всяком случае он не дает оснований для деления рас на низшие и высшие.

⁶ Имеется в виду кн.: *Broca P. Instructions générales pour les recherches anthropologiques*. Paris, 1865. См. также прим. 4 к данному тексту.

⁷ В ч. р. здесь сноски: «Чтобы производить измерение по возможности точно и скоро, что было необходимо при нетерпеливости, беспокойстве меряемого субъекта, и притом получить верный рисунок, я начинал с того, что переносил циркулем прямо на бумагу различные размеры зуба или зубов, а затем при помощи полученных точек делал рисунок зуба или зубов. Боязливость, подвижность измеряемых была причиною, что я часто должен был ограничиваться более характеристичными размерами и оставлять другие в стороне. Если эти размеры рознятся от посланных г. Вирхову, то это вследствие того, что, не имея копии с письма к нему, я не знаю, размеры каких зубов я ему послал. Здесь я привожу размеры самые большие».

⁸ Об экспедиции на австрийском фрегате «Новара» см. прим. 11 к статье «Антропологические заметки, собранные во время путешествия в Западную Микронезию и Северную Меланезию в 1876 г.» в наст. томе.

⁹ *O palpebra tertia* см. прим. 5 к статье «Антропологические заметки, собранные во время путешествия в Западную Микронезию и Северную Меланезию в 1876 г.» в наст. томе.

Антропологические заметки о туземцах группы Агомес

Печатается по: Изв. РГО. 1879. Т. 15. Вып. 1. Отд. 3. С. 37—40.

Беловая рукопись в АГО не сохранилась (см. об этом: с. 501 т. 2 наст. изд.). Черновая рукопись (ПО ААН. Ф. 143. Оп. 1. № 4) в целом уступает по полноте публикации в Изв. РГО, но содержит раздел, возможно, имевшийся в утраченной беловой рукописи, но исключенный в указанной публикации.

В Изд. 1941 г. (с. 90—92) текст повторяет публикацию в Изв. РГО. В СС (Т. 3. Ч. 1. С. 328—331) текст дополнен неоговоренными вставками, в основном совпадающими с соответствующими местами черновой рукописи, произведена небольшая стилистическая правка.

Примечание 4 сделано А. Г. Козинцевым, 5 и 6 (част.) — М. В. Станюкович. Остальные примечания подготовлены Д. Д. Тумаркиным.

¹ Архипелаг Тауи — на современных картах архипелаг Адмиралтейства. О топониме Тауи см. прим. 6 к тексту «Путешествие по Западной Микронезии и на Берег Маклая в 1876 г.» в т. 2 наст. изд.

² О К. Семпере (Земпере) см. прим. 7 к статье «Архипелаг Пелау» в наст. томе, об Уэллесе (Уолесе) — прим. 13 к тексту «Острова Адмиралтейства» в т. 2 наст. изд.

³ Федор Ягор (1816—1890) — немецкий этнограф. Собирая коллекции для Берлинского музея народоведения, посетил несколько стран Южной и Юго-Восточной Азии. Основные работы: *Jagor F. Singapore, Malakka, Java*. Berlin, 1866; *Idem. Reisen in den Philippinen*. Berlin, 1878. Об А. Б. Мейере (Майере) см. прим. 1 к тексту «Поправки к странице 459 части XX» в наст. томе.

⁴ В свете полученной за последние десятилетия информации о распределении генных частот в различных популяциях, традиционно относимых к «экваториальной расе», мнение Р. Вирхова об отсутствии близкого родства между этими популяциями следует считать совершенно правильным. Однако прав был и Миклухо-Маклай, настаивавший на том, что сходство между аэта, семангами и папуасами по цвету кожи и форме волос важнее, чем различия между ними по форме головы. Антропологи XIX в. были склонны придавать головному указателю очень важное значение. В XX в. было установлено, что этот признак способен быстро (в течение 200—300 лет) претерпевать сильные изменения под действием каких-то не вполне понятных причин, и, следовательно, для классификации давно разошедшихся групп он практически бесполезен. Цвет кожи и форма волос несомненно гораздо более стабильны и соответственно более значимы для расовой систематики. Однако эти признаки могут играть существенную адаптивную роль, что снижает их ценность для установления родственных связей популяций. См. также прим. 9 к статье «Антропологические заметки, собранные во время путешествия в Западную Микронезию и Северную Меланезию в 1876 г.» в наст. томе.

⁵ В ч. р. далее текст под заголовком «Незначительная величина мужского полового органа», возможно, существовавший в утраченном беловом варианте: «Особенность, которую я заметил у туземцев Тауи, я имел случай констатировать и здесь. Penis оказался у взрослых замечательно мал, он был как бы втянут под кожу, и единственно glans penis выглядывала из-за складок praeputium. Эта особенность была так характеристична и бросалась так в глаза, что была замечена матросами шкуны и стала предметом их острот. Те экземпляры, которые я имел случай видеть, были люди лет за тридцать (лета, которые соответствуют гораздо большим у европейцев), и penis их был относительно роста значительно более редуцирован, чем у мальчиков, приближавшихся к зрелости. У детей эта анатомическая особенность не была еще приметна. К сожалению, я не могу привести в дополнение моих слов ни одной цифры, ни одного размера, а (принужден) ограничиться голословным сообщением замеченного».

⁶ В ч. р. далее: «После этого отступления, которое включил, чтобы напомнить слишком требовательному читателю, при каких условиях я делал мои наблюдения, прибавлю, что противоположная найденной особенности туземцев Агомес (т. е. значительная величина penis'a) была замечена у негров*, но, насколько мне известно, как и в моем случае, не были приданы относительные размеры, могущие послу-

* Хомброн (Hombbron), приводя этот факт, говорит: «Cette disposition qui empêche l'union du negre avec la femme caucasique tandis qu'elle ne suppose point à celle de l'homme caucasique avec la femme ethiopienne» (*Это предрасположение, которое мешает соединению негра с женщиной кавказской расы (т. е. европейкой), однако не препятствует соединению мужчины кавказской расы с эфиопской женщиной (фр.)*).

Это предположение *«о невозможности сокоупления негра с европейкой»*, однако же, вряд ли справедливо. Не зная результатов скрещивания негра с белой ♀, мне известно, что браки негров с малайскими и полинезийскими ♀♀ далеко не бездетны; к тому же яванские женщины значительно меньше ростом и миниатюрнее европейских (между которыми солдаты-негры на Яве выбирают своих жен).

жить для сравнения с величиной этого органа у других рас*. Я также не знаю, было ли подтверждено это сообщение новейшими наблюдениями**.

О Хомброне и цитируемом труде см. авторское примечание на с. 110 т. 2 наст. изд. и прим. 16 к тексту «Острова Адмиралтейства» в том же томе.

Несколько сведений об островах Агомес, узанных от тредора Шоу, прежде жившего на этой группе

Печатается по: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 62. Л. 24—29. Составляет часть «письма пятого» в беловом варианте описания путешествия 1876 г. Краткие сведения об этой рукописи, соответствующем черновике и всем корпусе рукописей, относящихся к путешествию 1876 г., см. на с. 499—501, 508 т. 2 наст. изд.

Впервые: Изв. РГО. 1879. Т. 15. Вып. 1. Отд. 2. С. 40—43, с небольшой правкой. Переиздано: 1941. Т. 2. С. 92—94, с пропусками и значительной правкой. Отсюда: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 332—335, с устранением пропусков и части стилистической правки, но с небольшой новой правкой.

Примечания сделаны Д. Д. Тумаркиным.

¹ См. тексты «Путешествие по Западной Микронезии и на Берег Маклая» и «Группа Агомес, или Хермит» в т. 2 наст. изд. (с. 98—102, 139).

² О топониме Тауи см. прим. 6 к тексту «Путешествие по Западной Микронезии и на Берег Маклая» в т. 2 наст. изд.

³ См. об этом в статье «Антропологические заметки о туземцах островов Адмиралтейства» в т. 2 наст. изд.

⁴ История заселения о-вов Агомес (Хермит) остается мало изученной, но можно предполагать, что первозаселщиками здесь, как и на о-вах Ниниго, были микронезийцы. Позднее на о-вах Хермит появились выходцы с о. Адмиралтейства (Манус). В конце XIX — начале XX в. на Хермите обитало смешанное меланезийско-микронезийское население. См.: *Parkinson R. Dreissig Jahre in der Südsee. Stuttgart, 1907. S. 436.*

⁵ См. об этом в тексте «Группа Агомес, или Хермит» (т. 2 наст. изд., с. 149).

* Hombron сам говорит далее: «Si sette observation sur la conformation des negres est bien exacte et si elle est générale pour l'espèce ethiopique, elle nous parait former un bon caractere zoologique» *иВ том случае, если это наблюдение о сложении негров является верным и распространяется на весь эфиопский вид, оно может считаться значительной зоологической особенностью (фр.)*.

** Находясь с 1870 г. вне возможности следить за появляющейся научной литературой, мне неизвестно, были ли прибавлены наши антропологические сведения путешественниками по Африке последнего времени.

Несколько слов о ловле трепанга на островах
западной части Тихого океана близ экватора

Печатается по: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 62. Л. 29—38.

Впервые: Изв. ГГО. 1939. Т. 71. № 1—2. С. 279—283. Переиздано: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 474—482, с небольшой стилистической правкой.

Завершает «письмо пятое» в беловом варианте описания путешествия 1876 г. Краткие сведения об этой рукописи и всем корпусе рукописей, относящихся к путешествию 1876 г., см. на с. 500—503, 510 т. 2. наст. изд.

Черновик хранится в ААН (Ф. 143. Оп. 1. № 15. Л. 35). Он вложен в большую черную тетрадь, содержащую описание второго пребывания на Берегу Маклая (1876—1877 гг.) и начало описания второго путешествия по островам Меланезии (1879 г.). Место вложения выбрано произвольно. Черновик написан черными выцветшими чернилами на листе голубой бумаги с двух сторон, по два вертикальных столбика с каждой стороны, с немногими исправлениями. Почерк мелкий, но разборчивый.

Примечания написаны Д. Д. Тумаркиным.

¹ О Чейне см. прим. 47 к статье «Архипелаг Пелау» в наст. томе.

² Имеется в виду гористый о. Понапе, расположенный в восточной части Каролинских островов.

³ Остров Тауи (Адмиралтейства) — на современных картах о. Манус. См. об этом прим. 6 к тексту «Путешествие по Западной Микронезии и на Берег Маклая» в т. 2 наст. изд. Современное название о-вов Агомес — о-ва Хермит.

⁴ Миклухо-Маклай во время путешествия пользовался немецким изданием книги Уоллеса: *Wallace A. R. Der Malayische Archipel*. Braunschweig, 1869. Об Уоллесе см. прим. 13 к тексту «Острова Адмиралтейства», публикуемому в т. 2 наст. изд.

⁵ Имеется в виду резня, происшедшая в 1875 г. по вине шкипера шхуны «Рупак» у о. Иезу-Мария (Рамбутью). См. об этом в дневниковой записи от 27 мая 1876 г. в тексте «Острова Адмиралтейства», публикуемом в т. 2 наст. изд.

⁶ Остров Герцога Йоркского (Duke of York) расположен в проливе между Новой Ирландией и Новой Британией. Упоминаемый в следующем авторском примечании о. Ангелуул — о-ва Нгулу, находящиеся к югу от Япа.

⁷ См. об этом в разделах «Деньги» и «Влияние европейцев и отношение их к туземцам» в статье «Остров Вуап, или Яп» в наст. томе.

⁸ О резне, происшедшей в 1872 г. на о-вах Агомес (Хермит) по вине шкипера шхуны «Орел», см. дневниковую запись от 11 июня 1876 г. в тексте «Острова Агомес, или Хермит» в т. 2 наст. изд. О сходном случае, происшедшем у о. Иезу-Мария, см. прим. 5 к данной статье.

⁹ Письмо Миклухо-Маклая вице-президенту РГО П. П. Семенову от 15 июня 1876 г., написанное во время пребывания на о-вах Нининго, обнаружить не удалось.

О большесзубых меланезийцах

Печатается по рукописи, находящейся в архиве Германской Академии наук в Берлине (Nachlass: Virchow/43/1392). Это сообщение, адресованное Р. Вирхову, было представлено последним на заседании Берлинского общества антропологии, этнологии и первобытной истории 16 декабря 1876 г. и опубликовано в его протоколах (Verh. BGAEU. 1876. Bd. 8. S. 290—291). Текст публикации незначительно отличается от рукописного; в частности, последняя фраза первого примечания в рукописи вычеркнута (вероятно, Вирховым) и в публикации отсутствует. Местонахождение оригинала таблицы неизвестно.

Впервые в переводе на русский язык: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 336—339, с отдельными неточностями.

Примечание 3 сделано А. Н. Анфертьевым. Остальные примечания подготовлены Д. Д. Тумаркиным.

¹ О. Адмиралтейства — на современных картах о. Манус.

² Пакет с обломком зуба, посланный Р. Вирхову, был по пути в Европу утерян (см. «Вторую заметку о макродонтизме» в наст. томе). Не получив пакет с зубом, Вирхов исключил из публикации соответствующую фразу в примечании.

³ За текстом публикации следуют замечания Р. Вирхова по поводу нескольких черепов и особым образом выделанных нижних челюстей, привезенных немецким путешественником А. Тетенсом с о-вов Хермит и Ниниго (Эшикье). В заключение Вирхов сказал: «...Я не ожидал, что придется предполагать столь большое различие между жителями <о-вов> Хермит и жителями <о-вов> Эшикье, как на это указывает г. фон Маклай. В частности, уже тогда мне бросилась в глаза величина альвеол резцов, причем и у тех, и у других. Увы, эти зубы полностью отсутствуют и потому более подробное сравнение невозможно. Строение черепов определенно говорит во всяком случае о том, что эти островные группы этнологически принадлежат скорее Микронезии, нежели Меланезии».

⁴ В настоящем томе таблица по техническим причинам несколько уменьшена против оригинала.

О макродонтизме

Печатается по: On Macrodontism // Proc. LNSNW. 1879. Vol. 3. Pt. 3. P. 169—173. Доложено на заседании Линнеевского общества Нового Южного Уэльса 30 сент. 1878 г.

Впервые на русском языке: СС. Г. 3. Ч. 1. С. 339—341. Как и в СС, в нашем издании приводятся начало и конец статьи, так как середина ее является повторением заметки «О большесзубых меланезийцах», публикуемой в наст. томе.

Примечание 1 подготовлено Д. Д. Тумаркиным, 2 — А. Г. Козинцевым.

¹ Очевидно, имеются в виду статьи «Антропологические заметки о туземцах островов Адмиралтейства» и «Антропологические заметки, собранные во время путешествия в Западную Микронезию и Северную Меланезию в 1876 г.», которые публикуются в наст. томе.

² Факты, которые приводит автор во «Второй заметке о „макродонтизме“ меланезийцев», публикуемой в наст. томе, опровергают это мнение.

Вторая заметка о «макродонтизме» меланезийцев

Печатается по: A Second Note on «Macrodontism» of the Melanesians // Proc. LNSNW. 1886. Vol. 10. Pt. 4. P. 682—686. Доложено 28 окт. 1885 г.

Впервые в переводе на русский язык: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 342—346, с отдельными неточностями.

Примечания подготовлены Д. Д. Тумаркиным.

¹ На современных картах о. Адмиралтейства — о. Манус, архипелаг Луб — о-ва Хермит.

² Эрнст Леопольд Сальковски (1844—1925) — физиолог и патолог, ученик Вирхова, руководитель химической лаборатории Института патологии в Берлине.

³ Уильям Джон Стефенс (1829—1890) — педагог и организатор науки в Австралии, один из основателей Линнеевского общества Нового Южного Уэльса. В 1882 г. стал профессором естественных наук в Университете Сиднея, читал там лекции по геологии и физической географии.

Диалекты островков Андра и Сорри

Печатается по: ПО ААН. Ф. 143. Оп. 1. № 6.

Впервые: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 324—325, с рядом мелких неточностей.

Рукопись представляет собой двойной лист линованной бумаги, четырежды равномерно согнутый по вертикали, очевидно для разграничения колонок (в крайней правой колонке текст отсутствует). Заполнен лишь первый лист, л. 1 об.—4 об. чистые. Автограф явно беловой, выполнен черными, слегка выцветшими чернилами четким почерком без исправлений. Первый столбец отделен от второго длинным прочерком.

Примечания подготовлены В. И. Беликовым.

¹ Андра и Сорри (Сори) — небольшие острова, расположенные у северного побережья о. Манус в группе о-вов Адмиралтейства. На о. Андра и соседнем с ним о. Хус распространен язык андра-хус, на о. Сори и соседнем о. Харенган — язык сори-харенган. Оба языка относятся к подгруппе манус группы языков о-вов Адмиралтейства австронезийской семьи языков. Детальных описаний этих языков до

сих пор не существует. Краткие словники обоих языков опубликованы У. Смитом (*Smyth W. E. Comparative Wordlists of the Admiralty Islands Languages // Workpapers in Papua New Guinea Languages. Vol. 14. Ukarumpa [Papua New Guinea]. 1975. P. 117—216*).

² Миклухо-Маклай пользуется известным ему словом из языка бонгу.

³ *Пеин* (правильно *бибин*) — ‘женщина’ на языке титан, который использовался на островах Адмиралтейства в качестве языка межэтнического общения.

〈Словник языков яп и палау〉

Печатается по: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 22. Л. 12 об. — 18 об.

Впервые: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 325—328, с рядом мелких неточностей.

Рукопись представляет собой тетрадь, сшитую из линованных листов. На первом листе проставлена дата: 1876/77 и дан общий заголовок: «Словари (О^в Вуап, Арх. Пэлау, О^в Адмиралтейства, О^{ва} Ниниги и Берег Маклая в Н-Гвинее)»; здесь же указан автор. Вероятно, Миклухо-Маклай предназначал эту тетрадь для черновика сводного словника языков посещенных им местностей, но замысел не был осуществлен; заполнены в три столбца лишь левые половины оборотных листов. Первый (незаглавленный) столбец со значениями написан выцветшими чернилами, иногда поверх карандаша, и в большинстве случаев отделен от второго при помощи тире. Во втором столбце записи делались карандашом, чернилами, чернилами поверх карандаша, в третьем — только карандашом. Почерк не вполне отчетливый.

Заполнение л. 16 об. не закончено, и остается неясным, какое отношение имеет последующий текст (л. 17 об. — л. 18 об.) к первоначальному замыслу, хотя трехстолбцовая структура записей сохраняется. На л. 17 об. имеются лишь следующие три строки:

Кокос	〈неразборчиво〉	лиуш, лиур
Банан		ту
Бамбук		бамбу

Последнее слово явно представляет собой запись английского перевода русскими буквами. Трудно допустить, что прекрасно говоривший по-английски Миклухо-Маклай принял его за слово языка палау. Не удивительно, что эти три строки были исключены из публикации в СС.

Два столбца числительных, записанные (частично без русского перевода) на л. 18 об. и публиковавшиеся в СС как часть словника языков яп и палау, не могут иметь отношения к этому словнику. Ср., например, первые пять числительных в языке яп и во втором столбце рукописи:

	<i>Язык яп</i>	<i>Рукопись</i>
Один	taqreeb	тетан
Два	l'agruw	терун
Три	dalip	тедой
Четыре	qanngceeg	тевон
Пять	neel'	теим

Эти лингвистические заметки имеют лишь мемориальную ценность. Очевидно, сознавая их несовершенство, Миклухо-Маклай не позаботился о публикации собранного материала. Не считая целесообразным отмечать и анализировать здесь ошибки, неточности и явные недоразумения, содержащиеся в словнике, мы в примечаниях отсылаем читателей к специальной литературе по этим вопросам.

Примечания подготовлены В. И. Беликовым.

¹ Язык яп относится к австронезийской семье языков, его родственные связи внутри семьи остаются неисследованными. Яп — родной язык и основное средство повседневного общения жителей островов Яп (крайний запад Каролинского архипелага. Федеративные Штаты Микронезии). Он используется здесь как язык местной администрации и начального образования.

Первый словник языка яп опубликован в 1870-х годах (*Blobm J. T., Tetens A. Vocabulär der Yapsprache // Journal des Museum Godeffroy, 1873. Bd. 1*; несколько позже вышло первое грамматическое описание (*Ambrosio de Valencina, fray. Primer ensayo de gramática de la lengua de Yap... con un pequeno diccionario... Manila. 1882*). Существует современное грамматическое описание (*Jensen J. T. et al. Yapese Reference Grammar. Honolulu, 1977*) и словарь (*Jensen J. T. et al. Yapese-English Dictionary. Honolulu, 1977*).

² Язык палау (белау) относится к австронезийской семье языков, наиболее близок к языкам Филиппин. В настоящее время — официальный язык Республики Белау (Палау), расположенной на одноименной группе островов в Западной Микронезии.

Первые словники языка палау опубликованы мореплавателями в конце XVIII в. Сравнительно полная грамматика и словарь изданы в начале нашего столетия (*Walesser S. Grammatik der Palausprache // Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. Bd. 14. Berlin, 1912. S. 121—231; Walesser S. Palau Wörterbuch. I. Palau-Deutsch; II. Deutsch-Palau. Hongkong, 1911*). Существует современное грамматическое описание (*Josephs L. S. Palauan Reference Grammar. Honolulu, 1975*) и словарь (*McManus E. G., Josephs L. S., Masa-aki Emisiochel. Palauan-English Dictionary. Honolulu, 1975*).

РАЗНОЕ

Программа предполагаемых исследований во время путешествия
на острова и побережья Тихого океана

Печатается по: Изв. РГО. 1870. Т. 6. Вып. 8. Отд. 2. С. 258—272. Отсюда: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 7—22.

Замысел научной экспедиции, длительной по времени, широкоохватной по регионам, подлежавший исследованию, комплексной по целям и программе, складывался, обосновывался и развивался у Миклухо-Маклая в 1869—1870 гг. Возможности его реализации ученый сразу же связал с РГО. 28 октября 1869 г. Совет РГО под председательством Ф. П. Литке обсудил «представление Миклухо-Маклая, путешественника и зоолога» (сам Миклухо-Маклай в это время был в Германии). Согласно отчету в Изв. РГО, в центре предложенной Миклухо-Маклаем программы должно было находиться «продолжение... исследований морской фауны и всех научных вопросов, непосредственно к этим исследованиям примыкающих».

«Изменение организации животных, в особенности низших, — пишет г. Маклай, — может быть хорошо понято и научно объяснено только при самом тщательном исследовании той среды, которую эти животные обитают. Только при точном определении температуры воды и ее колебаний, плотности и состава ее, морских течений и соседства других организмов и вообще всех разнообразных географических и физических условий местности можно объяснить удовлетворительно, почему и каким путем развилась та или другая форма. Занимаясь в настоящее время в музее императорской Академии наук разработкой части материалов, собранных в путешествиях академиков Бэра и Миддендорфа и в кругосветном плавании Вознесенского и состоящих преимущественно их морских животных, собранных по берегам Восточного океана, на берегах бывших Русско-Американских владений, в Камчатке и на Амурской и Курильской грядках, я успел прийти к некоторым весьма интересным результатам по вышеизложенным соотношениям органической жизни и среды, в которой она находится. Эти результаты, которые желательно проверить на месте, а также и другие соображения, окончательно убедили меня избрать для моих будущих исследований Восточный океан».

В представлении Миклухо-Маклая Совету РГО подчеркивалось, что хотя ученый «и полагает не ограничивать своих исследований одною северною частью этого океана, но изъявляет готовность, в случае если со стороны Географического общества будет дано поручение, обратить преимущественное внимание на моря, омывающие русские берега, т. е. Охотское и Японское». Миклухо-Маклай допускал возможность «совершить обратное

путешествие чрез Амурский край и Сибирь, если бы Географическое общество пожелало возложить на него в тех странах какое-либо поручение».

Трудно сказать, было ли это обещание своеобразным тактическим приемом с целью склонить РГО на сторону автора представления или оно отражало начальный период формирования его научной программы, подвергшейся впоследствии существенным изменениям.

В том же представлении изучение этнографических и антропологических вопросов в будущей экспедиции упоминалось пока в самой общей форме; ими предполагалось заниматься «по возможности».

Наконец, здесь же Миклухо-Маклай ходатайствовал «о содействии со стороны Географического общества для доставления ему возможности летом будущего года переехать на какой-либо пункт Восточного океана на русском военном судне, с тем чтобы впоследствии возвратиться на одном из обратно следующих в Россию судов».

Готовясь к обсуждению представления Миклухо-Маклая, секретарь Общества Ф. Р. Остен-Сакен запросил директора Зоологического музея академика Ф. Ф. Брандта об ученых трудах Миклухо-Маклая. Письмо Брандта также опубликовано в отчете Совета РГО. Оно содержит весьма высокую оценку Миклухо-Маклая как «очень талантливого и ревностного молодого человека, предпринявшего два больших путешествия...», уже обогатившего науку своими исследованиями, «столь деятельного и даровитого».

В ходе «продолжительного обсуждения содержания сделанного г. Маклаем предложения» председатель отделения физической географии П. П. Семенов подчеркнул важность и научную актуальность предполагаемых исследований и попросил Совет передать на обсуждение отделения ходатайства Маклая «для определения вопросов, которые было бы желательно поручить вниманию... путешественника», а также поставил вопрос о предоставлении ему «некоторого денежного пособия». Совет, приняв предложение П. П. Семенова, одновременно просил вице-президента «войти в сношение с морским ведомством касательно доставления г. Маклаю возможности воспользоваться отправлением наших военных судов в Тихий океан для совершения путешествия туда и обратно» (Изв. РГО. 1869. Т. 5. Вып. 8. Отд. 1. С. 297—300).

Спустя месяц обсуждение проекта Миклухо-Маклая (снова в его отсутствие) было продолжено на заседании отделения географии физической (20 ноября). П. П. Семенов изложил суть его и снова указал на его актуальность и связь с проблематикой отделения. То же самое было отмечено и в вынесенном отделением заключении, подчеркнувшем важность поставленной задачи — сравнительного изучения фауны низших животных в тесной связи с комплексом вопросов «физической географии не только самого моря вообще, но и его берегов», а также «зоологической

географии и с исследованиями анатомического строения». Участникам заседания было сообщено, что Миклухо-Маклай намеревается привезти из Йены «программу предполагаемых им физико-географических работ». Отделение решило, что «во внимание к дельности путешествия, предпринимаемого г. Маклаем», будет справедливым «назначить ему до 1200 р. пособия из суммы Общества», и постановило «войти об этом с представлением в Совет» (Изв. РГО. 1870. Т. 6. Вып. 1. Отд. 1. С. 18—19).

Это представление отделения Совет рассмотрел 29 апреля 1870 г. и постановил: «Назначить г. Маклаю 1200 р. пособия, с отнесением сего расхода на ст. 15 сметы». Вице-председатель сообщил, что «он вошел в отношение с управляющим Морским министерством, который весьма сочувственно отозвался на предположение Географического общества и обещал дать г. Маклаю возможность воспользоваться отправлением наших военных судов в Тихий океан, для совершения путешествия туда и обратно» (Изв. РГО. 1870. Т. 6. Вып. 5. Отд. 1. С. 147). В мае 1870 г. последовало соответствующее «высочайшее разрешение» (см. прим. на с. 399 в т. 1 наст. изд.), о чем было доложено на заседании Совета РГО 22 сентября (Изв. РГО. 1870. Т. 6. Вып. 8. Отд. 1. С. 237).

На общем собрании членов РГО 7 октября Ф. Р. Остен-Сакен при рассмотрении вопроса об экспедициях — действующих и «имеющих осуществиться» — снова говорил как о деле уже решенном об экспедиции Миклухо-Маклая в Тихий океан. «В заключение заседания г. Н. Н. Миклухо-Маклай ознакомил собрание с программой предполагаемых им во время своего путешествия в Тихий океан исследований по части физической географии, этнографии и антропологии» (Изв. РГО. 1870. Т. 6. Вып. 8. Отд. 1. С. 319, 321).

На заседании отделений географии математической и физической 20 октября было определено представленную Н. Н. Миклухо-Маклаем «программу исследований во время предстоящего ему путешествия на островах и побережьях Тихого океана» напечатать в «Известиях» (Изв. РГО. 1870. Т. 6. Вып. 8. Отд. 1. С. 342).

Программа, предложенная Миклухо-Маклаем, значительно выходила за рамки обсуждавшейся ранее в Совете и в отделении проблематики предлагавшейся экспедиции. Она была ориентирована на организацию гораздо более широкой и длительной работы в Океании и, в частности, на осуществление значительных специальных исследований по этнографии и антропологии. Существенную часть программы составили вопросы иностранных ученых, с которыми Миклухо-Маклай специально сносился в конце 1869 — начале 1870 г. (см. прим. 21). В ПО ААН (Ф. 143. Оп. 1. № 10) сохранились частично оригиналы вопросников. Выборочное сопоставление с текстом программы показывает, что Миклухо-Маклай не воспроизводил буквально вопросы этих специалистов.

Вопросы Ч. Дарвина были переведены Миклухо-Маклаем из немецкой публикации, указанной в «Программе» в авторском примечании. В ПО ААН (Ф. 143. Оп. 1. № 10. Л. 4) сохранился этот перевод, отличающийся в стилистическом отношении от соответствующей части «Программы». Рукопись «Программы» обнаружить не удалось, но можно предполагать, что при подготовке к печати подверглись правке и некоторые другие ее части (вероятно, за исключением письменных рекомендаций, представленных П. П. Семеновым).

Введение и примечания 3, 8 подготовлены Б. Н. Путиловым, все остальные — Д. Д. Тумаркиным. В прим. 11 частично использовано прим. 1 из СС, т. 3.

¹ См. «Почему я выбрал Новую Гвинею...» в наст. томе.

² Хайнрих Вильгельм Дове (1803—1879) — один из основателей современной метеорологии. Многие годы был профессором Берлинского университета и директором Прусского метеорологического института.

³ Анемометр — прибор, определяющий силу ветра. Создатель лопастно-шарового анемометра — английский астроном Томас Р. Робинсон (1793—1882).

⁴ Джеймс Кларк Росс (1800—1862) — английский полярный исследователь, участник нескольких арктических экспедиций. В 1839—1843 гг. руководил экспедицией, пытавшейся достичь Южного полюса.

⁵ Уильям Скорсби (1789—1857) — английский полярный исследователь. Очевидно, имеется в виду его книга: *Scoresby W. An Account of the Arctic Regions and Northern Wale Fishery*. Edinburgh, 1820.

⁶ Эрнст Эрхард Шмид (1815—1885) — немецкий геофизик, профессор Йенского университета.

⁷ Генрих Иванович Вильд (1833—1902) — физик и геофизик, швейцарец по происхождению. В 1868 г. был избран экстраординарным членом Петербургской Академии наук и назначен директором Центральной физической обсерватории в Петербурге. Основал сеть астрономических станций в Швейцарии и России. В 1894 г. вернулся в Швейцарию.

⁸ Эвапометр — прибор для наблюдений над испарениями воды, изобретенный немецким ученым Иоганном Ламоном (1805—1879).

⁹ Леопольд Иванович Шренк (1826—1894) — русский этнограф и натуралист, член Петербургской Академии наук. В 1879—1894 гг. был директором Музея антропологии и этнографии в Петербурге.

¹⁰ Адольф Бастиан (1826—1905) — немецкий путешественник, географ и этнограф, видный представитель эволюционистского направления в этнологии. Был создателем и руководителем Берлинского музея народоведения, инициатором и активным членом Берлинского общества антропологии, этнологии и первобытной истории, редактором журнала «*Zeitschrift für Ethnologie*».

¹¹ Остатки больших каменных сооружений известны на многих островах Океании. Происхождение их установлено не во всех случаях. На о. Рапа (полинезийский архипелаг Тубуаи) укрепления на вершинах гор и в проходах между горными до-

линами строились до начала XIX в. как сторожевые и оборонительные сооружения. На о. Тиниан (Марианские острова в Микронезии) известны остатки крупных построек: два ряда вертикально стоящих каменных колонн с каменными навершиями в виде полушарий — вероятно, основания домов народа чаморро, почти полностью истребленного испанскими колонизаторами в XVII в. О каменных платформах и огромных статуях о. Пасхи см. в очерках «Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева» в т. 1 наст. изд. и в комментариях к этому тексту. Остров Ейдеа (правильно Эймео, современное название — Мурео) — один из островов полинезийского архипелага Общества. На Мурео встречаются «руинообразные», очень живописные очертания гор, но это не «искусственные монументы».

¹² Адельберт Шамиссо (1781—1838) — немецкий поэт и ученый, выходец из Франции. В 1815—1818 гг. в качестве натуралиста участвовал в кругосветном плавании О. Е. Коцебу на бриге «Рюрик». Оставил художественное описание этого плавания. См. русский перевод: *Шамиссо А.* Путешествие вокруг света. М., 1980. Его отчет о научных наблюдениях, на который ссылается Миклухо-Маклай, вошел в т. 3 описания экспедиции: *Kotzebue O.* Entdeckungsreise in die Südsee und nach der Berings-Strasse (...) in den Jahren 1815—1818. Weimar, 1821. Bd. 1—3. Этот трехтомный труд был опубликован также на русском языке в 1821—1823 гг.

¹³ Таммеамеа, правильное Камеамеа, I (1753—1819) — король Сандвичевых (Гавайских) островов, объединитель этого архипелага. Как сообщают мореплаватели, посещавшие Гавайи в конце XVIII — начале XIX в., он обладал выдающимся умом и редкой твердостью характера. Создав многочисленное войско, вооруженное ружьями и пушками, и довольно сильный флот, состоящий из нескольких кораблей европейского типа, Камеамеа пытался сдержать натиск чужеземцев и направить сношения с ними в русло, наиболее приемлемое для островитян.

¹⁴ Георг Корнелиус Карл Герланд (1833—1919) немецкий географ и этнолог. В 1856—1875 гг. был преподавателем в гимназиях Магдебурга и некоторых других немецких городов. Одновременно сотрудничал с Т. Вайцем (см. о нем прим. 3 к тексту «Молуккское море. Тихий океан» в т. 2 наст. изд.), после смерти которого (1864) довел до конца его шеститомный труд «*Anthropologie der Naturvölker*». В 1875—1910 гг. был профессором Страсбургского университета. Герланд пытался применить картографический метод к изучению явлений культуры и был автором первого «Этнографического атласа».

¹⁵ Полинезийцы населяют маленькие острова, расположенные на северо-восточной и южной периферии Соломоновых островов и к северо-востоку от о-вов Санта-Крус — атолл Онтонг-Джава, о-ва Стюарт, Реннелл и Беллона, группы Суоллоу (Риф) и Дафф, о-ва Анута и Тикопия. По мнению большинства современных исследователей, эти полинезийские «колонии» в Меланезии были созданы в I тысячелетии н. э. переселенцами из Западной Полинезии, скорее всего с архипелага Самоа.

¹⁶ Новая Голландия — устаревшее название Австралии, данное в XVII в. картографами в честь голландских моряков, открывших этот архипелаг.

¹⁷ Джордж Грей (1812—1898) — английский государственный деятель и колониальный администратор, прошедший многие годы в Австралии и Новой Зелан-

дии. Кроме книги, на которую ссылается Миклухо-Маклай, опубликовал сборник легенд и мифов маори: *Grey G. Polynesian Mythologie and Ancient Traditional History of the New Zealand Race*. London, 1855.

¹⁸ О К. М. (К. Э.) Бэре см. прим. 149 к «Первому пребыванию» в т. 1 наст. изд.

¹⁹ Ренс Примевер Лессон (1794—1849) французский естествоиспытатель. В 1822—1825 гг. участвовал в кругосветной экспедиции на корвете «Кокий», руководимой Л. И. Дюперре. Описал эту экспедицию в кн.: *Lesson R. P. Journal d'un voyage pittoresque autour du monde*. Paris, 1830. Вместе с П. Гарно составил зоологическую часть официального отчета об этом плавании: *Duperrey L. I. Voyage autour du monde (...) sur la corvette de Sa Majesté la Coquille. Zoologie*. Paris, 1830. Свои медицинские наблюдения изложил в кн.: *Lesson R. P. Voyage medical autour du monde*. Paris, 1830.

²⁰ Томас Гексли, правильное Хаксли (1825—1895) — английский натуралист, ближайший соратник Ч. Дарвина и популяризатор его учения. В 1846—1850 гг. участвовал в экспедиции к берегам Австралии и Новой Гвинеи. В 1871—1880 гг. был секретарем, а в 1883—1885 гг. — президентом Лондонского королевского общества. Плодотворно работал в области зоологии, сравнительной анатомии, палеонтологии, антропологии и эволюционной теории.

²¹ О К. Гегенбауре см. прим. 62 к «Первому пребыванию» в т. 1 наст. изд. В 1865—1868 гг., будучи студентом Йенского университета, Миклухо-Маклай занимался сравнительной анатомией под руководством Гегенбаура и зоологией под руководством Геккеля, работал ассистентом при Гистологическом институте Геккеля, совершил с ним поездку на Канарские острова. В ноябре — апреле 1869 г. и мае — июне 1870 г., Миклухо-Маклай снова находился в Йене, что позволило ему подробно обсудить программу экспедиции на Тихий океан с профессорами местного университета. В апреле — мае 1870 г. Миклухо-Маклай посетил Берлин и Лондон, где встречался с Вирховым, Гартманом и Хаксли, с которыми также консультировался по поводу программы своей экспедиции.

²² Об Э. Геккеле см. прим. 56 к «Второму путешествию по Малайскому полуострову» в т. 2 наст. изд.

²³ Рудольф Вирхов (1821—1902) — немецкий ученый и политический деятель умеренно-либерального направления, основатель современной патологической анатомии, профессор Берлинского университета в 1856—1901 гг. Возглавлял Берлинское общество антропологии, этнологии и первобытной истории (археологии) и активно разрабатывал проблемы этих наук.

²⁴ Роберт Гартман (1832—1893) — антрополог и этнограф, специалист по народам Африки, профессор Берлинского университета. Был соредактором журнала «*Zeitschrift für Ethnologie*».

²⁵ Иоган Непомук Чермак (1828—1873) — чешский зоолог и физиолог. В 1865—1869 гг. был профессором физиологии в Йене, затем занял такую же кафедру в Лейпциге.

²⁶ Бруно Гильдебранд (1812—1878) — немецкий экономист и общественный деятель. В 1861—1878 гг. был профессором Йенского университета, где читал курсы политической экономики и статистики. Миклухо-Маклай снимал квартиру в его доме (декабрь 1869 г.—июнь 1870 г.).

²⁷ Петр Петрович Семенов (1827—1914) — русский географ, статистик, общественный деятель, почетный член Петербургской Академии наук. Был секретарем, потом председателем отделения физической географии РГО, а с 1873 г. до самой смерти, являясь вице-президентом РГО, фактически руководил деятельностью этого общества. В 1856—1857 гг. внес большой вклад в исследование Тянь-Шаня, что через полвека, в связи с его 80-летием, было отмечено добавлением к его фамилии «Тян-Шанский».

(Конспекты лекций в Петербурге в ноябре — декабре 1886 г.)

Печатается по: ПО ААН. Ф. 143. Оп. 1. № 17.

Впервые: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 426—464, с незначительной правкой.

Рукопись без заглавия, на отдельных листах большого формата ленованной бумаги, на одной стороне. Записи сделаны размашистым крупным почерком, местами очень беглым, разными чернилами, большинство слов сокращено. В тексте много подчеркиваний цветными карандашами. Нумерация страниц сделана автором своя для каждой лекции. Начальное обращение к слушателям — без авторской пагинации, попало между листами и имеет архивную пагинацию — 6.

Хотя текст не озаглавлен и не датирован, несомненно, что это — авторские заготовки к лекциям 1886 г., и Миклухо-Маклай опирался на них в своих выступлениях. Конспекты организованы неодинаково: для первых двух лекций преобладающими являются заметки типа распространенного плана; конспект третьей и седьмой лекций отсутствует; начиная с четвертой, конспекты становятся подробными, принимают характер связного текста.

Публичные лекции Миклухо-Маклая проходили в зале городской думы и вызвали значительный интерес, хотя, судя по откликам в печати, аудитория не была заполнена. Петербургские газеты широко освещали ход лекций. Особенно подробными были отчеты «Нов. и бирж. газ.», «Нов. врем.» и «Пет. лист.». В некоторых газетах отчеты носили откровенно враждебный по отношению к Миклухо-Маклаю характер: его лекции высмеивались, с иронией и издевкой говорилось о нем как о «нашем выдающемся путешественнике» и т. д. Особенно усердствовала «Петербургская газета» (1, 2, 9 дек.).

В газетах, сочувственно и объективно излагавших содержание лекций, отчеты делались не только обстоятельно, но и весьма близко по тексту к лекциям, что позволяет использовать их в качестве достаточно надежного комментария.

На первой лекции Миклухо-Маклай сообщил программу пяти лекций: две первые посвящались проблемам антропологии населения Меланезии

(включая Новую Гвинею), две следующие — этнологии того же региона (образ жизни, обычаи, нравы населения), последняя — вопросу «о будущности туземных рас в борьбе с европейцами, их цивилизующими» («Нов. и бирж. газ.», 18.XI). В дальнейшем, однако, выяснилась необходимость добавочных лекций, число которых было доведено до семи (о седьмой лекции см. в наст. томе, с. 452).

В отличие от «Чтений» 1882 г., где в центре внимания находились путешествия и где в основу композиции был положен региональный принцип, лекции 1886 г. концентрировались вокруг основных научных проблем и представляли собою последовательное изложение огромного исследовательского материала и его теоретическое осмысление. Можно сказать, что лекции явились итогом работы Миклухо-Маклая по систематизации и обобщению научных результатов его путешествий в Океании, в первую очередь — исследований на Новой Гвинее и островах Меланезии.

Примечание 38 принадлежит М. М. Громыко, 61—63 — А. Г. Козинцеву, 18, 60, 64 — Д. Д. Тумаркину, все остальные — Б. Н. Путилову.

¹ Миклухо-Маклай, по-видимому, предполагал, что на лекции будет присутствовать вел. кн. Константин Николаевич, председатель Русского географического общества. Однако в газетных отчетах о первой лекции в числе слушателей называются разные официальные лица, но ничего не говорится о членах императорской фамилии.

² В данном случае Миклухо-Маклай ведет отчет с 1864 г., когда он выехал в Германию.

³ Первая лекция состоялась 17 ноября. «Нов. и бирж. газ.» (18.XI): «Публики собралось довольно много, но громадный зал городской думы был далеко не полон (...) Эстрада была увешана географическими картами, чертежами, рисунками, снимками и набросками самого путешественника».

⁴ В «Нов. и бирж. газ.» (18.XI): «Н. Н. указал на карте пределы распространения трех главных рас Тихого океана. Эти расы: полинезийская (прямоволосая и светлокожая), меланезийская (темнокожая и курчавоволосая) и австралийская (темнокожая и прямоволосая). Относительно последней среди ученых происходил спор, не оконченный еще и в настоящее время; одни считали австралийцев ветвью полинезийцев, другие же причисляли их к папуасам. Наконец, проф. Гексли совершенно правильно выделил их в самостоятельную расу; по наблюдениям Н. Н., выводы Гексли совершенно подтверждаются. В периоде доисторическом австралийская раса была, вероятно, очень распространена, но затем, с течением времени, она повсеместно стала вытесняться и ступшеываться. Следы ее Н. Н. находил даже на материке Азии».

⁵ В «Пет. лист.» (18.XI): «Примесь последней доказывается татуировкою, изменением языка и обычаев. Раса меланезийская оставалась в неизвестности и чуждою европейского влияния, потому что, вследствие господствовавшего мнения о ее жестокости и людоедстве, европейские торговцы не решались сблизиться с нею».

⁶ В «Нов. и бирж. газ.» (18.XI) здесь приводится отступление, которое сделал Миклухо-Маклай: он оговорился, «что, желая сделать свои лекции популярными и общедоступными, он будет избегать излишних научных подробностей».

⁷ «Нов. вр.» (19.XI): «Ростом они ниже европейцев; особенно миниатюрны и мелки папуасские женщины». «Пет. лист.» (18.XI): «Между женщинами встречаются замечательно маленькие: лектор встретил женщину вышиною в 1 м. 30 см., вполне взрослую и развитую, имевшую детей».

⁸ «Пет. лист.»: «(…)а темно-коричневого цвета. Впоследствии они начинают завиваться сперва маленькими спиралями и затем свертываются пробкообразно, в два миллиметра в диаметре».

⁹ «Нов. вр.»: «У подрастающих детей часто весь лоб покрыт волосами». «Нов. и бирж. газ.»: «Вдоль спины тянется треугольником гряда волос».

¹⁰ «Пет. лист.»: «Между десятками тысяч папуасов лектору удалось встретить только двух седых людей».

¹¹ «Нов. вр.»: «Особенно темна спина и светлы внутренние части рук».

¹² «Нов. вр.»: «Вследствие некоторых болезней цвет кожи папуасов делается светлее, и этот цвет переходит на их детей, приближающихся всё более и более к белому цвету».

¹³ «Нов. вр.»: «Среди альбиносов встречаются почти белые люди». «Пет. лист.»: «Альбинизм их не соответствует европейскому, потому что у папуасов-альбиносов ирис не красный, а лишь сероватый. Такие альбиносы стараются подобрать себе жен с тем же недугом; дети их страдают тою же болезнью и уже по наследственности приобретают светлый цвет кожи».

¹⁴ «Нов. и бирж. газ.»: «Череп, считающийся обыкновенно чуть ли ни главным признаком расы, не играет решающей роли при определении папуасской расы».

¹⁵ «Пет. лист.»: «Для наглядного представления характера физиономий папуасов лектор выставил довольно значительную коллекцию фотографий и рисунков».

¹⁶ «Нов. вр.»: «„Красоте“ меланезийцев сильно вредит, однако, следующее обстоятельство. Носы новорожденных считают необходимым особенно сплющивать. С этой целью сетка на второй или на третий день по рождении нагревает руки над огнем и приступает к операции, ломает хрящик. В противном случае считается, что ребенка не любят».

¹⁷ «Нов. вр.»: «(…) Они редко достигают старости. Причиною этого обстоятельства главным образом являются их зубы — частые виновники смерти папуаса. Дело в том, что от потребления растительной пищи зубы скоро стираются, и у людей, имеющих около 50-ти лет, зубы наравне с деснами. При таком условии папуасы проглатывают куски пищи вместе с кровью, выходящею из их десен. Это и служит причиной смерти».

¹⁸ Письмо Миклухо-Маклая о «готтентотском переднике», встречающемся у меланезийских женщин, не было опубликовано в журнале «Nature», и судьба его неизвестна. См. письмо Миклухо-Маклая от декабря 1887 г. издателю «Nature» в т. 5 наст. изд.

¹⁹ «Нов. и бирж. газ.» (23.XI): «Сегодня, 22 ноября, в зале городской думы состоялась вторая публичная лекция (…) Публики собралось вдвое более прошлого

раза, и наполовину переполненный громадный думский зал свидетельствовал о значительном интересе, вызываемом лекциями отважного путешественника, посевшего среди дикарей. На почетных местах мы заметили адмирала Асланбекова, вице-президента Географического общества П. П. Семенова, академика Ф. В. Овсянникова, городского голову В. И. Лихачева, директора департамента внутренних сношений министерства иностранных дел (...) Ф. Р. Остен-Сакена, профессора В. И. Модестова, А. А. Краевского и др. (...)

Сегодняшняя лекция отличалась большим интересом и прошла гораздо оживленнее первой. (...) Лекция затянулась почти до 10 час. вечера (*нагало — 8 час*). Н. Н. Миклухо-Маклай встречали и провожали шумными аплодисментами.

²⁰ «Пет. лист.» (23.XI): «Походка их отлична от европейской, как отличны и вообще все их физические движения».

²¹ «Пет. лист.»: «Папуасы не разграничивают сутки на время для труда и отдыха. Они в течение дня несколько раз ложатся спать, засыпают быстро, но затем вскоре просыпаются и снова принимают за свои занятия, за еду и проч. Ночью повторяется то же. Проспав некоторое время, папуас встает, ест или отправляется поболтать к соседу и т. д. Смеха папуасы не знают, даже улыбка у них редкое явление».

²² «Пет. лист.» (18.XI): «Ноги представляют замечательное развитие пальцев. Благодаря этому папуасы с необыкновенною ловкостью влезают по тонким стволам лиан и пальм». Судя по дате газетного отчета, о пальцах Миклухо-Маклай говорил на первой лекции.

²³ «Нов. вр.» (24.XI): «Миклухо-Маклай, будучи вынужденным иногда ходить босым ради сохранения обуви, имел случай не раз наблюдать разницу в отпечатках следов своей ноги и туземцев: у последних пятка не оставляет по себе никакого следа на мягкой песчаной почве, тогда как пальцы, напротив, отпечатываются очень резко, свидетельствуя тем самым, что папуасы во время ходьбы ступают не всею своей ступней, а по преимуществу передней ее частью и в этом отношении как бы приближаются к полустопоходящим животным».

Само собою разумеется, такая характерная особенность должна соответствующим образом отражаться и на самой походке, приобретающей еще большую разнообразность ввиду того любопытного факта, что папуасы во время ходьбы не передвигают одну ногу за другой, как это обыкновенно мы делаем, а, ступив вперед одной ногою, придвигают к ней другую, затем опять первую вперед, и т. д.».

²⁴ «Нов. вр.»: Миклухо-Маклай указал на «обоняние, играющее громадную роль при ознакомлении их с каким-нибудь новым предметом или новым, до того неведомым существом: они непременно обнюхивают его. Когда г. Миклухо-Маклай впервые повидался с папуасами, они начали с того, что, подойдя к нему, стали старательно его обнюхивать и затем не только объявили, что он пахнет иначе, чем они, но каждый раз, когда говорили о нем, не забывали упоминать об этой особенности; представление о новом человеке у них, таким образом, прямо связывалось со специфическим запахом».

²⁵ «Пет. лист.» (23.XI): «Английские миссионеры объясняют это явление остатком обычаев какого-нибудь затерявшегося в Новой Гвинее семитического племени».

Лектор придает, однако, больше веры простому объяснению самих туземцев, приписывающих обряд обрезания физиологической необходимости, не подчиниться которой было бы глупо».

²⁶ «Нов. вр.»: «Носовая перегородка пробуравливается, и размер отверстия постепенно расширяется до одного вершка в диаметре, куда, таким образом, могут вставляться предметы значительного объема, что крайне деформирует самый нос; нередко прорезываются ноздри и в прорезы вдеваются петушиные перья или черпаховые украшения».

²⁷ «Нов. вр.»: «На Соломоновых островах мужчины до того увеличивают постепенно отверстие ушной мочки и последняя растягивается до того, что может вместить предмет размером почти в кулак средней величины. Такой вкладываемый в мочку уха предмет, один экземпляр которого был показан лектором слушателям, состоит из булыжника, окруженного бамбуком, а затем завернутого в банановые листья: постепенным увеличением слоя этих листьев достигается и растяжение отверстия мочки. Женщины вместо указанного снаряда носят в ушах раковины, причем некоторые, как на острове Люб, обрезают весь край ушной раковины, а самую мочку унижают часто двадцатью раковинами».

²⁸ «Нов. вр.»: «Татуирование производится трояким способом. На островах Адмиралтейства, например, надрезы производятся острым осколком кремня, после чего в рану втирается раствор сажи, сообщающий рисунку голубоватый оттенок. В других местах Меланезийских островов практикуется более мучительная операция: рисунки на теле выжигаются уголем, который, накладывая на тело, раздувают и проводят таким образом черту за чертой. Это татуирование производят на спине, а у женщин вдоль груди. Желая проверить, насколько болезненна такая операция, г. Миклухо-Маклай решил испытать ее на себе и с этой целью протянул руку, чтобы ему было сделано такое прижигание: «Когда раскаленный уголь приложили к обнаженной части тела и стали раздувать его, я почувствовал такую сильную боль, что принужден был прикусить губы и внутренне готов был раскаться, что решился на такую пробу». А между тем этой операции татуирования охотно подвергаются и стойко выдерживают не только взрослые, но даже недоросли.

Существует кроме двух названных еще третий способ татуирования — накальванием. Полинезийцы для этого употребляют особенно устроенные костяные гребни, скрепленные с деревянными ручками в виде молотков; у меланезийцев накальвание производится колючим шипом растения. Этот способ татуирования представляет в сущности сложную операцию и требует большого искусства, мастеровских рук. На Южном берегу Новой Гвинеи искусство татуирования составляет специальность женщин. (...) На юге Гвинеи татуирование длится в течение всей жизни, растет из года в год, строго соответствуя определенному возрасту как по сложности рисунков, так и татуированным частям тела. У женщин, например, выход замуж, рождение каждого ребенка обозначается особым татуированием. Словом, все главные события жизни неизгладимо вырезаются на теле данного субъекта: на своем теле он носит историю своей жизни. За отсутствием места на теле выбривают волосы на голове и татуируют голову. У мужчин татуирование служит главным образом эмблемой воинских доблестей: татуированное предплечье

означает, что данный субъект убил уже одного врага и принес его голову домой; татуирование плечевой части означает, что убито два врага, головы которых, как трофеи победы, принесены домой, и т. д. и т. д.».

²⁹ «Нов. вр.»: «Лицо предварительно вымазывается кокосовым маслом и затем окрашивается стариками в черный цвет, а молодыми — в красный, для чего употребляется охра или толченая яшма. Впрочем, не все лицо окрашивается в красный цвет: нос, например, — в белый известью, а вокруг глаз, переносица и дальше к ушам наподобие очков идет темная полоса. Всё это, вместе с волосами на голове, окрашенными также охрой, за небольшим числом пучков не окрашенных и потому имеющих свой природный черный цвет, сообщает лицу крайне причудливое выражение. Иногда это окрашивание изменяется, вследствие чего часто трудно, даже невозможно под гримировкой узнать лицо, примеры чему и были представлены лектором в рисунках двух туземцев Берега Маклая с различным образом раскрашенными лицами и волосами на голове. (...) Такое украшение и такой убор волос составляют исключительную привилегию мужчин. Женщины совершенно безволосые — «для чистоты», как пояснил лектор».

³⁰ «Пет. лист.»: «Введение европейского платья у некоторых туземцев имело последствием распространение болезней от нечистоплотности».

³¹ В «Нов. вр.» добавлено еще: «жесткие крылья жуков»; мужские украшения — «из зубов врагов или убитых», у женщин — «из зубов умерших малолетних детей своих».

³² В «Нов. вр.» уточнено: саю служит «не для украшения, а для того, чтобы втыкать за него яркие перья, цветы, листы и т. п.».

³³ «Нов. вр.»: «Животная пища составляет скорее лакомство после войны, причем поедается человеческое мясо (людоедство там еще держится)».

³⁴ «Пет. лист.»: «Свиньи, разводимые ими, длинноноги, с длинным тонким туловищем и узким, заостренным черепом. Собаки ими откармливаются специально для еды, а между тем мясо собаки уступает по вкусу свинине; оно темного цвета и жестко».

³⁵ «Нов. вр.»: «Хотя в некоторых местностях, о которых идет речь, и известно добывание огня (трением бамбука), но есть местности, где это добывание совсем неизвестно и огонь постоянно поддерживается. (...) Лектор закончил свою интересную лекцию туземной легендой, любопытной в том именно отношении, что огонь туземцам принесла женщина и что с тех пор она его и поддерживает».

³⁶ Конспект третьей лекции отсутствует. Лекция состоялась 24 ноября. По отзывам газет, «лекции (...) привлекают с каждым разом все большее и большее число слушателей» («Пет. лист.», 25.XI; «Нов. вр.», 1.XII). Лектор «постепенно развертывает перед своими слушателями цельную картину этой своеобразной жизни, ярко освещая те бытовые стороны ее, которые поныне весьма мало были известны» («Нов. вр.»). В программу третьей лекции входило описание напитка кеу, употребления табака, жевания бетеля (подробно об этом — в «Пет. лист.»). «Способ постройки меланезийцами своих селений был подробно описан лектором и составлял самую интересную часть сообщения. Подъезжая к любому острову Меланезии и рассматривая его с берега в подзорную трубу, не замечаешь ни малейшего

признака жилья. Но вот начинают выделяться из общей растительности, какую покрыта местность, островками группы кокосовых пальм и около них заметны струйки подымающегося дыма. Кое-где с моря по берегу ведут тропинки, теряющиеся в лесной гуще. Тропинки эти ведут обыкновенно к площадке, огражденной кокосовыми пальмами, обсаженной красивыми растениями и застроенной группой хижин. Между ними одна большая, остальные две, три и более незначительных размеров. Несколько площадок с подобными группами составляют селение. В отдельности каждая группа хижин составляет жилье одной семьи. В большой хижине помещаются отец семейства и мужские члены семьи, в маленьких — жены главы. При существующем многоженстве для каждой жены отводится отдельная хижина.

В горах архитектура построек отличается почти полным отсутствием у них стен; хижина состоит почти только из одной крыши. На очень многих островах Меланезии встречаются свайные селения, построенные в море на целом лесе свай. Жители этих селений прежде жили либо в горах, либо по побережью, но, обеспокоиваемые соседними враждебными племенами, предпочли уйти в море. Селения эти, вися над морем на довольно значительной высоте, представляют необычайное зрелище. Замечательно то, что несмотря на непрочность полов в этих селениях, огромные скважины и отверстия в них, по наблюдениям лектора, туземцы и их дети совершенно свободно двигаются по ним и никогда не проваливаются в море. Меланезийцы, впрочем, плавают как рыбы. Плавают отлично даже дети, еще не умеющие ходить.

Существуют также целые селения, построенные на деревьях. Для постройки хижин в этих случаях выбираются самые большие деревья, причем поселенцы руководятся теми же соображениями, которые побудили других к свайным постройкам, — выбор безопасного жилья.

В папуасских селениях хижины разделяются на общественные и семейные. Мужчины собираются и спят в общественной большой открытой избе, куда женщинам доступ возбранен. Общественная изба разукрашена черепами, челюстями, пучками волос, оружием; кроме того, они наполнены разными осколками, старым, поломанным хламом. Все это — *memento* прошедшего, заменяет туземцу календарь и хронику. С каким-нибудь черепом, обломком копья или просто палки, с мелочью, вроде пучка волос, связано воспоминание о событии, о встрече, о пиршестве, о столкновении и прочее. В общественной же избе хранятся все музыкальные инструменты; прикосновение к ним и даже слушание музыки женщинам строго запрещено. Тут же ставятся фигуры, изображающие собою памятники. Вообще мужчины присвоили себе одним право на все, что украшает жизнь. Они занимаются резьбой и изваянием, украшением себя и своих туалетов, своих оружий, предметов обихода. Женщины чужды всего этого. Обжигая горшки, они оставляют их без всяких орнаментов. Лектор спросил одну женщину, отчего она не украсит рисунок производимый ею глиняный горшок, и получил презрительный ответ: «К чему?». Женщины небрежны и в costume и не так чистоплотны, как мужчины.

Семейная хижина представляет собою почти голое помещение с нарами для сна и большим столом (барла) для еды. Папуасы едят, сидя на столе, и самая

эта мебель вызвана присутствием в хижине массы свиней и собак, мешающих людям есть, сидя на земле. Но если, с одной стороны, так бедна обстановка семейной хижины, то, с другой, в ней можно найти вещи, какие и не думались, — например, целые гробницы покойников».

Особый раздел третьей лекции был посвящен общественной жизни папуасов. «Пет. лист.»: «Хотя *de jure* у них и не имеются начальники и всякий из них склонен видеть «начальника» в самом себе, тем не менее *de facto* в моменты нужды они охотно подчиняются одному лицу и умеют слушаться. Однако в этих случаях они подчиняются не превосходству физической силы или красоты, а лишь превосходству умственного развития. На некоторых островах Меланезии значение начальника очень велико; он может даже распорядиться участием своих подвластных (напр., продавать их в невольники). Но только на островах Адмиралтейства лектор замечал ношение внешних знаков главенства. (...) Лектор указал, между прочим, на присущее им уважение к чужой собственности. Завешанная дверь жилища считается запортою и недоступною».

³⁷ Четвертая лекция состоялась 29 ноября. Между листами конспектов находится развернутый лист с программой ее (архивная пагинация — л. 10): «Положение девушек до замужества. Разные обычаи относительно брака. Свадьба на Берегу Маклая. Многоженство и домашняя жизнь. Плантации и земледелие. Мореплавание. Обмен между деревнями. Горшечное производство». Раздел «Обмен между деревнями» перешел в лекцию пятую, и о гончарном производстве Миклухо-Маклай коротко сказал там же.

³⁸ В научной литературе о старообрядцах такого рода факты не встречаются.

³⁹ Дальнейший рассказ совпадает с описанием свадьбы Мукау в Бонгу в марте 1877 г. (см. в т. 2 наст. изд., с. 162—165).

⁴⁰ «Нов. вр.» (8.XII): «Они не знают поцелуя. У матерей, например, в отношении своих чад поцелуй заменяется облизыванием часто всего тела ребенка, и такое лизание составляет примитивную форму поцелуя».

⁴¹ «Петр. лист.» (30.XI): «Молодые люди не любят художавых женщин; последние гордятся своею тучностию и кокетничают одним способом, позволяющим провести аналогию между их вкусами и вкусами европейских барынь, увлекающихся модою на турнюры. В этом отношении наши дамы похожи на папуасок», — заключил этот очерк лектор под аккомпанемент веселого смеха всей аудитории.

⁴² «Нов. вр.»: «С появлением новой хозяйки старая по обычаю должна в первый день хорошенько поколотить ее; она так и делает: нещадно бьет ее, бросает на землю, таскает за волосы, продолжая эти побои перерывами до заката солнца. Затем муж обращается к первой жене со словами, указывая на вторую: «Ну вот ты ее теперь побил хорошенько, больше уже драться не смейте». Сами жены не только не высказывают недовольства полигамией, а напротив, уговаривают мужа взять себе еще жену, в расчете, что с тем вместе увеличится у их господина число слуг, а стало быть, станет легче работать на него».

⁴³ Судя по изложению раздела «Процедура обработки» в «Нов. вр.», Миклухо-Маклай в своей лекции в основном повторял содержание раздела «Плантации и обработка почвы» статьи «Этнол. заметки», публикуемой в наст. томе.

⁴⁴ Пятая лекция состоялась 1 декабря. Конспект ее весьма подробен и, как показывает сопоставление с газетными отчетами, почти исчерпывает содержание прочитанной лекции. «Пет. лист.» (2.XII): «Состоявшаяся вчера {...} беседа Н. Н. Миклухо-Маклая о туземцах так хорошо изученного им австралийского побережья и Меланезийских островов ознакомила многочисленную аудиторию с целую серию нравов и обычаев, весьма характерных и поучительных, рельефно рисующих наивное мировоззрение человека в первобытном, младенческом состоянии культуры».

В «Нов. вр.», наиболее подробно откликавшемся на лекции, отчетов о пятой и шестой лекциях не было, и вместо них была помещена статья, подписанная Эльпе: «О некоторых суевериях у меланезийцев», целиком основанная на материалах этих лекций. «Нов. вр.» (18.XII): «На-днях наш известный натуралист Н. Н. Миклухо-Маклай закончил свои в высокой степени интересные лекции о меланезийцах. В «Новом времени» были своевременно даны отчеты о первых четырех лекциях. Что же касается трех последних, в особенности же пятой и шестой, то богатство их фактического материала так велико и этот материал так рельефно иллюстрирует некоторые любопытнейшие стороны суеверной жизни примитивного человека, что нам казалось более целесообразным, более отвечающим предмету, не разрозняя относящихся сюда фактов, представить их вниманию читателей в цельном, объединенном виде».

Не исключено, что Миклухо-Маклай если не авторизовал, то во всяком случае просмотрел статью Эльпе.

⁴⁵ «Пет. лист.»: «Наибольшим уважением пользуется «глиняное» (гончарное) производство. В иллюстрацию этого обстоятельства лектор привел тот факт, что из 7 диалектов, на которых говорят жители Берега Маклая (на расстоянии около 120 миль), наиболее распространен и известен диалект той местности, в которой преимущественно выделяется посуда».

⁴⁶ «Нов. вр.»: «И все это продельвается без малейшей толкотни и шума, крайне спокойно, методически, словно по раз заученному уроку, словно это собрание не живых людей, а каких-то автоматов. Старшие задают тон, младшие усерднейшим образом подражают им, и никто не отстает от угощения своей собственной персоны. Все едят до отвала, а в этих исключительно утробных удовольствиях, продолжаясь в течение нескольких дней и нередко возобновляемых даже среди ночи, заключается вся суть празднеств в честь „ай“».

⁴⁷ «Нов. вр.»: «Их хоть и двое, но едят они ужасно много, за несколько десятков человек».

⁴⁸ «Нов. вр.»: «И тогда старики идут в деревню, говорят, что „дук-дуки“ сердятся, требуют еще пищи; жители спешат удовлетворить это требование».

⁴⁹ «Пет. лист.»: «Кроме того, „дук-дуку“ известна жизнь каждого молодого человека, известны все их провинности, и строптивым, не уважающим стариков достается от него ужасно».

⁵⁰ Шестая лекция состоялась 8 декабря.

⁵¹ Все это место в конспекте совпадает с «выдержками из дневника» в разделе «О суевериях и связанных с ними обычаях» из статьи «Этнол. заметки», публикуемой в наст. томе. Возможно, что оба текста восходят к записи в дневнике 29 мая и 1 июня 1872 г. о посещении горной деревни Энглам-Мана (см. т. 1 наст. изд., с. 218—227).

⁵² В сохранившихся дневниках Миклухо-Маклая этот рассказ отсутствует. Он приведен в разделе «О суевериях и связанных с ними обычаях» в статье «Этнол. заметки», публикуемой в наст. томе.

⁵³ В сохранившихся дневниках Миклухо-Маклая этот факт не упоминается. Он воспроизводится в разделе «О суевериях и связанных с ними обычаях» в статье «Этнол. заметки», публикуемой в наст. томе.

⁵⁴ Этот эпизод в сохранившихся дневниках Миклухо-Маклая не упоминается. Имя Ундэля (Унделя) встречается в дневниковой записи от 22 декабря 1876 г. (см. т. 2 наст. изд., с. 164).

⁵⁵ Источник текста — запись в дневнике 25 июля 1877 г. (см. т. 2 наст. изд., с. 202—204). Здесь, однако, отсутствуют вопросы Миклухо-Маклая и ответы Туя.

⁵⁶ «Пет. лист.»: «В руках дурного человека или врага «оним» может причинить много бед. Кто наступит на то место, где зарыт такой «оним», того ожидают болезни и смерть. «Оним» может истребить всю деревню, иссушить и уничтожить растительность; но то же универсальное средство способно предохранить обладателя (...)».

⁵⁷ «Нов. вр.»: «В зависимости от подобного рода суеверий получают свое происхождение и некоторые странные приемы, старательно выполняемые меланезийцами, да и не одними, впрочем, меланезийцами. Например, они опасаются оставлять объедки от своей трапезы, тщательно берегут или уничтожают срезаемые волосы, ногти; словом, каждый принимает всевозможные предосторожности, чтобы что-нибудь ему лично принадлежащее не попало в руки злому человеку или колдуну. Если колдун раздобудет такие отбросы (волосы, ногти, объедки пищи и проч.) и, смешав их с медленно горящей массой, сжигает так, чтобы они только тлели, то тем самым может причинить болезнь и даже смерть тому, чьи волосы, ногти или объедки пищи он сжигает. Как только кто узнает, что колдун продельвает над его вещами эту операцию, приходит в ужас и шлет друзей задобрить колдуна подарками, лишь бы только последний перестал жечь его «оним» или «нахах». «Я часто видел, — говорит Н. Н. Миклухо-Маклай о туземцах берега своего имени, — как опасались они оставлять свои объедки, где свиньи и собаки не подбирали их, как такие объедки бережно собирали, завертывали и зарывали где-нибудь в стороне или же с навязанным камнем бросали в море, чтобы они не могли послужить «онимом», сжигание которого дурными людьми могло бы причинить болезнь и смерть». Туземные спутники иногда отказывались оставаться на ночь с Н. Н. Миклухо-Маклаем в чужой им деревне, чтобы во время сна не отрезали у них с головы несколько волос и не добыли бы таким образом против них «онима». Полная беззаботность нашего натуралиста относительно своей шевелюры, пучки волос которой он раздавал для приобретения в обмен образцов волос туземцев; шелухи банан, которые он бросал в сторону, не заботясь об их участи; различные яства, которые он оставлял недоеденными и притом в деревнях почти незнакомых, — все это казалось туземцам крайне необычным, непонятным и еще более укрепляло их убеждение в происхождении Н. Н. Миклухо-Маклая с Луны».

⁵⁸ «Пет. лист.»: «И эта тонкая нитка охраняла имущество (...) лучше всякого английского замка».

⁵⁹ В аналогичном рассказе из дневника (апрель 1877 г.) дерево названо: *Calophyllum inophyllum*.

⁶⁰ Миклухо-Маклай говорит здесь о спиритизме в самом широком понимании этого термина. Деятельность медиума-прорицателя, о которой рассказал миссионер, вероятно, можно охарактеризовать как раннюю форму шаманизма.

⁶¹ Медицинскими обследованиями, проведенными на Новой Гвинее в середине XX в., выявлено, что в группах, мало затронутых воздействием западной цивилизации, состояние здоровья населения было в общем очень хорошим, несмотря на недостаточное питание. Вследствие малого потребления жиров уровень холестерина в крови был низким, ожирение не отмечалось, артериальное давление с возрастом не увеличивалось и сердечно-сосудистые заболевания почти отсутствовали. Правда, в горных группах, где пища состояла почти целиком из батата, довольно часто наблюдались симптомы белкового голодания (*Macpherson R. K. Physiological Adaptation, Fitness and Nutrition in the Peoples of the Australian and New Guinean Regions // Biology of Human Adaptability. Oxford, 1967. P. 431—468*).

⁶² По мнению современных эпидемиологов, малярия на Новой Гвинее являлась одним из главных регуляторов численности населения, особенно в прибрежных районах. До начала контактов с европейцами она была здесь основным инфекционным заболеванием (*Riley I. D. Population Change and Distribution in Papua New Guinea: an Epidemiological Approach // Journal of Human Evolution. 1983. V. 12. N 1. P. 125—132*).

⁶³ Как известно, оспа и корь — болезни с высокой заразительностью, распространяющиеся только от человека к человеку и дающие стойкий постинфекционный иммунитет. Естественной защитой от эпидемий таких заболеваний служит раздробленность населения на маленькие изолированные группы. Инфекция при этом не распространяется взрывообразно, а ползет, «подобно змее», от деревни к деревне и затем исчезает, оставляя некоторые пункты незатронутыми. На Новой Гвинее до середины XX в. сохранились поселки, в которых корь не побывала (*Adels B. R., Gajdusek D. C. Survey of Measles Patterns in New Guinea, Micronesia and Australia // American Journal of Hygiene. 1963. V. 77. N 3. P. 317—343*). Такая структура населения несомненно позволила аборигенам этого острова избежать катастрофических последствий контакта с европейцами. Вместе с тем благодаря отсутствию приобретенного иммунитета изолированные популяции находятся под постоянной угрозой эпидемии. На более маленьких островах, где население не разделено на изолированные группы, ситуация была иной, чем на Новой Гвинее. В частности, на Фиджи эпидемия кори 1874 г. унесла около 40 тыс. жизней, но зато следующая эпидемия прошла без серьезных последствий.

⁶⁴ Имеется в виду книга: *Erskine J. E. Journal of a Cruise among the Islands of the Western Pacific. London, 1853*. О Дж. Эрскине см. прим. 2 к тексту «Заметка о „кеу“ Берега Маклая на Новой Гвинее» в наст. томе.

⁶⁵ «Пет. лист»: «Одного такого больного туземца, человека атлетического сложения, плохо зарыли, он поднял наваленную на него землю и вышел; его поймали и вторично зарыли — но опять неудачно; тогда, скрутив несчастного по рукам и ногам, привязали его к толстому дереву в лесу и оставили его там умирать. Это факт».

⁶⁶ «Пет. лист.»: «Детей умерших завертывают в кокосовые листья и затем при-
вязывают к одному из стропил хижины».

⁶⁷ О седьмой лекции см. комм. к следующему тексту.

Антропология и этнология меланезийцев

Печатается по: «Нов. и бирж. газ.» 1886. № 344. 14(26) декабря.

Отсюда: СС. Т. 3. Ч. 1. С. 464—474, с мелкими поправками.

Статья несомненно представляет собою изложение (скорее всего — правленную стенограмму) 7-й, заключительной лекции (см. о лекциях 1886 г. выше). Об этом свидетельствуют как отсылки в тексте к предыдущим лекциям, заключительный абзац статьи, содержащий благодарность за помощь в организации лекций, так и совпадение содержания статьи с изложением 7-й лекции в газетах («Пет. лист.», 12.XII; «Нов. и бирж. газ.», 12.XII; «Нов. вр.», 13.XII). Заключительная лекция состоялась 11 декабря, слушателей, как отмечалось в отчетах, было мало.

Согласно программе, объявленной в газетах, предметом последней лекции «послужат: исторический очерк распространения рас в Тихом океане; вероятная будущность туземных рас; распространение белой расы; борьба рас» («Пет. лист.», 9.XII). Миклухо-Маклай, однако, не успел закончить 6-ю лекцию и лекцию 7-ю продолжил рассказом о похоронных обычаях и разделом «Способности и характер меланезийцев». Кроме того, сверх объявленной программы он подробно остановился на вопросе об организации русской колонии в Тихом океане.

Примечания 1, 3, 10, 17 подготовлены Б. Н. Путиловым, примечание 6 — А. Г. Козинцевым, примечание 2 — В. И. Беликовым, все остальные — Д. Д. Тумаркиным. Введение к примечаниям написано Б. Н. Путиловым.

¹ Ср. программу, объявленную в день 7-й лекции в «Нов. вр.»: «Памятники по усопшим; способности и характер меланезийцев; расы Тихого океана по переселении меланезийцев; влияние белых; захват островов Тихого океана европейскими державами; акклиматизация под тропиками; вероятная будущность туземцев» (11 дек. 1886 г.).

² Во многих языках Соломоновых островов распространены слова *tamane/tamante* 'земля, участок земли' и *tumbuna/tambuna* 'предок, дух предка'; *tamane tumbuna* (и фонетически близкие словосочетания) означают 'кладбище'.

³ О выставке этнологической коллекции Миклухо-Маклая в Академии наук см. подробно в т. 6 наст. изд.

⁴ Жозеф Артюр де Гобино (1816—1882) — французский дипломат, писатель и публицист, один из основателей расово-антропологической школы в социологии, автор печально знаменитой книги «Опыт о неравенстве человеческих рас» — сво-

его рода «евангелия» расистов. См.: *Gobineau T. A. de. Essai sur l'inégalité des races humaines*. Paris, 1853.

⁵ Эти высказывания Миклухо-Маклая отражают его неприятие взглядов современных ему ученых-расистов. Миклухо-Маклай отмечает доброжелательность; трудолюбие и смысленность островитян, подчеркивает, что они легко перенимают новое.

⁶ Н. Н. Миклухо-Маклай прав, отмечая значительно бóльшую древность меланезийской и австралийской рас по сравнению с полинезийской. Особенности архаизм присущ антропологическому типу и культуре аборигенов Австралии, предки которых пришли на этот континент (составлявший тогда одно целое с Новой Гвинеей) из Юго-Восточной Азии более 40 тыс. лет назад и существовали с тех пор в условиях полной изоляции, нарушенной лишь в последние столетия. Вторая крупная миграция из Юго-Восточной Азии привела к заселению Новой Гвинеи и близлежащих островов Меланезии предками папуасов 10—15 тыс. лет назад. Антропологический тип папуасов не столь архаичен, как австралийский; их культура достигла более высокого уровня. Наконец, Полинезия начала заселяться менее 3,5 тыс. лет назад. Соответственно и по антропологическому типу, и по культуре полинезийцы представляют собой самую «молодую» группу населения Океании.

⁷ Основные гипотезы о происхождении полинезийцев (из Юго-Восточной Азии, из Америки и автохтонная) были выдвинуты еще в конце XVIII — начале XIX в., но первую попытку «нарисовать довольно полную картину переселения и распространения полинезийцев» действительно предпринял американский ученый Хорейшо Хейл (1817—1896), считавший их прародиной Малайский архипелаг. Филолог по образованию, Хейл опирался прежде всего на лингвистические данные, но использовал также генеалогии, этнографические материалы и доступную ему информацию о ветрах и течениях. См.: *Hale H. Ethnography and Philology // United States Exploring Expedition. Vol. 6. Philadelphia, 1846.*

⁸ Французский ученый Жан Луи Арман де Катрфаж (1809—1901) воспринял и развил основные положения концепции Х. Хейла, хотя и несколько иначе интерпретировал полинезийские генеалогии. Катрфаж уделил особое внимание опровержению гипотезы об автохтонном происхождении полинезийцев, поддержанной учеными-полигенистами, которые рассматривали расы человека как различные виды, имеющие самостоятельное происхождение.

⁹ Имеется в виду: *Grey G. Poems, Traditions and Chants of the Maoris*. Wellington, 1853. О Дж. Грее см. прим. 17 к «Программе предполагаемых исследований» в наст. томе.

¹⁰ Гавайка — легендарная «священная» земля, согласно мифам ранее всего освоенная и ставшая базовой территорией для расселения предков полинезийцев по Океании.

¹¹ Взгляды Катрфажа на происхождение полинезийцев и историю заселения Полинезии во многом устарели. Обзор современных научных представлений по этой проблеме см.: *Тумаркин Д. Д. Тур Хейердал и проблема заселения Полинезии // Австралия и Океания (история и современность)*. М., 1970; *Беллуд П. Покорение человеком Тихого океана: Юго-Восточная Азия и Океания в доисторическую эпоху*. М., 1986.

¹² Этот перечень географических открытий в Океании не полон и содержит неточности. Испанский мореплаватель А. Менданья открыл Маркизские острова в 1595 г. Его соотечественник П. Ф. Кирос обнаружил в 1606 г. острова Туамоту и Новые Гебриды, а честь открытия Таити (1767 г.) принадлежит английскому капитану С. Уоллису. Архипелаг Самоа открыт в 1722 г. голландским моряком Я. Роггеном. Мангайский архипелаг — устаревшее название островов Кука. Небольшой о. Мангаиа и еще два острова в южной группе островов Кука открыты английским мореплавателем Дж. Куком в 1777 г. Сандвичевы острова — устаревшее название Гавайских островов.

¹³ Важную роль в переменах, происходивших в XIX в. на островах Океании, сыграли европейские и американские миссионеры. Миклухо-Маклай отрицательно относился к их деятельности, считая, что они расчищают путь для торговцев, плантаторов и прочих колонизаторов. См. в наст. изд. т. 2, с. 239—241, 455—456.

¹⁴ Тутуила и Уполу — острова в архипелаге Самоа. Тонга-Табу (Тонгатапу) — самый крупный остров в архипелаге Тонга. Джулиус Люшес Бренчли (1816—1873) — английский путешественник, побывавший во многих регионах мира. Острова Океании он посетил не в 1869, а в 1865 г. См.: *Brenchley T. L. Jottings during the Cruise of H.M.S. Curacao among the South Sea Islands in 1865.* London, 1873.

¹⁵ Имеется в виду выступление Миклухо-Маклая в большом конференц-зале Академии наук, опубликованное в «Пет. лист.» 9(21) окт. 1886 г. Текст выступления см. в т. 5 наст. изд.

¹⁶ О попытках Миклухо-Маклая создать русскую вольную колонию на одном из островов Тихого океана см. в т. 5 наст. изд.

¹⁷ Часть лекции, посвященная организации русского поселения в Тихом океане, была полностью воспроизведена в «Нов. вр.» 13 дек. 1886 г.

¹⁸ Миклухо-Маклай здесь, по-видимому, отдал определенную дань распространенным в науке того времени (включая работы его йенского учителя Э. Геккеля) представлениям о том, что «цветные расы» в борьбе за существование с «белой» расой неизбежно сойдут со сцены. Эти несостоятельные в теоретическом отношении воззрения, получившие впоследствии название «социального дарвинизма», оказались опровергнуты дальнейшим ходом истории человечества, в том числе народов Океании. Следует учитывать, что Миклухо-Маклай отнюдь не был уверен в истинности указанных представлений. Так, в 1877 г. он писал: «Возражения вроде того, что темные расы, как низшие и слабые, должны исчезнуть, дать место белой разновидности *Species Homo*, высшей и более сильной, мне кажется, требуют еще многих и многих доказательств (...) Дойдя при помощи беспристрастного наблюдения до противного положения, что части света с их различными условиями жизни не могут быть заселены одною разновидностью *Species Homo* (...) что поэтому существование многих рас совершенно согласно с законами природы, придется признать за представителями этих рас права людей, согласиться, что истребление темных рас не что иное, как применение грубой силы, и что каждый честный человек должен осудить или, если может, восстать против злоупотреблений ею» (т. 2 наст. изд., с. 240). Занимая эти гуманистические позиции, Миклухо-Маклай как ученый и общественный деятель на протяжении многих лет активно выступал в защиту

человеческих прав народов Тихого океана, против их угнетения европейскими и американскими колонизаторами. См. об этом в т. 5 наст. изд.

¹⁹ О проблеме «акклиматизации белых под тропиками» см. прим. 5 к дневнику «Бейтензорг — Амбоина, 1873» в т. 1 и прим. 22 к очерку «Один день в пути» в т. 2 наст. изд.

²⁰ Владимир Иванович Лихачев (1837—1906) — судебный и общественный деятель умеренно-либерального направления, петербургский городской голова в 1885—1892 гг. Андрей Александрович Краевский (1810—1889) — журналист и общественный деятель умеренно-либерального направления, многолетний издатель журнала «Отечественные записки» и газеты «Голос», печатавшей письма Миклухо-Маклая и уделявшей значительное внимание его путешествиям. В 1879—1889 гг. Краевский был председателем комитета по народному образованию Петербургской городской думы. Он содействовал проведению лекций Миклухо-Маклая в помещении думы. См. письма Миклухо-Маклая Краевскому от 3 и 6 ноября 1886 г. в т. 5 наст. изд.

〈Гончарство на Новых Гебридах, Новой Гвинее и островах Адмиралтейства〉

Печатается по: Verhl. BGAEU. 1882. Bd. 14. S. 576—577.

Текст представляет собой выступление по докладу О. Финша «Гончарство на Новой Гвинее» (Ibid. S. 574—575) на заседании Берлинского общества антропологии, этнологии и первобытной истории 16 декабря 1882 г., опубликован в его протоколах за этот день.

Впервые в переводе на русский язык: СС. Т. 4. С. 424—425, с отдельными неточностями.

Примечания подготовлены Д. Д. Тумаркиным.

¹ Очевидно, имеется в виду Австралийский музей в Сиднее. В этом старейшем музее пятого континента, основанном в 1827 г., широко представлены фауна и флора Австралии, хранятся богатые этнографические коллекции по Австралии и Океании.

² О пожаре в здании международной выставки в Сиднее см. прим. 3 к сообщению «Полное впадение sulcus Rolandi в fissura Sylvii в мозгу некоторых австралийских аборигенов» в т. 4 наст. изд.

³ На современных картах — о. Манус.

⁴ См. рис. на с. 267 т. 2 наст. изд.

Приложения

〈Новая Гвинея и папуасы〉

Печатается по: Reception de M. de Miklouho-Maclay: La Nouvelle-Guinée et les Papous // Société Historique et Circle Saint-Simon. Bulletin, 1-ère année. Paris, 1883. P. 112—117. Текст представляет собой изложение рассказа Миклухо-Маклая о его исследованиях на Новой Гвинее во время приема, устроенного в его честь Парижским историческим обществом 28 декабря 1882 г.

Возвращаясь через Западную Европу из России в Австралию, Миклухо-Маклай в декабре 1882 г. остановился на несколько дней в Париже. Здесь он навестил И. С. Тургенева (см. т. 5 наст. изд.), встречался с семейством Моно. Известный французский историк и публицист Габриэль Моно (1844—1912) был женат на одной из дочерей А. И. Герцена. Друг Миклухо-Маклая А. А. Мецкерский был близко знаком с другой дочерью Герцена, Натальей Александровной, и, вероятно, через нее Миклухо-Маклай познакомился с семейством Моно.

Г. Моно был президентом Парижского исторического общества, при котором в мае 1882 г. был основан клуб, названный «Кружком Сен-Симона». Клуб, занимавший особняк в одном из аристократических кварталов французской столицы (на углу бульвара Сен-Жермен и улицы Сен-Симона), сразу стал важным центром интеллектуальной жизни Парижа. Здесь в непринужденной обстановке собиралась элита — известные политики, ученые, деятели литературы и искусства. Сюда приглашали для выступлений местных и приезжих знаменитостей.

Весьма почетное приглашение посетить «Кружок Сен-Симона» и выступить там с рассказом о папуасах Новой Гвинеи Миклухо-Маклай получил, по-видимому, от Г. Моно. Последний председательствовал на этом торжественном приеме и в своем вступительном слове (Ibid. P. 103—112) ознакомил присутствующих с русским ученым и его путешествиями, причем зачитал обширные выдержки из своей статьи о Миклухо-Маклае (*Monod G. La Nouvelle-Guinée. Les voyages de M. de Miklouho-Maclay // La Nouvelle Revue. 1882. T. 19. N 2. P. 323—347*).

Текст, впервые публикуемый на русском языке, перевел А. А. Анфертьев. Введение к примечаниям и сами примечания написаны Д. Д. Тумаркиным.

¹ На Берегу Маклая наблюдалась одна из ранних стадий отделения ремесла от земледелия. Большинство предметов материальной культуры изготовляли для самих себя практически все взрослые жители: мужчины — оружие, орудия труда, бамбуковые сосуды, верши и т. д.; женщины — корзины, сумки, циновки, украшения из раковин и т. п. Вместе с тем имелись специалисты по выделке некоторых

предметов (например, деревянных барабанов) или по выполнению отдельных сложных трудовых операций (например, наращиванию бортов лодок длинными узкими дощечками или жердями, «пришиваемыми» к корпусу гибкими лианами). Для этих умельцев ремесло еще не превратилось в профессию. Они занимались им от случая к случаю, уделяя, как и их односельчане, основное внимание земледелию и рыболовству.

² На Берегу Маклая гончарные изделия изготавливались женщинами не одного, а двух островов — Били-Били и Ябоб — и обычно украшались несложным орнаментом. См. текст «Гончарство на Новых Гебридах, Новой Гвинее и островах Адмиралтейства» в наст. томе.

³ Об иерархии прав на землю в Бонгу и окрестных деревнях см. прим. 104 к «Первому пребыванию» в т. 1 наст. изд.

⁴ Утверждение о том, что на Берегу Маклая «свиньи, собаки и куры имеются в изобилии», неточно. См. раздел «Пища папуасов» в «Этнол. заметках» в наст. томе. Эта и другие неточности, очевидно, объясняются тем, что данный текст представляет собой изложение выступления, не авторизованное Миклухо-Маклаем.

⁵ Определенная сезонность в зачатии и соответственно в рождении детей была связана с годовым хозяйственным циклом. В «Антропологических заметках о папуасах Берега Маклая» Миклухо-Маклай отмечал, что «зачатие происходит по преимуществу в известное время года, именно — в декабре и январе, когда здешние папуасы наименее заняты полевыми работами {...}» (наст. том, с. 27).

⁶ Людоедство на Берегу Маклая практиковалось лишь в некоторых местностях. См. заметку «О людоедстве на Берегу Маклая» в «Заметках по этнологии Берега Маклая» в наст. томе.

⁷ Публикация изложения выступления Миклухо-Маклая завершается абзацем, написанным, очевидно, Г. Моно: «Сообщив еще множество интересных подробностей и ответив на обращенные к нему вопросы членов кружка, г. де Маклай удалился в 11^{1/2} час., произведя на всех, кто его слушал, глубокое впечатление. В нем восхищаешься не только его редкостным бесстрашием и предельной скромностью, но и его обширным и ясным умом, подлинно научным духом, с которым он ведет свои наблюдения, а также точностью, скрупулезной достоверностью, отпечаток которых лежит на всех его речах».

Список сокращений

Архивы. Научные учреждения

АГИМ — Архив Государственного исторического музея. Москва
АГО — Архив Русского Географического общества. Москва
АИЭ (М) — Архив Института этнологии и антропологии РАН. Москва
АИЭ (П) — Архив Института этнологии и антропологии РАН. С.-Петербург
ВГБИЛ — Всероссийская Гос. библиотека иностранной литературы. Москва
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. С.-Петербург
ПО ААН — С.-Петербургское отделение Архива РАН
РГО — Русское географическое общество. С.-Петербург

Типы рукописей Н. Н. Миклухо-Маклая

ЗК — записная книжка
РАД — рукописное авторское добавление
РПТ — рукопись первого тома
ч. р. — черновая рукопись

Издания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая

1923 — *Миклухо-Маклай Н. Н.* Путешествия. Т. 1. Путешествия в Новой Гвинее в 1871, 1872, 1874, 1876, 1877, 1880, 1883 гг. Со вступит. статьей Д. Н. Анучина. М., 1923.
1940, 1941 — *Миклухо-Маклай Н. Н.* Путешествия. Т. 1—2. / Подготовили к печати И. Н. Винников и А. Б. Пиотровский. М.; Л., 1940—1941.
СС. Т. — *Миклухо-Маклай Н. Н.* Собрание сочинений в пяти томах. М.; Л. Т. 1. Дневники путешествий (1870—1872). 1950.; Т. 2. Дневники путешествий (1873—1887). 1950; Т. 3. Ч. 1. Статьи по антропологии и этнографии. 1951; Т. 3. Ч. 2. Статьи по зоологии, географии и метеорологии. 1952; Т. 4. Переписка и другие материалы. 1953; Т. 5. Рисунки и этнографические коллекции. 1954.

Отдельные произведения Н. Н. Миклухо-Маклая

- Первое пребывание — Первое пребывание на Берегу Маклая в Новой Гвинее
 Этнол. заметки — Этнологические заметки о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее
 Чтения — Чтения Н. Н. Миклухо-Маклая в Географическом обществе в 1882 г.

Различные печатные и рукописные источники

- Изв. ГГО — Известия Государственного географического общества (журнал). Ленинград
 Изв. РГО — Известия имп. Русского географического общества (журнал). С.-Петербург
 Кр. вестн. — Кронштадтский вестник (газета). Кронштадт
 На Берегу Маклая — На Берегу Маклая: этнографические очерки. М., 1975
 Нов. вр. — Новое время (газета). С.-Петербург
 Нов. и бирж. газ. — Новости и биржевая газета. С.-Петербург
 Пет. лист. — Петербургский листок (газета). С.-Петербург
 Сб. МАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии. С.-Петербург
 СЭ — Советская этнография (журнал). Москва
 NTNI — *Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch-Indië*. Batavia
 Petermann's Mittheilungen — Mittheilungen aus Justus Perthes' Geographischer Anstalt über wichtige neue Erforschungen auf dem Gesamtgebiete der Geographie / Von Dr. A. Petermann. Gotha
 Proc. LSNSW — The Proceedings of the Linnean Society of New South Wales. Sydney
 Verh. BGAEU — Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. Приложение к журналу: Zeitschrift für Ethnologie. Berlin
 ZE — Zeitschrift für Ethnologie. Berlin

Содержание

НОВАЯ ГВИНЕЯ

Почему я выбрал Новую Гвинею полем моих исследований	7
--	---

Берег Маклая

Антропологические заметки о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее	12
Череп и носы туземцев Новой Гвинее	32
Брахицефалия папуасов Новой Гвинее	34
О брахицефалии у папуасов Новой Гвинее	35
Этнологические заметки о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее . . .	37
Следы искусства у папуасов Берега Маклая на Новой Гвинее (1871—1872 гг.)	94
Об употреблении напитка «кеу» папуасами в Новой Гвинее	99
Список растений, используемых туземцами Берега Маклая на Новой Гвинее	102
Заметка о «кеу» Берега Маклая на Новой Гвинее	109
Еще о некоторых этнологически важных обычаях папуасов Берега Маклая в Новой Гвинее	116
Деревни папуасов береговых в заливе Астролябии	118
〈Заметки по этнологии Берега Маклая〉	123
Словарь наречий папуасов Берега Маклая в заливе. Астролаб в Новой Гвинее	133
〈Наречия папуасов Берега Маклая〉	138
Диалект бонгу на Берегу Маклая в Новой Гвинее 〈Фразеология〉	141
Папуасские диалекты Берега Маклая на Новой Гвинее	144
Числительные в диалектах Берега Маклая	157
Список некоторых слов и образцов речи, собранных на Берегу Маклая в 1876—1877 гг.	158
Несколько слов диалекта рай	164
Поправки к странице 459 части XX	164

Папуа-Ковиай

Моя вторая экскурсия в Новую Гвинею (1874 г.)	166
Научные результаты экспедиции на Берег Папуа-Ковиай	187
Список некоторых слов диалектов папуасов Берега Папуа-Ковиай на Новой Гвинее	191

Южный берег Новой Гвинеи и острова Торрессова пролива

Несколько слов о так называемой «желтой расе» на юго-востоке Новой Гвинеи.	200
Деформирование черепа у новорожденных детей на острове Мабиак и других островах Торрессова пролива и у женщин юго-восточного полуострова Новой Гвинеи.	201

МИКРОНЕЗИЯ И МЕЛАНЕЗИЯ

Антропологические заметки, собранные во время путешествия в Западную Микронезию и Северную Меланезию в 1876 г.	205
〈Остров Вуап, или Яп〉.	229
Архипелаг Пелау.	245
Антропологические заметки о туземцах островов Адмиралтейства.	283
Антропологические заметки о туземцах группы Агомес.	292
Несколько сведений об островах Агомес, узанных от тредора Шоу, прежде жившего на этой группе.	296
Несколько слов о ловле трепанга на островах западной части Тихого океана близ экватора.	299
О большезубых меланезийцах.	306
О макродонтизме.	309
Вторая заметка о «макродонтизме» меланезийцев.	310
〈Диалекты островков Андра и Сорри〉.	315
〈Словник языков яп и палау〉.	316

РАЗНОЕ

Программа предполагаемых исследований во время путешествия на острова и побережья Тихого океана.	317
〈Конспекты лекций в Петербурге в ноябре—декабре 1886 г.〉.	332
Антропология и этнология меланезийцев.	362
〈Гончарство на Новых Гебридах, Новой Гвинее и островах Адмиралтейства〉.	370

Приложения

〈Новая Гвинея и папуасы〉.	374
--------------------------------	-----

Комментарии

Новая Гвинея.	379
Микронезия и Меланезия.	414
Разное.	437
Приложения.	458
Список сокращений.	460

Научное издание

Николай Николаевич
Миклухо-Маклай

Собрание сочинений в 6 томах
Второе издание

Исправленное и дополненное

Том 3

*Издано в рамках программной деятельности
ООГО «Российский фонд культуры» совместно
с Фондом сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая*

*Утверждено к печати
Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук*

Печатается по изданию: *Миклухо-Маклай Н. Н.*
Собрание сочинений: В 6 т. — Т. 3. — М.: Наука, 1993. — 416 с.
ISBN 5-02-010061-7

Подписано к печати 15.12.2020 г. Формат 60×90 1/16. Гарнитура KіsC BT.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 29. Уч.-изд. л. 32.7

Тираж 500 экз. Тип. зак. № 1649

Отпечатано по заказу Фонда им. Миклухо-Маклая

Адрес для корреспонденции: 199178, Россия, Санкт-Петербург,
Малый пр-т Васильевского острова, д. 58, лит. А, пом. 17-Н

info@mikluho-maclay.ru

Тел. +7(911)908-89-44

www.mikluho-maclay.ru

Отпечатано в типографии «Премииум-Пресс»

193374, Россия, Санкт-Петербург, ул. Оптиков, д. 4

ISBN 978-5-4211-0262-5

9 785421 102625